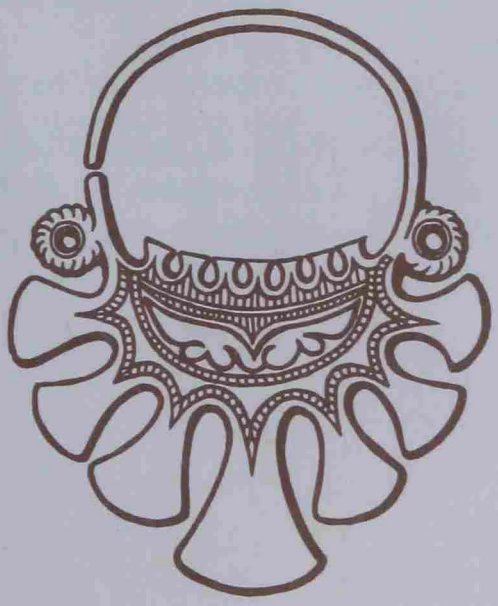
ISSN 0869-6063

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ



1998 2

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Р. М. Мунчаев (председатель),

Т. И. Алексеева, А. П. Деревянко, Н. Я. Мерперт,
М. Г. Мошкова, Б. А. Рыбаков, В. В. Седов,
А. А. Формозов, А. И. Шкурко, В. Л. Янин

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

В. И. Гуляев (главный редактор),

Х. А. Амирханов, Л. А. Беляев (зам. главного редактора),
А. Н. Гей, И. С. Каменецкий, Г. А. Кошеленко,
Н. А. Макаров, В. С. Ольховский (ответственный секретарь),
Е. Н. Черных

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ
МОСКВА

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

1998 2

Журнал основан в январе 1957 г.

Выходит 4 раза в год

СОДЕРЖАНИЕ

Макарова Т.И. К 90-летию академика Бориса Александровича Рыбакова 3
Энговатова А.В., Жилин М.Г., Спиридонова Е.А. Хронология верхневолжской раннеолитической культуры (по материалам многослойных памятников Волго-Окского междуречья) 11
Медведев А.П. К вопросу о происхождении среднедонской культуры скифского времени (по материалам городищ) 22
Лихтер Ю.А. Стекло черняховской культуры 41
Седов В.В. Белорусское Подвинье и Смоленское Поднепровье в период великого переселения народов 54
Кызласов И.Л. Материалы к ранней истории тюрков. III. Древнейшие свидетельства о письменности 68
Флёрова В.Е. Орнаментированные костяные изделия Саркела – Белой Вежи: проблема специализации ремесла 86
Алексеев Л.В. "Менские дреговичи" и полоцкие князья 100
Колызин А.М. Игрушки и игры XII–XVII вв. (по данным археологических исследований Московского Кремля) 113

Публикации

Джумабекова Г.С. Бронзовая курильница из Семиречья 123
Соловьев С.Л., Бутягин А.М. Землянки на хоре Нимфея 138
Канаш А.Д., Пугаченкова Г.А. Унгурликанский клад 149

Заметки

Уткин А.В., Костылева Е.Л. К вопросу о культурной принадлежности погребений на стоянке Берендеево I 160

© Российская академия наук
Институт археологии, 1998 г.

Итина М.А. Комплекс с янтарными бусами из Приаралья 164
Сыроватко А.С. Зооморфная фигурка с Протопоповского городища 169
Абрамзон М.Г. Из истории римско-фракийских отношений (по данным нумизматики) 170
Беглова Е.А., Эрлих В.Р. Деталь римского меча из могильника у станицы Тенгинской 173
Коваль В.Ю. Предметы восточного импорта из Ростиславля Рязанского 177

История науки

Щавелев С.П. Становление археологического интереса в России XVII века (ранние находки древностей в районе Курска в отражении приказного делопроизводства).... 188
Максимов Е.К. Николай Константинович Арзютов 194
Захарук Ю.Н. Наука – ученый – научное сообщество 197
Патрик Сен-Рок. Современная христианская археология на Западе 202
Хрушкова Л.Г. О Международных конгрессах по христианской археологии 207

Критика и библиография

Шнирельман В.А. Наследие советской археологии. (Антология советской археологии. Т. 1–3. М., 1995–1996) 215
Горбунов В.С. *Пряхин А.Д.* Мосоловское поселение эпохи поздней бронзы. Кн. первая. Воронеж. 1993; Мосоловское поселение металлургов-литейщиков эпохи поздней бронзы. Кн. вторая. Воронеж, 1996 225
Пятых Г.Г. *Пряхин А.Д.* Мосоловское поселение эпохи поздней бронзы. Кн. первая. Воронеж, 1993; Мосоловское поселение металлургов-литейщиков эпохи поздней бронзы. Кн. вторая. Воронеж, 1996 229
Русанова И.П., Тимощук Б.А. Еще раз о славянском языческом центре на реке Збруч 234
Даркевич В.П. *Беляев Л.А.* Древние монастыри Москвы по данным археологии. М., 1994 243

Хроника

Дычек П., Раев Б.А. Международная конференция "Нове и римляне на Рейне, Дунае, в Причерноморье и за границами империи" 248
Беляев Л.А., Чернецов А.В. Первая Всероссийская конференция "Церковная археология" (Псков, 1995) 252

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY
MOSCOW

ROSSIYSKAYA ARKHEOLOGIYA

1998 2

Founded in 1957
Published quarterly

Editor-in-Chief
S. A. Pletneva

CONTENTS

Makarova T.I. Ninetieth anniversary of B.A. Rybakov 3
Engovatova A.V., Zhilin M.G., Spiridonova E.A. Chronology of the Upper Volga Early Neolithic Culture (Based on the Artifacts from Multi-layered Sites of the Volga-Oka Region)... 11
Medvedev A.P. The Origin of the Middle Don Culture of the Scythian Age (Based on the Artifacts Uncovered in the Hill-fort)..... 22
Likhter Y.A. Glassware of the Chernyakhovo Culture..... 41
Sedov V.V. Belorussian Dvina Region and the Smolensk Dnieper Region during the Period of the Great Migration of the Peoples..... 54
Kyzlasov I.L. Materials on the Early History of the Turkic People. III. The Earliest Evidence of Written Records..... 68
Flerova V.E. Ornamented Bone Goods of Sarkel: A Problem of Crafts Specialization..... 86
Alekseev L.V. "Menka Dregoviches" and Polotsk Princes..... 100
Kolyzin A.M. Toys and Games of the 12th-17th Centuries (Based on the Data of Archaeological Research of the Moscow Kremlin) 113

Publications

Dzhumambekova G.S. Bronze Censer from the Semirechye..... 123
Solovyev S.L., Butyagin A.M. Subterranean Houses in the Chorus Nimpheya..... 138
Kanash A.D., Pugachenkova G.A. Ungurlican Treasure..... 149

Notes

Utkin A.V., Kostyleva E.L. The Issue Related to the Cultural Belonging of Burials Located in Site Berendeevo I 160
Itina M.A. Amber Beads in the Aral Region..... 164
Syrovatko A.S. A Zoomorphic Figure from the Protopopovo Hill-fort..... 169
Abramzon M.G. From the History of the Roman and Frakian Relations..... 170
Beglova E.A., Erlikh V.P. A Part of a Roman Sword Found in the Burial Ground Near the Village Tenginskaya 173
Koval V.Y. Items of Oriental Import from Rostislavl of Ryazan 177

History of Science

Shchavelev S.P. Establishment of the Archaeological Interest in Russia of the 17th Century (Eary Finds of Articfacts in the region of Kursk reflected in clerical work) 188
Maksimov E.K. Nikolai Konstantinovich Arzyutov 194
Zakharuk Y.N. Science – Scientific Community – Scholar 197
Patrick Sen-Rock. Christian Archaeology in the West 202
Khrushkova L.G. On International Congresses on Christian Archaeology 207

Critique and Bibliography

Shnirelman V.A. Heritage of Soviet Archaeology 215
Gorbunov V.S. *Pryakhin A.D.* Mosolovo Settlement of the Late Bronze Age. Book 1. Voronezh, 1993. Mosolovo Settlement of Metallurgists-casters of the Late Bronze Age. Book 2. Voronezh, 1996 225
Pyatykh G.G. *Pryakhin A.D.* Mosolovo Settlement of the Late Bronze Age. Book 1. Voronezh, 1993. Mosolovo Settlement of metallurgists-casters of the Late Bronze Age. Book 2. Voronezh, 1996 229
Rusanova I.P., Timoshchuk B.A. Another Paper on the Slav Pagan Center on the River Zbruch .. 234
Darkevich V.P. *Belyaev L.A.* Ancient Monasteries of Moscow Using Archaeologic Data. Moscow, 1994 243

Chronicle

Dychek P., Raev B.A. International Conference "Nove and Romans on the Rhine, the Danube, in the Black Sea Maritime Zone and Outside the Empire Borders" 248
Belyaev L.A., Chernetsov A.V. The First All-Russian Conference "Church Archaeology" (Pskov, 1995) 252

К 90-ЛЕТИЮ АКАДЕМИКА БОРИСА АЛЕКСАНДРОВИЧА РЫБАКОВА

3 июня 1998 г. академику Борису Александровичу Рыбакову исполняется 90 лет. Он родился в Москве и прожил в этом городе всю жизнь. Его многочисленные книги издавались тоже в Москве, и москвичи были первыми их читателями. Посвящены они истории России, и читает их не узкий круг специалистов, а все, кто одарен любознательностью и любовью к Родине, кто хочет отыскать причины ее взлетов и падений в глубине столетий и в самом характере народа. Б.А. Рыбаков с детства и сам был таким читателем. Может быть здесь сказалась "профессиональная наследственность": отец его, Александр Степанович Рыбаков, был историком, автором книги о старообрядчестве, преподавал в Московском учительском институте и был его директором.

Поэтому интерес к древностям России пробудился в сознании будущего ученого еще в детстве. Именно тогда он услышал первые рассказы об истории России, а звучали они на том прекрасном русском языке, на котором говорили в интеллигентных московских семьях еще в начале нашего столетия. Этому не мешала часто звучавшая в доме иностранная речь. Немецкий язык был необходим деду, купцу I гильдии, в его деловой жизни, а мать, Клавдия Андреевна Блохина, училась в немецком пансионе. Русская речь в Петровском Лефортове исстари звучала полнокровно. Вероятно, поэтому любовь к истории соединилась в сознании будущего ученого с любовью к русскому языку, историк и художник слова формировались в нем одновременно, что и сделало его в будущем самым популярным и читаемым историком России.

В детстве проявилась еще одна грань его таланта: острая память на мир вещей. Мебель в старом дедовском флигеле он запомнил так точно, что много позже по его описанию знаток и реставратор мебели Исторического музея уверенно отнес ее к павловскому времени. От поездки в пятилетнем возрасте с отцом в Сергиев Посад в его памяти запечатлеется даже столб чугунной ограды, около которой он ждал отца. Больше полувека спустя он узнал ее. Зоркая память на предметы материального мира позже сделает из увлеченного историей юноши археолога. В годы юности его уже

© Т.И. Макарова, 1998 г.

будут привлекать сохранившиеся следы старины от пустующей башни в стене Китай-города до заброшенных усадеб и монастырей Москвы. Там родилась романтическая влюбленность в древности, что и стало доминантой всей жизни.

В 18 лет Борис Рыбаков – уже студент Историко-этнологического факультета Московского университета. История и археология одинаково увлекают его. Он слушает лекции выдающихся историков, профессоров С.В. Бахрушина, М.К. Любавского, П.Ф. Преображенского, курсы лекций по древнерусской археологии, читавшиеся аспирантом А.В. Арциховским, и по древнерусской палеографии в живом изложении профессора А.С. Орлова. Археологическую практику студент Рыбаков проходит у крупнейшего археолога московской школы В.А. Городцова, древности славянских племен изучает под руководством А.В. Арциховского и ученика В.О. Ключевского Ю.В. Готье. Их он считает своими учителями.

Студенческие годы стали для Бориса Александровича началом научной работы. В 1928 г. вышла его первая статья о вятических курганах на Оке. Многие сюжеты, захватившие его еще в стенах университета, позже превратятся в статьи и книги. Самое же главное состоит в том, что со студенческих лет предельная насыщенность трудом станет нормой его жизни. В 1930 г. Б.А. Рыбаков оканчивает университет, в 1931 г. становится сотрудником отдела раннего феодализма Государственного Исторического Музея. Десять лет работы в главном хранилище материальных богатств прошлого России были временем накопления знаний о всех сторонах ее исторической жизни. Реальным свидетельством этого стала целая серия (около 40) собственноручно вычерченных исторических карт от IX до XVI вв. Они экспонировались в залах музея, издавались в Большой советской энциклопедии, в школьных учебниках и пособиях. Увлечение исторической географией открыло ученому совершенно новые пути исследования археологических древностей. Их картографирование позволило ему установить ареалы изделий из одной мастерской, определить характер сбыта произведений городского ремесла.

Археологический материал давал громадные возможности для изучения истории ремесла. В 1930-е годы это еще нужно было доказывать. Даже такой крупный историк, как С.В. Бахрушин, не верил, что вещи, найденные археологами, могут рассказать о хозяйственной жизни Руси больше, чем письменные свидетельства. Вывод Н.А. Аристова о появлении собственных производств на Руси не ранее XV в., высказанный 100 лет назад, еще не был опровергнут. Между тем накопленные археологией богатства зримо призывали к этому. Этой задаче и были посвящены 10 лет работы в ГИМе. Духовным стимулом ее было глубокое убеждение молодого ученого в непреходящей ценности исторического наследия Древней Руси для современности.

Надо помнить, что 1930-е годы были тяжелым временем для исторической науки. В 1929 г. был обвинен в "великодержавном шовинизме" и уволен со всех своих должностей классик русской археологии А.А. Спицын; подвергся резкой критике как "буржуазный типологист и формалист" другой классик – В.А. Городцов; репрессирован Ю.В. Готье. Труды наследников русской исторической школы блистательного во всех отношениях XIX в. объявлялись "идеологической диверсией". Увлечение историей своего народа становилось небезопасным: наградой мог оказаться ярлык шовиниста и националиста. Много позже, прожив долгую жизнь, академик Б.А. Рыбаков скажет: "Историк должен иметь гражданское мужество". А в 1930-е годы научный сотрудник ГИМ просто станет продолжателем тех идей, которые отстаивали его знаменитые предшественники и учителя. В серии работ о летописных племенах-радимичах, северянах, полянах, уличах – он будет продолжателем А.А. Спицына, считавшего археологию полноправным свидетелем их истории. В исследованиях прикладного искусства Руси, его символики, орнаментации, стиля он разовьет многие идеи основоположника науки о русской орнаменталистике Ф.И. Буслаева. В смелых опытах воссоздания истории Восточной Европы до возникновения русской государственности он пойдет за своим учителем Ю.В. Готье. Но это будет позже. А к концу 1930-х годов выходящие

работы Б.А. Рыбакова связаны в основном с ремеслом, и уже к началу трагических 1940-х почти готова рукопись о ремесле Древней Руси. Она будет защищена в 1942 г. в качестве докторской диссертации, и ее патриотический пафос будет не менее важен, чем научные выводы.

Монография "Ремесло Древней Руси" вышла в свет только в 1948 г. и сразу стала фундаментом и программой для нескольких поколений археологов, историков, искусствоведов. Все исследования разных отраслей русского ремесла, проводившиеся во второй половине нашего столетия, вышли из нее. Внушительный том "Ремесла" стал уже антикварным, но новой монографии такого хронологического охвата о древнерусском ремесле пока не предвидится. Это понятно: в наше время узкого профессионализма быть энциклопедистом трудно. Цельностью ви́дения эпохи обладают редкие историки. Это качество присуще Б.А. Рыбакову в полной мере. Уже в первом большом исследовании о ремесле за пределами внимания ученого не остались и вопросы его социальной организации, и искусство каждого дня, точно названное современниками "узорочьем". О народном, орнаментальном искусстве Древней Руси Борис Александрович написал множество замечательно интересных работ. Они печатались в академических изданиях ("История культуры Древней Руси" Т. 2. М.; Л., 1951; "История русского искусства", М., 1953), в отдельных статьях и книгах на протяжении нескольких десятилетий.

Тема расширялась и углублялась. Разгадка тайнописи, зашифрованной в орнаментации керамики, позволила Б.А. Рыбакову проникнуть в духовный мир земледельцев энеолита, восстановить календарь на черняховских сосудах. Исследование "глубины народной памяти" привело его к важному выводу о том, что "эволюция религиозных представлений шла путем наслаивания новых форм на старые". Постепенно создавалась история религии народов Восточной Европы до принятия христианства. Две книги об истории народной мысли о вечных тайнах природы, полные открытий, счастливых догадок и гипотез, появятся одна за другой ("Язычество древних славян", М., 1981 и "Язычество древней Руси". М., 1987). Они стали итогом размышлений и исследований ученого над сложнейшими проблемами мировоззрения наших предков, занимавшими его всю жизнь. Книги о язычестве уже переведены во Франции и Югославии. Ни одно из исследований по этой тематике, вышедшее за рубежом за последнее десятилетие, не обошлось без ссылок на Б.А. Рыбакова.

Интерес к язычеству, прошедший через всю жизнь исследователя, не заслонил другие интересы, в частности чисто археологические. За плечами Б.А. Рыбакова – десятилетия полевой работы археолога. Он вел раскопки во Вщиже, Чернигове, Переяславле Русском, Тмутаракани, Любече, Путивле, в подмосковных Звенигороде, Александрове. Все это города, в почве которых не сохраняется дерево. А значит, и нет счастливой особенности Новгорода и тех немногих городов, где деревянные мостовые дают безусловные критерии для стратиграфии, а само дерево – для дендрохронологических датировок. Там, где дерево не сохраняется, а каменные постройки редки, только умение "читать" культурный слой в профиле раскопа дает надежные реперы датировки. Все, кто работал с Борисом Александровичем в поле, могли научиться у него этому искусству. Из многих счастливых открытий, которые связаны с раскопками, самые значительные – остатки церкви 1186 г. в Чернигове, церкви 1023 г., построенной князем Мстиславом в Тмутаракани, детинца Владимира Мономаха в Любече. Археология в работах Б.А. Рыбакова всегда шла рука об руку с историей, трудоемкие археологические удачи дополнялись анализом летописных записей. В историю древнерусского города его историко-археологические исследования внесли много нового.

Во всех своих работах Б.А. Рыбаков прежде всего историк. С позиций историка исследует он материальную культуру, искусство, словесность. Они дают новое ви́дение для решения ключевых проблем истории Древней Руси, а в разработку каждой из них уникально разносторонний исследователь вносит свой вклад. Взгляды ученого на образование древнерусского государства и первые шаги его истории изложены в серии

интереснейших статей 1940–1950-х годов, в разделах "Истории СССР" (т. I, М., 1966), в увлекательно написанной книге "Древняя Русь. Сказания, былины, летописи" (М., 1964).

В этой книге Б.А. Рыбаков завершает спор, возникший более 100 лет назад между молодым тогда В.В. Стасовым и академиком Ф.И. Буслаевым. Первый считал русские былины пришедшими к нам с востока не ранее XIII в., второй опровергал это заблуждение, считая былины "твердо прикрепленными к русской земле и русской истории". Б.А. Рыбаков установил, что почти все былинные сюжеты укладываются в хронологические рамки русской истории с IX по первую треть XIII в. Параллельным анализом сюжетов былин и летописей он показал исторические корни былин и народную оценку изложенных в них событий.

С самими же летописями Б.А. Рыбаков продолжил ту аналитическую работу, которую проводил в начале нашего века крупнейший знаток летописного наследия России А.А. Шахматов. Исследованием летописания с тех пор занимались многие серьезные историки. У Бориса Александровича – свои методы и заслуги в этой области. Он развивает предложенную И.Е. Забелиным идею о древнейших летописных записях, содержащихся в составе свода XVI в. – Никоновской летописи. Он делает смелую попытку восстановления первоначального текста Повести временных лет, написанную первым известным по имени летописцем Руси Нестором. Тщательным текстологическим анализом ему удается выявить тенденциозные вставки в нее, сделанные позже летописцем Владимира Мономаха и его сына Мстислава.

В летописании XII–XIII вв. ученый увидел в манере изложения, в излюбленных оборотах речи и политических пристрастиях руку разных летописцев. В его книге "Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи" (М., 1963) впервые выступит из череды творцов русского летописания фигура единственного светского киевского летописца, боярина Петра Бориславича. Понадобится почти 30 лет, чтобы появилась первая гипотеза об авторе "Слова о полку Игореве", обоснованная фактами действительности XII столетия, анализом политической обстановки времени написания поэмы, тонкостями ее текстологического анализа и современных ей строк летописи.

Результатом громадной работы, проделанной Б.А. Рыбаковым за эти годы, стали три интереснейших книги: "Слово о полку Игореве и его современники" (М., 1971), «Русские летописи и автор "Слова"» (М., 1972), "Петр Бориславич" (М., 1991). На их страницах оживают современники "Слова", их портреты ярки, а характеры психологически убедительны. Русь XII столетия на страницах научной книги впервые предстает в столкновении ярких индивидуальностей с различными жизненными и политическими устремлениями. Но обвинить Бориса Александровича в поэтизации прошлого нельзя: героя из князя Игоря он не делает. Это понятно: историк Рыбаков "добру и злу внимает не равнодушно". В оценке прошлых событий ясно звучит его гражданская позиция убежденного государственника, близкая позиция истинного героя "Слова", князя Святослава Всеволодича, призывавшего к объединению князей и так и не услышанного современниками.

Пожалуй, мимо внимания Б.А. Рыбакова не прошла ни одна из "вечных" тем русской истории; происхождение славян – одна из них. Более 100 лет назад крупный археолог, граф А.С. Уваров не считал возможным отрицать связь между народами глубокой древности и нашими летописными племенами. В наши дни Б.А. Рыбаков сделал отважную попытку поисков таких связей между некоторыми племенами Геродотовой Скифии и предками летописных славян. Историко-географический анализ, проделанный в этой, несколько неожиданной для мидиевиста, работе, привел автора к мысли, что некоторые народы, упоминаемые Геродотом, такие, как невры и сколоты-борисфениты, "могут претендовать на прямых потомков, распознаваемых в позднейших средневековых и современных нам народах" ("Геродотова Скифия. Историко-географический анализ". М., 1979).

Так отвечает историк и археолог на важнейший вопрос: были ли славяне в Восточной Европе до того времени, от которого их древности стали известны археологам

документально, в вещественных памятниках V в. н.э. Их славянство признают все археологи. Что было до них, совсем иной этнический сплав или в нем уже были праславянские элементы? Б.А. Рыбаков уверен в последнем. Совместные или, скорее, параллельные исследования лингвистов, археологов и антропологов открывают новые горизонты в решении этой проблемы. В ее разработку вложил свою лепту убежденного автохтониста и Б.А. Рыбаков.

Наряду с постоянной работой над глобальными проблемами истории и предыстории Руси Борис Александрович не упускал из поля своего зрения ни одной из тем, захвативших его еще во времена студенчества. Так, увлечение эпиграфикой на университетских лекциях А.С. Орлова привело к целеустремленному собиранию древнерусских надписей. Здесь ученого ждало много открытий. Он первым обнаружил на древней штукатурке стен Софии Киевской записи Владимира Мономаха и митрополита Никифора, прочитал запись о смерти Ярослава Мудрого, точное время которой не было известно. Итогом стал свод датированных надписей, появившийся в печати в 1964 г. ("Русские датированные надписи XI–XIV вв." М., 1964).

Любимые с молодости карты стали сюжетом для живо и ярко написанной книги о русских картографах конца XV – начала XVI в. – времени правления московских князей Ивана III и Василия III ("Русские карты Московии", М., 1974). Удачные находки остатков древнерусских храмов в Тмутаракани и Чернигове заставили задуматься над профессиональными приемами средневековых зодчих, и архитекторы наших дней, занимающиеся метрологией, считают основополагающими работами в этой специальной области статьи Б.А. Рыбакова, написанные в 1950–1970-х годах ("Архитектурная математика древнерусских зодчих". СА. 1957. № 1; "Мерило новгородского зодчего" // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. 1974. М., 1975).

Давняя счастливая разгадка тайнописи на Людогощинском кресте 1359 г. из церкви Флора и Лавра в Новгороде повела за собой дальше, и уже совсем недавно появляется книга Б.А. Рыбакова о русских гуманистах XIV в., стригольниках, боровшихся за право обращаться к Богу без посредников всесильной церкви ("Стригольники. Русские гуманисты XIV столетия". М., 1993).

Вместе с тем всю жизнь Б.А. Рыбакова непрерывную научную работу сопровождали еще два рода деятельности: административная и педагогическая. В 1940-е годы он заведовал отделом ГИМа. С 1936 г. начал работать в Институте истории материальной культуры АН СССР (ныне Институт археологии РАН), где прошел путь от старшего научного сотрудника до директора и где остается почетным директором в наши дни.

Пик популярности археологии не случайно пришелся на годы директорства академика Б.А. Рыбакова. Его собственная увлеченность исторической наукой и широта интересов в археологии совпали со вспыхнувшей у людей эпохи НТР тягой к гуманитарным знаниям, в частности к археологии. Этому способствовала широкая сеть археологических раскопок, раскинувшаяся по всей стране. Разрешение на них и конечную оценку их результатов давал именно Институт археологии. Этому способствовали и издаваемые по инициативе Б.А. Рыбакова издания: "Археологические открытия", "Свод археологических источников" и многотомная "Археология СССР" (теперь "Археология").

Нет смысла перечислять все административные поручения, которые приходилось исполнять Б.А. Рыбакову за его долгую жизнь. Декан исторического факультета МГУ (1951–1952 гг.), проректор МГУ (1952–1954 гг.), директор Института истории АН СССР (1969–1971 гг.), академик-секретарь Отделения истории АН СССР (1973–1975 гг.). И это все одновременно с директорством в Институте археологии, с постоянным участием в различных международных симпозиумах, координационных совещаниях директоров археологических институтов стран Европы, конгрессах. Академику Рыбакову трижды присуждались Государственные премии. Он награжден многими нашими и зарубежными орденами, звания академиков и почетные степени ему

присуждали иностранные академии и университеты. Он Герой Социалистического Труда, и, пожалуй, эта высокая награда полнее всех других отражает его сущность человека, для которого труд всегда был содержанием жизни.

При всей его занятости, еще одна сфера деятельности была постоянно необходимой для профессора Рыбакова: это преподавание. Общий стаж его педагогической работы – 65 лет. В 1933 г. он доцент Академии коммунистического воспитания им. Н.К. Крупской, в 1934 г. – доцент, а затем профессор Московского областного педагогического института, а с 1939 г. – доцент и до наших дней профессор Исторического факультета МГУ. До сих пор аудиторию, в которой читал лекции профессор Б.А. Рыбаков в Московском педагогическом университете (бывший Московский областной педагогический институт), называют Рыбаковской. До сих пор первую лекцию на Историческом факультете МГУ для первокурсников читает профессор Б.А. Рыбаков.

Борис Александрович Рыбаков – человек своей эпохи, и характер его творчества обусловлен ее уроками. Из всех его книг следует, что он как историк – сторонник единения всех сил России для ее жизнеспособности и выживания в пору испытаний. Поэтому все его книги современны и, как и сочинения всех знаменитых историков прошлого, воспитывают патриотизм, у которого только один смысл – любовь к Родине. Все, что пишет этот большой ученый, адресовано не только узкому кругу специалистов, а всем, кто любит историю. Этому способствует еще один редкий для нашего времени дар историка и археолога Б.А. Рыбакова – прекрасный, чистый от модных "измов" и псевдонаучного канцелярита русский язык. Он всю жизнь помогает ему щедро делиться с людьми своими увлечениями и открытиями.

Институт археологии РАН,
Москва

Т.И. Макарова

ОСНОВНАЯ ЛИТЕРАТУРА О ЖИЗНИ И ТРУДАХ Б.А. РЫБАКОВА

Биобиблиография ученых СССР. Материалы к библиографии ученых СССР. М., 1968. Вып. 9. Борис Александрович Рыбаков / Вступ. статья С.А. Плетневой. Сост. библиографии Р.И. Горячева.

Биобиблиография ученых СССР. Материалы к библиографии ученых СССР. М., 1978. Вып. 12. Борис Александрович Рыбаков / Вступ. статья С.А. Плетневой и Т.В. Николаевой. Сост. библиографии Р.И. Горячева, И.М. Зарецкая, Г.Т. Серова.

Алексеев Л.В. К шестидесятилетию Б.А. Рыбакова // СА. 1968. № 2.

Янин В.Л. К 70-летию академика Б.А. Рыбакова // СА. 1978. № 2.

Жуков Е.М., Захарук Ю.Н., Плетнева С.А. К 70-летию академика Б.А. Рыбакова // ВИ. 1978. № 5.

Макарова Т.И., Плетнева С.А. Этапы научной деятельности Б.А. Рыбакова // Новая и новейшая история. 1988. № 6.

Макарова Т.И. Академик Борис Рыбаков и русская история // Российский обозреватель. 1996. № 5.

А.В. ЭНГОВАТОВА, М.Г. ЖИЛИН, Е.А. СПИРИДОНОВА

ХРОНОЛОГИЯ ВЕРХНЕВОЛЖСКОЙ РАННЕНЕОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

(по материалам многослойных памятников Волго-Окского междуречья)[1]

В 1972 г. Д.А. Крайнов (Крайнов Д.А. и др., 1973, с. 80–84) выделил в центре Русской равнины в Волго-Окском междуречье ранненеолитическую верхневолжскую культуру. Она заняла хронологическое место между мезолитической бутовской культурой и ямочно-гребенчатым неолитом. Верхневолжская культура была отнесена к раннему неолиту на основании стратиграфического положения слоев этой культуры на многослойных стоянках Ивановское 3 и Языково 1 и датирована IV тыс. до н.э. на основании стратиграфических и палинологических данных (Крайнов Д.А., Хотинский Н.А., 1974).

Более детально хронология и периодизация верхневолжской культуры были разработаны в диссертации Е.Л. Костылевой (Костылева Е.Л., 1986). Культура разделена на три этапа на основе изменения в материальной культуре, прежде всего в керамике. Первый (ранний) этап датируется Е.Л. Костылевой от конца первой половины или середины до последней трети V тыс. до н.э. и характеризуется тычково-накольчатой или неорнаментированной керамикой с примесью органики, шамота или раковины. Форма сосудов плоскодонная или остродонная. Второй этап длится от последней трети V до начала IV тыс. до н.э. (Костылева Е.Л., 1986, с. 140) и связан с развитием керамики с ложношнуровым, прочерченным и короткозубчатым орнаментом при сохранении тычкового. В тесте – примесь шамота и дресвы. Форма сосудов остродонная и плоскодонная. Третий (финальный) этап верхневолжской культуры развивается от начала до конца первой половины или середины IV тыс. до н.э. и характеризуется керамикой с гребенчато-зубчатым орнаментом. Форма сосудов остродонная. В керамическом тесте – примесь дресвы и крупного шамота (Костылева Е.Л., 1986, с. 146).

При построении периодизации верхневолжской культуры Е.Л. Костылева опиралась в основном на материал из недостаточно надежно стратифицированных памятников. Хронология верхневолжской культуры была определена на основании серии радиоуглеродных датировок литологических слоев стоянки Ивановское 3 и единичных радиоуглеродных датировок слоя стоянки Языково 1. Например, одну и ту же дату 6250 + 60 разные исследователи относили к разным культурам (Хотинский Н.А. и др. 1978; Урбан Ю.Н., 1976, с. 69).

В издании "Неолит Северной Евразии" Д.А. Крайнов приводит датировку верхневолжской культуры от середины V тыс. до н.э. до первой четверти IV тыс. до н.э. (Крайнов Д.А., 1996, с. 166). В нашей работе не затрагивался вопрос об обоснованности выделения этапов развития верхневолжской культуры, но мы можем отметить, что общая картина изменения материальной культуры, установленная Д.А. Крайновым и Е.А. Костылевой, нашим материалам не противоречит.

За последние пять лет Подмосковной и Верхневолжской экспедициями ИА РАН раскопан ряд опорных памятников с чистыми верхневолжскими слоями (Воймежное 1,

[1] Работа выполнена при поддержке РГНФ, грант 96-01-00385.

© А.В. Энговатова, М.Г. Жилин, Е.А. Спиридонова, 1998 г.

Озерки 5, 17, Окаемово 5, 18), которые надежно датируются естественнонаучными методами. В ходе работ проводилось геологическое и геоморфологическое исследование памятников, были отобраны образцы для палинологического анализа, выполненного Е.А. Спиридоновой и А.С. Алешинской (ИА РАН), и образцы для радиоуглеродного датирования, выполненного Л.Д. Сулержицким (ГИН РАН). На основе этих изученных комплексов можно было уточнить ранее предложенные хронологические схемы.

Дробное деление голоцена связано с выделением климатических периодов Блитта-Сернандера. Более детальное расчленение отдельных периодов голоцена для Северной Европы было разработано Н.А. Хотинским (Хотинский Н.А., 1977). При этом использовался не только традиционный палинологический метод, но и широкий спектр фито- и зооиндикаторных, изотопных и других данных. Вместе с тем ширина современного палеогеографического "шага" по этим схемам столь велика, что позволяет уловить лишь бóльшие, чем вековые, ландшафтно-климатические изменения в природе. Для целей археологии такая величина "шага" уже становится мало приемлемой. В связи с этим в пределах Волго-Окского междуречья, где в настоящее время изучено большое количество естественных разрезов озерных и болотных отложений, а также разрезов на археологических памятниках, на каждой диаграмме проводилось выделение спорово-пыльцевых комплексов. Они характеризовали спектры одного количественного состава, а затем уже были объединены в палинологические зоны, которые фиксировали одинаковые уровни по всем изученным разрезам.

Таким образом, палинологическая зона становилась самой дробной стратиграфической единицей, положение которой определялось также и данными абсолютного датирования. Использованная методика палинологического анализа значительно облегчала и сопоставление археологических культурных слоев на многослойных стоянках, особенно там, где визуальные литологические различия отсутствовали.

Хронология верхневолжской культуры строится авторами статьи на основе материалов опорных стратифицированных археологических стоянок, где помимо того, что слои с остатками верхневолжской культуры датировались по С-14, они были независимо датированы по спорово-пыльцевой шкале.

Наиболее представительный комплекс верхневолжской культуры найден на поселении Воймежное 1, расположенном в Шатурском р-не Московской обл. Раскопками 1988, 1991 и 1992 гг. (Энговатова А.В., 1989; Сидоров В.В., Энговатова А.В., 1992) собран материал характеризующий средний этап верхневолжской культуры. Обилие материала и характер его залегания сделали возможной реконструкцию большинства верхневолжских сосудов, что ранее сделать не удавалось.

Стратиграфия поселения Воймежное 1 не раз описана (Энговатова А.В., 1989). Верхневолжский слой залегал здесь на слое древесного торфа, обгоревшего в результате пожара. Культурный слой представляет собой сильно опесчаненный разложившийся торф, насыщенный обломками сосудов, кремневыми орудиями и отщепами. Есть очаги и золистые пятна. Максимальная мощность слоя не превышает 10 см при средней мощности 4–7 см. Много компактных развалов сосудов, реставрировать некоторые не удается из-за измельченности фрагментов, но бóльшая часть восстановлена. Судя по единой технике формовки, обработке внешней и внутренней поверхностей, качеству обжига, наличию одинаковых форм сосудов (рис. 1, *1–4*), близких по размерам и пропорциям, форме венчика, а также по характеру орнаментации, поселение было единовременным или серией близких по времени непродолжительных поселений. Датировка комплекса однозначна по толкованию – уголь и зола взяты из кострища с развалом верхневолжского сосуда 6550 ± 100[2] (ГИН-6868). Вторая датировка получена по обработанному дереву из слоя 6430 ± 40 (ГИН-5926). Верхневолжский комплекс с поселения Воймежное 1 можно датировать серединой V тыс. до н.э.

---

[2] Все радиоуглеродные датировки некалиброванные, даются от наших дней.

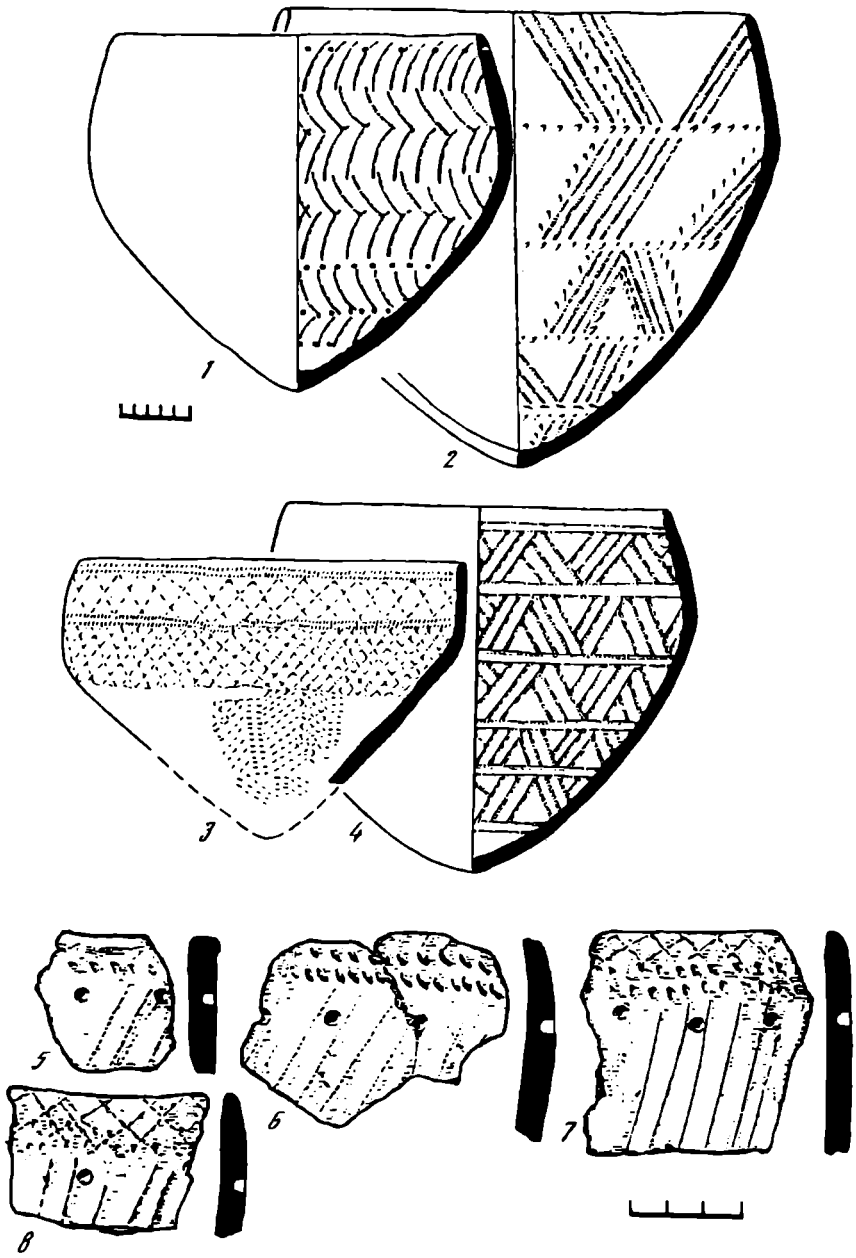


Рис. 1. Фрагменты сосудов и сосуды развитого этапа верхневолжской культуры.
1–4 – поселение Воймежное 1; *5–8* – поселение Озерки 5 (слой IIа)

Лежащий выше, через стерильную песчаную прослойку, слой с архаичной льяловской керамикой также надежно датирован по торфу из культурного слоя 6100 ± 50 (ГИН-6871), а также по обработанному дереву 6000 ± 40 (ГИН-6865) и 5990 ± 50 (ГИН-6866). Керамика резко отлична от верхневолжской (рис. 2, *1–3*) и характеризуется крупными котловидными сосудами с тестом, перенасыщенным дресвой. Сосуды орнаментированы ямочно-гребенчатым орнаментом (преимущественно "косая гребенка"), а также оттисками костного штампа (рис. 2, *1, 2*).

Таким образом, на рубеже V–IV тыс. до н.э. на поселении Воймежное 1 уже существовала архаичная льяловская культура. Следов поздней верхневолжской культуры на этом поселении нет, как и "гибридных" промежуточных форм сосудов, которые могли бы свидетельствовать о переходе одной культуры в другую (Сидоров В.В., 1986).

Другой группой реперных памятников являются достоверно датированные комплексы верхневолжской культуры, представленные на многослойных памятниках близ д. Окаемово и характеризующие ее наиболее ранний этап.

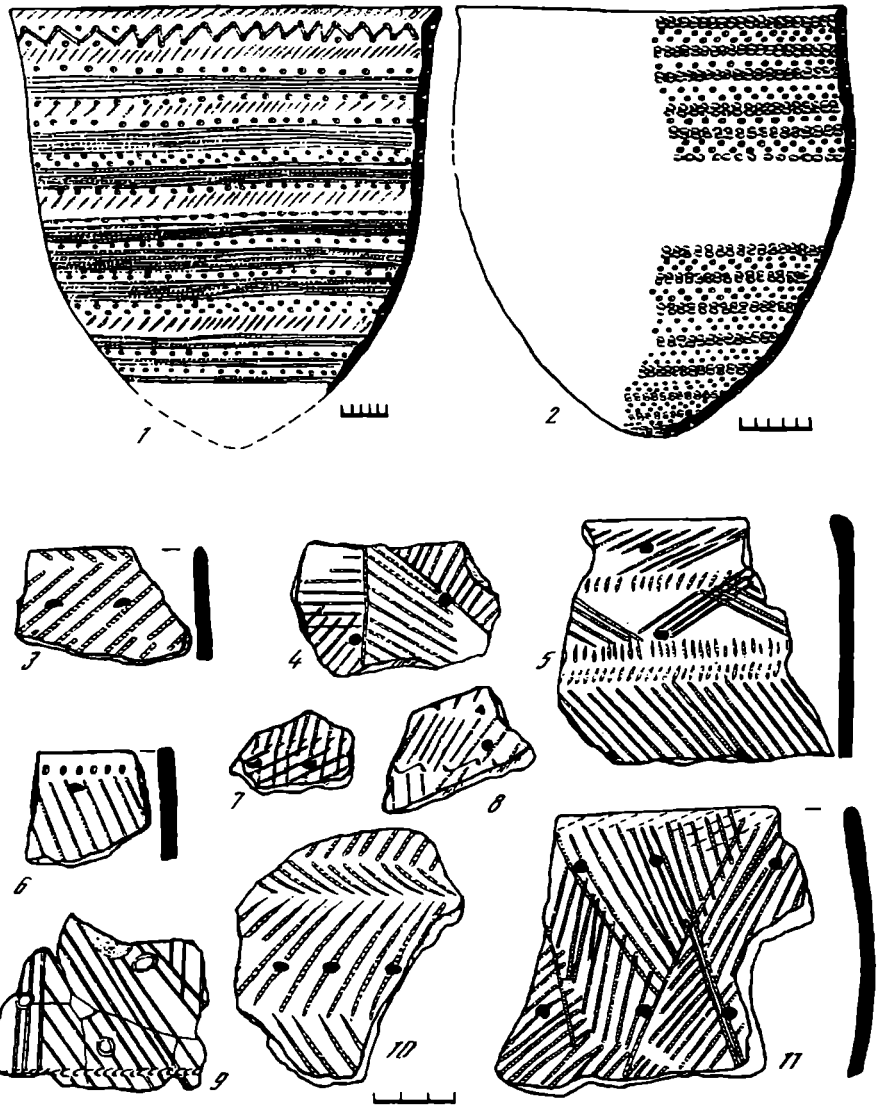


Рис. 2. Фрагменты сосудов позднего этапа верхневолжской культуры и архаичной льяловской культуры. *1–3* – поселение Воймежное 1; *4–11* – стоянка Берендеево IIа

Поселение Окаемово 18 (Талдомский р-н Московской обл.) на левом берегу Дубны (Жилин М.Г., 1996, с. 17). Вскрыто 72 м^2. Поселение имело три культурных слоя. Третий, нижний, культурный слой представлял ранний этап верхневолжской культуры. По черепу лося, лежавшему на материке в скоплении находок верхневолжской культуры, получена датировка 6800 ± 60 (ГИН-6416). Керамические сосуды из этого слоя крупные, видимо, с плоским дном, орнамент зональный – ряды каплевидных наколов под венчиком. Большая часть сосуда не орнаментирована. Внешняя поверхность подлощенная, хороший обжиг, примесь шамота и органики в тесте (рис. 3, *10*, *11*).

Окаемово 5 расположено в 100 м ниже на том же берегу р. Дубны. Раскопано 52 м^2. Прослежено три культурных слоя. В среднем слое найдены кости и каменные изделия, фрагменты сосудов верхневолжской культуры (рис. 3, *1–5*). По тонкой прослойке сапропеля, содержащей раннюю верхневолжскую керамику, получена датировка 6800 ± 140 (ГИН-6193). Керамические сосуды крупные, округлой формы. Орнамент в виде разреженных каплевидных наколов, зональный; много неорнаментированного пространства. Тесто сосудов содержит органику и шамот. Обжиг хороший. Внешняя поверхность подлощена.

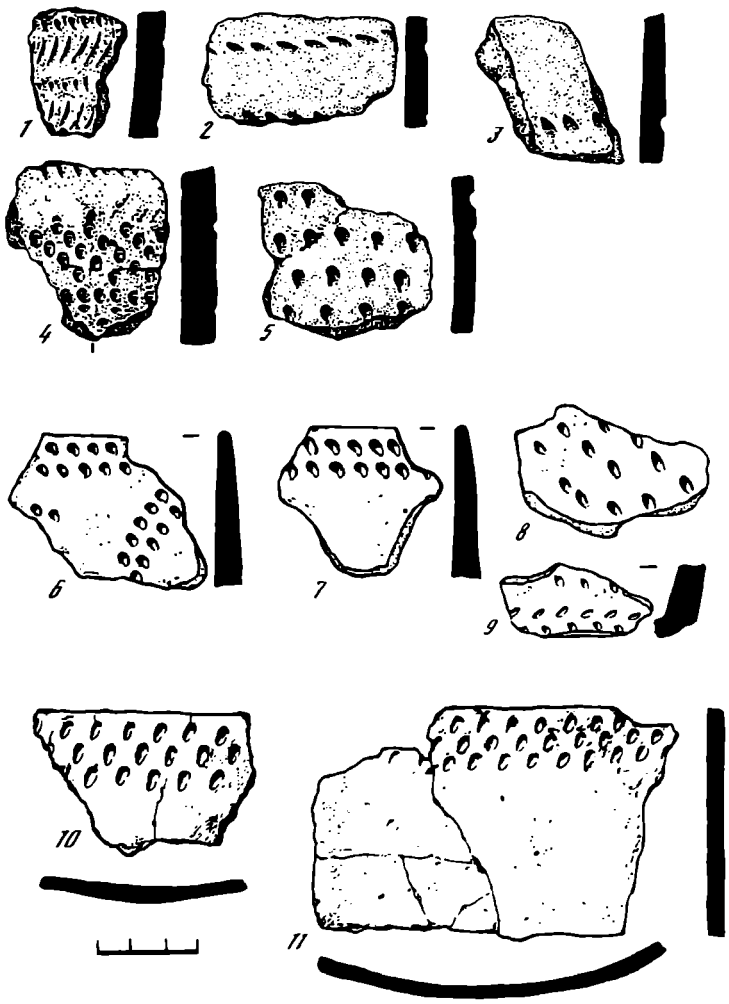


Рис. 3. Фрагменты сосудов раннего этапа верхневолжской культуры. *1–5* – стоянка Окаемово 5 (средний слой): *6–9* – стоянка Кухмарь 1; *10, 11* – стоянка Окаемово 18 (нижний слой)

Еще несколько датированных методами естественных наук комплексов верхневолжской культуры происходят из многослойных стоянок Озерецкого торфяника. Стоянки расположены в Конаковском р-не Тверской обл., в западной части которого М.Г. Жилиным и Н.В. Левиной было открыто около 20 стоянок каменного века, на двух из которых (Озерки 5 и 17) встречены слои с верхневолжскими материалами. Стоянки раскопаны М.Г. Жилиным в 1990–1995 гг. (Жилин М.Г., 1994; 1996).

В течение нескольких лет палинологическим методом на этой группе стоянок было исследовано пять разрезов, которые позволили не только восстановить историю развития растительности на протяжении всего голоцена, но и произвести более дробное деление атлантического периода на этапе существования верхневолжской культуры.

Многослойное поселение Озерки 5, раскопано около 200 м^2. Многослойное поселение Озерки 17 находится в 50 м к востоку от предыдущего, разрезано валовой и дренажными канавами, верхние слои на глубину 3 м сняты торфоразработками. На поселении вскрыто 67 м^2. На стоянке Озерки 5 в 1990–1992 гг. прослежено два культурных слоя верхневолжской культуры (Жилин М.Г., 1994), в 1994–1995 гг. выявлен еще один.

Культурный слой первой половины существования верхневолжской раннеолитической культуры (слой III). Сосуды крупные, с примесью органики и шамота в тесте. Внешняя поверхность сосудов тщательно заглажена и подлощена. Сосуды орнаментированы наколами в манере отступающей лопаточки. Бóльшая часть сосуда не орна-

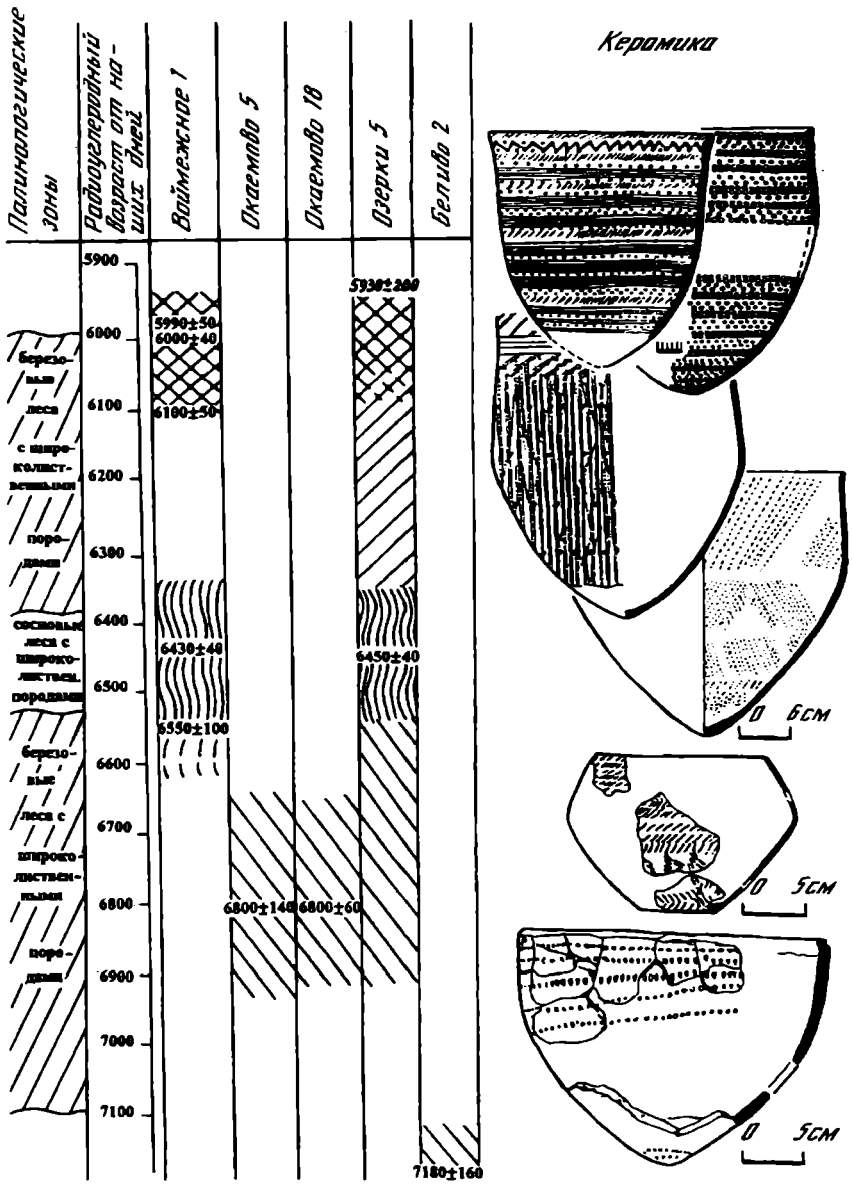


Рис. 4. Хронологическая таблица развития верхневолжской культуры

ментирована. Судя по пыльцевым диаграммам, формирование слоя, вмещающего подобную керамику, происходило в период 6900–6500 лет назад (л.н.).

В первой половине V тыс. до н.э. леса по-прежнему занимали господствующее положение в растительном покрове территории. Болота хотя и распространялись более значительно по сравнению с бореалом, но занимали подчиненное положение в ландшафте даже на севере Волго-Окского междуречья. Господствовали березовые и реже березово-сосновые леса, среди которых чередовались зеленомошные и крупнотравные типы. В понижениях рельефа обычными были травяные (осоковые, хвощевые и тростниковые) болота. На этом этапе как по естественным разрезам, так и по археологическим памятникам прослеживаются неоднократные изменения уровня водоемов. Только в конце рассматриваемого периода в составе леса несколько возросла роль сосны и пород широколиственного ряда (Спиридонова Е.А., Алешинская А.С., 1995).

Следующий верхневолжский слой из стоянки Озерки 5 (слой IIа) содержит несколько отличную керамику. Сосуды крупные, с округлым дном, венчики прямые, в тесте – примесь органики, шамота и мелкого песка. Орнамент состоит из горизонтальных поясов наклонных оттисков длинного узкого гребенчатого штампа или

наклонных прочерченных линий, разделенных овальными наколами и короткими оттисками гребенчатого штампа. Поверх этого орнамента нанесены редкие конические, чаще неправильные, наколы. Из нижней части этого слоя получена по щепкам датировка по С-14, которая составила 6450 ± 160 л.н. (ГИН-7215). Судя по пыльцевым диаграммам (определения Спиридоновой Е.А.), формирование этого комплекса происходило в атлантический период голоцена, в интервале от 6500 до 6400 л.н. Климат был умеренно влажный и более теплый, чем во все предыдущие периоды. Аналогичный материал представлен в III культурном слое стоянки Озерки 17, датированном палинологическим методом тем же временем.

Основываясь на видовом составе и количественном соотношении выделенных форм, можно считать, что характер растительного покрова территории несколько изменился по сравнению с предыдущим этапом. Доминирующей породой в лесу становится сосна. Климат стал менее влажным и еще более теплым, чем во все предыдущие периоды голоцена.

Возраст третьего этапа верхневолжской культуры по материалам стоянки Озерки 5 охватывает интервал 6400–6000 л.н. (рис. 4). Исходя из данных палинологического анализа, в это время на окружающей территории вновь стали господствовать березовые леса, в состав которых входили вяз, липа и реже – дуб. По понижениям рельефа и окраинам болот возрастало значение черноольшанников. Гидрологические условия так же не отличались постоянством, как и в начале существования верхневолжской культуры.

Следующий культурный слой (слой II) залегает непосредственно на предыдущем. В нем встречены крупные сосуды с примесью дресвы в тесте. Поверхность сосудов тщательно заглажена и в некоторых случаях подлощена с внешней стороны. Орнаментированы сосуды по подсушенному тесту. Орнамент зональный: поля с отпечатками крупно- и среднезубчатой гребенки с разделительными из наколов покрывают все тулово сосуда. Встречаются белемнитные ямки, но редко (рис. 1, *5–8*). Заслуживает внимания находка развала небольшого тонкостенного сосуда без примеси дресвы с орнаментом из глубоких оттисков отступающей лопаточки рядом с развалом сосуда с обильной примесью дресвы с гребенчатым орнаментом. По обработанному бревну из самого верха культурного слоя II на стоянке Озерки 5 получена датировка по С-14, составляющая 5930 ± 200 л.н. (ГИН-6663). Этот слой содержит наряду с поздней верхневолжской керамикой с дресвой и архаичную льяловскую керамику. Таким образом, поздняя верхневолжская керамика на стоянке Озерки 5 датируется в интервале 6400–6000 л.н. Судя по анализу спорово-пыльцевых спектров, время формирования самого верха слоя II соответствует похолоданию атлантического периода голоцена, который приходится на 6000–5900 л.н. – рубеж V–IV тыс. до н.э.

На стоянке Озерки 17 аналогичная керамика встречена в культурном слое II. Керамические сосуды архаичной льяловской культуры со стоянок Озерки 5, 17 идентичны сосудам с поселения Воймежное 1, поэтому подробное описание керамического комплекса мы опускаем. Слой с архаичной льяловской керамикой на стоянке Озерки 17 продолжал формироваться и в более поздний период.

Согласно спорово-пыльцевым спектрам, этот период можно датировать началом второго максимума тепла атлантического периода голоцена (5900–5800 л.н.). Таким образом, архаичная льяловская культура существовала на стоянках Озерки 5 и 17 уже в самом начале IV тыс. до н.э. Населения верхневолжской культуры в этот период на Озерковских стоянках уже нет.

На основании комплексного анализа материалов стоянок Воймежное 1, Озерки 5, 17 и Окаемово 5, 18, проведенного авторами статьи, верхневолжская культура может быть разбита на три этапа. Ранняя верхневолжская культура в чистом виде представлена на стоянках Окаемово 5, 18, Озерки 5 (слой III), Беливо 2, Альба, Давыдковская, Шадрино 4. Ранние материалы есть на многих смешанных стоянках: Сахтыш 2, 8, Ивановское 3, 5, 7, Кухмарь 1, Варос, Польцо, Маслово Болото 8, Языково и др. Сосуды немногочисленные, крупные, с приостренным или плоским дном.

Они орнаментированы разнообразными наколами, как правило, лишь в верхней части, реже – по всему тулову. Наколы подтреугольные, каплевидные, овальные, скобковидные. Наносятся как отдельными вдавлениями, так и в технике отступающей лопаточки. Тесто тщательно промешанное, с примесью органики и шамота, реже – мелкой ракушки. Поверхность сосудов тщательно заглажена, подлощена. Обжиг хороший – на изломе тесто однородное.

Каменный инвентарь этого этапа характеризуется преобладанием отщепа в качестве заготовки для орудий, хотя наконечники стрел и режущие орудия делаются в основном из пластин. Вкладыши, как и оправы для них, единичны. Скребки разнообразны и наиболее многочисленны, резцов немного, доминируют резцы на сломе отщепов. Представлены различные ножи, скобели, сверла, проколки, комбинированные орудия. Среди наконечников стрел часто встречаются обработанные по периметру, нередко – двусторонней краевой ретушью. Рубящие орудия делаются из разных пород камня при помощи как оббивки, так и шлифовки. Костяные орудия представлены наконечниками стрел, среди которых преобладают игловидные и с неправильной биконической головкой. Появляются уплощенные фигурные наконечники, наряду с ними встречаются однокрылые с шипом, узкие плоские, с уплощенной головкой, тупые и некоторые другие. Среди зубчатых острий преобладают изделия с мелкими частыми зубцами. Встречаются гарпуны и кинжалы. Разнообразны и многочисленны бытовые орудия. В целом каменный и костяной инвентарь этого этапа очень близок к изделиям финального этапа бутовской культуры, появляется и широко распространяется только один новый тип костяных наконечников стрел, прототипы которого известны в финальном мезолите. Прослеживается дальнейшее развитие финально-мезолитических традиций в обработке камня и кости.

Датированные комплексы с подобной керамикой Окаемово 18,5 – 6800 ± 60, 6800 ± 140 (ГИН-6416, 6193). Наиболее ранняя дата этого этапа верхневолжской культуры происходит из стоянки Беливо II: кострище с накольчатой керамикой датируется 7180 ± 60 л.н. (Кравцов А.Е., 1987), однако неизвестно, что послужило топливом для этого костра. Слои с находками ранней верхневолжской культуры со стоянки Замостье 2 датируются 7050 ± 40, 6850 ± 60 л.н. (ГИН-6557, 6564) (Спиридонова Е.А., Алешинская А.С., 1995). Таким образом, ранний этап верхневолжской культуры приходится на рубеж VI–V – первую половину V тыс. до н.э.

Развитый верхневолжский комплекс в чистом виде представлен на поселениях Воймежное 1, Озерки 5 (слой IIа), Озерки 17 (слой III). Материалы развитого этапа есть на многих верхневолжских памятниках со смешанным слоем: Сахтыш 2, 8, Николо-Перевоз 1, 3, Ивановское 3 и др. Сосудов на стоянках больше, размеры горшков крупные и средние. В тесте примесь органики, шамота. Форма днища остродонная. Форма сосуда часто шлемовидная с перегибом в верхней трети сосуда. Орнаментация зональная – гребенчатая и гребенчато-накольчатая. Сосуд, как правило, весь заполнен орнаментом (рис. 1 *1–8*).

В каменном инвентаре отмечается дальнейшее падение роли пластины, практически исчезают вкладыши. Появляются наконечники стрел, спинка которых обработана сплошной пологой ретушью. Однако изделий, обработанных сплошной двусторонней ретушью, еще нет. Увеличивается доля шлифованных рубящих орудий. Среди костяных наконечников стрел преобладают игловидные, узкие, плоские, фигурные и короткие с неправильной биконической головкой, прочие типы редки. Практически исчезают оправы вкладышевых орудий. Остальные типы изделий не претерпевают серьезных изменений.

Датированные комплексы: Воймежное 1 – 6430 ± 40, 6550 ± 100 л.н. (ГИН-5926, 6868); Озерки 5 (слой IIа) – 6450 ± 160 л.н. (ГИН-7215). Развитый этап верхневолжской культуры датируется временем около середины V тыс. до н.э.

Поздний верхневолжский комплекс в чистом виде представлен на стоянке Озерки 5 (слой 2 верх); с небольшими примесями хронологически иного материала (эпоха бронзы и средневековье) – на стоянках Берендеево IIа, Золоторучье 3, Караш 3. Также

находки этого времени часто встречаются в смешанных слоях верхневолжской культуры на стоянках Сахтыш 1, 2, 2*а*, 8, Ивановское 3 и 7, Языково 1 и др.

Сосуды крупные и средние. В тесте примесь крупной дресвы, шамота. В орнаментации встречается белемнитная ямка в качестве подчиненного элемента (рис. 2, *1–3*). На этом этапе пластины и изделия из них редки, хотя еще встречаются наконечники стрел и ножи из пластин. Распространяются двусторонне ретушированные наконечники стрел наряду с обработанными краевой ретушью. Появляются единичные наконечники дротиков и ножи со спинкой, полностью обработанной широкой пологой ретушью. Среди костяных наконечников преобладают игловидные и короткие, приближающиеся к биконическим. Встречаются зубчатые острия, гарпуны, ножи, проколки, рубящие и различные бытовые орудия и украшения известных ранее типов.

Датированных радиоуглеродным методом чистых комплексов нет, но верхнюю границу четко устанавливают датированные комплексы архаичной льяловской культуры, перекрывающие поздние верхневолжские слои. На поселении Воймежное 1 архаичный льяловский комплекс датируется 5990 ± 50, 6000 ± 40, 6100 ± 50 л.н. (ГИН-6866, 6865, 6871). На стоянке Озерки 5 слой с архаичной льяловской и финальной верхневолжской керамикой датируется 5930 ± 200 л.н. (ГИН-6663), на Ивановской 7 – 5920 ± 60 л.н. (ГИН-7476). Таким образом, слои с архаичной льяловской керамикой датируются рубежом V–IV тыс. до н.э. и соответственно поздний этап верхневолжской культуры укладывается в период второй половины – конца V тыс. до н.э. По сравнению с ранее опубликованными датировками культуры мы смогли несколько уточнить временной период существования культуры, значительно сузив его – почти на полтысячелетия. Несколько удревнилась нижняя граница культуры – ранее ее датировали серединой V тыс. до н.э. (Костылева Е.Л., 1986). На наших материалах можно уверенно говорить о ее зарождении на рубеже VI–V тыс. до н.э (7000–6800 л.н.).

Существенно изменилась датировка позднего этапа и финала верхневолжской культуры. Ранее ее датировали до середины IV тыс. до н.э. (5500 л.н.) (Костылева Е.Л., 1986). По нашим материалам, окончание верхневолжской культуры приходится на рубеж V–IV тыс. до н.э. (6000–5900 л.н.).

Важный вопрос о существовании поздней верхневолжской и архаичной льяловской культур на наших материалах однозначного ответа не получает. На поселении Воймежное 1 архаичной льяловский культурный слой не содержит примеси верхневолжской культуры. Поздний этап верхневолжской культуры на этой стоянке не представлен. На стоянке Берендеево IIа в слое позднего этапа верхневолжской культуры нет примеси архаичной льяловской. В то же время культурный слой II поселения Озерки 5 содержит как позднюю верхневолжскую керамику с дресвой в тесте, так и архаическую льяловскую. Причем и та и другая представлены крупными скоплениями и развалами, совместно залегающими на одних и тех же глубинах в верхней части этого слоя и связанными с одними и теми же кострищами (раскопки М.Г. Жилина). Принципиальная значимость данных о единовременном существовании этих культур для решения вопроса о происхождении всей льяловской культуры заставляет особенно скрупулезно проверять происхождение и достоверность датировок этих слоев.

Наиболее ранний этап верхневолжской культуры охватывает интервал времени около 7000–6500 л.н., когда березовые леса с незначительным участием широколиственных пород были господствующими на всем междуречье. Второй этап развития данной культуры был менее продолжительным (6500–6400 л.н.) и характеризовался более сухим климатом, когда широкое распространение получили формации соснового леса. И, наконец, третий этап (6400–6000 л.н.) вновь был связан с более влажным климатом и менее устойчивым гидрологическим режимом основных водных бассейнов. Преобладали березовые леса со значительно бóльшим участием пород широколиственного ряда, чем это наблюдалось на ранних этапах развития данной культуры.

Для корреляции хронологии неолитических культур не менее важными оказались палеоботанические материалы, полученные по многим разрезам из бассейнов рек Волги и Оки (Спиридонова Е.А., Алешинская А.С., 1995). Вместе с серией полученной нами в последнее время радиоуглеродных дат удалось изучить последовательные изменения климата и растительности этого региона в атлантическое время, а также по определенным хроносрезам провести сопоставление наиболее важных этапов в жизни людей с теми процессами, которые происходили в природе: так, максимальный уровень аридизации на всех палинологических диаграммах выделяется около 7200 л.н. Памятники, содержащие первые сосуды, появляются в Волго-Окском междуречье около 7000 л.н. Это событие маркирует определенные изменения в материальной культуре верхневолжского населения, возможно, переориентацию культурных связей или инфильтрацию каких-то групп населения, уже знакомых с гончарством, возможно, с юга.

Отчетливо прослеживается этап некоторого похолодания и, возможно, некоторой аридизации климата на уровне около 6000 л.н., когда господствующими формациями стали сосновые леса с хорошо развитым неморальным флористическим комплексом. Как показали наши исследования, именно этот рубеж отмечен завершением существования верхневолжской культуры и появлением архаичной льяловской культуры. Более влажные и теплые этапы соответственно охватывают интервалы неолита от 7000 до 6200 и 5800–5100 л.н. Первый интервал соответствует времени существования верхневолжской культуры в пределах Волго-Окского междуречья. При этом ее начало совпадает с началом этого интервала, а конец как бы запаздывает на 200 лет по сравнению с его концом. Вероятно, такой отрезок времени (около 200 лет) требовался для переориентации связей, что находит свое отражение в керамике.

Палеоэкологические изменения могут служить независимым хронологическим репером, отмечающим этапы существования разных археологических культур. Существенные перемены в природе могут быть причиной смены материальной культуры древнего человека, однако эта связь довольно сложная и изменения материальной культуры помимо природного зависят и от других факторов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Жилин М.Г., 1994. Археологические исследования на Озерецком торфянике в 1990–1992 гг. // Тверской археологический сборник. Вып. 1. Тверь.

Жилин М.Г., 1996. Некоторые итоги раскопок поселения Озерки 5 в 1990–1994 гг. // Тверской археологический сборник. Вып. 2. Тверь.

Костылева Е.Л., 1986. Хронология, периодизация и локальные варианты верхневолжской раннеолитической культуры // Архив ИА. Р-2. № 2384.

Кравцов А.Е., 1987. О хронологии мезолитических и ранненеолитических памятников Мещерской низменности // Вопросы археологии и истории Верхнего Поочья. Калуга.

Крайнов Д.А., 1996. Верхневолжская культура // Неолит Северной Евразии. М.

Крайнов Д.А., Хотинский Н.А., 1974. Хронология и палеогеографический фон древнейших поселений Центра Русской равнины // Первобытный человек, его материальная культура и природная среда в плейстоцене и голоцене. М.

Крайнов Д.А., Хотинский Н.А., Урбан Ю.Н., Молодцова Е.М., 1973. Древнейшая ранненеолитическая культура Верхнего Поволжья // Вестн. АН СССР. № 5.

Сидоров В.В., 1986. Льяловская культура в западной части Волго-Окского междуречья. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.

Сидоров В.В., Энговатова А.В., 1922. Отчет о работах Подмосковной экспедиции в 1991 г. // Архив ИА РАН. Р-1.

Спиридонова Е.А., Алешинская А.С., 1995. Периодизация мезолита Волго-Окского междуречья по палинологическим данным // Палинология в России. М.

Урбан Ю.Н., 1976. К вопросу о ранненеолитических комплексах в Калининском Поволжье // Восточная Европа в эпоху камня и бронзы. М.

Хотинский Н.А., 1977. Голоцен Северной Евразии. М.

Хотинский Н.А., Гуман М.А., Романова Е.Н., Маланова Н.С., Свеженцев Ю.С., 1978. Палинологические и радиоуглеродные датировки Языковских стоянок в Калининской области // КСИА. Вып. 153.

Энговатова А.В., 1989. Отчет о работах в Подмосковье в зонах проектируемого мелиоративного строительства и проектируемых рекультивационных работ в 1989 г. // Архив ИА РАН. Р.-1. № 13812.

Институт археологии РАН,
Москва

A.V. ENGOVATOVA, M.G. ZHILIN, E.A. SPIRIDONOVA

CHRONOLOGY OF THE UPPER VOLGA EARLY NEOLITHIC CULTURE

(Based on the Artifacts from Multi-layered Sites of the Volga-Oka Region)

Summary

In 1972 D.A. Krainov isolated an Early Neolithic Upper Volga culture in the center of the Russian plain. It occupied a chronological place between the Mesolithic Butovo culture and Pit-Comb Neolithic and dated back to the 4th century BC based on stratigraphic data (Krainov D.A., Khotinsky N.A., 1974). As a result of the studies conducted over the past five years by the Moscow region and Upper Volga expedition of the Archeology Institute of the Russian Academy of Science, a number of basic sites of the Upper Volga culture were uncovered: Voimezh 1; Ozerki 5, 17; Okaemovo 5.18. Pollen columns and radio carbon dates were obtained for these sites. Based on the complex analysis of the artifacts found in the Upper Volga sites we could specify a timeframe of the culture existence narrowing it significantly by almost half a millennium. The lower limit of the culture became somewhat older – in the past in was dated to the middle of the 5th millennium BC (Kostyleva E.L., 1986). Using our artifacts, it is possible to speak with certainty about its birth at the turn of the 5th-4th millennia BC (7000-6800 BP). The dating of the last period and the final stage of the Upper Volga culture has changed significantly: it used to be dated to the period up to the middle of the 4th millennium BC (5500 BP) (Kostyleva E.L., 1986). Using our artifacts, the end of the Upper Volga culture falls on the turn of the 5th-4th millennia BC (6000-5900 BP). There is mixed response to a very important issue related to the coexistence of the Upper Volga and archaic Lyalovo culture that we identify based on our artifacts.

А.П. МЕДВЕДЕВ

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ СРЕДНЕДОНСКОЙ КУЛЬТУРЫ СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ

(по материалам городищ)

К середине I тыс. до н.э. в Подонье сложилась одна из наиболее ярких скифоидных культур Восточной Европы – среднедонская культура VI–III вв. до н.э. Ее носители – среднедонские племена – играли определяющую роль в этнополитической и культурной истории лесостепного Подонья в скифское время. Их потомки составляли значительную, если не бóльшую часть населения Верхнего Подонья и в последующую сарматскую эпоху.

Среднедонские памятники скифского времени впервые попали в поле зрения археологов почти 100 лет назад после раскопок знаменитых Мастюгинских и Частых курганов (ОАК, 1908, с. 82–96; Макаренко Н.Е., 1911, с. 48–76; Замятнин С.Н., 1946, с. 9–50). Однако лишь в результате многолетних целенаправленных работ Лесостепной Скифской экспедиции ИА АН СССР под руководством П.Д. Либерова, а затем А.И. Пузиковой были изучены широкими площадями не только курганные могильники, но также городища и поселения, позволившие выделить здесь среднедонскую археологическую культуру (Либеров П.Д., 1965; 1971а; Пузикова А.И., 1971).

Опираясь на полученные материалы, П.Д. Либеров в 1960-х годах выдвинул оригинальную гипотезу ее происхождения. Он прямо связал ее генезис с местными племенами эпохи бронзы, прежде всего с потомками носителей абашевской и катакомбной культур (Либеров П.Д., 1971б, с. 107). Однако эта гипотеза оказалась весьма слабо аргументированной, особенно в области хронологии. Последующие исследования убедительно доказали, что ни катакомбная, ни абашевская культуры не переживают в лесостепном Подонье даже середины II тыс. до н.э. (Пряхин А.Д., 1977, с. 134; Матвеев Ю.П., 1980, с. 175).

С позиций требований современной науки вряд ли приемлемы предложенные П.Д. Либеровым археологические соответствия в культурах среднедонских племен эпохи бронзы и скифского времени, свидетельствующие, по его мнению, о сохранении у последних некоторых катакомбных и абашевских традиций. Вряд ли таковыми можно считать пальцевые защипы на лепной посуде, якобы восходящие исключительно к катакомбной культуре, или сквозные парные отверстия на абашевских остроребериых и среднедонских "ритуальных" сосудиках. Представляется, что ни те, ни другие не несли какой-либо особой смысловой нагрузки, а имели лишь одно функциональное назначение – служить для подвешивания сосуда.

В общем сейчас нужно признать, что гипотеза П.Д. Либерова о местных корнях среднедонской культуры не выдержала испытания временем. Но тем не менее основные ее положения продолжают жить в науке. Причина ее слабости состояла не только в господствовавших в то время теоретических концепциях этнокультурного автохтонизма. Гораздо более существенным представляется то, что в распоряжении исследователей тогда не оказалось ранних памятников скифского времени, в которых, как мы сейчас знаем, достаточно отчетливо просматриваются совсем иные истоки среднедонской культуры, а значит, и ее место в таксономии культур скифского типа Восточной Европы.

© А.П. Медведев, 1998 г.

Почти полвека назад Б.Н. Граков и А.И. Мелюкова включили среднедонские памятники в один из локальных вариантов лесостепных культур скифского времени (Граков Б.Н., Мелюкова А.И., 1954, с. 82, 83). Эту идею последовательно поддерживали многие отечественные исследователи (Шрамко Б.А., 1975, с. 82, 83; Моруженко А.А., 1989, с. 25–44; Степи ..., 1989, с. 79, 80). Казалось бы, такая оценка должна была придать определенное направление разработке интересущей нас темы в русле археологии Лесостепной Скифии. Но за четверть века после выхода в свет основных работ П.Д. Либерова этого не произошло. Правда, В.А. Ильинская предложила решение вопроса о происхождении части среднедонского населения, хоронившего своих сородичей в курганах в результате миграции их предков – гелонов с Нижнего Дона (Ильинская В.А., 1977, с. 91, 92). Однако и эта гипотеза не нашла поддержки специалистов в силу наличия ряда неразрешимых противоречий. Поэтому авторы итогового исследования вынуждены были констатировать, что вопрос о происхождении среднедонского населения скифского времени остается открытым (Степи..., 1989, с. 80). Но как раз в это время появились новые важные материалы, которые могут способствовать его решению (Медведев А.П., 1988, с. 84, 85).

В 1985–1988 гг. Скифо-сарматский отряд экспедиции Воронежского университета провел широкомасштабное исследование Пекшевского городища на р. Воронеж (Медведев А.П., 1993, с. 65–77). Именно раскопки этого памятника впервые дали ранний массовый материал, столь необходимый для решения проблемы происхождения среднедонской культуры. Он залегал по краям городищенской площадки в среднем золистом слое на глубине от 0,4 до 1,6 м от современной поверхности. От древнейшего раннегородецкого и более позднего верхнего слоя IV–III вв. до н.э. он повсеместно был отделен золисто-углистыми прослойками пожарищ. Укажем также, что его материалы довольно легко отчленялись от содержимого верхнего слоя не только типологически и стратиграфически, но и планиграфически. Они полностью отсутствовали в центральной части городища, где обнаружены только остатки поселения позднескифского времени IV–III вв. до н.э.

Наличие четкой стратиграфии при значительной мощности культурных напластований позволило провести детальное исследование культурного слоя этого городища по пластам толщиной в 20 см. В результате весь полученный материал был разделен по 11 штыкам, достаточно объективно отражающим историю этого памятника с VIII в. до н.э. по первые века н.э. Из них 3–7-й штыки принадлежали интересующему нас среднему слою. Для разработки проблемы происхождения среднедонской культуры ниже анализируются материалы из этого слоя, и прежде всего лепная керамика. Она представлена 1957 единицами сосудов, учтенных по венчикам, а также 8 целыми формами. Среди посуды абсолютно преобладали горшки – 1641 экз. (83,9%). Кроме них изредка встречались миски – 59 экз. (3%), чашки – 12 экз. (0,6%), кувшины – 7 экз. (0,4%) и дуршлаги – 2 экз. (0,1%)[1].

Лепная керамика среднего слоя Пекшевского городища по форме, орнаментации, составу теста и характеру обработки поверхности заметно отличалась от ранее известной посуды среднедонских городищ скифского времени. Большинство горшков толстостенные, тесто довольно рыхлое с примесью шамота или дресвы, часто очень крупных. Включения примесей, особенно шамота, иногда достигают размеров горошины. Поэтому внешняя поверхность многих сосудов неровная, бугристая, в ряде случаев с выступающими наружу зернами примесей. Цвет поверхности грязно-серый, бурый, реже коричневый. У большинства горшков днища небольшие, в среднем в 1,5–2 раза у́же их устьев. Свыше 70% сосудов имели выраженные закраины в месте перехода дна в тулово. Начиная с 5-го штыка в среднем слое появляются сосуды с отпечатками кленового листа на дне, более характерные для верхнего слоя IV–III вв. до н.э.

---

[1] Остальные сосуды принадлежали раннегородецким типам керамики и уже анализировались нами ранее (Медведев А.П., 1993, с. 66–71).

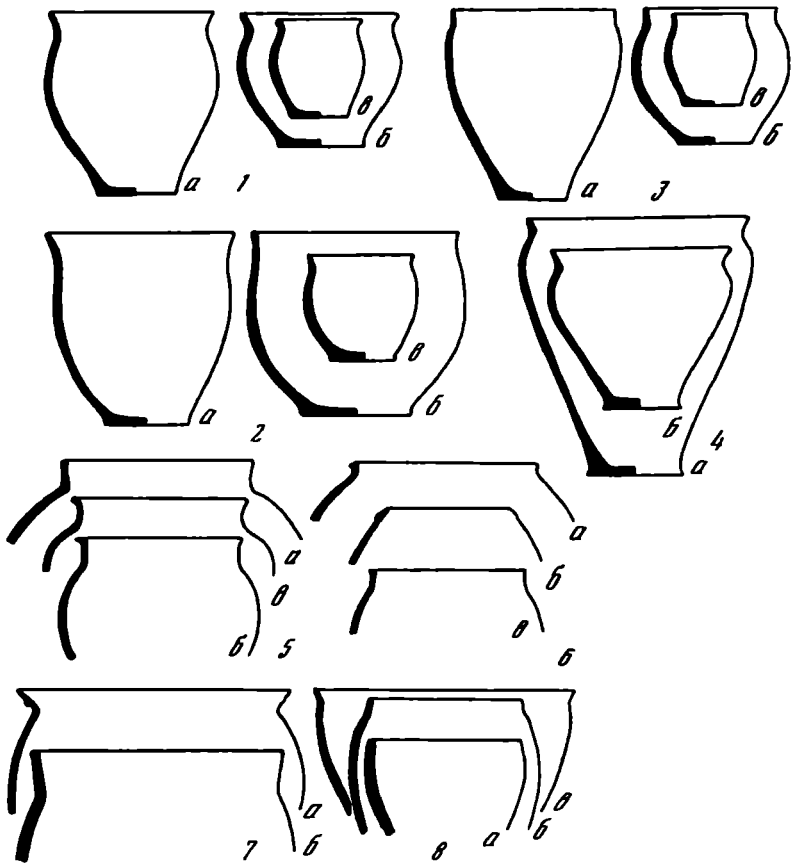


Рис. 1. Основные типы горшков Пекшевского городища

Для разработки типологии керамики отбирались фрагменты сосудов, как правило, сохранившиеся не менее чем на половину профиля. Достоверность их реконструкции коррелировалась по типам или аналогичным целым формам, найденным на лесостепных городищах Днепро-Донского междуречья. В нашей работе был учтен и по мере возможности использован опыт классификации лепной керамики Степной (Граков Б.Н., 1954, с. 68–81; Гаврилюк Н.О., 1980, с. 17–30) и Лесостепной Скифии (Петренко В.Г., 1967, с. 11–13; Ильинская В.А., 1954, с. 168–185; Шрамко Б.А., 1983, с. 73–92; Пузикова А.И., 1981, с. 41–64), но в особенности Среднего Дона (Пузикова А.И., 1969, с. 51–66). По морфологии верхней части сосудов, главным образом венчика и шейки, удалось выделить восемь основных типов горшков, каждый из которых в свою очередь подразделялся на несколько вариантов (рис. 1).

Тип 1 – венчик равномерно отогнут наружу, плавно переходит в округлое плечико, отчего профиль сосуда приобретает S-образную форму (рис. 1,*1*; 2,*5*; 3,*1–5*). Выделяются три варианта горшков этого типа (рис. 1,*1*, *а–в*).

Тип 2 – венчик чуть отогнут наружу и почти незаметно переходит в слабопрофилированное тулово, плавно закругляющееся ко дну (рис. 1,*2*; 2,*3–4*; 3,*6–7*). Варианты горшков этого типа на рис. 1,*2*,*а–в*.

Тип 3 – венчик короткий прямой, вертикально поставленный, почти сразу переходит в тулово (рис. 1,*3*; 2,*2*,*6*). Варианты этого типа на 1,*3*,*а–в*.

Тип 4 – венчик резко отогнут наружу, переходит в хорошо выраженное плечико, тулово конической формы, сильно сужается ко дну (рис. 1,*4*; 2,*1*). Выделяются два варианта сосудов этого типа на рис. 1,*4*,*а*,*б*.

Тип 5 – венчик высокий прямой или слегка прогнут, образует хорошо выраженное горло, почти всегда резко отделенное от шаровидного тулова (рис. 1,*5*; 3,*8–10*). Варианты горшков этого типа на рис. 1,*5*,*а–в*.

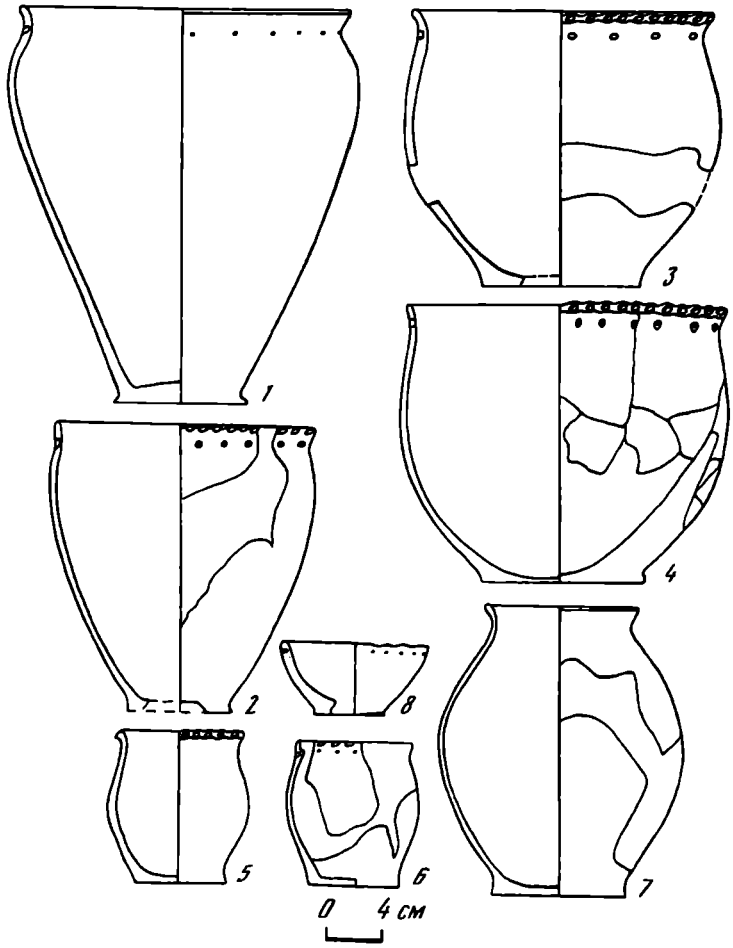


Рис. 2. Сосуды из среднего слоя Пекшевского городища

Тип 6 – короткий венчик сразу переходит в сильно расширяющееся к середине высоты тулово (рис. 1,*6*; 3,*11–13*). Варианты горшков этого типа – рис. 1,*6*,*а–в*.

Тип 7 – венчик прямой, поставлен под углом к округлому или яйцевидному тулову (рис. 1,*7*; 3,*14–16*). Выделяются два варианта горшков этого типа (рис. 1,*7*,*а*,*б*).

Тип 8 – слабо профилированные горшки почти баночной формы (рис. 1,*8*; 3,*17–20*). Три варианта сосудов этого типа – рис. 1,*8*,*а–в*.

Статистический анализ распределения типов горшков по штыкам позволил выявить некоторые тенденции развития керамического комплекса Пекшевского городища (рис. 4,*1*). В среднем слое более половины сосудов составляют горшки 1-го типа (51,4%). В целом же по времени наблюдается постепенное нарастание этого типа сосудов, достигающее максимума в 1–2-м штыках (70,1–74,4%), 2-й (10,3%) и 3-й (7,9%) типы распределяются в этом слое довольно равномерно, давая заметный "всплеск" лишь в его основании до 16,4%, 4-й тип (6,8%) появляется в основании среднего слоя (7-й штык), его доля несколько увеличивается в верхней части слоя, достигая максимума в 3-м штыке (11,7%), а затем резко идет на снижение в верхнем слое до 1,3–2,9% (1–2-й штыки), 5-й тип (10,8%) также появляется в основании среднего слоя, где его доля несколько выше (13,8%), затем она постепенно уменьшается к верхним штыкам примерно в 2 раза, 6-й тип (6,5%) дает картину неравномерного распределения с двумя заметными "всплесками": в нижней части слоя до 11,2%, а затем в 5-м штыке – 12,3% с последующим снижением до 1,8–2% в верхнем слое. Сосуды 7-го и 8-го типов стратиграфически тяготеют к нижнему слою памятника. В среднем слое их доля весьма невелика, составляет для 7-го типа максимум 3,4% (4-й штык) и для 8-го типа 5,6% (6-й штык). Если последнее легко объяснимо пережитками керамических традиций раннегородецкого населения, для которого были

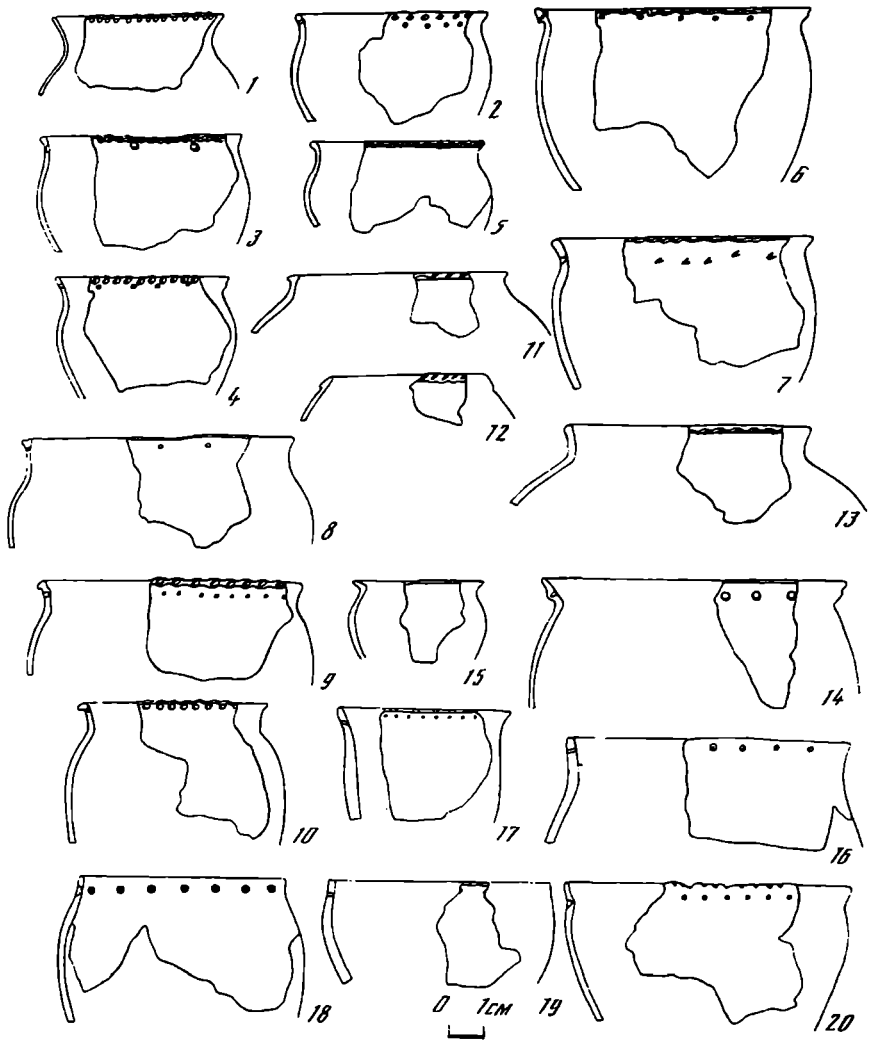


Рис. 3. Керамика из среднего слоя Пекшевского городища
1–5 – 1-й тип; *6, 7* – 2-й тип; *8–10* – 5-й тип; *11–13* – 6-й тип; *14–16* – 7-й тип; *17–20* – 8-й тип

характерны слабопрофилированные сосуды типа банок, то стратиграфическое положение в этом слое 7-го типа горшков не понятно. Не исключено, что это просто статистическое искажение, вызванное слишком небольшим числом единиц сосудов, учтенных в самых нижних штыках, что подтверждает и проверка по χ^2.

Большинство горшков среднего слоя орнаментировано. Орнамент наносился лишь на верхнюю часть сосудов – венчик и шейку. Распределение керамики в слое по этим видам орнаментации графически представлено на рис. 4,*2* и 5,*1*. По венчику преобладает орнаментация пальцевыми защипами, часто с отпечатками ногтя (56,1%). Защипы, как правило, крупные, хорошо выраженные (рис. 2,*4*; 3,*4,9*), тогда как в верхнем слое IV–III вв. до н.э. явно преобладают мелкие неглубокие вдавления ногтем по краю венчика. Второе место (16,1%) в среднем слое занимают горшки, украшенные под венчиком "оттянутым валиком", всегда орнаментированным ровными пальцевыми защипами, отчего он становится волнистым (рис. 2,*3*; 3,*5–7,13*). Увеличение доли сосудов с такой орнаментацией начинает наблюдаться с основания среднего слоя (7–8-й штыки), достигает максимума к 4-му штыку (23,6%). В верхнем слое они практически уже не встречаются (2,3–2,5%). На третьем месте – (7,4%) орнаментация горшков косыми насечками по срезу венчика (рис. 3,*11,12*). В различных штыках среднего слоя их доля достаточно стабильна и лишь несколько увеличивается (до 10,2–11,3%) в двух верхних штыках. Укажем, что примерно пятая часть сосудов не имела какой-либо орнамен-

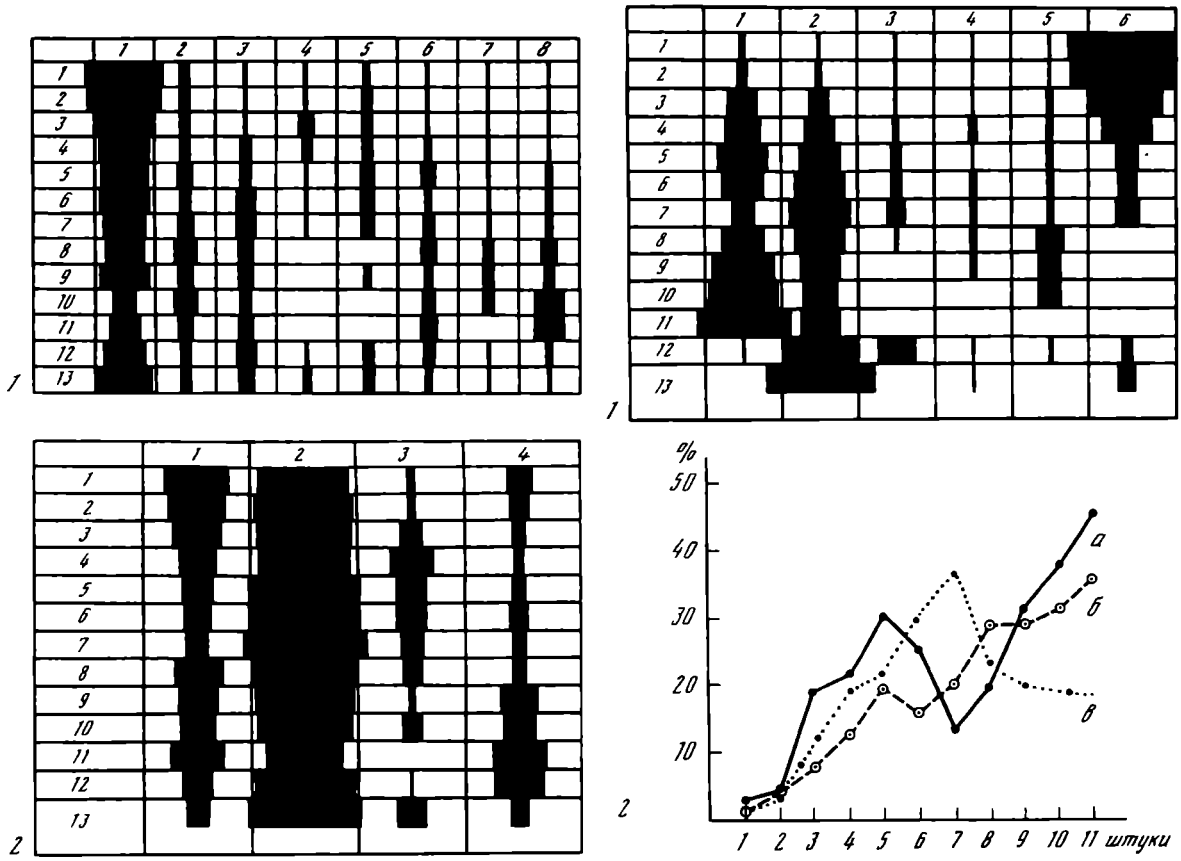


Рис. 4 Рис. 5

Рис. 4. Статистическое распределение керамики в слоях Пекшевского, Марицкого и Люботинского городищ *1* – по типам сосудов (по горизонтали: *1–8* – номера типов горшков; по вертикали: *1–11* – номера штыков Пекшевского городища; *12* – Марица; *13* – Люботин); *2* – по видам орнаментации венчиков (по горизонтали: *1* – без орнамента; *2* – пальцевые защипы; *3* – оттянутый валик; *4* – насечки; по вертикали: *1–11* – номера штыков пекшевского городища; *12* – Марица; *13* – Люботин)

Рис. 5. Статистическое распределение керамики в слоях Пекшевского, Марицкого и Люботинского городищ *1* – по видам орнаментации шейки (по горизонтали: *1* – круглые несквозные вдавления; *2* – сквозные проколы; *3* – "жемчужины"; *4* – оттиски пальца; *5* – оттиски щепки; *6* – без орнамента; по вертикали: *1–11* – номера штыков Пекшевского городища; *12* – Марица; *13* – Люботин); *2* – график распределения в слое Пекшевского городища горшков с круглыми несквозными вдавлениями (*а*), сквозными проколами (*б*), "текстильной" и "тычковой" раннегородецкой керамики (*в*)

тации по венчику (рис. 2,*1*,*7*; 3, *8*, *14–16*, *18*, *19*). В целом доля неорнаментированной керамики постепенно увеличивается от нижних штыков к верхним, достигая максимума в 1-м и 2-м штыках (31,3–35,2%).

Ниже венчика по шейке отмечены следующие виды орнамента: сквозные проколы – 23,3% (рис. 2,*4*; 3, *2*, *4*, *6*, *8*, *16*, *17*, *19*), несквозные наколы снаружи – 26,1% (рис. 2,*1–3*,*6*; 3,*9*,*20*), несквозные наколы изнутри, обычно составляющие снаружи выпуклины-жемчужины – 5,7% (рис. 3, *3*, *10*, *14*), вдавления щепки – 4,6% (рис. 3,*7*), наглубокие оттиски пальца или ногтя – 3,1% (рис. 3,*18*). Судя по стратиграфическому распределению керамики, сквозные проколы под венчиком являются ранним хронологическим показателем (рис. 5,*1*), что подтверждают наши наблюдения и по другим лесостепным памятникам. Отметим также, что в верхнем слое такая орнаментация практически исчезает. Видимо, именно по этой причине керамики с проколами почти нет на ранее исследованных городищах, которые содержали главным образом наслоения конца V–III вв. до н.э.

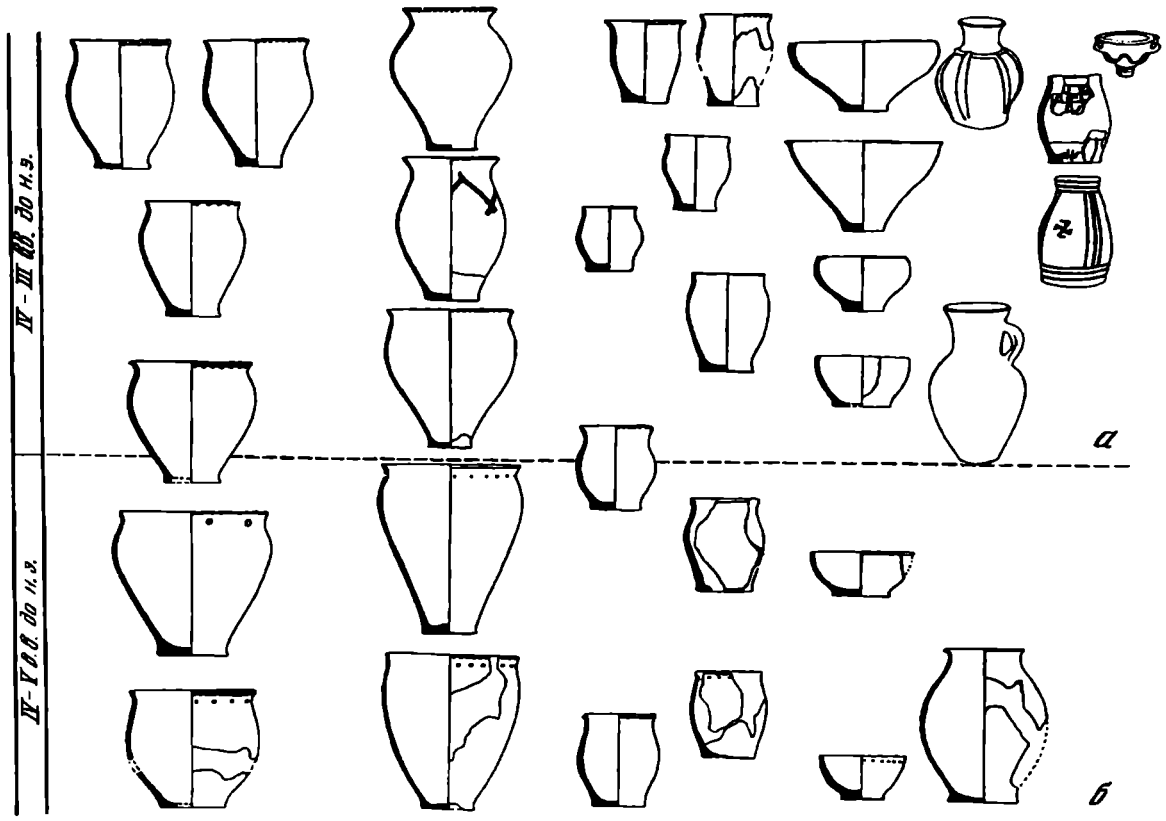


Рис. 6. Развитие керамического комплекса городищ лесостепного Подонья в скифское время

Если попытаться предельно суммировать отличительные признаки керамического комплекса среднего скифоидного слоя, наиболее рельефно выступающие в его основании, то следует признать, что для него характерны приземистые толстостенные горшки 1, 2 и 5-го типов, а также высокие, но слабопрофилированные горшки 3-го и 4-го типов (рис. 6,*а*). Они составляют основу его керамического комплекса (87,2%). Преобладает орнаментация крупными пальцевыми защипами по венчику при довольно высокой доле посуды, украшенной "оттянутым валиком"[2]. Характерную особенность этой керамической серии составляет высокий процент посуды со сквозными проколами и "жемчужинами". Весьма показательно, что наибольшее их количество происходит из основания среднего слоя, соответственно 46,6 и 13,3% (7-й штык). По этим признакам керамический комплекс среднего слоя Пекшевского городища весьма существенно отличается от всех исследованных ранее среднедонских городищ. В то же время он обнаруживает несомненную близость архаической керамике скифоидных памятников лесостепного междуречья Днепра и Дона (рис. 7). Большинство пекшевских сосудов находят близкие аналогии среди лепной нелощеной керамики Левобережья Днепра. При этом нужно отметить, что совпадают не только основные типы, но даже и редкие формы сосудов.

Не довольствуясь визуальным сходством, мы провели сравнительный статистический анализ лепной керамики среднего слоя Пекшевского городища по штыкам и ряда лесостепных памятников скифского времени Днепро-Донского междуречья. Для сопоставления были выбраны достаточно представительные коллекции с городища Марица в Посеймье (814 единиц сосудов) и городища Люботин на Северском Донце (398 единиц). Предварительно их керамические серии были классифицированы по тем же типам и признакам, что и серии Пекшевского городища. Используя компьютерную

[2] На наш взгляд, "оттянутый валик" представляет не что иное, как заключительную ступень развития орнаментации горшков с расчлененным валиком, который со временем "поднимался" с середины и плечиков сосуда на его шейку, а затем под венчик, чтобы окончательно слиться с последним.

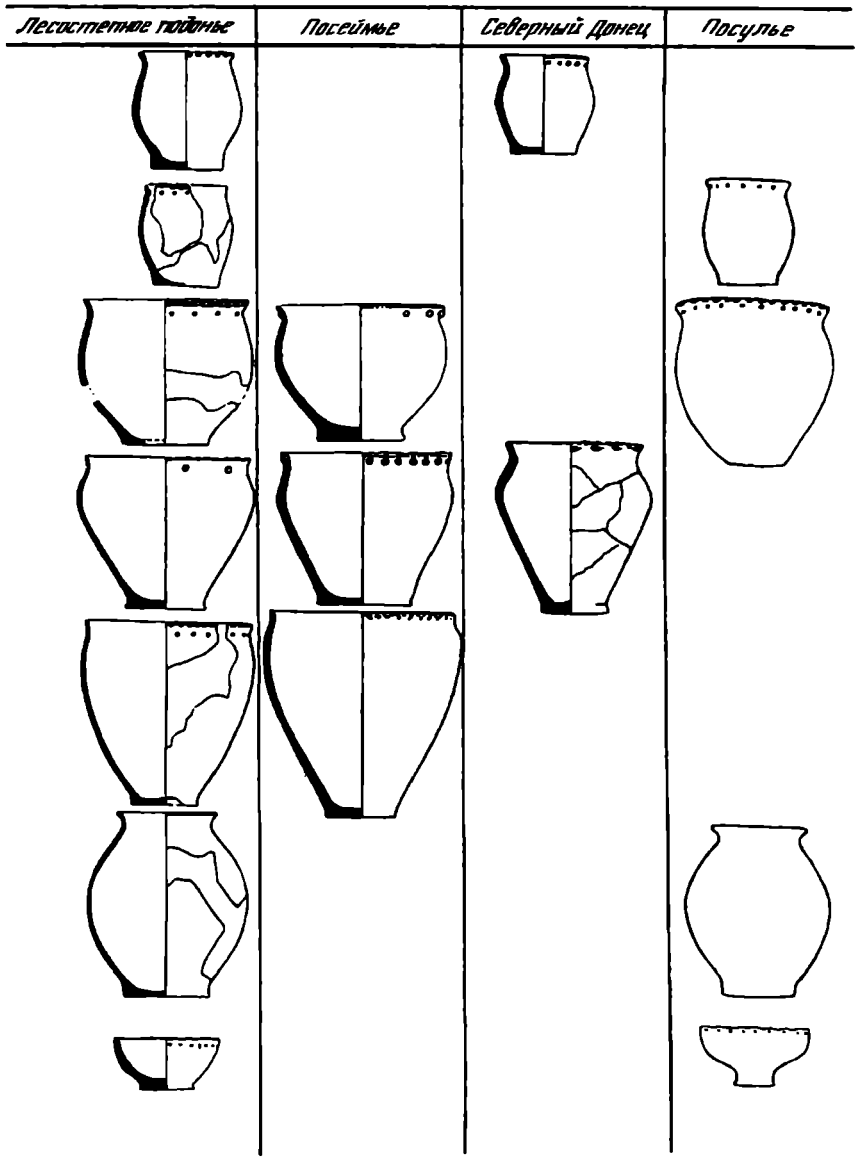


Рис. 7. Ранние формы лепной посуды среднедонской культуры и их лесостепные аналоги

программу определения коэффициента сходства по методу Брейнерда–Робинсона, нами была установлена степень близости керамики среднего слоя Пекшевского городища с керамическими комплексами Марицы и Люботина по трем видам признаков: форме сосуда, орнаментации венчика и орнаментации шейки.

Проведенный анализ позволил надежно определить средний коэффициент сходства проанализированных выше керамических серий по трем указанным видам признаков (таблица). В результате были получены следующие данные. Наиболее высокую степень близости обнаружил 7-й штык слоя Пекшевского городища и Марицы – 0,82, а также 6-й штык изучаемого памятника и городища Люботин – 0,79. Причем следует отметить, что указанные коэффициенты сходства даже чуть выше, чем Марицы и Люботина между собой – 0,76. Исходя из предложенных Д. Кларком критериев определения степени близости археологических памятников (Clark D.L., 1968, p. 398), полученные показатели убедительно свидетельствуют не только о принадлежности Пекшевского городища, Марицы и Люботина к одной лесостепной скифоидной культуре, но по существу даже к одному ее варианту. На наш взгляд, выявленные П.Д. Либеровым локальные особенности керамического комплекса Среднего Дона (Либеров П.Д., 1965, с. 19) появляются несколько позже – в конце V–IV вв. до н.э. – в

Средние коэффициенты сходства лепной керамики Пекшевского, Марицкого, Люботинского городищ по трем видам признаков (тип сосудов, вид орнамента по венчику, вид орнамента по шейке)

№ признаков	Номера штыков												
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
1	1000	943	787	660	570	563	537	487	540	420	443	540	563
2	943	1000	823	700	623	613	587	530	577	453	467	577	603
3	787	823	1000	850	753	740	693	647	660	553	527	617	660
4	660	700	850	1000	857	840	767	717	737	640	580	680	713
5	570	623	753	857	1000	920	860	797	793	720	663	740	737
6	563	613	740	840	920	1000	887	800	807	680	637	760	793
7	537	587	693	767	860	887	1000	757	717	630	597	817	783
8	487	530	647	717	797	800	757	1000	847	827	713	670	640
9	540	577	660	737	793	807	717	847	1000	843	757	697	653
10	420	453	553	640	720	680	630	827	843	1000	813	597	537
11	443	467	527	580	663	637	591	713	757	813	1000	613	513
12	540	577	617	680	740	760	817	670	697	597	613	1000	760
13	563	603	660	713	737	797	787	640	653	537	513	760	1000

Примечание. По вертикали и горизонтали: 1–11 – номера штыков Пекшевского городища; 12 – Марица; 13 – Люботин.

результате некоторого обособления среднедонских племен от их западных соседей, культурных заимствований и подражаний, в частности формам античной посуды (рис. 6,*б*). Но их все же явно недостаточно для выделения на Среднем Дону особой археологической культуры. При всем своеобразии среднедонские памятники V–III вв. до н.э. отличаются от других локальных вариантов не более чем последние между собой. Поэтому, употребляя понятие "среднедонская культура скифского времени", мы отдаем дань сложившейся традиции, понимая всю его условность.

В то же время сопоставление пекшевской керамики из среднего слоя с лепной посудой Марицкого городища в Посеймье, Люботинского городища на Северском Донце, Восточного Бельского городища и поселения Лихачевка на Ворскле при всей действительной близости их форм и орнаментов показывает все же производный и в целом более поздний характер изученной нами серии. Так, на пекшевской посуде ни разу не встречен налепной валик ниже венчика, очень характерный для лепной архаической керамики лесостепного Поднепровья VII–VI вв. до н.э., но уже изредка встречающийся на горшках с городищ Посеймья (Пузикова А.И., 1981, с. 44, рис. 22,*5,7*) и крайне редко на среднедонских городищах. В Пекшеве несколько ниже процент посуды со сквозными проколами – максимум 46,6% в 7-м штыке, тогда как на Марице 55,8%. Реже встречаются и "жемчужины" – максимум 13,8% в 7-м штыке, в то время как на Марице они характерны для 29,1% керамики.

На наш взгляд, все проанализированные выше данные достаточно определенно свидетельствуют о том, что лесостепные скифоидные городища междуречья Днепра и Дона, несмотря на некоторые их локальные различия, демонстрируют в общем одну генеральную линию развития лепной керамики, хорошо выявляемую во времени и пространстве по изменению указанных показателей. В Среднем Поднепровье, где, скорее всего, зарождается скифоидный керамический комплекс, они, естественно, выше, в Посеймье несколько ниже, а на Дону – существенно ниже исходных.

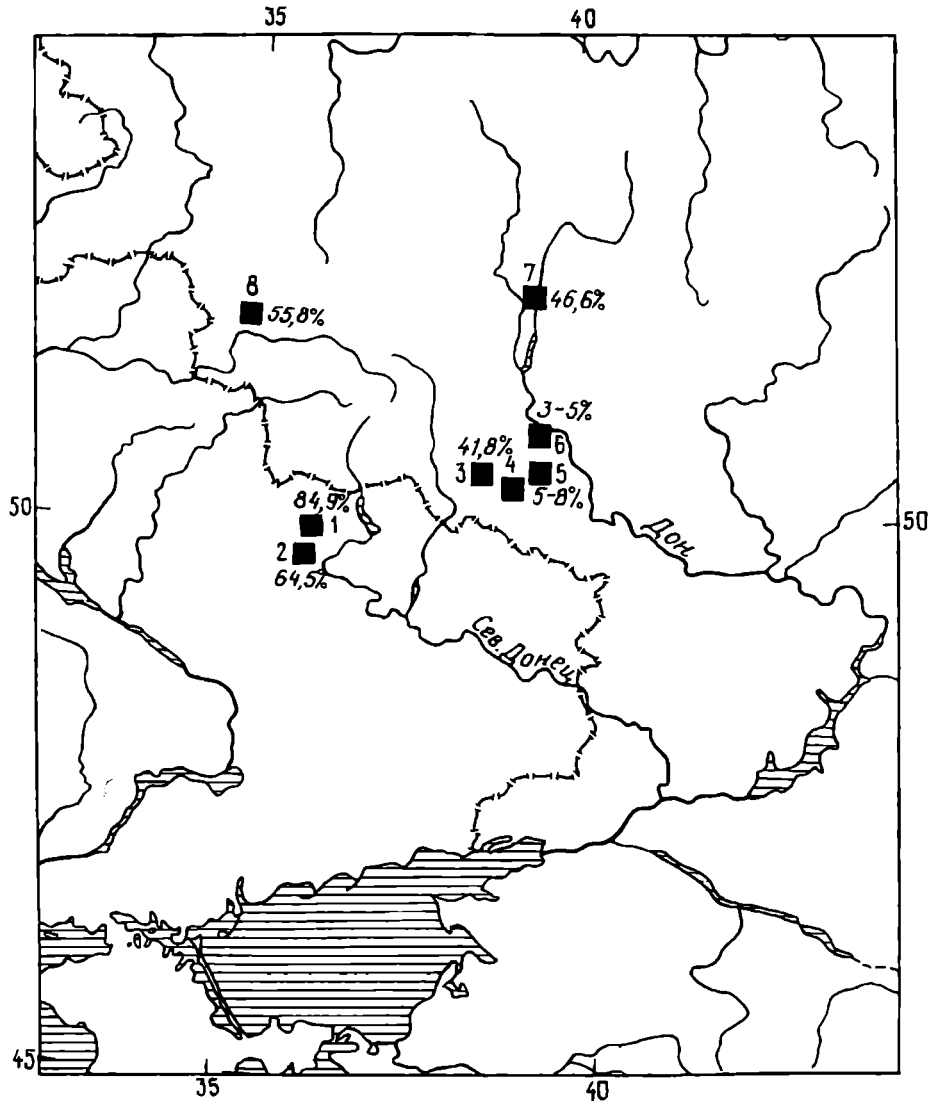


Рис. 8. Распространение лепной керамики со сквозными проколами на лесостепных городищах Днепро-Донского междуречья

1 – Люботин; *2* – Городище; *3* – Верхняя Покровка II; *4* – Кировское (4%) ; *5* – Русская Тростянка; *6* – Большое Сторожевое; *7* – Пекшево; *8* – Марица

Весьма показательно, что очень близкую линию развития отражают керамические материалы среднедонских городищ Правобережья, хотя до сих пор здесь не исследованы памятники со стратифицированными слоями, сколь-нибудь сопоставимыми с Пекшевским городищем. Используя тот же показатель – процент керамики с проколами под венчиком, – проанализируем материалы среднедонских городищ. Судя по этому показателю, наиболее ранним из них следует признать городище Верхняя Покровка II, что подтверждают и некоторые другие данные, в том числе очень архаический тип укреплений в виде двойной деревянной стены без вала и рва. Как показали наши раскопки 1990 г., горшки со сквозными проколами составляют здесь в целом 41,8%, тогда как в основании слоя их еще больше – до 55%. На сегодняшний день это наиболее высокий индекс керамики с проколами для среднедонских городищ. На наш взгляд, он далеко не случаен. Дело заключается в том, что городище Верхняя Покровка II является крайним западным памятником среднедонской культуры. Географически оно занимает промежуточное положение между скифоидными городищами бассейна Северского Донца и Среднего Дона.

Если мы попытаемся последовательно нанести на карту лесостепные памятники междуречья, используя индекс керамики со сквозными проколами по мере его убы-

вания (рис. 8), то получим следующий нисходящий ряд: Люботин – 84,9%, у хутора Городище – 64,5% на Северском Донце, Верхняя Покровка II – 41,8% в верховьях Тихой Сосны, Кировское городище – 5–8% и Русская Тростянка – 4% в ее среднем течении, Большое Сторожевое городище от 3 до 5% на Среднем Дону, остальные – менее 3% (Пузикова А.И., 1969, с. 65). Укажем также, что на городищах с более высоким процентом керамики с проколами, как правило, имеется античный керамический импорт конца VI–V вв. до н.э. Поэтому использованный выше показатель, на наш взгляд, достаточно объективно отражает процесс развития во времени и распространения в пространстве архаического скифоидного керамического комплекса: из лесостепного Поднепровья через бассейны Сейма и Северского Донца на Верхний и Средний Дон.

На Среднем Дону до сих пор пока не удалось выявить какой-либо его подстилающий субстрат. На Верхнем Дону он сейчас известен. Здесь таковыми являлись носители культуры "текстильной керамики" (Медведев А.П., 1993, с. 71). Некоторые элементы их керамической традиции продолжали сохраняться и у населения Пекшевского городища в VI–V вв. до н.э. Стратиграфический анализ распределения керамики этого памятника по некоторым видам орнаментации позволил выявить интересную тенденцию, видимо, отражающую еще одну сторону этнокультурных контактов местного и пришлого скифоидного населения (рис. 5,*2*).

Оказалось, что керамика, украшенная рядом неглубоких круглых ямок по шейке, преобладает в нижнем раннегородецком слое, где ее доля достигает 71,4%. В основании среднего скифоидного слоя ее количество резко сокращается до 16,4%, потом постепенно несколько возрастает до 38,1% в 5-м штыке, чтобы затем вновь сильно уменьшиться в верхнем слое до 4,4%. В распределении керамики со сквозными проколами выявляется прямо противоположная тенденция. В основании среднего слоя наблюдается явный "всплеск" этого вида орнаментации до 46,6% с последующим постепенным снижением ее доли в верхних штыках до 2,3–4,6%. Обращает на себя внимание полное стратиграфическое, а значит, и хронологическое совпадение наибольшего распространения керамики со сквозными проколами при одновременном максимальном снижении доли более древней орнаментации в виде ряда круглых ямок по шейке. Пик первых и максимальный спад вторых приходятся на основание среднего слоя (7-й штык) и, скорее всего, как-то связаны с событиями, в результате которых на мысу погибает древнейшее раннегородецкое поселение, а затем возникает скифоидное городище.

Скорее всего, здесь мы имеем дело с некоторым подавлением керамических навыков субстратного населения с последующим частичным их возрождением, но уже на лепной посуде совсем иной керамической традиции. Также, вероятно, не случайно присутствие среди этой керамики довольно большого числа сосудов с примесью дресвы в тесте – технологического признака городецкой керамики (Беседин В.И., 1992, с. 41, 42).

Свидетельства появления в этом регионе скифоидного этнокультурного комплекса не исчерпываются лишь лепной керамикой. В среднем слое Пекшевского городища обнаружен ряд других находок, весьма красноречиво указывающих на его истоки. Рассмотрим наиболее важные из них.

Из среднего слоя происходят две булавки с навершием, завитым в виде многовитковой спирали (рис. 9,*1,2*). Все известные экземпляры этого типа происходят из комплексов Днепровской Правобережной и Западноподольской групп (Петренко В.Г., 1978, с. 18, 19, табл. 13, 18). Их датируют концом VII – началом V в. до н.э. На полу постройки № 3, относящейся к наиболее архаичному типу жилищ, найдена булавка с бронзовым ажурным навершием листовидной формы (рис. 9,*3*) и железной иглой. Начиная с раннескифского времени и кончая III в. до н.э. такие украшения были довольно широко распространены в Верхнем Поднепровье, Подесенье, Посеймье и особенно на Верхней Оке (Рассадин С.Е., 1991, с. 110–114). Четвертая булавка посоховидного типа обнаружена на границе среднего и верхнего слоев (рис. 9,*4*). Она

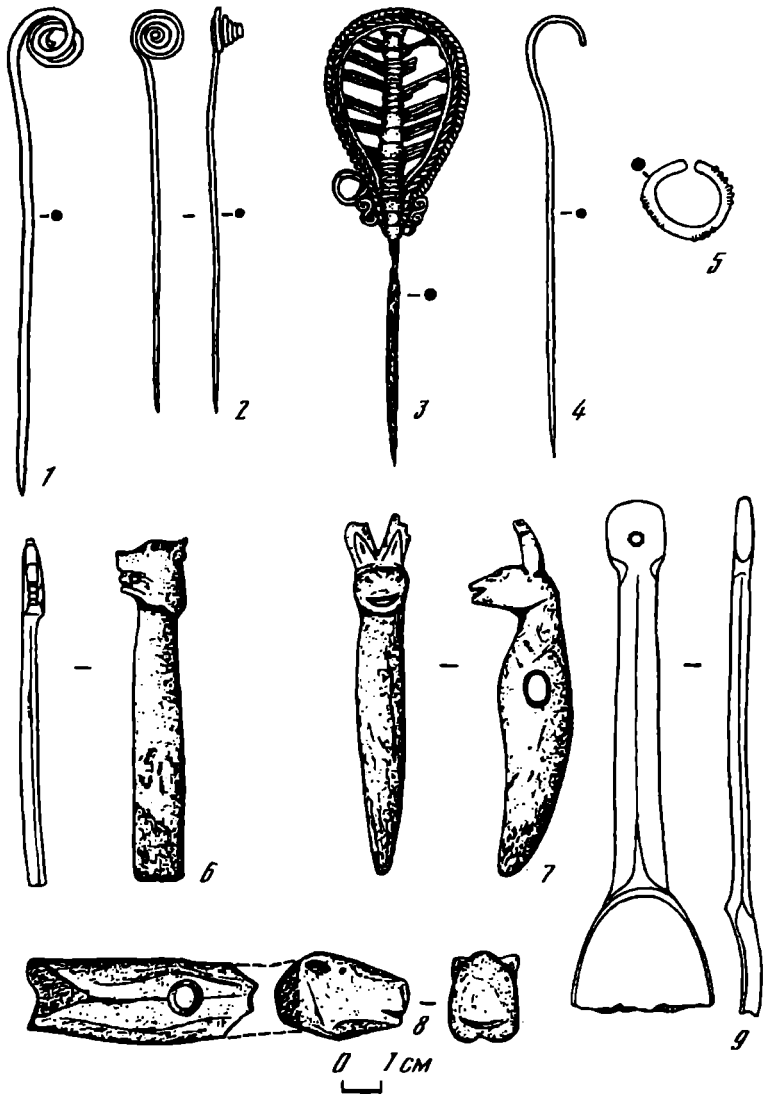


Рис. 9. Находки из среднего слоя Пекшевского городища
1, 2, 4, 5 – бронза; *3* – бронза-железо; *6, 8–9* – кость; *7* – рог

принадлежит более позднему типу, который встречается в Днепровском Правобережье и Степной Скифии IV–III вв. до н.э. (Петренко В.Г., 1978, с. 17, табл. 11,*25*). В основании среднего слоя найдено небольшое бронзовое кольцо с несомкнутыми концами, внешняя поверхность которого украшена группами рубчиков (рис. 9,*5*). Характерная орнаментация сближает эту находку с литыми браслетами "латенского стиля". Но от последних ее отличают слишком небольшие размеры. Довольно близкое украшение встречено на Пастырском городище в землянке, надежно датируемой по античной керамике VI в. до н.э. (Петренко В.Г., 1978, с. 34, табл. 27,*22*).

К числу наиболее ранних находок относятся и некоторые костяные изделия. Прежде всего это вырезанные из кости ложки, ранее в лесостепном Подонье не встречавшиеся (рис. 9,*9*). Они обнаруживают аналогии в архаических скифских комплексах, в частности в погребении из Ново-Александровки на Нижнем Дону (Максименко В.Е., 1983, с. 39, рис. 24,*8*). По найденной в нем амфоре последнее сейчас датируется С.Ю. Монаховым первой половиной VI в. до н.э.

Несколькими экземплярами представлены изделия в зверином стиле (рис. 9,*6–8*). На ручке ложки вырезано изображение головки хищника, скорее всего, медведя (рис. 9,*6*). По заключению ознакомившейся с этой находкой Е.В. Переводчиковой, оно обладает стилистическими особенностями раннескифского звериного стиля. То же самое следует

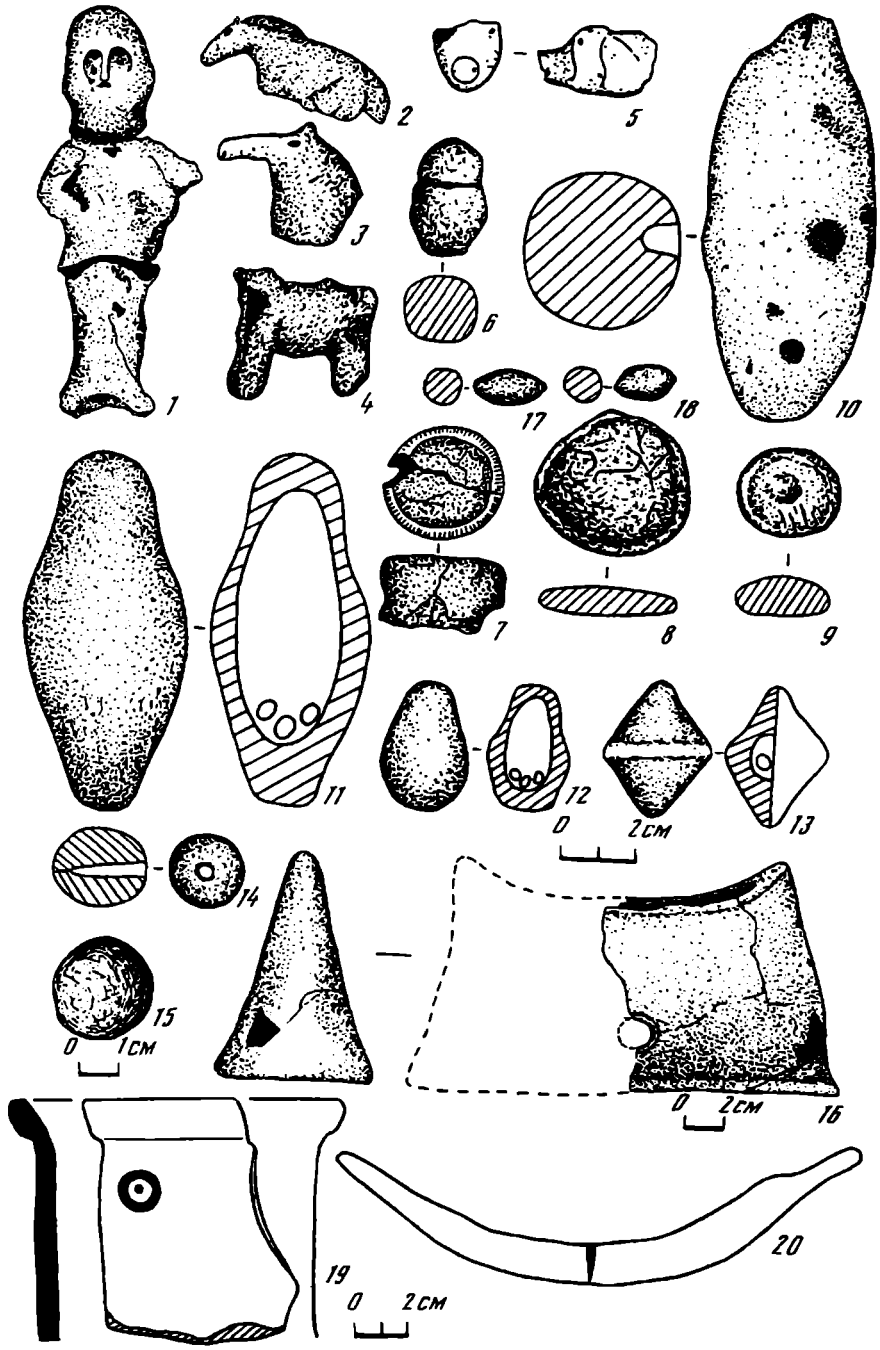


Рис. 10. Находки из среднего слоя Пекшевского городища *1–19* – глина; *20* – железо

сказать и о роговом изделии с круглым отверстием в центре, верх которого украшен головкой травоядного животного с подчеркнуто большими прямостоящими ушами (рис. 9,*7*). Возможно, это конский налобник. Ближайшая аналогия ему – навершие костяного трехдырчатого псалия из погребения кург. 9 у с. Волковцы в Посулье, совершенного не позже середины VI в. до н.э. (Ильинская В.А., 1968, с. 70, табл. XIX,*4*).

В среднем слое и ранних постройках найдена серия весьма выразительных поделок из глины, на наш взгляд, проливающих дополнительный свет на культуру первых обитателей городища. На полу ранней постройки № 18 лежали фрагментированные антропоморфные фигурки (рис. 10,*1*). В ямках № 9 и 19, также связанных с другой ранней постройкой, найдены разбитые зооморфные фигурки, в том числе быка

(рис. 10,*4*), свиньи (рис. 10,*5*), но больше всего лошади (рис. 10,*2,3*). Как известно, грубые антропо- и зооморфные фигурки являлись важным элементом культуры рядовых обитателей лесостепных городищ начиная с раннескифского времени (Шрамко Б.А., 1987, с. 128–135, рис. 62–64; Ковпаненко Г.Т. и др., 1989, с. 54, 80). В Подонье кроме Пекшевского городища глиняные антропо- и зооморфные изделия встречены на Большом Сторожевом, Кировском, Волошинском I городищах (Пузикова А.И., 1969, с. 77; 1995, с. 5, рис. на с. 14).

К изделиям культового назначения, скорее всего, относятся и такие поделки, как глиняные лепешки и хлебцы (рис. 10,*7–9*), небольшие круглые шарики (рис. 10,*14, 15*), модели культурных злаков (рис. 10,*17, 18*) и желудей (рис. 10,*6*). Все эти изделия впервые появляются на Пекшевском городище в среднем слое. Они также имеют многочисленные аналогии на лесостепных скифоидных поселениях (Шрамко Б.А., 1987, с. 134–139, рис. 65, *1–4*; Ковпаненко Г.Т. и др., 1989, с. 80, рис. 19,*47, 48*), в том числе и в Посеймье (Пузикова А.И., 1981, с. 84–86, рис. 43,*1–7, 26–48*). К этой же категории находок следует отнести и глиняные яйцевидные блоки, иногда с неглубокими пальцевыми вдавлениями на поверхности (рис. 10,*10*). Судя по стратиграфии Пекшевского городища, древнейшие из них появляются в основании среднего слоя, хотя наиболее широкое распространение они получают позже – в IV–III вв. до н.э. (Медведев А.П., 1988, с. 114, рис. 3,*1,2*). Большинство исследователей считают керамические яйцевидные блоки одним из специфических признаков юхновской культуры (Алихова А.Е., 1962, с. 109; Пузикова А.И., 1981, с. 86). Скорее всего, именно от юхновцев они попали к обитателям скифоидных городищ Посеймья, а уже через последних – на Верхний Дон.

С начальным этапом истории Пекшевского городища связаны находки глиняных детских погремушек (рис. 10,*11–13*). Укажем, что до этого времени на городищах лесостепного Подонья они также ни разу не встречались. Погремушки являются довольно частой находкой на городищах Посеймья, как юхновских, так и скифоидных. На последних они обнаружены в слоях VI–V вв. до н.э. (Алихова А.Е., 1962, с. 102; Пузикова А.И., 1981, с. 87, рис. 43,*24*). Известны они и на Северском Донце, в частности в составе жертвенного комплекса на городище Караван (Шрамко Б.А., 1962, с. 200, рис. 77,*11*). Глиняные погремушки встречены и на дьяковских памятниках, но в слоях более поздних, нежели на Пекшевском городище (Розенфельд И.Г., 1974, с. 56–60).

На городище довольно часто встречались "рогатые" кирпичи, скорее всего, являющиеся глиняными очажными подставками (рис. 10,*16*). Более 70% их стратиграфически надежно связаны с основанием среднего слоя. Подобные "рогатые" кирпичи известны на юхновских (Воеводский М.В., 1949, с. 71, рис. 17,*15*), дьяковских (Дубынин А.Ф., 1974, табл. XXVI,*1*), а также на ранних городецких городищах (Трубникова Н.В., 1953, с. 86). Встречаются они и в слоях скифоидных городищ, в том числе и в Посеймье (Пузикова А.И., 1981, с. 87). На Среднем Дону известна лишь одна подобная находка (Пузикова А.И., 1969, с. 78, рис. 3,*17*). Не вдаваясь сейчас в сложный вопрос о происхождении этой категории изделий, учтем, что, скорее всего, на Верхний Дон они попали из Посеймья вместе со всем архаичным скифоидным комплексом. Их северное происхождение маловероятно, так как "рогатые" кирпичи появляются на городищах дьякова типа лишь во II слое, т.е. не ранее конца III в. до н.э. (Розенфельд И.Г., 1974, с. 101), что значительно позже времени отложения среднего слоя Пекшевского городища.

Начиная с нижних штыков среднего слоя, на Пекшевском городище появляются глиняные пряслица. Здесь их найдено около 130 штук. По форме и орнаментации они чрезвычайно разнообразны. Но основные их типы близки или даже аналогичны керамическим пряслицам Северского Донца, Ворсклы и Сейма при существенном отличии от пряслиц милоградской, юхновской, дьяковской и городецкой культур. Из других изделий укажем находки в среднем слое и в одной из ранних построек железных

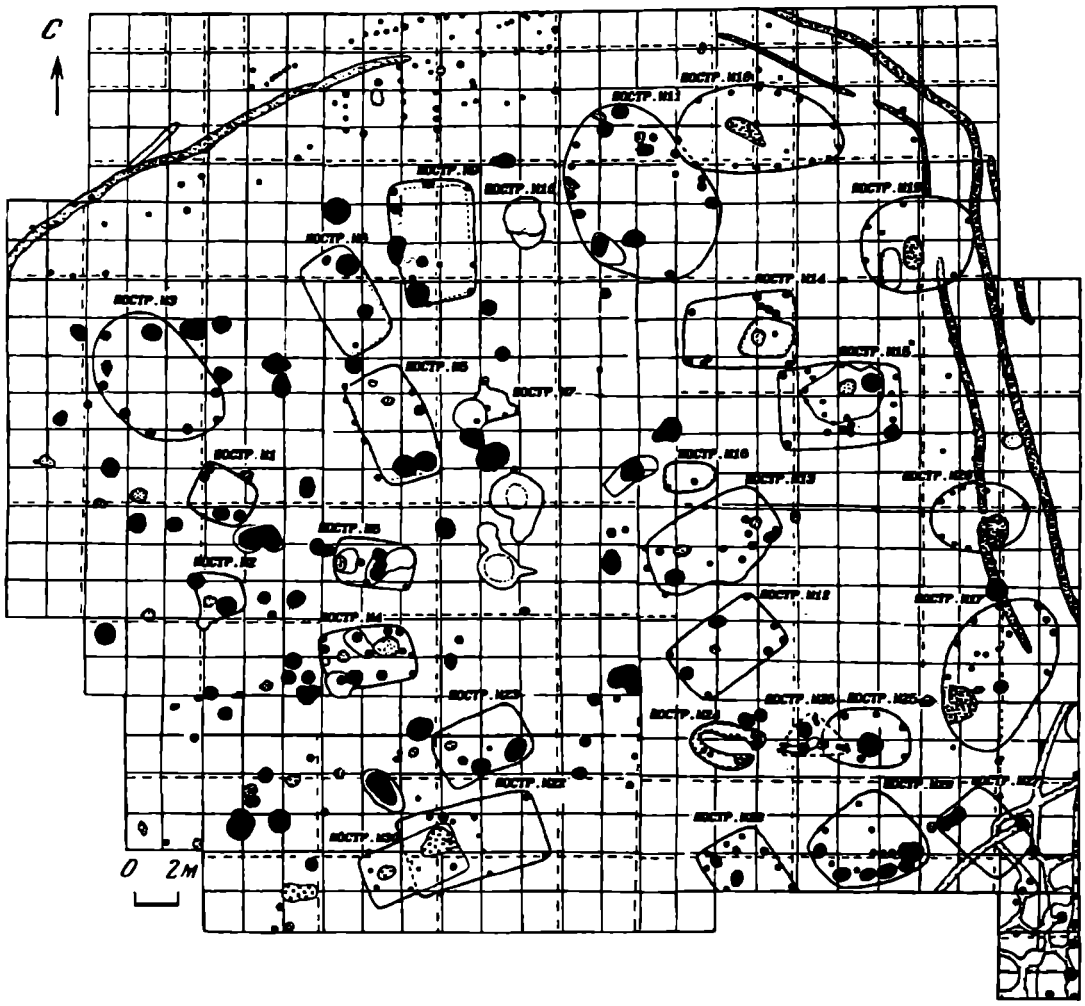


Рис. 11. План центральной части Пекшевского городища

серпов (рис. 10,*20*). Это наиболее ранние свидетельства распространения в Подонье хозяйственно-культурного типа лесостепных земледельческих племен.

Как известно, жилище является важнейшей составной частью любого этнокультурного комплекса. На Пекшевском городище исследована 31 постройка, из которых 25 можно определенно отнести к жилым (рис. 11). По форме последние подразделяются на два основных типа.

Тип 1 – наземные постройки столбовой конструкции округлой или элипсовидной в плане формы. Их открыто всего шесть. Минимальные размеры построек 3,5×4,8 м, максимальные – 6×9 м. Они отапливались открытыми очагами числом от одного до трех в зависимости от размеров жилища.

Тип 2 – наземные или слабоуглубленные постройки также столбовой конструкции, но прямоугольной формы. Их исследовано 17. Минимальные размеры 2,6×3,1 м, максимальные – 4,05×6,9 м. Отопительные устройства – один–три очага на полу жилища или непосредственно рядом с ним. В некоторых постройках этого типа обнаружены скопления обожженной глиняной обмазки с отпечатками прутьев от плетневых стен на столбовом каркасе.

Оба типа построек обнаруживают многочисленные аналогии среди жилищ населения Украинской лесостепи. Отметим, что наземные жилища округлой формы появляются в лесостепном Поднепровье еще в предскифское время, но получают наиболее широкое распространение в эпоху архаики. Близкие по форме и размерам жилые постройки обнаружены на Басовском городище в Посулье (Іллінська В.А., 1965, с. 37, рис. 7). Сходную конструкцию и планировку имели некоторые жилища Трахтемиров-

ского, Пастырского и других городищ Днепровского Правобережья (Ковпаненко Г.Т. и др., 1989, с. 15–17), на городищах у с. Караван и у хутора Городище, на селищах у сел Шелковая и Островерховка в бассейне Северского Донца (Шрамко Б.А., 1962, с. 183–185). По нашим наблюдениям, большинство округлых построек этого типа открыто на поселениях VI–V вв. до н.э.

Жилища 2-го типа как прямоугольной, так и подквадратной формы сооружаются лесостепным населением Днепро-Донского междуречья также с раннескифского времени. В Посеймье они представляют господствующий тип жилищ (Пузикова А.И., 1981, с. 14–22). В Среднем Подонье они исследованы на Волошинском I городище (Пузикова А.И., 1969, с. 47). Ряд легких наземных построек подквадратной формы в последние годы открыт экспедицией Воронежского пединститута на городище Мостище. В Подонье практически все постройки 2-го типа связаны с городищами V – начала III в. до н.э.

Планиграфический и стратиграфический анализ распределения построек Пекшевского городища позволил установить весьма важную закономерность. Все постройки 1-го типа располагались по периметру городищенской площадки недалеко от ее края (рис. 11). Большинство из них оказались перекрыты культурными отложениями среднего слоя. Обнаруженные в них находки – архаическая керамика с проколами, костяные изделия в зверином стиле (рис. 9,*7,8*), булавка (рис. 9,*3*) позволяют датировать их тем же временем, что и средний слой. Открытая на Пекшевском городище древнейшая планировка весьма показательна сама по себе. Подобное расположение жилищ по краям городищенской площадки или по кругу с оставлением незастроенной центральной части весьма характерно для лесостепных памятников VII–VI вв. до н.э. (Шрамко Б.А., 1962, с. 184; Ковпаненко Г.Т. и др., 1989, с. 15; Гавриш П.А., 1992, с. 98).

На Пекшевском городище исследованы не только внешняя и внутренняя линии обороны, состоящие из валов и рвов, но и укрепления по всему периметру основной городищенской площадки (рис. 11). Под внешним валом и вдоль склонов мыса выявлены две, местами три параллельные канавки шириной 0,25–0,5 м, глубиной в материке 0,2–0,4 м. Они служили основаниями деревянных стен, состоявших из вертикально вкопанных столбов. В процессе раскопок неоднократно было установлено, что дерево-земляные укрепления на склонах мыса были сооружены после пожара, уничтожившего древнейшее поселение с "текстильной керамикой". На это определенно указывают случаи прорезания канавками углистой прослойки древнейшего пожара и лежащего под ней нижнего слоя. Видимо, с этими событиями связаны находки черепов и разрозненных человеческих костяков, встреченные на склонах мыса и даже в заполнении канавок (Медведев А.П., 1993, с. 71).

Время сооружения древнейших укреплений позволяют определить находки в основании внешнего вала, где также расчищены три канавки и дополнительная внутренняя линия столбовых ям. Кроме ранней керамики с проколами здесь встречен фрагмент амфоры, орнаментированной красной полосой. По определению С.Ю. Монахова, она была изготовлена в одном из ионийских центров не позже второй половины VI в. до н.э. Верх другой амфоры, украшенной по горлу кругом с точкой, нанесенными той же краской, найден в 5-м штыке культурного слоя (рис. 10,*19*). Она датируется тем же временем, что и первая. Но, судя по ее стратиграфическому положению, городище возникло значительно раньше, так как к началу поступления античного импорта здесь уже успел накопиться полуметровый культурный слой с материалами выраженного скифоидного облика.

Открытый на Пекшевском городище тип древнейших укреплений характерен для многих лесостепных городищ Днепро-Донского междуречья раннескифского времени. Представляется, что именно с возведения такой деревянной стены начиналась история большинства скифоидных городищ. В бассейне Северского Донца подобные укрепления имели городища Люботин и Большая Гомольша (Моруженко А.А., 1985, с. 169). Основу древнейших укреплений Восточного и Западного Бельских городищ составляли

стены из вертикально вкопанных столбов, от которых остались канавки вдоль внешних краев городищ (Шрамко Б.А., 1987, с. 25–29, рис. 4,7). В Посеймье остатки двух-трех параллельных канавок от стен вдоль склонов исследованы на городищах Кузина Гора, Марица, Нартово, Переверзево I, Глебово (Алихова А.Е., 1962, с. 93, рис. 3; Пузикова А.И., 1981, с. 12). Подобные укрепления известны и на самых ранних среднедонских городищах (Пузикова А.И., 1969, с. 46). В последние годы они открыты на ряде городищ по р. Воронеж: Животинном, I и II Чертовицких.

Итак, проведенный нами комплексный анализ материалов Пекшевского и других ранних донских городищ свидетельствует о преимущественно западных (относительно Подонья) истоках материальной культуры их обитателей. По массовому керамическому материалу и вещевому инвентарю, украшениям и культовым изделиям, домостроительству и оборонительным сооружениям они явно тяготеют к скифоидным памятникам днепровского лесостепного Левобережья, Северского Донца, но особенно Посеймья. Именно эти более западные лесостепные элементы составили основное этнокультурное ядро среднедонских племен скифского времени. Их появление в Подонье мы связываем с процессами расселения скифоидного земледельческо-скотоводческого населения. По имеющимся на сегодняшний день данным, к освоению донского региона они приступили не позже начала VI в. до н.э. Массовое же его заселение приходится на V и особенно на IV в. до н.э., к которому и относится абсолютное большинство среднедонских городищ и поселений.

На Верхнем Дону, по крайней мере на начальном этапе, расселение скифоидных племен сопровождалось военными столкновениями с раннегородецким населением. Представляется, что в отличие от постепенного мирного хозяйственного освоения среднедонского региона миграция скифоидных племен в верхнедонской регион в значительной мере была вынужденной. Судя по археологическим материалам, основную массу переселенцев здесь составили выходцы из Посеймья, вынужденные покинуть свои насиженные места под воздействием все более усиливающегося давления юхновских племен (Алихова А.Е., 1962, с. 115, 116; Пузикова А.И., 1981, с. 100, 101).

Так в свете новейших раскопок нам представляются истоки культуры рядового населения городищ лесостепного Подонья скифского времени. Исследования последних лет выявили глубокие различия между ней и субкультурой военно-аристократической верхушки, погребенной в Воронежских курганах типа Частых и Мастюгинских (Медведев А.П., 1992, с. 72). Их феномен требует отдельного специального изучения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алихова А.Е., 1962. Древние городища Курского Посеймья // МИА. № 113.

Беседин В.И., 1992. Формовочные массы керамики и изучение этнокультурных процессов в лесостепном Подонье // Теория и методика исследований археологических памятников лесостепной зоны. Липецк.

Воеводский М.В., 1949. Городища Верхней Десны // КСИИМК. Вып. XXIV.

Гаврилюк Н.О., 1980. Кераміка степових скіфських поховань IV–III ст. до н.э. // Археологія. Вып. 34.

Гавриш П.А., 1992. Краткие итоги исследований Кнышевского городища скифского времени на Пеле // История и археология Слободской Украины. Харьков.

Граков Б.Н., 1954. Каменское городище на Днепре // МИА. № 36.

Граков Б.Н., Мелюкова А.И., 1954. Об этнических и культурных различиях в степных и лесостепных областях Европейской части СССР в скифское время // Вопросы скифо-сарматской археологии. М.

Дубынин А.Ф., 1974. Щербинское городище // Дьяковская культура. М.

Замятнин С.Н., 1946. Скифский могильник "Частые курганы" под Воронежем // СА. Вып. VIII.

Ильинская В.А., 1954. Керамика скифских погребений Посулья // Вопросы скифо-сарматской археологии. М.

Іллінська В.А., 1965. Басівське городище // Археологія. Вып. XVIII.
Ильинская В.А., 1968. Скифы Днепровского лесостепного Левобережья. Киев.
Ильинская В.А., 1977. Может ли Бельское городище быть городом Гелоном // Скифы и сарматы. Киев.
Ковпаненко Г.Т., Бессонова С.С., Скорый С.А., 1989. Памятники скифской эпохи Днепровского лесостепного Правобережья. Киев.
Либеров П.Д., 1965. Памятники скифского времени на Среднем Дону // САИ. Вып. Д1-31. М.
Либеров П.Д., 1971а. Древняя история Подонья. Дис. ... д-ра ист. наук // Архив ИА РАН. Р-2. № 2088. М.
Либеров П.Д., 1971б. Этническая принадлежность населения Среднего Дона в скифское время // МИА. № 177.
Макаренко Н.Е., 1911. Археологические исследования 1907–1909 гг. // ИАК. Вып. 43.
Максименко В.Е., 1983. Савроматы и сарматы на Нижнем Дону. Ростов-на-Дону.
Матвеев Ю.П., 1980. Культурно-историческая оценка памятников с многоваликовой керамикой // Археология восточноевропейской лесостепи. Воронеж.
Медведев А.П., 1988. К предыстории среднедонской культуры скифского времени // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. Запорожье.
Медведев А.П., 1992. К вопросу о соотношении курганных могильников и городищ скифо-сарматского времени в лесостепном Подонье // История и археология Слободской Украины. Харьков.
Медведев А.П., 1993. Об этнокультурной ситуации на Верхнем Дону в начале железного века // РА. № 4.
Моруженко А.А., 1985. Городища лесостепных племен Днепро-Донского междуречья VII–III вв. до н.э. // СА. № 1.
Моруженко А.А., 1989. Историко-культурная общность лесостепных племен междуречья Днепра и Дона в скифское время // РА. № 4.
ОАК за 1905 г. СПб., 1908.
Петренко В.Г., 1967. Правобережье Среднего Приднепровья в V–III вв. до н.э. // САИ. Вып. Д1-4. М.
Петренко В.Г., 1978. Украшения Скифии VII–III вв. до н.э. // САИ. Вып. Д4-5. М.
Пряхин А.Д., 1977. Погребальные абашевские памятники. Воронеж.
Пузикова А.И., 1969. Поселения Среднего Дона // МИА. № 151.
Пузикова А.И., 1971. Культура оседлых племен Правобережья Среднего Дона в скифское время. Дис. ... канд. ист. наук. Архив ИА РАН. Р-2. № 2087.
Пузикова А.И., 1981. Марицкое городище в Посеймье. М.
Пузикова А.И., 1995. Скифы Среднего Дона. М.
Рассадин С.Е., 1991. Украшения подгорцевского типа // Проблемы археологии Северного Причерноморья. Херсон.
Розенфельд И.Г., 1974. Керамические погремушки // Древние славяне и их соседи. М.
Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время, 1989. М.
Трубникова Н.В., 1953. Племена городецкой культуры // Тр. ГИМ. Вып. XXII. М.
Шрамко Б.А., 1962. Древности Северского Донца. Харьков.
Шрамко Б.А., 1975. Некоторые итоги раскопок Бельского городища и гелонобудинская проблема // СА. № 1.
Шрамко Б.А., 1983. Архаическая керамика Восточного укрепления Бельского городища // АСГЭ. Вып. 23.
Шрамко Б.А., 1987. Бельское городище скифской эпохи (город Гелон). Киев.
Clark D.L., 1968. Analytical archeology. London.

Воронежский государственный университет

A.P. MEDVEDEV

THE ORIGIN OF THE MIDDLE DON CULTURE OF THE SCYTHIAN AGE

(Based on the Artifacts Uncovered in the Hill-fort)

Summary

The paper dwells upon the issue related to the origin of the Middle Don culture of the Scythian Age based on the artifacts uncovered in hill-forts. The author analyzes a ceramic complex of the hill-fort located near the village Pekshevo on the river Voronezh. As a result of its comparison with molded vessels of other forest and steppe hill-forts using the Breiner-Robinson method, a high "relationship factor" of the sites located in the Upper Don region, the Seima region and the Severny Donets region has been established which is confirmed by other finds as well. A complex study of the artifacts from the hill-fort near the village Pekshevo conducted by the author is an evidence of predominantly western origins of the Middle Don culture of the 6th-3d centuries BC relative to the Don region. It is these origins that became the main ethnic and cultural nucleus of the Don Budins.

Ю.А. ЛИХТЕР

СТЕКЛО ЧЕРНЯХОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

На территории черняховской культуры найдено значительное количество изделий, импортированных из Римской империи, – фибулы, украшения, разнообразная посуда – металлическая, глиняная, стеклянная. Помимо посуды изделия из стекла представлены бусами, пряслицами, игральными жетонами. Кроме того, имеются вставки из стекла на глиняных (посуда, пряслица) и металлических (фибулы) изделиях (Кропоткин В.В., 1970, с. 27–33, 41; Корзухина Г.Ф., 1978). Распространение стекла черняховской культуры было рассмотрено нами ранее (Лихтер Ю.А., 1985).

При изучении изделий из стекла основное внимание исследователей сосредоточено на стеклянных сосудах, которые привлекаются для решения в первую очередь вопросов хронологии (Кропоткин В.В., 1967; Рикман Э.А., 1972; Сміленко А.Т., 1952; Сымонович Э.А., 1957; 1964а; 1977; Федоров Г.Б., 1960). Типологии сосудов, предлагаемые авторами, основываются на различных признаках и, к сожалению, практически не сопоставимы. Внимание к типологии и хронологии сосудов характерно также для ученых, исследующих стеклянные сосуды на смежных территориях – в Северном Причерноморье, Центральной и Северной Европе (Сорокина Н.П., 1962; 1965; 1969; 1972; 1973; 1976; 1979; 1980; 1982; Eggers H.J., 1951; Ekholm G., 1956; 1958; Fremersdorf F., 1958a, b; 1961; Godlowski K., 1970; Majewski K., 1960; Näsman U., 1984; Rau G., 1972; Straume E., 1987).

Меньше внимания уделяется другим категориям стеклянных изделий – игральным жетонам, пряслицам, стеклянным вставкам на керамике (Сымонович Э.А., 1960; 1964б; Кропоткин В.В., 1970, с. 41). До сих пор не привлекали внимания бусы – многочисленная и важная категория изделий.

В настоящее время методика изучения стекла значительно расширилась, углубленно изучается химический состав стекла (Безбородов М.А., 1969; Галибин В.А., 1985; Наумов Д.В., 1975; Neuman B., Kotiga G., 1925; 1927; 1928; Newton R.G., 1980; Sayre E.W., Smith R.N., 1961; Tuerner W.E.S., 1954; 1956; 1957). З.А. Львова превратила исследование техники изготовления стеклянных изделий в особую тему (Львова З.А., 1978; 1979; 1980; 1983). Наряду с исследованием вещей из стекла как археологических категорий в последнее время расширяется их исследование как продукции стеклоделательного производства. Исследования Ю.Л. Щаповой дают возможность ставить вопрос о происхождении отдельных стеклянных вещей. Большое значение имеет предложенное ею понятие школы в стеклоделии (Щапова Ю.Л., 1978а; 1983).

Если для определения традиций стекловарения достаточно анализа данных о химическом составе, то для установления школы стеклоделия одинаково важны данные о форме, цвете, орнаментации, о составе стекла и применявшейся технологии. Учет необходимых данных невозможен без нормированного описания стеклянного изделия. Как нам представляется, удачный вариант был предложен Ю.Л. Щаповой (1989).

При рассмотрении вопроса о месте производства стеклянных изделий имеет смысл разные категории вещей изучать совместно, производя разделение информации по сегментам. Это позволит выделить среди разных категорий вещи, связанные род-

© Ю.А. Лихтер, 1998 г.

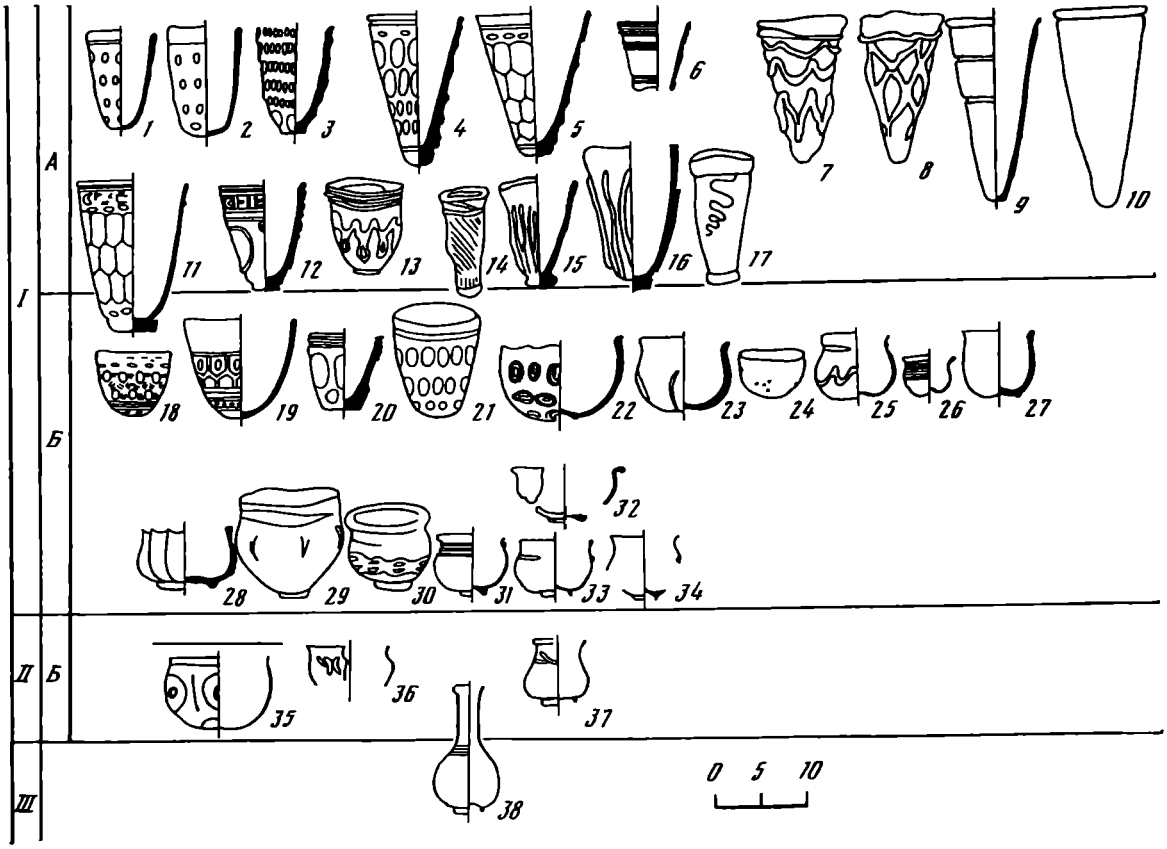


Рис. 1. Формы сосудов: I – открытые; II – полуоткрытые; III – закрытые; *А* – кубки; *Б* – чаши. *1* – Журовка, Вилы Яругские; *2* – Оселивка; *3* – Комарово; *4* – Горошевцы; *5* – Ранжевое; Гавриловка; *6* – Комарово; *7* – Косаново; *8* – Журовка; *9* – Гавриловка, Данилова Балка; *10* – Малаешты; *11* – Ранжевое; *12* – Малаешты; *13* – Бильче Золоте; *14* – Колки; *15* – Фурмановка; *16* – Холмское; *17* – Городница; *18* – Гавриловка; *19* – Косаново; *20* – Оселивка; *21* – Черняхов; *22* – Переяслав Хмельницкий; *23* – Бережанка; *24* – Журовка; *25* – Данчены; *26* – Косаново; *27* – Неполоковцы; *28* – Переяслав-Хмельницкий; *29* – Черняхов; *30* – Рудка; *31* – Косаново; *32* – Комарово; *33* – Косаново; *34* – Комарово; *35* – Романковцы; *36* – Ружичанка; *37* – Данчены; *38* – Оселивка

ством, хотя и не сходные внешне, и наоборот – среди сходных вещей выделить группы, различающиеся по происхождению.

Подход к стеклянным изделиям как к продукции стеклянного производства позволяет при интерпретации результатов использовать данные, полученные при изучении древнего и средневекового ремесла. При всем разнообразии социальных форм его организации можно говорить о близких формах производственной структуры в ремесле классовых докапиталистических обществ. Развитие ремесла в древности осуществлялось за счет дробления специализации (Фихман И.Ф., 1965, с. 22); мастер, владевший ограниченным набором приемов, передавал эти приемы только своим ученикам. Совокупность приемов, употреблявшихся при изготовлении тех или иных стеклянных изделий, может характеризовать если не мастера или мастерскую, то круг традиций, связанный с определенной школой. Определение же школы – первый шаг к решению вопроса о месте производства изучаемых изделий из стекла.

Нами визуально изучены 175 сосудов, 2446 бус, 38 жетонов, а также единичные пряслица и подвески. Для 88 предметов был произведен количественный и для 40 качественный спектральный анализ. Были использованы также данные о сосудах из публикаций. Часть сосудов, по преимуществу целые формы, уже рассматривались исследователями, однако они не были подвергнуты комплексному изучению.

Пользуясь случаем поблагодарить исследователей, предоставивших мне возможность работать с неопубликованными материалами. Это В.Д. Баран, И.И. Винокур,

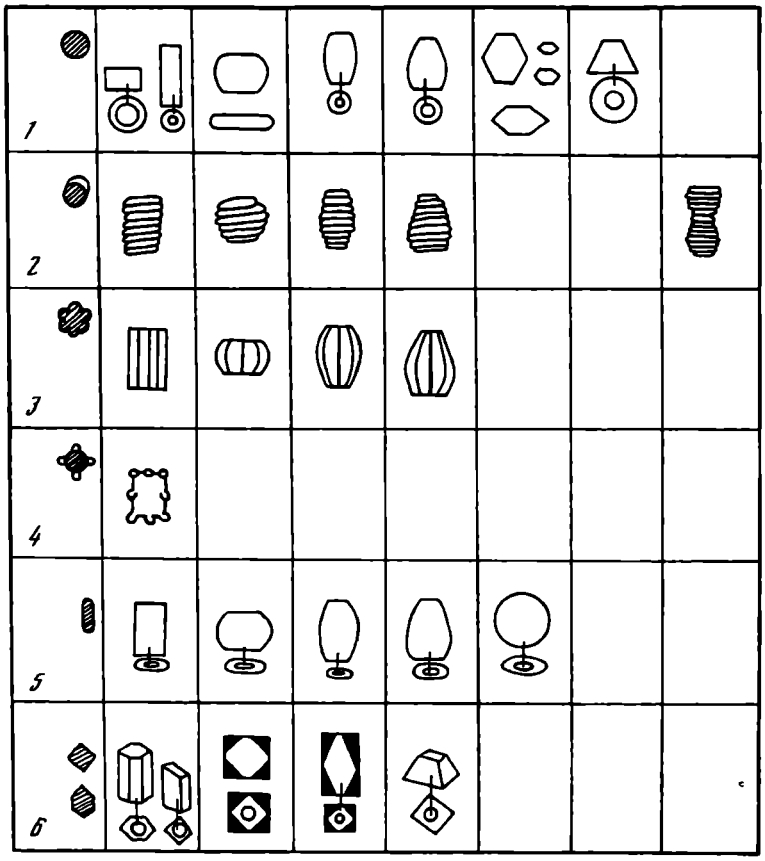


Рис. 2. Формы бус: *1* – округлые; *2* – винтообразные; *3* – ребристые; *4* – бугристые; *5* – плоские; *6* – граненые

А.П. Гудкова, Н.Н. Кравченко, В.В. Кропоткин, Б.В. Магомедов, Е.В. Махно, Г.Ф. Никитина, Э.А. Рикман, Э.А. Сымонович, Б.А. Тимощук, Г.Б. Федоров, а также сотрудников музеев – краеведческих в Кременце, Луцке и Переяславле Хмельницком, археологических в Киеве и Одессе, сотрудников фондов ИА АН Украины, отдела археологии АН Молдовы. Особенно хотелось бы поблагодарить Н.П. Сорокину, позволившую воспользоваться ее рисунками, И.И. Кондратьева, сделавшего количественный спектральный анализ, и Ю.Л. Щапову, автора качественных спектральных анализов.

В первую очередь рассмотрим морфологию.

По конструкции подавляющее большинство сосудов простые, состоящие из края, тулова и дна. Иногда как дополнительный элемент используется поддон, а у закрытых сосудов еще и горло (рис. 1).

Тулово всех сосудов имеет в поперечном разрезе круг; исключение составляет чаша из Переяслава Хмельницкого, имеющая в поперечном разрезе многолепестковую розетку. В продольном разрезе – полукруг (полусферические сосуды), усеченный овал (эллипсоидные усеченные) и треугольник (конические). Остальные конструктивные элементы не столь многообразны и могут рассматриваться как дополнительные детали формы.

По соотношению максимального диаметра и диаметра края сосуды можно разделить на открытые (диаметр края равен максимальному диаметру сосуда), полуоткрытые (диаметр края меньше максимального диаметра, но больше его половины) и закрытые (диаметр края меньше половины максимального диаметра) (Щапова Ю.Л., 1989, с. 46).

По *пропорциям* среди стеклянных сосудов абсолютное большинство составляют сосуды открытые – кубки и чаши. Закрытые и полуоткрытые представлены единичными экземплярами.

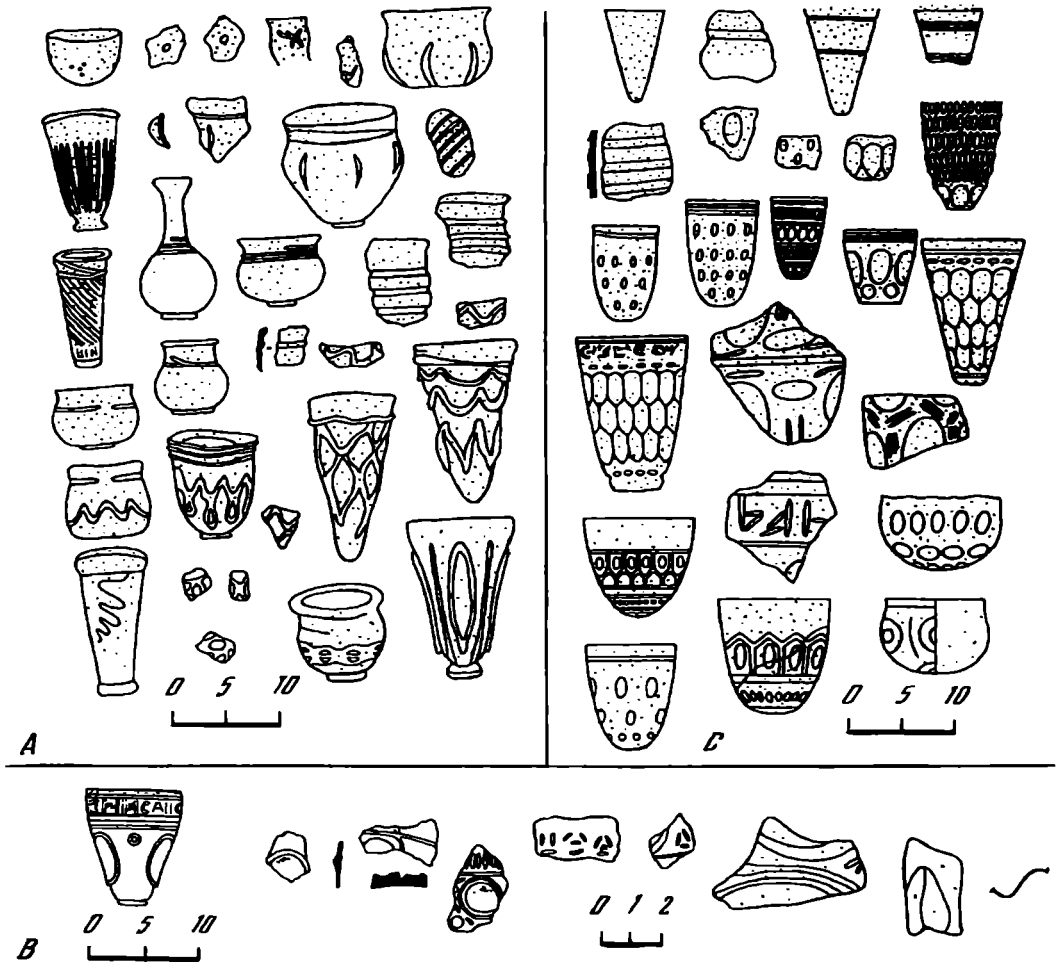


Рис. 3. Декор на сосудах. *А* – выпуклый; *В*– выпукло-вогнутый; *С* – вогнутый

У бус формы края и канала напрямую зависят от техники изготовления, поэтому морфологическому рассмотрению подвергается только тулово (рис. 2). По поперечному сечению бусы делятся на округлые (в поперечном сечении круг), граненые (в поперечном сечении различные многоугольники), ребристые (в поперечном сечении розетка), бугристые (круг, дополненный выступами), винтообразные (круг, дополненный сегментом) и плоские (вытянутый овал или прямоугольник). В продольном сечении бусы имеют прямоугольник (цилиндрические и призматические); круг, усеченный сверху и снизу (зонные и кольцевидные); эллипс, усеченный дважды (бочковидные); овал, усеченный дважды (яйцевидные) и треугольник (конические, биконические и пирамидальные).

Пряслица все округлые, биконические; жетоны округлые и плоские.

При исследовании *декора* важны вид и элементы. Как дополнительный признак отмечается цвет (Щапова Ю.Л., 1989, с. 75–78). На сосудах известен выпуклый, вогнутый и выпукло-вогнутый декор (рис. 3), на бусах – выпуклый, плоский и вогнутый (рис. 4). Все разнообразие создано сочетанием ограниченного числа элементов – зигзаг, круг, овал, прямая, спираль, пятно. На сосудах комбинации элементов меняются в зависимости от вида декора. Сочетания наиболее устойчивы в вогнутом декоре. Комбинация элементов на бусах не зависит от вида декора.

Цвет изделий. Для характеристики и упорядочения цветового разнообразия нами использовалась шкала цветов, составленная на основе следующих принципов: все разнообразие цветов и оттенков сведено к 21 цветовому тону. Основные тона разделены на 8 оттенков, различающихся насыщенностью и светлотой (Рабкин Е.Б., 1956; Щапова Ю.Л.; 1989, с. 79–81).

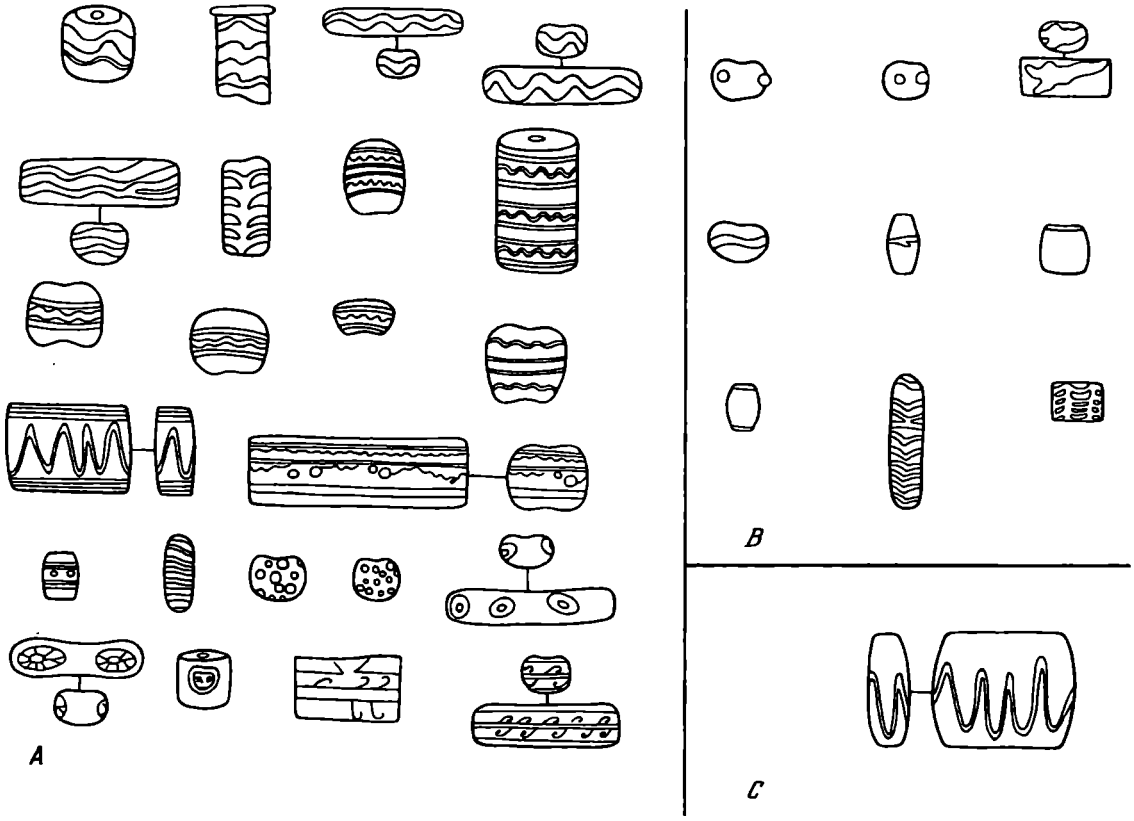


Рис. 4. Декор на бусах. *А* – плоский; *В* – выпуклый; *С* – вогнутый

У сосудов преобладают ненасыщенные оттенки желто-зеленого, оливкового, серого и серо-голубого тонов. Как единичные можно отметить сосуды пурпурного и синего цвета. Декор на сосудах по преимуществу совпадает по цвету с сосудом, но иногда встречаются пятна и поперечные линии сине-фиолетового цвета. Стекло во всех случаях прозрачное.

Цвета бус более разнообразны, но преобладают оттенки сине-фиолетового. В небольшом количестве на памятниках черняховской культуры встречаются полихромные бусы. Цветной декор на бусах сделан во всех случаях из непрозрачного стекла, сами бусы тоже, по преимуществу, непрозрачные, хотя имеется небольшая группа прозрачных, причем их основа совпадает по цвету и оттенкам с сосудами.

Изучение *технологии* велось нами с учетом стеклоделательных операций, выделенных З.А. Львовой (Львова З.А., 1978, с. 26–28).

Знание основ технологии стекла позволяет определять способ изготовления конкретных изделий (рис. 5). Основываясь на предположении, что каждый ремесленник, специализировавшийся на изготовлении тех или иных вещей, обладал ограниченным набором приемов работы с материалом, можно выделить определенные технологические схемы.

Для сосудов нами выделены следующие схемы изготовления основы изделия и нанесения декора: 1 – прессование в форму, декор вхолодную; 2 – выдувание в форму, дополнительная формовка и декор вхолодную; 3 – выдувание в форму, декор вхолодную; 4 – выдувание в форму, применение понтии, дополнительная формовка и декор вгорячую (наклад); 5 – выдувание в форму, применение понтии, декор вгорячую (оттягивание); 6 – выдувание в форму, применение понтии, декор вгорячую (наклад и оттягивание); 7 – выдувание в форму, применение понтии, дополнительная формовка прессованием с использованием шаблона; 8 – выдувание в рельефную форму, дополнительная формовка с применением сварки; 9 – выдувание свободное, с накладом декора и без него; 10 – выдувание в форму без декора; 11 – выдувание (точнее определить нельзя), декор вгорячую (вдавления); 12 – выдувание (точнее определить

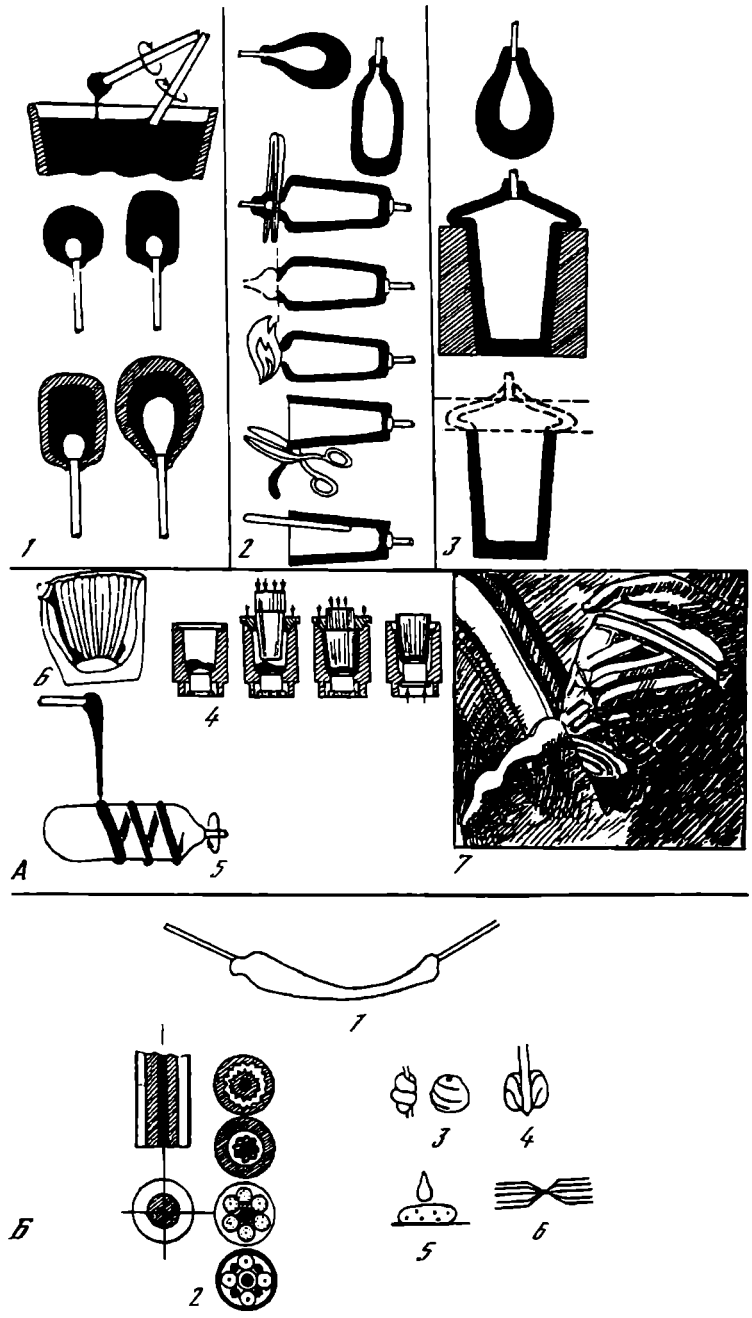


Рис. 5. Техника изготовления. *А* – сосуды: *1* – выдувание баночки; *2* – свободное выдувание; *3* – выдувание в форму; *4* – прессование в форму; *5* – навивка стеклянной нити на изделие; *6* – рельефная форма; *7* – шлифование с помощью шлифовального круга (*1–5, 7* – по книге Сергеева Ю.П., 1984; *6* – по книге Щаповой Ю.Л., 1983). *Б* – бусы: *1* – вытягивание трубочки; *2* – сварка разноцветных палочек (техника миллефиори); *3* – навивка; *4* – прокол; *5* – литье на плоскость; *6* – разрезание трубочки (*1, 3–6* – по книге Львовой З.А., 1978; *2* – по книге Сергеева Ю.П., 1984)

нельзя), декор вгорячую (частичный разогрев); 13 – выдувание в форму, без применения понтии, декор вгорячую (наклад).

Технологические схемы, использованные при изготовлении бус: 1 – литье в простейшие формы с последующим проколом канала; 2 – вытягивание трубочки, обработка и разрезание ее щипцами; 3 – вытягивание трубочки, разрезание ее ножом, иногда при этом применяется дополнительная формовка вгорячую; 4 – вытягивание

трубочки, разрезание ножом, дополнительная формовка производится вхолодную; 5 – навивка трубочки, разрезание ее ножом, иногда при этом применяется дополнительная формовка; 6 – обработка палочек и полос; 7 – навивка, иногда при этом применяется дополнительная обработка; 8 – навивка с накладом цветного декора; 9 – сварка мозаичных полос.

Сопоставление технологических схем и морфологии изделий дает возможность установить, что при изготовлении одних и тех же форм изделий и видов декора могли применяться различные технологические схемы. Например, биконические бусы могли отливаться в простейших формах, формоваться щипцами из тянутой трубочки или навиваться. Выпуклый декор получали при накладывании на изделие стеклянной нити или при оттягивании части стекломассы специальным инструментом. Вогнутый декор получали при шлифовании (обработка вхолодную) или путем вдавления (обработка вгорячую).

При изучении *химического состава* учитывались не только основные стеклообразующие, красители, обесцвечиватели и т.п., но и соотношение щелочных и щелочноземельных стеклообразующих (Щапова Ю.Л., 1983, с. 187–190; 1989, с. 93–108).

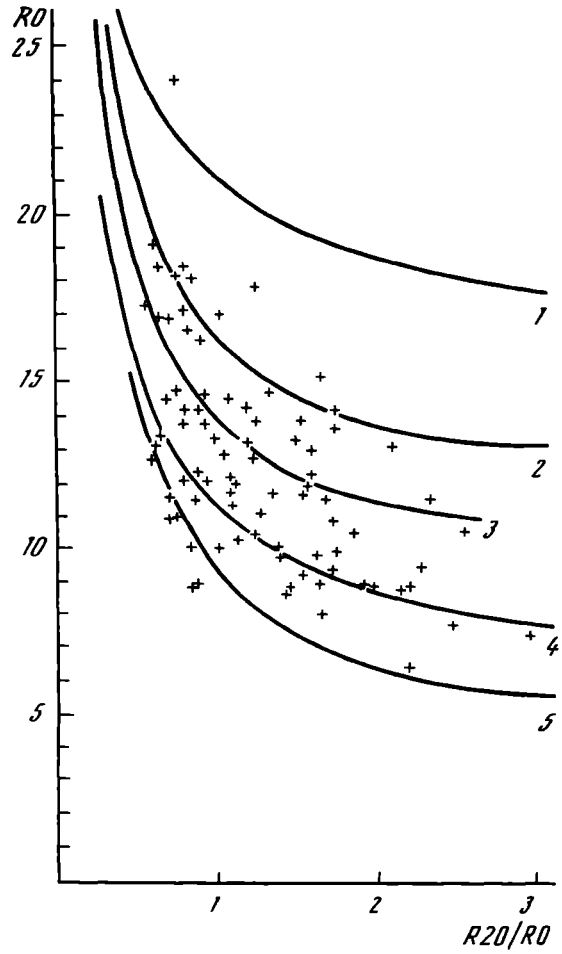


Рис. 6. Соотношение щелочноземельных элементов и рецептурной нормы: *1* – Византия; *2* – Египет; *3* – Ближний Восток; *4* – Рим; *5* – Финикия

По химическому составу все проанализированные изделия относятся к классу натриево-кальциево-кремнеземных. Источником щелочного сырья в большинстве случаев была египетская сода; однако в нескольких случаях встречена зола.

В качестве красителей использовали окись кобальта, различные соединения меди, окись марганца. В песке, являющемся основой для любого стекла, всегда присутствуют в качестве примеси соединения железа, придающие стеклу различные оттенки зеленого цвета. Для нейтрализации действия этих вредных примесей используются окиси марганца или сурьмы. В некоторых случаях эти соединения применялись совместно.

Помимо присутствия тех или иных составляющих стекло характеризует соотношение щелочного и щелочно-земельного сырья. Его числовое соотношение Ю.Л. Щапова предложила называть рецептурной нормой и использовать для диагностики рецептов варки стекла, а также для отнесения последнего к той или иной школе стеклоделия. После подсчета рецептурной нормы и нанесения указанных соотношений на кривые, рассчитанные Ю.Л. Щаповой (1989, с. 103), проанализированные стекла можно разделить между египетской, ближневосточной и римской школами. Небольшое количество проанализированных изделий связано с традициями финикийской школы (рис. 6).

Для понимания сути выявленных различий полезно обратиться к некоторым закономерностям развития стеклоделия как ремесла.

Современная практика изготовления художественных изделий из стекла знает три основных способа их производства. В одних случаях изделие производится и декори-

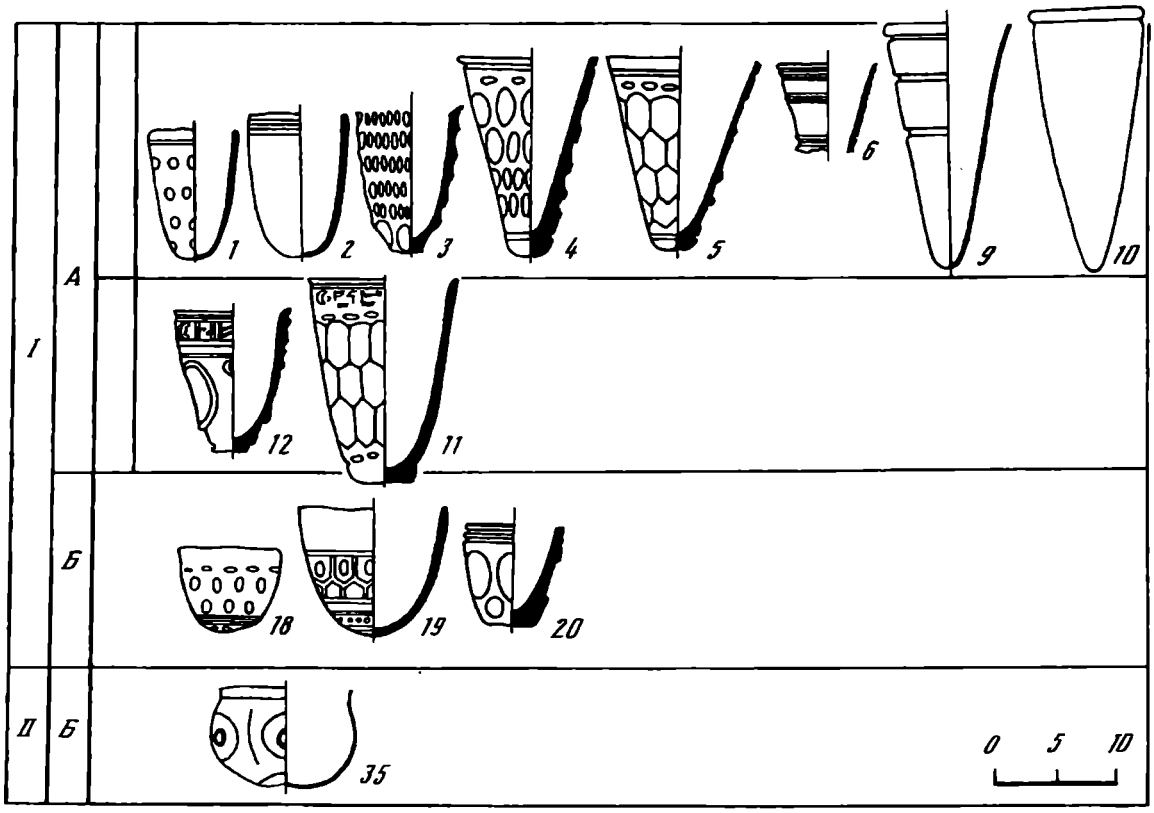


Рис. 7. Продукция мастерских с разделением труда
I – открытые; II – полуоткрытые; *А* – кубки; *Б* – чаши. *1* – Журовка, Вилы Яругские; *2* – Оселивка; *3* – Комарово; *4* – Горошевцы; *5* – Ранжевое, Гавриловка; *6* – Комарово: *9* – Гавриловка, Данилова Балка; *10* – Малаешты; *11* – Ранжевое; *12* – Малаешты; *18* – Гавриловка; *19* – Косаново; *20* – Оселивка; *35* – Романковцы (Номера на рис. 7 и 8 соответствуют номерам на рис. 1)

руется от начала до конца в непосредственной близости от стекловаренной печи. Это так называемая гутная техника. При другом способе изделия после отжига и охлаждения поступают к мастерам, наносящим на них каким-либо способом декор. Третий способ – работа стеклодува, при которой заранее сделанные полуфабрикаты подвергаются вторичному разогреву и из них изготавливаются различные изделия (Ланцетти А.Г., Нестеренко М.Л., 1972, с. 272). Решение вопроса о типе мастерских и формах организации стеклоделательного ремесла есть частичное решение вопроса о происхождении рассматриваемых стеклянных изделий. Вещь сама хранит в себе информацию о формах организации мастерской, из которой она вышла, так же, как и информацию о приемах, применявшихся при ее изготовлении (Джонс Дж., 1976, с. 31).

Как нам представляется, для рассматриваемой эпохи различия в технологии наиболее важны и могут служить диагностическими признаками.

Выявленные нами технологические схемы можно рассмотреть с точки зрения организации производства. Дополнительное придание формы шлифованием так же, как и нанесение декора шлифованием, требует разделения труда внутри мастерской. Здесь нужен не только стеклодел, умеющий сварить стекло и сделать из него изделие, но и шлифовальщик, работающий на шлифовальном круге. Таким образом, сосуды, изготовленные выдуванием или прессованием в форму, с декором, нанесенным вхолодную, с применением дополнительной формовки также вхолодную и бусы с вышлифованными гранями происходят из мастерских, в которых существовало разделение труда между мастерами (рис. 7). Для изделий, которые можно связывать с мастерскими этого типа, характерны применение высококачественного сырья и соблюдение стандартов в декоре.

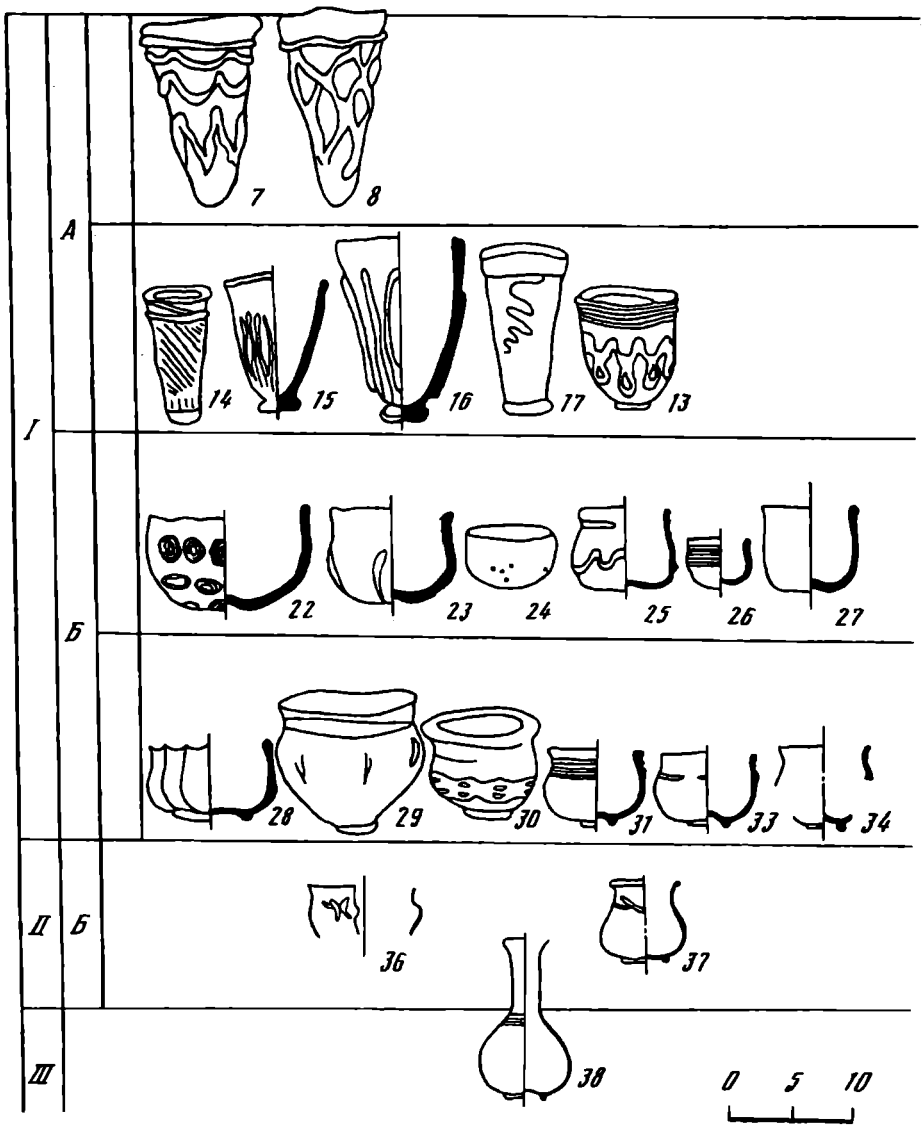


Рис. 8. Продукция гутных мастерских
I – открытые; II – полуоткрытые; III – закрытые. *А* – кубки; *Б* – чаши. *7* – Косаново; *8* – Журовка; *13* – Бильче Золоте; *14* – Колки; *15* – Фурмановка; *16* – Холмское; *17* – Городница; *22* – Переяслав-Хмельницкий; *23* – Бережанка; *24* – Журовка; *25* – Данчены; *26* – Косаново; *27* – Неполоковцы; *28* – Переяслав-Хмельницкий; *29* – Черняхов; *30* – Рудка; *31* – Косаново; *33* – Косаново; *34* – Комарово; *36* – Ружичанка; *37* – Данчены; *38* – Оселивка

Другим видом двуступенчатой организации труда является использование полуфабрикатов. Это могут быть палочки, лепешки, мозаичные пластины. Мелкие мозаичные пластинки использовали для нанесения мозаичных глазков на бусы, из разогретых лепешек разных цветов вытягивали нити, употреблявшиеся для наложения линий (прямых, зигзагов, спиралей) или одноцветных глазков. Винтообразные бусы также могли навиваться из разогретых лепешек. Бусы, сделанные из согнутых палочек, также, вероятно, делались из полуфабрикатов.

Одноступенчатая форма организации производства (гутная мастерская) связана с такими технологическими схемами, как изготовление бус из стеклянных трубочек, литье бус, декорировка сосудов вгорячую – вдавления, разогрев, наклад нитей из того же стекла (рис. 8). Пряслица и бусы, совпадающие по цвету с сосудами (слабонасыщенные оттенки желто-зеленого, серо-голубого и оливкового), вероятно, можно рассматривать как результат использования стекломассы, оставшейся после изготовления сосудов.

Выделенные нами типы мастерских можно связывать с различным уровнем ремесленных знаний и умений. Самые первые опыты работы со стеклом – вставка кусков стекла (осколков сосудов, бус) в глиняные (сосуды, пряслица) или в металлические предметы (фибулы). Как ответвление этой техники развивается создание металлических вещей, украшенных эмалью.

Следующий этап освоения стекла – работа с несложными полуфабрикатами типа лепешек и палочек. Для этого мастеру достаточно уметь размягчить готовое стекло до пластичного состояния и делать несложные вещи – бусы, перстни, браслеты.

Затем появляется мастер, умеющий самостоятельно сварить стекломассу и тут же у печи делать из нее изделия более или менее сложные. Подобные мастерские специализировались на производстве бус или сосудов. Иногда несложные бусы, пряслица делались в тех же мастерских, что и сосуды, для более полного использования дорогостоящей стекломассы. Можно предполагать, что в таких мастерских работа велась самим владельцем с одним-двумя помощниками. К мастерским этого типа относится, например, мастерская в Комарове (Щапова Ю.Л., 1978б).

Содержание крупных мастерских (своего рода мануфактур), в которых работали не только стекольщики, но и шлифовщики, доступно собственникам, имеющим иные источники доходов и не боящимся разориться, производя сложную продукцию. Возможно, таким собственником было государство.

Опираясь на нашу гипотезу, можно определить места производства вещей, ставших предметом исследования. Глиняные и металлические изделия со стеклянными вставками – скорее всего, работа местных, черняховских мастеров. Вещи из простейших полуфабрикатов делались, вероятно, в районах, не входящих в Римскую империю, но включенных в круг ее влияния. Такими центрами, ближайшими к черняховской культуре, были античные города Северного Причерноморья. Стеклоделательные мастерские, в которых производились шлифованные изделия, располагались в крупных городах империи, прежде всего в Риме (впоследствии также и в Константинополе). Может быть, подобные мастерские были также и в наиболее значительных провинциальных городах – Карнунте, Виндобоне (Вене), Колонии Агриппа (Кельне), Колонии Магна (Майнце).

В связи со всем вышесказанным имеет смысл вернуться к мастерской в Комарово. Как уже говорилось, она относится к гутным мастерским, поэтому высказывавшееся рядом исследователей предположение, что там могли изготавливаться шлифованные сосуды, не находит подтверждения.

Наиболее сложен вопрос локализации мастерских, работавших в гутной технике. Непрозрачные бусы с накладным цветным декором, мозаичные бусы делались, скорее всего, в Египте (Щапова Ю.Л., 1978а, с. 98–100). Оттуда же, вероятно, происходят мозаичные глазки и цветные нити, накладывавшиеся на сосуды и бусы из прозрачного стекла. Бусы литые с проколотым каналом, судя по составу стекла, тяготеют к провинциальноримской школе стеклоделия. Вероятно, к этому же кругу относятся сделанные в гутной технике сосуды и связанные с ними бусы и пряслица, изготовленные навивкой и совпадающие по цвету с сосудами. Скорее всего, в данном случае мы имеем дело с продукцией мастерских, расположенных на территории Италии или в европейских провинциях Римской империи. Бусы из навитых и тянутых трубочек происходят из Восточного Средиземноморья (Щапова Ю.Л., 1978а, с. 98–100).

В результате рассмотрения стеклянных изделий, найденных на территории черняховской культуры, перед нами встает сложная картина культурных и экономических связей позднеримского ремесла внутри империи и за ее пределами.

Привлечение данных смежных наук, в частности культурологии, позволяет поставить некоторые вопросы, связанные со взглядом на стеклянные изделия как элемент материальной культуры черняховских племен. Если в античной культуре они как продукт ремесла принадлежат к производственной сфере, то в руках потребителей эти же вещи попадают в сферу соционормативную. Можно предполагать, что именно следствием предпочтения потребителями сосудов определенной формы является

преобладание открытых сосудов, предназначенных для питья. Изучение связанных с этим представлений может помочь при функциональном исследовании форм сосудов (см. например: Петрухин В.Я., 1975; Топоров В.Н., 1982).

Соционормативная роль одежды и украшений как ее части исследовалась неоднократно. Выделение господствующих форм и цвета стеклянных бус наряду с выявлением предпочтения стекла среди бус из различных материалов может помочь в выявлении своеобразия этнического костюма племен данной культуры. Для сравнения можно указать, что, если у черняховских племен преобладают прозрачные синефиолетовые бусы, то для племен позднезарубинецких Т. Ставярская отмечает преобладание непрозрачных красных бус (Stawiarska T., 1985, p. 157).

Для дальнейшего изучения стеклянных изделий, найденных на памятниках черняховской культуры, можно наметить два направления – химико-технологическое с преимущественным вниманием к происхождению и месту производства вещей и культурно-социологическое, направленное на выявление роли стеклянных изделий у племен черняховской культуры, требующее внимания к археологическому контексту.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Безбородов М.А., 1969. Химия и технология древних и средневековых стекол. Минск.

Галибин В.А., 1985. Особенности состава стеклянных бус Иволгинского могильника Хунку // Древнее Забайкалье и его культурные связи. Новосибирск.

Джонс Дж., 1976. Инженерное и художественное проектирование. М.

Корзухина Г.Ф., 1978. Предметы убора с выемчатыми эмалями V – первой половины VI в. н.э. в Среднем Поднепровье. М.

Кропоткин В.В., 1967. Экономические связи Восточной Европы в I тыс. н.э. М.

Кропоткин В.В., 1970. Римские импортные изделия в Восточной Европе II в. до н.э. – IV в. н.э. М.

Ланцетти А.Г., Нестеренко М.Л., 1972. Изготовление художественного стекла. М.

Лихтер Ю.А., 1985. Распространение стеклянных изделий на памятниках черняховской культуры // Социально-экономические и политические проблемы истории народов СССР. М.

Львова З.А., 1978. О принципах классификации стеклянных бус // Проблемы археологии. Вып. 2. Л.

Львова З.А., 1979. Технологическая классификация изделий из стекла // АСГЭ. № 21.

Львова З.А., 1983. Типологизация по технологическому основанию стеклянных бус Варнинского могильника как основа их относительной и абсолютной датировки // АСГЭ. № 24.

Наумов Д.В., 1975. Количественный спектральный анализ древнего стекла // Очерки технологии древнейших производств. М.

Петрухин В.Я., 1975. Культовые сосуды из курганов Гнездова и Чернигова // Вестн. МГУ. № 2.

Рабкин Е.Б., 1956. Шкала цветов. М.

Рикман Э.А., 1972. Вопрос датировки импортных вещей в памятниках племен черняховской культуры Днепровско-Прутского междуречья // СА. № 4.

Сергеев Ю.П., 1984. Выполнение художественных изделий из стекла. М.

Сміленко А.Т., 1952. Про деякі датуючі речі полів поховань // Археологія. № 6.

Сорокина Н.П., 1962. Стекло из раскопок Пантикапея // МИА. № 10.

Сорокина Н.П., 1965. Стеклянные сосуды из Танаиса // МИА. № 127.

Сорокина Н.П., 1969. Позднеантичное и раннесредневековое стекло с Таманского городища // Керамика и стекло древней Тмутаракани. М.

Сорокина Н.П., 1972. О стеклянных сосудах с каплями синего стекла из Причерноморья // СА. № 4.

Сорокина Н.П., 1973. Стеклянная посуда из могильника Харакса // Кавказ и Восточная Европа в древности. М.

Сорокина Н.П., 1976. Позднеантичное стекло из Ольвии // Художественная культура и археология античного мира. М.

Сорокина Н.П., 1979. Стеклянные сосуды IV–V вв. и хронология Цебельдинских могильников // КСИА. № 158.

Сорокина Н.П., 1980. Стеклянные изделия из могильников первых веков нашей эры Юго-Западного Крыма // История и культура Евразии по археологическим данным. Тр. ГИМ. Вып. 51. М.

Сорокина Н.П., 1982. Стеклянная посуда как источник по истории экономических связей Причерноморья и локального стеклоделия первых веков нашей эры // Археологические исследования на юге Восточной Европы. Тр. ГИМ. Вып. 54. М.

Сымонович Э.А., 1957. Стеклянная посуда середины I тыс. н.э. с Нижнего Днепра // КСИИМК. № 69.

Сымонович Э.А., 1960. Инкрустированные стеклом изделия из Черкасской области // КСИА. Вып. 90.

Сымонович Э.А., 1964а. Стеклянные кубки из Журовки // КСИА. № 102.

Сымонович Э.А., 1964б. Игрально-счетные жетоны на памятниках черняховской культуры // СА. № 3.

Сымонович Э.А., 1977. Стеклянная посуда из поднепровско-причерноморских памятников черняховской культуры // СА. № 1.

Топоров В.Н., 1982. Опьяняющий напиток // Мифы народов мира. Т. 2. М.

Федоров Г.Б., 1960. Население Прутско-Днестровского междуречья // МИА. № 89.

Фихман И.Ф., 1965. Египет на рубеже двух эпох. М.

Щапова Ю.Л., 1978а. О происхождении некоторых типов позднеантичных стеклянных бус // Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья. Т. 2. М.

Щапова Ю.Л., 1978б. Мастерская по производству стекла у с. Комарова // СА. № 3.

Щапова Ю.Л., 1983. Очерки истории древнего стеклоделия. М.

Щапова Ю.Л., 1989. Древнее стекло. М.

Eggers H.J., 1951. Die romische import in freien Germanien // Atlas der Urgeschichte. Bd. 1. Hamburg.

Ekholm G., 1956. Orientalische Cläser in Skandinavien // Acta archaeologica. V. 27. Kobenhavn.

Ekholm G., 1958. Westeuropäische Gläser in Skandinavien // Acta archaeologica. V. 29. Kobenhavn.

Fremersdorf F., 1958a. Romischer Buntglas in Köln. Köln.

Fremersdorf F., 1958b. Naturfarbende sogenante blau-grüne Glas. Köln.

Fremersdorf F., 1961. Romischer geformer Glas. Köln.

Godlowski K., 1970. The chronology of the late roman and early migration periods in Central Europe // Prace archeologiczne Univ. Jagellonskiego. Z. 11. Krakow.

Majewski K., 1960. Importy rzymskie w Polsce. Warszawa; Wroclaw.

Näsman U., 1984. Glas och handel i senromersk tid och folkvandringstid // Archaeological studies Uppsala Univ.: Aun. 5. Uppsala.

Neuman B., Kotiga G., 1925, 1927, 1928. Antike Gläser, ihre Zusammensetzung und Farbung // Zeitschrift für angewandte Chemie. Bd. 36, 38, 40, 41.

Newton R.G., 1980. Regent views on anceint glasses. Glass Technology. V. 21. № 4.

Rau G., 1972. Körpergräber mit Glasbeigaben // Acta praehistorica et archaeologica. № 3.

Sayre E.W., Smith R.N., 1961. Compositional categories of Ancient Glass // Science. V. 133. № 3467.

Stawiarska T., 1985. Paciorki szklane z obszaru Polski polnocnej w okresie uplywow rzymslich. Wroclaw.

Straume E., 1987. Gläser mit Facetenschliff aus skandinavischen Gräbern des 4 und 5. Jarhunderts n. Chr. Oslo.

Tuerner W.E.S., 1954, 1956. Studies in Ancient Glasses and Classmakingprocesses // JSGT. V. 38. № 183; V. 40. № 192; V. 40. № 193.

Tuerner W.E.S., 1957. Die Geistungen der alten Clasmacher und ihre Grenzen // Glasstechnology. Bd. 30. H. 7. Berlin.

Центр археологических исследований
УГК ОИП г. Москвы

Y.A. LIKHTER

GLASSWARE OF THE CHERNYAKHOVO CULTURE

Summary

The paper reviews goods made of glass that were found on the territory of the Chernyakhovo culture: vessels (Figure 1, 3, 5*a*), beads (Figure 2, 4, 5*b*), spindles, play badges as well as glass inserts on clay (vessels and spindle whorls) and metallic (fibulas) goods. They are analyzed based on separate segments of information: morphology (Figure 1, 2, 3, 4), techniques for manufacturing and decorating the goods (Figure 5), chemical composition of the glass (Figure 6). The study of the manufacturing technique based on the traces left by technological operations allowed to single out 13 schemes of making vessels and nine schemes of making beads. The schemes were analyzed from the point of view of the production organization which allowed to identify the products made in workshops of various types: with the labor division among the craftsmen (ground vessels – Figure 7); glass – houses (Figure 8); workshops than worked with blanks and workshops that manufactured blanks.

The maintenance of major workshops (sort of manufactories) in which not only glass-makers worked but also grinders is possible for proprietors who had other sources of revenues and who were nor afraid to get bankrupt while manufacturing goods of intricate form. It is likely that the state was such a proprietor.

Our hypothesis allows us to identify the places where the goods under investigation were manufactured. Clay and metallic goods with glass inserts are the products of Chernakhovo craftsmen. Goods made of the simplest blanks were manufactured in the regions which were included into the circle of influence of the Roman empire – possibly, in ancient cities of the North Black Sea maritime region. Glass-making shops which produced ground goods were located in large cities of the empire (Rome, Karnunt, Vindobona, Colony Agrippa, Colony Magna, that later became Constantinople).

В.В. СЕДОВ

БЕЛОРУССКОЕ ПОДВИНЬЕ И СМОЛЕНСКОЕ ПОДНЕПРОВЬЕ В ПЕРИОД ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ*

В середине I тыс. н.э. в Северной Белоруссии и на Смоленщине складывается тушемлинско-банцеровская культура, именуемая обычно просто тушемлинской. Хотя раскопки городища Банцеровщина под Минском были произведены еще в 20-х годах нашего столетия, эта культура отчетливо проявилась лишь после исследований П.Н. Третьякова городища Тушемля в верхнем течении Сожа (Третьяков П.Н., Шмидт Е.А., 1963, с. 3–129). Исследователь полагал, что тушемлинская культура была результатом эволюции местной днепро-двинской культуры раннего железного века в условиях миграции в Смоленское Поднепровье племен зарубинецкой культуры. Сначала формируются древности среднего слоя Тушемли с явными позднезарубинецкими чертами, а на их основе складывается тушемлинская культура. Подобной точки зрения придерживались Е.А. Шмидт и автор настоящей статьи (Седов В.В., 1970, с. 25–30; 1982, с. 39).

А.Г. Митрофанов, изучая материалы западной части ареала тушемлинской культуры, полагал, что здесь она формировалась на основе местных древностей культуры штрихованной керамики при участии племен днепро-двинской культуры и носителей культуры типа Адаменки, которая ведет свое происхождение из позднезарубинецкой среды. Наиболее ранние селища тушемлинской (банцеровской по А.Г. Митрофанову) культуры датированы им в этом регионе V–VI вв., следовательно начало процесса ее становления нужно отнести к IV–V вв. (Митрофанов А.Г., 1972, с. 155–162; 1980, с. 103–108).

Согласно В.Б. Перхавко банцеровская культура сложилась в результате продвижения племен киевской культуры и их взаимодействия с аборигенным населением, представленным культурами раннего железного века, и начало ее определяется исследователем V в. (Перхавко В.Б., 1978а, с. 19).

Мысль о становлении тушемлинской культуры в результате развития местных культур в условиях взаимодействия с древностями позднезарубинецкого и киевского круга, которые распространялись вверх по течению Днепра, и ныне доминирует в археологической литературе (Лопатин Н.В., 1989, с. 17, 18). В последние годы некоторые исследователи стали выделять промежуточную стадию – памятники типа Заозерье, характеризующиеся присутствием керамики с расчесами. Так, Н.В. Лопатин и А.Г. Фурасьев полагают, что эволюция шла от позднезарубинецких (киевских) древностей к памятникам типа Заозерье и далее к тушемлинской культуре. Древности типа Заозерья, которым свойственна керамика с расчесами, следует датировать III–V вв., поскольку на появляющихся в V–VI вв. тушемлинских городищах-убежищах фрагменты такой посуды составляют большую редкость. С этим периодом связано появление в Смоленском Поднепровье и Полоцком Подвинье ранее неизвестных здесь предметов – железных ножей с прямыми спинками и уступом при переходе от черенка к лезвию, серпов с загнутой пяткой на конце, железных стамескообразных изделий, биконических глиняных пряслиц с широким отверстием и лощеной или тщательно заглаженной поверхностью. Эти предметы стали основой вещевого набора тушем-

* Работа выполнена в рамках гранта (96-01-00368) Российского гуманитарного научного фонда.

© В.В. Седов, 1998 г.

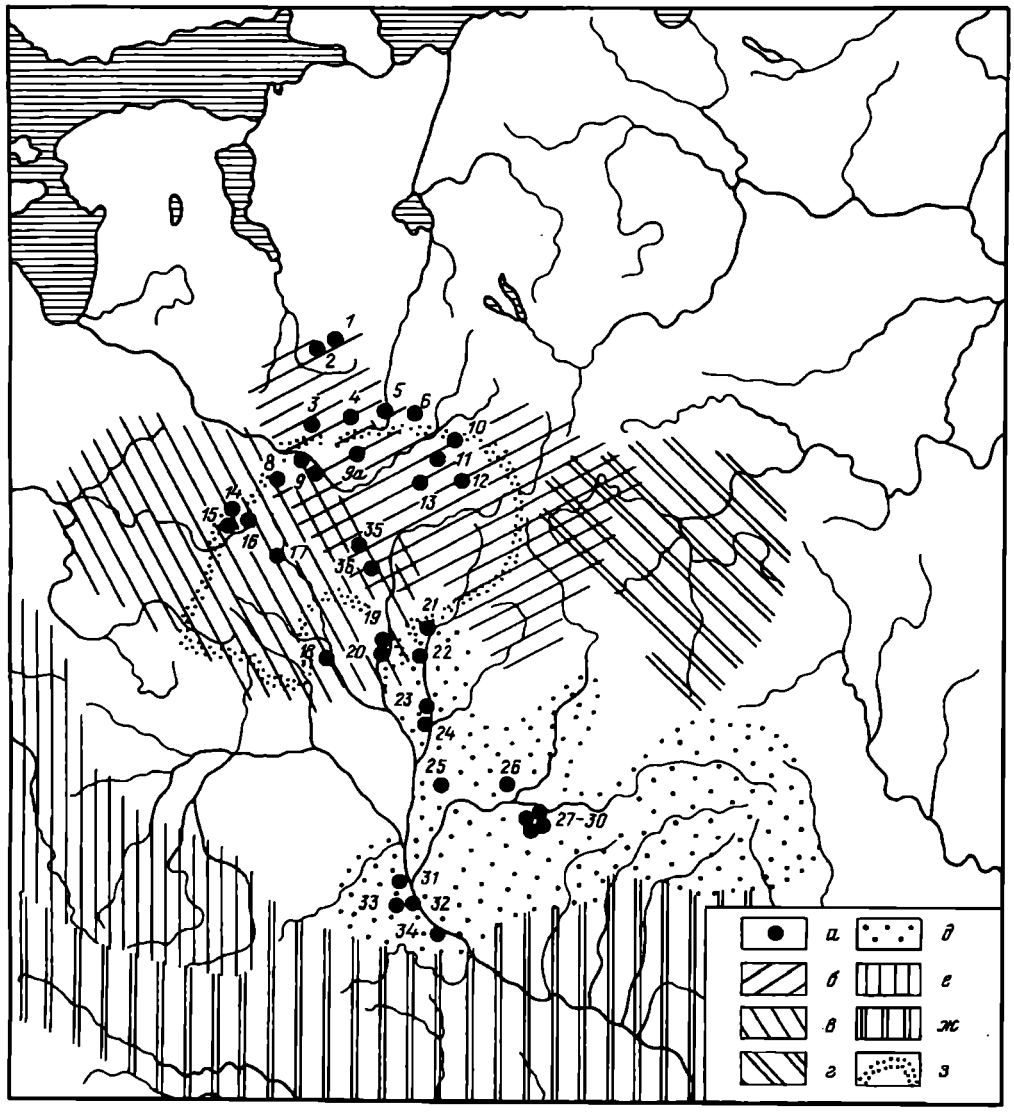


Рис. 1. Распространение керамики с расчесами:
а – памятники с находками керамики с расчесами; ареалы культур: *б* – днепро-двинской; *в* – штрихованной керамики; *г* – мощинской; *д* – киевской; *е* – вельбарской; *ж* – черняховской; *з* – тушемлинской.
1 – Свинухи; *2* – Ястребово; *3* – Повалишино; *4* – Ермошино; *5* – Фролы; *6* – Каменная Лава; *7* – Городок; *8* – Рудня; *9* – Бельчица; *9а* – Загацце; *10* – Подосинки; *11* – Шугайлово; *12* – Холм; *13* – Заозерье; *14* – Некасецк; *15* – Городище; *16* – Ревячка; *17* – Дедиловичи; *18* – Щатково; *19* – Тайманово; *20* – Адаменка; *21* – Барсуки; *22* – Новый Млын; *23* – Шерстин; *24* – Гомель; *25* – Сибереж; *26* – Мена; *27* – Хибаловка; *28* – Вересочь-1; *29* – Вересочь-3; *30* – Вересочь-Лозы-1; *31* – Козаровичи; *32* – Кись; *33* – Белогородка; *34* – Юшки; *35* – Задровье; *36* – Лемница

линской культуры, а во второй четверти I тыс. н.э. они были типичны для ряда соседских культур, в частности для киевской (Лопатин Н.В., Фурасьев А.Г., 1994, с. 136–142).

Активный период распространения поселений тушемлинской культуры определяется V–VII вв. Следовательно, ее зарождение нужно датировать рубежом IV и V вв.

Ныне представляется очевидным, что формирование тушемлинской культуры не могло быть простой эволюцией местных древностей раннего железного века. Субстратами тушемлинской культуры были две довольно различные культуры – днепро-двинская, принадлежащая одному из крупных племенных образований днепровских балтов, и культура штрихованной керамики, носители которой составляли ядро древних балтов – основных предков летто-литовских племен. К тому же тушемлинская

культура сформировалась только на части ареалов этих культур (рис. 1). В этой связи нужно полагать, что в процессе становления тушемлинской культуры участвовало какое-то пришлое население и роль последнего была в значительной степени определяющей. Этот процесс характеризуется не только трансформацией материальной культуры, но и коренным изменением поселенческой структуры. Жизнь на городищах раннего железного века затухает, основным типом поселений становятся неукрепленные селища. В V–VI вв. в тушемлинском ареале начинается массовое возведение городищ-убежищ с мощными фортификационными сооружениями. Очевидно, что формирование тушемлинской культуры связано прежде всего с каким-то внешним импульсом экстраординарного характера.

Вряд ли такой импульс исходил из ареала киевской культуры. Последняя во многом продолжала традиции местных культур раннего железного века и не могла привести к серьезной трансформации на широкой территории Полоцкого Подвинья и Смоленского Поднепровья, превышающей ареал киевской культуры почти в 2 раза. Находки керамики с расчесами в Смоленском Поднепровье и Полоцком Подвинье всюду единичны и территориально не охватывают всего ареала тушемлинской культуры. К V в. такая керамика в тушемлинском ареале повсеместно выходит из употребления. Ее никак нельзя рассматривать как свидетельство инфильтрации в Полоцко-Смоленские земли носителей киевской культуры. Керамика с расчесами не принадлежит к характерным элементам последней. Она встречена на памятниках киевской культуры в весьма небольшом количестве, в основном в составе раннего керамического комплекса (Терпиловский Р.В., Абашина Н.С., 1992, с. 52, 53) и преимущественно в западной части ее ареала. Общий ареал находок керамики с расчесами (рис. 1) позволяет рассматривать ее как своеобразный реликт штрихованной посуды позднеримского времени. Глиняная посуда с расчесами территориально занимает те регионы днепродвинской и позднезарубинецкой культур, в которых наблюдается инфильтрация носителей культуры штрихованной керамики (Шмидт Е.А., 1992, карта на с. 205). Как показал Н.В. Лопатин, расчесы на глиняных сосудах в большинстве случаев наносились обломками костяных гребней римского времени (Лопатин Н.В., 1991, с. 52). И есть все основания полагать, что такой орнаментацией пользовались потомки населения культуры штрихованной керамики, только теперь штриховка наносилась обломками костяных гребней, а не с помощью твердого гребнеобразного орудия или пучка соломы, как это делалось в период раннего железного века. В этой связи нельзя не обратить внимание на то, что расчесы в Смоленском регионе зафиксированы преимущественно на сосудах местных форм (Медведев А.М., 1996, с. 169).

К периоду великого переселения народов, к которому относится начало становления тушемлинской культуры, в ареале ее формирования появляется целый ряд вещей, ранее неизвестных на этой территории, безусловно занесенных сюда какими-то переселенцами со стороны.

К таковым прежде всего принадлежат железные шпоры двух типов. Наибольшее распространение в тушемлинском ареале (рис. 2) получили шпоры небольших размеров с острым коническим шипом, уплощенной или выпукло-плоской дужкой и отогнутыми наружу крючками на концах (рис. 3, *4*, *7*). Они встречены на целом ряде селищ и городищ тушемлинской культуры (Аношки, Близнаки, Вежки, Воронча, Городище, Демидовка, Некасецк, Неквасино, Никодимово, Тайманово, Церковище, Черкасово, Шугайлово), в верхних горизонтах отложений на городищах культур штрихованной керамики и днепро-двинской (Девички, Дедиловичи, Лабенщина). Одна подобная шпора входила в состав инвентаря одного из погребений длинного кургана у д. Дорохи в верховьях Ловати, глиняные урны которого принадлежат к тушемлинской керамике (Штыхаў Г.В., 1992, с. 29, рис. 17, *6*). Точно датировать находки рассматриваемых шпор в ареале тушемлинской культуры не представляется возможным. На городище Лабенщина такая шпора обнаружена в слоях IV–VI вв. (Очерки..., 1970, с. 196, рис. 71, *23*), этими же столетиями датируется находка на селище Щатково на р. Березине (Поболь Л.Д., 1967, с. 239, рис. 23, *9*), на селище при д. Городище в Минс-

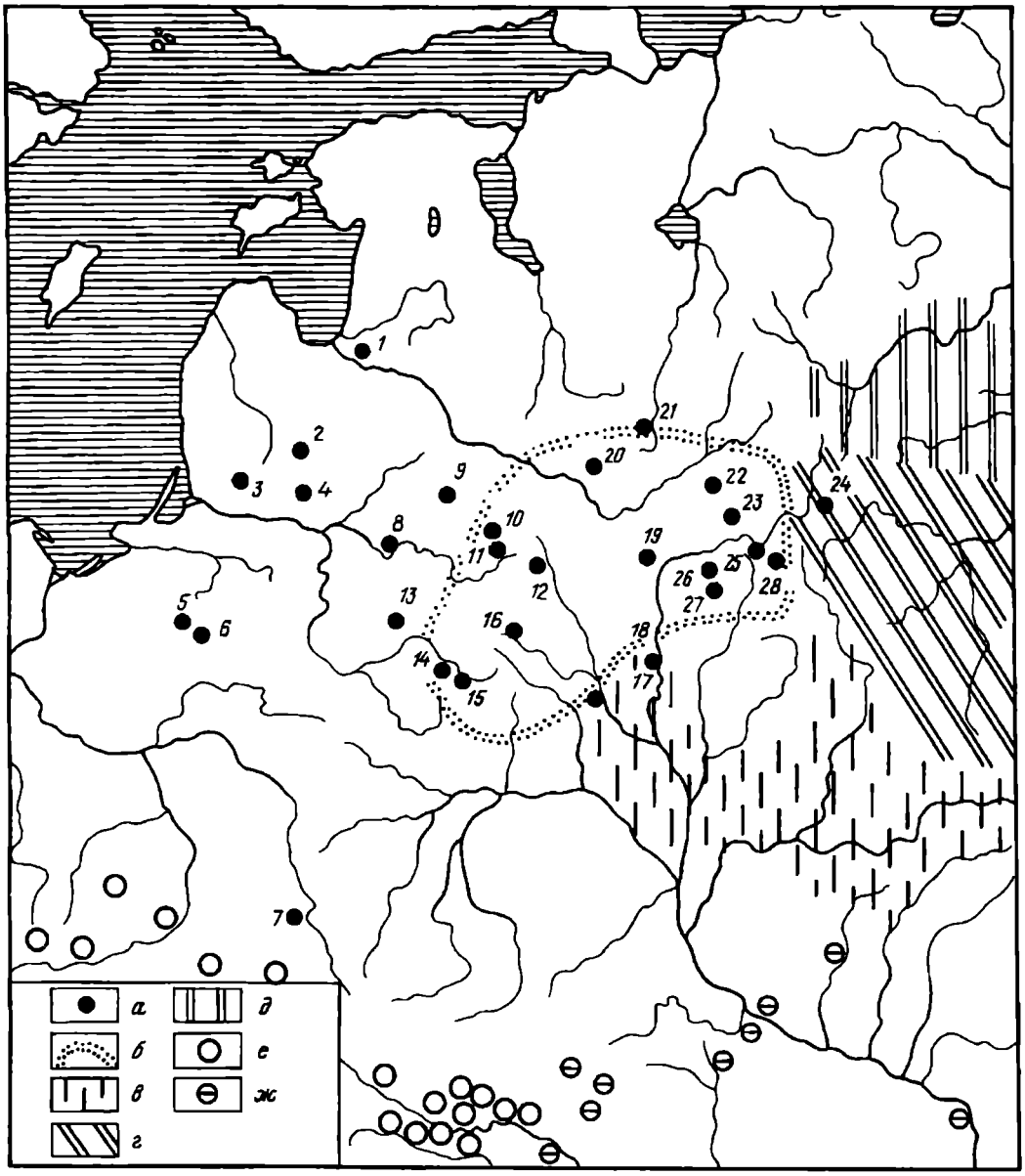


Рис. 2. Распространение шпор с отогнутыми наружу концами в период великого переселения народов и в начале средневековья:

а – памятники с находками шпор рассматриваемого типа; ареалы: *б* – тушемлинской культуры; *в* – колочинской; *г* – мощинской; *д* – москворецких и верхневолжских городищ; *е* – памятники V в. с особенностями, восходящими к пшеворской культуре; *ж* – памятники пеньковской культуры V в.

1 – Кентескалнс; *2* – Саугиняй; *3* – Пагрибис; *4* – Плинкайгалис; *5* – Тумяны; *6* – Ментке; *7* – Волаевице; *8* – Вильнюс; *9* – Сокишкяй; *10* – Некасецк; *11* – Городище; *12* – Дедиловичи; *13* – Богата; *14* – Варонча; *15* – Аношки; *16* – Лабенщина; *17* – Щатково; *18* – Тайманово; *19* – Черкасово; *20* – Девички; *21* – Дорохи; *22* – Шугайлово; *23* – Близнаки; *24* – Неквасино; *25* – Демидовка; *26* – Вежки; *27* – Никодимово; *28* – Церковище

кой обл. таких шпор найдено три – все в слое, датируемом весьма приблизительно VI–VII вв. (Митрофанов А.Г., 1978, с. 108, рис. 52, *19*; 54; *6*; 58, *27–29*).

Не подлежит сомнению, что шпоры рассматриваемого типа относятся к периоду трансформации культур раннего железного века в тушемлинскую культуру и связаны с вторжением каких-то групп населения. Шпоры не могли быть результатом торговых сделок и поступать к аборигенному населению Смоленщины и Полоцкого Подвинья, не знакомому с их использованием в верховой езде.

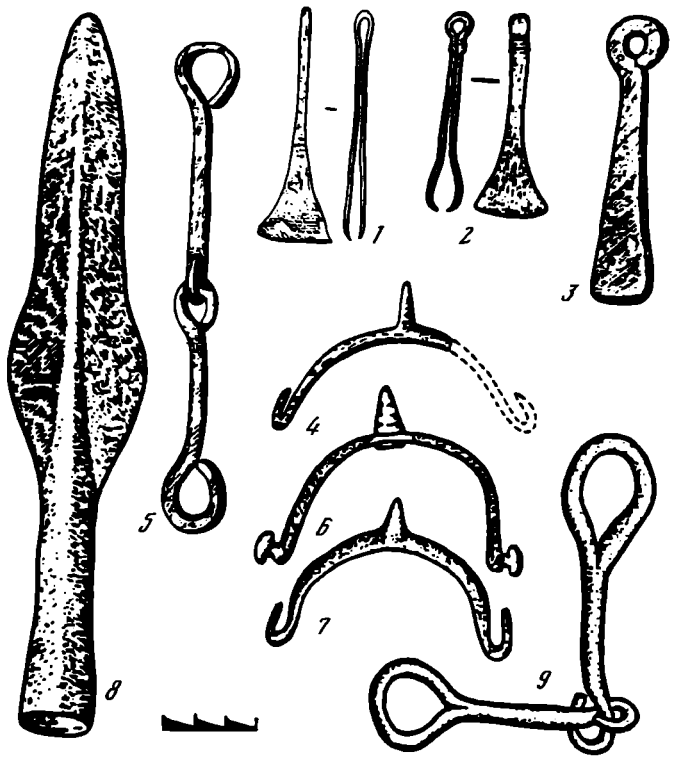


Рис. 3. Находки провинциальноримских типов из тушемлинского ареала:
1 – Лужасна; *2, 7, 8* – Демидовка; *3* – Заозерье; *4, 5* – Дорохи; *6* – Цурковка; *9* – Еловцы

Шпоры с шипом и отогнутыми наружу крючками впервые были описаны в известной сводке М. Яна (Jahn M., 1921, S. 68–70); специально этим предметам посвящена статья Я. Жака (Żak J., 1959, s. 88–105)[1]; последний обзор их принадлежит В.Б. Перхавко, который выделил эти находки в тип V, разделив по соотношению длины и ширины плеч на два варианта (Перхавко В.Б., 1978б, с. 132, 133). На основании имеющихся данных можно утверждать, что появились шпоры с отогнутыми наружу крючками в среднеевропейских землях в III в. и были распространены в III–IV вв. в Висло-Мазурском регионе, Силезии и западнее, в междуречье Эльбы и Рейна (рис. 4). Древнейшая находка шпоры рассматриваемого типа сделана на Готланде и датируется концом II в. (Jahn M., 1921, S. 69). Не исключено, что коренным регионом распространения этих шпор был Висло-Мазурский. Это было подмечено еще Я. Жаком, полагавшим, что шпоры с отогнутыми наружу крючками были изобретены жившими в этих землях племенами. Здесь шпоры встречены в захоронениях на могильниках вельбарской культуры, датируемых III и IV вв. Наиболее поздняя вельбарская шпора происходит из могильника Борнике, отнесенная К. Годловским к фазе D, т.е. ко второй половине IV – первой половине V в. (Godłowski K., 1974, s. 45, 46, tabl. IV, *16*).

По всей вероятности, из среднеевропейского региона в позднеримский период отдельные шпоры были занесены в Среднее Поднепровье. Одна такая шпора происходит из могильника в Белой Церкви, другая найдена в Переслав-Хмельницком (Славяне..., 1990, рис. 34, *11*). Еще одна шпора того же облика, стратиграфическое положение которой не определено, обнаружена на городище Чаплин в Южной Белоруссии (Поболь Л.Д., 1971, с. 33, рис. 19, *4*; 55, *8*).

[1] В статье описываются такие крупные шпоры с крючкообразно отогнутыми наружу концами, датируемые преимущественно IX–X вв., которые, возможно, не всегда эволюционно связаны с рассматриваемыми в настоящей статье.

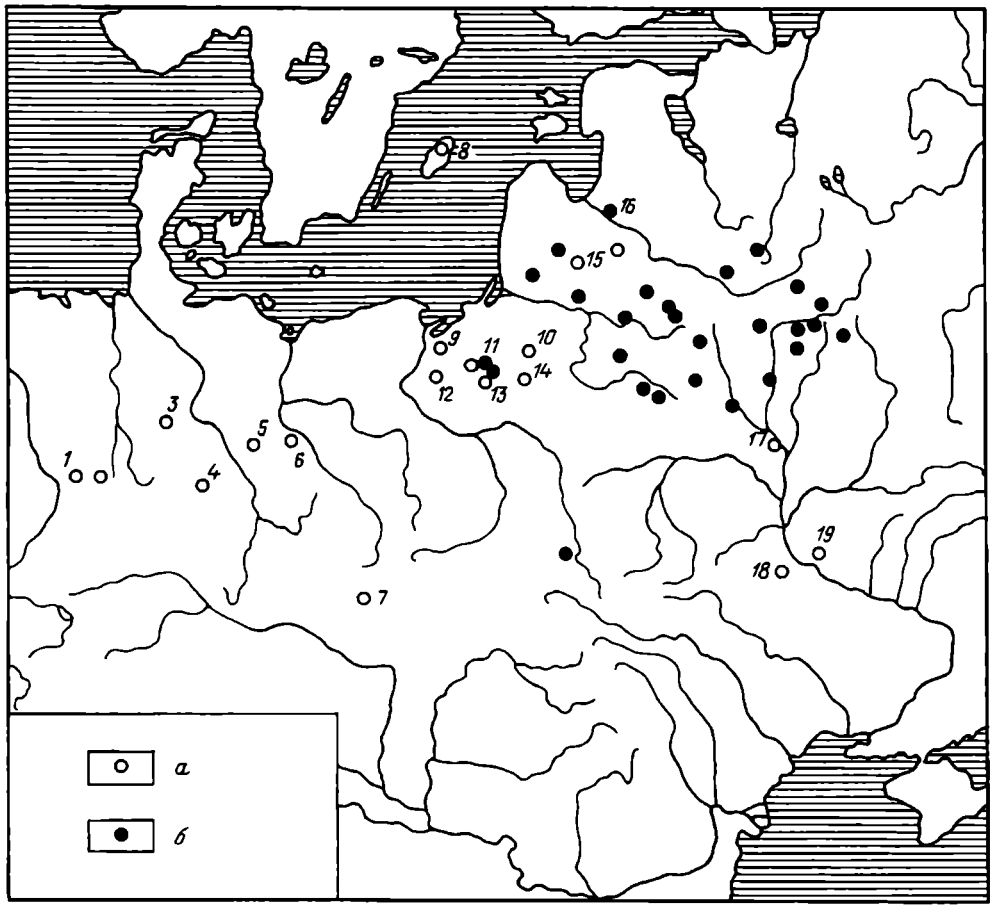


Рис. 4. Распространение шпор с отогнутыми наружу концами в римское время
а – римского времени; *б* – периода переселения народов и начала средневековья
1 – Цугмантель; *2* – Заальбург; *3* – Кведлингбург; *4* – Шафштедт; *5* – Марксдорф; *6* – Сербы; *7* – Грубчице; *8* – Кве, Станга; *9* – Эльблонг; *10* – Швейцария; *11* – Мингзен; *12* – Борнице; *13* – Кросно; *14* – Юдишки; *15* – Гибайчяй; *16* – Саука; *17* – Чаплин; *18* – Белая Церковь; *19* – Переяслав-Хмельницкий

Две шпоры рассматриваемого типа, найденные на территории Литвы и Латвии, относятся исследователями также к римскому времени. Одна из них происходит из погребения в могильнике Саука, датируемого около 300 г. н.э., другая является случайной находкой из окрестностей Шауляя (Гибайчяй) и отнесена Х.А. Моора к тому же времени по аналогиям (Moora H., 1929, S. 127, Tabl. XXXII, *6*; 1938, S. 526–537). Не исключено, что последняя шпора относится к периоду переселения народов – могильник Гибайчяй, из которого она, скорее всего, происходит, датируется в целом III–XI вв. (Lietuvos atlasas, 1977, p. 39).

В период великого переселения народов шпоры с отогнутыми наружу крючками на концах могли быть привнесены в Полоцкое Подвинье и Смоленское Поднепровье только из Висло-Мазурского региона. Оттуда же они проникли также в земли Литвы и Латвии. При исследовании могильника Плинкайгалис, ранние погребения которого датируются концом IV–V в., было найдено четыре шпоры с отогнутыми наружу крючкообразными концами. В погребении 79 две шпоры находились около головы умершего, в погр. 29 – около бедренных костей (Kazakevičius V., 1993, p. 80, 136; 1 pav.). Еще четыре шпоры того же типа происходят из жемайтского могильника Пагрибис. Памятник датируется V–XII вв. Находки шпор относятся к ранней фазе функционирования некрополя (Vaitkunskienė L., 1995, p. 135, 198, 2 pav.). Одна шпора с завернутыми наружу концами обнаружена в могильнике V–VI вв. в Саугиняй (Merkevičius A., 1984, p. 58, 59, 21, 2 pav.). Еще одна находка происходит из городища раннего железного века в Сокишкяй. Самые поздние слои поселения, датируемые

III–IV вв., не сохранились, но есть керамика (гладкостенная, с шероховатой поверхностью и с защипами) и вещевые находки этого времени. Находку шпоры, по-видимому, следует отнести к концу IV в., связав с конечным этапом жизни на городище (Grigalavičienė E., 1986, p. 123, 26, 5 pav.). К периоду великого переселения народов принадлежат, по всей вероятности, и шпоры с петлеобразно загнутыми концами, найденные на горе Гедемина в Вильнюсе и на городище Кентескалнс в нижнем течении Западной Двины. На горе Гедемина шпора обнаружена в слое, датированном V–VIII вв. (Holubovičiai E. ir V., 1941, p. 6, tabl. 2, 6). Кентескалнское поселение кроме более ранних имеет культурные напластования II–IV/V вв. и конца V – начала IX в. К какому из этих слоев принадлежит данная шпора, определить не удается (Stubavs A., 1976, 577, 578 1pp., XI tabl. 11).

В Висло-Мазурском регионе в период великого переселения народов находки небольших шпор с отогнутыми наружу концами единичны. Последнее было обусловлено значительным отливом населения из этих земель, связанным, как показано ниже, с климатическими изменениями. К началу средневековья в Висло-Мазурском регионе относятся шпоры с отогнутыми наружу концами, сделанные в отличие от вышеописанных из бронзы, из двух могильников Олштинского воеводства – Ментке и Тумяны, датируемых около 600 г. (Gaerte W., 1929, S. 296, Abb. 243b; Petersen E., 1939, S. 187, Abb. 169g). Еще одна шпора рассматриваемого облика встречена в Польше за пределами Мазурского Поозерья – на раннесредневековом поселении Волаевице в окрестностях Грубешува. Датирующих находок на селище не обнаружено. Исследователь памятника А. Узаровичова находит аналогии шпоре в древностях позднеримского времени, но отмечает, что подобные есть и в раннесредневековых материалах, поэтому определяет дату находки VI в., и на основе этой находки датируется само поселение VI–VII вв. (Uzarowiczowa A., 1964, s. 412, rys. 10a).

В Смоленском Поднепровье и Полоцком Подвинье шпоры бытовали непродолжительное время. Их появление здесь в период великого переселения народов, очевидно, связано с вторжением в эти земли населения, среди которого были конные воины, знавшие шпоры. Переселенцы, по-видимому, скоро растворились в местной земледельческой среде, и шпоры вышли из употребления.

Второй тип шпор – с острым коническим шипом и пуговицеобразными утолщениями на концах – представлен в Смоленском Поднепровье двумя находками (рис. 3, *6*), сделанными в насыпях длинных курганов у деревень Слобода-Глушица и Цурковка (Седов В.В., 1974, табл. 28, *1, 2*). Эти насыпи полностью состояли из культурного слоя расположенных здесь же селищ тушемлинской культуры. Очевидно, при сооружении курганов в VIII–IX вв. вместе со слоем в их насыпи попали и фрагменты тушемлинской керамики, и названные шпоры. Как полагает Е.А. Шмидт, такие шпоры в Смоленском Поднепровье могли использоваться не позднее V в., поскольку на городищах-убежищах с вещами VI–VII вв. они уже не встречаются (Шмидт Е.А., 1995, с. 110, 111). Еще одна шпора с пуговицеобразными концами найдена на поселении Тайманово, ее датировка затруднительна.

Шпоры с коническим шипом и пуговицеобразными завершениями на концах появились в Европе еще в латенское время. Тогда они делались из бронзы. В римский период широкое распространение получили железные шпоры того же типа. Они имеют пуговицеобразные утолщения на концах и членятся исследователями на варианты в зависимости от формы утолщений, длины дужки, ее изогнутости и т.п. Весьма широко они представлены в могильниках и на поселениях пшеворской культуры, а также имеются среди синхронных древностей Польского Поморья. Известны аналогичные шпоры и в Мазурском Поозерье в культуре западных балтов. Вместе с расселением носителей пшеворской культуры в юго-восточном направлении такие шпоры распространились и в западноукраинских землях (Козак Д.Н., 1984, с. 27, 28). Черняховской культуре они не свойственны – находки в Гавриловке и Переяславе-Хмельницком (Баран В.Д., 1981, с. 214) имеют явно пшеворское происхождение.

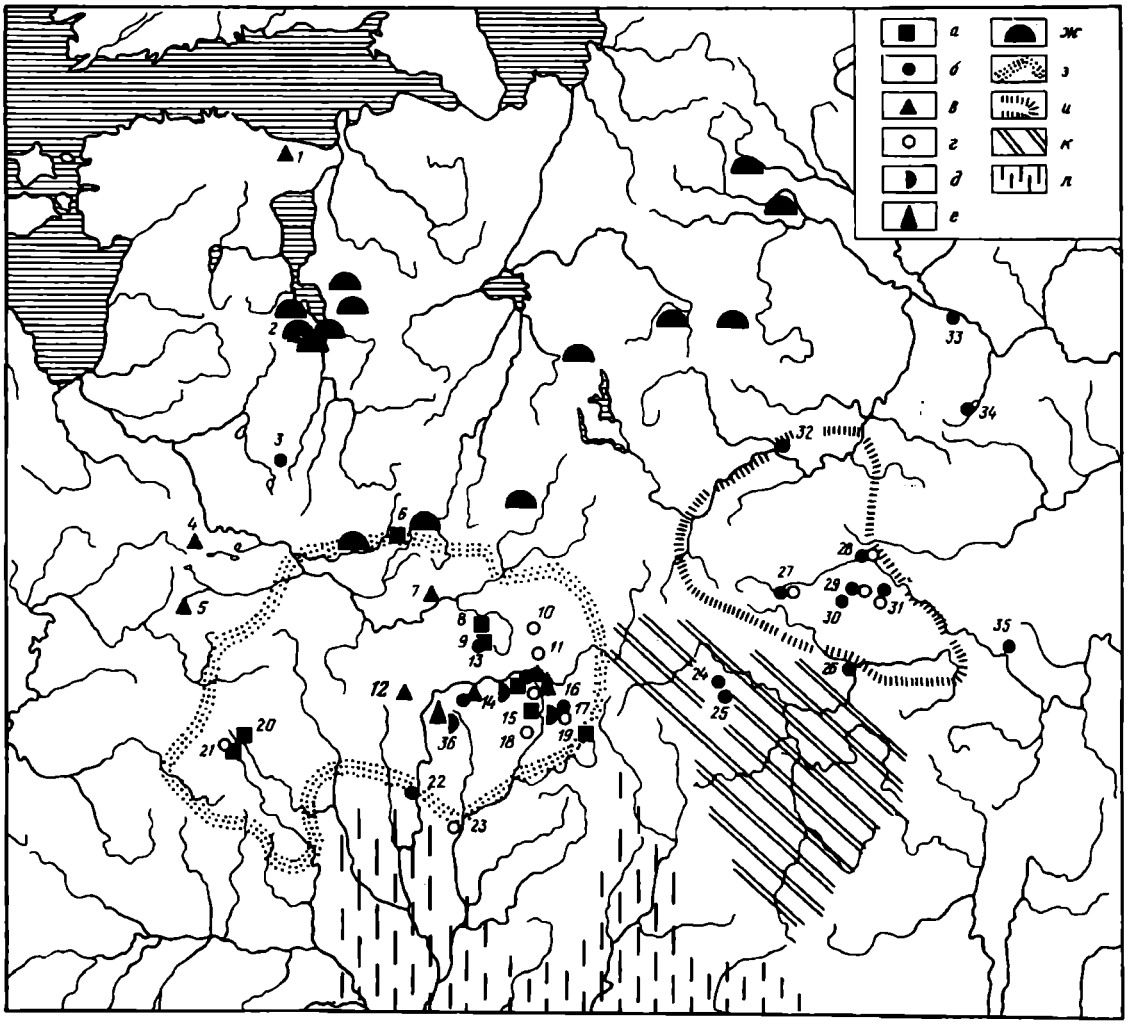


Рис. 5. Распространение находок провинциальноримского происхождения в лесной зоне Русской равнины
а – бритвы; *б* – пластинчатые кресала; *в* – пинцеты; *г* – удила; *д* – шпоры с отогнутыми наружу крючкообразными концами; *е* – пламевидные наконечники копий; *ж* – могильники с наиболее ранними длинными курганами; *з* – ареал тушемлинской культуры; *и* – москворецких городищ; *к* – мощинской культуры; *л* – колочинской культуры
1 – Ябара; *2* – Линдора; *3* – Кивты; *4* – Возгеляй; *5* – Понизье; *6* – Бураково; *7* – Лужасна; *8* – Самсонцы; *9* – Заозерье; *10* – Дроково; *11* – Близнаки; *12* – Кисели; *13* – Вежки; *14* – Цурковка; *15* – Барсуки; *16* – Демидовка; *17* – Слобода-Глушица; *18* – Петрополье; *19* – Холмец; *20* – Лабенщина; *21* – Банцеровщина; *22* – Тайманово; *23* – Еловцы; *24* – Шаньково; *25* – Мощины; *26* – Огубь; *27* – Троицкое; *28* – Дьяково; *29* – Кузнечики; *30* – Луковня; *31* – Щербинка; *32* – Отмичи; *33* – Березняки; *34* – Сарское; *35* – Кузьминское; *36* – Никодимово

В Смоленское Поднепровье шпоры рассматриваемого типа могли попасть только с запада из ареала пшеворской или западнобалтской культур.

До начала великого переселения народов население, проживавшее в севернобелорусских и верхнеднепровских землях, совсем не знало конского снаряжения. Первые находки железных удил здесь встречены на поселениях тушемлинской культуры – Близнаки, Демидовка, Еловцы, Кисели. Обнаружены удила и в насыпи упомянутого выше кургана около Слободы-Глушицы (рис. 5). В основном это двучленные удила с подвижным кольцом на концах или без такового (рис. 3, *5*, *9*). Из городища-убежища Близнаки происходят трехчленные удила. Западное происхождение тушемлинских удил не подлежит сомнению – подобные удила в большом числе имеются в пшеворских и вельбарских коллекциях. Обычны они и для каменных курганов Сувалкии. Среди материалов киевской культуры удила отсутствуют. В Среднем Поднепровье

удила получают распространение уже в салтовское время. Не характерны удила и для черняховской культуры – единичные экземпляры их встречены лишь в комплексах с яркими пшеворско-вельбарскими чертами.

Аналогичные тушемлинским двусоставные удила с подвижными кольцами или без них известны еще среди материалов из москворецких городищ – Дьяковского, Кузнечики, Троицкого и Щербинского. Здесь они, по-видимому, синхронны тушемлинским. При раскопках Троицкого городища удила были найдены во рву и отнесены исследователями к заключительному этапу существования поселения, т.е. ко второй четверти I тыс. н.э. (Смирнов К.А., 1974, с. 61). Нужно полагать, что в западные районы Волго-Окского междуречья удила рассматриваемого типа были привнесены тем же миграционным потоком, что и в Полоцко-Смоленский регион. Местное население междуречья ранее не знало конских удил. Удила, найденные на городище Березняки, как показал К.А. Смирнов, имеют скифское происхождение и датируются V–IV вв. до н.э., а псалий Щербинского городища и часть грызла удил с Подмокловского поселения относятся уже к последним столетиям I тыс. н.э. (Розенфельдт И.Г., 1982, с. 140, 141).

В прусско-литовские земли удила (бронзовые или железные) проникали еще в римское время. Их происхождение из провинциальноримского ареала не подлежит сомнению (Gaerte W., 1929, S. 186, Abb. 151; Okulicz J., 1973, s. 385–388, 405; Michelbertas M., 1986, p. 177, 178). Начиная с V в. на территории Литвы и Латвии получают некоторое распространение двухчленные железные удила того же облика (Kulikauskas P. ir ot., 1961, p. 298, pav. 204; Latvijas PSR archeologija, 1974, 155 lpp., 37, *1* att), что и на памятниках Полоцко-Смоленского региона. Исходной территорией их мог быть только ареал провинциальноримских культур.

С провинциальноримским ареалом связаны и находки в Полоцко-Смоленском регионе изогнутых железных бритв (рис. 5). Они встречены на городищах днепродвинской культуры Барсуки, Бураково, Демидовка, Самсонцы и Холмец. Исследователь этих древностей Е.А. Шмидт показал, что использовались железные бритвы в самый последний период функционирования днепро-двинской культуры, т.е. в IV в. н.э. (Шмидт Е.А., 1992, с. 85, табл. 29, *7–12*). Кроме того, железные бритвы найдены на городище Лабенщина, названном выше в связи с находкой шпоры с отогнутыми наружу концами, на Банцеровском городище и на селище тушемлинской культуры Заозерье вместе с материалами V–VII вв. (Шмидт Е.А., 1995, с. 113, рис. 1, *21*). Бытование бритв в Полоцком Поднепровье и на Смоленщине, очевидно, приходится на переходный период, когда культуры раннего железного века сменяются тушемлинской. Позднее бритвы в этом регионе выходят из употребления.

Подобные железные бритвы появились в Европе еще в раннем римском периоде и широко представлены в позднеримское время в ряде археологических культур, в частности в материалах пшеворской культуры (Kostrzewski J., 1919, S. 149). Для населения черняховской культуры бритвы не характерны, поэтому есть все основания утверждать, что в ареал становления тушемлинской культуры они были привнесены из Висло-Эльбского региона. Оттуда же они в то же время в очень небольшом количестве распространились и в летто-литовских землях.

Новой вещью для Смоленско-Полоцкого региона были и железные пластинчатые кресала, верхний конец которых оттянут и завернут в кольцо, служившее для подвешивания к поясу (рис. 3, *3*). Кресала такого типа в римское время получили весьма широкое бытование в Средней Европе. В частности, они обильно представлены в памятниках пшеворской и иных центральноевропейских культур. В южнорусских землях, в частности на территории черняховской культуры, подобные кресала не бытовали. Единичные находки их встречены лишь в черняховских могильниках Румынии (Тыргшор и Магошани) и на поселении Великая Снетинка, а также на одном из селищ киевской культуры в Глевахе (Славяне..., 1990, с. 166).

В середине I тыс. н.э. пластинчатые кресала, кольцеобразно загнутые на одном из концов, довольно широко распространяются в средней полосе Восточной Европы.

Представляется несомненным, что восходят они к изделиям провинциальноримских культур Средней Европы.

В Смоленско-Полоцком регионе такие кресала найдены на селищах тушемлинской культуры Заозерье, Слобода-Глушица и Тайманово, а также на городищах Вежки и Демидовка. В то же время они появляются и в западных районах Волго-Окского междуречья. Исследователь древностей этого региона И.Г. Розенфельдт датировала такие кресала серединой I тыс. н.э. Бытовали они здесь предположительно до VIII в. (Розенфельдт И.Г., 1982, с. 144, 145). Единичные экземпляры аналогичных изделий встречены в Кузьминском могильнике рязано-окской культуры и в погребении V–VI вв. Младшего Ахмыловского некрополя. Нужно полагать, что проникли пластинчатые кресала в соседние со Смоленщиной земли междуречья Волги и Оки в условиях инфильтрации каких-то групп переселенцев с запада, скорее всего в составе единого довольно мощного миграционного потока.

В провинциальноримских культурах нередкой находкой были бронзовые или железные пинцетики (рис. 3, *1, 2*), имеющие туалетное назначение. В могильниках пшеворской культуры они встречаются начиная с периода позднего латена и кончая временем великого переселения народов. Есть они и в материалах вельбарской культуры. В памятниках черняховской культуры находки пинцетов единичны и связаны с областями, затронутыми пшеворско-вельбарским воздействием. Из провинциальноримского ареала Средней Европы во II–IV вв. пинцеты поступали к племенам Балтийского региона, в том числе единичные находки их известны в прусско-летто-литовских землях и Финляндии (Gaerte W., 1929, Abb. 104; с. 146A:a, 191:k; Moora H., 1929, Tabl. XXX, *15*; 1938, S. 479, 480; Kivikoski E., 1973, Abb. 363, 364; Michelbertas M., 1986, p. 167).

В период великого переселения народов аналогичные пинцеты появляются в лесной зоне Русской равнины (рис. 5). Железные пинцетики встречены на городищах тушемлинской культуры в Демидовке, Вежках, Лужасна. Бронзовый пинцет происходит из длинного кургана в Линдоре, ближайшая аналогия – из эстского каменного могильника Ябара – датируется V–VI вв. (Седов В.В., 1974, с. 34). К середине I тыс. н.э. принадлежат и другие прибалтийские пинцеты, сходные с линдорским (Moora H., 1929, S. 147, 148, Tabl. XXX, *15*). Исходным регионом всех этих находок мог быть только провинциальноримский.

К провинциальноримским по происхождению должны быть отнесены также железные втульчатые наконечники копий с пером пламеобразной формы (рис. 3, *8*). В эпоху раннего железного века в лесной зоне Восточной Европы, в том числе в летто-литовских землях, такие копья не были известны. В римское время наконечники копий с профилированным пером в немалом количестве представлены в материалах Скандинавии и провинциальноримских культур Эльбо-Висленского региона, где они появляются еще в конце латена. В пшеворских древностях копья с пламеобразным пером немногочисленны, но встречены во всех регионах их распространения (Kostrzewski J. i drudzy, 1965, s. 262, ryc. 91, *18*; Kostrzewski J., 1970, s. 168, ryc. 110, *b*; Kostrzewski B., 1956, s. 78–80, ryc. 78–80; Okulicz J., 1971, s. 158, ryc. 47, *d*). В черняховском ареале подобные копья не встречены.

В эпоху великого переселения народов ареал рассматриваемых наконечников перемещается из Средней Европы в Юго-Восточную Прибалтику и тушемлинский регион. На территории Литвы наконечники с профилированным пером бытовали в V–VII вв., а наиболее ранние среди них датируются первой половиной V в. (Казакавичюс В., 1988, с. 36–41). К этому столетию, по-видимому, относится и копье из городища Демидовка.

Весьма вероятно, что провинциальноримское начало имеют и железные втульчатые наконечники копий с плоским пером листовидной формы, известные в небольшом количестве среди материалов тушемлинской культуры и довольно хорошо представленные в древностях V–VIII вв. Литвы и Латвии (Казакявичюс В., 1988, с. 42–45). В римское время наконечники этого типа были широко распространены в

германских и пшеворских могильниках (Jahn M., 1916, S. 53, 74, 75, Abb. 62; Elantkowska J., 1961, s. 78–81, ryc. 19; Prahistoria..., 1981, s. 78, tabl. IX, *8*; XI, *8*).

О проникновении в начале великого переселения народов в области становления тушемлинской культуры пшеворского или пшеворско-вельбарского населения свидетельствуют и некоторые иные факты. Таковы, например, находки из Слободки Борисовского р-на Минской обл., недавно привлекшие внимание А.А. Егорейченко (Егорейченко А.А., 1995, с. 52–56). Они не составляют единого комплекса и, как полагает исследователь, принадлежат двум хронологическим периодам. Две бронзовые фибулы датируются первыми двумя веками I тыс. н.э., остальные вещи относятся к позднеримскому времени и имеют аналогии в пшеворских древностях. В трех случаях стеклянные (или янтарные) бусы бочковидной формы с поперечно сжатыми сторонами были надеты на железные или бронзовые кольца. Такой способ ношения бус был характерен в конце римского времени и в начале великого переселения народов для носителей пшеворской и соседних культур на территории Польши. В верховья Березины эти бусы, а также ключ, типичный для пшеворской и вельбарской культур, двучастная В-образная пряжка, оковка пояса с кольцевидной головкой, несомненно, могли быть занесены переселенцами из провинциальноримского региона.

Надежным маркером продвижения среднеевропейского населения в северо-западные области Русской равнины являются и В-образные рифленые пряжки, о чем мне уже приходилось писать (Седов В.В., 1994а, с. 298–301). Одна из таких пряжек происходит с тушемлинского городища Лемница (Медведев А.М., 1996, с. 163–165, рис. 1, *3*).

Таким образом, рассмотренные выше вещи следует оценивать как надежный показатель притока в Полоцкое Подвинье и Смоленское Поднепровье в период великого переселения народов значительных масс населения из ареала провинциальноримских культур. В этой ситуации в результате взаимодействия местного населения с пришлым и сформировалась новая культура – тушемлинская. Глиняная посуда этого новообразования безусловно обнаруживает некоторые элементы преемственности с днепро-двинской керамикой, особенно с ее поздней стадией. Вместе с тем исследователи обращают внимание на немалые параллели, наблюдаемые при изучении тушемлинской посуды и керамики ранних псковских длинных курганов (Лопатин Н.В., 1987, с. 52, 53). Они представляются вполне объяснимыми – население, создавшее в бассейнах озер Псковского и Ильменя культуру псковских длинных курганов, по всей вероятности, вышло из той же среды Висло-Одерского региона (Седов В.В., 1994б, с. 127–137; 1995, с. 211–217), что и пришлые племена, давшие импульс становлению тушемлинской культуры. В этой связи нельзя не отметить, что некоторые археологи обнаруживают черты сходства между тушемлинской посудой и синхронной керамикой суковско-дзедзицкого типа (иногда именуемой посудой типа Суков-Шелиги), получившей распространение в северной части Польши и Мекленбурге (Седов В.В., 1995, с. 40–67). Племена суковско-дзедзицкой культуры, по-видимому, вышли из тех же местностей провинциальноримского ареала, что и переселенцы в севернобелорусско-смоленские земли.

Передвижение крупных масс населения из Висленского региона на возвышенные места лесной зоны Русской равнины было обусловлено прежде всего существенными климатическими изменениями, имевшими место в период великого переселения народов. С конца IV в. в Европе наступает резкое похолодание, особенно холодным было V столетие. Это был период максимального похолодания не только для I тыс. н.э., в это время наблюдались самые низкие температуры за последние 2000 лет. Резко повышается увлажненность почвы, что обусловлено было и значительным увеличением выпадения осадков, и трансгрессией Балтийского моря. Уровни рек и озер значительно поднимаются, разрастаются болота, поднимаются грунтовые воды. Многие местности, где в римское время концентрировались поселения, оказались затопленными, а пахотные участки – непригодными для сельскохозяйственной деятельности. Население вынуждено было покинуть эти местности. Так, необычайно

сильные наводнения заставили тевтонов оставить земли Ютландии и смежной части Германии. Среднее Повисленье, довольно плотно заселенное в римское время земледельческим населением, безусловно сильно пострадало от наводнений и переувлажненности. Археология свидетельствует, что все поселения римского времени в конце IV – начале V в. были оставлены населением. И есть все основания полагать, что какая-то немалая часть его мигрировала в северо-восточном направлении, в основном по Белорусской гряде, достигнув Смоленско-Московской и Валдайской возвышенностей.

Рассмотренные выше предметы провинциальноримского происхождения не являются этническими индикаторами. Для решения вопроса об этнической принадлежности населения, расселившегося в период великого переселения народов в Полоцком Подвинье и Смоленском Поднепровье, и собственно носителей тушемлинской культуры необходимо привлечь весь комплекс данных современной археологии и смежных наук, что выходит за рамки настоящей статьи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Баран В.Д., 1981. Черняхівська культура. За матеріалами верхнього Дністра і Західного Бугу. Київ.

Егорейченко А.А., 1995. Находки римского времени из Слободки // Гістарычна-археалагічны зборнік. № 6. Мінск.

Казакявичюс В., 1988. Оружие балтских племен II–VIII веков на территории Литвы. Вильнюс.

Козак Д.Н., 1984. Пшеворська культура у Верхньому Подністров'і і Західному Побужжі. Київ.

Лопатин Н.В., 1987. Параллели в керамике культуры длинных курганов и древностей типа Тушемли-Банцеровщины // Археология и история Пскова и Псковской земли. Псков.

Лопатин Н.В., 1989. Проблемы и перспективы изучения древностей типа Тушемли-Банцеровщины // Памятники железного века и средневековья на верхней Волге и Верхнем Подвинье. Калинин.

Лопатин Н.В., 1991. Южные традиции в керамике Смоленского Поднепровья и Северной Белоруссии в первой половине I тыс. н.э. // Археология и история юго-востока Руси. Курск.

Лопатин Н.В., Фурасьев А.Г., 1994. О роли памятников III–IV вв. в формировании культур псковских длинных курганов и Тушемли-Банцеровщины // Петербургский археологический вестник. Вып. 9. СПб.

Медведев А.М., 1996. К вопросу о северной границе позднезарубинецкой и киевской культур в Верхнем Поднепровье // Гістарычна-археалагічны зборнік. № 7. Мінск.

Митрофанов А.Г., 1972. О происхождении культуры типа верхнего слоя Банцеровщины (V–III вв.) // Беларускія старажытнасці. Менск.

Митрофанов А.Г., 1978. Железный век Средней Белоруссии. Минск.

Митрофанов А.Г., 1980. Археологические памятники восточных балтов на территории Белоруссии в эпоху железа (VIII в. до н.э. – IX в. н.э.) // Из древнейшей истории балтских народов по данным археологии и антропологии. Рига.

Очерки по археологии Белоруссии, 1970. Ч. 1. Минск.

Перхавко В.Б., 1978а. Раннесредневековые древности междуречья Днепра и Немана. Автореф. канд. дис. М.

Перхавко В.Б., 1978б. Появление и распространение шпор на территории Восточной Европы // СА. № 3.

Поболь Л.Д., 1967. Поселение железного века около д. Шатково Бобруйского района // Белорусские древности. Минск.

Поболь Л.Д., 1971. Славянские древности Белоруссии (ранний этап зарубинецкой культуры). Минск.

Розенфельдт И.Г., 1982. Древности западной части Волго-Окского междуречья в VI–IX вв. М.

Седов В.В., 1970. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. М.

Седов В.В., 1974. Длинные курганы кривичей // САИ. Вып. Е1–8.

Седов В.В., 1982. Восточные славяне в VI–XIII вв. М.
Седов В.В., 1994а. Славяне в древности. М.
Седов В.В., 1994б. Первый этап славянского расселения в бассейнах озер Ильмени и Псковского // Новгородские археологические чтения. Новгород.
Седов В.В., 1995. Славяне в раннем средневековье. М.
Славяне Юго-Восточной Европы в предгосударственный период, 1990. Киев.
Смирнов К.А., 1974. Дъяковская культура (материальная культура городищ междуречья Оки и Волги) // Дъяковская культура. М.
Терпиловский Р.В., Абашина Н.С., 1992. Киевская культура. Киев.
Третьяков П.Н., Шмидт Е.А., 1963. Древние городища Смоленщины. М.; Л.
Шмидт Е.А., 1992. Племена верховьев Днепра до образования Древнерусского государства. 1. Днепро-двинские племена (VII в. до н.э. – III в. н.э.). М.
Шмидт Е.А., 1995. Вооружение и снаряжение воинов-всадников тушемлинских племен Поднепровья // Гістарычна-археалагічны зборнік. № 6. Мінск.
Штыхаў Г.В., 1992. Крывічы. Па матэрыялах раскопак курганоў ў Паўночнай Беларусі. Мінск.
Elantkowska J., 1961. Uzbrojenia ludności kultury pszewoskiej w okresie rzymskim na Śląsku // Zeszyty naukowe Uniwersytetu im. A. Mickiewicza w Poznaniu. Archeologia i etnografia. T. 2.
Gaerte W., 1929. Urgeschichte Ostpreussens. Königsberg.
Godłowski K., 1974. Chronogogia okresu późnorzymskiego i wczesnego okresu wędrówek ludów w Polsce północno-wschodniej // Rocznik bialostocki. T. XII. Warszawa.
Grigalavičienė E., 1986. Soliškių piliakalnis // Lietuvos archeologija. T. 5. Vilnius.
Holubovičiai E., ir V., 1941. Gedemino Kalno Vilniuje 1940 metų kasinejimu pranešimas. Kaunas.
Jahn M., 1916. Die Bewaffnung der Germanen in alteren Eisenzeit. Würzburg.
Jahn M., 1921. Der Reitersporn seine Entstehung und früheste Entwicklung. Leipzig.
Kazakevičius V., 1993. Plinkaigalio kapinynas // Lietuvos archeologija. T. 10. Vilnius.
Kivikoski E., 1973. Die Eisenzeit in Finnlands, Helsinki.
Kostrzewski B., 1956. Cmentarzyska z okresu rzymskiego w Czaczu i w Kokozynie w pow. kościanskim i w Pięczkowie w pow. średzkim // Fontes archaeologici posnanienses. T. VI. Poznań.
Kostrzewski J., 1919. Die ostgermanische Kultur der Spatlatenzeit. Leipzig.
Kostrzewski J., 1970. Pradzieje Śląska. Wrosław; Warszawa; Kraków.
Kostrzewski J., Chmielewski W., Jażdżewski K., 1965. Pradzieje Polski. Wrocław; Warszawa; Kraków.
Kulikauskas P., Kulikauskienė R., Tautavičius A., 1961. Lietuvos archeologijos bruožai. Vilnius.
Latvijas PSR archeologija, 1974. Riga.
Lietuvos atlasas, 1977. Lietuvos TSR archeologijos atlasas. T. III. Vilnius.
Merkevičius A., 1984. Sauginių plokštinis kapinynas // Lietuvos archeologija. T. 3. Vilnius.
Michelbertas M., 1986. Senasis geležies amžius Lietuvoje. I–IV amžius. Vilnius.
Moora H., 1929. Die Eisenzeit in Lettland bis etwa 500. n. Chr. T. I. Dorpat.
Moora H., 1938. Die Eisenzeit in Lettland bis etwa 500. n. Chr. T. II. Tartu.
Okulicz J., 1971. Cmentarzysko z okresów późnolatenskiego i rzymskiego w miejscowości Dobrzankowo, pow. Przasnysz // Materialy starożytne i wczesnośredniowieczne. T. I. Wroclaw; Warszawa; Kraków.
Okulicz J., 1973. Pradzieje ziem pruskich od późniego paleolitu do VII w. n.e. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk.
Petersen E., 1939. Der ostelbische Raum als germanisches Kraftfeld im Lichte der Bodenkunde des 6.–9. Jahrhunderts. Leipzig.
Prahistoria ziem polskich, 1981. T. 5. Pózny okres lateński i okres rzymski. Wrocław; Warszawa, Kraków.
Stubavs A., 1976. Ķentes pilskalns un apmetne. Riga.
Uzarowiczowa A., 1964. Wyniki babań sondażowych na osadzie wczesnośredniowiecznej w Wołajowicach, pow. Hrubieszów // Wiadomosci archeologiczne. Warszawa.
Vaitkunskienė L., 1995. Pagrybio kapinynas // Lietuvos archeologija. T. 13. Vilnius.
Żak J., 1959. Ostrogi z zaczepami haczykowato odgietymi na zewnątrz // Przegląd archeologiczny. XI. Poznań.

Институт археологии РАН,
Москва

V.V. SEDOV

BELORUSSIAN DVINA REGION AND THE SMOLENSK DNIEPER REGION DURING THE PERIOD OF THE GREAT MIGRATION OF THE PEOPLES

Summary

During the period of the Great Migration of the Peoples in the Polotsk Dvina region and the Smolensk Dnieper region a significant cultural transformation was underway. As regards the areas of two cultures that dated to the Early Iron Age, i.e. the Dnieper-Dvina and Scratched Ceramics cultures that belonged to various dialect and tribal formations of the earliest Balts, a new society, i.e. Tushemlja culture, which is not a product of a simple evolution of preceding antiquities is being developed.

The development of the Tushemlja culture coincides with the spread of a number of goods across its territory that had not been known before. These are iron stirrups with a hook-shaped ends turned upwards, stirrups with knobs at the end, snaffle-bits, razors, lamella strike-a-light, tweezers, flame-shaped arrowheads etc. All these goods used during the earlier period were quite characteristic for provincial cultures of Middle Europe, for example, the Visla region. Their appearance in the Polotsk-Smolensk region at the end of the 4th-5th centuries may be stipulated only by a movement of smaller of larger groups of population from the provinces of Rome. The creation of the Tushemlja culture resulted from the interrelations between the alien people and some local Balt tribes.

И.Л. КЫЗЛАСОВ

МАТЕРИАЛЫ К РАННЕЙ ИСТОРИИ ТЮРКОВ

III. ДРЕВНЕЙШИЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА О ПИСЬМЕННОСТИ

3. Архаичная манера письма

Древние особенности рунического письма, сохраняемые в памятниках чиков Верхнего Енисея, побуждают присмотреться и к другим чертам оставленных ими надписей[1]. Кроме приведенных в предшествующем разделе статьи алфавитных признаков, они отличимы по еще трем формальным показателям: форме тамговых знаков, размещению строк надписей на одной стороне камня и их горизонтальному направлению.

Для раннесредневековых тюркоязычных государств, знавших руническое письмо, ныне выделяется четыре разных принципа оформления эпитафийных памятников. 1. Надпись вертикальными строками, направленными от верха к низу, тамга наверху стелы (Второй Восточнотюркский и Уйгурский каганаты, орхонское письмо – рис. 1, *1*, *2*). 2. Надпись вертикальными строками, направленными от основания к верху, тамга внизу стелы (Древнехакасское государство, енисейское письмо – рис. 1, *3*). 3. Надпись горизонтальными строками поперек стелы, тамга ниже текста у его начала (государство неизвестно, чики, тувинский вариант енисейского письма со следами верхнеенисейского алфавита – рис. 2). 4. Надпись горизонтальными строками на валуне, тамги нет (Карлукское государство? таласское письмо) (Кызласов И.Л., 1994, с. 214, 215, 224–232).

По тамгам в виде птичьей лапки (Кызласов Л.Р., 1960, с. 100) (иных форм пока не выделено) к чикским эпитафиям ныне следует отнести три памятника: Уюк-Аржан (Е 2), Третий памятник из Тувы (Е 51) и Уюк-Оорзак II (Е 109). Как ни малочислен этот ряд, он хорошо демонстрирует и существование у чиков самобытной манеры располагать строки эпитафий горизонтально (Е 2, рис. 2), и потерю ее после вхождения в Древнехакасское государство, переход на официальное для него оформление поминальных стел: Е 51 еще сохраняет прежнее расположение тамги, а Е 109 уже полностью подчинен общей енисейской традиции (Кызласов И.Л., 1994, рис. 37). По композиционному типу к аборигенным эпитафиям Тувы следует отнести большой текст на одной из сторон стелы Эль-Бажи (Е 68/1), нанесенный поперек плиты горизонтально идущими строками. Об этом же говорит и палеографическое своеобразие надписи (Кызласов И.Л., 1998, рис. 1). На довольно раннее время ее создания указывает вторичное использование камня для высекания древнехакасской эпитафии (Е 68/2), датированной по тамге концом IX в. (Кызласов Л.Р., 1965, с. 39, 48 (№ 37), рис. 1, *12*) и занимающей оборотную сторону плиты, обе ее узких грани и верх чикской стороны.

Манера покрывать узкие каменные столбы не продольными, а поперечными строками, объединяющая две стелы второй половины VIII – начала IX в. Е 2 и Е 68/1, выг-

---

[1] Начало настоящей статьи опубликовано в предыдущем номере журнала (Кызласов И.Л., 1998). В тексте памятники енисейского письма обозначаются сокращенно: Е, порядковый номер текста (см.: Малов С.Е., 1952; Древнетюркский словарь, 1969; Васильев Д.Д., 1983), номер строки. Пара подчеркнутых знаков транскрипции соответствует одному руническому знаку оригинала.

© И.Л. Кызласов, 1998 г.

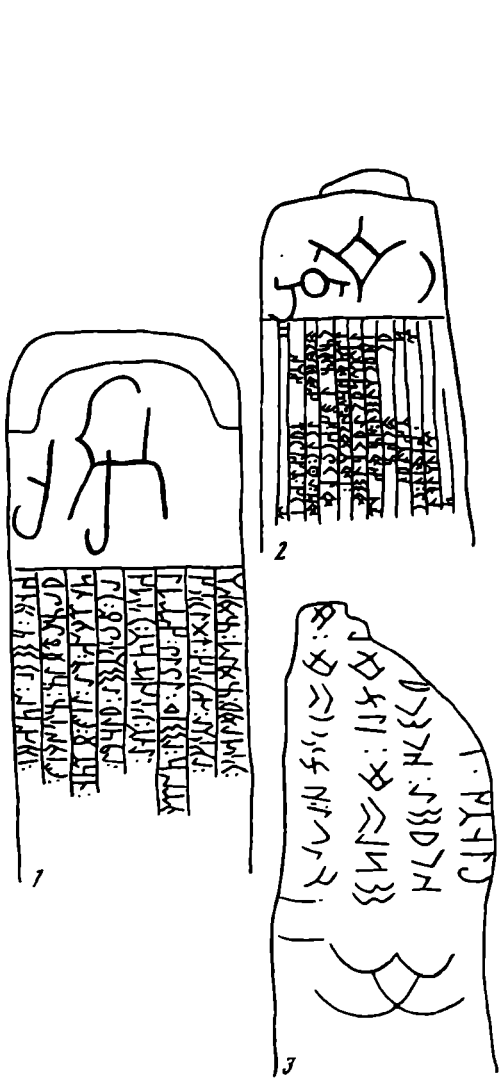


Рис. 1

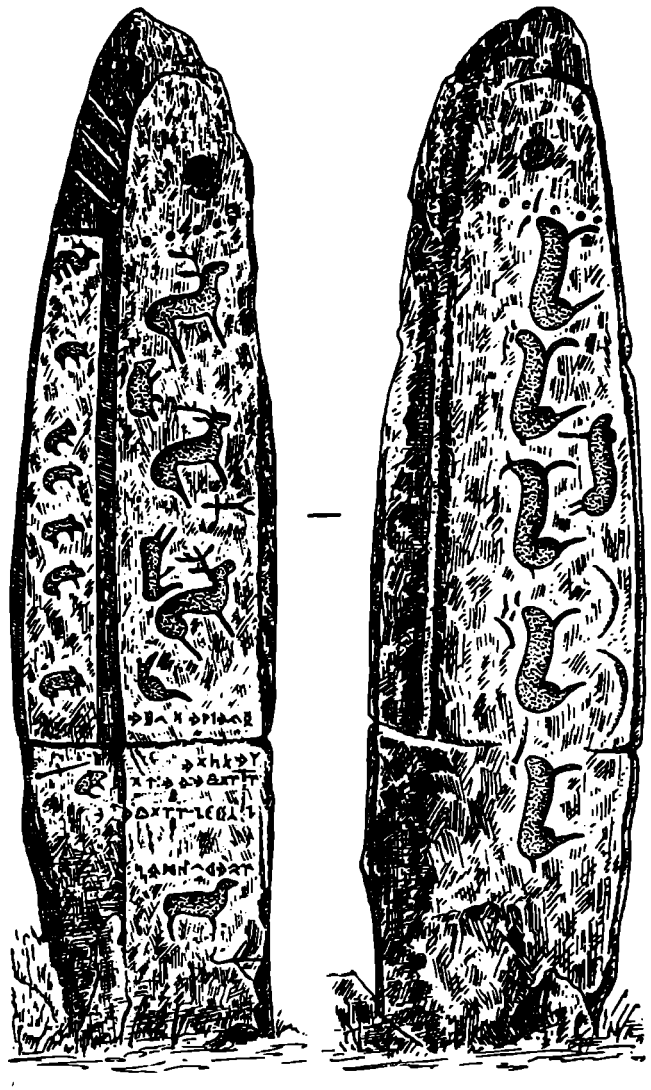


Рис. 2

Рис. 1. Композиционные типы эпитафийных памятников. *1*, *2* – первый тип (орхонское письмо: *1* – Второй Восточнотюркский каганат, *2* – Уйгурский каганат), *3* – второй тип (енисейское письмо: Древнехакасское государство)

Рис. 2. Эпитафия Уюк-Аржан (Е 2), нанесенная на оленный камень. Третий композиционный тип (тувинский вариант енисейского письма: чики, государственная принадлежность неизвестна). По воспроизведению Х. Аппельгрен-Кивало. Хранится в Минусинском музее, инв. № 21

лядит несколько странно. Текст не в полной мере соответствует форме камней, не столь рационально использует их поверхность: строки не всегда помещаются во всю длину (у обеих эпитафий концы слов иногда заходят на левую боковую грань), края их легко подвергаются разрушению (что хорошо заметно у Е 68/1). Создается впечатление, что такой способ размещения строк привнесен в эпитафийную традицию из иной сферы письма, что он не только не органичен для нее, но и не достаточно приспособлен к ней. Следовательно, именно он может вывести нас за пределы камнеписных особенностей и помочь в отыскании признаков обыденных видов письменной культуры чикой или раннесреднековых тюрков в целом. Присмотримся к двум названным текстам.

На первый взгляд их следует читать привычным для нас образом: от верхней строки к нижней. Именно так и воспринималась известная с 1888 г. надпись Уюк-Аржан (Е 2, рис. 3) всеми работавшими с нею тюркологами (Radloff W., 1895, S. 305; Orkun H.N., 1940, s. 35; 1987, s. 445; Малов С.Е., 1952, с. 14; Батманов И.А., Ку-

Рис. 3. Эпитафия Уюк-Аржан (Е 2). Прорисовка автора

Рис. 4. Чикская эпитафия Эль-Бажи (Е 68/1). Верхние вертикальные строки принадлежат к позднее нанесенному на другую сторону древнехакасскому тексту (Е 68/2, см. рис. 6). Минусинский музей, инв. № 37. Прорисовка автора

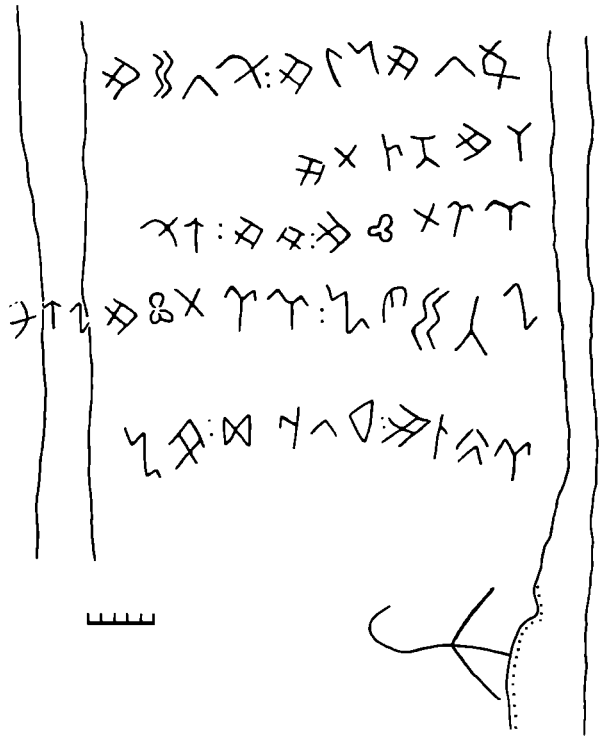


Рис. 3

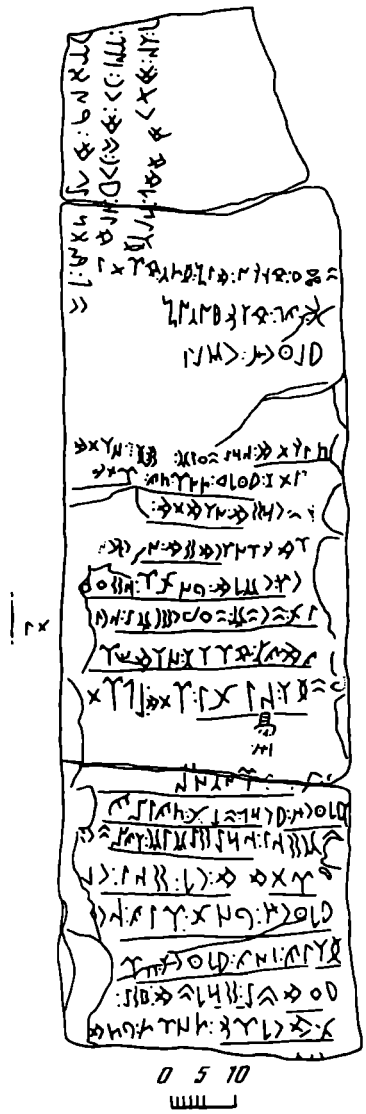


Рис. 4

наа А.Ч., 1963, с. 12; Аманжолов А.С., 1974, с. 101; 1981, с. 15; Васильев Д.Д., 1983, с. 14). Но стоит всерьез отнестись к формальным признакам памятника: его тамга вырезана ниже строк текста. И по орхонскому, и по енисейскому канонам тамга открывает эпитафийный текст, стоит в его начале. Следуя данной закономерности, строки Е 2 нужно читать от нижней к верхней[2].

Контекст надписи (хотя и не во всех отношениях ясной) полностью согласуется с этим заключением: (1) [у предшественников – строка 5] (e)r (a)tym: j(a)šqys(?)[3]: b(e)n (2)[4] ač(y)dg(ä)n[2] [надо бы ač(y)tγ(a)n]: (e)r (e)rd(ä)mim :(?) aquz (или oquz) (3)[3] (e)r (e)rd(ä)mim :(e)b(i)m: (a)quz (или oquz) (4)[2] (e)l(i)m etd(i)m [надо бы ett(i)m] (5)[1] eš(i)m (u)rym: (a)z(y)šd(y)m "(1)[5] (Вот) мое геройское имя: я – Яшкыс (?). (2)[4] Прокладывающая дорогу (или: побуждающая к завоеванию) моя геройская доблесть, акуз! (или: окуз – горестное восклицание?), (3)[3] Моя геройская доблесть (и) мои домочадцы, акуз (окуз)! (4)[2] Я (благо)устроил мое владение-эль, (5)[1] (а затем) (вместе) с моими

[2] Ныне мне известно, что уже давно так же читает эту надпись и А.М. Щербак. Тюрколог верно определил и последний знак стк. 2 – "z". Благодарю Л.Р. Кызласова за ознакомление с личным письмом А.М. Щербака к нему от 21 ноября 1963 г.

[3] Попытку по-новому определить значение руны в виде спаренных треугольников см.: (Кызласов И.Л., 1994, с. 133, 134).

товарищами и моими сыновьями (или: юными соратниками) я потерял дорогу (жизни и ушел без возврата)".

Надписи всех четырех сторон Е 68 изучались Д.М. Насиловым и Д.Д. Васильевым и воспринимались ими как единый поминальный текст (Насилов Д.М., 1963, с. 125–128, илл. 3, 4; Васильев Д.Д., 1983, с. 35, 36, 72, 113, 114). Только неувязка с числительными, обозначавшими возраст, побудила Д.М. Насилова допустить независимость текстов на широких сторонах, но тут же общие размеры надписи приведены как показатель высокого общественного положения умершего (Насилов Д.М., 1963, с. 128). Между тем, как говорилось, здесь редкий случай вторичного использования чикского памятника под древнехакасскую эпитафию. Позднюю надпись (Е 68/2) рассмотрим далее. Ранний текст (Е 68/1, рис. 4) представлен 20 горизонтальными строками на одной широкой поверхности камня. Разделение надписей Е 68/1 и Е 68/2 надежно производится по их палеографическим особенностям (Кызласов И.Л., 1994, с. 93–98, 117–123, табл. XXVI, XXXI–XXXV)[4], композиционным различиям, а также, с меньшей уверенностью, по расхождениям в технике нанесения знаков на камень.

Надпись Е 68/1, как и рассмотренная Е 2, читается от нижней строки к верхней. В этом убеждают случаи переноса части фраз с одной строки на другую (стк. 2 и 3, 6 и 7, 10 и 11). Ее горизонтальные строки разделяются просветами на группы: 1–9, 10–17 и 18–20. Причина этого, возможно, в неровностях камня, хотя есть различия в почерке каждой из частей и по крайней мере верхняя группа строк отличается содержанием. К сожалению, нижний край плиты обломлен прямо по тексту. В стк. 1 сохранились лишь вершины четырех крайних справа штрихов: наклоненного налево ("u/o"?), вертикального ("s/š"? "l[1]"?), вертикального с отводком направо ("a/ä" или "y/i") и, вероятно, уголок, предположить по которому характер знака невозможно. Содержание нижней части текста (строки 2–9) построено смысловыми группами по две строки каждая, следовательно, надпись первоначально не могла иметь менее 21 строки. Кое-где обкрошились края стелы, что повредило вплотную подходившие к ним буквы. Позднее (вероятно, в XIII–XIV вв. – см.: (Кызласов Л.Р., 1969, с. 10, 12, 160, 177)) поверх рунической надписи была дополнительно вырезана колонка из 12–13 китайских иероглифов, также осложнившая понимание некоторых знаков текста. Не удалось пока разобрать и значения отдельных слов.

С учетом всех этих сложностей надпись Е 68/1 читается так:

... (1) ... (2) [у предшественников – строка 19] (e)s(i)z(i)m ol (e)r(i)nč : tört : j(e)tm[(i)š] (3)[18] jaš(y)mta : (a)d(y)r(y)lt(y)m : ök(ü)nč-ä : (4)[17] elig : süg : j(a)l(y)ŋuš : ... (5)[16] j(a)l(y)ŋuš : jüz : (e)rig : qo[d(t)(y)m] : (6)[15] (e)rd(ä)m(i)m : ul : d(a)qy : ul[(a)r(y)γ] (7)[14] t(a)γd(a)qy : q(a)ra (a)dyγyγ : (i)lg(e)n tut[(y)m] (8)[13] j(a)l(y)ŋuš : jor(y)p : toq(u)z : t(e)gin(i)g (9)[12] ... r[2] üčün

(10)[11] (a)b(a)t el : qyzy : (e)rd(ä)m : (a)lp (e)rd[(ä)m] (11)[10] [b](e)g(i)mgä : b(i)rlä : ölm(ä)j(ü)r (12)[9] ... i(/y)z : tut(u)γ : taš bod(u)nγa : q(a)ny[t (e)r]di (13)[8] [j(a)l(y)ŋ]uš : oγl(y)m : jüz (e)r : q(a)daš(y)m (14)[7] ... r[2](i)m k(ö)rü (a)šum(a)d(y)m : ü(?) ... uzuq(?) ... (15)[6] ... (?) turd(y)m : ölm(ä)d(i)m : (16)[5] ... d[2]ä : j(a)ŋlyq : tur : t(e)g : (e)rd(i)m (17)[4] tikd(i)m : q(a)ra tašig [надо бы tašyγ] : ... d[1](? nč?) : e ... (p?) öl(/r[2]?)d(i)m

(18)[3] j(a)l(y)ŋuš : oγly (19)[2] (e)m(?)g(ä)p : b(i)l(i)nč-ök :(?) (bar) üčün (20)[1] t[1] ... yq(u?) : b(e)ŋkü : (ä)min[5] : eti :(?) b(e)rdi.

"... (2)[19] О горе, вот (в чем) несчастье: в шестьдесят четыре (3)[18] года я был разлучен (с этим миром), какая жалость! (4)[17] Пятьдесят военных отрядов одиноким ... [я покинул?], (5)[16] одиноким сотню мужей я поки[нул]. (6)[15] (Вот) моя доблесть: живущих у подошвы (гор) куро[паток], (7)[14] живущих в горах черных мед-

---

[4] В книге 1994 г. ранний текст Е 68 назван мною надписью оборотной стороны стелы. Ныне, отражая последовательность нанесения разновременных надписей на камень, точнее обозначать его как Е 68/1.

[5] Слово (ä)min "надежный, верный; верность; надежно, уверенно" (Древнетюркский словарь, 1969, с. 75) – первый арабизм, встречаемый в рунических надписях. Слово вырезано ясно, чтение его подкреплено контекстом. Особый интерес представляет его употребление в надписи, относимой к VIII – началу IX в.

ведей я ловил-хватал. (8)[13] Один, пойдя (в поход?) девять принцев (9)[12] ... ради...

(10)[11] Девицы процветающего княжества (эля), доблестные витязи с доблестным (11)[10] моим бегом вместе не умрут. (12)[9] ... тутук доставил насыщение внутреннему народу. (13)[8] Мой единственный сын, сто моих мужей-товарищей, (14)[7] по сравнению с моим ... я не уменьшил (владений?) ... (15)[6] ... я стоял (жил? или: отощал?), (но) не умер. (16)[5] в ... я следовал ошибкам точно ценностям (17) [4] я воздвиг черный камень ... я умер (?).

(18)[3] единственный сын, (19)[2] измучившись (?), поскольку пониманием (обладал), (20)[1] ... памятник надежно устроил."

Итак, обе рассмотренные чикские надписи не только демонстрируют самобытную традицию чикского письма горизонтальными строками, направленными поперек вертикальных стел, но и открывают весьма редкую и неожиданную особенность – *порядок прочтения строк от нижней к верхней*, расположение восходящей лесенкой.

Обнаружив эту своеобразную манеру по надписям, выведенным горизонтально, уже несложно заметить, что она присутствует и среди значительного ряда древнехакасских эпитафий, написанных собственно енисейским письмом и размещенных вдоль стел вертикально направленными строками. Читать их нужно от левой к правой (т.е., будь эти камни лежачими, – от нижней к верхней). Таковы девять стел с надписями, размещенными на одной плоскости (Е 1, Е 15, Е 20, Е 44[6], Е 55, Е 61, Е 66, Е 92, Е 108). Для начала обратим внимание на особенности размещения на камне строк эпитафии Уюк-Тарлык (Е 1, рис. 5): та, что всеми читалась как вторая, загибается у вершины камня поперек, а другая упирается в этот загиб и приобретает попятное направление. Очевидно, что она высечена позднее. Наблюдение поддерживается контекстом надписи. В левой строке (стк. 1) содержится имя умершего: (a)t(y)m : el toγ(a)n : tutuq : b(e)n : t(ä)ŋri : el(i)m : kä : elčisi : (e)rt(i)m : (a)lty : b(a)γ bod(u)n : qa : b(e)gi : (e)rt(i)m "(Вот) мое имя: я – Эль Тоган-тутук. В моем божественном владении-эле я был его правителем (и) у народа шести уделов-багов я был бегом". А правая строчка (стк. 2) прямо продолжает повествование первой: (e)siz : elim-ä : qunčuj(y)m-a : oγl(a)n(y)m-a : bod(u)n(y)m-a : (a)ltm(y)š : j(a)š(y)mda "О горе, с моим владением, моей супругой, моим сыном (и) моим народом в мои шестьдесят лет [я был разлучен]". Приведем для примера и очередность строк эпитафии Е 55 (ср. обратный порядок прочтения (Насилов Д.М., 1963, с. 124, 125; Васильев Д.Д., 1983, с. 33)): (1)[3] q(a)nč (a)γ(y)r : töl(ä)š tir(i)g (2)[2] qujda : qunč(u)j(y)m-a : (a)d(y)r(y)lt(y)m : (e)s(i)z(i)m-ä (3)[1] üč jüz budr(a)q jont(y)mqa bökm(ä)d(i)m "(1) (Я –) столь суровый Тёлеш Тириг. (2) С моей супругой, (живущей) в тереме я был разлучен, о горе! (3) Моими тремястами свободно пасущимися конями я не насладился".

Подобная последовательность размещения строк сохраняется даже в том случае, когда надпись вырезается на нескольких сторонах камня. В этом убеждает, например, контекст четырехстрочного текста лицевой стороны Е 68/2 (рис. 6), также начинаясь с имени собственного: (1) (a)lp b(a)γa : oγly b(e)n : (2) q(a)ra : b(a)rs yn(a)nču : čigši b(e)n : jyta : (e)siz(i)m-ä ... (?) (3) t(o)quz on j(a)š(y)mda : (a)d(y)r(y)lt(y)m : jyta (e)siz(i)m-ä : ... (?) (4) t(ä)ŋri : äl(i)mkä : bis : j(e)g(i)rmi : j(a)š(y)mda ... "(1) Я – сын Алп-багá, (2) я – Кара Барс-ынанчу-чигши. Увы, о горе, ...(?) (3) в девяносто лет я был разлучен, увы, о горе, ...(?) (4) Из божественного моего владения в пятнадцать лет ... (я удалился? ушел в поход? отправился послом?)". Затем текст перемещается на правый бок камня (низ его сильно поврежден): (5) q(?) ... r[1]m : ... u(?)γ(? n[1]?)a : (e)siz(i)m : qujda : qunč(u)j(y)m-a : qt[1](?) ... "(5) ... о горе, моей супругой (живущей) в тереме ... (я не насладился)". Последовательность чтения от левой строки к правой продолжается и на задней грани стелы. Об этом свидетельствует не только контекст, но и особенности размещения строк, явно зависящих от более ранней надписи Е 68/1, идущей горизонтально (рис. 4). Читаются они так: (6) t(a)p : jüz (a)r[q]a (e)š(i)m : jüz (e)r(i)m... (7) biŋ : jon:t(u)m : on

[6] Таким образом эту надпись прочел и А.М. Щербак (1964, с. 141–143), руководствовавшийся композиционными закономерностями текста.

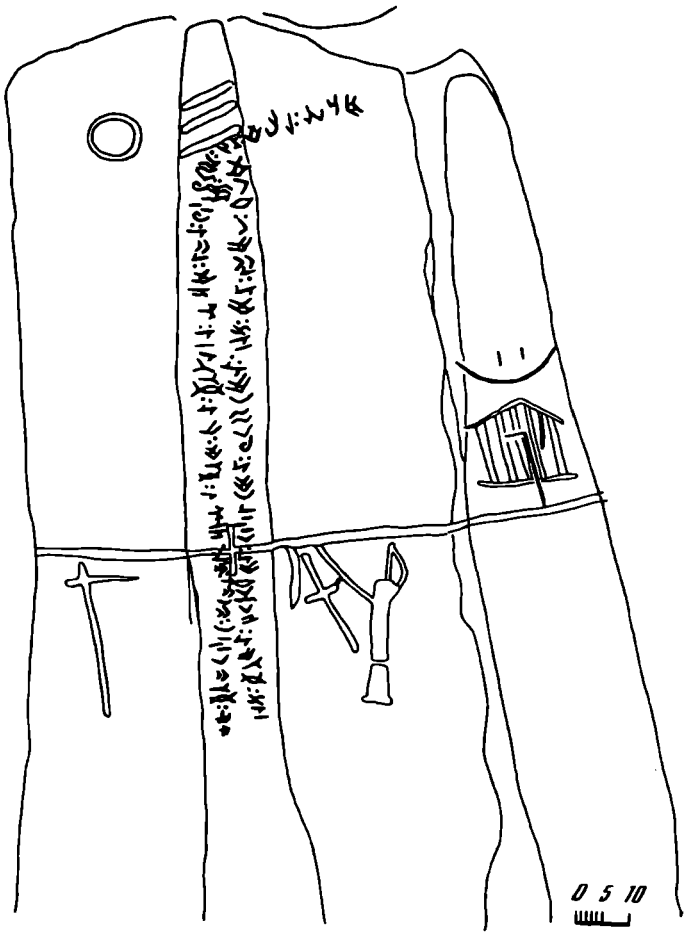


Рис. 5

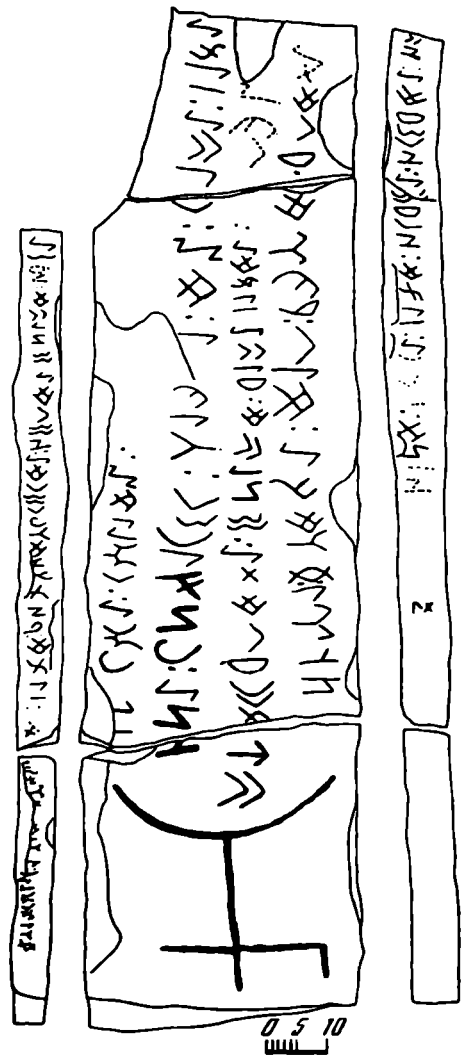


Рис. 6

Рис. 5. Эпитафия Уюк-Тарлык (Е 1), нанесенная на оленный камень. Минусинский музей, инв. № 20. Прорисовка автора (развертка)

Рис. 6. Древнехакасская эпитафия Эль-Бажи (Е 68/2), нанесенная на оборотную и боковые стороны камня с предшествующим чикским текстом (см. рис. 4). Минусинский музей, инв. № 37. Прорисовка автора

tör[t] ... (8) elig : t(e)bäm ud(y)m : üč : j[üz]... "(6) достаточно (я имел): сотня моих пособников-товарищей, сотня моих мужей-воинов... (7) тысяча моих лошадей, четырнадцать... (8) пятьдесят моих верблюдов (и) моих коров, три сот[ни]...". Последняя строка на левом боку камня (рис. 6): (8) elig : oγlan ... oru : nčа(?) ... b²(?) : (e)siz(i)m : jüz küm(ü)l[7] bod(u)n(y)ma : q(a)d(a)š(y)ma (a)d(y)r(y)lt(y)m : ... (a?)nčа ... "(8) пятьдесят молодых воинов ... вверх(?) так много(?) ... о горе, с моим народом юзкюмюль (или: ста кюмюлей), с моими товарищами я был разлучен, ... таким образом...".

[7] Возможность такого прочтения этих четырех знаков мне указана И.В. Кормушиным. "Народ jüz kümül" ранее встречен А.М. Щербаком в двух древнехакасских эпитафиях из Тувы (Е 44, 3; Е 45, 9) (Щербак А.М., 1964, с. 141–145, 150). Там же kümül употребляется без числительного (Е 45, 9, 10) и в составе личного имени kümül ögä (Е 45, 1). Видеть в словосочетании этноним, пожалуй, мешает содержание числительного. Допустимо воспринимать jüz kümül bodun как выражение "стокюмюльный народ", смысл которого скрыт непонятным словом kümül. Будем помнить и о том, что слово bodun означает не только "народ", но и "войско" (Кызласов И.Л., 1996, с. 86, 87).

К тому же типу размещения строк относятся и стелы Е 12, Е 14, Е 16, Е 17, Е 42. Всего же эту последовательность текста, как мы видели, можно уверенно указать для 15 древнехакасских стел.

Для прочих енисейских эпитафий присущ обратный порядок строк – справа налево, т.е., положи камни, и строки станут читаться уже привычным нам образом: от верхней к нижней. Так же нанесены и известные енисейские наскальные надписи, содержащие более одной строки текста (Е 136, Е 144, Бичикту-Боом II/1) (Кызласов И.Л., 1979; 1994, с. 191, 192, 194, рис. 25, 27; 1995, с. 147)[8]. Эти данные позволяют полагать, что в повседневности многострочные енисейские тексты писались горизонтальными строками, в которых последующая наносилась ниже предыдущей. Но в сфере поминального обряда наравне с этой манерой письма в Южной Сибири продолжала сохраняться и глубоко архаичная, редкая традиция расположения строк в иной последовательности – по восходящей лесенке.

Настала пора вспомнить, что уже в 1893 г., при дешифровке В. Томсеном и В.В. Радловым орхонских надписей на стелах Кюль-тегина и Бильге-кагана, ими было установлено, что строки следует читать от правой к левой, хотя если текстам придать горизонтальное положение, "то получилась бы та странность, что строка, следующая за первой, оказалась бы над этой последней и т.д." Этому значения не придали: "Строки наших надписей расположены вертикально; следовательно, не может быть и речи о строке нижней или верхней. Все это только наши субъективные впечатления, когда мы, для большего удобства, представляем себе надписи в строках, горизонтально расположенных, и читаем их справа налево" (Томсен В., 1894, с. 330).

С тех пор выяснилось, что в этой последовательности читается большинство прочих памятных стел орхонского письма – и тюркские (Онгинская, Кули-чура, но не памятник Тоньюкука), и уйгурские (Терхинская и, по-видимому, Тэсинская), в то время как все известные орхонские рукописи и горизонтальные строки, высеченные на некоторых эпитафиях (Онгинской, Карабалгасунской), написаны по нисходящей лесенке.

Итак, способ размещения текста восходящей лесенкой оказался присущ памятникам всех видов азиатской рунической письменности: и орхонской, и енисейской. Среди последних он также представлен в надписях тувинского варианта, сохраняющих следы наиболее архаичного верхнеенисейского алфавита. Сфера применения такого стиля письма связана с самыми консервативными, погребальными и поминальными обрядами. Оба рода наблюдений приводят к одному выводу: *с письмом восходящей лесенкой была связана сама неведомая древнейшая проторуническая письменность Азии, послужившая основой всем ныне известным алфавитам.*

4. Форма древнейших тюркских документов и книг

Мне не известны письменные традиции, применявшие письмо восходящей лесенкой. Стремясь объяснить ее происхождение, остается брать знакомые явления и идти от обратного.

В истории письма обычны два вида расположения письменных знаков: горизонтальными и вертикальными строками. В обоих случаях последовательность написания идет сверху вниз. Природа такого направления, вероятно, объясняется изначальным применением либо жидких красителей (чернил, туши), либо мягкой основы (воска, глины). Они не позволяют писать одну строку выше другой, поскольку предшествующая запись окажется смазанной. Если принять эти условия, то архаичную манеру письма, выявленную для рунических памятников, – от нижней строки к верхней – следует возводить только к резьбе по твердому материалу (очевидно, дереву).

Нетрудно представить письмо восходящей лесенкой при вырезании букв на бересте, как и допустить бытование свитков, разворачиваемых вверх от наружного нижнего края. Читать такой документ, быть может, так же удобно, как и свиток привычного

[8] Ряд подобных надписей остается еще не разобранным: Е 38, Е 135, Е 140, Кёк хая.

вида. Но писать его не так хорошо: левой руке придется разматывать верхний чистый край и удерживать его от скручивания. Возникновение самой системы расположения строк восходящей лесенкой в подобных условиях сомнительно. Только уже привыкнув читать и писать такие листы или свитки, можно придерживаться манеры расположения строк снизу вверх.

Для возникновения обычного многострочного письма требуется относительно широкая и плоская поверхность. Будь то лист, свиток или глиняная табличка – они заранее рассчитаны на нанесение нескольких строк при их одновременном обзоре. И здесь, судя по известным фактам, нет места письму, когда последующая строка размещается над предшествующей.

Пожалуй, зарождение письма восходящей лесенкой представляется логичным лишь при условии, если пишущему и читающему текст всякий раз бывает видна только одна, изолированная его строка. Здесь представляются два вполне допустимых положения. Во-первых, таково письмо на узком, от строки к строке поворачиваемом предмете (при его вращении на себя). Это и граненый стержень, и тонкая круглая палочка. Привычка к такому порядку письма и чтения при переводе текста на плоские писчие материалы (т.е. при создании развертки цилиндра или призмы, что произойдет, например, при прокатке печати или переписывании по-новому старых объемных документов) рождает искомую манеру письма. Вторая ситуация связана с получением текста последовательным надставлением образующих его строк (мы ведь и сегодня говорим о *составлении* текста). Так будет, если деревянные стержни или плоские планочки с письменами поочередно приставлять друг к другу длинными сторонами. Для удержания бирок в нужной последовательности проще всего нанизывать их на шнурки.

Умозрительно созданные условия сложения искомой манеры письма, как видно, ничем не противоречат известным данным истории письменности. Но речь при этом может идти только о *начальных этапах* этого всемирного процесса. Если принять изложенное, необходимо признать и глубокие исторические корни рунического порядка письма. Они уходят к той древней эпохе, когда возникновению пространных текстов предшествовали малые, однострочные записи, когда формирование больших текстов шло путем последовательного накопления малых. Трудно представить этот процесс вне сферы учета, намеренного собирания и хранения сведений.

Облик таких, наиболее архаичных письменных документов удерживался очень долго[9]. Вырезание надписей на деревянных бирках, судя по археологическим находкам, знали и средневековая Европа, и Азия. Долговые бирки Новгорода, обнаруженные в слоях второй четверти XI – второй четверти XV в., имеют вид коротких (от 2,5 до 10,5 см) и тонких (1,2–2,5 см) круглых палочек, расщепленных вдоль. Только в трех случаях из восьми на выпуклую сторону нанесено более одной строки текста. Левый конец плоской бирки № 8 наделен сквозным отверстием (Янин В.Л., 1986). Более 30 деревянных бирок с именами владельцев найдено при раскопках слоев XII–XIV вв. в древнейшем торговом центре Норвегии – г. Бергене (Гуревич А.Я., 1965; Мельникова Е.А., 1977, с. 45). Вероятно, специально изготовленная для письма круглая палочка, покрытая германскими рунами, встречена в Старой Ладоге, как полагают, в отложениях первой половины IX в. (Мельникова Е.А., 1977, с. 158–162). Традиция вырезания знаков на граненых деревянных стержнях определила облик алфавита памятников кельтского огамического письма (Королев А.А., 1984, с. 19). Что касается Азии, то достаточно вспомнить таласскую палочку с ачикташскими руноподобными резами (Малов С.Е., 1959, с. 63–68; Щербак А.М., 1959, с. 387, 388; Кызласов И.Л., 1994, с. 56–62, 279–282). Другую форму относительно пространных документов, выросшую из простых деревянных бирок, встречаем в согдийских архивах начала VIII в. – тексты были там нанесены на длинные круглые или расщепленные палки

[9] Нет нужды касаться здесь дописьменных отметок на бирках. Их знал, согласно "Тан шу", и народ türk: "Количество требуемых людей, податей и скота считают по зарубкам на дереве" (Бичурин Н.Я., 1950, с. 229).

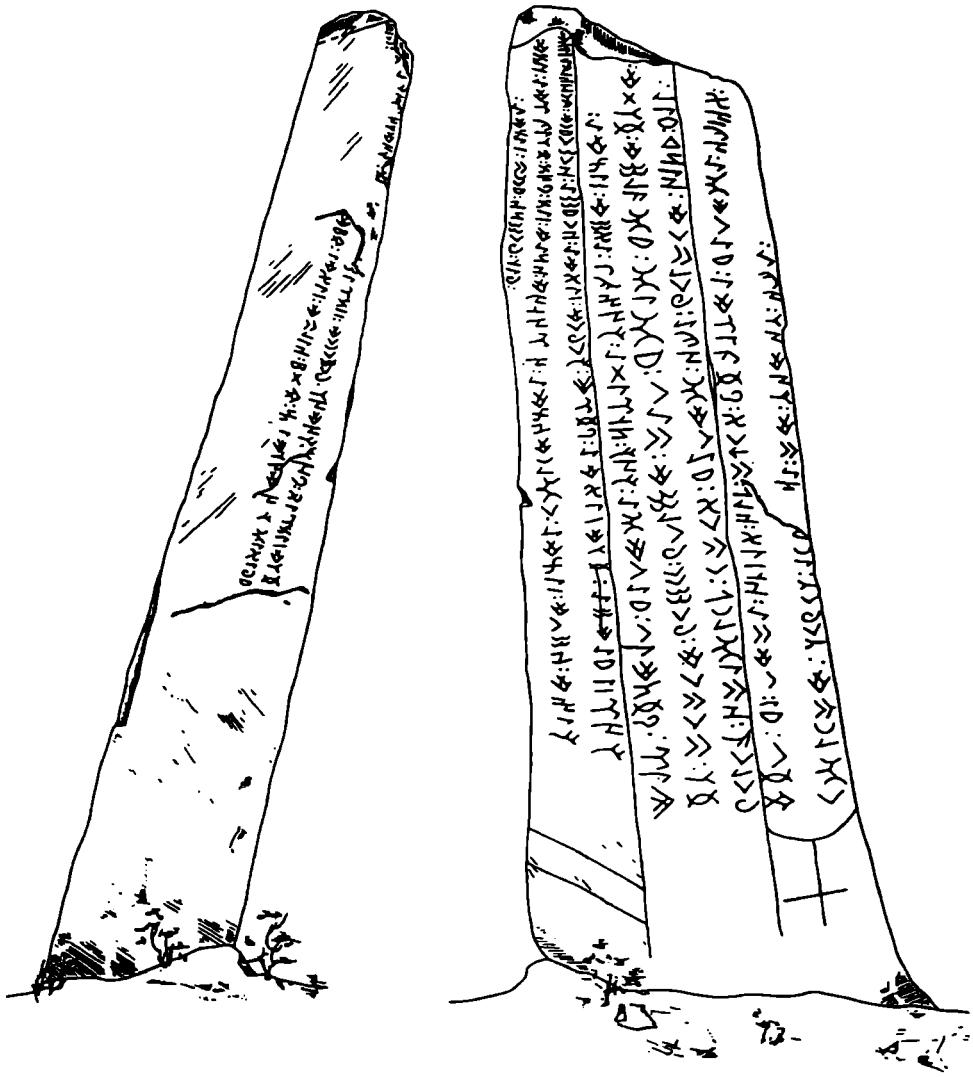


Рис. 7. Эпитафия Кёжелиг-Хову (Е 45), нанесенная на две стороны стелы. По воспроизведению Л.Р. Кызласова

(Фрейман А.А., 1962, с. 23–25, № 44–66; Боголюбов М.Н., Смирнова О.И., 1963, с. 7, 29–35, 43–49, 65–66, 75–86; Документы с горы Муг, 1963).

Специально собранные факты (Кызласов И.Л., 1994, с. 143–158) позволили опровергнуть утверждение, что в известных пределах VIII–X вв. рунической письменностью был пройден "путь от камнеписных стел до рукописей на бумаге" (Кляшторный С.Г., 1987, с. 60) (ср. трактовку: "biti- вырезать надпись; писать" (Древнетюркский словарь, 1969, с. 103)). Письмо жидкими красителями и пером издавна, едва ли не изначально, было присуще всем письменным системам, которые ныне объединяют под термином рунические. Господствовало оно и в эпоху раннего средневековья.

Вместе с тем в среде носителей енисейского письма, как и в показанных средневековых обществах, могла сохраняться и древняя манера прибегать к использованию деревянных бирок. Возможно, на них составлялись черновики-протографы эпитафийных текстов, что сказалось на облике последних. Сюда прежде всего следует отнести древнехакасскую традицию располагать даже не слишком пространные эпитафийные надписи на нескольких сторонах камня. Своеобразие этой манеры становится очевидным при сравнении рассмотренной выше чикской эпитафии Е 68/1, имевшей более 20 строк текста, но оставившей свободной три стороны стелы, с нанесенной позднее 8-строчной древнехакасской надписью Е 68/2, занявшей все четыре ее поверхности (рис. 4, 6). Разделение надписи на стеле Кёжелиг-Хову (Е 45, середина IX в.) резными

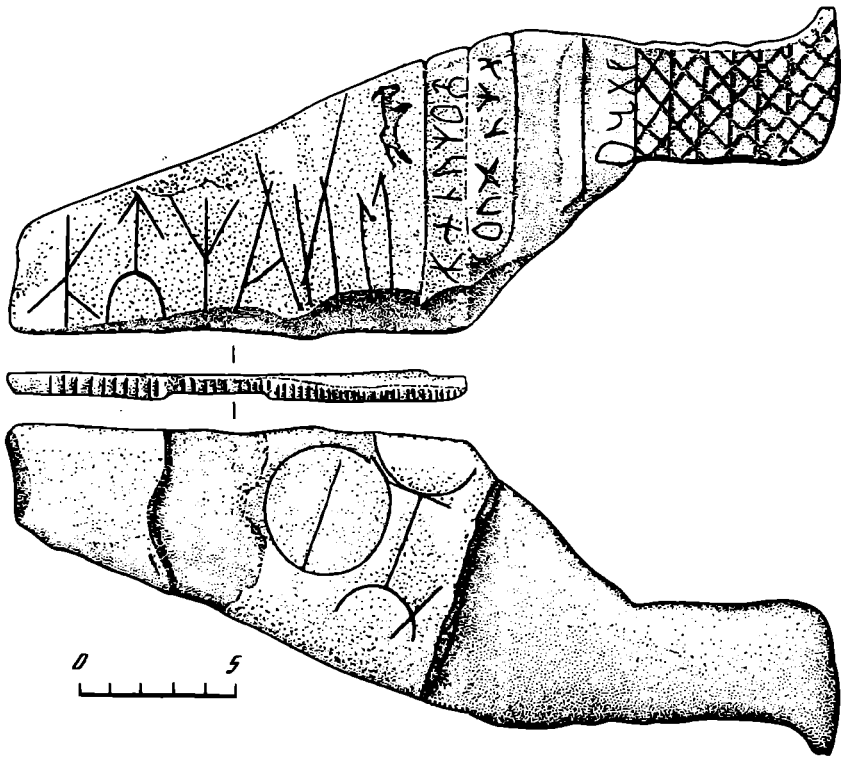


Рис. 8. Каменная плитка, найденная у улуса Кобякова в Хакасии. Середина VIII в. По воспроизведению Л.Р. Кызласова

линиями не построчно (как это наблюдается в иных случаях – на E 22, E 26, E 28, E 29 и E 42), а на четыре группы по две–три строки каждая (Кызласов Л.Р., 1965, с. 47, № 29; 1969, рис. 48) (рис. 7), очевидно, обусловлено воспроизведением строк на четырехгранной палочке, содержавшей образец надписи[10].

Согласно истолкованию Л.Р. Кызласова (Кызласов Л.Р., 1997), к дощечке с учетными записями и отметками восходит форма каменной плитки, найденной в Хакасии близ улуса Кобякова и содержащей единственную для долины Среднего Енисея надпись орхонским алфавитом (рис. 8).

Но одно дело факты существования средневековых деревянных бирок, другое – сохранение в облике крупных текстов самой их древнейшей природы, связанной с постепенным составлением в одно самостоятельных кратких записей. Первоначальная форма такого накопительного, в прямом смысле слова сводного текста легко угадывается по биркам, наделенным отверстиями. Это – связка палочек с записями. Ближайшие находки таких письменных документов сделаны на тибетских поселениях VIII–IX вв. у оз. Лобнор и в Хотанском оазисе в Восточном Туркестане (Воробьев-Десятовский В.С., 1953, с. 84). Нанизываемые дощечки для записей известны там уже среди ханьских древностей I в. до н.э. (рис. 9, *1*, *2*) (Huang Wen-Pi, 1948, p. 3, 214, 215, plate 3, *25*, 4, *43*).

Более совершенный вид соединения деревянных планок, каждая из которых на одной стороне содержала часть большого сплошного теста, представляет форма древних китайских книг. Европейской науке она стала известна по находкам А. Стейна в Восточном Туркестане. Это связка планок, сделанная не через сквозные отверстия, а по боковым зарубкам, нанесенным у одного конца каждой дощечки (рис. 9, *3*). Перевитые шнуром или ремешком (рис. 9, *6*), они в сложенном виде выглядели плотной стопкой (укладывавшейся в ящичек, образцы которых также найдены экспедицией А. Стейна), а в развернутом – подобием листа, набранного из отдельных полос, исписанных с одной стороны (Алексеев В.М., 1925).

[10] На возможность такого объяснения облика стелы E 45 мне указал Л.Р. Кызласов.

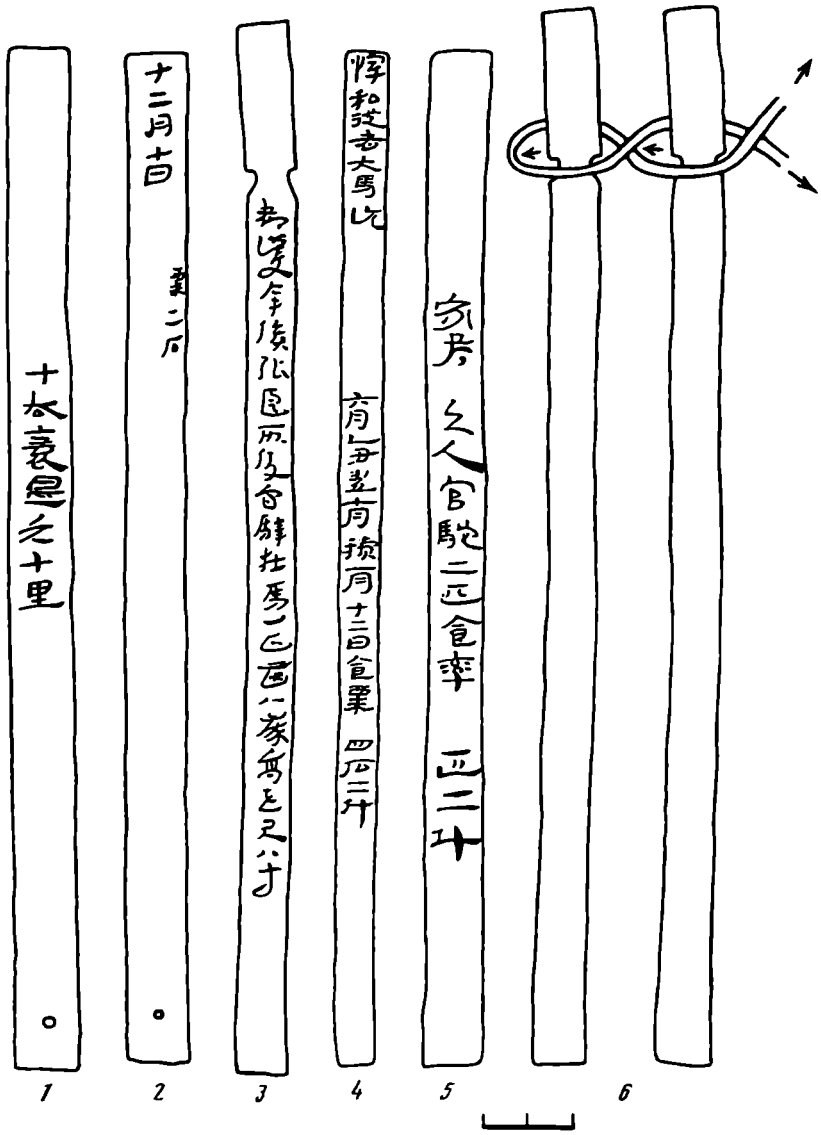


Рис. 9. Китайские дощечки для письма из района оз. Лобнор. I в. до н.э. По воспроизведению Хуан Вэньби. Соединялись шнурами, пропускавшимися через отверстия (*1*, *2*) и зарубки (*3*) или переплетавшими сами дощечки (*4*, *5*). *6* – способ соединения по зарубкам (по описанию В.М. Алексеева)

Историю книг-связок (*цэ*) в Китае возможно проследить по ряду источников. Сам иероглиф *цэ* (общее значение которого – "документ") неоднократно встречен уже в надписях периода Западного Чжоу (XI–VIII вв. до н.э.) и представляет собой схематическое изображение нескольких бамбуковых (*фан*) или деревянных планок, связанных в двух местах шнуром. В это же время известен и иероглиф *пянь* ("официально засвидетельствовать документ"), воспроизводивший стол со связкой таких планок. Обозначения связок бамбуковых или деревянных планок находят даже в гадательных надписях периода Шан-Инь (датируются в основном XIII–XI вв. до н.э. и вырезаны на черепаховых панцирях или костях крупного рогатого скота, часто соединявшихся по сходным темам в отдельные стопки). Согласно данным китайской литературы книги-связки (*фанцэ*) встречаются в III в. до н.э., но "приказ на бамбуковых дощечках" упомянут в одной из песен "Ши цзин" ("Книге песен и гимнов" – II, I, 8), по-видимому, относящейся к периоду Чунь-цю (722–475 гг. до н.э.). Об обыденности записей на бамбуковых планках свидетельствует и "Цзо чжуань" ("Повествования Цзо Цю-мина"), произведение VI в. до н.э. Такие пластинки назывались *бань* (после нане-

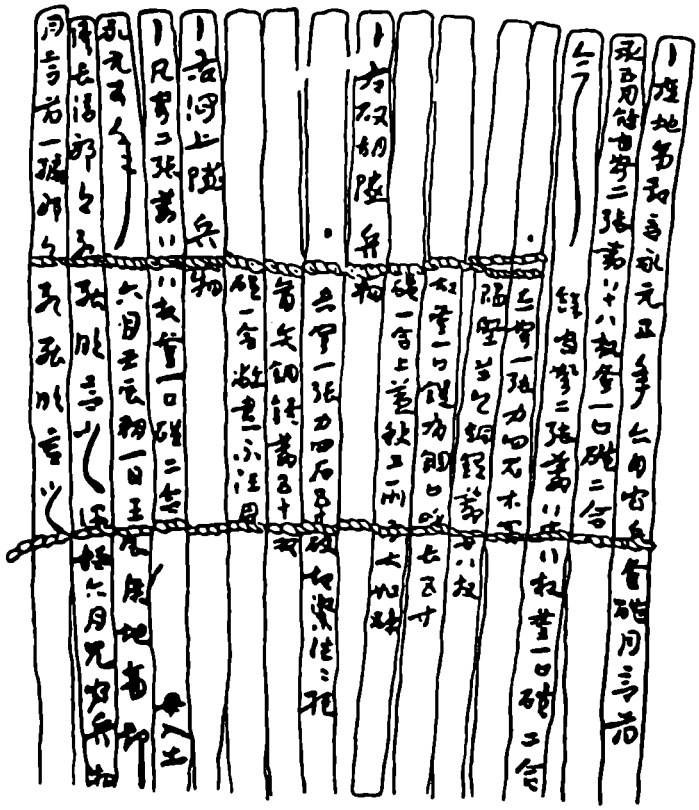


Рис. 10. Книга-связка из бамбуковых пластинок. Династия Восточная Хань (25–220 гг.). По воспроизведению Лю Го-цзунь

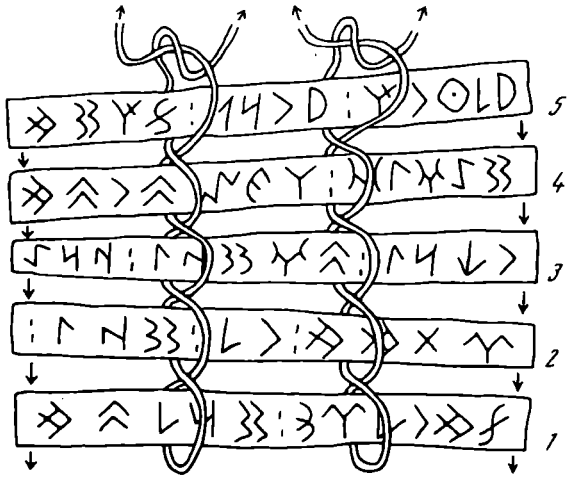


Рис. 11. Порядок соединения планок с руническими надписями в книгу-связку. Реконструкция автора

сения на них текста – *ду*). Немало текстов на планках и их связок принесли раскопки памятников периода Чжань-го (453–221 гг. до н.э.) и эпохи Хань (202 г. до н.э. – 220 г. н.э.). Большинство найденных книг-фанцэ относятся к III в. до н.э. – III в. н.э. От эпохи Хань дошли описания изготовления таких книг (Лю Го-цзюнь, 1957, с. 24–29; Васильев К.В., 1988). Приведенный там способ вязки, подтвержденный и археологическими находками, отличается от реконструкции по материалам А. Стейна – пластинки без нарезок и отверстий (рис. 9, *4*, *5*) крепились шнурами в двух местах, и не по краям, а ближе к середине. Поскольку иероглифы наносились вертикальными колонками (по одной на каждой пластинке), то и дощечки крепились стоймя, а книга-связка разворачивалась на сторону (рис. 10).

Стоит только развернуть фанцэ боком, снизу вверх, т.е. применить ее для письма горизонтальными строками, как перед нами предстанет искомая форма проторунического текста. В этом случае и крепление деревянных планок не должно отличаться от древнекитайского – лишь шнуры или ремешки для вязки нужно расположить петлями вниз. Туда и опускалась первая дощечка, закреплявшаяся в лежачем положении. Выше нее размещалась следующая планка с надписью и так далее. Удивительное схождение всех заданных признаков позволяет думать, что подобная традиция наборных текстов и породила письмо по восходящей лесенке – от нижней строки к верхней (рис. 11). Остается неизвестным, одним или двумя шнурами соединялись дощечки древнейших тюркских книг. Очевидно, как и в Китае, могли бытовать оба способа.

Судя по облику памятника Эль-Бажи (E 68/1), чикские многострочные тексты существовали в форме, очень близкой к описанной древнейшей китайской книге. Поскольку значительная по величине надпись размещена строго на одной плоскости плиты, можно полагать, что обыденные записи чиков отличались заполнением только одной стороны документа, как это было характерно для Китая и древней Европы (принцип folio). Показательна и линовка рунического текста. Отделяя каждую строку, она, однако, явно не имела целью выравнивание величины букв (см. особенно строки 10–14, рис. 4). Вероятно, горизонтальные борозды воспроизводили здесь протограф эпитафийного текста – планки, набранные в связку.

Представляется, что изложенная гипотеза, по косвенным данным восставливающая облик древнейших тюркских письменных документов[11], встречает определенные соответствия в сфере специальной терминологии.

Известно, что перемещение понятий о письме из языка в язык указывает на пути заимствовании самого письма, его техники и инструментов, иных элементов письменной культуры. Так, славянское *грамота* происходит от греческого γραμματα "письмена", эстонское raamat – от славянского, название древнеармянского письменного языка grabar – от греческого корня γραφ, арабского qalam – от греческого χαλαμος и т.п. (Поливанов Е.Д., 1923, с. 116).

Обычным обозначением письма или надписи в рунических текстах служит слово bitig. Оно является именным образованием от глагола biti- "писать", употребление которого в изучаемых памятниках более частое, нежели имени существительного. Лингвисты полагают, что это слово восходит к древнекитайскому pit (современное произношение в пекинском диалекте би), обозначавшему кисть для письма тушью, росчерк при письме, запись (Поливанов Е.Д., 1923, с. 118; Габен А. фон, 1986, с. 161, 162; Древнетюркский словарь, 1969, с. 103; Шервашидзе И.Н., 1989, с. 59)[12]. В живых тюркских языках Южной Сибири это слово сохранилось в омонголенной форме бічік/пічік, но не изменило значения – оно именует и отдельную надпись, и целый документ (письмо, грамоту), и книгу, и саму письменность (Хакасско-русский словарь, 1953, с. 153). Думается, такое содержание термина прямо отражает былую форму древнейших тюркских письменных документов, при которой отдельная надпись-bitig отличалась от документа и книги только в количественном отношении: пластинка с надписью служила элементом, составляющим связку исписанных дощечек.

Если это так, то китайское слово, связанное с письменностью, могло быть заимствовано древними тюркскими языками лишь в эпоху бытования в самом Китае манеры писать на бамбуковых пластинках и соединять их в книги-фанцэ. Поскольку со II в.

---

[11] И для других средневековых культур известны случаи, когда монументальные надписи указывали на существование целых жанров неуцелевших книг: "В некоторых случаях можно с уверенностью говорить о прямой зависимости сцен стенной живописи и объяснительных [настенных] текстов от книжного первоисточника; так, росписи и надписи Афрасиаба воспроизводят, несомненно, содержание одного из разделов не дошедшей до нас согдийской истории города Самарканда" (Лившиц В.А., 1976, с. 167).

[12] Е.Д. Поливанов допускал и иную этимологию для bitig/bitik, связывая его с греческим πιττακιον (Поливанов Е.Д., 1923, с. 118). По мнению К.В. Васильева, появление кисти вызвано переходом от резьбы на костях, бронзе, бамбуке к письму по шелку (период Чжань-го) (Васильев К.В., 1988, с. 92–94, 101), хотя такая связь не кажется обязательной: письмо тушью могло начаться и на бамбуковых планках.

бумага начала вытеснять там бамбук и дерево, а к IV в. фанцэ совершенно исчезают (Лю Го-цзюнь, 1957, с. 26; Меньшиков Л.Н., 1988, с. 167, 170), то остается заключить, что и появление древнетюркских слов biti- "писать" и bitig "надпись, документ, книга" относится ко времени до IV в. н.э.[13] Следовательно, к этой ранней эпохе общеруническая традиция писать строками, размещенными по восходящей лесенке, должна была уже существовать.

Таким кружным путем, через предполагаемую связь сугубо рунической традиции размещать строки по восходящей лесенке с письмом на деревянных планках и вероятное отражение этого в заимствованной специальной лексике, мы не получим твердых данных, но с логической необходимостью придем к суждению: *руническая письменность была воспринята и применялась тюркоязычными народами не позднее III в. н.э.*

Как бы то ни было, рассмотренные материалы позволяют заключить, что тюркоязычные народы заимствовали руническое письмо вместе с формой письменных документов. Облик их (как и построение самой письменности, порядок письма) очень архаичный (восходящий к концу эпохи бронзы – не позднее X–IX вв. до н.э.), а виды довольно многочисленны и, вероятно, восходят к нескольким культурным традициям Западной и Восточной Азии (рис. 12): деревянные четырехгранные стержни (и, можно думать, круглые палочки); плоские дощечки (широкие, иногда снабжавшиеся с одной стороны ручкой, а также узкие); снизки таких дощечек, снабженных отверстиями; связки планок с зарубками при одном шнурке; связки планок двумя шнурами.

Естественно, не приходится думать, что эта реконструкция представляет все многообразие письменных материалов, документов и книг, известных тюркоязычным народам раннего средневековья. Изложенные наблюдения вычленяют только *наиболее древние*, можно сказать, *исконные формы документов*, общие для начальных видов азиатского рунического письма. Сегодня нет никакой возможности указать, когда и где они вошли в быт тюркоязычного мира, но, судя по облику рунических эпитафий, все они сохранялись (по крайней мере в культовой практике) еще в раннем средневековье. Изначально техникой письма, связанной с этими документами, была, судя по всему, резьба, но она, должно быть, очень рано дополнилась применением пера и чернил – об этом говорит форма самих рунических знаков (Кызласов И.Л., 1994, с. 143–153). Восстановленный облик древнейших тюркских документов и книг позволяет связать поиски прародины рунических письменностей не только с самой буквенной системой, но и с определенными видами письменных памятников и отыскивать сформировавшие их культуры, районы и эпохи.

Остается один вопрос, ответ на который можно дать, исходя из реконструируемого облика древнейших тюркских книг. Мы видели, что традиция располагать тексты на стелах горизонтальными строками (рис. 2–4) увязывается с письмом на деревянных пластинках. Какой из двух иных композиционных эпитафийных канонов, обязывавших располагать надписи вдоль камня (рис. 1), является для тюркоязычной среды исконным, а какой привнесенным? Хотя составляющие документ дощечки набирались снизу вверх (и так, следовательно, их связка разворачивалась для чтения), стоит мысленно придать им вертикальное положение, и ответ будет ясен. Для любого человека, если он не левша, естественно держать такую связку у начала ее строк, писавшихся справа налево, т.е. за правый конец. Значит, он и будет обращен книзу. Тогда для начала чтения достаточно развернуть руку, отведя локоть направо, а пальцами левой кисти прихватить первую нижнюю дощечку. Обратное направление дощечек попросту неудобно. Из этого допущения следует, что енисейский эпитафийный канон, требующий направления строк от низа камня к вершине (рис. 1, *3*) естественным образом связан с устройством древних рунических книг и является исконным.

---

[13] Дата, получаемая по историко-культурным наблюдениям, не противоречит историко-лингвистическим данным, поскольку воспроизводимое в древнетюркском *bit конечное t китайского слова-прототипа, как полагают, не позднее VIII–IX вв. перешло в звук r, т.е. "данное заимствование следует отнести к достаточно раннему периоду" (Шервашидзе И.Н., 1989, с. 59, прим. 9).

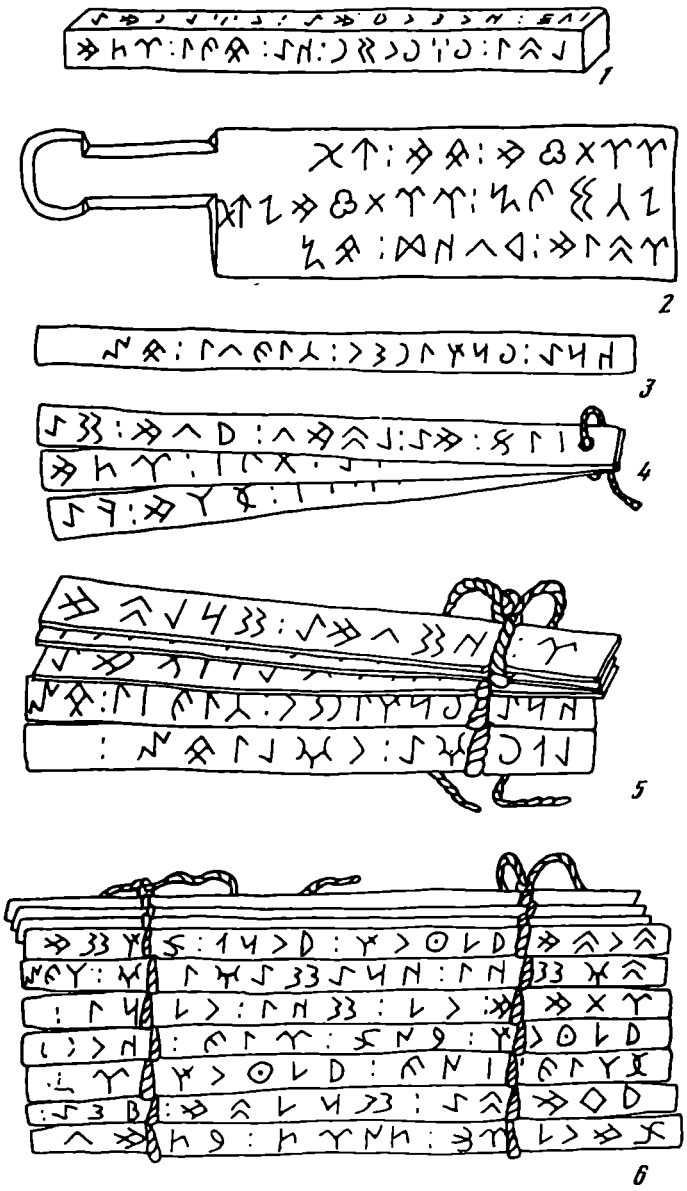


Рис. 12. Виды древнейших тюркских письменных документов и книг. Дерево, шнур или ремень. Техника письма: резьба и черчение чернилами. Реконструкция автора

Разбирая происхождение орхонских эпитафий тюрок (и вслед за ними – уйгуров), уже приходилось отмечать ряд внешних признаков, указывающих на сложение их облика под воздействием подобных памятных стел Китая (Кызласов И.Л., 1994, с. 225–227). Здесь и сама форма отесанных плит, скругленных в верхней части, и расположение аристократического геральдического символа (тамги умершего) у вершины камня, и его обрамление. Четыре из шести известных стел были поставлены на постаменты в виде черепах (обе Онгинских, Кюль-тегина и Бильге-кагана). Сходна и обязательная линовка поверхности стел под надпись. Направление строк сверху вниз явилось воздействием китайской манеры размещения текста, в соответствии с нею приведен и порядок прочтения строк – справа налево.

Кроме внешнего сходства, существует и глубинная внутренняя, обрядовая близость между китайскими и тюркскими орхонскими памятниками. Совпадает их назначение – памятники отражали только заслуги умершего перед центральной властью, являли пример государственной службы (ср. совершенно иное содержание енисейских эпитафий, подобных надгробным плачам). Отсюда и исключительная редкость создания

орхонских эпитафий – ведь и в древнем Китае стелы ставились отнюдь не каждому императору, их удостаивались лишь отдельные выдающиеся деятели. Нам известно только шесть стел Второго Восточнотюркского (682–745 гг.) и пять стел Уйгурского каганата (745–840 гг.) (и не менее 80 эпитафий, созданных в Древнехакасском государстве за сходный по длительности период в полтора века). Не случайным было участие в создании памятников героям Второго Восточнотюркского каганата специально приехавших китайских специалистов – императорский двор признавал распространение на соседнее государство китайского официального обычая возвеличивания умерших.

Итак, воздействие китайской традиции памятных стел на орхонские эпитафии многопланово и касается не только их облика, но и общественного статуса. Можно заключить, что эти великолепные памятники ранней письменности *не являются источником постижения исконных и самобытных черт* древней письменной культуры и никак не могли послужить образцами для подражания иным тюркоязычным народам (кроме уйгуров). Енисейская эпитафийная традиция представляет более архаичные пласты изучаемого явления.

Как видим, древнейшие свидетельства о письменности содержатся в самих тюркоязычных памятниках азиатского рунического письма: в облике письменных знаков, строе письменности, внешних особенностях культовых монументов. Важность этих свидетельств несравнима с сообщениями чужеземных хроник или археологическими данными по глубине проникновения в длительную и самобытную историю тюркоязычных народов. Трудно предположить, какие открытия ожидают науку, если она, охваченная новым пониманием, направит свои усилия на постижение сути этого ценнейшего явления духовной культуры предков.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алексеев В.М., 1925. Вид китайской древней книги // ИРАИМК. Т. IV. Л.

Аманжолов А.С., 1974. Уточненные енисейские надписи // Қазақ тілі мен әдебиеті. 5. Алматы.

Аманжолов А.С., 1981. Тюркская руническая графика. Ч. II. Алма-Ата.

Батманов И.А., Кунаа А.Ч., 1963. Памятники древнетюркской письменности Тувы. Вып. II. Кызыл.

Бичурин Н.Я., 1950. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. I. М.; Л.

Боголюбов М.Н., Смирнова О.И., 1963. Хозяйственные документы // Согдийские документы с горы Муг. Вып. III. М.

Васильев Д.Д., 1983. Корпус тюркских рунических памятников бассейна Енисея. Л.

Васильев К.В., 1988. Ранняя история древнекитайских письменных памятников // Рукописная книга в культуре народов Востока. Кн. 2. М.

Воробьев-Десятовский В.С., 1953. Тибетские документы на дереве из района озера Лоб-Нор. II // ЭВ. Вып. VIII.

Габен А. фон, 1986. Культура письма и печатания у древних тюрков // Зарубежная тюркология. Вып. I. М.

Гуревич А.Я., 1965. Находки новых рунических надписей в Норвегии // ВИ. № 1.

Документы с горы Муг, 1963 // Корпус ираноязычных надписей. Ч. II. Т. III. М.

Древнетюркский словарь, 1969. Л.

Кляшторный С.Г., 1987. Древнетюркская цивилизация: диахронические связи и синхронические аспекты // СТ. № 3.

Королев А.А., 1984. Древнейшие памятники ирландского языка. М.

Кызласов Л.Р., 1960. Новая датировка памятников енисейской письменности // СА. № 3.

Кызласов Л.Р., 1965. О датировке памятников енисейской письменности // СА. № 3.

Кызласов Л.Р., 1969. История Тувы в средние века. М.

Кызласов Л.Р., 1997. Памятники орхонского письма из Хакасии и Горного Алтая // Вестник Московского университета. Серия 8. История. № 1.

Кызласов И.Л., 1979. Новые свидетельства уйгуро-хакасских войн IX века // СА. № 3.
Кызласов И.Л., 1994. Рунические письменности евразийских степей. М.
Кызласов И.Л., 1995. О многообразии письменной культуры Алтая в раннее средневековье // Алтай и тюрко-монгольский мир. Горно-Алтайск.
Кызласов И.Л., 1996. Материалы к ранней истории тюрков. I. Древнейшие свидетельства об армии // РА. № 3.
Кызласов И.Л., 1998. Материалы к ранней истории тюрков. II. Древнейшие свидетельства о письменности // РА. № 1.
Лившиц В.А., 1976. Надписи из Дильберджина // Древняя Бактрия. М.
Лю Го-цзюнь, 1957. Рассказ о китайской книге. М.
Малов С.Е., 1952. Енисейская письменность тюрков. М.; Л.
Малов С.Е., 1959. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.; Л.
Мельникова Е.А., 1977. Скандинавские рунические надписи. М.
Меньшиков Л.Н., 1988. Рукописная книга в Китае I тысячелетия н.э. // Рукописная книга в культуре народов Востока. Кн. 2. М.
Насилов Д.М., 1963. О некоторых памятниках Минусинского музея // Народы Азии и Африки. № 6.
Поливанов Е.Д., 1923. Дальневосточные термины орудий письма // Сборник Туркестанского Восточного института в честь проф. А.Э. Шмидта. Ташкент.
Томсен В., 1894. Дешифровка орхонских и енисейских надписей // ЗВОРАО. Т. VIII.
Фрейман А.А., 1962. Описание, публикации и исследование документов с горы Муг // Согдийские документы с горы Муг. Вып. I. М.
Хакасско-русский словарь, 1953 / Составители Н.А. Баскаков, А.И. Инкижекова-Грекул. М.
Шервашидзе И.Н., 1989. Фрагмент общетюркской лексики. Заимствованный фонд // Вопросы языкознания. № 2.
Щербак А.М., 1959. Знаки на керамике и кирпичах из Саркела – Белой Вежи // МИА. № 75. М.
Щербак А.М., 1964. Памятники рунического письма енисейских тюрок // Народы Азии и Африки. № 4.
Янин В.Л., 1986. Надписи на деревянных "счетных" бирках // В.Л. Янин, А.А. Зализняк. Новгородские грамоты на бересте. Из раскопок 1977–1983 гг. М.
Huang Wen-Pi, 1948. The Exploration around Lob Nor. Peiping.
Orkun H.N., 1940. Eski türk yazıtları. III. İstanbul.
Orkun H.N., 1987. Eski türk yazıtları. Ankara.
Radloff W., 1895. Die Alttürkischen Inschriften der Mongolei. Dritte Lieferung. St.-Ptb.

Инстут археологии РАН,
Москва

I.L. KYZLASOV

MATERIALS ON THE EARLY HISTORY OF THE TURKIC PEOPLE

III. THE EARLIEST EVIDENCE OF WRITTEN RECORDS

S u m m a r y

Every Asian runic alphabet is connected to a particular type of epitaph writing (Figure 1, 2). The Chiks of Tuva wrote with archaic letters placing them horizontally across the glass. Their inscriptions are read from the bottom line to the upper line (Figure 3, 4). Vertically placed texts of 15 Enisey (Figure 5) and all Orkhon epitaphs (except for Tonyukuk) follow this fashion. It means that the common structure of known alphabets which is, in fact, the earliest unknown proto-runic written records of Asia is related to the placement of the lines up the ladder. The tradition that was preserved till the Middle Ages in the

conservative funeral rites could appear only in the conditions when the text was understood line by line and was made by carving. Records on faceted rods or thin sticks are like this. Protographs of epitaphs were made on them as early as the 9th-the 10th centuries: a technique to carve short Enisey texts on various facets of one stone (Figure 6) dates back to this period. Four facets of the rod are sometimes reproduced in the form of lines on stela (Figure 7), the form of stone plates resembles boards used for writing records (Figure 8). Making the text using line-by-line records is another way of creating records in the form of an up-going ladder. This technique is typical for the earliest archives in which consolidated documents were made on the basis of separate inscriptions on wooden tags strung on laces or sometimes these are slats tied with a strap or a couple of laces. All three forms were known in ancient China (Figure 9, 10). A runic document of this kind was unwound from the bottom to the top (Figure 11). Apparently, this form was borrowed by ancient Turkic people from China (the same refers to the verb *biti*, which means to write) where such documents had been out of use by the 4th century. Reconstructed types of the earliest Turkic written documents and books are presented in Figure 12.

В.Е. ФЛЁРОВА

ОРНАМЕНТИРОВАННЫЕ КОСТЯНЫЕ ИЗДЕЛИЯ САРКЕЛА–БЕЛОЙ ВЕЖИ: ПРОБЛЕМА СПЕЦИАЛИЗАЦИИ РЕМЕСЛА

Несмотря на то, что при раскопках донской крепости Саркел – Белая Вежа было собрано почти полторы тысячи находок из кости и рога[1], изделий, поверхность которых была тем или иным способом украшена, на городище и на могильнике собрано немногим более сотни. Этот материал беден не только количественно. Резчики украшали изделия одним или двумя типами орнамента: не наберется и двадцати случаев, когда отмечается более богатая фантазия и мастер использует три или четыре орнаментальных мотива (рис. 1, *7, 9, 12*; 2, *10, 13, 16*; 3, *7, 11–13, 16, 18*). Саркельская коллекция резной кости вряд ли может дать какой-либо новый материал для характеристики средневековой художественной культуры, но она оказалась достаточно выразительной с точки зрения крайне дискуссионного вопроса о специализации костерезного ремесла и именно в связи с этой проблемой будет рассмотрена.

Слои Саркела – Белой Вежи датируются 30-ми годами IX – первой половиной XII в. Основанный как хазарская крепость, памятник с 60-х годов X в. и до 20-х годов XII в. находился под властью Киевской Руси. По оценке уровня развития специализации древнерусского ремесла, разработанной на широком археологическом материале, это время первого периода: с ограниченным рынком сбыта и возникновением вотчинного ремесла с работой на заказ (Рыбаков Б.А., 1948; Колчин Б.А., 1985; Щапова Ю.Л., 1985, 1988). Жизнь памятника обрывается именно тогда, когда доминантой становится узкая специализация. Начальный уровень общего развития ремесла во многом определял зыбкость грани специализации и костерезного ремесла: мастер или совмещал несколько специальностей или использовал кость и рог как один из видов сырья (Голубева Л.А., 1973, с. 170; Гуревич Ф.Л., 1981, с. 141–144; Давидан О.И., 1966; Овсянников О.В., 1969, с. 76–83; Рыбина Е.А., 1971, рис. 2; Сергеенко М.Е., 1968, с. 145, 146).

Расплывчатость грани перехода от семейно-бытового уровня к работе хотя бы на узкий рынок была для костерезного ремесла не столько стадиальным явлением, сколько одной их характерных особенностей его развития вплоть до вытеснения кости и рога пластмассами. Случаи специализации отмечаются прежде всего при наличии спроса на данный материал у привилегированного заказчика, а малейшие колебания моды, экономические спады, связанные с войнами, недородами или изменением торговых путей, моментально возвращают этот вид деятельности в латентное состояние занятия для досуга и подсобных нужд. Самого же мастера заставляют либо переходить к другому ремеслу, либо возвращаться с посада в село для занятия только сельским хозяйством (Василенко В.М., 1936; Мамонова Н.Н., 1991, с. 25; Уханова И.Н., 1981, с. 65).

---

[1] Основная часть находок хранится в Гос. Эрмитаже в Отделе археологии Восточной Европы и Сибири: коллекции № 2792, № 2340. Я глубоко признательна бывшим сотрудникам работавшей под руководством М.И. Артамонова Волго-Донской археологической экспедиции: хранителям коллекций К.В. Каспаровой и З.А. Львовой за помощь и консультации, а проф. С.А. Плетневой также за предоставление полевой документации и отчетов экспедиции.

© В.Е. Флёрова, 1998 г.

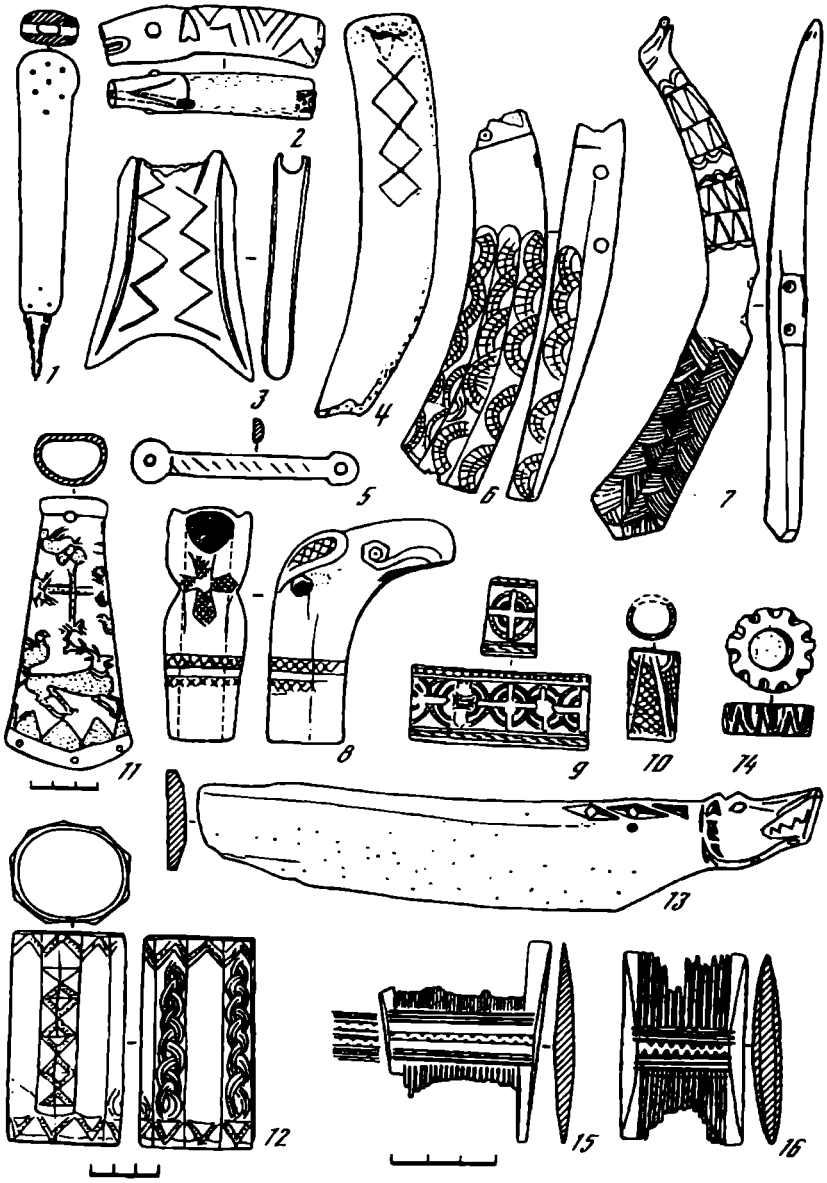


Рис. 1. Резной и треугольновыямчатый орнамент на костяных предметах из раскопок Саркела – Белой Вежи

Специфика развития костерезного ремесла вынуждает исследователей говорить о нем как о "костерезном деле" или даже как о промысле (Михеев В.К., 1985, с. 53–79). Одну из глав монографии о позднеримских и средневековых костерезах Европы другой автор так и называет – "Handicraft or Industry" (MacGregor A., 1985, p. 44–51).

Вероятно, вечное состояние на грани между семейно-бытовым и промышленным характером производства породило сомнения относительно целесообразности изучения изделий из кости и рога в рамках темы "ремесло", следствием чего явилось отсутствие до сих пор обобщающих работ по костяным изделиям Древней Руси, Волжской Болгарии и средневековых памятников южнорусских степей IX–XIII вв. Сейчас материал настолько многочислен, что без предварительных частных разработок охватить его в рамках одного исследования вряд ли возможно[2]. Между тем именно из-за своеобразия специализации труда костереза ее следы являются тончайшим индикатором развития рынка в изучаемом регионе. Они обязательно укажут или на образование торговой фактории, или на сложение вотчинного хозяйства (Гуревич Ф.Д., 1981, с. 141–144;

[2] Попытка обобщить материал по резной кости Восточной Европы была предпринята еще в 40-х годах (Корзухина Г.Ф., 1948), но работа не была закончена.

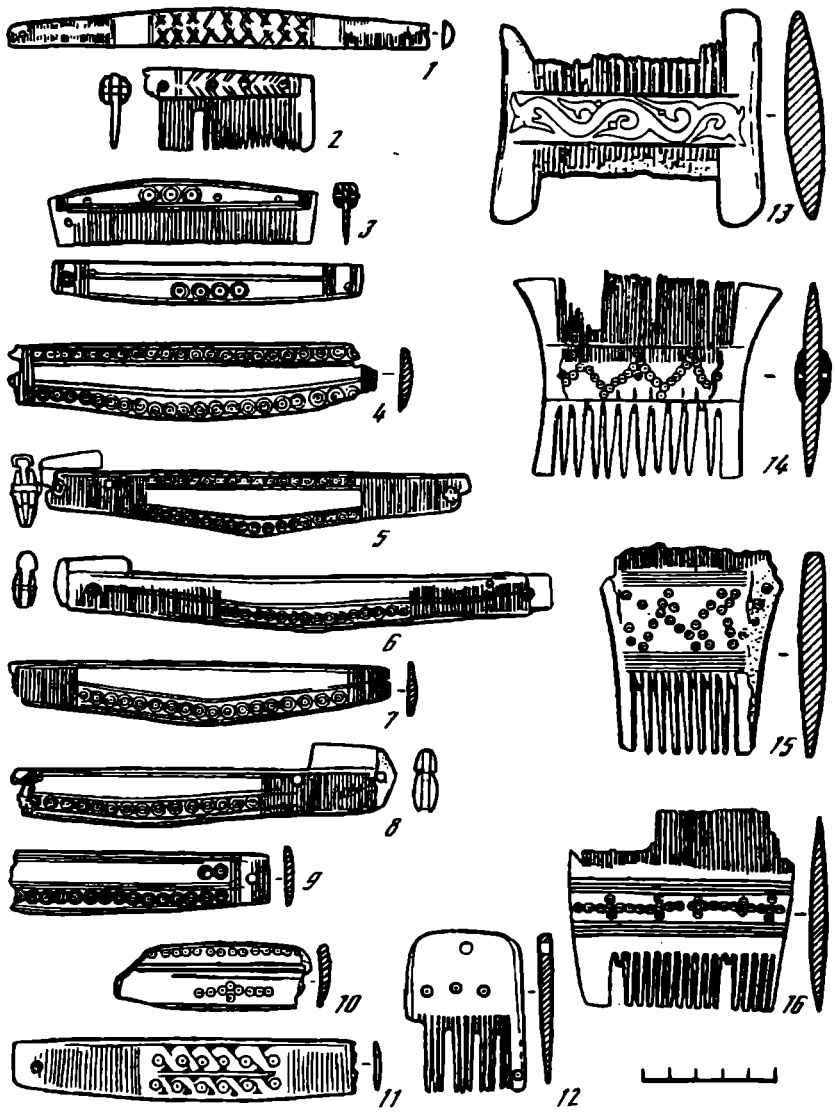


Рис. 2. Орнаментированные гребни

Цнотливы Э., 1988). Свидетельством существования специализированного ремесла костереза является обнаружение мастерской, критерии существования которой на археологическом памятнике уже давно разрабатываются в археологии (Cnotliwy E., 1970, p. 499–518; обзор западной литературы см.: MacGregor A., 1985).

Саркел – Белая Вежа – это прежде всего степной памятник. Особенности развития ремесла были обусловлены здесь не только природной средой, обильно предоставлявшей весьма небрежно подчас использовавшееся сырье в виде рогов оленя, сайги и лося, но в не меньшей степени кочевыми традициями сначала болгарского, затем гузского, печенежского, торческого и половецкого населения. Напомню, что процент древнерусской керамики на памятнике был весьма незначителен даже в слоях времени вхождения в состав Киевской Руси (Плетнева С.А., 1992, с. 103–130). Во всех стратиграфических слоях памятника обнаружено более 400 находок сырого материала для производства роговых и костяных изделий, отходов производства, заготовок и неоконченных изделий. Последние представляют почти все имеющиеся категории собранной коллекции костяных и роговых изделий. Среди них присутствуют даже наборные гребенки и двусторонние гребни, производство которых было несомненно специализированным (рис. 2, *9*, *10*). тем не менее ни планиграфия, ни стратиграфические данные по остаткам производства недостаточны, чтобы предполагать на раскопанных участках памятника наличие постройки, хотя бы отдаленно подходящей под

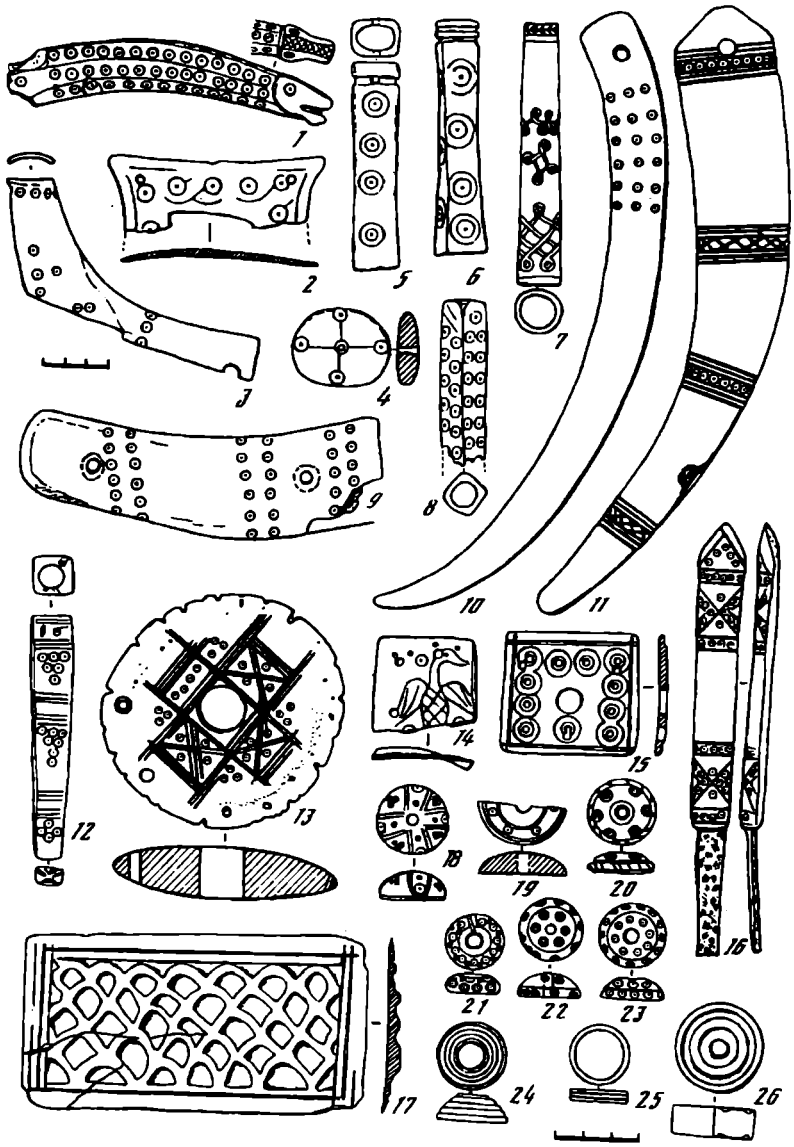


Рис. 3. Изделия из кости с орнаментацией, выполненной специализированными инструментами

определение жилища мастера-костереза. Такое отсутствие мастерских при вполне развитом производстве является характерной чертой ремесленной деятельности в кочевом скотоводческом обществе. Как отмечает С.И. Вайнштейн, ремесленники-кустари, занимавшиеся одним из видов производства, т.е. специализированные, не имели каких-либо особых помещений. По этой причине они отводили для ремесла время с весны до осени, не работая на зимниках (Вайнштейн С.И., 1972, с. 263–283). По его мнению, именно такого типа ремесло существовало у кочевников Восточной Европы в средние века. При невозможности ориентироваться на наличие или отсутствие специализированных мастерских, внимание придется акцентировать на технической обработке и оформлении изделий резчиков, имеющих более высокий уровень на стадии перехода к специализации и товаризации производства по сравнению с домашним ремеслом (Мамонова Н.Н., 1991, с. 8, 13). Не последнее место здесь занимает и орнаментация: стандартизация ее типологических наборов и техники исполнения. Высокая степень стандартизации изготовления и оформления роговых изделий на севере и западе Европы складывается уже к X в. (Цнотливы Э., 1988). По времени своего сложения саркельская коллекция резной кости как раз относится к "золотой эре косте- и рогообработки" Европы (MacGregor A., 1985, p. 48).

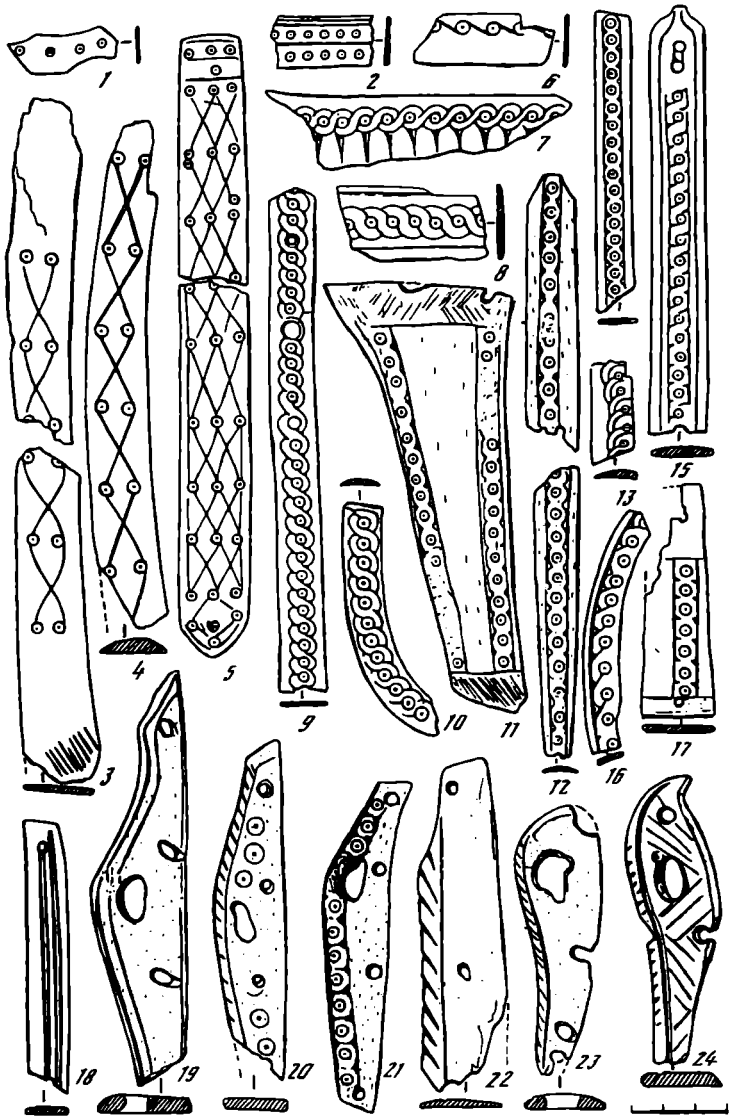


Рис. 4. Орнаментированные накладки и петли для колчанов и налучий

Всего на городище и могильниках учтено 114 орнаментированных изделий из кости и рога, что составляет 18% всех предметов. Процент орнаментированных изделий с городища несколько выше, чем среди находок в могильниках, несмотря на то что все незаконченные и бракованные изделия происходят с городища. Следует отметить, что не только при изготовлении составных гребенок орнамент начинали наносить на еще не законченную вещь. Подобный прием отмечен и для накладок (рис. 1, *13*), и для псалиев (рис. 1, *6, 7*). Вещь рождалась вместе со своим декором, который, видимо, воспринимался как нечто самодавлеющее. Сложный орнамент на одном псалии вырезан еще до просверливания отверстий, операции, при которой вероятен был технологический брак.

Наиболее высока доля орнаментированных изделий для категории гребней и накладок на колчаны и налучья – до 80% (рис. 1, *15, 16*; 2; 4). Почти так же часто украшены костяные пуговицы (рис. 3, *18–23*). Орнаментировано до трети колчанных петель, фигурных накладок разного назначения, псалиев и игольников и около четверти наверший плетей. Прочие категории слишком малочисленны для подсчета доли орнаментированных. Заметно явное предпочтение орнаментации при изготовлении предметов воинского снаряжения. Среди категорий предметов, связанных с экипировкой дружинника, доля орнаментированных костяных изделий выше средней –30%,

тогда как среди предметов быта и досуга она составляет в среднем 18%, а для орудий труда – всего 7% (Флёрова В.Е., 1996). Вообще же основой коллекции орнаментированной кости Саркела являются гребни, накладки и петли для колчанов и налучий. Остальная часть декорированных изделий приходится на прочие категории: всевозможные накладки, игольники, пуговицы, рукояти орудий занимают от 9 до 3% коллекции. Единичны находки орнаментированных футляров серпов, обойм, пряслиц, роговых коробочек, юрка и диска из основания рога.

Помимо регулярного орнамента поверхность изделий украшалась графическими рисунками, монограммами, отдельными изображениями, знаками (рис. 1, *11*). Основная часть граффити нанесена на астрагалы и имеет свои особые функции, лишь косвенно связанные с темой орнаментации. Нерегулярные графические изображения не играли существенной роли в декорировке изделий. На памятнике собрано всего 19 предметов такого рода. Наибольшая концентрация их приходится на хазарские слои. Начиная с X в., напротив, все большую долю среди костяных изделий начинают занимать вещи, украшенные регулярным орнаментом. Пик взлета орнаментации приходится на конец X в., а затем к концу XI в. наблюдается некоторый упадок: с 29 до 18%. Достаточно высокий уровень орнаментации на протяжении середины IX – конца XI в. поддерживается присутствием всегда украшенных наборных гребенок (Кондратьева О.А., 1987). Начиная с конца X в. и особенно часто в слоях XI – начала XII в. число орнаментированных изделий пополняется за счет колчанных петель и накладок. Совокупность этих категорий изделий обеспечила обилие орнаментированных в слоях конца X – начала XI в. К концу XI в. наборные гребенки начинают вытесняться двусторонними гребнями, которые не всегда имеют орнаментацию.

Из-за небольших размеров изделий из кости расположение орнамента максимально зависит от формы вещи. Розетка характерна для пуговиц и прочих дискообразных и овальных изделий (рис. 3, *4, 13, 16, 18–23*). На одном из цилиндров (наперстке?) розетка применена как рапорт бордюра (рис. 1, *9*). Наиболее распространенная категория орнамента – бордюр. Даже там, где вся поверхность орнаментирована, например на узких накладках колчана, орнамент относительно вещи в целом являлся бордюром (рис. 4). Третья категория, сетка, отмечена в единичных случаях и, как правило, дополнялась бордюром (рис. 1, *10*; 3, *17*). Применялась и орнаментация всей поверхности разными типами бордюров (рис. 1, *6, 7, 9, 12, 15, 16*; 2; 3, *11*).

По техническим приемам резьбы орнамент делится на следующие группы (рис. 5).

I. Р е з н о й. Это наиболее доступный способ орнаментации. Он не требует ни особых инструментов, ни изощренных технологических приемов и навыков и может выполняться по предварительно распаренному рогу, как и резьба по дереву, простым ножом или резцом. Тем не менее он не является для данного памятника ведущим способом орнаментации. Только 54 вещи украшены резным орнаментом (рис. 1, *1–12*). Выполненные в этой технике орнаменты крайне разнообразны типологически. Резная орнаментика более изощренна и богата, чем другие способы декора, но в ней нет ни одного устойчивого типа орнамента. Наиболее популярен был резной зигзаг, отмеченный в 10 случаях (рис. 1, *3, 7, 12*). Применялись и короткие врезные линии, насечки (рис. 1, *5, 9, 12*), но в системе декора они носят в большинстве случаев подчиненную функцию. Остальные типы резного орнамента, кроме того, что образуют разные варианты, встречаются на весьма незначительном количестве изделий каждый: менее 8% от всех орнаментированных.

II. Ц и р к у л ь н ы й. Заметно превосходит по популярности резной. Этот способ орнаментации отмечается вообще как наиболее популярный на костяных изделиях не только археологических, но и этнографических коллекций (Иванов С.В., 1961, с. 464–473). Для его нанесения использовался двузубый или трезубый инструмент, работавший по типу циркуля. В Саркеле – Белой Веже различные типы циркульной орнаментации зафиксированы на 67 предметах, что составляет более половины всех орнаментированных (рис. 2–4).

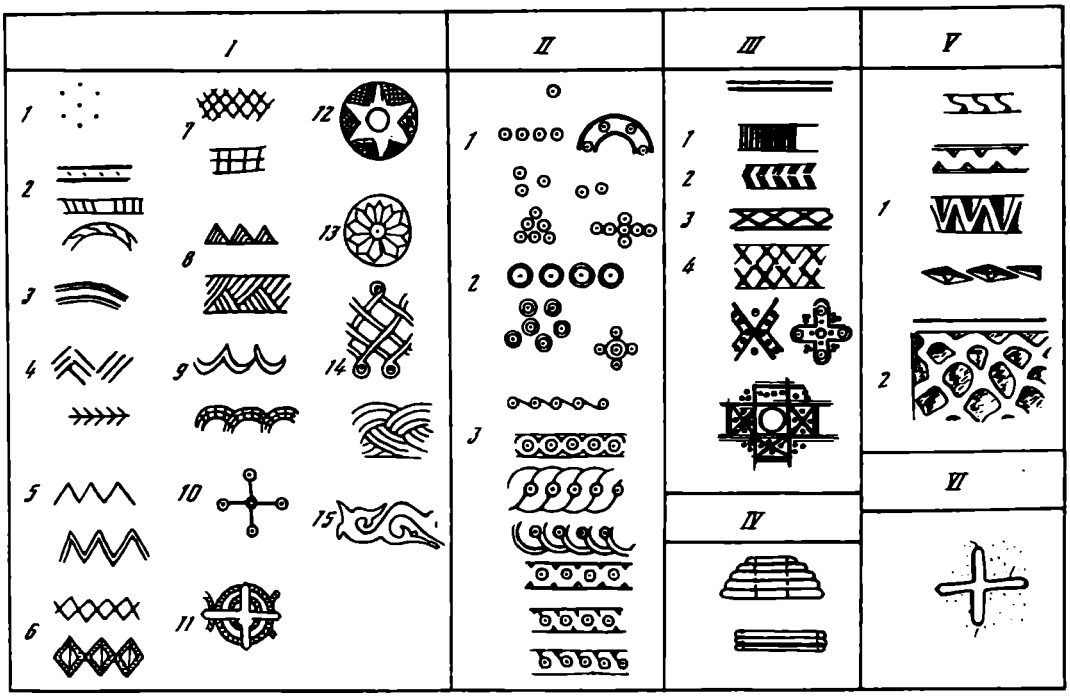


Рис. 5. Типы орнаментов на костяных изделиях Саркела – Белой Вежи: I – резной: *1* – точечный (4); *2* – насечки (27); *3* – каннелюры (8); *4* – ёлочка (4); *5* – зигзаг (10); *6* – ромбы (5); *7* – сетка (7); *8* – заштрихованные треугольники (3); *9* – чешуйчатый (2); *10* – крест (2); *11* – концентрические окружности (1); *12* – звезда (1); *13* – розетка (1); *14* – плетёнка (4); *15* – растительный побег крина (1); II – циркульный: *1* – одинарные окружности (31); *2* – двойные окружности (15); *3* – циркульная плетенка (16); III – пропильной: *1* – параллельные линии (31); *2* – ёлочка (1); *3* – ромбы (1); *4* – двойные кресты (4); IV – каннелирование на токарном станке (8); V – рельефный: *1* – трехгранновыямчатый (9); *2* – негативно-позитивный чешуйчатый (1); VI – прорезной крест (1). Цифра в скобках обозначает число наблюдений

III. Пропильной. Этот способ орнаментации характерен в основном для гребней (рис. 2). Из 31 вещи, на которой отмечается пропильной орнамент, 23 гребня. Применение этого вида орнаментации именно гребенщиками было обусловлено тем, что для его нанесения использовались те же инструменты, что и для пропиливания зубьев. Редкие зубья пропиливались при помощи пилы с одним или двумя полотнами, а частые – при помощи станка, который напоминал токарный. Станок, как его реконструируют по изобразительным памятникам эпохи средневековья, приводился в движение лучком, подобно сверлу. Линии прорезались насаженными на вращающийся вал одним или несколькими зубчатыми колесиками. Такая техника сохранилась у гребенщиков до XX в. (Боруцкий В., 1913, с. 479, 480; Кондратьева О.А., 1986, с. 21; Hilzerowna Z., 1961; Erdelyi I., 1956). Кроме гребней пропильной орнамент присутствует на некоторых накладках, выточенных на токарном станке полусферических пуговицах, футляре складного серпа, одной из рукоятей, игольнике, дискообразном предмете, предположительно определяемом как колодочка для плетения (рис. 2; 3, *11–13, 15–18, 20*).

IV. Профилировка и каннелирование на токарном станке. Это третий вид орнаментации, для нанесения которой применялся специализированный инструмент. Принципиально он мало чем отличался от пропильного орнамента, делавшегося зубчатым колесиком, но профиль резьбы обычно глубже и она концентрична: в данном случае вращался не инструмент, а само изделие. Желобками, выточенными при помощи токарного станка, украшены пуговицы, игральные шашки, колечко (рис. 3, *18, 20, 22–26*). Этот тип орнаментации редок, как и сами токарные изделия на памятнике.

Еще менее характерны для саркельской коллекции следующие две группы: V – рельефный, который делится на трехгранновыямчатый и позитивно-негативный

(рис. 1, *13–16*; 3, *17*), и VI – п р о р е з н о й (рис. 5), представленный только на одной пластине из кочевнического погребения (Плетнёва С.А., 1990, с. 34–37, 96).

Если вариантов резной орнаментации насчитывается 23 для 54 вещей, украшенных в этой технике, т.е. в среднем одинаковый или близкий орнамент приходится на 2,3 вещи, то для циркульного орнамента этот коэффициент намного выше – 5,6, а для пропильного – 7,7. Наиболее употребляемые мотивы – это ряды одинарных или двойных окружностей и непосредственное развитие их – различные варианты циркульной плетенки. Почти столь же популярны пропиленные однорядные и многорядные линии. Таким образом, стандартизация типов орнаментации наблюдается только в тех случаях, когда применены специализированные инструменты, хотя и весьма примитивные: циркульный резец, тонкая пила, станок для нарезки и обточки. Основная часть вещей, украшенных стандартными типами орнамента, – это продукция гребенщиков и лучников. Среди сочетаний различных технологических видов орнаментации наиболее часто наблюдается присущее опять же продукции гребенщиков сочетание циркульного и пропильного орнаментов – 20 случаев. Одиннадцать раз встречено сочетание циркульного и резного орнамента. Трижды одновременно применен рельефный и пропильный и по 1 разу – резной и прорезной и резной и рельефный трехгранновыямчатый.

Среди костяных изделий много таких, которые нельзя причислить к изделиям ручного труда, настолько полно использована в них естественная форма сырья. Это астрагалы, амулеты из костей или клыков, так называемые "малозаметные орудия" (Vencl S., 1980) типа кочедыков из грифельных костей или лощил из метаподий. Кроме астрагалов, на которых часто встречаются граффити, декорировки поверхностей у этих находок не наблюдается. Те же категории изделий, которые требовали приложения ручного труда, обязательно имеют тот или иной процент орнаментированных. Причем доля орнаментации находилась в определенной зависимости от степени трудозатрат, необходимых для производства изделия, которое для данной коллекции шло по основным четырем схемам. Первая: из целых рога и кости путем поперечного распиливания или разрезания изготовляли цилиндрические блоки. Дальнейшие операции: обстругивание поверхности, создание полости и отверстий – применены в различных сочетаниях или вовсе отсутствуют. Среднее число операций для изготовления изделий равно 3. Из 195 предметов, отнесенных к этому направлению, только 5, т.е. 2,6%, украшено регулярным циркульным орнаментом (рис. 3, *1*) и только 2 из них, наиболее сложные, – сочетанием циркульного с пропильным (рис. 3, *11, 13*). Резная же орнаментация отмечена здесь на 7% изделий.

Следующее направление изготовления изделий – это последующая распиловка цилиндрических блоков на пластины с созданием затем плоской фигуры. В эту группу, насчитывающую 193 предмета, входит вся продукция лучников: накладки сложных луков, пластины и петли колчанов и налучий, некоторые типы черешковых стрел, щитки для запястий, струги для стрел (Нахапетян В.Е., 1995). По той же схеме шло и изготовление гребней, но среднее число операций, производимых гребенщиком, было выше – 6,6, тогда как для прочих изделий этот коэффициент – 4,2. Применение пропильного и циркульного орнамента отмечено на 73% гребней и на 24% прочих изделий из пластин, в основном пластин для налучья и колчана. Но если для гребней наблюдается преобладание пропильного орнамента, то лучники предпочитали цепочки из циркульных кругов и разные виды циркульной плетенки. Петли колчана и налучья в основном украшались резным орнаментом, и только третья часть имеет циркульную орнаментацию (рис. 4).

Третья схема: цилиндрические блоки использовались для создания новых объемных форм. Сюда отнесено 135 предметов. По коэффициенту трудозатрат это направление близко ко второму – 4,5. Пропильной орнамент присутствует только на одном игольнике (рис. 3, *12*), так как объемные формы менее удобны для нанесения пропильного орнамента, но циркульная орнаментация отмечена на 10% изделий.

Четвертое направление – создание формы вещи при помощи токарного станка. Сюда включено всего 13 предметов. Применение токарного станка само по себе

свидетельствует об изготовлении этих вещей специалистом-ремесленником. Коэффициент трудозатрат – 5,5. Средний процент орнаментированных при помощи специализированных инструментов предметов приближается к продукции гребенщиков и составляет 70% (рис. 3, *18–23*).

Резкое преобладание циркульного и пропильного орнамента на предметах заведомо ремесленного происхождения, гребнях и токарных пуговицах, позволяет включить в круг изделий, изготовленных специализированным ремесленником, и те, которые, имея простую форму, орнаментированы сочетанием типов пропильного и циркульного орнамента или даже одним пропильным. Более осторожно следует подходить к циркульной орнаментации: по крайней мере, отбросить те случаи, где циркульные круги не образуют регулярного орнамента. Здесь особо следует обратить внимание на устойчивость типов орнаментации. Единственно устойчивый ее мотив на городище – цепочки циркульных окружностей. Доля разных вариантов колеблется от 13 до 16% всех орнаментированных изделий. Они присутствуют как на продукции гребенщиков, так и лучников, но в последнем случае – не имеют устойчивых сочетаний с пропильным. Резная же орнаментика никак не связана с какими-либо определенными категориями изделий.

Несомненно ремесленниками-специалистами были изготовлены орнаментированные пропильным и регулярным циркульным орнаментом футляры складных серпов (Beranová M., 1957), рукоять специализированного ножа-резца (Сорокин С.С., 1959, рис. 14) и составная рукоять ножа (рис. 3, *9–11, 16*). Ремесленного производства и две пластины с негативно-позитивным и пропильным орнаментом (рис. 3, *17*). Скорее всего пластины были предназначены для украшения фронтальной и боковой стенок ларца. При обнаружении пластин во время раскопок на их поверхности были видны следы золочения, в настоящее время утраченные. К ремесленным изделиям относится и еще одна пластина с пропильным и циркульным орнаментом (рис. 3, *15*). Аналогичные пластины применялись для украшения ларцов в Северном Причерноморье в IX–XIII вв. Их производство зафиксировано в Херсоне (Романчук А.И., 1981, с. 96–98). Как подражание провинциально-византийскому костерезному ремеслу, копирующее пластины для шкатулок с рельефными изображениями птиц и зверей, можно, очевидно, расценивать накладку с циркульной орнаментацией и графическим изображением орла в геральдической позе (рис. 3, *14*). Примечательно, что она вырезана из кости животного, тогда как 80% всех изделий вырезано из рога. Мастер явно не справился с материалом, пластина получилась неровной и не была закончена.

Такие изделия, как гребни, пуговицы, футляры серпов, рукоять ножа-резца, обнаруженные в слоях Саркела – Белой Вежи, представлены широко распространенными типами, известными в это время не только в Киеве, Волжской Болгарии или Херсоне, но и в западнославянских землях и в Византии (Закирова И.А., 1988; Казаков Е.П., 1991, с. 76; 1992, с. 184; Монгайт А.Л., 1955, рис. 97, *3*; Романчук А.И., 1981, с. 91, 92; Фехнер М.В., 1963, с. 42; Шовкопляс А.М., 1984; Davidson G.R., 1952).

Накладки на колчаны и налучья (рис. 4, *1–18*) являются в саркельской коллекции костяных изделий категорией, имеющей самый высокий процент орнаментации. Петли к тем же колчанам и налучьям украшались в 3 раза реже. По времени, как это можно заключить по стратиграфическим данным о находках, они синхронны и, появляясь на рубеже X и XI вв., концентрируются в слоях второй половины XI – начала XII в. Петли чаще всего украшались насечками по гребню. Такой же способ орнаментации применен для петель из кочевнических погребений в курганах Цозаровка 250 и 269, Краснополка, Юзефовка 247/1, Зеленки 367 (Медведев А.Ф., 1966, табл. 3,9; Плетнёва С.А., 1973). Одна из беловежских петель покрыта по всему полю косой расштриховкой, вторая – циркульными одинарными окружностями вдоль внешнего борта (рис. 4, *20, 24*). Орнамент в виде цепочки из двойных окружностей, идущий бордюром по внешнему краю, украшал обе петли налучья из кочевнического погребения в насыпи 18 Беловежского могильника. Там же находились и накладки на нижний конец налучья, аналогичные новгородским (Медведев А.Ф., 1959, с. 148), а

также на центральную его часть, украшенные таким же орнаментом, явно выполненным одной рукой (рис. 4, *11, 12, 21*).

Система орнаментации беловежских накладок, вероятно, является продолжением развития выделенной Ю.С. Худяковым южносибирской традиции декора гарнитуры лучника (Худяков Ю.С., 1980, с. 112–117). Аналогичные накладки с цепочками циркульных окружностей или циркульной плетенкой, по времени предшествовавшие беловежским, происходят из могильника Уйбат II середины IX в., из погребения в Монгун-Тайге–59-X VIII–IX вв. и ряда других памятников (Евтюхова Л.А., 1948, с. 62, рис. 11; Грач А.Д., 1960, рис. 87; сводку находок см.: Овчинникова Б.Б., 1990, рис. 36). Наиболее западные аналогии найдены в Верхнем Прииртышье: Акчий II/2 VIII в. и в кург. 19 Ждановского могильника, уже синхронного донским находкам (Археологические памятники., 1987, рис. 84; Арсланова Ф.Х., 1968, табл. I, *87, 88*).

В погребениях кочевников восточноевропейских степей, датированных XII в., накладки встречаются редко, и среди них мало орнаментированных. Узкие накладки с цепочками двойных циркульных кругов происходят из Вильнянских курганов, одна из накладок украшена бегущей волной – циркульной плетенкой (Телегин Д.Я. и др., 1977, с. 77). Бордюр из циркульной плетенки нанесен на костяные обкладки седла из половецкого погребения в с. Подлужном (Минаева Т.М., 1964, рис. 33). На поселениях узкие орнаментированные тем же способом накладки известны в Городке Надбужском (Михайлова Р.Д., 1991, табл. X) и на Тигашевском городище X–XI вв. (Федоров-Давыдов Г.А., 1962, рис. 21, *1*).

Вероятно, как и лазуритовые подвески, появившиеся в слоях Белой Вежи, датируемых началом XI в. (Макарова Т.И., 1962), орнаментированные детали гарнитуры лучника были привнесены сюда одной из групп кочевников кыпчакского объединения. В слоях начала XI в. присутствуют только готовые изделия, но с конца XI в. отмечаются заготовки и бракованные экземпляры, указывающее на начало местного производства (рис. 4, *1, 14*).

Производство сложных рефлексирующих или усиленных типов лука, требующих применения накладных пластин, часто изготовлявшихся из кости и рога (Адлер Б.Ф., 1903, с. 189–192), несомненно имело приоритетное направление в ремесленном производстве степного города. Лук необходим был не только для военных нужд, но и как охотничье оружие. При раскопках обнаружено немало, около 100 фрагментов, костяных деталей луков, их чехлов и колчанов для стрел. Немало также охотничьих типов костяных наконечников стрел. Рог являлся для мастера, изготовлявшего лук, только одним из компонентов сырья. Накладки на кибить, так же как и декоративные пластины, имеют черты стандартизации производства и оформления, но они практически никогда не украшались, так как вся или большая часть их поверхности обматывалась и оклеивалась сверху полосами органического материала. Для лучшего сцепления на внутренней стороне пластин наносилась расштриховка, аналогичная имеющейся на ряде орнаментированных накладок (рис. 4, *11*). Часто она покрывала и вторую сторону. Декор необходим был только при изготовлении пластин для чехлов лука и колчана. При длительности изготовления сложносоставного рефлексирующего лука орнаментация пластин, украшавших далеко не каждый из колчанов или налучий, не могла быть поставлена по поток. Естественно, накладки эти не могут считаться продукцией специализированной рогообработки как самостоятельной отрасли ремесла, о которой, хотя и с известными оговорками, можно говорить применительно к гребням и точеным изделиям. Но все же черты профессионального исполнения и сохранение передававшихся из поколения в поколение традиций не смогли не отразиться на орнаментике, показавшей резкий взлет технологичности и стандартизации исполнения относительно прочей массы орнаментированных изделий местного происхождения. Здесь мы сталкиваемся с явлением, на которое указывал О.В. Овсянников как на характерное для костерезного ремесла древней Руси: развитие его в рамках другой, более крупной отрасли специализированного ремесла (Овсянников О.В., 1969). В данном случае это было ремесло лучника.

Ни полусферические пуговицы, ни другие изготовленные при помощи токарного станка предметы, найденные на городище, не могут быть причислены к продукции местных ремесленников. Следов работы токаря ни разу не встречено: отсутствуют находки пластин от выделки пуговиц и характерных дисков, остающихся при работе на станке (Шовкопляс А.М., 1954, табл. 1; Żurowski K., 1953, obr. 4). Ни разу не обнаружены незаконченные или выбракованные токарные изделия. Несмотря на то, что токарный станок с раннего средневековья применялся для работы по кости в Европе и был хорошо известен носителям салтово-маяцкой культуры, а сама профессия токаря упомянута в "Половецком словаре" (Давидан О.И., 1966, с. 144; Николаенко А.Г., 1991, с. 49–53; Плетнёва С.А., 1958, с. 190; Erdelyi I., 1956, p. 46–50; Cnotliwy E., 1973), в самом Саркеле – Белой Веже токарные изделия могли не производиться, поступая из более крупных центров – Киева или Херсона, где отмечены остатки токарного дела, быть привозными из Скандинавии или Волжской Болгарии. Примечательно, что все точеные изделия относятся к украшениям и предметам досуга. Такая категория, как охотничьи наконечники стрел в виде костяных цилиндров-томаров, несмотря на свою многочисленность на памятнике, не включают ни одного токарного. Между тем применение станка заметно улучшило бы баллистические свойства. На памятниках Северо-Запада Европы отмечается использование в основном точеных наконечников охотничьих стрел (Гайдуков П.Г., Макаров Н.А., 1993; MacGregor A., 1985, p. 162, fig. 85). Выточены на станке и два из трех томаров из торческого кург. 443 у с. Каменка (Плетнёва С.А., 1973, табл. 42, *5–7*).

Следы производства гребней на городище обнаружены, хотя и крайне незначительные. Это две испорченные пластины футляров наборных гребенок и две заготовки цельных двусторонних гребней. Других отходов производства, специфических для мастерских гребенщиков, не найдено. Эти находки свидетельствуют скорее не о местном производстве данной категории вещевого комплекса, а о присутствии здесь, и то весьма спорадическом, странствующих ремесленников-гребенщиков. В начальный период развития производства гребней, ставшей основой рогообработки Европы в IX–XI вв., именно их деятельность была господствующей. Она же обеспечила существенную нивелировку типов гребней и технологических приемов обработки рога по всей Европе (MacGregor A., 1985, p. 45–50). Не исключено, что некоторые особенности орнаментации саркельских гребенок, отмеченные специально занимавшейся роговыми гребнями Восточной Европы О.А. Кондратьевой (1987 г.), были вызваны тем, что в орнаментации изделий как ремесленники-коробейники, так и торговцы руководствовались местными вкусами. Основной вид орнаментации – все те же цепочки циркульных окружностей. Есть и циркульная плетенка (рис. 2, *11*). Линейная орнаментация представлена только на двух фрагментах гребенок. Оба бракованных фрагмента украшены неровными цепочками циркульных окружностей в сочетании с многорядными пропилами (рис. 2, *9, 10*).

Орнаментированные костяные изделия Саркела – Белой Вежи представляются связанными прежде всего с существовавшей здесь той дружинной культурой, к которой был приобщен обитавший в крепости гарнизон, состоявший преимущественно из кочевников тюркских этнических групп (Артамонов М.И., 1958; Плетнёва С.А., 1958; 1996). Практически все категории предметов, доля орнаментированных внутри которых составляет от четвертой части и выше, связаны с экипировкой дружинника. В месте расположения тюркских жилищ, т.е. в районе цитадели и прилегающем отсеке (Белецкий В.Д., 1959, с. 72, 132, 133), плотность распределения привозных изделий из кости и рога, которых найдено около 50, в том числе гребенок, пуговиц, а также накладок, псалиев и прочих связанных с боевым и охотничьим снаряжением предметов, намного выше, чем в западном отсеке. Вплоть до конца XI в., т.е. до того времени, пока первоначальная планировка крепости в какой-то степени сохранялась, этот перевес существовал. Повышение плотности наблюдается также для участка главных ворот. Орудия труда, крайне редко орнаментировавшиеся, напротив, имеют более высокую концентрацию в западном отсеке.

Вероятно, дружинная аристократия, стоявший в крепости гарнизон, в оба исторических периода (хазарский и древнерусский) состоявший из кочевников, и являлся тем привилегированным заказчиком, на которого ориентировались как местные, так и пришлые ремесленники, а также торговцы, имевшие дело с резной костью.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Адлер Б.Ф., 1903. Лук и стрелы Северной Азии // Русский антропологический журнал. № 3, 4. М.

Арсланова Ф.Х., 1968. Памятники Павлодарского Прииртышья VIII–XII вв. // Новое в археологии Казахстана. Алма-Ата.

Артамонов М.И., 1958. Саркел – Белая Вежа // МИА. № 62.

Археологические памятники в зоне затопления Шульбинской ГЭС, 1987. Алма-Ата.

Белецкий В.Д., 1959. Жилища Саркела – Белой Вежи // МИА. № 75.

Боруцкий В., 1913. Кустарные промыслы по обработке рогов и костей // Кустарная промышленность России. Т. II. СПб.

Вайнштейн С.И., 1972. Историческая этнография тувинцев. М.

Василенко В.М., 1936. Северная резная кость (Холмогоры). М.

Гайдуков П.Г., Макаров Н.А., 1993. Новые археологические материалы о пушном промысле в Древней Руси // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 7. Новгород.

Голубева Л.А., 1973. Весь и славяне на Белом Озере. X–XIII вв. М.

Грач А.Д., 1960. Археологические исследования в Кара-Холе и Монгун-Тайге // Тр. ТКАЭЭ. Т. I.

Гуревич Ф.Д., 1981. Древний Новогрудок. Л.

Давидан О.И., 1966. Староладожские изделия из рога и кости // АСГЭ. Вып. 8.

Евтюхова Л.А., 1948. Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов). Абакан.

Закирова И.А., 1988. Косторезное дело Болгара // Город Болгар. Очерки ремесленной деятельности. М.

Иванов С.В., 1961. Орнамент. Историко-этнографический атлас Сибири. М.; Л.

Казаков Е.П., 1991. Булгарское село X–XIII вв. низовий Камы. Казань.

Казаков Е.П., 1992. Культура ранней Волжской Болгарии. М.

Колчин Б.А., 1985. Ремесло // Древняя Русь. Город, замок, село. Археология СССР. М.

Кондратьева О.А., 1986. Процесс изготовлений роговых гребней в XIX – начале XX в. // Промыслы и ремесла народов СССР. Л.

Кондратьева О.А., 1987. Изделия костерезного ремесла Руси IX–XI вв. как исторический источник (по материалу гребней). Канд. дис. // Архив ИИМК РАН. Ф-35, Оп. 2-Д. Д. 393.

Корзухина Г.Ф., 1948. Резная кость // Архив ИИМК РАН. Ф-77. Д. 18–20.

Макарова Т.И., 1962. Украшения и амулеты из лазурита у кочевников X–XI вв. // АСГЭ. Вып. 4.

Мамонова Н.Н., 1991. Закономерности развития народных ремесел и промыслов в России XVIII – начала XX века // Закономерности развития искусства народных художественных промыслов. М.

Медведев А.Ф., 1959. Оружие Новгорода Великого // МИА. № 65.

Медведев А.Ф., 1966. Ручное метательное оружие (лук и стрелы, самострел) VIII–XIV вв. // САИ. Вып. Е1–36.

Минаева Т.М., 1964. К вопросу о половцах на Ставрополье по археологическим данным // Материалы по изучению Ставропольского края. Вып. 11. Ставрополь.

Михайлова Р.Д., 1991. Особливості обробки кістки в Південно-Західній Русі X – перша половина XIV століття. Київ.

Михеев В.К., 1985. Подонье в составе Хазарского каганата. Харьков.

Монгайт А.Л., 1955. Старая Рязань // МИА. № 49.

Нахапетян (Флёрова) В.Е., 1995. Беловежские лучники // Курганы кочевников Южного Урала. Уфа.

Николаенко А.Г., 1991. Северо-западная Хазария или Донская Русь. Волоконовка.
Овсянников О.В., 1969. О косторезном ремесле в средневековой Руси // СА. № 1.
Овчинникова Б.Б., 1990. Тюркские древности Саяно-Алтая в VI–X веках. Свердловск.
Плетнева С.А., 1958. Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях // МИА. № 62.
Плетнева С.А., 1973. Древности черных клобуков // САИ. Вып. Е1–19.
Плетнева С.А., 1990. Печенеги и гузы на Нижнем Дону по материалам кочевнического могильника у Саркела – Белой Вежи. М.
Плетнева С.А., 1992. Древнерусская керамика с городища Саркел – Белая Вежа // Древнерусская керамика. М.
Плетнева С.А., 1996. Саркел и "шелковый путь". Воронеж.
Романчук А.И., 1981. Изделия из кости в средневековом Херсонесе // Античная древность и средние века. Свердловск.
Рыбаков Б.А., 1948. Ремесло Древней Руси. М.
Рыбина Е.А., 1971. Из истории южного импорта в Новгород // СА. № 1.
Сергеенко М.Е., 1968. Ремесленники Древнего Рима. Очерки. Л.
Сорокин С.С., 1959. Железные изделия Саркела – Белой Вежи // МИА. № 75.
Телегин Д.Я., Круц В.А., Братченко С.Н., Смирнов С.В., Корпусова В.Н., 1977. Вильнянская курганная группа // Вильнянские курганы в Днепровском Надпорожье. Киев.
Уханова И.Н., 1981. Резьба по кости в России XVIII–XIX веков. Л.
Фехнер М.В., 1963. Изделия костерезного производства // Ярославское Поволжье IX–X вв. М.
Федоров-Давыдов Г.А., 1962. Тигашевское городище // МИА. № 111.
Флёрова В.Е., 1996. Домашние промыслы в Саркеле – Белой Веже (по материалам коллекции костяных изделий) // Культура Евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. Самара.
Худяков Ю.С., 1980. Вооружение енисейских кыргызов VI–XII вв. Новосибирск.
Цнотливы Э., 1988. Зарождение костеобрабатывающего ремесла в прибалтийском районе в IX–X вв. // Тр. V Междунар. конгресса археологов-славистов. Киев 18–25 сент. 1985 г. Т. 2. Киев.
Шовкопляс А.М., 1954. Некоторые данные о костерезном ремесле в древнем Киеве // КСИА АН УССР. Вып. 3.
Шовкопляс А.М., 1984. Косторезное ремесло Древнего Киева // Древнерусский город. Матер. Всесоюз. археол. конф., посвященной 1500-летию города Киева. Киев.
Щапова Ю.Л., 1985. О ремесле Древней Руси // Слово о полку Игореве и его время. М.
Щапова Ю.Л., 1988. Древнерусское ремесло: структура, передача производственного опыта // Тр. V Междунар. конгр. археологов-славистов. Киев, 18–25 сент. 1985 г. Т. 2. Киев.
Beranová M., 1957. Slovanské žňové nástroje v 6–12 století // Památky archeologické. R. XLVIII. N 1.
Cnotliwy E., 1970. Niektore problemy budan and wcześnośredniowiecznym rogownictwen polskim // Arch. Polski. T. XV. Z. 2.
Cnotliwy E., 1973. Rzemioslo rogownicze na Pomoru wczesnośredniowiecznym. Wroclaw.
Daviason G.R., 1952. The Minor Objects // Corinth. V. XII. N. Jersey.
Erdélyi I., 1956. Az avarkori asontmeg munkálás néhány kérdézeröl // Archaeologiai Ertesito. 83.
Hilzerówna Z., 1961. Rogownictwo gdanskie w X–XIV wieku // Gdańsk wezesnośredniowieczny. IV. Gdańsk.
MacGregor A., 1985. Bone, antler, ivory and horn; The technology of skeletal materials since the Roman period. London.
Vencl S., 1980. K poznáni méně nápadných artefaktů // Arch. rozhledy. 32. 5. Phara.
Żurowski K., 1953. Uwagi na temat obrŏbki rogu w okresie wczesnośredniowiecznym // Przegląd archeologiczny. IX. 2. Poznań.

Институт археологии РАН,
Москва

V.E. FLEROVA

ORNAMENTED BONE GOODS OF SARKEL: A PROBLEM OF CRAFTS SPECIALIZATION

Summary

The collection of ornamented goods made of antler and bone gathered during excavations of Sarkel-White Vezha, which is a fortress on the Lower Don accounts for more than 100 objects. It dates to the 9th-the beginning of the 12th century which is a "gold era" for treating antler and bone in Europe, and it is analyzed in the given paper from the point of view of the bone-carving craft specialization. Standard types of ornament implemented with the use of specialized tools are present on the goods the production of which was not available in the fortress itself: combs, turning buttons, parts of boxes, cases and handles made by craftsmen together with a metallic part (Figure 1, *15, 16*; 2; 3, *11–13, 15–26*). These goods were imported or were made by wandering craftsmen.

Goods of local craftsmen were more often decorated with carved ornament (Figure 1). The products made by archmakers (Figure 4) are quite noticeable among those products. In this case a specialized bone treatment was developed within a larger sector of the craft.

Groups of objects related to weapons of a warrior were decorated more often and in a richer fashion, the highest density of such finds in the part of the fortress where the garrison was stationed being an evidence of this fact. Druzhina aristocracy was a privileged customer who provided a possibility for the salers of carved bone that was never in high demand.

Л.В. АЛЕКСЕЕВ

"МЕНСКИЕ ДРЕГОВИЧИ" И ПОЛОЦКИЕ КНЯЗЬЯ

"Менские дреговичи". В Полоцкой земле есть одна любопытная территория, расположенная в районе современного Минска, но заселенная в XI–XII вв. не потомками кривичей, как вся земля, а дреговичей, основавших соседнее Турово-Пинское княжество. Эта часть дреговичей была захвачена Полоцком, можно думать, ранее, чем туда проникла турово-пинская дань (Насонов А.Н., 1949, с. 150). Особый интерес этой территории заключается в том, что она изобилует курганами, каждая группа которых отражает дреговичскую деревню (рис. 1). Насыпи сферические, в них почти нет трупосожжений, большинство из них – с ингумированными покойниками, в основном XI и XII вв. (Сербаў І. 1927; Спицын А.А., 1899, с. 289–294; Завитневич В.Е., 1890, с. 11). Исключением являются лишь несколько курганных групп в районе Койданова (у деревень Каменка, Новосады и пр., см.: Алексеев Л.В., 1966, с. 37). Новые раскопки в этих местах А.А. Заяца существенно картину не изменили. Вся эта территория исключительного скопления древнего населения, насчитывающая сейчас свыше 80 курганных групп (учитывая современную распаханность земель, особенно у Минска, можно думать, что деревень было сотня или более) занимает правый берег верховьев рек Свислочи, Уши и Птичи. На западе эти земли немного не доходили до верховьев неманской Сулы, на севере почти не заходили за современный Минск (севернее лежали села древнего Логожеска), а на юге кончались севернее истоков р. Лоша. Все это скопление дреговичского населения с запада, востока и юга и узкой полосой на севере ограждали безлюдные, очевидно, залесенные массивы междуречья Немана, его притока Березины, Лоши, Случи, все среднее течение Свислочи.

В описываемом скоплении поселений было и очень значительное городище того же времени, расположенное на р. Менке, в 16 км к юго-западу от Минска (рис. 2). Этот выдающийся памятник очень интересен и неоднократно раскапывался белорусскими археологами (Загорульский Э.М., 1982, с. 31; Штыхов Г.В., 1978, с. 64 сл.). Памятник сооружен на возвышенном мысу (площадь 1 га) и состоит из двух частей: более высокой, мысовой (16 × 80 м) – так называемое Малое городище и примыкавшей к ней обширной части (80 × 110 м) – так называемое Большое городище (сейчас считается, что это не детинец и окольный город, как я писал ранее, а единое, очень своеобразное городище догородского типа). С напольной стороны к памятнику примыкает еще и третья часть – "посад" (площадью в 30 га). Малое городище было древнейшим (?) и основано на месте поселения эпохи культуры городищ штрихованной керамики, Большое – на незаселенном месте. Оба первых памятника были укреплены валом. (по М.А. Ткачеву и Г.В. Штыхову, – с самого начала возникновения памятников (Ткачев М.А., 1969, с. 193–198; Штыхов Г.В., 1978, с. 66), по Э.М. Загорульскому, – в самом конце жизни на нем (Загорульский Э.М., 1982, с. 53). За все годы на памятнике вскрыто 700 м^2. Интереснейшие вещи были обнаружены на памятнике в 1954 г. А.Г. Митрофановым (ныне многие из них утрачены, два предмета – серебряная серьга и наконечник стрелы гнездовского типа – с его разрешения опубликованы мной; Алексеев Л.В., 1966, с. 147, рис. 29, *1, 2*). Все находки на этом интереснейшем памятнике датируются в пределах X – первой половины XI в. (бусины-лимонки, призматические сердоликовые, наконечники стрел и т.д.) (рис. 3). Население

© Л.В. Алексеев, 1998 г.

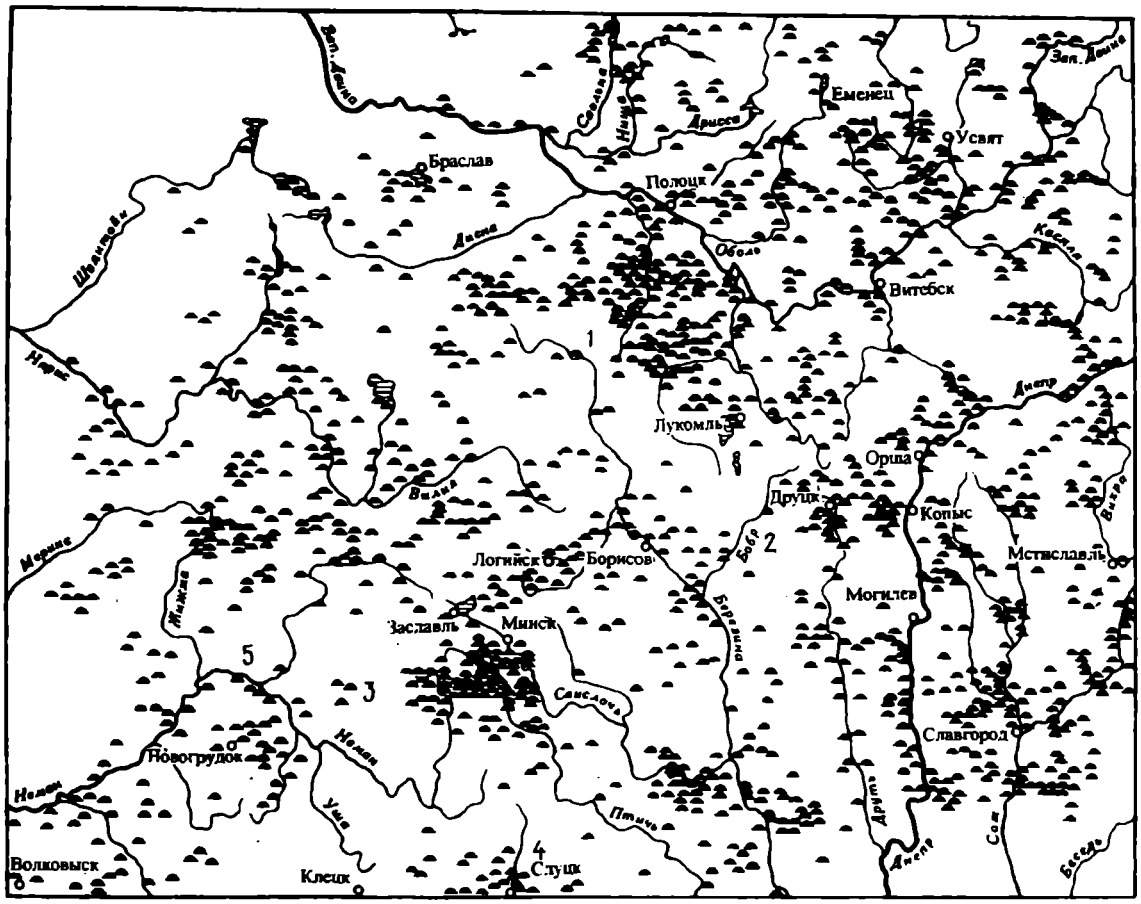


Рис. 1. Карта заселенности Северной Белоруссии по курганам IX–XII вв. *1* – Полоцко-Ушачское скопление поселений IX–XII вв. (наиболее ранние курганы с кремацией в лепных урнах IX–X вв.). В XII в. – Полоцкое удельное княжество, в XVI в. – Полоцкий повет; *2* – Друцкое скопление поселений X–XII вв. (наиболее ранние курганы – с кремацией в гончарных урнах конец X – начало XI в.). В XII в. – Друцкое удельное княжество; *3* – "Менское" скопление поселений дреговичей (на р. Менке) X–XII вв. (сожжения редки, трупоположения с гончарной посудой X–XII вв.). В XII в. – Минское удельное княжество; *4* – Слуцкое скопление дреговичей X–XII вв.; *5* – Новогрудское скопление поселений X–XII вв.; *6* – Граница Полоцкой земли

занималось земледелием, скотоводством, охотой. Свидетельств о занятиях ремеслом и торговлей немного. По мнению Э.М. Загорульского, весь памятник в целом представляет обширное однотипное селище "первых веков исторической жизни древней Руси" (Загорульский Э.М., 1982. с. 58). Все же нам представляется, что памятник такого типа не мог быть неукрепленным. Если он и не имел валов, то был укреплен, возможно, просто мощными деревянными конструкциями, остатки которых до нас не дошли (как это было и в Смоленске на Гнездовской стадии – Алексеев Л.В., 1977, с. 89). Не забудем, что в окрестностях городища на р. Менке обнаружено три клада арабских диргемов, что лишь указывает на исключительное его значение (Штыхов Г.В., 1978, с. 64).

Поселение на Менке находилось в теснейшей связи с одновременным ему скоплением дреговичских поселений вокруг. Что же представляло собой это скопление, изолированное лесами и имевшее свой особый центр? Я уже писал, что распространение полоцких и смоленских курганов позволяет усматривать в нем десятичную организацию древнерусского населения, гипотетически восстанавливаемую Б.А. Рыбаковым (Рыбаков Б.А., 1982, с. 255; Алексеев Л.В. 1978, с. 24): "сто" – группа небольших земледельческих поселков, "тысяча" – небольшая область, соответствовавшая "малому" племени, с городом и тысяцким во главе, "тьма" – 10 000 – "союз племен" (Рыбаков Б.А., 1982, с. 255). По идее Б.А. Рыбакова его ученица Г.Ф. Со-

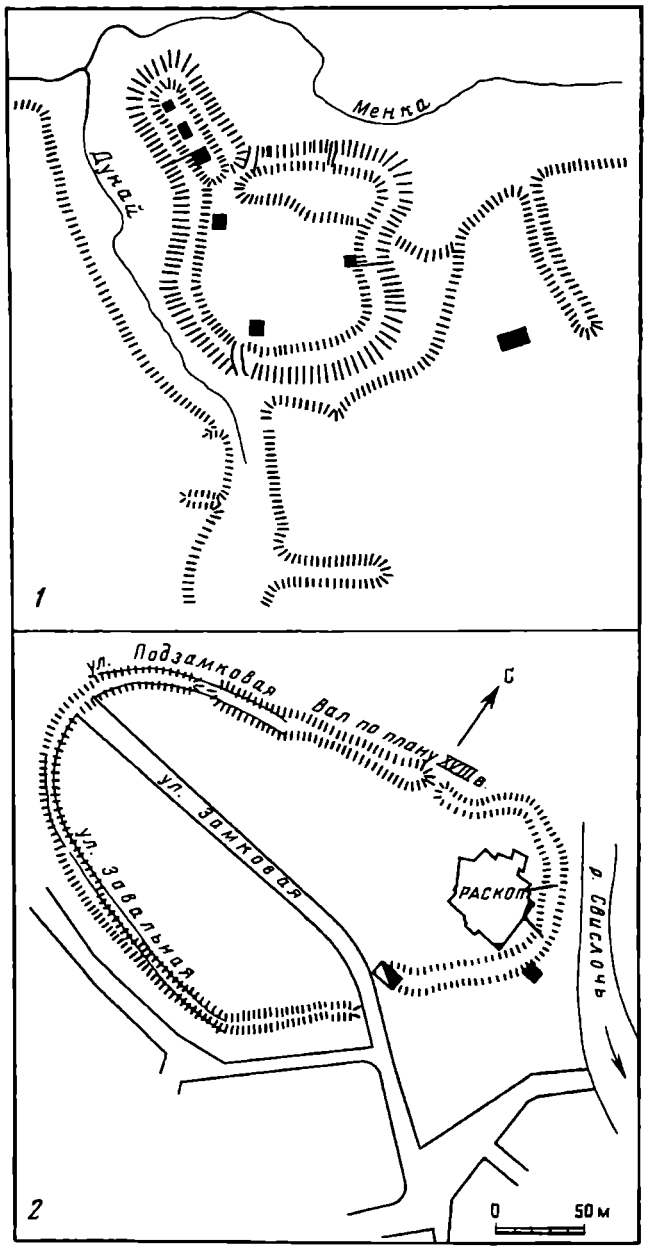


Рис. 2. Планы городищ древнего Минска. *1* – На р. Менке (первоначальный Минск?); *2* – на р. Свислочь (Минск второй половины XI в.)

ловьева априорно предположила, что особенности погребального обряда (отражающие прежде всего верования и погребальный культ) должны непременно, как она считала, отражать те или иные племенные группы населения, т.е. "малые" племена. Она выделила эти группы на материале вятичей, радимичей и северян. Так, в области радимичей она выделила восемь "малых племен" и т.д. (Соловьева Г.Ф., 1956, рис. 8). Метод Б.А. Рыбакова–Г.Ф. Соловьевой не был подхвачен как из-за большой трудоемкости подобной работы, так и потому, очевидно, что ею не была обоснована теоретически правомерность сопоставления мельчайших особенностей языческих верований (здесь – по погребальному культу) с "малыми" племенными образованиями. Кроме того, было очевидно, что метод этот не всегда верен: Г. Ловмяньский, например, указал, что некоторые группы радимичей, выделенные Г.Ф. Соловьевой, «слишком малы, чтобы представлять территорию "малого" племени» (Łowmian'ski H., 1967, s. 90). Нам представляется, что метод Б.А. Рыбакова–Г.Ф. Соловьевой может

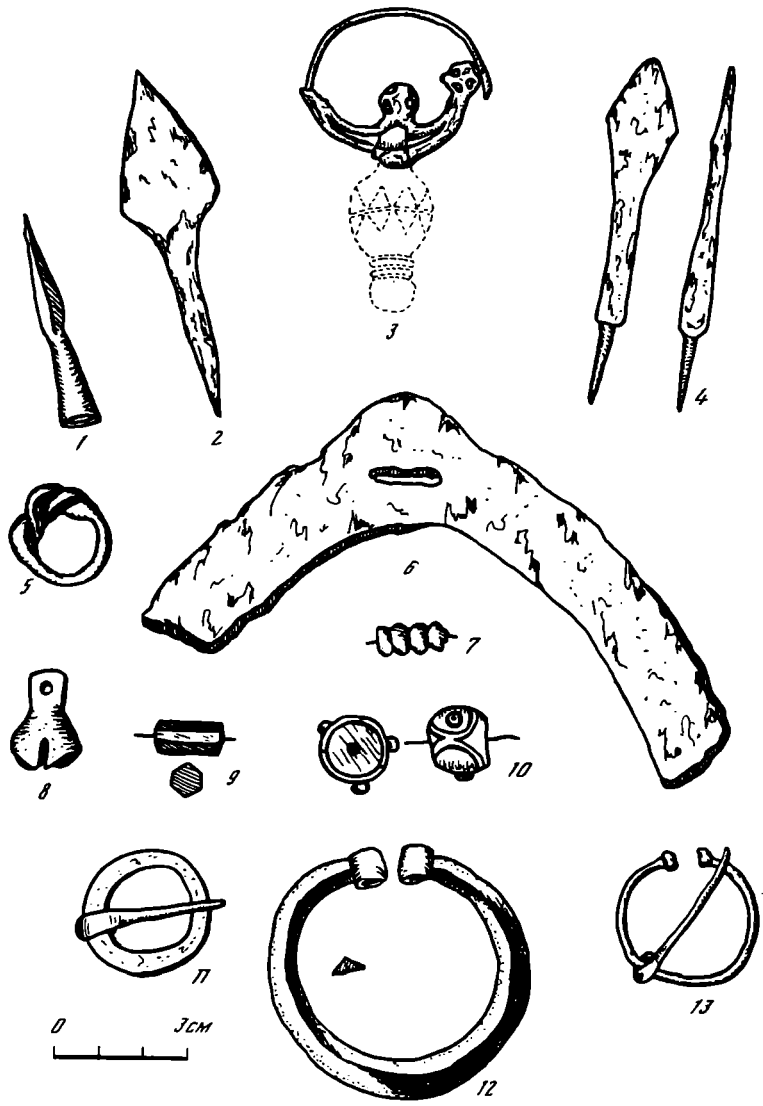


Рис. 3. Находки из раскопок А.Г. Митрофанова 1954 г. (*2, 3*) и Э.М. Загорульского 1963 г. (*1, 4 – 13*) в первоначальном Менске (на р. Менке)

быть гораздо более надежным при широком комплексном исследовании как погребального обряда тех или иных мест, так и при сопоставлении его распространения с распространением скоплений населения в этих местах. Как бы там ни было, Г.Ф. Соловьева эти "племена" выделила, но работала она, естественно, только на материале раскопанных курганов. В зоне радимических поселений ее восемь групп охватили вовсе не всю их территорию. Осталась земля, населенная несомненно этим же большим племенем (их раньше называли "союзы племен"), где особенностей в погребальном обряде установить не удалось. По площади же и по количеству памятников она превышала среднюю величину малых племен Г.Ф. Соловьевой приблизительно вдвое. Отсюда и возникло предположение, что существовало еще два малых радимических племени, не вошедших в восемь групп Г.Ф. Соловьевой (Алексеев Л.В., 1980, с. 42).

Наше "Менское" скопление поселений насчитывает сейчас, по нашим подсчетам, 81 курганную группу. Если учесть, что в этом скоплении наверняка есть группы, не вошедшие в археологическую литературу, и то, что за 800–900 лет (все курганы датируются здесь XI–XII вв.) многие памятники были распаханы, можно думать, что число древних деревень здесь превышало сотню. Все это позволяет предполагать, что перед нами малое дреговичское племя – "тысяча", центром его было городище на

Менке, которое и называлось по этой речке Менском. Переходя к вопросу о том, кто же жил на этом городище, Э.М. Загорульский указал, что на "территории древнейшего городища мог разместиться двор старейшины или представителя княжеской администрации" (Загорульский Э.М., 1982. с. 62). Из сообщения о мести княгини Ольги древлянам, мы знаем, что у древлян были свои князья ("Наши князи добри суть", – говорят они Ольге; Лаврентьевская летопись, 1927, с. 56). Князья эти были, видимо, выходцами из родо-племенной знати и возглавляли малые племена – "тысячи". Такой князь, можно думать, и сидел в Менске, возглавляя малое племя дреговичей, окруженное лесами. Это тем более вероятно, что на Менском городище было обнаружено несколько днищ сосудов с "трезубцем", напоминающим княжеский знак (Штыхов Г.В., 1978, с. 125, рис. 53, *16*; Загорульский Э.М. 1982, с. 62, рис. 15).

Во второй четверти – середине XI в. на Менском городище произошло какое-то событие, полностью прекратившее жизнь на нем на некоторое время. "Неясной остается причина прекращения на поселении жизни, – писал Э.М. Загорульский. – Нет основания говорить, что оно было разрушено, разграблено или сожжено. Наблюдения за размещением вещей в толще культурных наслоений больше наводят на мысль, что жизнь здесь затухает постепенно, становится все менее и менее интенсивной. Возможно, это было связано с процессом постепенной сегментации, выселением отдельных семей на новые места. Может это объясняется истощением почвы в результате длительного ведения экстенсивного хозяйства..." (Загорульский Э.М., 1982, с. 63). К сожалению, исследователь не указал, каким образом устанавливается эта постепенность оставления городища. В дальнейшем он полагает, что памятник на Менке и современный Минск друг с другом не связаны. Однако мы увидим, что связь здесь была самая непосредственная.

Завоевание "Менских дреговичей" Полоцком и основание Минска. XI в. был временем возникновения территории как Полоцкой, так и Турово-Пинской земель. «Прежде чем сюда дань пришла из Турова, – писал А.Н. Насонов, – дреговичи эти были втянуты в сферу полоцкой "власти". Клецеск и Случеск (расположенные южнее. – *Л.А.*) оказались в пределах туровских владений, более северные Изяславль и Минск – на территории Полоцкой "области"» (Насонов А.Н., 1949, с. 150). Маститый исследователь еще не знал, что в Минске слоев первой половины XI в. нет. Лишь Изяславль был в окружении сел X в. и сам возник в X в. (Заяц Ю.А., 1995). По исследованиям Ю.А. Заяца, окрестности Заславля были заселены как дреговичскими селами, так и кривичскими – здесь проходила граница этих племен. Итак, в X в. южным форпостом полочан была крепость Изяславль, воздвигнутая, вероятно, Изяславом Владимировичем Полоцким, сыном Рогнеды (он умер в 1001 г.). Южнее были села "Менских дреговичей", не охваченные данью, и в XI в. началось освоение их Полоцком. Нам трудно решить, кто из полоцких князей двинул туда свои дружины с даньщиками. Дреговичи были племенем, которое платило дань в Туров, Туров же находился под эгидой Киева, и захват северной их части полочанами грозил, конечно, большим конфликтом. Маловероятно, что на завоевание ее двинулся полоцкий Брячислав (1001–1044). Получив в 1021 г. ключевые позиции на волоках Пути из варяг в греки – Усвят и Витебск, он по свидетельству летописи, заключил, как мы писали, союз с Ярославом Мудрым и воевал с ним вместе "все дни живота своего" (Алексеев Л.В., 1966, с. 240, 241). Значит, захватить северных дреговичей он мог в первые два десятилетия XI в. Однако, как показали раскопки, мощнейшая крепость в среде "Менских дреговичей" возникла только при Всеславе в 1060-х годах. Кажется вероятным, что именно он и захватил соседнее малое племя. Если это так, то это могло произойти лишь в первые 16 лет правления Всеслава (1044–1101), когда он был еще слаб и не боролся с Киевом и Новгородом, как позднее. После похода вместе с Ярославичами на торков в 1060 г. дружественные отношения с ними этого князя, как мы знаем, прекратились надолго; более того, что-то не поделив с ними, Всеслав вернулся в Полоцк их заклятым врагом. Началась длительная эпоха сплошных войн полоцкого князя с его дальними южнорусскими родственниками.

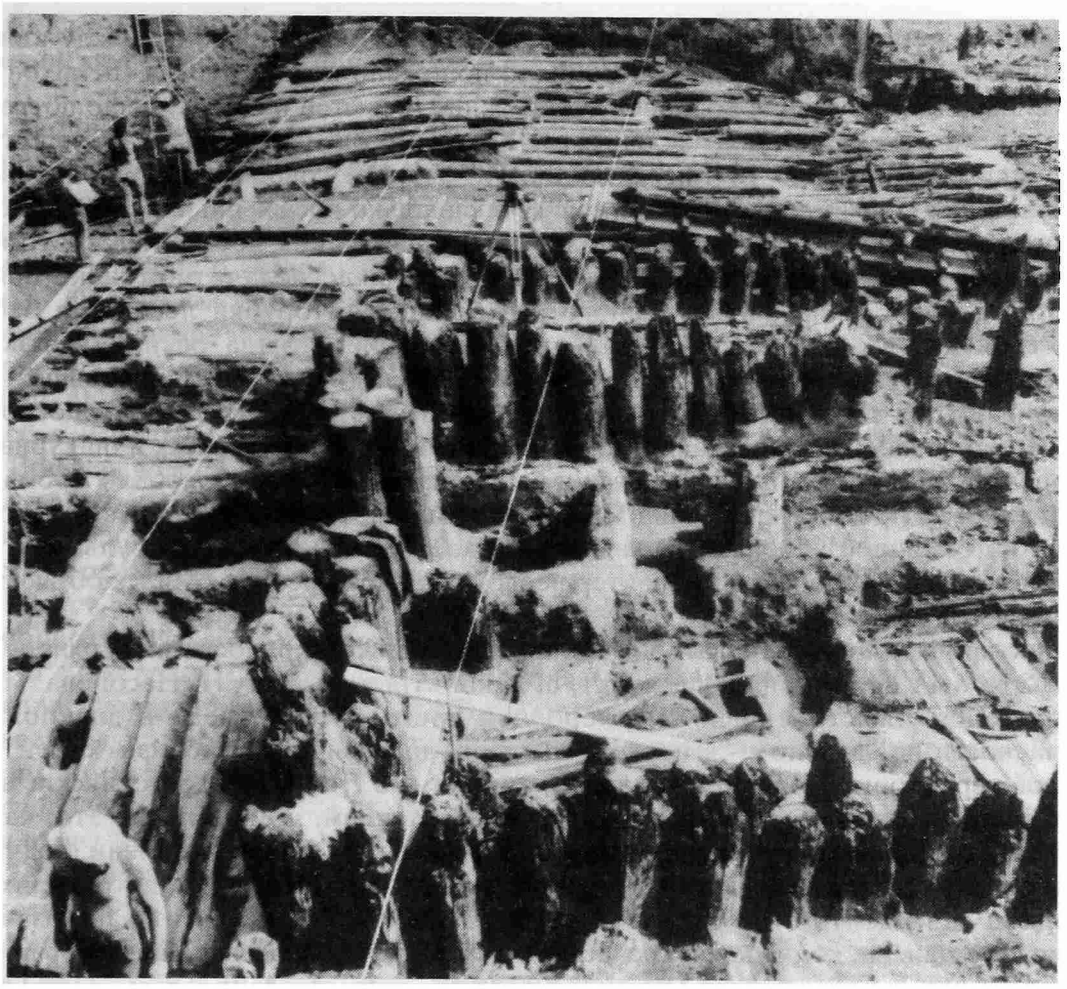


Рис. 4. Субструкции вала и проездные ворота на Минском детинце (на р. Свислочь, раскопки Г.В. Штыхова 1984 г.). Горизонтальные бревна – субструкция вала XI в., столбовое сооружение – остатки проездной башни XVI–XVII вв. Внутри башни видна въездная деревянная мостовая

Таким образом, можно думать, что этот воинственный князь лишь первые 16 лет своего правления занимался внутренними делами и тогда-то и распространил полоцкую дань на одно из малых племен соседних дреговичей и в их среде поставил крепость Минск. В самом деле, судя по раскопкам В.Р. Тарасенко и Э.М. Загорульского в Минске, здесь нет слоев ранее середины XI в. За все годы раскопок из вещей первой половины XI в. здесь найдены одна (!) бусина-лимонка и одна-две глазчатых бусины. И это при огромном количестве вещей более поздних! (Загорульский Э.М., 1982, с. 139; Высоцкая Н.Ф., 1984, с. 102, 103). Есть все основания утверждать, что "самые ранние слои Минска близки к середине XI в." (Загорульский Э.М., 1982, с. 139).

Какую же историческую картину нам удается наметить? Полагая, что где-то у Минска проходила южная граница Полоцких земель, Э.М. Загорульский определил, что это пограничный пункт Полоцка. Но это неверно: полоцкая граница шла южнее "менских дреговичей" – там, где кончалось скопление их деревень и за полосой лесов начиналось слуцкое скопление (на что мы указывали неоднократно, см.: Алексеев Л.В., 1966, с. 80; 1975, с. 225). Поражает беспрецедентная мощность крепости Минск, восьмиметровый вал которой (рис. 4) был открыт раскопками на месте станции метро второй очереди в 1984–1986 гг. При ширине 14 м вал окружал площадь, как сказано, в 3 га и в длину, следовательно, простирался на 900 м. Он был насыпан в необжитой местности, имел мощную субструкцию из молодого соснового леса,

уложенного через каждые 20–30 см поперек вала в девять рядов. Между каждым таким настилом из бревен, вдоль него было положено по 3–4 бревна (Штыхов Г.В., 1986, с. 25). На сооружение подобной субструкции (без стен и башен) было потрачено не менее 40 тыс. стволов – целый лес. Каждый год, следовательно, для такой постройки срубалось по 10 тыс. стволов. По данным современных справочников (консультация Института леса РАН), сейчас специально посаженный лес 20-ти летней давности содержит по 5–10 тыс. стволов на 1 га. В диких лесах XI в., к тому же смешанных, величина площади, с которой можно было получить столько прямых стволов, должна была быть во много раз большей. Порубка лесов для беспрецедентной в этих местах громадной крепости должна была осуществляться на огромном пространстве массой лесорубов в течение четырех лет. Еще больше людей нужно было для земляных работ по возведению валов, рвов, требовалось огромное количество подвод для перевозки грунта, стволов из лесов (их в лесах и ошкуривали). Наконец, рубился особый лес для стен и башен на валах и т.д. Подобных громадных сооружений на протяжении границ Полоцкой земли нет, и нам совершенно ясно, что это не пограничное укрепление, как продолжает думать Э.М. Загорульский. Бросившийся ему в глаза военный характер первоначальной крепости Минск объясняется совсем иным образом.

У нас принято недооценивать возникновение минской крепости на верхней Свислочи. Это был не пограничный пункт, а, используя термин А.Н. Насонова, "центр принуждения", выстроенный в чужеродной дреговичской среде и для большей безопасности не "далеко" – в центре "Менских дреговичей", а вблизи "своей" кривичской территории Полоцкой земли. Колонизуемые Полоцком дреговичские земли были густо заселены чужеродным для него населением, но население это, как мы говорили, составляло плотную племенную организацию малого племени, подчинявшегося своему князю, жившему в центре на Менке[1]. Не удивительно, что с приходом полоцкой дани центр этот должен был быть уничтожен, князь изгнан и заменен полоцким ставленником в новой крепости. В ней концентрировалась дань, собранная со всего племени и, уходившая в Полоцк. Крепость, куда она собиралась, несомненно, требовала мощных укреплений и большого военного гарнизона. Не исключено, что там ожидались и карательные действия туровского князя, лишившегося возможного дохода с малого племени дреговичей. В течение четырех лет Всеслав такую крепость воздвиг, переселил в нее бывших жителей Менского городища и умышленно дал ей то же название (вспомним белорусское произношение слова Минск – Менск!), подчеркивая, что со старым покончено. Напомню, что *в это же время* Смоленск на "гнездовской стадии" с возникновением княжеской власти был перенесен на новое место и с тем же названием "Смоленск", старое же место стало именоваться Гнездом: "Я предполагаю, что наименование Гнездово, – писал Т. Арне, – возникло после основания теперешнего Смоленска, чтобы обозначить гнездо, из которого развился город" (Arne T.J., 1952, p. 143; Алексеев Л.В., 1980, с. 145). Как именовалось наше поселение на Менке после выселения его жителей, мы не знаем.

Минское княжество. Полоцкая земля, как мы знаем, одна из первых открыла путь феодальной раздробленности Руси, отделившись от нее уже в начале XI в. К XII в. внутри самой этой земли начался подобный процесс и вспыхнули необычайно расшатывающие страну феодальные войны. Все началось, по-видимому, с последних лет жизни Всеслава или сразу после его смерти (1101 г.). Его шесть сыновей получили отдельные владения и разделили страну на удельные княжения. Некоторые такие княжения без труда улавливаются по скоплениям курганов, отражающих скопления сел.

Самое раннее и самое крупное скопление их было в богатом рыбой озерном краю левобережья Западной Двины (Полоцко-Ушачское скопление), к которому с севера

[1] У "Менских дреговичей" почти нет курганов с сожжением (X в.). Не бежало ли сюда в необжитые места дреговичское население в XI в., спасаясь от туровской дани, но попало в данники Полоцка?

примыкали поселения по р. Полоте (Алексеев Л.В., 1975, с. 212) (рис. 1). Здесь в изобилии встречены курганные группы с кремацией и лепными урнами IX–X вв. (по Г.В. Штыхову, даже VIII–X вв., см.: Штыхов Г.В., 1992, с. 46–51). Южная граница этого скопления сохранялась даже до XVI в., когда именно здесь проходила граница Полоцкого повета (Оглоблин Н.Н., 1880, карта). В XII в. здесь, видимо, кончалась Полоцкая волость – владения князя, сидевшего в самом Полоцке. Это та волость, которой причинил вред бежавший в Минск из Полоцка (до этого полоцкий князь) Ростислав Глебович: "Много зла сотвори волости полотьской, воюя и скоты и челядью..." (1159 г., см.: Ипатьевская летопись, 1962, с. 495, 496).

Другое скопление поселений было на верхней Друти и на соседнем правобережье Днепра. Славяне обживали здесь земли с рубежа X и XI вв. (останки кремированных покойников – в гончарных урнах типа Гнездова, см.: Романов Е.Р., 1900, с. 144–146; Алексеев Л.В., 1966, с. 42, 43; Алексеев Л.В., Сергеева З.М., 1973, с. 51–53). Это была Друцкая волость со своим князем.

Третье скопление улавливается у Минска, оно возникло на базе "Менских дреговичей" в XI в. или на рубеже XI и XII вв. Здесь образовалось Минское княжество-волость (в основном курганы с ингумацией, см.: Лысенко П.Ф., 1991, с. 22, 28, карты) (рис. 1).

Старшими князьями – сыновьями Всеслава были Давид, Борис и Глеб (именно их помянул в Святой земле, молясь о русских князьях, Даниил Мних в 1106–1108 гг., см.: Паломник Даниила Мниха, 1891, с. 67). Давид наследовал Полоцк и до 1127 г. стоял во главе Земли; Борис, судя по княжению сына и внука, стал друцким князем, Глеб – минским. Когда это могло быть?

В своей работе 1994 г. Э.М. Загорульский считает, что в ладье, переправлявшейся через Днепр, направляясь на переговоры с Ярославичами, Всеслав Полоцкий ехал "с двума сынома", из которых один был Глеб (1067 г.). Он считает, что малолетний Глеб был уже минским князем и видит этому подтверждение в том, что сын Мономаха Мстислав стал новгородским князем в 12 лет, Ярослав Владимирович – туровским князем в 6 лет и т.д. (Загорульский Э.М., 1994, с. 52, 53). Но не приходится сомневаться, что на переговоры на Ршу Всеслав ехал с двумя старшими сыновьями, т.е. с Давидом и Борисом (Борис, названный, как и Глеб, в память русских первомучеников, был, несомненно, старше Глеба). Однако, если по каким-то причинам один из княжичей был не Борис, а Глеб, то доказательства того, что Глеб сел на минский стол еще малолетним, все-таки очень шатки. Как мы указали выше, гораздо вероятнее, что "Менские дреговичи" составили отдельное княжение внутри Полоцкого княжества в конце жизни Всеслава или даже после его смерти.

Что же мы знаем по начальной истории Минского удельного княжества в XII–XIII вв.? Отношения между Всеславичами сложились так, что основные полоцкие князья большей частью воевали с минскими Глебовичами и прежде всего с самим князем Глебом. В самом деле: об остальных пятерых братьях Всеславичах мы почти ничего не знаем, в то время как о Глебе Минском летопись сообщает неоднократно и он всегда – активная сторона.

1. В конце XI в. Глеб женится на дочери Ярополка Изяславича.
2. В 1101 г. (может быть ранее) получает Минский удел с отстроенной еще отцом крепостью Менск (Минск).
3. В 1104 г., совершив какой-то проступок против братьев, подвергся их нападению, которое удалось отбить. Враждует с великим князем Святополком Изяславичем Киевским.
4. В 1106 г. терпит вместе с братьями поражение от земгалов. До этого, следовательно, примирился с братьями и принял участие в их походе на это прибалтийское племя.
5. Между 1104 и 1108 гг., примирившись со Святополком Киевским, входит в его антимономаховскую коалицию.

6. В 1108 г. отстраивает трапезную в Печерском монастыре и вкладывает в него большие суммы гривен (Ипатьевская летопись, 1962, стб. 492, 493).
7. До 1116 г. состоит в тесном союзе с друцкими князьями, с Оршей и Копысью.
8. Около 1116 г., несмотря на смерть его главного союзника Святополка Киевского (1113 г.), нападает на слуцких дреговичей. В наказание в 1116 г. осажден в Минске Мономахом, униженно кланяется с детьми перед воротами своего города, прося о пощаде.
9. В 1117 г., по-видимому, надеясь на союз с полоцкими князьями – его братьями – вновь нападает на владения южнорусских князей на Новогрудскую и Смоленскую (Слуцкую?) волости.
10. В 1117 г. вновь осажден карательным войском из Киева, предводительствуемым на этот раз сыном Мономаха Мстиславом Великим, вторично сдает город и теперь увозится в киевский плен, где и умирает (1119 г.).

Чем же объяснить столь энергичную военную деятельность Глеба Минского? Что позволяло ему так бесстрашно бросаться в бой, на что он опирался, на что рассчитывал, в чем была его сила? Авантюрные гены отца потому смогли получить некоторую реализацию в минском князе, что он был очень богат – как благодаря удачной женитьбе на дочери южнорусского князя – родного брата киевского Святополка, несомненно, с большим приданым, селами и людьми, так и потому (и это, очевидно, главное), что ему досталась густо населенная местность "Менских дреговичей". Не зря именно в этой волости Всеслав отстроил огромную крепость, подобия которой не воздвиг в других местах, например, в Друцке, где крепость была втрое меньшей (Алексеев Л.В., 1966, с. 149–161).

Обладая большим количеством земель интенсивно заселенных целым племенем (дреговичи) – "тысячью", по Б.А. Рыбакову, Глеб Всеславич вынашивал, несомненно, идею независимости своих владений от Полоцка, укрупнения ее за счет соседних земель и находился в постоянной вражде с братьями. Если в столице Полоцкой земли 40 лет назад его отец демонстрировал независимость и отстроил громадный храм, посвященный, как в Царьграде, Киеве и Новгороде святой Софии, то здесь в масштабах Минского княжества князь Глеб возводит свой каменный храм, посвященный покровительнице русского воинства и русского города – Богородице (Лихачев Д.С., 1985, с. 18). Как мы стремимся показать в другой работе (Алексеев Л.В., 1996), остальные Всеславичи в это время или несколько позднее из камня (плинфы) строили церкви (главным образом усыпальницы своих родов) только в Полоцке, а в своих удельных "столицах" (Друцк, Логожеск) – из дерева. "Изгойный" же князь Глеб – единственный из братьев, кто задумал каменное строительство у себя в Минске. Его своеобразный храм (четырехстолпный, а не шестистолпный, выложенный из рваного камня на белой извести (Тарасенко В.Р., 1957, с. 220–228)) напоминает романский Запад (реконструкцию см.: Лаврецкий Г.А., 1994), и Э.М. Загорульский предположил, что строили его поляки и именно в тот момент (1071–1073 гг.), когда во главе Полоцкой земли сидел не Всеслав, а Мстислав Изяславич, а потом его брат Святополк. Оставалось предположить, что брат последнего Ярополк, разбивший Всеслава под неким Голотическом (1071 г.), был посажен в Минске и, будучи женат на польской принцессе, мог пригласить в Минск польских зодчих... и т.д. Как было установлено раскопками, храм не был достроен, его строительство окончилось возведением фундамента (и может быть нижних частей стен), и это обстоятельство Э.М. Загорульский связывает с возвращением Всеславичей в Полоцкую землю в 1073 г. Он полагает также, что если бы церковь строили свои князья, то они отдали бы предпочтение зодчему, "связанному с полоцкими архитектурными и строительными традициями", "ведь опыт кирпичного строительства у зодчих Полоцкой земли был более чем достаточный" (Загорульский Э.М., 1994, с. 51 и 53). Ученый забывает, что в XI в. в Полоцкой земле была построена только София (1060–1066 гг.), строителями ее были византийцы и говорить о своих полоцких традициях для этого времени мы не имеем права. Итак, само по себе интересное построение исследователя, с нашей точки

зрения, не может быть принято из-за обилия допущений, на которых оно зиждется. Минский храм, скорее, построен в конце XI (может быть в начале XII) в., его строителем был все-таки Глеб Всеславич. Храм должен был ярко демонстрировать независимость минских князей от Полоцка, но осуществить это Глебу не было суждено. После его пленения Минск надолго был оторван от Глебовичей. Однако крайне интересно, что в XII в. хорошо знали, что Минск – город на территории дреговичского племени. Так, в 1132 г., например, в период, когда полоцкие князья были высланы киевскими князьями в Византию, когда полочане изгнали князя – ставленника Киева и посадили своего Василька, последний не претендует на Минское княжение. Минском владеет Мстислав Изяславич, только что бывший полоцким князем, но теперь князь Переяславский. Выведя его "с нужею" оттуда, Ярополк прибавил ему остаток "передние волости его", к Минску – Туров и Пинск (Лаврентьевская летопись, 1927, с. 302; Поппэ А.В., 1966, с. 66), т.е. всю территорию дреговичей! И, конечно, это неслучайно.

Попробуем суммировать наши данные. В центральной части современной Белоруссии, в районе верхней Птичи, на ее притоке Менке и южнее в конце X – начале XI в. образовалось сравнительно большое и, вероятно, укрепленное поселение площадью в 1 га, окруженное многочисленными дреговичскими деревнями этого же времени. Отделенное от новогрудского, слуцкого и свислочского (нижняя Свислочь) скоплений поселений дреговичей безлюдными пространствами лесов, это "Менское" скопление на севере граничило (и частично смешивалось) с изяславльским скоплением поселений, а в целом оно представляло собой, по-видимому, одно из малых племен, органически входивших в большой комплекс племен дреговичей. Подобных больших городищ в окрестностях на территории Менских дреговичей более нет, и это позволяет думать, что в центре на Менке ("Менске"?) обитал глава малого племени из местной родовой знати – дреговичский князь.

Находки кладов и отдельных арабских и западноевропейских монет конца X – начала XI в. на территории менского скопления дреговичей (чаще вблизи городища на Менке см.: Алексеев Л.В., 1966, с. 85) свидетельствуют о том, что через их центр проходил по рекам торный, сравнительно торговый путь, пересекавший севернее Днепро-Неманский водораздел и уходивший далее на север (клады у д. Симоны, г. Поставы и т.д.) – на Западную Двину и далее в Прибалтику (рис. 1).

В XI в. территория северного племени дреговичей (Менских) вошла в сферу влияния Полоцка, опередив тем самым проникновение сюда феодальной дани из Турова, где создавалось на базе дреговичей свое Турово-Пинское княжество – Земля. Сходившаяся со всего "Менского" племени дань собиралась первоначально, можно полагать, в центре на Менке и позднее уходила в Полоцк. Все это требовало охраны, наличия гарнизона и т.д. Исходя из этого, в 1163–1166 гг. Всеслав Полоцкий возвел поблизости, у впадения в Свислочь р. Немиги мощнейшую крепость (площадью 3 га), назвав ее, как кажется, прежним именем Менск и переселив сюда жителей центра на Менке (Менске).

Историческая обстановка в районе "Менеска" и Минска, как уже отмечалось выше, в миниатюре повторяет ситуацию того же времени, возникшую в районе "гнездовского Смоленска" и Смоленска. Смоленск на гнездовской стадии возник на мощной торговой коммуникации Пути из варяг в греки, по которой сновали южнорусские, скандинавские купцы и торговцы (о чем блестяще рассказывают археологические находки). Крупный центр кривичского населения верховьев Волги, Двины и Днепра (Лаврентьевская летопись, 1927, с. 10) Смоленск пережил свой расцвет в X в. и перестал существовать с появлением "княжеского" Смоленска в начале XI в. (Алексеев Л.В., 1979; Лебедев Г.С., 1985, с. 230). Это была громадная крепость, куда, по-видимому, и было переведено все гнездовское население (Алексеев Л.В., 1980, с. 135–146). Конечно, на этом великом пути все было грандиознее и началось по времени немного ранее, чем на р. Менке, однако ситуация здесь была той же, большое количество кладов арабских и западноевропейских монет (отдельные находки

тех и других)[2], как и отдельные скандинавские вещи[3], указывают на торговый путь X – начала XI в., идущий с Западной Двины в районе Браславщины через "Менеск" в Днепр. Отметим также почти одинаковые западноевропейские подвески X – начала XI в., найденные как в гнездовском Смоленске, так и в "Менеске". Подвески серебряные, с филигранной бусиной волынского типа (Алексеев Л.В., 1966, с. 147, рис. 29, *1*). Подобные были найдены в Гнездове ранее (Перхавко В.Б., 1987, с. 29, рис. 1, *5*), а полностью аналогичные найдены в Гнездовском кладе в 1993 г. (еще не опубликованы, хранятся в ГИМ). Такая же подвеска происходит из Приднепровья (Корзухина Г.Ф., 1946, с. 48, рис. 12*а*). Близкая известна из Эсмон Могилевской губернии (Перхавко В.Б., 1987, рис. 1, *4*).

Все сказанное позволяет заключить, что как гнездовский Смоленск, так и "Менеск" на р. Менке находились в близких исторических условиях и возникли на одной и той же стадии развития древнерусского предгородского поселения – явления, нужно думать, распространенного по всей Руси в IX – начале XI в., но в деталях еще не изученного (не выявленного).

В XII в. после создания особого минского княжеского удела многочисленные "минские дреговичи", приносившие князю большие доходы, были, по-видимому, главной причиной, побудившей Глеба Минского к борьбе за независимость от Полоцка, к авантюрным попыткам приращения своих земель за счет соседей, что и привело, как мы видели, к весьма трагическим последствиям и к извечной вражде минских князей со всеми остальными полоцкими князьями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алексеев Л.В., 1966. Полоцкая земля. М.

Алексеев Л.В., 1975. Полоцкая земля // Древнерусские княжества X–XIII вв. М.

Алексеев Л.В., 1977. О древнем Смоленске // СА. № 1.

Алексеев Л.В., 1978. Некоторые вопросы заселенности и развития западнорусских земель в IX–XIII вв. // Древняя Русь и славяне. М.

Алексеев Л.В., 1979. О древнем Смоленске // СА. № 1.

Алексеев Л.В., 1980. Смоленская земля в IX–XIII вв. М.

Алексеев Л.В., 1996. Домонгольская архитектура Северной Белоруссии в историческом осмыслении // РА. № 2.

Алексеев Л.В., Сергеева З.М., 1973. Раскопки курганов в Восточной Белоруссии // КСИА. Вып. 135.

Высоцкая Н.Ф., 1984. Дэкаратыуна-прыкладное мастацтва Беларусі XII–XVIII ст.ст. Мінск.

Дучыц Л.У., 1991. Браслаўскае Паазер'е ў IX–XIV ст.ст. Мінск.

Завитневич В.Е., 1890. О курганах Минской губернии // Календарь северо-западного края на 1890 год. М.

Загорульский Э.М., 1982. Возникновение Минска. Минск.

Загорульский Э.М., 1994. Древнейший минский храм // Веснік беларускага экзархата. № 9–10. Мінск.

---

[2] На этом пути: клад в б. Дисснинском уезде 1867 г. со 135 монетами, клад у д. Ахремцы 1888 г. на правом берегу р. Дриссы с 24 диргемами, две аббасидских находки у г. Видз 1870 г., клад у д. Красное Дисснинского уезда 1896 г., диргем X в. из Миорского района 1965 г., клад у Старопогостского оз. 1890-х годов, два клада в Горовлянах Глубокского района (1965 г.), диргемы в Прудниках (Дучыц Л.У., 1991, с. 70). На южном окончании этого пути: три больших клада – у д. Новый Двор в 3 км от "Менска", зарытый около 1000 г., у д. Лецковщина в 7 км от "Менска" (816–911 гг.), "около Минска в имении графа К. Гуттен-Чапского", найденный в 1894 г. (всего 500 диргемов) (Штыхов Г.В., 1978, с. 64).

[3] Дучыц Л.У., 1991, с. 60, рис. 34, *1, 7* (скорлупообразная фибула, равноплечная фибула и др.). Исследовательница со всем основанием считает, что городище Мацковичи, где она обнаружила не только скандинавские вещи, но и рунические надписи, было торговой факторией.

Заяц Ю.А., 1995. Заславль в эпоху феодализма. Минск.
Ипатьевская летопись, 1962 // ПСРЛ. Т. 2. М.
Корзухина Г.Ф., 1946. О технике тиснения и перегородчатые эмали в древней Руси X–XII вв. // КСИИМК. Вып. XIII.
Лаврентьевская летопись, 1927. // ПСРЛ. Т. 1. М.
Лаврецкий Г.А., 1994. Опыт графической реконструкции храма на минском Замчище // Веснік Беларускага экзархата № 10–11. Мінск.
Лебедев Г.С., 1985. Эпоха викингов в Северной Европе. Л.
Лихачев Д.С., 1985. Градозащитная семантика Успенских храмов на Руси // Успенский собор Московского кремля. М.
Лысенко П.Ф., 1991. Дреговичи. Минск.
Насонов А.Н., 1949. "Русская земля" и образование территории Древнерусского государства. М.
Оглоблин Н.Н., 1880. Объяснительная записка к карте Полоцкого повета второй половины XVI в. // Сборник археологического института. Кн. 4. СПб.
Паломник Даниила Мниха, 1891. СПб.
Перхавко В.Б., 1987. Западные элементы в раннесредневековой культуре междуречья Днепра и Немана // КСИА. Вып. 187.
Поппэ А.В., 1966. Учредительная грамота Смоленской епископии // Археографический ежегодник за 1965 год. М.
Романов Е.Р., 1900. Раскопки в Могилевской губернии в 1888 году // Древности. ТМАО. Т. XIII. Вып. 1.
Рыбаков Б.А., 1982. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М.
Сербау І.А., 1927. Археалагічныя раскопкі у аколіцах Менску у 1925 годзе // Гістарычна-археалогічны зборнік. Менск.
Соловьева Г.Ф., 1956. Славянские союзы племен по археологическим материалам VIII–XIV вв. // СА. Т. XXV.
Спицын А.А., 1899. Обозрение некоторых губерний и областей России в археологическом отношении. Минская губерния // ЗРАО. Т. XI. Вып. 1–2. СПб.
Тарасенко В.Р., 1957. Древний Минск // Материалы по археологии БССР. Минск.
Ткачев М.А., 1969. Прорезка вала городища на Менке // Тез. докл. конф. по археологии Белоруссии. Минск.
Штыхов Г.В., 1978. Города Полоцкой земли (IX–XIII вв.). Минск.
Штыхов Г.В., 1986. Ворота XII века в Минске // Метрострой. № 6. М.
Штыхау Г.В., 1992. Крывічы. Мінск.
Arne T.J., 1952. Die Varägerfrage und die sowietrussische Forschung // Acta archeologica. Kjøbenhavn.
Łowmian'ski H., 1967. Początki Pol'ski. T. 3. Warszawa.

Институт археологии РАН,
Москва

L.V. ALEKSEEV

"MENKA DREGOVICHES" AND POLOTSK PRINCES

Summary

The paper is dedicates to the description of the destiny that befell a small group of a Slav tribe called Dregoviches that, judging by an abundance of kurgans dating to the 11th-12th centuries was enclosed between the forests that grew around their tribal (as the author thinks) center located on the river Menka (Belorussia). The concentration of kurgans in this region accounts for more than 80 groups of mounds and, consequently, villages that were synchronous with them. A huge hill-fort (the area of one hectare) on the river Menka (16 km away from Minsk) dates to the 10th-beginning of the 11th century. In the 11th

century the Dregoviches created their own Turovo principality but the tribe that lived on the river Menka had been earlier captured by the Polotsk principality. Based on dendrochronological data, in 1063–1066 a strong (Zga) fortress Mensk was built on the territory of modern Minsk, apparently, by Vseslav of Polotsk (1044–1101), where all duties and taxes gathered for Polotsk were sent. After the death of Vseslav a Minsk independent principality was set up that was headed by Vseslav's son called Gleb. The life in the hill-fort on the river Menka came to a standstill in the middle of the 11th century. It is possible that its population was moved to live near the walls of a new fortress that got the same name. Energetic adventurous activity of Gleb Minsky whose life was described in chronicles was, apparently, explained by the fact that he owned a lot of Dregivoch peasants who had to pay him duties and taxes and that he successfully married a daughter of a rich prince from Southern Russia. But all attempts made by Gleb to increase his lands area at the expense of his neighbors failed and he was deported to Kiev where he died (1119). The situation that developed on the river Menka where the tribal center was abandoned and a large feudal center appeared near it reminds of a historical situation in ancient Smolensk at the Gnezdovsk stage, and later at the feudal stage.

А.М. КОЛЫЗИН

ИГРУШКИ И ИГРЫ XII–XVII вв.

(по данным археологических исследований Московского Кремля)

Игрушки были неотъемлемой частью духовной культуры и быта русского народа в средневековье. В них находили свое выражение представления людей о природе, окружающем мире, о человеке. Одновременно с этим средневековая игрушка является важным источником по истории декоративно-прикладного искусства, несет информацию о технологии гончарного производства. Частые находки игрушек, а также предметов игр, как спортивно-развлекательных, так и логических, дают наглядное представление о досуге русского человека в древности.

Специальных работ, посвященных игрушкам, известно не много. Хронологически первой из них является статья М.В. Фехнер, в которой автор рассматривает виды, технологию изготовления и обжига, а также хронологические рамки бытования глиняных игрушек, найденных при раскопках на территории бывшей гончарной слободы в устье р. Яузы (Фехнер М.В., 1949).

В своей фундаментальной работе Р.Л. Розенфельдт распределил глиняные игрушки по цвету теста и декоративному оформлению поверхности. Он предложил свою хронологию игрушек (Розенфельдт Р.Л., 1968).

Исследованию региональных коллекций посвящены статьи Н.А. Морозовой и Т.Ф. Мухиной.

Т.Ф. Мухина в своей работе приходит к выводу о заимствовании суздальскими гончарами типов игрушек у московских гончаров, а также считает, что некоторые игрушки, найденные в Суздале, были привезены из Москвы (Мухина Т.Ф., 1992, с. 68).

Н.А. Морозова рассматривает материал более предметно. Помимо глиняных игрушек (которые, по материалам новгородских раскопок, составляют около 2% от всех игрушек) автором были изучены и другие категории: кожаные мячи, деревянные мечи, волчки, кубари, костяные бабки, музыкальные инструменты и др. Исследователь отмечает, что 76% игрушек в древнем Новгороде были изготовлены из дерева (Морозова Н.А., 1990).

Игрушки, найденные при археологических раскопках в г. Коломне, изучал М.М. Руденков (Руденков М.М., 1995)[1]. Приводя свою, отличную от предшествовавших классификацию, М.М. Руденков считает, что большинство игрушек средневековой Коломны относится ко второй половине XV–XVIII в. Важным является его вывод об аналогии форм и технологии производства коломенских игрушек с аналогичными изделиями из ближайшего центра гончарного производства – Москвы.

Исследований, посвященных средневековым играм, не так много. Исключение составляют шахматы. Фундаментальной работой по истории шахматной игры на Руси по археологическим данным является статья Е.А. Рыбиной (Рыбина Е.А., 1991). Изучив шахматные фигурки из раскопок древнерусских городов, исследователь делает важные выводы, один из которых – появление шахмат в южнорусских городах не

[1] Мы благодарны А.Б. Мазурову и М.М. Руденкову за предоставленную возможность ознакомиться с текстом дипломной работы последнего.

© А.М. Колызин, 1998 г.

ранее чем в XII в., а в Новгороде – лишь со второй половины XIII в., а не с X–XI вв., как считалось ранее.

Помимо этого имеются публикации об археологических раскопках, в которых авторы только отчасти затрагивают вопросы, связанные с игрушками и играми, или совсем не затрагивают их, ограничиваясь лишь упоминанием или, в лучшем случае, описанием находки.

Специальных работ, посвященных изучению средневековых игрушек и предметов игр из раскопок в Московском Кремле, до сих пор не было. Игрушки более позднего времени – XVIII в. – были подробно описаны в статье Н.С. Владимирской (Шеляпиной), в которой она рассмотрела материалы раскопок на Васильевском спуске в 1977 г. (Шеляпина Н.С., 1987). К настоящему времени назрела необходимость заполнить этот хронологический пробел и ввести в научный оборот средневековые игрушки, найденные в результате археологических работ в историческом центре нашей столицы – Московском Кремле[2]. Изделия XVIII в. будут рассмотрены по мере необходимости.

Глиняные игрушки из Московского Кремля мы разделили на четыре типа: зооморфные, антропоморфные, погремушки и прочие виды игрушек.

Зооморфные игрушки – самый значительный тип среди глиняных. Сюда входят коники, птички, медведи.

Первую группу зооморфных игрушек составляют коники. Всего их найдено в Московском Кремле 27 экз., что составляет 63% всех глиняных игрушек. По цвету глины и приему обработки поверхности они подразделяются на красноглиняные: с пятнами белого ангоба – 2 экз.; со сплошным покрытием белым ангобом – 9 экз.; с росписью по сплошному белому ангобу – 9 экз.; сероглиняные: со сплошным покрытием белым ангобом и росписью – 1 экз. и белоглиняные: без ангоба и росписи – 1 экз.; без ангоба, но с росписью – 2 экз.; с поливой по поверхности – 3 экз.

Из двух найденных в Кремле красноглиняных коников с пятнами белого ангоба первый обнаружен при археологических исследованиях 1960 г. в слое перекопа под водопроводом, построенным в XVII в. (Воронин Н.Н., Рабинович М.Г., 1961).

Второй коник найден в 1988 г. в восточной части Кремля при исследованиях у юго-западного угла здания Президиума Верховного Совета СССР, в районе Спасской башни. Коник полый, задние ноги и хвост обломаны. На поверхности – пятна белого ангоба (0,5–0,7 см). Датируется по сопутствующему материалу XV–XVI вв.

Таким образом, на основе археологических материалов Московского Кремля можно говорить, что красноглиняные коники с пятнами белого ангоба бытовали в XV–XVI вв. Эта датировка совпадает с предложенной Р.Л. Розенфельдтом (Розенфельдт Р.Л., 1968, с. 20–22).

Из девяти красноглиняных коников со сплошным ангобом без росписи, найденных на территории Московского Кремля, первый был обнаружен в 1978 г. у юго-западного угла здания Совета Министров СССР (здание бывшего Сената). От этого коника сохранилась только голова. Находка датируется XVI–XVII вв.

Пять коников найдены в процессе археологических исследований 1988 г. и происходят из восточной части Кремля. Два из них обнаружены при земляных работах в помещении Кремлевского театра (недалеко от Спасской башни). Обе игрушки полые. У одной лошадки утрачены хвост и задние ноги, а от второй сохранилась лишь задняя часть. Обе они обнаружены в слое перекопа XV–XVII вв. Три коника найдены у юго-западного угла здания Президиума Верховного Совета СССР. Один из них, от которого сохранились только тулово и сапог всадника, датируется по сопутствующей керамике XV–XVII вв. (рис. 1, *1*). Два других также сохранились не полностью. У одного утрачены голова и копыта, от другого остались лишь передние ноги. Оба датируются стратиграфически XV–XVI вв.

---

[2] Сюда включены игрушки, найденные вне кремлевских стен, но в непосредственной близости от них (Александровский сад, Алевизов ров), так как эта территория включена в Охранную зону Московского Кремля.

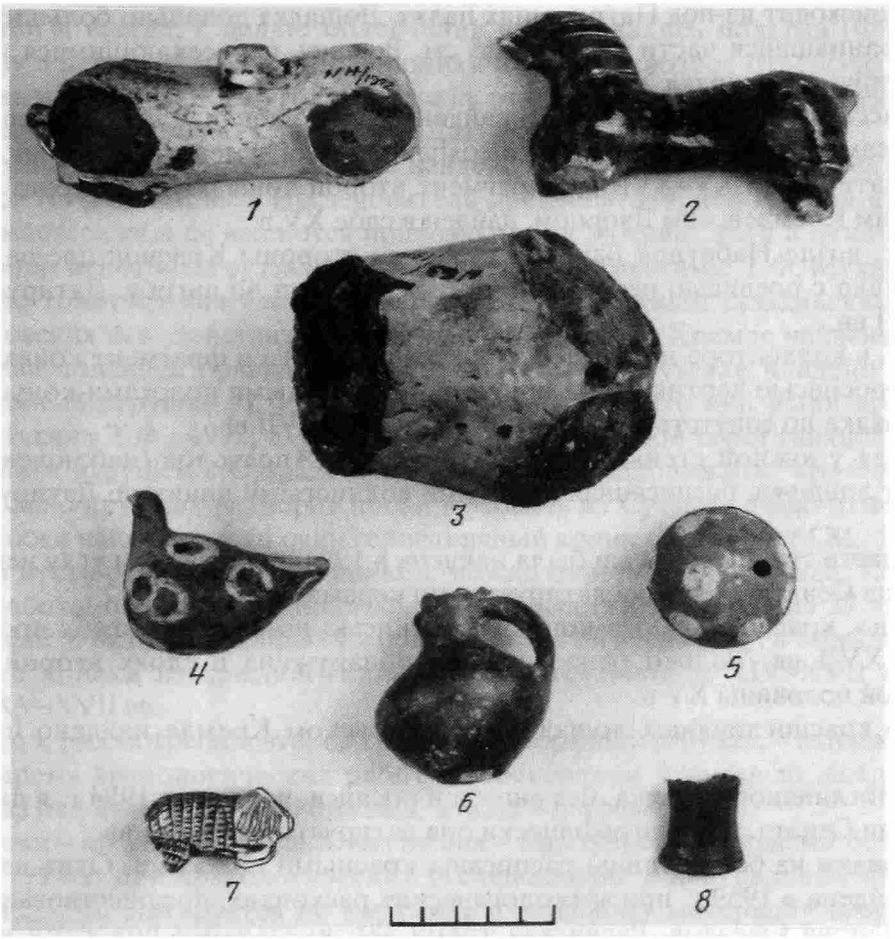


Рис. 1. Игрушки и шахматы из раскопок в Московском Кремле: *1* – красноглиняная лошадка со сплошным белым ангобом; *2* – белоглиняная лошадка с коричневой поливой; *3* – сероглиняная лошадка с белым ангобом; *4* – красноглиняная птичка-свистулька с кольцами белого ангоба; *5* – красноглиняная погремушка с пятнами белого ангоба; *6* – чернолощеный кувшинчик; *7* – белокаменная шахмата (слон); *8* – костяная шахмата

Три лошади найдены в 1994 г. в центральном дворе здания бывшего Сената (далее по тексту слово "бывшего" опускаем). От первой сохранилась лишь задняя часть тулова без ног и хвоста. У второй обломаны ноги и отсутствует голова. Оба коника обнаружены в слое XV в. От третьего коника сохранилась лишь задняя нога. Датируется находка XV–XVI вв. Как видно, красноглиняные коники, покрытые сплошным белым ангобом без росписи, бытовали в пределах двух столетий, а именно в XV–XVI вв. Аналогичных коников Р.Л. Розенфельдт датирует концом XIV–XVI в. (Розенфельдт Р.Л., 1968, с. 24). В Московском Кремле пока не встречено коников, покрытых сплошным белым ангобом, в слоях ранее XV в.

Рассмотрим красноглиняных коников с росписью по сплошному белому ангобу.

Первый из них был найден в 90-х годах XIX в. при земляных работах, связанных со строительством памятника императору Александру II, в юго-восточной части кремлевского холма. У лошадки отсутствует часть головы и хвост, ноги сохранились фрагментарно. Поверх ангоба роспись тонкими красными линиями (Султанов Н., 1898, с. 608, 609, рис. 100).

Еще два коника были обнаружены в процессе археологических раскопок 1965 г. Один сохранился частично (малая часть головы и шея). Он найден под Собором Двенадцати Апостолов. Роспись – тонкие волнистые красные линии поперек шеи, изображающие, по всей видимости, гриву. Датируется находка второй половиной XIV – первой половиной XV в. Второй, также дошедший с утратами (сохранилась только часть

тулова), происходит из-под Патриарших палат. Лошадка довольно больших размеров. Длина сохранившейся части тулова 11,5 см. Роспись пересекающимися косыми линиями. Датируется находка XV в.

В ходе исследований 1968 г. были найдены две лошадки, также с росписью красными полосами по белому ангобу. Обе сохранились фрагментарно. Коник из Тайницкого сада датируется XV–XVII вв. Фрагмент второй лошадки происходит из раскопа под Большим Кремлевским Дворцом, найден в слое XV в.

В 1972 г. возле Набатной башни Кремля со стороны Красной площади найдено тулово коника с росписью пересекающимися линиями по ангобу. Датируется находка XV–XVII вв.

В 1975 г. в коллекторе на Ивановской площади найден фрагмент коника (тулово с хвостом) с росписью вертикальными широкими красными полосами-кольцами. Датируется лошадка по сопутствующему материалу XV–XVII вв.

Из шурфа у южной стены Собора Двенадцати Апостолов (наблюдения 1977 г.) происходит лошадка, расписанная красными волнистыми линиями. Датируется коник XVII в.

Задняя часть тулова лошадки была найдена в 1994 г. в северном углу центрального двора здания Сената. Игрушка датируется по керамике XV в.

Как видно, красноглиняные коники с росписью по белому ангобу происходят из слоев XV–XVII вв. Только одна лошадка обнаружена в слоях второй половины XIV – первой половины XV в.

Помимо красноглиняных лошадок в Московском Кремле найдено шесть белоглиняных.

Нога белоглиняного коника, без ангоба и росписи, найдена в 1994 г. в центральном дворе здания Сената. Стратиграфически она датируется XV–XVI вв.

Две лошадки из белой глины расписаны красными полосами. Одна из них – свистулька, найдена в 1959 г. при археологических раскопках, предшествовавших строительству Дворца Съездов. Расписана тремя вертикальными полосами и датируется XVI–XVII вв. Существенно, что пока это единственная игрушка коник-свистулька, найденная за все время раскопок в Кремле. Аналогичная лошадка с такой же росписью, но не являющаяся свистулькой, найдена при археологических исследованиях на Васильевском спуске в 1977 г. От нее сохранились голова, передние ноги и часть тулова. Датируется игрушка XVI–XVII вв.

В культурном слое Кремля обнаружены три белоглиняные лошадки, покрытые коричневой поливой.

От одной игрушки, найденной в 1976 г. в траншее у Оружейной Палаты, сохранилось тулово и шея с вырезанными по глине острым предметом полосами, воспроизводящими гриву и седло (рис. 1, *2*). В задней части фигурки имеется несквозное сужающееся отверстие, которое доходит до середины тулова.

Второй коник, также украшенный прочерченными полосами, обнаружен в 1994 г. в траншее у южной стены здания Сената.

От третьего коника, найденного в 1994 г. в центральном дворе здания Сената, сохранились только передние ноги (два фрагмента).

В Коломне аналогичные поливные игрушки бытовали в конце XVII–XVIII в. Рассматриваемые коники из Московского Кремля найдены на глубине от 1 до 2 м и датируются тем же временем, что и коломенские поливные лошадки.

Фрагмент единственной сероглиняной игрушки-лошадки был найден в 1988 г. при археологических исследованиях в районе Кремлевского театра (рис. 1, *3*). Происходит коник из слоя пожара с перекопом. Игрушка сильно обожжена. Поверхность ее покрыта ангобом. Сохранились следы росписи – косые красные линии. Необходимо отметить довольно большой размер фигурки, что не характерно для кремлевских находок. Длина сохранившейся части тулова (немногим более половины от первоначального размера) равна 9,5 см, толщина – 6,5 см. Тулово полое, толщина стенки 1 см. М.В. Фехнер отмечала, что игрушки крупных размеров (10–15 см) изготавливались из

двух половин и всегда, с целью облегчения веса, делались полыми (Фехнер М.В., 1949). Снизу в передней части тулова коника имеется сквозное отверстие диаметром 5 мм. Голова и передние ноги утрачены, но не отколоты, так как технологически были изготовлены путем "налепа" к туловищу. Датируется коник XVII в.

Т.Ф. Мухина показала, что в Суздале найдено пять сероглиняных мореных игрушек (датируются XVII–XVIII вв.). Исследователь предполагает, что все они изготовлены местными мастерами и не являются привозными из Москвы, хотя и отмечает общую близость форм некоторых суздальских игрушек с московскими. Т.Ф. Мухина аргументирует свою точку зрения тем, что аналогов сероглиняным суздальским игрушкам среди московских нет. Действительно, пока в Московском Кремле найдена всего одна сероглиняная лошадка, правда, покрытая ангобом. В Суздале найдено только две ангобированные игрушки. Т.Ф. Мухина предполагает, что они были привезены из Москвы (Мухина Т.Ф., 1992, с. 68). Наличие единственной сероглиняной игрушки в Москве и пяти игрушек в Суздале позволяет нам предположить, что сероглиняный коник довольно крупных размеров попал в Москву из Суздаля. Надо отметить, что в Коломне также найден только один сероглиняный коник (Руденков М.М., 1995, с. 10).

Подводя итоги рассмотрению коников, можно отметить следующее. Коники "московской" работы были в большинстве своем красноглиняные (20 из 27 экз.), реже – белоглиняные (6 экз.). Сероглиняных коников, по всей видимости, в Москве не делали. Московские коники из красной глины датируются концом XIV–XVII вв., а белоглиняные XV–XVII вв.

Перейдем к рассмотрению второй группы зооморфных игрушек – птичек.

За все время археологических работ в Московском Кремле их найдено только 3 экз. Две из них являются свистульками, а одна – погремушкой.

Две птички – красноглиняные. Одна из них – свистулька, с кольцами белого ангоба, найдена в 1994 г. при археологических исследованиях в центральном дворе здания Сената (рис. 1, *4*). Датируется по керамике и вещевому материалу второй половиной XV в. – первой половиной XVI в. По классификации М.М. Руденкова это – курочка. Причем, по мнению этого исследователя, курочки отличаются от птичек, во-первых, тем, что имеют на голове подобие гребешка, и, во-вторых, в отличие от птичек, имеющих внизу четыре выступа-ножки, у курочек плоское дно и нет четкого основания. Все коломенские игрушки белоглиняные и сероглиняные, красноглиняных нет (Руденков М.М., 1995, с. 17; приложение, рис. 11). Датируются они XVI–XVIII вв. У кремлевской птички, при округлом основании, все же нет никакого подобия гребешка на голове. Она изготовлена из красной глины и датируется более ранним временем, чем коломенские.

Вторая красноглиняная птичка – погремушка, покрыта зеленой поливой. У нее плоское основание, в котором имеется небольшое отверстие. Найдена игрушка в 1959 г. при археологических раскопках на месте будущего Дворца Съездов. Н.Н. Воронин и М.Г. Рабинович датировали находку первой половиной XIII в. (Воронин Н.Н., Рабинович М.Г., 1963, с. 269). Р.Л. Розенфельдт не согласился с такой датировкой, считая, что эта игрушка была изготовлена в XV–XVI вв., аргументируя это тем, что собственные поливные изделия появляются в Москве только в XV в. (Розенфельдт Р.Л., 1968, с. 53). Исследователи установили, что начало массового производства поливных вещей в Москве относится к первой половине XIV в., хотя отходы поливного дела отмечены в культурном слое Московского Кремля уже в XIII в. В слоях XII – первой половины XIV в. в Москве попадаются лишь привозные поливные изделия из других древнерусских городов – Новгорода, Киева, Полоцка (Авдусина Т.Д. и др., 1984, с. 210). По всей видимости, рассматриваемая поливная птичка-погремушка является привозной, поэтому мы принимаем датировку игрушки, предложенную Н.Н. Ворониным и М.Г. Рабиновичем. Слоя перекопа, где обнаружена птичка, не зафиксировано. Исследователи датировали находку по вещевому материалу, характерному для XIII в. Известно, что в Новгороде в XIII–XIV вв. изготавливались поливные игрушки-птички (Арциховский А.В., 1948, с. 131, 132).

Третья игрушка – уточка-свистулька – изготовлена из белой глины. Ее поверхность покрыта поливой темно-серого цвета. Найдена она в 1977 г. при археологических исследованиях на Васильевском спуске и датируется XVIII в. (Шеляпина Н.С., 1987, с. 154, рис. 1, *г*).

Последняя группа зооморфных игрушек из Московского Кремля – медведи. За все время исследований их найдено всего 2 экз.

Первый из них обнаружен при строительстве памятника императору Александру II в 90-х годах XIX в. (Султанов Н., 1898, с. 608, 609, рис. 104). К сожалению, при описании некоторых игрушек Н. Султанов не указывает ни цвета глины, ни покрытия, ни росписи. Медведь (по всей видимости, красноглиняный) не имеет намордника. Ноги и уши у него обломаны[3].

Второй красноглиняный медведь – в намордник, без ангоба и росписи – найден при археологических исследованиях на территории Кремля в 1960 г. в траншее на Ивановской площади, над водопроводом, построенным в XVII в. Возможно, при сооружении водопровода игрушка оказалась перемещенной из более древнего слоя. Датируются медведи по московским материалам XIV – серединой XVII в. Прекращение изготовления игрушек-медведей в середине XVII в. связывается исследователями с ужесточившимися гонениями на скоморохов со стороны духовенства и светской власти (Фехнер М.В., 1949, с. 56). К этому же времени относится исчезновение игрушек-медведей в культурных слоях Суздаля (Мухина Т.Ф., 1992, с. 65) и Коломны (Руденков М.М., 1995, с. 14).

Второй тип глиняных игрушек средневековой Москвы – антропоморфные. В Кремле их найдено всего две.

Одна – голова "боярчонка" в высокой шляпе с меховым околышем и отбитым воротником "козырем" – обнаружена при строительстве памятника Александру II в 90-х годах прошлого века (Султанов Н., 1898, с. 608, 609, рис. 101).

Фрагмент второй игрушки – обломок человеческой фигуры, красноглиняный с белым ангобом, – найден в 1959 г. при строительстве Кремлевского Дворца Съездов в слое XVII в. (Воронин Н.Н., Рабинович М.Г., 1960).

В Коломне антропоморфные игрушки датируются XV–XVI вв. Исчезновение антропоморфных фигурок, чаще всего изображающих скоморохов, относят к середине XVII в. (Руденков М.М., 1995, с. 24, 25).

Третий тип глиняных игрушек – погремушки. Их в Московском Кремле найдено 5 экз., причем 4 погремушки выполнены в форме шариков с гладкой поверхностью. Три из них красноглиняные, украшены пятнами белого ангоба, одна – белоглиняная с поливой по поверхности.

Погремушка яичко-писанка найдена в 1975 г. в коллекторе на Ивановской площади. На ее поверхности, покрытой черной непрозрачной глазурью с металлическим блеском, имеется отверстие. По аналогам в новгородском материале датируется изделие серединой XI – 30-ми гг. XII в. (Авдусина Т.Д. и др., 1989, с. 89).

Две красноглиняные погремушки найдены в 1994 г. в центральном дворе здания Сената. Первая, с пятнами ангоба (0,5–0,7 см) и двумя дырочками на поверхности, имеет диаметр 4 см и датируется XV–XVI вв. (рис. 1, *5*). Диаметр второго шарика-погремушки, обнаруженного в слое того же времени, равен 4,7 см. Третья красноглиняная погремушка найдена в 1995 г. на Никольской улице Кремля. Диаметр ее 3 см. На поверхности шарика имеется одно отверстие. Датируется игрушка XV в. Время бытования кремлевских красноглиняных погремушек совпадает с предложенной Р.Л. Розенфельдтом датировкой (Розенфельдт Р.Л., 1968, с. 20, 21).

---

[3] Археологические предметы, найденные в Кремле в конце XIX – начале XX в., поступали в Императорский Российский исторический музей (ГИМ). Сейчас фонды отдела керамики, где хранятся интересующие нас находки, из-за ремонта здания музея недоступны. Мы благодарны Т.И. Дулькиной, которая ознакомила нас с записями книги поступлений отдела 20-х годов XX в. Однако по ним, к сожалению, не удалось получить сколько-нибудь исчерпывающую информацию по интересующим нас вопросам.

Единственная белоглиняная погремушка-шарик, покрытая зеленой поливой, найдена в 1965 г. под Патриаршими палатами в слое XV в. (Авдусина Т.Д. и др., 1984, с. 210). Диаметр шарика 3,5 см.

Как видим, время бытования шариков-погремушек по материалам кремлевских раскопок – XV–XVI вв.

В Суздале поливные шарики-погремушки, изготовленные как из красной, так и из белой глины, дата которых поддается определению, происходят из культурного слоя XVII в. (Мухина Т.Ф., 1992, с. 67).

В Коломне поливные белоглиняные шарики-погремушки датируются XVIII в., а шарик без поливы – XVII в. (Руденков М.М., 1995, с. 23, 24).

Несмотря на малочисленность игрушек рассматриваемого типа, можно констатировать, что первоначально шарики-погремушки появились в Москве, а позже суздальские и коломенские мастера заимствовали этот тип игрушек-погремушек.

В четвертый тип мы объединили все прочие глиняные игрушки.

Чернолощеный кувшинчик, найденный в 1978 г. в котловане у юго-восточного угла Арсенала, по всей видимости, является детской игрушечной посудой (рис. 1, *6*). Диаметр широкой части 5 см, высота 6 см. По форме он ничем не отличается от обычных бытовых кувшинов и датируется XVI–XVII вв.

Кувшинчик-свистулька (по терминологии Р.Л. Розенфельдта – "соловей"), мореный, происходит из заполнения Алевизова рва (работы 1975 г.) (Шеляпина Н.С., 1987, с. 158). Высота его 7,5 см. Игрушка датируется по своду Р.Л. Розенфельдта XVII – началом XVIII в. В таких игрушечных кувшинчиках-"соловьях" находили клады монет – серебряных копеек "чешуек", чеканенных на рубеже XVII–XVIII вв. (Мец Н.Д., 1949, с. 112, 113).

К игрушечным музыкальным инструментам можно с определенными оговорками отнести две свирели, изготовленные из белой глины, покрытые белым ангобом и расписанные красными кольцами. Обе сохранились фрагментарно. Первая, найденная на Васильевском спуске в 1977 г., сломана на 2 части. На одной из частей имеется одно отверстие для модулирования звука. На другой – четыре отверстия. На фрагменте третьей свирели, найденной в 1986 г. в траншее в Александровском саду, также имеются два отверстия. Сохранившиеся части свирелей имеют длину от 5 до 7 см, а наружный диаметр – 2–2,2 см. Датируются находки по сопутствующему материалу концом XVII–XVIII в.

Меньшую часть находок, связанных с досугом москвичей в средневековье, представляют предметы игр. Игры были состязательные, логические, развлекательно-увеселительные и азартные.

Из предметов состязательных игр в культурном слое Московского Кремля найдены фрагменты мячей (3 экз.). Это кожаные кружочки диаметром 4–6 см со следами шва по периметру окружности.

Первый кожаный кружок (половинка мяча), имеющий диаметр 5,7 см, был найден в процессе раскопок 1959 г. в слое XII – первой половины XIII в.

Второй кружок от мяча найден в 1976 г. в котловане у юго-восточного угла здания Президиума Верховного Совета СССР. Его диаметр 4,5 см. Датируется находка второй половиной XIII в.

Фрагмент третьего мяча был найден в 1995 г. в траншее на Ивановской площади в слоях второй половины XIII – первой половины XIV в. Диаметр кружка 5 см.

В отличие от Москвы кожаные мячи являются очень распространенной находкой в культурном слое средневекового Новгорода, где, по данным Н.А. Морозовой, их найдено около 350 экз., большинство из которых имеют диаметр 4,5–6,5 см. Технология изготовления мячей описана С.А. Изюмовой (1959, с. 216).

Другим предметом состязательных игр является детский кожаный колчан, найденный в Московском Кремле в 1963 г. около Собора Двенадцати Апостолов. Для его изготовления мастером был использован старый тисненый сапог. Колчан прошит по верхнему краю и имеет петлю для подвешивания к поясу. Происходит он из за-

полнения сруба, датируемого второй половиной XIII в. (Шеляпина Н.С., 1971, с. 130, рис. 9; Авдусина Т.Д. и др., 1983, с. 40, № 267).

К логическим играм средневековья, обнаруженным в культурном слое Московского Кремля относятся шахматы и шашки.

Е.А. Рыбина отмечает, что шахматы были абстрактные и изобразительные. Изобразительные шахматы не были широко распространены на Руси. Их известно совсем немного и все они являются привозными (Рыбина Е.А., 1991, с. 86).

Белокаменная фигурка животного с большими ушами, внешне напоминающая слона, найденная в 1994 г. при археологических исследованиях в центральном дворе здания Сената в предматериковом слое, вероятно, является изобразительной шахматной фигурой (рис. 1, *7*). Ее размеры: длина 4,5 см, высота 2,5 см. Конечности несколько обломаны. Датируется находка по браслетам и курганной керамике первой половиной XIII в. Шахматная изобразительная фигура, так же изготовленная из известняка, была найдена в Звенигороде (Рыбина Е.А., 1991, с. 93).

Е.А. Рыбина показала, что для Древней Руси характерны абстрактные шахматы, составляющие подавляющее большинство находок (Рыбина Е.А., 1991, с. 98). В Московском Кремле найдено две такие шахматные фигурки. Первая – в 1975 г. в коллекторе на Ивановской площади (сохранилась фрагментарно). Изготовлена она из лосиного рога (определение материала – Л.И. Смирновой) на станке и внешне напоминает цилиндр с несколько вогнутой центральной частью (рис. 1, *8*). Размеры фигуры: высота 2,6 см, верхний диаметр 2,2 см, нижний – 2,7 см, диаметр центральной части 1,9 см. В верхней и нижней частях фигурки имеется орнамент в виде трех параллельных линий (колец). Ближайшие аналоги – пешка из Друцка, которая датируется XII–XIII вв. (Рыбина Е.А., 1991, с. 97, рис. 6, *20*), а также пешка из Новгорода, датируемая XIV–XV вв. (Рыбина Е.А., 1991, с. 92, рис. 4, *38*). Вторая шахмата (так же из лосиного рога) была найдена в 1986 г. в траншее на Кремлевской набережной недалеко от Водовзводной башни. Ее размеры 1,8 × 2,2 см. Ближайший аналог этой фигурки – пешка из Новгорода, датируемая второй половиной XIII в. (Рыбина Е.А., 1991, с. 92, 94, рис. 4, *37*). Подобные пешки были найдены в Друцке в слоях XII–XIII вв. (Рыбина Е.А., 1991, с. 97, 98, рис. 6, *21*), а также в Суздале в слоях XIII–XIV вв. (Рыбина Е.А., 1991, с. 97, 99, рис. 6, *22*). Большинство Новгородских шахматных фигур имеет высоту от 2 см до 3,5 см. Фигурки из Кремля по своим размерам попадают в указанный интервал и датируются тем же временем.

Другой логической игрой на Руси были шашки. В Кремле найдены пять шашек, выточенных на станке и изготовленных из лосиного рога (определение материала – Л.И. Смирновой). Четыре из них имеют циркульный орнамент на верхних гранях. Две шашки найдены при строительстве КДС в 1959–1960 гг. Первая из них имеет диаметр 2,1 см, высоту 0,8 см (Воронин Н.Н., Рабинович М.Г., 1960, инв. № 44). Вторая – несколько большего диаметра и меньшей высоты[4]. Датируются они XIII в. Две другие, близкие по форме к описанным выше, найдены в 1964–1965 гг. под Патриаршими палатами. Диаметр фигурок 2,3–2,4 см, высота 0,6–0,7 см. Одна шашка имеет отверстие в центральной части (диаметр 0,7 см). Датируются изделия – XIII–XIV вв. Шашки аналогичной формы найдены в слоях XIV в. в г. Тушкове под Можайском (Рабинович М.Г., 1959, с. 283; 1964, с. 304). Пятая шашка найдена в 1969 г. в восточной части Кремля. Она также имеет цилиндрическую форму. Диаметр фигурки – 3,5 см. Шашка имеет семь отверстий, диаметром 0,4–0,5 см, шесть из которых расположены по кругу, а седьмое – в центре фигурки.

Из находок, предназначенных для игры в шахматы и шашки, следует выделить две белокаменные плиты – "тавлеи". Первая была найдена в 1959 г. при строительстве Дворца Съездов под развалом камня на глубине 2,25 м (Воронин Н.Н., Рабинович М.Г., 1960, инв. № 420). Это обстоятельство позволяет говорить о более позднем,

---

[4] В описи находок в отчете фигурирует только одна шашка, поэтому мы привели ее размеры. Вторая шашка была опубликована авторами позднее (Воронин Н.Н., Рабинович М.Г., 1960, с. 269, 270, рис. 15, *2, 3*; Рабинович М.Г., 1964, с. 303, рис. 129, *Б*).

чем по прямому функциональному назначению, использовании тавлеи в качестве подкладки под фундамент. На поверхности плиты чередуются в шахматном порядке прочерченные квадраты: гладкие и перечерченные крест-накрест. Фрагмент сохранившейся части плиты имеет размеры 19,5 × 12,5 × 7 см. Поверхность второй плиты из известняка, найденной в 1979 г. во дворе у здания Оружейной Палаты, расчерчена на 64 квадрата. Ее размеры 24 × 24 × 12 см. Находка происходит из слоев XIII–XIV вв. (Авдусина Т.Д. и др., 1983, с. 38, 39, № 261).

В Древней Руси существовали и азартные игры, к которым можно отнести игру в "зернь", неотъемлемыми компонентами которой являлись костяные кубики с вырезанными на гранях точками, обозначавшими количество очков.

Два таких костяных кубика были найдены в Московском Кремле при строительстве памятника императору Александру II в 90-х годах XIX в. (Султанов Н., 1898, с. 607–609, рис. 99).

Кубик, найденный в сумке-"калите" в 1956 г. при раскопках возле Кутафьей башни Московского Кремля, датируется концом XV–началом XVI в. (Рабинович М.Г., 1964, с. 112, 304). Игра в зернь упоминается в письменных источниках. "Домострой" решительно порицал такие развлечения, когда "зернью, и шахматы, и всякими игры бесовскими тешатся" (Рабинович М.Г., 1964, с. 304).

В заключение отметим следующее.

Подавляющее большинство средневековых московских игрушек изготавливали гончары. Глиняные игрушки появляются в культурном слое Московского Кремля в XII–XIII вв. В ранний период это привозные вещи. Позже, по всей видимости, со второй половины XIV в., их изготавливают уже в Москве. В XV в. глиняные игрушки московских гончаров становятся массовой продукцией, производимой на рынок. Некоторые из них в результате торговли попадают в другие русские города, оказывая тем самым заметное влияние на продукцию местных мастеров. Влияние это прослеживается по материалам раскопок в Суздале и Коломне. По-видимому, именно Москва в XIV–XV вв. являлась основным центром массового производства игрушек в Великом княжестве Московском. Подавляющее большинство глиняных московских игрушек изготовлено из красного теста и ангобировано, многие из них украшены росписью. Прослежена аналогия их форм с изделиями ближайших крупных центров керамического производства Северо-Восточной Руси – Коломны и Суздаля.

Отсутствие бракованных глиняных игрушек, а также массовых находок их в каком-либо определенном месте на территории Кремля говорит о том, что они изготавливались за пределами крепостных стен. По всей видимости, место их массового производства находилось в устье р. Яузы, т.е. на территории бывшей Гончарной слободы (Фехнер М.В., 1949, с. 52).

Первые шахматы в Москве также были привозными. Проникновение шахматной игры в Москву шло из западнорусских городов. Московские мастера заимствовали не только форму, но и материал, из которого делались шахматы.

Несомненно, ряд наших выводов носит предварительный характер. Дальнейшие археологические исследования исторического центра столицы – Кремля, а также комплексное изучение всех находок московских средневековых игрушек из других районов города пополнят их коллекцию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Авдусина Т.Д., Владимирская Н.С., Панова Т.Д., 1983. Археологическая выставка Музеев Кремля (каталог). М.

Авдусина Т.Д., Владимирская Н.С., Панова Т.Д., 1984. Русская поливная керамика из раскопок Московского Кремля // СА. № 2.

Авдусина Т.Д., Владимирская Н.С., Панова Т.Д., 1989. Некоторые итоги археологического изучения Московского Кремля (1974–1982 гг.) // СА. № 3.

Арциховский А.В., 1948. Раскопки на Славне в 1934 г. // МИА. № 11.

Воронин Н.Н., Рабинович М.Г., 1960. Отчет об археологических работах в Московском Кремле в 1959 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 2004.

Воронин Н.Н., Рабинович М.Г., 1961. Отчет об археологических работах в Московском Кремле в 1960 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 2128.
Воронин Н.Н., Рабинович М.Г., 1963. Археологические работы в Московском Кремле // СА. № 1.
Изюмова С.А., 1959. К истории кожевенного и сапожного ремесел Новгорода Великого // МИА. № 65.
Мец Н.Д., 1949. Датировка черной лощеной керамики по собранию кладов нумизматического сектора ГИМ // КСИИМК. Вып. XXIV.
Морозова Н.А., 1990. Игрушки древнего Новгорода // Новгород и новгородская земля. История и археология (тез. науч.-практ. конф.). Новгород.
Мухина Т.Ф., 1992. Глиняные игрушки XIV–XVIII вв. в суздальских археологических коллекциях // Городецкие чтения (материалы научной конференции). Городец.
Рабинович М.Г., 1959. Крепость и город Тушков // СА. Сб. XXIX–XXX.
Рабинович М.Г., 1964. О древней Москве. М.
Розенфельдт Р. Л., 1968. Московское керамическое производство XII–XVIII вв. // САИ. Вып. Е 1–39.
Руденков М.М., 1995. Керамическая игрушка средневековой Коломны // Дипломная работа. Коломенский педагогический институт, исторический факультет, кафедра истории. Коломна.
Рыбина Е.А., 1991. Из истории шахматных фигур // СА. № 4.
Султанов Н., 1898. Памятник императору Александру II в Кремле Московском // Строитель. № 15–18. СПб.
Фехнер М.В., 1949. Глиняные игрушки московских гончаров (по материалам раскопок ГИМ 1946 г.) // МИА. № 11.
Шеляпина Н.С., 1971. Археологические наблюдения в Московском Кремле в 1963–1965 гг. // МИА. № 167.
Шеляпина Н.С., 1987. Художественная керамика XVIII века из Алевизова рва на Красной площади // ГММК. Материалы и исследования. V. Новые атрибуции.

Государственный историко-культурный
музей-заповедник
"Московский Кремль", Москва

A.M. KOLYZIN

TOYS AND GAMES OF THE 12th-17th CENTURIES

(Based on the Data of Archaeological Research of the Moscow Kremlin)

Summary

The paper is the first to introduce into the scientific usage medieval toys and games found as a result of archaeological works in the historical center of Moscow, i.e. the Kremlin. The author has divided clay toys into four types: zoomorphic, anthropomorphic, rattles and other types of toys. Zoomorphic toys is the most significant type among the clay ones. Horses, birds, bears form this group. Clay toys was the most common type of medieval Moscow toys. They appear in the occupation layer of the Moscow Kremlin in the 12th-13th centuries. At the early stage they were imported. Starting from the second half of the 14th century they were already manufactured in Moscow. In the 15th century clay toys of Moscow potters became a commercial product manufactured for sales in the market, their finds in other Russian cities being an evidence of this fact. In the 14th-15th centuries Moscow was the main center for the commercial production of toys in the great Moscow principality. Clay toys were made outside the battlement.

Games account for a smaller part of finds related to the leisure time of Moscovites in the Medieval Ages. There were competition games, logic games, entertainment games and gambling games. Fragments of balls, a child's leather quiver, chess, checkers and "zern" were found in the occupation layer of the Moscow Kremlin.

Публикации

Г.С. ДЖУМАБЕКОВА

БРОНЗОВАЯ КУРИЛЬНИЦА ИЗ СЕМИРЕЧЬЯ

В августе 1993 г. в окрестностях г. Алматы при строительстве погреба на частном земельном участке были обнаружены два человеческих скелета и бронзовая курильница. Сотрудниками Института археологии МН-АН РК и ЦГМК под руководством Т.А. Акимовой был обследован район находки и котлован погреба[1].

Погребения и курильница выявлены в пос. Ерменсай, в 4–5 км южнее г. Алматы, на правом берегу р. Поганки, у выхода из ущелья. Место находки представляет собой площадку на высокой береговой террасе, полого понижающейся к северу-западу. С южной и восточной сторон ее окружают сопки предгорий Заилийского Алатау. К настоящему времени рельеф этой местности значительно снивелирован под строительство и огороды.

Курильница и скелеты были обнаружены на глубине 1,80–2,30 м от уровня современной дневной поверхности. Копающие наткнулись на кости скелета и череп человека, который находился над курильницей, перевернутой блюдом вниз. Скелет ребенка находился рядом со скелетом взрослого. В ходе земляных работ скелеты были значительно повреждены. Сотрудниками ИА и ЦГКМ были произведены зачистка стен погреба, небольшие прирезки с южной и западной сторон, изучение культурного слоя, просмотр земли, извлеченной из погреба. В результате выявлено 60 венчиков от сосудов (20 из них зафиксированы в слое), 129 определимых костей животных (37 из них происходят из слоев раскопа).

Размеры погреба после зачистки составили 2,0 × 1,40 м, наибольшая глубина 2,50 м. Глубина раскопа была доведена до уровня материка.

Попытаемся прокомментировать стратиграфическую ситуацию раскопа (рис. 1). Нижние слои лежат на материковых лессовых отложениях. Линия поверхности материка неровная, что можно объяснить выборкой глины для строительных нужд. Ниже – слой гуммированный, имеющий также неровные границы, содержит значительное количество костей животных и фрагментов керамики, однако какие-либо конструкции или их следы в пределах раскопа не обнаружены. На глубине 0,95–2,20 м от репера (наиболее высокой точки) читается слой глиняной заливки выравнивающего характера (платформа). В верхней части этот слой содержит обломки сырцовых кирпичей, в нем зафиксированы фрагменты керамики и кости животных. Поверхность платформы превращена в пол сооружения. Довольно ровная поверхность пола покрыта глиняной обмазкой. От этого уровня прослеживаются три хозяйственных ямы, две из которых имеют правильные очертания. На уровне пола (юго-восточный участок раскопа) площадка была посыпана слоем светлого стерильного песка. На нем была возведена некая конструкция, которая сохранилась в виде монолита пахсовой заливки из "стерильной" глины. Высота его составляет 0,35–0,60 м. Верхняя часть монолита сильно

---

[1] Выражаем благодарность сотрудникам ЦГМК О. Мякишевой, Т. Торбе, Н. Чулаковой за помощь в обследовании места находки.

© Г.С. Джумабекова, 1998 г.

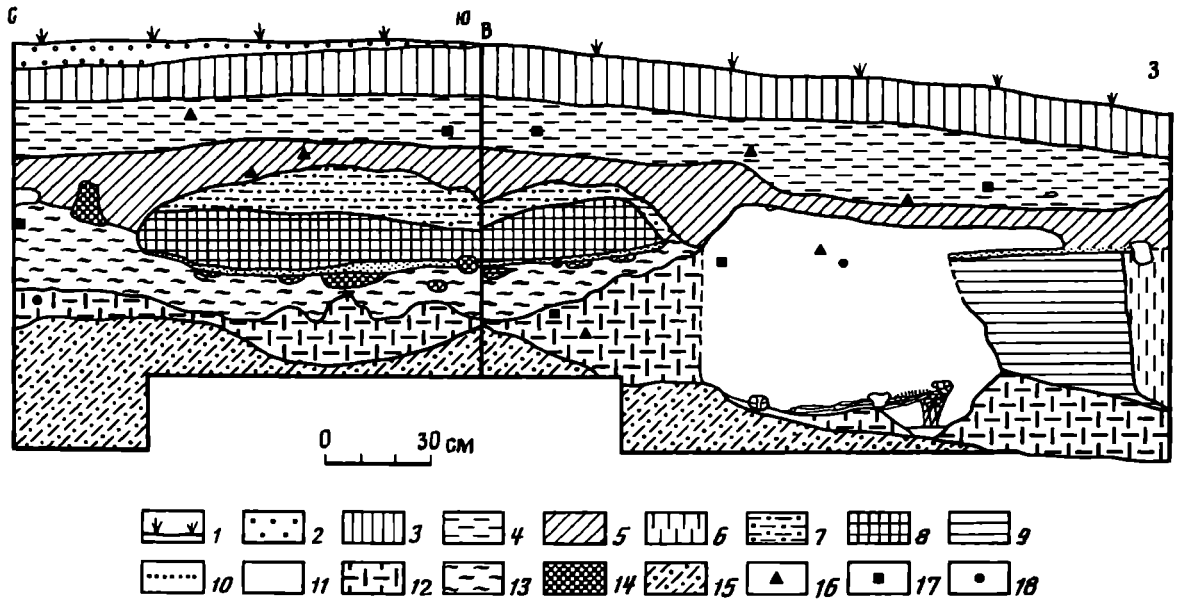


Рис. 1. Шурф. Разрез восточной и южной стенок. *1* – уровень древней поверхности; *2* – современный строительный мусор; *3* – гуммированный слой; *4* – коричнево-серый слой; *5* – серый зольно-глинистый слой; *6* – заполнение мусором ямы; *7* – коричневый слой; *8* – пахсовый слой; *9* – слой глинистой забутовки; *10* – слой мелкого песка; *11* – слой глиняной крошки; *12* – гуммированный слой; *13* – глинисто-зазоленный слой; *14* – сырцовый кирпич; *15* – материк; *16* – керамика; *17* – кость; *18* – уголь

разрушена и сглажена. Первоначальный вид и контуры сооружения по прослеженным остаткам представить невозможно, но несомненным является то, что наружный край его был выпуклым. Пол у основания отмеченной конструкции прорезан, от его уровня прослеживается могильная яма. В могиле была погребена женщина вытянуто(?) на спине, головой на запад[2]. Справа от нее в сходном положении был погребен ребенок[3]. Погребение по ряду основных признаков не отличается от погребений раннего железного века (ориентация головой на запад, положение вытянуто на спине). Отличает его от обычных погребений то, что оно совершено на малой глубине (1,05 м от пола), без обычного сопроводительного инвентаря (посуда, украшения и т.д.). Необычным является то, что под головой погребенной была поставлена курильница. Она была поставлена "в головах" на дне могилы блюдом вниз, засыпана слоем земли так, что образовалось ложе с уклоном к восточному краю могилы (к ногам). Трупы были покрыты комковой землей, но не камнями, как обычно в погребениях этого времени. Столь необычное погребение представляется нам как жертвенное (быть может закладное), совершенное у основания какого-то сооружения.

Ситуация, когда находкам культовых предметов сопутствуют "постройки", наблюдается в Семиречье не впервые. Глиняная платформа с остатками кострища была выявлена в 1979 г. при проведении раскопок на территории г. Алматы (РУРРТ). Они связаны с обследованием места находки уникальной бронзовой курильницы и двух металлических котлов. В ходе работ были выявлены сооружение с глиняной платформой в основании, фрагменты двух и один целый железный котел и другие предметы (Кадырбаев М.К., 1983, с. 38).

Основу вещественного комплекса из пос. Ерменсай составляют фрагменты керамических изделий. Керамический комплекс насчитывает 290 экз. Он представлен

---

[2] Положение скелета и курильницы реконструировано по сохранившейся части скелетов и отпечаткам курильницы в глине.

[3] По определению сотрудника лаборатории этнической антропологии ИИЭ МН-АН РК А. Исмагуловой, скелет принадлежал женщине, физически крепко сложенной, возраст которой соответствует 35–40 годам. Антропологические характеристики черепа позволяют отнести его к европеоидному типу с очень слабой монголоидной примесью. Возраст ребенка – 4–5 лет.

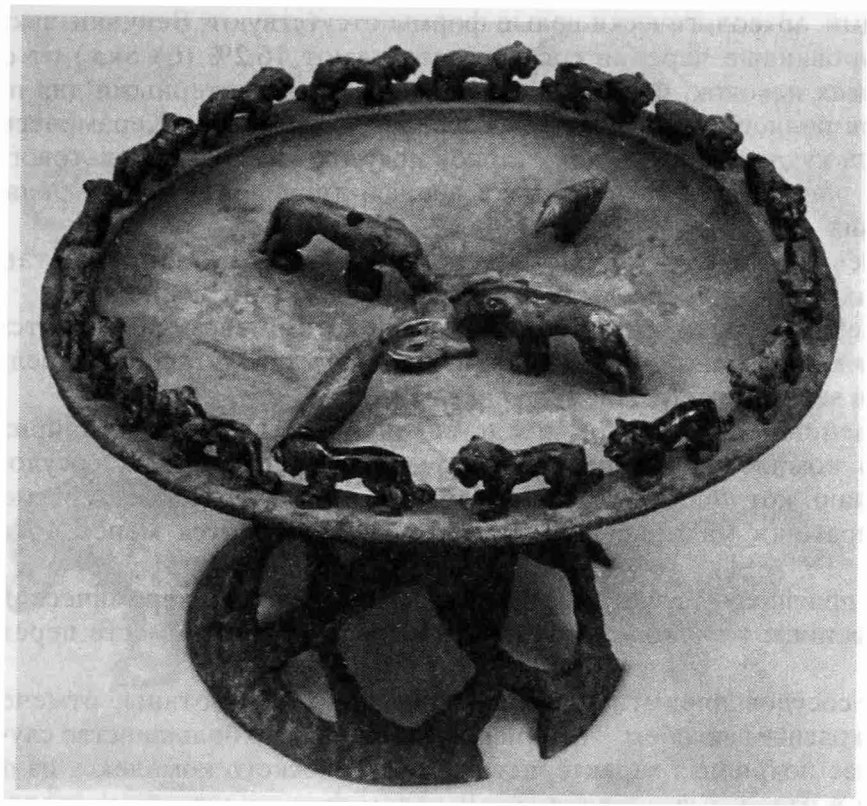


Рис. 2. Бронзовая курильница. Общий вид. Фото

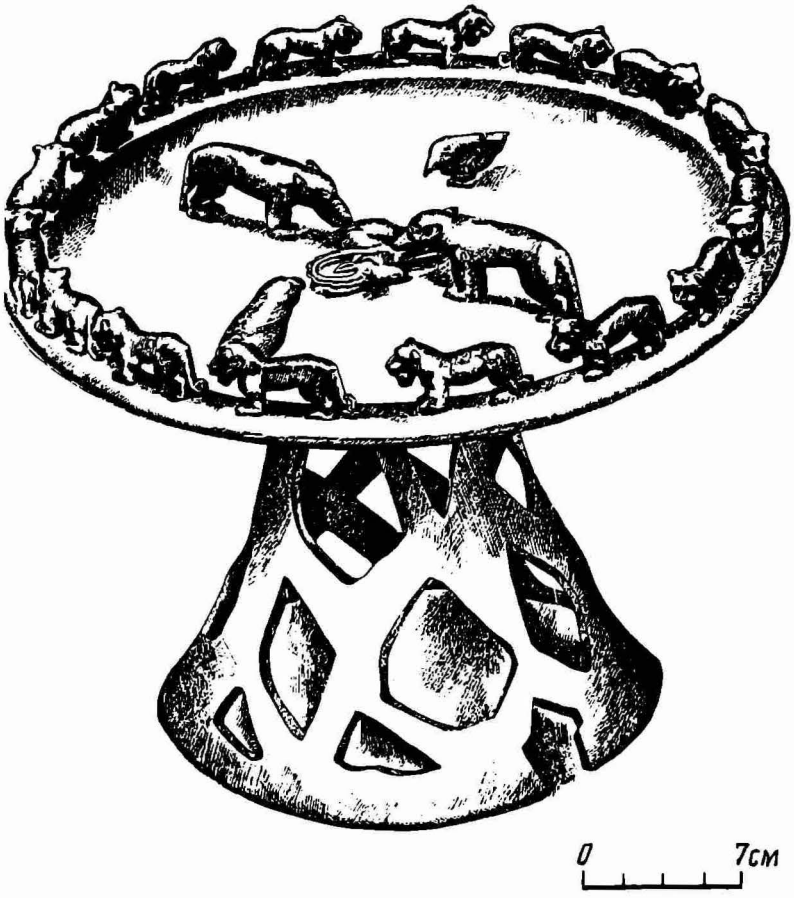


Рис. 3. Бронзовая курильница. Общий вид. Прорись

фрагментами, археологически целые формы отсутствуют. Венчики, закраины, донца, орнаментированные черепки сосудов составляют 16,2% (64 экз.) от общего числа керамических находок. Формы сосудов являются характерными для поселенческих памятников раннего железного века среднего Семиречья. Керамический комплекс представлен кухонной, столовой и тарной посудой, изделиями культового назначения. Почти вся посуда данного памятника лепная, лишь единичные изделия станкового изготовления.

Наиболее значительную часть керамического комплекса составляют котлы (16 экз.) и котловидные сосуды (9 экз.), а также чаши (16 экз.).

Среди керамических фрагментов из комплекса Ерменсай выделяются два, определенные нами как фрагменты курильниц. Они представляют собой тарелку или чашу с бортиком в верхней части. Диаметр равен 19–23 см.

Единственным фрагментом представлен бокал. Важнейшим признаком керамического комплекса является преобладание круглодонных сосудов: кувшинов, горшков, чаш, котлов. Сосуды преимущественно приземистые. Фрагментов плоскодонной керамики мало: на 290 фрагментов приходится менее 10 плоских донцев.

Другим признаком, существенным для характеристики керамического комплекса, является наличие горшков с резко выраженным ребром в месте перехода тулова к горловине.

Стенки сосудов преимущественно тщательно обработаны, отмечено лощение, покрытие красным ангобом. Тесто черепков плотное, в большинстве случаев красного цвета. Более подробная характеристика керамического комплекса из пос. Ерменсай будет дана в отдельной публикации. В целом формы сосудов позволяют предварительно датировать комплекс IV–III вв. до н.э.

Анализ остеологического материала, полученного на объекте, позволил определить следующие виды животных: баран (59 экз. костей); бык (35); лошадь (19); корова (5); верблюд (2); осел (1); поросенок (1); архар (роговой стержень) (1); сибирский горный козел (роговой стержень) (1); 3 экземпляра определены как кости парнокопытного животного[4].

Наиболее интересная находка – курильница – представляет собой круглое блюдо, закрепленное на усеченно-конической подставке, донце его плавно переходит в вертикальные стенки (рис. 2 и 3). Подставка курильницы значительно расширяется книзу, ее стенки чуть вогнуты. Узор ажурных стенок образован ромбами. В середине блюда находится скульптурная композиция из пяти фигур животных, представляющая сцену терзания горного козла двумя волками и двумя птицами. Она окружена вереницей из 16 фигур кошачьих хищников, расположенных по краю бортика. Высота изделия 20,5–22,5, диаметр блюда 35 см.

Фигурки кошачьих хищников, помещенные на горизонтально отогнутом бортике, образуют круг. Они представлены в статичном состоянии и сориентированы по движению солнца. Хищники выполнены в характерном для культовых бронз Семиречья изобразительном стиле (рис. 4,*1*; 5) Лопатки и бедра на туловище рельефно выделены, большая тупоносая голова располагается на короткой толстой шее с массивным загривком. Стоячие уши животного полукруглой формы. Оскал морды подчеркнут резко выступающими каплевидными скулами. В раскрытой пасти показаны два ряда зубов. Узкие подтреугольные глаза оконтурены бороздками. Животные стоят на четырех выпрямленных ногах. На боковой поверхности длинных лап пятью гравированными линиями обозначены когти. Длинные хвосты хищников с загнутыми кверху кончиками касаются горизонтальной поверхности бортика. Фигуры хищников трафаретны, они отличаются лишь тем, что у некоторых из них хвост короче или помещен между ног. Совокупность видовых признаков позволяет предположить в этих животных баранов.

---

[4] Определение выполнено сотрудником ЦГМК, канд. биол. наук Б.С. Кожамкуловой.

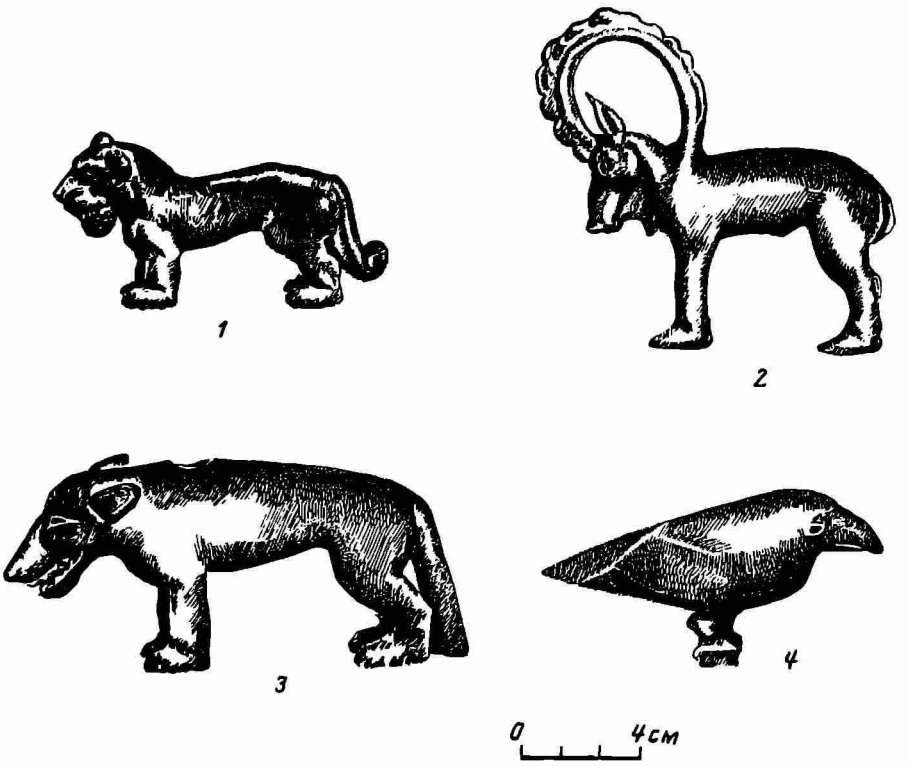


Рис. 4. Бронзовая курильница. Фигурки животных и птицы. Прорись

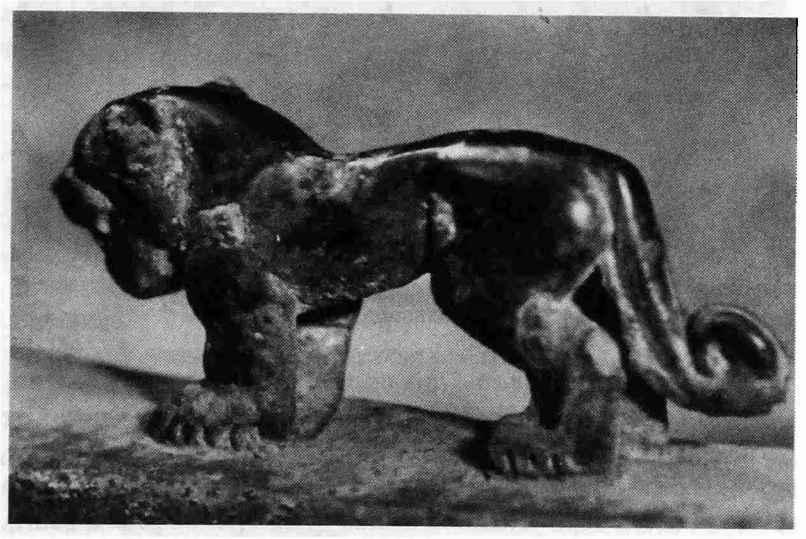


Рис. 5. Бронзовая курильница. Фигурка кошачьего хищника. Фото

В центре блюда находится фигура горного козла. Она как бы распластана и представляет собой левую половину туловища с вытянутыми конечностями (рис. 4,*2*; 6). Детали "опущенной" головы, лопатки и бедра животного рельефно выделены. Глаз округло-выпуклый, зрачок выделен гравированной линией. Аналогичным способом показана линия рта. Большое листовидное ухо животного "поставлено" и выступает с небольшим наклоном вперед. Оно оконтурено рельефным ободком. Мощный рог, выгнутый дугой, упирается в лопатки. Он представляет собой узкий валик с рельефными полукружьями (по внешней стороне), имитирующими годовые кольца. Прямые конечности выгнуты, стопы переданы в виде лап. Небольшой хвост прижат к крупу.

Рис. 6. Бронзовая курильница. Фигурка горного козла. Фото

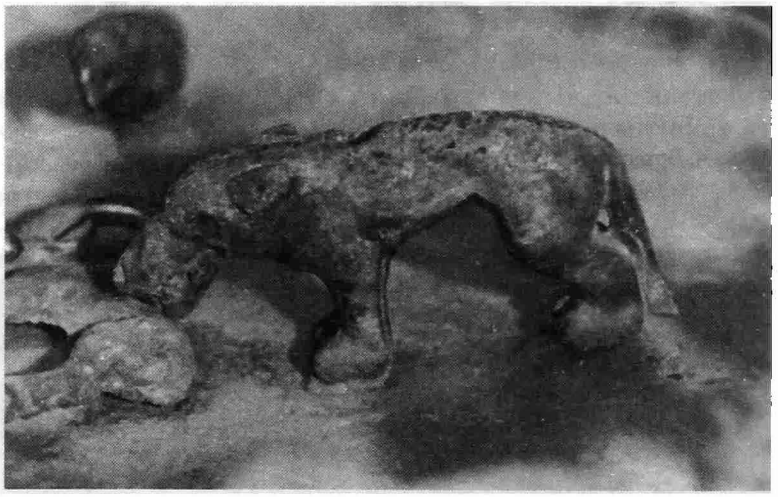


Рис. 7. Бронзовая курильница. Фигурка волка. Фото

К лежащему козлу склонили головы два волка, стоящие друг против друга (рис. 4,*3*; 7). Один из них мордой касается туловища животного. Волки отличаются характерной стройной фигурой с тонкой талией и широкой грудью. Лопатки и бедра животных выделены невысоким рельефом. К большой голове прижаты уши. Они имеют форму треугольников со округленными углами и оконтурены рельефным валиком с завитком. Суженные глаза гравированы в виде подтреугольных фигур. Животные отличаются друг от друга тем, что у одного из них сильнее выделен кончик носа: он чуть утолщен и слегка вытянут. Раскрытая пасть обнажает зубы и клыки. Волки стоят в спокойной позе на четырех ногах. Когти в виде изогнутых линий нанесены резцом на внешней стороне лап. Хвост, отличительный признак волка, утолщаясь к концу, висит "поленом". Полые фигуры хищников имеют округлые (вертикальные) отверстия диаметром около 0,5 см.

Крестообразно по отношению к волкам расположены фигурки двух птиц (рис. 4,*4*; 8). Они изображены как бы поодаль, спокойно сидящими, со слегка вытянутыми к лежащему животному головами. Большая голова едва выделена. Грудка широкая, сложенные крылья обозначены на туловище врезными линиями. Левое крыло сзади заходит на правое. Две гравированные линии передают оперение. Гравировкой показаны каплевидные глаза. Мощный широкий клюв чуть изогнут. На нем выделена

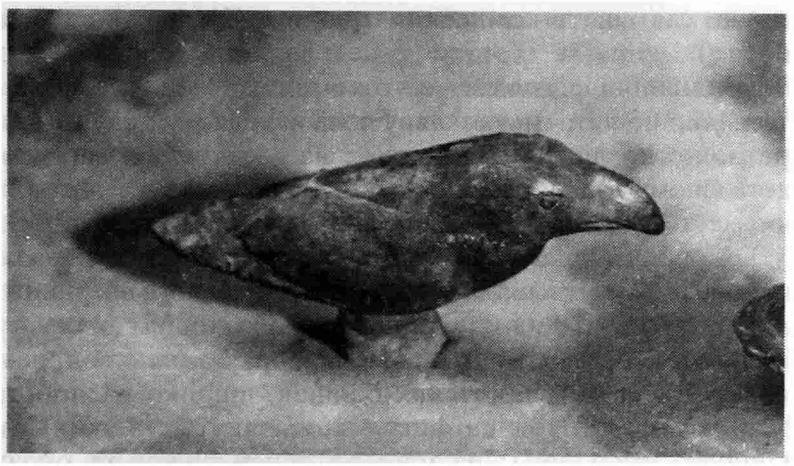


Рис. 8. Бронзовая курильница. Фигурка птицы. Фото

линия разъема. Короткие сильные ноги даны слитно. Они снабжены "лапами", как у животных, пальцы и когти на них не проработаны.

Фигурки хищников на блюде курильницы полые, в нижней части туловища, со стороны брюха, они имеют разъем. Фигурки не спаяны из двух половин. Это позволяет предположить отливку изделия методом утраченной модели. Скульптурные фигурки отличаются тщательностью исполнения. Отдельные детали выделены невысоким рельефом и проработаны гравировкой. Поверхность фигурок была, очевидно, заполирована. На поверхности стенки поддона заметен продольный желобок, возможно, отпечаток шва по линии стыка формы. Ромбические прорези стенки выполнены грубо, неровно. Блюдо курильницы расположено не строго горизонтально, а с незначительным наклоном. И фигурки животных, и подставка прикреплены к блюду очень аккуратно, вероятно, прилиты. В пользу этого свидетельствует то, что фигурки животных (барсов), отлитые, очевидно, в одной форме, помещены под различным углом к поверхности, а также и то, что швы либо заклепки на месте соединения отсутствуют. Курильница покрыта темной патиной, фигурки барсов почти черные, остальных животных – темно-зеленого цвета.

Персонажи, помещенные на блюде-курильнице, расширяют репертуар образцов и сюжетов металлических культовых предметов Семиречья. Они в первую очередь напоминают известную легенду о происхождении усуней, актуальную в Семиречье. Два варианта этой легенды изложены в "Цянь Ханьшу" и "Шицзи" (Бичурин Н.Я., 1950, с. 155, 156; Зуев Ю.А., 1960а, с. 122). Далее соответственно предполагаются генеалогические предания, где волк или волчица выступают в качестве животного – предка тюрков-ашина, гао-гюй (тела) и других тюркоязычных племен (Абрамзон С.М., 1971, с. 286–289; Зуев Ю.А., 1967, с. 9–14; Потапов Л.П., 1991, с. 79, 80). В эпосе тюркоязычных народов волк фигурирует не только как прародитель, но и как защитник от несчастий, покровитель, податель жизни, олицетворение воинской силы (Потапов Л.П., 1958; Липец Р.С., 1981).

Но некоторые факты этнополитической ситуации в Семиречье во второй половине I тыс. до н.э., а также политической истории усуней позволяют подвергнуть сомнению первое предположение. Согласно разработкам Ю.А. Зуева, опирающегося на китайские письменные источники, племена усуней появились на территории Семиречья лишь в середине II в. до н.э. (Зуев Ю.А., 1960б). Однако металлические культовые предметы из случайных находок Семиречья датируются исследователями V–III вв. до н.э., курильницы с сочетанием зоо- и антропоморфных образов – серединой III–II вв. до н.э. (Берштам А.Н., 1952, с. 49; Кадырбаев М.К., 1983, с. 39). Предварительный анализ керамических форм, обнаруженных при обследовании места находки ку-

рильницы, позволяет продатировать комплекс IV–III вв. до н.э. Следовательно, мы не можем однозначно связывать композицию из пос. Ерменсай с генеалогической легендой усуней.

Датировка курильницы связывает ее с комплексом памятников скифо-сакского мира. Соответственно попытаемся взглянуть на находки с иной позиции и предложить свою интерпретацию композиции как один из возможных вариантов толкования. Обратимся к детальному анализу сцены курильницы.

Центральное место в композиции занимает фигура лежащего козла. Его положение – с вытянутыми прямо конечностями, опущенной головой – несколько отлично от привычного нам образа "жертвенного животного" скифского звериного стиля. Отличие это наблюдается и в том, что на блюде помещена лишь половина туловища животного, а именно левая. С одной стороны, этот изобразительный прием близок к тому, который характерен для металлических бляшек, широко распространенных среди изделий скифского мира (половина фигурки, вытянутые ноги). С другой стороны, положение на блюде курильницы, "на прицеле", в центре креста, образуемого четырьмя парными скульптурками хищников и птиц, говорит о его роли жертвы. Несмотря на то что козел показан не с подогнутыми ногами или не "на пуантах", передающих образ жертвенного животного, его застывшая, обреченная, несопротивляющаяся поза, несомненно, является жертвенной.

Как известно, в индоевропейской традиции козел выступает как вестник, возвещающий о начале обряда жертвоприношения богам, и как жертвенное животное. Мотив терзания копытного, и козла в том числе, – один из распространенных в древнем искусстве Азии. Раскрывая семантику изображений с участием хищного и травоядного животных, исследователи указывают на хтоническую природу хищника и воплощение "мира смертных" травоядным (Раевский Д.С., 1987, с. 137).

Подобный сюжет был популярен и в Семиречье. Так, среди петроглифов хребта Ешкиольмес (Талды-Корганская обл.) имеется сцена терзания козла двумя волками (собаками), датируемая ранним железным веком (Марьяшев А.Н., Рогожинский А.Е., 1991, рис. 42). Сцена нападения волков (собак) на козла имеется среди наскальных рисунков урочища Тамгалы (Алматинская обл.) (Максимова А.Г. и др., 1985, рис. 32, 67).

Попытаемся выяснить, какое место в материальной и духовной культуре племен Семиречья могли занимать названные животные. Горный козел-теке, три подвида которого обитали в Семиречье, предпочитает каменистые места у самых ледников и вечных снегов, высокие горные вершины и альпийские луга. Его естественными врагами являются барс и горный волк. Его местообитание у священных вершин обусловило, вероятно, существовавшее у некоторых индоевропейских народов представление о горных козлах как о воплощении чистоты. Именно горный козел или коза служили у них жертвенными животными (Йеттмар К., 1986, с. 227, 443). Добавим к сказанному, что опытный, мудрый козел является вожаком стада, ведущим за собой остальных животных. Это согласуется с его функцией вестника, "идущего" впереди основной жертвы. Козел ведет за собой стадо, которое в свою очередь может ассоциироваться с душами умерших людей и жертвенных животных, пасущихся на высокогорных, "небесных" пастбищах. Единственные враги горного козла – барсы и (горные) волки – обычные персонажи композиций скифо-сибирского звериного стиля. Не случайно барсы – с крыльями и без них – помещены на блюдах курильниц, воплощающих идею Мировой горы, на жертвенных столах, на кулахе "золотого воина". Сцена, помещенная на площадке курильницы, приобретала, видимо, особый смысл именно благодаря такому ее расположению – "на вершине горы". Действие явно происходит в "верхнем мире" или предназначено для его обитателей.

Горный козел – "чистое" животное, жертвенное. Он помещен в центре – наиболее сакральном участке Мировой горы, которую представляет курильница. Он не только вестник начала обряда жертвоприношения, но "дикое животное", принадлежащее "иному" миру, "миру богов" (Антонова Е.В., 1987, с. 70; Иванов В.В., 1979, с. 152).

Следовательно, козел – животное, "отправляемое" представителем иного, очевидно, "верхнего" мира. Ритуал принесения в жертву только половины туши животного имеет индоевропейскую основу. Он известен у хеттов: «Сырое /(ритуально чистое) мясо/овцы, лопатку, грудинку (и) ноги жертвовал "господин божества" богине Солнца, а грудинку козла, лопатку и ног /и/ – богу Телепину» (Ардзинба В.Г., 1982, с. 68). В то же время подчеркнуто парциальное изображение жертвенного козла представляет растерзанное животное, и дальнейшее терзание его волками усиливает смысл сцены. Терзание, разрывание плоти, жестокая смерть беззащитной жертвы – "наиболее надежное средство защиты от зла/хаоса" (Цивьян Т.В., 1989, с. 122). Следует подчеркнуть, что на курильнице помещена левая половина туловища козла. Согласно универсальной системе бинарных оппозиций, "левое" соотносится не только с хтоническим, нижним, со смертью, но и с сакральной функцией (Ардзинба В.Г., 1982, с. 148, 149).

Хищники, терзающие жертву, – "дикие животные", священные "животные богов" – волки. Реально, в естественной природной среде, основной пищей горного волка служат горные козлы. Этот вид хищников отличается особой смелостью, злобностью. В индоевропейской традиции волк (равнозначно собаке) представлял собой животное "иного" мира (Антонова Е.В., 1987, с. 70; Иванов В.В., 1979, с. 152–154). Он обладал совершенно определенными, присущими только ему качествами, которые акцентировались при использовании этого образа в мифологии. Его образ в изобразительном, литературном и т.д. памятнике может указывать на определенное место действия или символику происходящего.

Волк (собака) в первую очередь ассоциируется с темным, хтоническим миром. Достаточно проследить образ этого животного в мифологических представлениях индоевропейской культурной традиции: страж Аида Цербер; владыка этрусского царства мертвых Энту в шлеме в виде волчьей головы; четырехглазые собаки владыки загробного мира Ямы; свора собак, сопровождающая богиню мрака Гекату и т.д. Свора собак и вой собаки у ряда народов считались вестниками несчастья, даже смерти. Связь волка-собаки с погребальным ритуалом отчетливо проступает в зороастрийской религии, где присутствуют две собаки – стражи Чинватского моста, две собаки сопровождают деву, переводящую праведника в рай; собака – участник церемонии Sagdid – вместе с птицами терзает трупы умерших. По мнению ученых, выставление умерших собакам существовало также у многих племен сакского круга (Рапопорт Ю.А., 1971, с. 24, 25). Представления, которые связывают образ волка с погребальным обрядом, выделяются в румынской мифологии (сопровождение волком умершего по дороге на "тот свет") (Свешникова Т.Н., 1990, с. 128).

Собака-волк, а также ворон как символы смерти проявляются в эпосе в тех ситуациях, когда над телом погибшего не совершали необходимых обрядов, оставляли непогребенными:

Радуйся, храбрый Патрокл! и в аидовом радуйся доме!
Все для тебя совершаю я, что совершить обрекался:
Гектор сюда привлечен и повергнется псам на терзанье... –

так клянется Ахилл, воздвигая погребальный костер над телом Патрокла (Гомер, Илиада, песнь 23, 19–21).

Плачет о судьбе мужа Гудрун ("Первая песнь Гудрун"; "Старшая Эдда"):

... Лежит изрубленный муж по ту сторону,
Убийца Готторма, отданный волкам.
... Там, слышишь ты, вороны кричат,
орлы кричат, радуясь корму,
волки воют над мужем твоим (Мелетинский Е.М., 1968, с. 424).

При том что связь образа волка (собаки) с погребальным культом или с миром мертвых существовала в мифологических представлениях многих народов, характер этой связи и акценты в содержании образа были различны. Об этом свидетельствуют и приведенные примеры.

В аккадоязычных текстах упоминаются zibu (псовое животное), которым отдавали на съедение наряду со стервятниками и собаками трупы врагов. Так как под термином zibu, по мнению исследователей, подразумевалось скифское племя (или имя скифского царя) (Иванчик А.И., 1988, с. 47, 48), то можно предположить, что в эпических (равно и в других памятниках культуры) не всегда подразумеваются только животные этого вида. Волки в некоторых случаях – это недавние еще люди: человек, совершивший убийство другого человека, или "когда попробовал человеческих внутренностей, которые разрезаны на части и перемешаны с внутренностями других жертв, он становится волком" (Павсаний, VIII, II, *2–4*; Иванов В.В., 1975, с. 401–403). С этими образами генетически связаны люди-волки: изгои, воины. Изгоем – волком назывался человек, совершивший преступление. Волками становились юноши, прошедшие обряд инициации, посвящения в члены воинских мужских союзов. Исследователи единодушно прослеживают существование союзов молодых воинов в индоевропейской традиции: у славян, германцев, индоиранцев, греков, балтов и др., а также у скифов и вплоть до этнографического времени. Этот вопрос достаточно широко освещен в научной литературе. Нас привлекают здесь некоторые моменты, являющиеся общими для различных народов, в культуре которых сохранились обряды посвящения в "волков".

1. Применение в обряде посвящения опьяняющих или наркотических веществ либо одевание волчьей шкуры. Следует упомянуть предположение о связи этнонима haumavarka (Saka haumavarga) с культом сомы (превращение в волков благодаря соку сомы); предположение о связи культа сомы/хаомы с мужскими союзами (Иванчик А.И., 1988, с. 42).

2. Временное "умирание" и последующее возрождение инициируемых в ходе обряда.

3. Установление "непосредственного контакта" с духами предков в ходе обряда.

Известно, благополучие общества древние связывали с предками, вождями, погибшими героями и т.д., которые оставались членами коллектива и после своей смерти. Существованием представлений о цикле перерождений и сохранении души внутри рода, возможно, объясняется описанный Геродотом и Страбоном обычай массагетов умерщвлять стариков (посвящение умерщвляемого в ранг "предков") (Геродот. История, I, 216; Страбон. География, XI, VIII, *6*; Рапопорт Ю.А., 1987, с. 33). Ритуальное поедание стариков, переходящих в ранг предков и выходящих из членства в воинских мужских союзах ("волков"), также являлось одной из ступеней инициации, совершавшейся при изменении членом коллектива статуса. В этой связи в несколько ином свете предстает тезис о том, что вкусивший человеческого мяса вместе с мясом жертвенного животного становится "волком". В мифологических представлениях некоторых народов (древние осетины) существовали верования в то, что старую душу посвящаемого юноши уносил волк (Иванчик А.И., 1988, с. 43). Следовательно, человек, возродившийся в новом качестве, обретал новую душу. Возможно, здесь следует видеть то, что старый воин переходил в статус предка, а посвящаемый юноша перерождался в "волка". Не случайно реальное или символическое отправление пожилых людей, еще полных сил, в "иной мир" было характерно для различных культурных традиций. Составляющие этот ритуал элементы направлены на приобщение к сонму предков. Таким образом душа умершего сохранялась внутри коллектива и его лучшие качества наследовались (языческий обряд "поманы") (Велецкая Н.Н., 1978, с. 161).

Сходную цель – воплотить в герое-воине лучшие воинские качества поверженного противника, "воскресить" его в себе – имел воинский каннибализм (Кардини Ф., 1987, с. 112, 132).

4. "Приобретение" в результате обряда после прохождения полного цикла обучения, испытаний, участия в боевых походах и других ступеней инициации особых качеств, позволявших называть воинов волками (медведями): храбрость, нечеловеческая сила, неуязвимость и т.д. (берсеркр, ульфхедхин).

5. Представление о волке как о символе вождя боевой дружины. Напомним вождей-князей, имена которых содержат "волчью" этимологию: родоначальник нартовского

рода Ахсартага Уархаг; вождь скифов Spaka (Ишпакай); южнославянский князь Вук; древнегреческий царь Ликаон; древнегрузинский царь Вахтанг (Иванов В.В., 1975, с. 408; 1980, с. 58, 59).

6. Волк (собака) выступает как символ царского рода. Среди предков Ахеменидов называется семья haumavarka ("волки сомы") – саков, превращавшихся в волков; Геродот упоминает женщину по имени Спако (собака), воспитавшую Кира, царя персов (Геродот, История, I, 110).

7. Связь волка с богом-покровителем. Прежде всего это бог-покровитель мужских воинских союзов. У осетин сохранилось имя бога-покровителя воинов и волков – Стыр Тутыр.

Пары животных – два волка-пса и два ворона – сопровождали скандинавского бога войны и человеческих жертвоприношений, покровителя воинских мужских союзов, воинских инициаций и жертвоприношений, бога-шамана, хозяина царства мертвых для избранных (Валгаллы) Одина. Один, несмотря на то что он является верховным в пантеоне, сохранял отчетливые черты хтонического существа. Обитатели этого царства, избранники Одина, погибшие герои, представляли милитаризованное общество своей эпохи, общество, созданное для войны. Заметим, что Один кормит своих волков мясом. Исследователи неоднократно указывали на типологическую параллель волкам-псам Одина двух псов ведийского Ямы, сванских и хевсурских собак-волков Св. Георгия (Иванов В.В., 1975, с. 400; 1980, с. 60). Одину скандинавской мифологии соответствует Индра, в котором нас привлекает воплощение им воинских функций, а также связь его с плодородием, богатством (скот). Замечательно то, что в той или иной степени боги-воители связаны с идеей плодородия, с весенним возрождением природы, следовательно, с круговоротом "жизнь – смерть".

8. Сезонный характер инициаций – праздников, посвященных покровителям волков. Время проведения их указывается разное – октябрь-ноябрь, начало Нового года (Иванчик А.И., 1988, с. 43; Балушок В.Г., 1993, с. 60; Элиаде М., 1987, с. 78, 80).

Природные условия северных склонов Заилийского Алатау (высотная зональность), как и памятники культуры (скопление "царских" курганов, культовых бронз), свидетельствуют о существовании универсального представления о цикличности времени у племен ранних кочевников Семиречья. Следовательно, можно предположить проведение различных обрядов в районе скопления этих памятников.

Помимо интерпретации "псов" древнегреческих авторов как скифских отрядов, представленных членами воинских мужских союзов в Передней Азии, в письменных источниках отмечены и другие упоминания мужских союзов у скифо-сакских племен. В "Парнах" дахов под предводительством Аршака К.В. Тревер видит "возрастную группу молодых неженатых воинов" (Тревер К.В., 1947, с. 82). Замечательно, что они не только жили обособленно, но и ("parna" в ахеменидском Иране) частично находились в культовом месте, где хранилась священная колесница с котлом. Таким образом, они были связаны со святилищем и с предметом культового характера, каковым являлся металлический котел. Проводя какое-то время рядом со святилищем, молодые люди могли приобщаться к племенным святыням, нести охрану святилища.

Металлические сосуды в форме котла, выявленные в Семиречье, очевидно, представляют собой культовые предметы. Об этом свидетельствуют обстоятельства находок, форма, декоративное оформление их и т.д. Имея в виду предание о котле скифского царя Арианта, различные и часто довольно значительные размеры котлов, можно предположить, что какая-то часть их использовалась для подачи напитков при коллективных трапезах, часть – для приготовления мясной пищи.

Известно, что на собраниях воинов или мужской молодежи устраивались коллективные трапезы с потреблением наркотических веществ, опьяняющих напитков, различного рода состязаниями (мотив Нартамонга – "выявительница Нартов"). Эти черты мужских "посиделок" сохранились до этнографического времени. Сюда же, вероятно, можно отнести различные праздники, приемы, в том числе "праздник заслуг" с участием воинов, убивших врагов, с танцами с обрядовыми жезлами-топорами,

жертвоприношениями, специальными домами собраний у жителей Гиндукуша, сохранивших весь набор реликтовых элементов (обрядов и атрибутов) (Йеттмар К., 1986, с. 39, 132, 152).

Обряд инициации и поминовение предков часто соседствуют друг с другом. Культ предков проявляется и во многих других обрядах племен периода военной демократии, в том числе во время проведения различных сезонных праздников. Одним из способов поминовения духов предков было зажигание огня (костры, светильники), окуривание помещения, выставление кушаний, жарение теста, жертвоприношение животных (Бируни А., 1957, с. 236; Рахимов М.Р., 1957, с. 198, 199; Кармышева Д.Х., 1986, с. 53 и др.). Определенные праздники посвящались не только покровителям – могущественным предкам, но и богам-покровителям, в том числе покровителям воинов. Туловища волков из пос. Ерменсай снабжены вертикальными отверстиями, такими же, как у центральных персонажей других семиреченских курильниц (или трубочек для фителей). Возможно, в эти отверстия (трубочки) вставлялись лучинки, палочки, обернутые масляными тряпочками, подобные тем, что засвидетельствованы для поминовения умерших предков в этнографическое время.

Курильница, представляющая собой блюдо с антропо- и зооморфными фигурами с фитилями, укрепленное на подставке – "горе", может структурно и функционально соотноситься с постаментами вместилищ священного огня в храмах Средней Азии и Ирана I тыс. до н.э. Постаменты, имеющие ступенчатое строение, символизировали Мировую гору; основания колонн имели также форму сосуда (Рапопорт Ю.А., 1987, с. 145). Следует иметь в виду, что курильницы иногда составляли комплект с жертвенным столиком: как предполагают исследователи, они могли ставиться на жертвенные столы (Акишев А.К., 1984, с. 96; Зимма Б.М., 1941, с. 15, 16, 19). Следовательно, здесь мы можем наблюдать сходным образом решенную систему установления "вместилища огня" (семиотически тождественно).

Совокупность некоторых данных: посвящение юношей в воинов в связи с переходом в возрастную категорию молодых воинов, присутствие их какое-то время в районе святилищ и совершение обряда поминовения предков, восприятие погибших воинов в индоевропейской традиции как волков, нахождение культового предмета (сосуда) – курильницы со сценой терзания козла волками – позволяет предположить, что мы имеем дело со святилищем, где совершались ритуальные действия. Они могли быть посвящены предкам (погибшим воинам), богу войны – покровителю воинских мужских союзов.

Тесно перекликается с вышеперечисленными индоевропейскими представлениями существования у тюрко-монгольских народов связь образа волка с циклом генеалогических преданий: волчица, вскормившая мальчика, фигурирует в легенде племен усуней и ашина; предание о красной собаке известно у киргизов; от волка ведут свое происхождение племена гао-гюй (телэ, чилэ); аналогично индоевропейскому обычаю сравнение богатыря с волком в тюрко-монгольском эпосе (Манас – "сивогривый") (Жирмунский В.М., 1974, с. 54); имя половецкого хана Кобяка связывается с собакой (Менгес К.Г., 1979, с. 102–105); волк являлся покровителем хана половецкой орды Бурчевичей Боняка (он просил помощи и победы в сражении у волка) (Плетнева С.А., 1978, с. 179). Кочевые тюрко-монгольские племена именовали себя также волками (как воины-индоевропейцы), а своих противников – овцами.

Два ворона сопровождают Одина. О связи этой птицы с воинской функцией свидетельствует птица Варагн, одна из инкарнаций бога Вэртрагна. Некоторые исследователи отождествляют ее с вороном (Авеста. Гимн Вэртрагне, VII, 19; прим. 2 на с. 191). Известно присутствие изображения ворона на различных сценах битв. В литературных источниках, "отражающих дохристианскую мифологию", вороны фигурируют в описаниях битв, предвещают гибель героев. К. Леви-Стросс указывает, что в качестве птицы, питающейся падалью, ворон является медиатором между хищными и травоядными животными, между смертью и жизнью (Мелетинский Е.М., 1979, с. 197, 198). Таким образом, ворон представляет хтоническое существо, связанное со

смертью, войной, одновременно воплощает медиативную функцию. Это перекликается с существовавшим у калашей обычаем угощения умерших родственников посредством кормления воронов, т.е. они считали съеденное этими птицами пищей умерших (Йеттмар К., 1986, с. 394, 397, 432). Птицы наряду с собаками служили "погребателями" у зороастрийцев. В частности, у зирихгеранов именно воронов допускали к останкам мужчин (Рапопорт Ю.А., 1971, с. 27).

В целом в сюжете из пос. Ерменсай выступает индоевропейская традиция с присутствием основных персонажей: козел (травоядное) – волк (хищник) – ворон (птица). Сюжеты с устойчивым набором персонажей – олень, козел, волк (собака), – помещенные на сосудах из погребений междуречья Куры и Аракса, проанализированы Г.Е. Арешяном. Автор пришел к выводу, что посредством этих сцен реализуется древнее индоевропейское представление о круговороте жизни и смерти. Причем оно может быть выражено как в триединстве названных животных, так и посредством сочетания двух из них (Арешян Г.Е., 1988, с. 98).

Идею "жизни и смерти" передает, по мнению В.Г. Луконина, композиция, украшающая стенки марликского сосуда (Луконин В.Г., 1987, с. 229). Напомним, что пять регистров, на которые разделена поверхность сосуда, содержат сцену с изображением козла и двух хищных птиц-грифов, клюющих его. Неживое состояние лежащего животного передано здесь иным, нежели на курильнице, образом. Кроме того, представлены процессия диких кабанов или волков, изображения козочки со взрослой козой, обезьяноподобного существа. Сюжет с присутствием двух хищных птиц и жертвы связывается исследователями с символикой выигранного сражения, он сопутствует изображениям (Луконин В.Г., 1987, с. 226). Вероятно, наиболее близко к нашей курильнице по способу выражения основной идеи стоит серебряный кубок из V кургана Триалети. В сцене, изображенной на стенках кубка, пара собак (волков) кормится со стола ритуальной трапезы у ног божества (Арешян Г.Е., 1988, табл. I, рис. 5; Жоржикашвили Л., Гогадзе Э., 1974, с. 71, табл. 56, 57). Замечательно, что сосуд на конической ножке для священного напитка ("котел"), алтарь и люди в волчьих(?) нарядах составляют единую композицию, включая двух волков.

Если попытаться обобщить вкратце символику каждого персонажа композиции, то можно предположить следующее: сцена символизирует жертвоприношение духам предков, погибшим воинам или богу – покровителю воинских союзов. Посредниками здесь выступают волки и вороны. А само место находки, очевидно, святилище, где совершались определенные культовые действия, в том числе принесение жертвы, ритуальная трапеза с участием молодых воинов-волков, а возможно, здесь же хранился священный котел и иная утварь святилища.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абрамзон С.М., 1971. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. Л.

Авеста: Избранные гимны; Из Видевдата, 1993 / Пер. с авест., предисл., примеч. и словарь И. Стеблин-Каменского. М.

Акишев А.К., 1984. Искусство и мифология саксов. Алма-Ата.

Антонова Е.В., 1987. Дикие животные в искусстве древних земледельцев Востока (к семантике представлений о пространстве) // Центральная Азия. Новые памятники письменности и искусства. М.

Ардзинба В.Г., 1982. Ритуалы и мифы древней Анатолии. М.

Арешян Г.Е., 1988. Индоевропейский сюжет в мифологии населения междуречья Куры и Аракса II тыс. до н.э. // ВДИ. № 4.

Балушок В.Г., 1993. Инициации древних славян (попытка реконструкции) // ЭО. № 4.

Бернштам А.Н., 1952. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая // МИА. № 26.

Бируни А., 1957. Памятники минувших поколений // Избранные произведения. Т. 1. Ташкент.

Бичурин Н.Я. (Иакинф), 1950. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 2. М.; Л.

Велецкая Н.Н., 1978. Языческая символика славянских архаических ритуалов. М.

Геродот, 1972. История в девяти книгах / Пер. Г.А. Стратановского. Л.

Гомер, 1984. Илиада / Пер. Н. Гнедича. М.

Жирмунский В.М., 1974. Тюркский героический эпос. Л.

Жоржикашвили Л., Гогадзе Э., 1974. Памятники Триалети эпохи ранней и средней бронзы. Тбилиси.

Зимма Б.М., 1941. Иссык-Кульские жертвенники. Фрунзе.

Зуев Ю.А., 1960а. Тамги лошадей вассальских княжеств // ТИИАЭ АН КазССР. Т. 8. Алма-Ата.

Зуев Ю.А., 1960б. К этнической истории усуней // ТИИАЭ АН Каз. ССР. Т. 8. Алма-Ата.

Зуев Ю.А., 1967. Древнетюркские генеалогические предания как источник по ранней истории тюрков. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Алма-Ата.

Иванов В.В., 1975. Реконструкция индоевропейских слов и текстов, отражающих культ волка // ИАН. Серия литературы и языка. Т. 34. № 5.

Иванов В.В., 1979. О последовательности животных в обрядовых фольклерных текстах // Проблемы славянской этнографии. Л.

Иванов В.В., 1980. Сходные черты в культе волка на Кавказе, в древней Малой Азии и на Балканах // Кавказ и Средиземноморье. Тбилиси.

Иванчик А.И., 1988. Воины-псы. Мужские союзы и скифские вторжения в Переднюю Азию // СЭ. № 5.

Йеттмар К., 1986. Религия Гиндукуша. М.

Кадырбаев М.К., 1983. Бронзовый светильник из Алма-Аты // Культура и искусство Киргизии. Тез. докл. Всесоюз. науч. конф. Вып. 1. Л.

Кардини Ф., 1987. Истоки средневекового рыцарства. М.

Кармышева Д.Х., 1986. Земледельческая обрядность у казахов // Древние обряды, верования и культы народов Средней Азии. М.

Липец Р.С., 1981. "Лицо волка благословенно..." (Стадиальные изменения образа волка в тюрко-монгольском эпосе и генеалогических сказаниях) // СЭ. № 1.

Луконин В.Г., 1987. Золотой сосуд с "историей козы" из Марлика // Центральная Азия. Новые памятники письменности и искусства. М.

Максимова А.Г., Ермолаева А.С., Марьяшев А.Н., 1985. Наскальные изображения урочища Тамгалы. Алма-Ата.

Марьяшев А.Н., Рогожинский А.Е., 1991. Наскальные изображения в горах Ешкиольмес. Алма-Ата.

Мелетинский Е.М., 1968. "Эдда" и ранние формы эпоса. М.

Мелетинский Е.М., 1979. Палеоазиатский мифологический эпос. М.

Менгес К.Г., 1979. Восточные элементы в "Слове о полку Игореве". Л.

Павсаний, 1940. Описание Эллады. Т. 2. М.; Л.

Плетнева С.А., 1978. Хан Боняк и его враги // Проблемы археологии. Вып. 2. Л.

Потапов Л.П., 1958. Волк в старинных народных поверьях и приметах узбеков. // КСИЭ. Вып. XXX.

Потапов Л.П., 1991. Элементы религиозных верований в древне-тюркских генеалогических легендах // СЭ. № 5.

Раевский Д.С., 1987. О природе иконографических схем звериного стиля скифо-сакской эпохи // Прошлое Средней Азии. Душанбе.

Рапопорт Ю.А., 1971. Из истории религии древнего Хорезма (оссуарии). М.

Рапопорт Ю.А., 1987. Святилище во дворце на городище Калалыгыр I // Прошлое Средней Азии. Душанбе.

Рахимов М.Р., 1957. Земледелие таджиков бассейна р. Хингоу в дореволюционный период. Сталинбад.

Свешникова Т.Н., 1990. Волк в контексте румынского погребального обряда // Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Погребальный обряд. М.

Страбон, 1994. География в 17 книгах / Пер., статья и коммент. Г.А. Стратановского. М.

Тревер К.В., 1947. Древнеиранский термин "Parna" (К вопросу о социально-возрастных группах) // ИАН СССР. Серия истории и философии. № 1.
Цивьян Т.В., 1989. Образ и смысл жертвы в античной традиции (в контексте основного мифа) // Палеобалканистика и античность. М.
Элиаде М., 1987. Космос и история. М.

Институт археологии МН – АН Республики Казахстан,
Алма-Ата

G.S. DZHUMABEKOVA

BRONZE CENSER FROM THE SEMIRECHYE

Summary

The Semirechye (South-Eastern Kazakhstan) is known for random finds of metallic boilers, censers, sacrifice tables that date to the age of early nomads. The latest find of a censer in the village Yermensay (the Almaaty region) is noted for a number of attributes: remains of a clay construction are related to it; the find was accompanied by a burial of a women with a child; the story presented in the censer is interesting. It is an illustration of the scene when a mountainous goat is being torn to pieces by two wolves and two birds (ravens). The author links the find with the idea of making sacrifices to spirits of ancestors, perished warriors or a god who is a protector of military men's unions.

С.Л. СОЛОВЬЕВ, А.М. БУТЯГИН

ЗЕМЛЯНКИ НА ХОРЕ НИМФЕЯ

В 1993–1994 гг. в ходе раскопок на одном из сельских поселений Нимфейского полиса, условно названном Героевка-2 и расположенном на морском побережье в 4 км к югу от городища Нимфея[1] (рис. 1), в числе разновременных древностей были обнаружены два строительных комплекса классического периода. Главная их особенность состояла в том, что оба сооружения были землянками, т.е. строениями, заглубленными в землю более чем на половину человеческого роста (Крижицький С.Д., Русяэва А.С., 1978, с. 3 сл.). Постройки такого типа, хорошо известные в других регионах Северного Причерноморья классической эпохи (Мелюкова А.И., 1975, с. 9; Марченко К.К., Соловьев С.Л., 1988, с. 49–54; Головачева Н.В. и др., 1991, с. 66–71; Житников В.Г., Марченко К.К., 1984, с. 162–171), все еще редки на Боспоре (Толстиков В.П., 1992, с. 59–61; Федосеев Н.Ф., 1991, с. 29–31; 1994, с. 249, 250) и до сих пор вовсе не были известны в окрестностях Нимфея[2]. Поэтому обнаружение их на поселении Героевка-2, причем в совокупности с другими весьма многочисленными свидетельствами жизни на этом поселении в V–IV вв. до н.э. (рис. 2), показалось нам настолько интересным и важным фактом археологии этого региона, что мы решили обратить на него более пристальное внимание. Однако прежде чем дать этому примечательному факту какое-либо объяснение, кратко опишем строительные комплексы.

Обе древние постройки представляли собой строения, значительно заглубленные в землю (рис. 3). Глубина их котлованов, зафиксированная на момент раскопок на уровне материкового суглинка, достигала 2, 30 (строительный комплекс № 2) и 1,30 м (строительный комплекс № 3). В действительности же эти значения были несколько бóльшими, поскольку очевидно, что строительство этих комплексов начиналось на уровне древней дневной поверхности, а не сразу на материке. Котлованы землянок имели четырехугольную в плане форму и относительно вертикальные борта, местами, правда, слегка оплывшие или обрушившиеся из-за того, что землянки в течение какого-то более или менее продолжительного времени после прекращения в них жизни использовались как места для свалки бытового мусора, который в конечном итоге заполнил их доверху. При этом само заполнение землянок по своей структуре напоминало "слоеный пирог", поскольку хозяйственный мусор время от времени по мере его накопления перекрывался слоем глины, очевидно, в санитарно-гигиенических целях. Вероятно, этими же соображениями руководствовались обитатели землянок, когда неоднократно промазывали их полы. Кстати сказать, глиняной обмазкой были покрыты и борта котлованов. Обе постройки скорее всего были ориентированы одинаковым образом: своими главными продольными осями по линии север – юг. На этом, пожалуй, и заканчивается сходство описываемых сооружений. Далее речь пойдет об их различиях.

---

[1] О местоположении поселения и его особенностях см.: Кругликова И.Т., 1975, приложение 1, № 170; Соловьев С.Л., 1993, с. 5, 6; Зинько В.Н., Соловьев С.Л., 1994, с. 159–163; Solov'ev S.L., Zin'ko V.N., 1995, p. 73–78.

[2] В данной связи отметим тот факт, что на ближайшем к нашему сельском поселении Героевка-1 – одном из наиболее крупных населенных пунктов Нимфейской хоры, существовавшем еще в архаическую эпоху (Кругликова И.Т., 1975, с. 39–45), – раскопками последних лет открыты синхронные строительные остатки принципиально иного характера – сельская усадьба с башней, выполненная в традициях греческого домостроительства (Горончаровский В.А., 1991, с. 23, 24; 1993, с. 22, 23).

© С.Л. Соловьев, А.М. Бутягин, 1998 г.

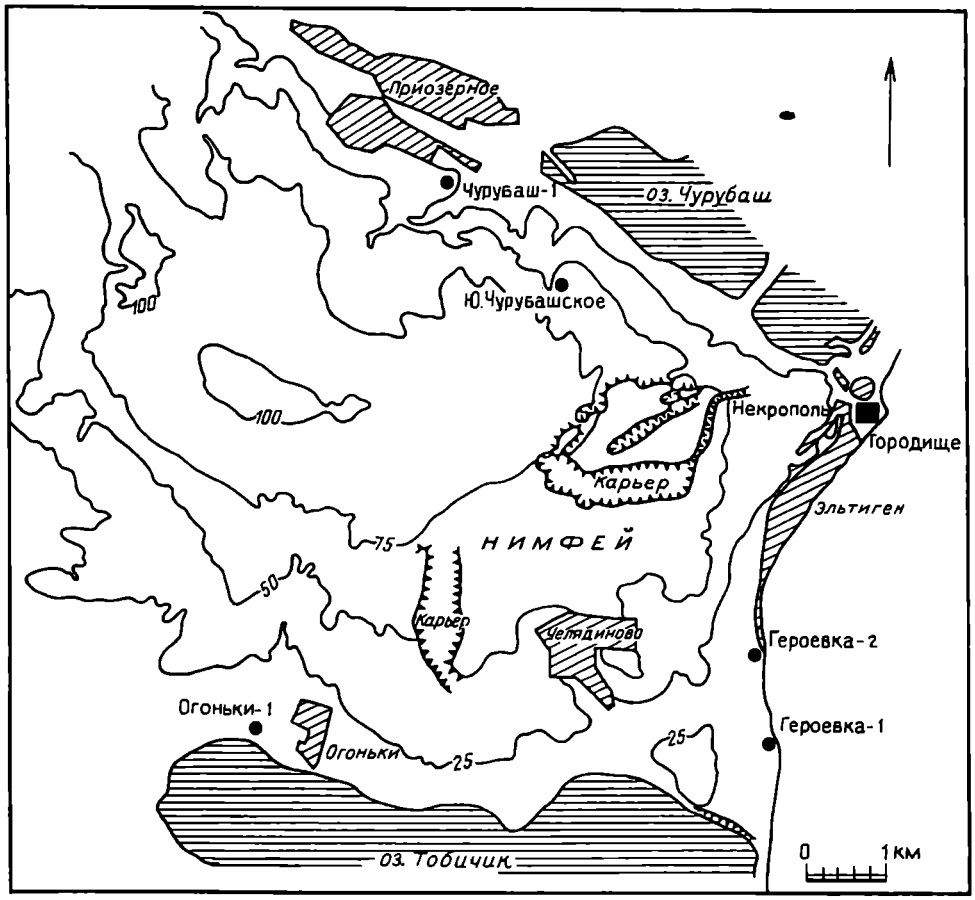


Рис. 1. Карта Нимфейского полиса

В первую очередь это касается размеров самих землянок. Так, площадь землянки № 3 составила всего лишь около 12 м^2, тогда как площадь другой постройки, учитывая предполагаемые размеры ее несохранившейся восточной части, могла достигать 40 м^2. Как нам кажется, есть все основания полагать, что береговая абразия, отличающаяся весьма значительной интенсивностью на данном участке побережья, уничтожила не более $^1/_4$ части всего комплекса. Разнятся постройки и своим внутренним устройством.

Землянка № 3 имела две конструктивные особенности. Первая из них – это вырезанная в суглинке пятиступенчатая лестница, по которой можно было спуститься в землянку с восточной (боковой) стороны. В противоположном от лестницы борту котлована находилось большое углубление: вероятно, ниша хозяйственного назначения – вторая особенность этого комплекса. Отметим еще две менее значительные детали – это, во-первых, конические ямки, вырытые в полу для установки опор кровли, и, во-вторых, то, что общая толщина глиняных обмазок пола не превышала здесь 0,10 м.

Землянка № 2 впечатляла не только и даже не столько своими размерами, сколько той основательностью, с какой это сооружение было выполнено. Больше всего усиливают это впечатление каменные цоколи глинобитных стен, с двух сторон укреплявших борта землянки и поддерживавших ее кровлю. Последняя скорее всего была черепичной, сложенной из боспорской и, отчасти, синопской черепицы. Этот наш вывод вполне подтверждается многочисленными находками ее основных деталей – как соленов, таки и калиптеров. Тяжесть, с которой такая кровля могла давить на несущие ее стены, очевидно, была уменьшена прочными дополнительными опорами, глубоко врытыми в пол постройки. Одна из обнаруженных в землянке ямок для установки таких опор имела глубину 0,80 м, а у самого дна завершалась конусовидным камнем, предотвращавшем оседание опоры.

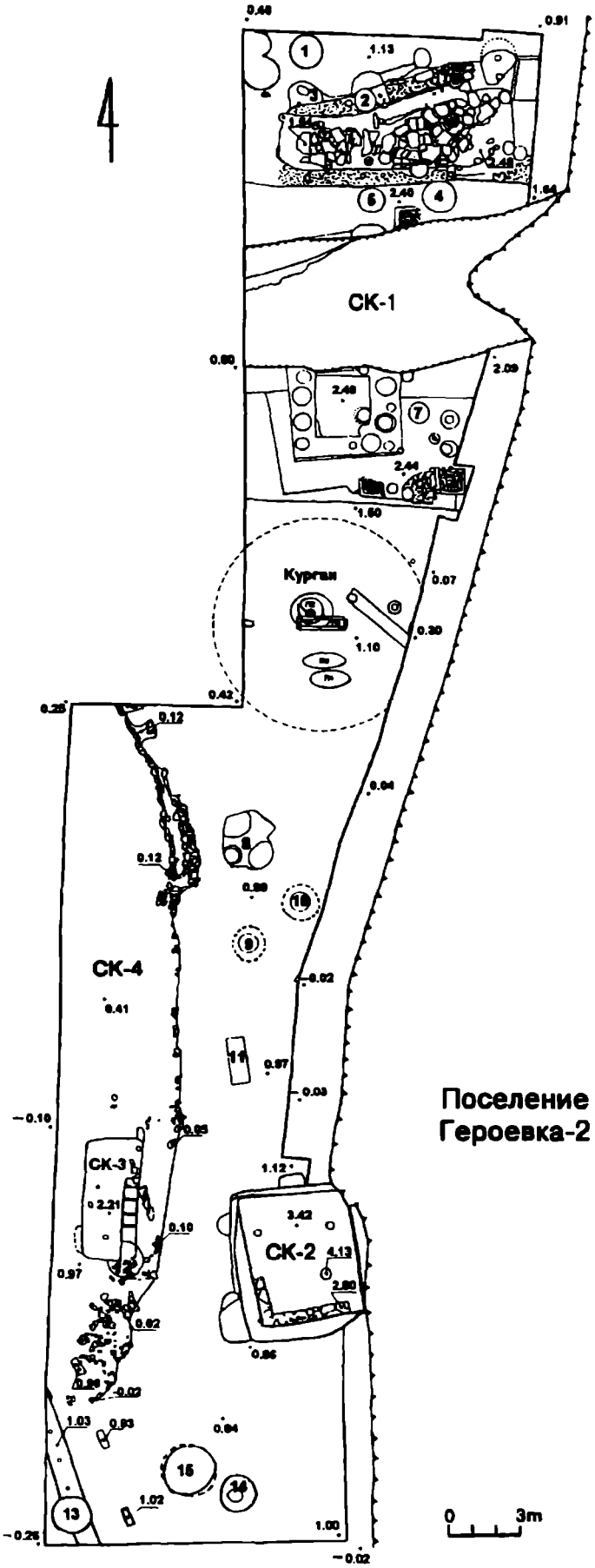


Рис. 2. Поселение Героевка-2. План раскопа (*1–16* – хозяйственные ямы; СК – строительный комплекс)

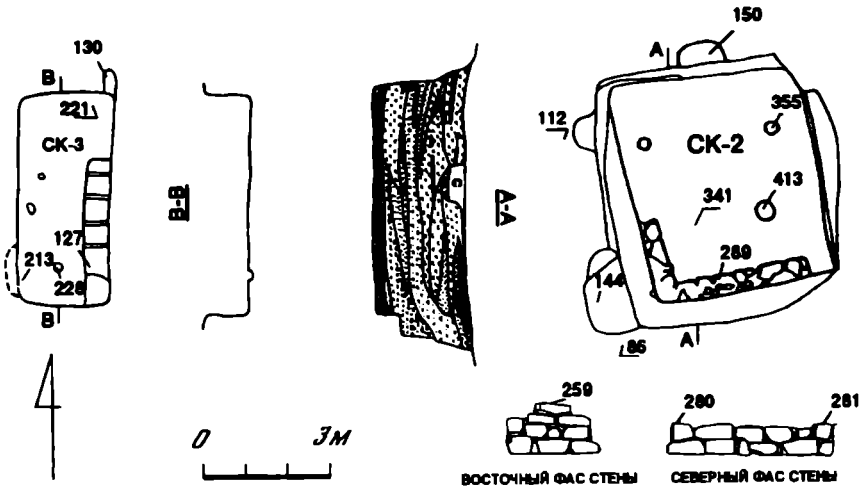


Рис. 3. Поселение Героевка-2. Планы и разрезы землянок

Что касается самой стены, то, как уже говорилось, ее верхняя часть, надо заметить, плохо сохранившаяся, в основном была глинобитной и лишь местами сложенной из сырцовых кирпичей. Другое дело ее цоколь, шириной 0,50 и высотой 0,80 м. Он был сложен по двухслойной системе кладки, на одно лицо. Внутренний фас состоял из больших, хорошо обработанных, особенно с лицевой стороны, камней, положенных на постель и скрепленных глиной. Внутренний слой кладки – это мелкий каменный бут, залитый глиняным раствором. Особо следует заметить, что раскрытая нами часть стены уже в то время не имела продолжения, во всяком случае в северном направлении. Здесь, а также у западного конца стены, по-видимому, находились постоянные, вероятно, определенные еще с момента заселения землянки, места для установки переносных жаровен: пол под ними и вокруг них и даже расположенные рядом борта котлована были сильно обожжены и покрыты копотью. О частом и интенсивном их использовании обитателями постройки свидетельствует быстрота накопления золы на неоднородно подновлявшихся глиняных полах землянки, мощность которых к моменту прекращения в ней какой-либо деятельности достигла 0,50 м.

И, наконец, последнее. Вход в постройку скорее всего был устроен в ее северной части. Здесь, вероятно, стояла деревянная лестница, начинавшаяся со ступени, вырезанной в борту котлована. Ширина входа могла достигать 1,0 м.

Завершая описание землянок, хотелось бы отметить, что различия между ними проявились прежде всего в размерах самих построек, в конструкции их кровли, в том числе ее несущей части, и в составе интерьера. Все эти несовпадения, как нам кажется, легко объяснимы вполне очевидным несходством основных функций этих сооружений. По всем вышеперечисленным признакам землянка № 2 с полным основанием может быть отнесена к разряду жилых строений. Другая же землянка имела скорее всего хозяйственное назначение.

На это указывает и состав находок из заполнения землянок (рис. 4). При кажущемся его типологическом однообразии и безусловном превалировании в нем амфорной тары (она составляла до 90% всего комплекса керамики) именно особенности этой керамической группы в землянке № 3 дали основания предполагать хозяйственное назначение последней. Прежде всего мы имели в виду находку в этой постройке 12 амфор разных греческих центров, главным образом Хиоса и Гераклеи, и в том числе по одной амфоре Фасоса, Синопы, типа Солохи I и II. Определенный интерес в указанном смысле представляет найденная в землянке свинцовая гиря (рис. 5), вероятно, служившая для развешивания хранившихся здесь припасов. В этом же отношении, как нам кажется, также показательна и сама малочисленность всех находок в хозяйственной постройке по сравнению с жилищем.

Среди остальных находок из обеих землянок основной массив столовой посуды составляла красно- и сероглиняные кувшины, миски и рыбные блюда, а также чер-

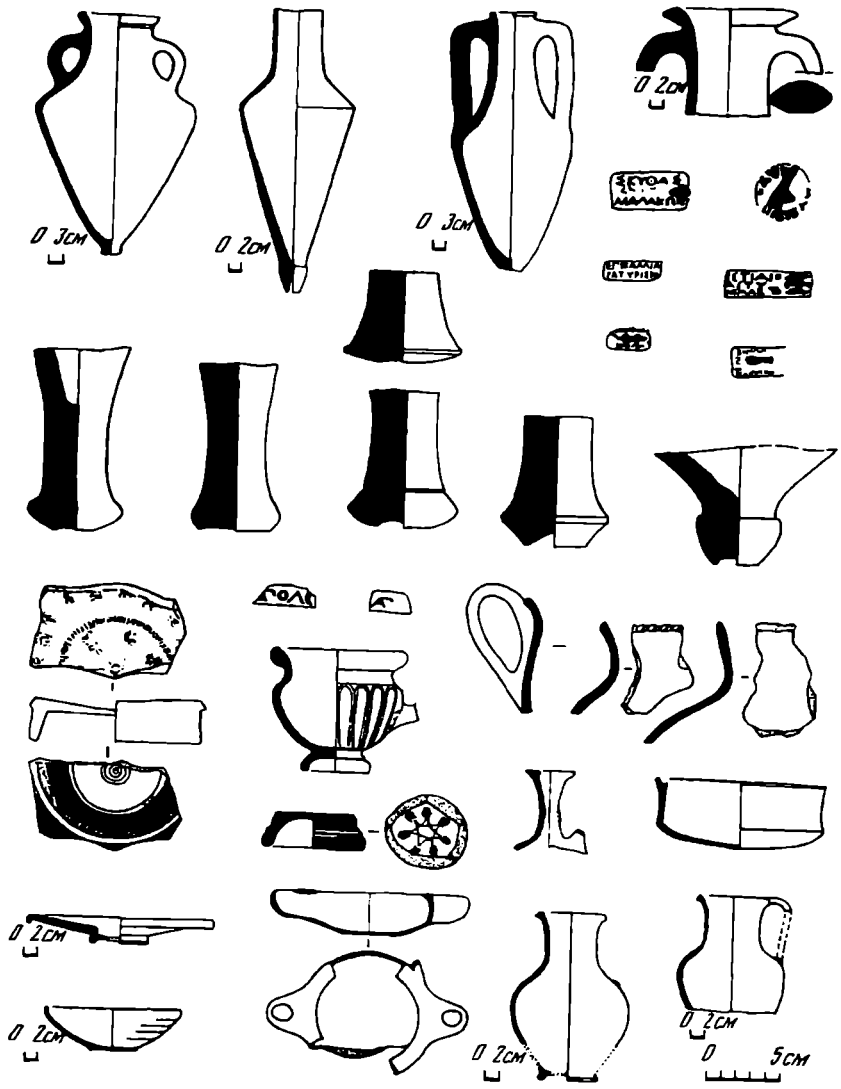


Рис. 4. Поселение Героевка-2. Находки из землянок

нолаковые сосуды аттического производства (преобладали тарелки, миски и канфары). Для приготовления пищи наряду с кастрюлями греческого производства широко применялась местная посуда, сделанная без помощи гончарного круга, прежде всего горшки и сковороды. В процентном отношении лепные сосуды составляли 26% керамического комплекса (разумеется, без учета амфор). Среди других находок из землянок наибольший интерес представляли терракотовая статуэтка Аттиса (рис. 6) и медное кольцо с гравированным щитком ромбической формы, которое, как нам сообщили из Керчи, где хранятся эти находки, к сожалению, не сохранилось после реставрации.

Все эти археологические материалы позволяют в достаточной степени точно определить период использования вышеописанных сооружений по их прямому назначению: по всей вероятности, таким временем могла быть вторая и отчасти третья четверть IV в. до н.э. В дальнейшем котлованы землянок, безусловно, использовались как ямы для бытового мусора.

Существенно дополняют картину жизни на поселении в это время археологические объекты иного рода, также обнаруженные в ходе раскопок. К ним относится в первую очередь серия хозяйственных ям, служивших для хранения запасов зерна и располагавшихся в непосредственной близости от землянок (рис. 2, ямы 8–10, 14, 15). Большинство ям имело типичную для таких сооружений форму усеченного конуса. Глубина их достигала 2,0 м. Важно отметить, что одна из хозяйственных ям была вырыта еще

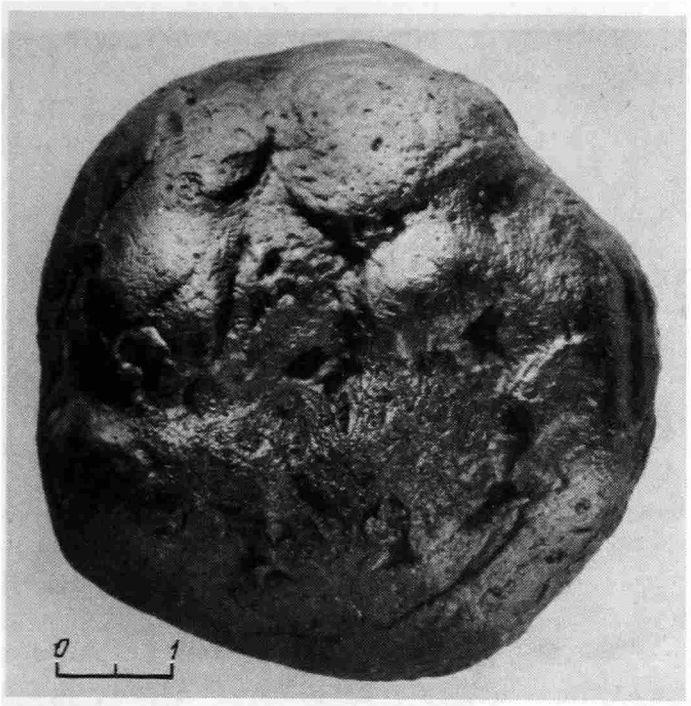


Рис. 5. Поселение Героевка-2. Свинцовая гиря из землянки № 3

в конце V в. до н.э. Ныне это наиболее ранний факт жизнедеятельности на поселении. Как известно, сооружения подобного рода весьма недолговечны, а потому очень скоро по мере износа становились местами для сброса бытовых отходов, хотя для этой же цели уже в то время использовался большой и глубокий овраг, рассекавший коренной берег несколько поодаль к северу от жилых и хозяйственных комплексов. Между ними и оврагом находился еще один археологический объект интересующего нас периода. Это был погребальный курган, высотой всего лишь чуть более 1,0 м, в котором еще раскопками 1993 г. были обнаружены три захоронения классической эпохи: два из них по своему типу – ингумация в скорченном положении без погребального инвентаря, одно – кремация на стороне с последующим помещением праха в урну, в качестве которой служила хиосская амфора. Рядом с ней была положена еще одна такая же амфора, вероятно, с вином.

Особенности топографии и назначения раскрытых объектов позволяют высказать следующие соображения по поводу характера исследованной части поселения. Скорее всего мы имеем дело с отдельным домохозяйством (владением), принадлежавшем, видимо, одной семье и состоявшем как минимум из одного жилища и хозяйственных сооружений – кладовой и нескольких ям-хранилищ для зерна. Жилая зона, очевидно, была отделена забором от примыкавших к ней с востока сельскохозяйственных угодий. Подтверждает наше предположение обнаруженное неподалеку от описанных выше объектов неширокое, однако большой протяженности углубление искусственного происхождения, скорее всего предназначавшееся для основания деревянной ограды, возможно, даже имевшей вид частокола. Такого рода ограждение, расположенное к тому же между двумя глубокими береговыми оврагами, могло служить жителям этого населенного пункта хорошей защитой от нападения диких зверей или визита непрошенных гостей в ночное время, а также в случае иной внезапной опасности. В таких ситуациях незастроенная часть огражденной территории поселка, вероятно, становилась местом для содержания домашнего скота. Более того, расположенные здесь же могилы сородичей находились под постоянным присмотром и защитой от осквернения, что, по всей видимости, также имело большое значение для жителей этого населенного пункта. Учитывая сумму всех этих признаков, представляется вполне допустимым определять тип данного поселения как хуторского хозяйства.

Рис. 6. Поселение Героевка-2. Терракотовая статуэтка Аттиса из землянки № 3

Что же касается интерпретации культурной и этнической принадлежности его жителей, то здесь существуют известные трудности. Во-первых, из-за имеющихся на сегодняшний день лакун и диспропорций в изученности в этом плане отдельных регионов северного побережья Понта, в том числе и района Нимфея[3]. Во-вторых, из-за недостаточной разработанности в античной археологии, как, впрочем, и в археологии в целом, методики решения весьма сложной проблемы соотношения археологической культуры и этноса. Тем не менее, в последние годы ощущаются позитивные сдвиги в решении проблем этнической и культурной принадлежности сельского населения греческих колоний. Прежде всего мы имеем в виду весьма успешные результаты недавно проведенного исследования греко-варварских взаимодействий в Северном Причерноморье, главным образом в его контактных зонах, каковыми в первую очередь стали в процессе греческой колонизации сельские округа эллинских апойкий (Марченко К.К., 1991)[4].

Как было установлено на основе анализа комплекса археологических материалов, прежде всего лепной керамики и строительных остатков из этих районов, основную массу сельского населения ионийских полисов северного побережья Понта в разное время составляли выходцы из различных областей Скифии. В конце V–IV в. до н.э. – в период существования нашего поселения – это были большей частью представители скифских племен[5], господствовавших в это время в обширной степной зоне от Танаиса до Истра. Их погребальные памятники – курганы и грунтовые могильники – в окрестностях греческих городов, в том числе Европейского Боспора, давно и относительно

[3] О существенных пробелах в области изучения сельской территории Нимфейского полиса уже писалось раньше (Solov'ev S.L., Zin'ko V.N., 1995. p. 73). На сегодняшний день наиболее значительные успехи в плане археологического изучения аграрной периферии и освещения в печати его результатов достигнуты на хоре Никония (Охотников С.Б., 1990), Ольвии (Крыжицкий С.Д. и др., 1989) и Херсонеса (Щеглов А.Н., 1978).

[4] В данной связи также можно назвать работы еще ряда авторов: это уже приводившаяся выше монография С.Б. Охотникова (1990), диссертации С.Л. Соловьева (1989) и Ю.А. Виноградова (1990).

[5] Другую, очевидно, меньшую, часть туземного населения контактных зон Северного Причерноморья в классическую эпоху составляли представители оседло-земледельческих этносов этого региона (подробнее об этом см.: Marcenko K.K., Vinogradov Yu.A., 1989, p. 803–813; Марченко К.К., 1991, с. 23–29).

неплохо известны в науке. Другое дело – поселенческие комплексы сельских территорий ионийских полисов Северного Причерноморья, исследованных в этом отношении крайне неравномерно. Большая часть таких памятников стала известна лишь сравнительно недавно, да и к тому же далеко не всюду, где бы этого хотелось и где могло бы оказаться полезным для решения стоящих перед нами задач.

Так, к примеру, существование земляночного домостроительства на Боспоре долгое время оставалось вопросом дискуссионным. Это было связано прежде всего с практически полным отсутствием здесь раскопанных землянок. Кроме того, причисление к землянкам ряда строительных комплексов (Худяк М.М., 1962, с. 12–15), как оказалось впоследствии, было ошибочным (Кошеленко Г.А., Кузнецов В.Д., 1990, с. 46, 47). Земляночные жилища в основном были открыты на Боспоре только в 1980-х годах. В настоящее время на его территории исследовано более двух десятков комплексов такого типа. Большинство из них датируется VI–V вв. до н.э.

Самые ранние землянки, относящиеся еще к первой половине VI в. до н.э., очевидно, имели круглую в плане форму и диаметр около 3 м. Они были впущены в грунт на глубину более 1 м. В полу построек сохранились ямки от столбов, поддерживавших кровлю. Такого рода постройки открыты в Нимфее, Пантикапее и Мирмекии (Толстиков В.П., 1992, с. 59, 60; Виноградов Ю.А., 1991, с. 11–19). Во второй половине указанного столетия здесь появляются четырехугольные в плане постройки. С конца VI в. до н.э. борта котлованов этих сооружений нередко укрепляют каменными стенами. В одном случае зафиксировано членение пространства землянки на хозяйственную и жилую части (Виноградов Ю.А., Тохтасьев С.Р., 1994, с. 59). Переход к наземному каменному домостроительству в городах Боспора относят ко второй половине VI – началу V в. до н.э., с этого времени строительство заглубленных в землю построек временно прекращается.

Земляночное строительство в городах Европейского Боспора ненадолго возобновляется в середине – третьей четверти V в. до н.э. Землянки этого времени открыты в Мирмекии и Пантикапее. Они имеют четырехугольную в плане форму и лишены каменной обкладки стен, их размеры не превышают 27 м^2 (Толстиков В.П., 1992, с. 71; Виноградов Ю.А., Тохтасьев С.Р., 1994, с. 59). Среди деталей их внутреннего устройства можно отметить обмазку пола, ямки для опор, поддерживавших саманные кровли и ступени входа в жилище. Позднее – с последней четверти V в. до н.э. – строения земляночного типа существовали в ближайших окрестностях Пантикапея. Четыре землянки жилого и хозяйственного назначения были открыты на поселении Госпиталь, расположенном в 3 км к югу от древней столицы, на берегу р. Джарджава (Федосеев Н.Ф., 1991, с. 29). Все они имели прямоугольную форму и были ориентированы по сторонам света. Средняя глубина землянок от уровня древней дневной поверхности составила 0,8–0,9 м. Интересно отметить, что три из них погибли в пожаре в третьей четверти IV в. до н.э., после чего уже использовались только для сброса мусора (Федосеев Н.Ф., 1991, с. 30, 31). В настоящее время это, пожалуй, единственный на Боспоре археологический памятник классической эпохи, имеющий значительное сходство с поселением Героевка-2. К сожалению, строительные комплексы Госпиталя все еще не опубликованы.

В такой ситуации поиск ближайших аналогий интересующей нас поселенческой структуре, по всей вероятности, придется продолжить в северо-западном районе Причерноморья, сельские памятники которого в настоящее время изучены полнее, чем боспорские. Мы имеем в виду прежде всего хору Ольвии, включая в нее, в свете новых данных, и прибрежную территорию Северо-Западного Крыма[6]. Как было установлено, возрождение сельской округи Ольвийского полиса начинается в конце V в. до н.э. и на раннем этапе – в течение всей первой половины следующего столетия – характеризуется преимущественно земляночным строительством и широким исполь-

[6] О путях и характере освоения этой территории см.: Щеглов А.Н., 1978, с. 116 сл.; Виноградов Ю.Г., Щеглов А.Н., 1990, с. 310–371.

зованием лепной керамики в быту сельских жителей (Виноградов Ю.А., Марченко К.К., 1985, с. 14, 15; Соловьев С.Л. и др., 1989, с. 112, 113). Сейчас уже стало очевидным, что их этнический состав был неоднородным (Марченко К.К., 1991, с. 28, 29) и, что особенно важно отметить, со значительной, если не сказать превалирующей, в нем долей туземного компонента. Подобным же образом, заметим, оценивают в данной связи и сельские памятники окрестностей Тиры и Никония первой половины IV в. до н.э. (Мелюкова А.И., 1975, с. 192 сл.), а также Северо-Западного Крыма (Щеглов А.Н., 1978, с. 116 сл.). Во всех этих районах греческой колонизации можно найти немало достаточно близких аналогий интересующему нас нимфейскому поселенческому комплексу.

Однако, чтобы полностью уйти от ставшей ныне, как нам кажется, уже неплодотворной дискуссии по вопросу об этническом составе сельского населения вышеперечисленных регионов, которое некоторые исследователи все еще пытаются представить как исключительно эллинское по своему происхождению (Крыжицкий С.Д., 1989, с. 143 сл.), обратимся к материалам, чья принадлежность местной культуре ни у кого не вызывает никаких сомнений. А такого рода факты античной археологии Северного Причерноморья существуют. Это прежде всего материалы широко известного скифского городища-торжища в дельте Дона – Елизаветовского (Marcenko K.K., 1986, p. 377–398; Марченко К.К. и др., 1988, с. 63–78). Среди вскрытых на нем многочисленных землянок, служивших для его обитателей постоянными жилищами, можно найти немало поразительно похожих на те, что были обнаружены нами на поселении Героевка-2. Также заметно большое сходство и в остальном, что имеет отношение к этим археологическим комплексам.

Подводя итог нашим рассуждениям по поводу особенностей формирования сельского населения в окрестностях Нимфея, выделим главное. Во-первых, поселение представляло собой отдельное самостоятельное хозяйство – хутор, состоявший как минимум из одной жилой постройки, группы хозяйственных сооружений и могильника. Во-вторых, жителями поселения скорее всего были выходцы из среды местного, возможно скифского, населения Степного Крыма, уже в конце V в. до н.э. ведшие оседлый образ жизни и занимавшиеся земледелием в ближайших окрестностях крупного и укрепленного Нимфейского поселения Героевка-1. В силу этого, а также благодаря близости самого города обитатели поселка испытывали на себе мощное прямое воздействие эллинской культуры, экономики, а скорее всего и политики. В-третьих, наличие укреплений на ближней хоре Нимфея, пусть даже столь простых и слабых, как на поселении Героевка-2, свидетельствует о недостаточно стабильной военно-политической обстановке в этом районе Европейского Боспора, вероятно, чреватой внезапными нападениями, скорее всего со стороны степи. В-четвертых, неожиданное прекращение жизни на поселении в конце третьей четверти IV в. до н.э., повидимому, можно рассматривать как дальнейшее ухудшение этой обстановки по причине нарастания деструктивных явлений в системе греко-варварских взаимодействий этой части Северного Причерноморья в течение второй половины IV в. до н.э[7].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Виноградов Ю.А., 1990. Особенности греко-варварских взаимоотношений на Боспоре в VI–III вв. до н.э. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л.

Виноградов Ю.А., 1991. Ранние комплексы Мирмекия // Вопросы истории и археологии Боспора. Воронеж; Белгород.

[7] К этим факторам могут быть отнесены, в частности, следующие: возможное ослабление Скифской державы Аттея после его поражения и смерти во Фракии; усиливающееся давление сарматов на скифов, вероятно, вынуждавшее последних чаще и активнее вторгаться в зоны жизненных интересов греческих полисов Европейского Боспора (Щеглов А.Н., 1978, с. 119; Марченко К.К., 1991, с. 23–29).

Виноградов Ю.А., Марченко К.К., 1985. О начале второго этапа развития сельскохозяйственных поселений Нижнего Побужья античного времени // Проблемы исследования Ольвии. Парутино.

Виноградов Ю.А., Тохтасьев С.Р., 1994. Ранняя оборонительная стена Мирмекия // ВДИ. № 1.

Виноградов Ю.Г., Щеглов А.Н., 1990. Образование территориального Херсонесского государства // Эллинизм: экономика, политика, культура. М.

Головачева Н.В., Марченко К.К., Рогов Е.Я., Соловьев С.Л., 1991. Античное поселение Нижнего Побужья Козырка 12 (классический период) // КСИА. Вып. 204.

Горончаровский В.А., 1991. Новые данные для изучения боспорской хоры в VI–II вв. до н.э. // Древнее Причерноморье. Одесса.

Горончаровский В.А., 1993. О полевых исследованиях Иллуратского отряда Боспорской экспедиции ИИМК РАН // Археологічні дослідження в Україні 1991 року. Луцк.

Житников В.Г., Марченко К.К., 1984. Новые данные о строительных комплексах Елизаветовского городища на Дону // СА. № 3.

Зинько В.Н., Соловьев С.Л., 1994. Раскопки на поселении Героевка-2 в 1992 году // Боспорский сборник. Вып. 4. М.

Кошеленко Г.А., Кузнецов В.Д., 1990. Греческая колонизация Боспора // Причерноморье в VII–V вв. до н.э. Тбилиси.

Крыжицкий С.Д., Буйских С,Б., Бураков А.В., Отрешко В.М., 1989. Сельская округа Ольвии. Киев.

Крижицький С.Д., Русяэва А.С., 1978. Найдавніші житла Ольвії // Археологія. № 28. Киев.

Кругликова И.Т., 1975. Сельское хозяйство Боспора. М.

Марченко К.К., 1991. Греки и варвары Северо-Западного Причерноморья VII–I вв. до н.э. (проблемы, контакты, взаимодействия). Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Л.

Марченко К.К., Житников В.Г., Яковенко Э.В., 1988. Елизаветовское городище – греко-варварское торжище в дельте Дона // СА. № 3.

Марченко К.К., Соловьев С.Л., 1988. К типологии строительных комплексов Нижнего Побужья IV в до н.э. // КСИА. Вып. 194.

Мелюкова А.И., 1975. Поселение и могильник скифского времени у села Николаевка. М.

Охотников С.Б., 1990. Нижнее Поднестровье в VI–V вв. до н.э. Киев.

Соловьев С. Л., 1989. Строительные комплексы архаической Березани (анализ архитектурно-строительных традиций). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л.

Соловьев С. Л., 1993. Раскопки на хоре Нимфея в 1992 году // Отчетная археологическая сессия Государственного Эрмитажа. Тез. докл. СПб.

Соловьев С. Л., Рогов Е.Я., Головачева Н.В., 1989. К вопросу о реколонизации Нижнего Побужья IV в. до н.э. // Проблемы исследований античных городов. М.

Толстиков В.П., 1992. Пантикапей – столица Боспора // Очерки археологии и истории Боспора. М.

Федосеев Н.Ф., 1991. Поселение Госпиталь // Проблемы археологии и истории Боспора. Тез. докл. юбилейной конф. к 165-летию основания Керченского музея древностей. Керчь.

Федосеев Н.Ф., 1994. Исследование поселения Госпиталь // Археологические исследования в Крыму. 1993 год. Симферополь.

Худяк М.М., 1962. Из истории Нимфея VI–III вв. до н.э. М.

Щеглов А.Н., 1978. Северо-Западный Крым в античную эпоху. М.

Marcenko K.K., 1986. Die Siedlung von Elisovetovka – ein grechisch-barbarisches Emporien im Dondelta // Klio. 68(2).

Marcenko K.K., Vinogradov Yu.A., 1989. The Scythian period in the nothern Black Sea region (750–250 BC) // Antiquity. 63(241).

Solov'ev S.L., Zin'ko V.N., 1995. Research on the Chora of Nymphaion. Study problems // Archeologia. N 45. Warszawa.

Государственный Эрмитаж,
Санкт-Петербург

S.L. SOLOVYEV, A.M. BUTYAGIN

SUBTERRANEAN HOUSES IN THE CHORUS NIMPHEYA

Summary

The paper describes two construction complexes of a subterranean house type, a series of household pits, a burial kurgan and remains of a palisade that date to the classical period discovered during the excavations of a rural settlement Geroevka-2 located in the near vicinity – Nimpheya.

The authors come to the conclusion that the uncovered part of the settlement Geroevka-2 was a separate, independent economic unit – a farmstead. Residents of the settlement were descendants of local, possibly, Scythian, tribes from the Steppe Crimea which as early as the end of the 5th centure BC led a sedentary life and were engaged in crop-growing. Thanks to vicinity of the city, residents of the settlement were under a strong impact of the Hellenic culture and economy. Availability of fortifications in the near chorus Nimpheya is an evidence of a not very stable military and political situation in this region of European Bosporus. A sudden termination of life in the settlement at the end of the third quarter of the 4th century BC is considered by the author as an evidence of a further aggravation of this situation due to a build-up of destructive phenomena in the system of interrelations between the Greek and barbarian tribes.

А.Д. КАНАШ, Г.А. ПУГАЧЕНКОВА

УНГУРЛИКАНСКИЙ КЛАД

Древний рудник Унгурликан расположен в 60 км к югу-востоку от Ташкента на северных склонах Кураминского хребта, в 10–12 км от р. Ахангеран. Унгурликан в переводе с узбекского означает "рудник с ямами или пещерами". Здесь на площади 0,5 км^2 сосредоточено более 70 древних выработок, преимущественно карьерного типа. Некоторые выработки, подсеченные современными штольнями на глубине 50 м от поверхности, представляют путаную систему частично забутованных ходов и камер. Геологически они приурочены к полю вторичных кварцитов и пропилитов. Зоны развития максимальной минерализации фиксируются в узлах пересечения разломов широтного простирания и сопряженных с ними трещин (Менчинская Е.И., 1981, с. 56).

Впервые рудник обследован в 1928 г. Б.Н. Наследовым и П.И. Князевым. Б.Н. Наследов считал невероятной разработку месторождения в древности для добычи обнаруженной им здесь на поверхности недоброкачественной бирюзы. После получения результатов анализов со следами золота сложилось представление, что именно этот металл являлся основным объектом добычи (Наследов Б.Н., 1935, с. 225). Но в ходе последующих геологических исследований здесь выявились участки с бирюзой ювелирного качества.

Археологически датированный материал рудника невыразителен, однако здесь встречены фрагменты лепной керамики, характерной для середины – начала второй половины I тыс. н.э. и керамических сосудов X–XII вв. Ю.Ф. Буряков и Р.А. Бакиев полагают, что интенсивная работа на руднике протекала в VI–VIII вв. н.э., что сочетается с данными письменных источников (Буряков Ю.Ф., Бакиев Р.А., 1984, с. 116).

В письменных источниках отсутствуют прямые сведения о разработке Унгурликана, хотя бирюзовый рудник Чача и Илака (ныне Ташкентской области) упоминается неоднократно. В китайских хрониках Танской империи среди товаров, широко распространенных на восточном рынке, описаны украшения "сэсэ" из синего минерала. Основным их поставщиком в VII–VIII вв. назван Чач, причем указывается, что этот минерал добывается в горах к юго-востоку от г. Чача. Сообщается также, что Гао Сяньчжи, разграбивший в 750 г. столицу Чача, ослабленную в результате борьбы с арабами, захватил там наряду с золотом, верблюдами и породистыми лошадьми множество этих украшений. Некоторые востоковеды отождествляют минерал сэсэ с бадахшанским лазуритом, происходящим из района, весьма далекого от Чача, не учитывая реального расстояния, местоположения рудника и объема добычи. Минералом же этим являлась унгурликанская бирюза. Следует подчеркнуть, что бирюза является вторым после нефрита любимым ювелирным камнем Китая (Бичурин Н.Я., 1950).

В XI в. Абу Рейхан Бируни в "Собрании сведений для познания драгоценностей" сообщает о крупном руднике Илакской бирюзы, который к этому времени уже иссяк и был заброшен (если это не добавления поздних переписчиков). По данным этого автора, вес самых крупных образцов бирюзы был близок к 100 дирхемам, а по сообщениям средневекового ювелира, на Илакском руднике добывали бирюзу весом до 200 дирхемов (Бируни, 1963, с. 159). Изучение бирюзовых проявлений на сопредельных площадях в древних границах Чача и Илака (Актурпак, Яккабаг и др.) с

© А.Д. Канаш, Г.А. Пугаченкова, 1998 г.

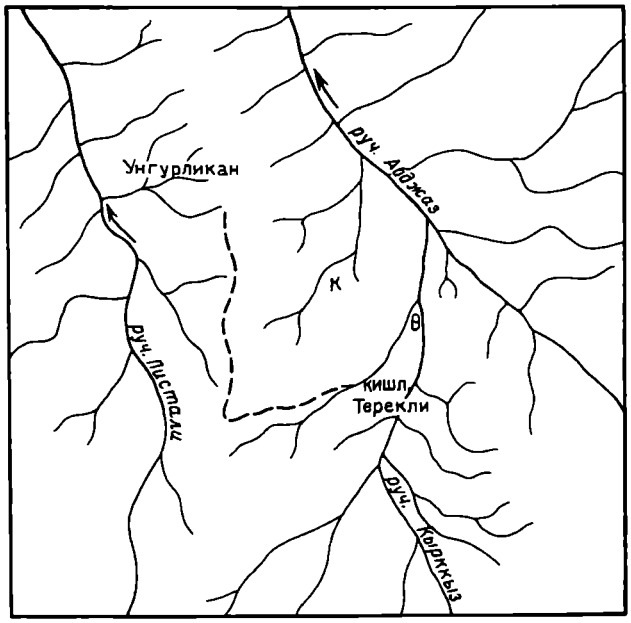


Рис. 1. Местонахождение клада

учетом древних разработок позволяет подтвердить выводы Ю.Ф. Бурякова (1974, с. 44) и О.И. Исламова (1977, с. 92), что Бируни имел в виду бирюзовый рудник Унгурликан.

Видимо, в XVI в. на рудниках Ташкентского оазиса продолжалась добыча бирюзы. Об этом свидетельствует сообщение Зайнуддина Васифи о выдаче ташкентским ханом Бараком в 1540 г. суюргала сейиду Шамсуддину Мухаммаду Хорасани на разработку всех пустошей и рудников, кроме действующих разработок бирюзы и железа (Болдырев А.Н., 1957, с. 185).

Скудный комплекс керамики, собранный непосредственно на месторождении, расположенном в малопригодной для жилья приводораздельной части, и обнаруженные остатки древней тропы протяженностью около 2 км позволяют предположить, что древние рудокопы жили в районе современного кишлака Терекли. Собранный здесь археологический материал дополняет выводы о времени функционирования рудника. Помимо керамики X–XII вв. здесь около насыпного кургана, находящегося на слиянии горных потоков-саев, найдена медная монета чекана хорезмшаха Мухаммада, правившего в 1200–1220 гг. (определена Э.В. Ртвеладзе).

При прокладке дороги на буровую скважину у одного из левых притоков ручья Абджасай геологами был открыт комплекс медной и посеребренной посуды, к сожалению, крайне деформированной бульдозером. При детальном обследовании среза дороги на глубину около 1 м выяснилось, что лессовидные суглинки здесь и вокруг не содержат даже признаков культурного слоя и что предметы были закопаны в необжитом месте (рис. 1). Здесь же обнаружены железные пластины и гвозди от крепления истлевшего деревянного сундука, в который были положены все предметы. Само же место находки располагается в своеобразной котловине, образованной изгибом сая, закрытой от основной долины, будучи как бы замаскированным.

Клад был передан в музейный отдел научно-производственного и учебного центра Госкомгеологии Узбекистана в Ташкенте. Клад включал более десяти бронзовых предметов, имеющих большую познавательную и историко-культурную ценность, дополняя представления о среднеазиатской торевтике совершенно новыми материалами.

1. Крупное плоское блюдо с закругленно-отогнутым краем. Бронза, посеребрение. Размеры: диаметр 48 см, высота отгиба 3,8 см, сечение 1–1,5 мм. Днище вплоть до начала выгиба подразделено концентрическими орнаментальными поясами, которые отделены узкими полосками. Орнаментация выполнена тонкой гравировкой. В центре – круглый медальон диаметром 12,7 см, заполненный плетенкой (середина утра-

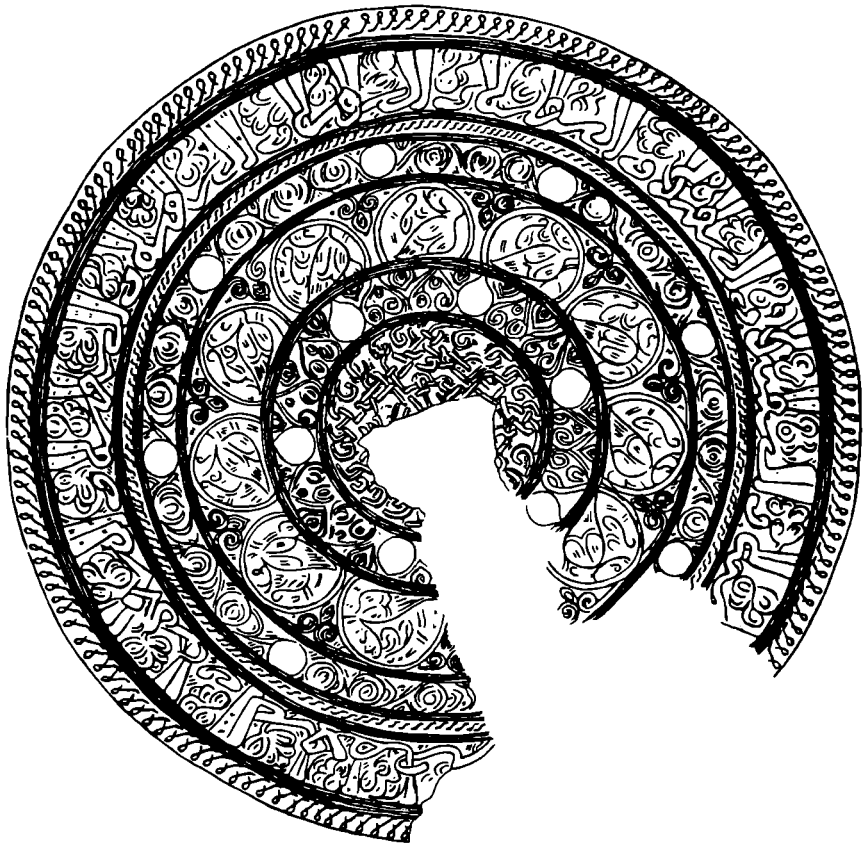


Рис. 2. Блюдо 1

чена). Далее – полоса шириной 2,8 см, где чередуются кружки (их шесть) и пары крупных трилистников с треугольниками между их заострениями. Затем – широкая полоса в 4,5 см, в ней – трехчетвертичные круги со стилизованными изображениями утки, обращенной вправо, и растительным заполнением фона, а между кругами – трехлиственный орнамент. Затем – полоска шириной 1,9 см, в ней 10 кружков, между которыми – спиралевидные побеги. Полоска шириной 0,9 см с S-образными штрихами. Полоса шириной 3,9 см, заполненная сильно стилизованным эпиграфическим орнаментом, между вертикальными буквами – пятилепестковые пальметки. Завершающую полосу в 1,5 см заполняет линейная плетенка (рис. 2).

Оформление доньев концентрическими кругами и орнаментальными полосами характерно для бронзовых и серебряных блюд XII в. в Иране, Хорасане, Мавераннахре, но такую насыщенность орнаментов, как на унгурликанском блюде, трудно указать. Аналог его общей орнаментации дает блюдо из Мичиганского университета, которое относят к изделиям Трансоксианы (т.е. Средней Азии) (Melikian-Chirvani A.S., 1976, N 185). Сложная плетенка в круге присутствует на подносе из афганского Хорасана (The Art of Islam..., 1976, N 29), а также на бронзовой с посеребрением чернильнице из коллекции Н.И. Веселовского, привезенной им из Самарканда и хранящейся в Государственном Эрмитаже (Шедевры..., 1990, № 29).

Отметим, что если на иранских средневековых бронзовых сосудах нередки изображения людей (сценки охоты, пиршества и пр.), то в Мавераннахре они отсутствуют, здесь встречаются лишь изображения сказочных существ или же реальных, но сильно стилизованных представителей животного мира, таких, как утки на унгурликанском блюде. Общим для всего ближне- и средневосточного региона является стилизованно-растительный орнамент – чаще всего это растительный побег, растительные завитки и пальметты. Существенным элементом на металлических изделиях являлись арабские надписи благожелательного содержания – пожелание здоровья, счастья, благополучия и пр.

2. Плоское блюдо с изгибом края вверх. Бронза, посеребрение. Размеры (см): диаметр 41, высота борта 3,7. Вплоть до выгиба все днище заполняет гравированный орнамент, нанесенный тонкими линиями, а иногда широкими штрихами. В центре блюда находится круглый медальон диаметром 7,4 см, который заполнен плетенкой, образованной встречными штрихами со скобкообразным обрамлением по внешнему контуру. Корпус блюда до бортика заполняют концентрические орнаментальные пояса, разделенные сдвоенными линиями. Вокруг медальона имеется полоса шириной 1,4 см, заполненная штрихами и подразделенная четырьмя кружками, между которыми – пары встречных штрихов. Затем – полоса шириной 4,4 см, заполненная кружками, в них – стилизованные изображения уток, обращенных вправо, на фоне скобок и штрихов. Треугольные поля между кругами также заполнены штрихами. Затем – полоса шириной 1,4 см со штриховым заполнением, таким же, как во второй полосе, но здесь его прерывают крупные концентрические круги диаметром 7 см. Во внутреннем круге – такие же утки, как в третьей полосе. Далее между двумя узкими полосками расположена радиально расчлененная полоса шириной 2,1 см. Ее заполняет орнамент в виде повторяющихся кругов, по обеим сторонам которых расположены пальметты о четырех лепестках. Отогнутый край блюда не орнаментирован (рис. 3).

Орнаментальные мотивы и приемы оформления данного блюда аналогичны таковым на первом (например, утка в круге), но выполнение грубее. Композиционное распределение орнаментов и их стиль близки; по-видимому, они были выполнены в одной мастерской. Но если большое блюдо изготовил искусный мастер, то второе – мастер второго класса, использовавший единые орнаментальные шаблоны, но упростивший процесс нанесения орнамента.

3. Небольшое блюдо. Бронза, литье, гравирование и чекан. Размеры (см): диаметр 20,5, высота 1,2. По краю – оттянутый борт шириной 1,8 см. Снаружи внизу был, видимо, припаян поддон диаметром 8,5 см, к сожалению, не сохранившийся. В орнаментации выделен центральный медальон диаметром 8 см. В нем изображена фигура крылатого сфинкса, шествующего влево, на фоне мелкорастительных завитков. Это фантастическое существо с корпусом льва, крылом птицы и женской головкой, охваченной обручем, с шишаком наверху, в обрамлении овального нимба. На расстоянии 10 см от медальона – концентрическая полоса, в ней – спиралевидный побег, четырежды прерываемый гладкими кружками. Борт блюда разбит на шесть частей, где чередуются аналогичный растительный мотив и куфическая надпись (сильно потерта, на рисунке она не воспроизведена) (рис. 4).

В средневековой торевтике Ирана и Средней Азии XI–XII вв. были популярны образы льва и полиморфных существ с туловищем льва крылатого львогрифона и женщины-сфинкса описанного типа. Изображение последней в данный период нередко на керамических сосудах, расписном стекле, шелковых тканях и особенно в художественном металле.

Аналогией унгурликанскому блюду может служить блюдо из коллекции Келикьяна – его относят к изделиям иранской или хорасанской торевтики, хотя место его находки неизвестно (Pope A.U., 1939, pl. 1290). На нем в центральном медальоне изображен аналогичный крылатый женский сфинкс на фоне растительных завитков, далее – гладкая полоса, потом полоса орнаментальная, подразделенная четырьмя кружками, между которыми – пара обращенных друг к другу птиц (голубей?) на фоне растительных завитков. На блюде из Калаи-Балянд в Северном Таджикистане изображен шествующий влево женский сфинкс (Кильчевская З.В., Негматов Н.Н., 1979, с. 469). Упомянем также блюдо из коллекции Стора, где в орнаментальной полосе – крупные кружки и в них чередуются изображения крылатой женщины-сфинкса и женщины-птицы (Pope A.U., 1939, pl. 1292-a). Те же сказочные существа чередуются наверху бронзовой подставки из Северного Таджикистана (Древности Таджикистана, 1986, № 823). В этой связи уместно напомнить, что образ женщины-птицы – вещей Сирин – известен в Средней Азии с доисламских времен, он представлен, например, в настенном рельефе дворца в Варахше (Шишкин В.А., 1963, с. 211 сл., рис. 80–90). Со-

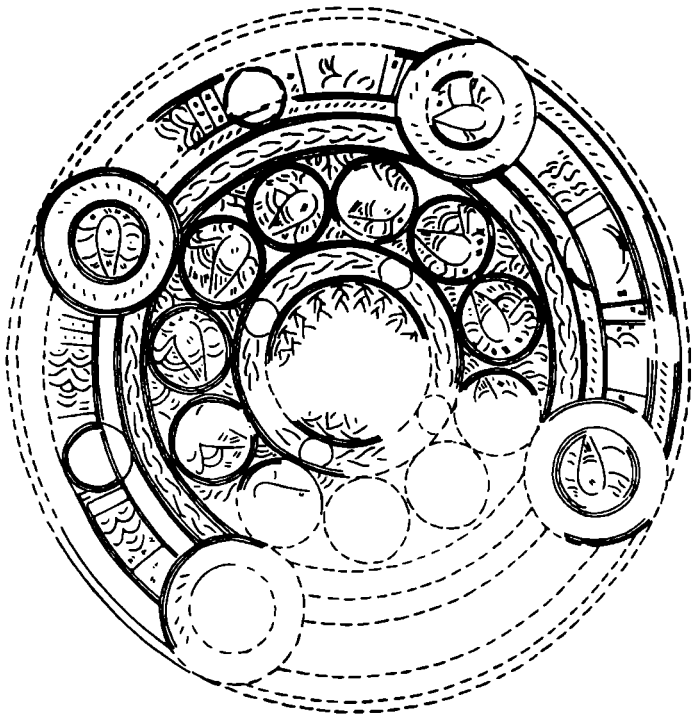


Рис. 3. Блюдо 2

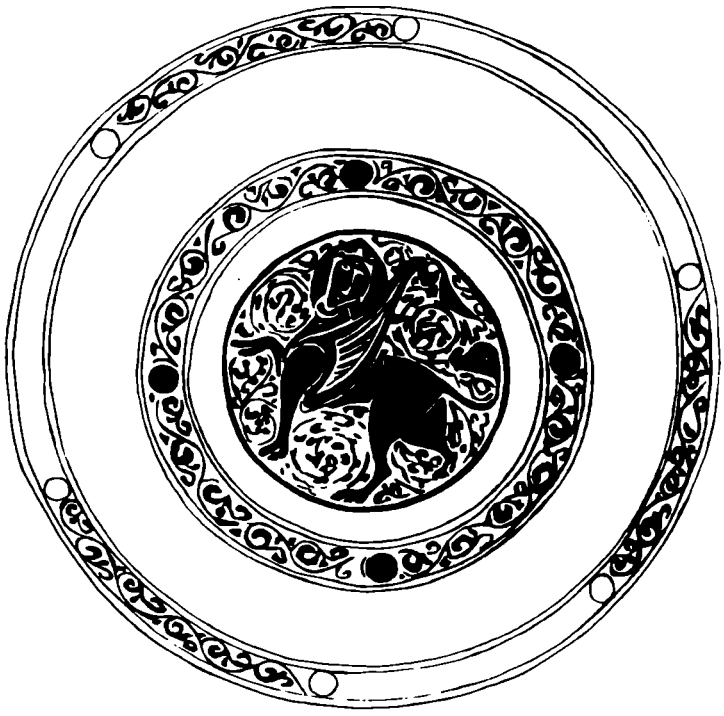


Рис. 4. Блюдо 3

седство их на упомянутых сосудах явно указывает на семантическую близость, но не на тождество.

Образ сфинкса с телом льва, крылом птицы и женской головкой имел фольклорно-сказочное значение и был достаточно распространен в ирано-среднеазиатском регионе в XII – начале XIII в., но исчез в монгольский период. Помимо упомянутых выше сосудов он представлен на бронзовых зеркалах, где изображена пара таких сфинксов, как бы вставших на дыбы, спиною друг к другу. Они найдены в Семиречье (Бернштам А.Н., 1952, с. 156, рис. 69), в Термезе (Пугаченкова Г.А., 1961, с. 153, рис. 69),

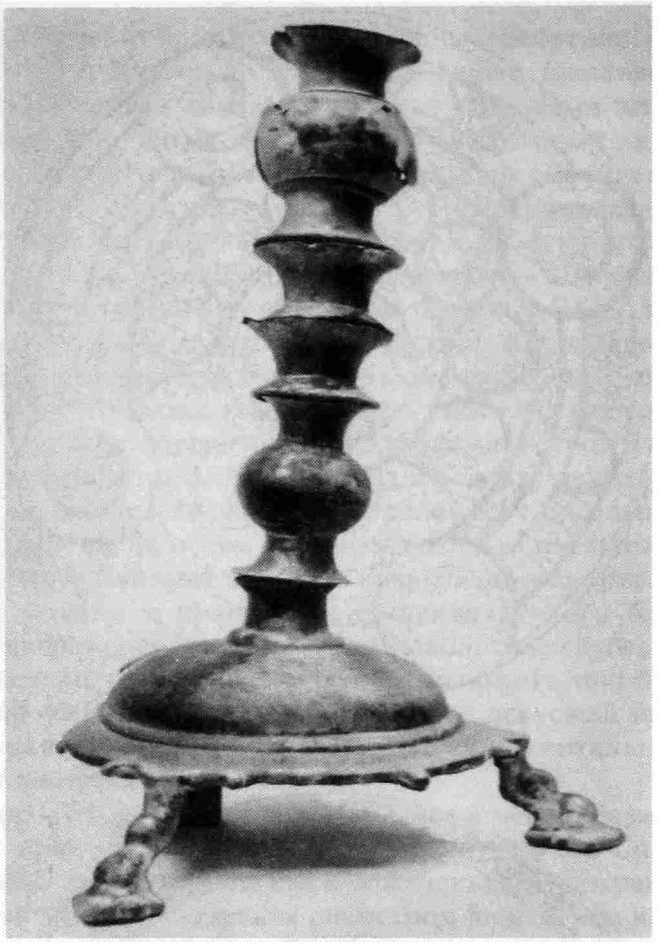


Рис. 5. Подставка и стержень светильника 5

имеются в частных коллекциях (Pope A.U., 1939, pl. 1302-e). Зеркало – символ судьбы, им отражаемой; вероятно, таково и значение этого фантастического образа. Как знак благополучия судьбы он предстает и на блюдах.

4. Тарелка. Медь. Плоская форма с приподнятым бортом. Размеры (см): диаметр 18, борт 2, высота тарелки 1. В центре нанесен чеканом медальон диаметром 4,8 см; в обрамляющем бордюре с зазубренным внешним контуром вписана фигурная розетка. Общий тип тарелки традиционен, но рисунок медальона своеобразен и выполнен искусной рукой.

5. Основание трехножки – подставки для светильника. Бронза, литье. Размеры (см): диаметр 16, высота 7, с ножками 10. Сечение от 1 до 3 мм. Три ножки (сохранились две) имитируют стилизованные лапы зверя, они раскинуты для устойчивости. Подставка имеет отлого-сферическую форму с оттянутым у основания краем, где между ножками в каждой трети круга – небольшие округленные выступы. В центре – цилиндрическое, расширенное кверху полое звено.

По-видимому, этому основанию принадлежит профилированный стержень подставки, составленный из отдельных полых внутри катушек, припаивавшихся друг к другу. По сопоставлению диаметров предложена возможная реконструкция. На выступе основания – первая секция, слегка сужающаяся кверху. На ней – вторая сфероидная, далее – третья, расширяющаяся кверху, четвертая, вдавленная посередине, пятая с утолщением кверху, шестая снова сфероидная, но более массивная, чем нижняя, седьмая с расширением вверх. Возможно, что было и еще звено, но скорее всего здесь был припаян плоский круг, на который ставили зажженные светильники (рис. 5).

6. Основание другой подставки-трехножки, но худшей сохранности. Сохранилась менее чем наполовину, ножки обломаны. Бронза, литье, чекан. Размеры: сечение от

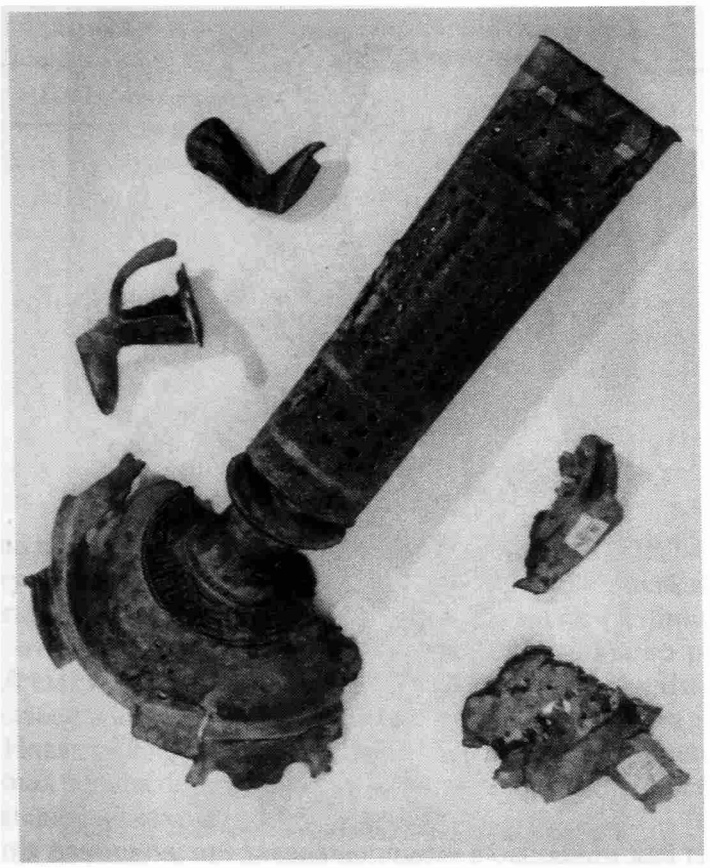


Рис. 6. Подставка и стержень светильника 6

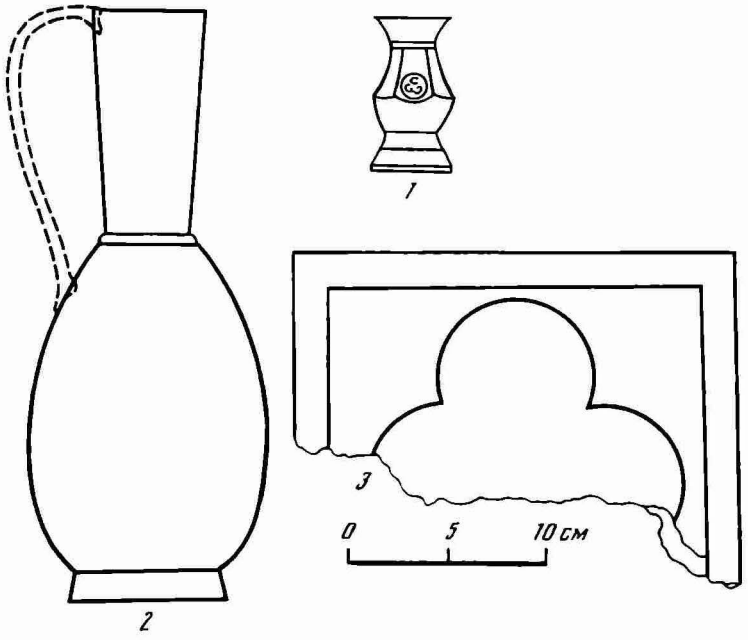


Рис. 7. *1* – кувшин 9; *2* – горловина 7; *3* – поднос 10

0,5 до 2 мм, диаметр 17 см, высота сферической части 9 см, с ножками 13 см. Форма ножек иная – они имитируют не лапы зверя, а мужскую ногу в сапоге с крупной, устойчивой ступней. Для большей прочности внутри припаян соединительный стержень. Профиль подставки выпуклый в четверть окружности; по краю оттянут борт с фигурными выступами. На выпуклой поверхности основания – местами сквозные

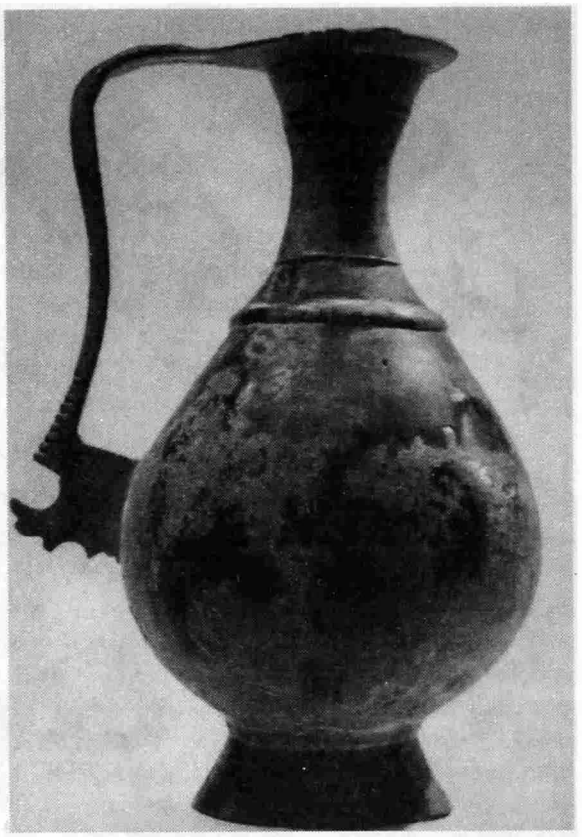


Рис. 8. Кувшин 8

фестоны диаметром 1,5–2,5 мм. Вверху – опоясывающий круг, где выгравирована арабская надпись (не расшифрована) письмом куфи. Завершает подставку цилиндрический выступ диаметром 5,5 см с бортиком посередине.

6-А. По всем данным, на этой трехножке высился полый цилиндрический стержень высотой 23 см при диаметре 5,2 см. Он подразделен натрое поясками, из которых два крайних заполнены гравированными треугольниками, а в двух на тулове – как будто куфические надписи (пока не расчищены). Всю основную поверхность цилиндра покрывают ряды сквозных фестонов, аналогичных тем, что входят в оформление подставки. Диаметр цилиндра соответствует диаметру ее верхнего выступа (рис. 6).

Подобные (но не идентичные в деталях) подставки для светильников характерны для торевтики средневекового Востока XI–XII вв. от Египта (The Arts of Islam..., 1976, N 185) через Иран и Хорасан (Pope A.U., 1939, fig. 812) до Мавераннахра. Они известны в Будраче (Ильясов Дж.Я., 1990, с. 86 сл.). Унгурликанский клад дает еще два образца, притом для более северного района с уточнением его местонахождения и в локальных вариантах, каковыми являются сложная профилировка стержня в одном случае и цилиндрическая, оформленная фестонами – во втором.

7. Верх горловины. Бронза, литье. Размеры (см): высота 7,5, диаметр вверху 4, внизу 4,3. Верхняя половина шестигранная, нижняя круговая. Общая форма как бы имитирует небольшой кувшинчик: раскинутое горло, которое отделено меандровой полосой от шести плавно расширяющихся граней, на которых через одну нанесен гравировкой кружок с трехвихревой розеткой, далее – полусфероидный объем и отделенное от него выкружкой усеченно-коническое основание. Видны следы припоя, у горловины же – плавный переход к внутренней поверхности. На полусфероидной части пробито небольшое бесформенное отверстие – видимо, здесь крепилась ручка, но никаких следов крепления нет (рис. 7, *1*). Горловина принадлежала либо бутыли (в отличие от кувшинов бутыль не имела ручки), либо это был верх подсвечника (Даркевич В.П., 1976, табл. 31; Atil E. et al., 1985, p. 13, pl. 34–36).

Процентное содержание металлов-примесей в сплавах

Металл	Большие блюда	Кувшины и светильники	Поднос
Au	0,001	0,004–0,005	0,001
Ag	0,01	0,01–0,06	0,008
Cu		Основа сплавов	
Sn	> 1	> 1	0,7
Pb	0,1	> 1	0,08
Zn	0,002–0,003	> 1	> 1
Sb	0,01–0,02	> 1	0,008
As	0,04–0,07	0,6–0,7	–
Ni	0,01–0,02	0,1–0,2	0,01
Co	0,002	0,01	–
Fe	0,4–0,6	0,6–0,7	0,04

8. Кувшин. Бронза, литье. Часть тулова вырвана. Высота 25,7 см. Кувшин отличает изящный силуэт, у него грушевидное тулово (максимальный диаметр 9,4 см) на расширяющейся ножке – полой изнутри и некогда припаянной к плоскому дну. В верхней части тулово отделено валиком от высокой шейки, плавно расширяющейся к горлу (диаметр 7,6 см). К нему припаяна ручка S-образной формы, которая вверху наполовину опоясывает горло, а внизу соединена у середины тулова фигурно профилированной лапкой. Наверху на ручке был припаян вертикальный шпенек. Подобный, но от другой ручки был среди фрагментов клада, он завершен плоской розеткой для упора пальца при выливании жидкости (рис. 8).

Кувшины средних размеров, предназначавшиеся в основном для вин, принадлежали к парадной посуде и потому нередко были орнаментированы. Они были широко распространены в средневековой торевтике Ближнего и Среднего Востока и входят в коллекции многих музеев. Однако унгурликанский кувшин не находит среди них прямых аналогий. Можно назвать лишь сходный кувшин из Лагмана (Таджикистан) (Древности Таджикистана..., 1986, № 764). Оба, таким образом, локализуются в Мавераннахе. Отметим, что ручки других лагманских кувшинов (несколько иного профиля) венчает выступ, завершенный фигуркой птички.

9. Кувшин. Бронза. Разбит на куски, которые сильно деформированы, но графически форма его восстанавливается. На расширяющемся поддоне – яйцевидное, расширенное ко дну тулово (высота 18 см, диаметр 20 см), на нем крепилась ручка, от которой сохранились лишь начало и отдельно – венчающий шпенек для упора пальца в форме кувшинчика, оформленного наверху восьмилепестковой розеткой. Другой конец ручки был закреплен на наиболее расширенной части тулова (рис. 7, *2*).

Кувшины сходной формы представлены находками в Таджикистане (Древности Таджикистана..., 1986, № 765, 766, 826). Как и предыдущий, они характерны для средневековой торевтики Мавераннахра.

10. Фрагмент подноса (23 × 18 см). Медь, чекан на тонком листе (до 1 мм). По краям – борт 1,3 см, в углубленной части вдавленным рельефом выполнена по всей ширине дна крупная розетка, от которой сохранились лишь три фестона (рис. 7, *3*).

Прямоугольные подносы этого типа были распространены в торевтике Среднего Востока XI–XII вв. (Древности Таджикистана..., 1986, № 824; Melikian-Chirvani A.S., 1976, pl. I–III). Они обычно имеют продолговатую форму в пропорции 1 : 2 и подразделены на дне двумя или тремя розетками либо многогранниками, причем нередко с орнаментацией.

Для выяснения состава металлов был проведен полуколичественный спектральный анализ (в угольных электродах). Он рассчитан на определение примесей, содержание которых не превышает 1%. Более высокие содержания металлов в сплавах зафиксированы как > 1%. Анализы проводились в Центральной лаборатории ПГО "Ташкентгеология".

Как видно из таблицы, бронза кувшинов и светильников отличается от бронзы плоских блюд повышенным содержанием свинца, цинка и сурьмы, что указывает на их изготовление в разных металлургических центрах, а возможно, и на добычу исходной руды из различных месторождений. Повышенное содержание цинка и небольшая примесь олова и свинца в металле подноса позволяют назвать этот сплав латунью, несмотря на ее красный цвет.

Унгурликанский клад столовых металлических сосудов примечателен по ряду причин. Это третий из найденных в Узбекистане комплексов изделий такого рода. Один из них обнаружен на городище Будрач – столице Чаганиана, относится к X–XI в. (Ильясов Дж.Я., 1990, с. 86 сл.). Другой обнаружен близ площади Регистан в Самарканде и датируется концом XIV. (Буряков Ю.Ф., 1990, с. 102). Унгурликанский же комплекс связан с более северным районом – областью Чач-Шаш, он обнаружен неподалеку от главного города Бинкента–Ташкента. Датировка же его занимает промежуточный период, восходя к рубежу XII–XIII вв. И хотя число предметов клада не столь уж велико, они дают основные типы столовой посуды этого рода, а также представление об их форме и орнаментации, которые при общности средневековой торевтики ирано-среднеазиатского региона имели определенные локальные черты в продукции местных мастеров медных дел.

Владелец клада, видимо, был довольно состоятельным человеком, возможно, представителем администрации бирюзового рудника. Какие-то чрезвычайные события побудили его упрятать комплекс этих сосудов в неприметном месте в 0,5 км от поселения горняков (у современного кишлака Терекли), где он проживал и которое срочно покинул или собирался покинуть; сосуды же были тяжелы и не транспортабельны, отчего он не взял их с собой. Таким событием было монгольское нашествие, когда монголы, вторгшиеся в Семиречье, а затем в Фергану и Шаш, все крушили и подвергали разграблению на своем пути. Действительно, фрагменты керамики из местных находок датируются X–XII вв., клад – XII в., а заключительную дату дает монета хорезмшаха Мухаммада. После чего жизнь здесь замирает на века, и добычу бирюзы возобновят лишь в XVI в. Владелец клада, вероятно, погиб во всеобщей бойне, во всяком случае за кладом он уже не вернулся.

Анализ сосудов установил, с одной стороны, их близость с изделиями не только мавераннахрской, но и ирано-хорасанской торевтики, а с другой выявил ряд отличий, позволяющих говорить об их среднеазиатской, или – еще уже – шашской, школе мастеров художественной обработки металлических изделий. Это выразилось в особенностях формы блюд с вертикальным отгибом края, в то время как иранские блюда имеют оттянутый борт, нередко звездчатого или фестончатого очертания по краю, орнамент же размещен на них в круговых концентрических поясах, разделенных широкими гладкими полосами, а нередко в виде отдельных круглых или звездчатых медальонов. На обоих унгурликанских блюдах – сплошное насыщение орнаментом концентрических полос.

Орнаментальные мотивы на унгурликанских сосудах традиционны в среднеазиатском искусстве. Благодаря расцвету на средневековом Востоке математики, в том числе прикладной геометрии, получил широкое распространение геометрический орнамент. Таковы сложные плетенки, образованные на обоих блюдах пересечением многогранников. В заполнении же узких полос это меандр или просто штриховые насечки, вносящие ритмический повтор. Растительный орнамент предстает в виде побега с листвой или лиственных завитков. Зооморфные сюжеты ограничены изображением утки на стилизованном растительном фоне. Мифологический же образ представлен фантастическим существом с телом льва, крылом птицы и женской головкой в нимбе. На ирано-хорасанских сосудах нередки зооморфные мотивы – звериный гон, птицы. На унгурликанских же блюдах изображены водоплавающие – утки. Существенно на ирано-хорасанских сосудах изображение людей – это пирующие с чашами в руках, музыканты с инструментами, в круглых медальонах нередки сценки, явно связанные с восточной поэзией. Такого рода изображений в мавераннахрской торев-

тике нет. Очевидно, здесь строже соблюдался запрет ислама на изображение человека, поскольку в Мавераннахре преобладал суннтский, а не шиитский толк этой религии. И, наконец, эпиграфические мотивы арабского письма. На хорасанских сосудах мы имеем многословные надписи – благопожелания. На сосудах же из унгурликанского клада – сильно стилизованный эпиграфический орнамент в стиле почерка на основе насха, распространившегося в Мавераннахре с XII в. Здесь смешаны различные элементы этого почерка. В центре блюда прослеживаются отдельные буквы, но о надписи говорить не приходится.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бернштам А.Н., 1952. Историко-археологические очерки Центрального Тяньшаня и Памиро-Алая // МИА. № 26. М.; Л.

Бируни Абу Рейхан, 1963. Собрание сведений для познания драгоценностей (минералогия). М.

Бичурин Н.Я., 1950. Сведения о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 11. М.

Болдырев А.Н., 1957. Зайниддин Васифи. Сталинабад.

Буряков Ю.Ф., 1974. Горное дело и металлургия средневекового Илака. М.

Буряков Ю.Ф., 1990. Мастерская торевта XIV в. в Самарканде // Культура Среднего Востока. Развитие, связи и взаимодействия с древнейших времен до наших дней. Изобразительное искусство. Ташкент.

Буряков Ю.Ф., Бакиев Р.А., 1984. Новые данные к истории горного дела и металлургии древнего и средневекового Чача // Истоки развития горной науки и техники. М.

Даркевич В.П., 1976. Художественный металл Востока. М.

Древности Таджикистана. Каталог выставки, 1986. Душанбе.

Ильясов Дж.Я., 1990. Предметы художественной бронзы с городища Будрач // Культура Среднего Востока. Развитие, связи и взаимодействия с древнейших времен до наших дней. Изобразительное искусство. Ташкент.

Исламов О.И., 1977. Из истории геологических знаний в Средней Азии. Ташкент.

Кильчевская З.В., Негматов Н.Н., 1979. Шедевры торевтики Таджикистана // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. М.

Менчинская Е.И., 1981. Бирюза. М.

Наследов Б.Н., 1935. Карамазар. Л.

Пугаченкова Г.А., 1961. Бронзовое зеркало из Термеза // СЭ. № 1.

Шедевры исламского искусства в Эрмитаже, 1990. СССР – Кувейт. Л.

Шишкин В.А., 1963. Варахша. М.

Atil E., Chase W.T., Jett P., 1985. Islamic Metallwork in the Freer Gallery of Art. Washington.

Melikian-Ghirvani A.S., 1976. Les bronzes de Khorassan // Studia Iranica. T. 5. Fasc. 2.

Pope A.U., 1939. A Servey of Persian Art. T. VI. London; New-York. The Arts of Islam. Harward Gallery, 1976.

Научно-производственный и учебный центр
Госкомгеологии Республики Узбекистан, Ташкент
Академия наук Республики Узбекистан, Ташкент

A.D. KANASH, G.A. PUGACHENKOVA

UNGURLICAN TREASURE

Summary

A treasure of bronze table vessels was uncovered near an ancient mine Ungurlic located to the south-east of Tashkent (Uzbekistan). It is a third of complex of this kind found in Uzbekistan. It dates to the turn of the 12th-the 13th centuries. The treasure accounted for more than 10 items: dishes, jugs, a tray, lamp supports (Figure 1-8).

The analysis of ornament motifs has allowed to establish that the Ungurlic vessels was similar to the goods of the Moverannakhrskaya and Iranian-Khorasanskaya torevtica. Nevertheless, a number of distinctive traits is an evidence of traditions of the Middle Asian, or Uzheshashskaya school of craftsmen specializing in artistic treatment of metallic goods.

Заметки

А.В. УТКИН, Е.Л. КОСТЫЛЕВА

К ВОПРОСУ О КУЛЬТУРНОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ ПОГРЕБЕНИЙ НА СТОЯНКЕ БЕРЕНДЕЕВО I

Стоянка Берендеево I благодаря стечению обстоятельств и литературному дарованию А.Л. Никитина получила в середине 1960-х годов широкую известность как среди археологов и палинологов, так и среди просто читающей публики.

Она находилась в южной части одноименного болота в Переславском р-не Ярославской обл. В древности болото представляло собой мелководное озеро послеледникового происхождения. В эпоху неолита водоем был уже частично заболочен, поэтому поселение Берендеево I располагалось не на сухом берегу, а непосредственно на кромке прибрежного торфяника.

Памятник был открыт случайно летом 1964 г. во время промышленной разработки торфа. Фрезерные машины вскрыли всю площадь стоянки и соответственно уничтожили практически всю толщу культурного слоя за исключением его низов на отдельных участках. Осенью того же года и летом следующего А.Л. Никитин и Н.А. Хотинский дважды обследовали остатки стоянки (Никитин А.Л., 1973), а Д.А. Крайновым была проведена его шурфовка[1]. В 1966 г. памятник вновь исследовался А.Л. Никитиным, А.Н. Хотинским и А.М. Микляевым (Никитин А.Л., Хотинский Н.А., 1966; Нейштадт М.И. и др., 1969). В результате этих работ была составлена спорово-пыльцевая диаграмма отложений, собрана небольшая, но выразительная коллекция артефактов и фауны и открыты два погребения[2]. Последние обнаружены в чистом торфе у юго-западного угла жилой площадки (по А.Л. Никитину – у одной из свайных платформ).

Первое погребение[3] находилось в овальной яме размерами 1,1 × 0,7 м, на глубине около 27–30 см от низа культурного слоя[4]. Это захоронение по степени сохранности уникально. Труп покоился в рулоне бересты, в своеобразной берестяной "цисте", ко-

---

[1] Личное сообщение Д.А. Крайнова.

[2] Всего на стоянке Берендеево I было как минимум пять одиночных захоронений. Кроме двух исследованных археологически, еще от двух разрушенных – молодой женщины и ребенка младенческого возраста – дошли разрозненные кости, собранные А.Л. Никитиным на фрезерном поле в 1964 г. (см.: Мамонова Н.Н., 1969). Тогда же местными школьниками было разрушено третье захоронение (см.: Никитин А.Л., 1973). От него в коллекции А.М. Бакаева долгое время хранилась черепная крышка, переданная последним одному из авторов в 1981 г. Судя по ее размерам, она происходит от черепа взрослого человека, скорее всего мужчины.

[3] В литературе приводится различная нумерация берендеевских погребений разными авторами (ср.: Нейштадт М.И. и др., 1969, с. 132; Мамонова Н.Н., 1969, с. 145, 146). Мы придерживаемся нумерации, предложенной А.Л. Никитиным (см.: Никитин А.Л., 1976).

[4] В одной из своих статей А.Л. Никитин сообщает, что сверху могила была отмечена заостренным столбиком, упиравшимся в берестяной сверток с костяком (см.: Никитин А.Л., 1976, с. 201). Это существенный факт. Однако нельзя исключить и того, что столбик мог быть вбитым в яму случайно в более позднее время и относится к какой-то строительной конструкции поселения.

© А.В. Уткин, Е.Л. Костылева, 1998 г.

торая "...состояла из (трех. – *авт.*) слоев, разделенных тонкими, хорошо обструганными деревянными рейками, образовывавшими своеобразный каркас. Каждый слой бересты и рейки были несколько раз обмотаны веревками из луба..." и переложены слоями осоки (Никитин А.Л., Хотинский Н.А., 1966, с. 214). Сам покойник был также связан аналогичной веревкой. Он лежал на левом боку[5] в сильно скорченной позе: спина изогнута дугой, кости голеней и бедра тесно прижаты к грудной клетке, руки согнуты в локтях, кисти находились под подбородком. Погребение было ориентировано головой на северо-запад, а лицом обращено на северо-восток. Сопровождающий инвентарь и украшения отсутствовали, но на некоторых костях сохранилась часть одежды, сплетенной из грубых льняных нитей.

При детальном антропологическом изучении скелета, проведенном Н.Н. Мамоновой при участии С.А. Свиридова, профессора кафедры рентгенологии при больнице им. Боткина, установлено, что костяк принадлежал мужчине в возрасте 55–60 лет и относился к ярко выраженному типу европеоида без каких-либо признаков метисации. Покойник был низкорослым; его высота, вычисленная по формуле Фюлли, составляла приблизительно 157,7 см. Никаких патологических изменений, которые бы привели к задержке роста, на костях не зафиксировано. Отмечены лишь явления умеренно выраженного деформирующего артроза и спондилоза, а на левой ключице – следы давнего перелома (Мамонова Н.Н., 1969).

Второе погребение обнаружено возле первого, в 2,5 м севернее его. Костяк годовалого ребенка хорошей сохранности находился в неглубокой овальной яме (1,0 × 0,7 м). Могила прорезала культурный слой и была углублена в материк на несколько сантиметров. Скелет лежал на правом боку в сильно скорченном состоянии головой на юг – юго-запад. Покойник был положен на кусок бересты и сверху покрыт вторым, размеры которого составляли 52 × 54 см. Преднамеренно положенных в захоронение вещей не было, но в засыпке могилы, в том числе "между кусками бересты и ниже погребения найдено много черепков (керамики. – *авт.*), типичных для культурного слоя стоянки" (Нейштадт М.И. и др., 1969, с. 132), а в ногах, в полуметре от края могилы находилась неглубокая круглая ямка с челюстями и черепом медведя, которые А.Л. Никитин справедливо рассматривал как остатки заупокойной жертвы (Никитин А.Л., 1976, с. 202).

Вопрос о культурно-хронологической принадлежности берендеевского могильника у его исследователей не вызвал сомнений (по крайней мере в печати это нигде не оговорено). Захоронения были датированы ими временем бытования на поселении керамической посуды с редкоямочной орнаментацией, относимой большинством археологов, в том числе и авторами заметки, к финальному этапу льяловской культуры.

Эти выводы как будто достаточно надежно подтверждаются открытиями последних лет на территории Волго-Окского междуречья бесспорно дъяловских погребений, среди которых ряд покойников был захоронен скорченно на боку и не сопровождался инвентарем. По формальным признакам первому берендеевскому погребению особенно близки (а по деталям, порой, почти тождественны) три одиночных, сильно скорченных погребения, исследованных на стоянках Маслово Болото II, Ловцы I, Сахтыш IIA (Сидоров В.В., 1990, с. 27; Крайнов Д.А. и др., 1993).

Приведенные аналогии на первый взгляд не оставляют места ни для каких возражений против льяловской принадлежности могильника на Берендеевом болоте. Однако ряд принципиальных моментов все же заставляет нас усомниться в этом.

Из-за разрушенности культурного слоя стоянки неясна стратиграфическая привязка погребений. В литературе прочно утвердилось мнение, что поселение Берендеево I – однослойный памятник. Но это не совсем так. В депаспартизированной коллекции из шурфов Д.А. Крайнова в 1964 г. имелось несколько десятков обломков от волосовских сосудов с органической, по-видимому, растительной примесью. Несколько фрагментов

[5] О том, на каком боку лежал покойник, в литературе сведений мы нигде не нашли, поэтому его положение нами определено по опубликованной фотографии (см.: Никитин А.Л., 1976, с. 201, рис. 7).

аналогичной керамики есть и среди подъемного материала в сборах А.М. Бакаева. О присутствии на стоянке волосовского горизонта как будто свидетельствуют и некоторые типы кремневых орудий, в частности ножи на широких пластинчатых отщепах, и подвески из сланца и кости с отверстиями у края. Поэтому не исключено, что берендеевские погребения могут быть более поздними. Это предположение в какой-то степени подтверждает и обилие разрозненной льяловской керамики в засыпке детской могилы, которая, вероятнее всего, была выкопана уже после отложения льяловского слоя.

Попытки установить время совершения берендеевских погребений с помощью радиоуглеродного датирования, к сожалению, не только не увенчались успехом, но еще больше запутали хронологию памятника (Хотинский Н.А., 1977, с. 65). Анализ бересты из первой могилы определил ее возраст в 7730 ± 40 л.н. (ГИН-197), что противоречит хронологии собственно торфяной залежи болота, установленной спорово-пыльцевым методом. Другими словами, полученная датировка явно ошибочна. При повторном анализе этого же образца была получена совершенно другая, "волосовская" дата – 4340 ± 30 л.н. (ГИН-1976), а береста из второй могилы датирована 4970 ± 95 л.н. (Мо-446). Разница между ними, как видим, чуть более полутысячи лет, и объяснить ее крайне трудно, поэтому от этих дат следует отказаться. Даже если допустить, что в обеих датировках нет заведомо лабораторной ошибки, то искажение действительного возраста бересты было, по-видимому, обусловлено неравномерным засорением образцов более древней органикой, когда они находились в могильных ямах, которые в свою очередь были впущены в более древние отложения[6]. То есть это логическое рассуждение, несмотря на всю его гипотетичность, обязывает нас относить погребения Берендеева I к более позднему времени, чем то, на которое указывают их датировки по С-14[7].

Аналогии берендеевским захоронениям не ограничиваются только льяловскими скорченными костяками, о которых шла речь выше. Схожие позы покойников фиксируются среди погребений и других культур региона. Наиболее поздние из них – это одиночные грунтовые могилы с погребениями на боку в неестественно скорченном положении, относимые нами к лесному деривату абашева (Уткин А.В., 1993). Их в настоящее время известно всего две: одна раскопана на многослойной стоянке Николо-Перевоз II, другая – на Сахтыше I (Раушенбах В.М., 1969; Крайнов Д.А., Уткин А.В., 1991). Однако объединять их механически с берендеевскими могилами не позволяют обнаруженный в них инвентарь и кости домашних животных.

Наоборот, параллели в погребальном обряде берендеевцев и волосовцев выглядят более убедительно. У последних скорченные на боку костяки появились на финальном этапе развития культуры (Уткин А.В., Костылева Е.Л., 1991). В могильниках этого времени они встречаются почти регулярно, но, как правило, в единичных случаях и всегда совместно с вытянутыми трупоположениями, которые, как и на ранних этапах волосова, составляют основную массу захоронений. Степень скорченности скелетов в основном незначительна, максимальная же, наиболее приближенная к скорченности берендеевцев, отмечена лишь у одного погребения (№ 9) на Сахтыше II и у одного

---

[6] Подобная ситуация четко фиксировалась авторами при источниковедческом анализе радиоуглеродных дат Сахтышских стоянок, когда уголь, взятый из стратиграфически четких волосовских очагов, дно которых было углублено в более древние слои, имел соответственно и более древний возраст по сравнению с действительным (см.: Крайнов Д.А. и др., 1991).

[7] Помимо двух дат, относящихся к погребениям, по С-14 со стоянки Берендеево I были датированы остатки деревянной сваи. Первоначально ее возраст был определен 5730 ± 120 л.н. (ГИН-112), а при повторном анализе – 4300 ± 40 л.н. (ГИН-112б). Кроме того, в последнее время к Берендееву I Д.А. Крайнов ошибочно "приписал" две датировки – 4730 ± 190 и 4720 ± 190 л.н. (Мо-208, 212). Их же в сводках радиоуглеродных дат затем стал повторять Ю.Б. Цетлин (см.: Крайнов Д.А., 1987, с. 13; Цетлин Ю.Б., 1989, с. 87). Эти датировки, напомним, не имеют никакого отношения к поселению. Они получены по образцам торфа из разреза в северной части Берендеева болота в 1962 г. и определяют возраст горизонта с максимумом пыльцы широколиственных пород (см.: Нейштадт М.И. и др., 1962).

(№ 21) на Черной Горе (Цветкова И.К., 1985)[8] . Большинство из них было безынвентарными или сопровождалось отдельными предметами (одно-два орудия, редкие подвески), и только единственный женский костяк из коллективной могилы (№ 12) на Сахтыше II имел более 400 костяных пронизок, украшавших когда-то костюм погребенной (Крайнов Д.А., 1982).

Подобно берендеевским захоронениям некоторые волосовские покойники были, по-видимому, завернуты в бересту, по крайней мере ее остатки прослежены под скелетами женщины и ребенка в парном погребении (№ 9) на Сахтыше I (Уткин А.В., Костылева Б.Л., 1991, с. 300).

Регулярно во многих могилах финального волосова, или возле них, или в сопутствующих им ритуальных кладах орудий фиксируются кости медведя (челюсти, клыки, фаланги лап и т.д.). На Сахтыше II рядом с коллективным захоронением (№ 4) найден почти целый костяк, а на Масловом Болоте V в ногах погребения (№ 1), в метре от края могильной ямы обнаружены два медвежьих черепа (Сидоров В.В., Энговатова А.В., 1991), т.е. здесь фактически повторяется берендеевская комбинация: скорченное захоронение ребенка – ритуальная ямка с остатками жертвы в виде черепа и челюстей медведя.

Наконец, первое погребение на поселении Берендеево I сближает с волосковскими захоронениями антропологический тип. Все они относятся к ярко выраженным европеоидам, тогда как льяловцам, как выясняется благодаря последним исследованиям, присущи четко выраженные черты лапоноидного типа, причем по графическим реконструкциям внешнего облика, выполненным по черепам Г.В. Лебединской, женщины, погребенные в скорченном положении на боку, и на стоянке Ловцы I, и на Сахтыше IIA были именно лапоноидами.

Таким образом, мы склоняемся к мнению, что исследованные захоронения на Берендеевом болоте относятся к кругу волосовских погребальных древностей. Об этом свидетельствуют как сам обряд погребения, так и стратиграфическая позиция второй могилы, яма которой прорезала льяловский слой. Нам представляется, что они вместе с разрушенными захоронениями составляли небольшое бессистемное кладбище, возникшее и существовавшее на заключительном этапе развития волосовской культуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Крайнов Д.А., 1982. Новые исследования стоянки Сахтыш II // КСИА. Вып. 169.

Крайнов Д.А., 1987. Волосовская культура // Археология СССР. Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М.

Крайнов Д.А., Зайцева Г.И., Костылева Е.Л., Уткин А.В., 1991. Абсолютная хронология Сахтышских стоянок // АПВКМ. Вып. 5. Иваново.

Крайнов Д.А., Костылева Е.Л., Уткин А.В., 1993. Погребения и ритуальные комплексы на стоянке Сахтыш IIA // АВ. № 2.

Крайнов Д.А., Уткин А.В., 1991. Погребения на стоянке Сахтыш I // КСИА. Вып. 203.

Мамонова Н.Н., 1969. Новая палеоантропологическая находка на болоте Берендеево // Голоцен. М.

Нейштадт М.И., Девирц А.Л., Маркова Н.Г., Добкина Э.И., Хотинский Н.А., 1962. Датировка голоценовых отложений радиоуглеродным методом и данными пыльцевого анализа // Докл. АН СССР. Т. 144. № 5.

Нейштадт М.И., Завельский Ф.С., Микляев А.М., Хотинский Н.А., 1969. Комплексы стоянок мезолита и неолита на болотах Берендеево и Ивановское в Ярославской области // Голоцен. М.

Никитин А.Л., 1973. Распахнутая земля или путь через лабиринт. М.

Никитин А.Л., 1976. Неолитическое поселение Берендеево I // СА. № 3.

[8] "Неолитические" погребения на Черной Горе (по И.К. Цветковой) мы рассматриваем как два небольших, автономных могильника; среднестоговский (погребения 6Б–11, 13, 15, 17) и финальноволосовский (погребения 1, 2, 6А, 14, 19–22, 24–27, 50) (см.: Уткин А.В., Костылева Е.Л., 1994).

Никитин А.Л., Хотинский Н.А., 1966. Свайное поселение на болоте Берендеево в Ярославской области // Значение палинологического анализа для стратификации и палеофлористики. М.

Раушенбах В.М., 1969. Стоянка Николо-Перевоз II на р. Дубне в Московской области // Экспедиции Государственного Исторического музея. Доклады на сессии Ученого Совета ГИМа 5–7 февраля 1969 г. М.

Сидоров В.В., 1990. Погребения льяловской культуры в Подмосковье // АПВКМ. Вып. 4.

Сидоров В.В., Энговатова А.В., 1991. Волосовские погребения Маслова Болота V // АПВКМ. Вып. 5. Иваново.

Уткин А.В., 1993. Одиночные могилы абашевцев в лесах Восточной Европы // Древние памятники Окского бассейна. Рязань.

Уткин А.В., Костылева Е.Л., 1991. К вопросу о скорченных волосовских погребениях // Памятники истории и культуры Верхнего Поволжья. Матер. конф. Н. Новгород.

Уткин А.В., Костылева Е.Л., 1994. К вопросу о культурной принадлежности "неолитических" погребений на стоянке Черная Гора // Историко-культурное наследие. Памятники археологии центральной России: Охранное изучение и музеефикация (матер. науч. конф.). Рязань.

Хотинский Н.А., 1977. Голоцен Северной Евразии: Опыт трансконтинентальной корреляции этапов развития растительности и климата. М.

Цветкова И.К., 1985. Черногорский неолитический могильник // Тр. ГИМ. Вып. 60.

Цетлин Ю.Б., 1989. К проблеме периодизации и хронологии археологических культур: по керамическим материалам // Керамика как исторический источник. Новосибирск.

Комитет по культуре и искусству, Иваново
Государственный университет, Иваново

М.А. ИТИНА

КОМПЛЕКС С ЯНТАРНЫМИ БУСАМИ ИЗ ПРИАРАЛЬЯ

Раскопанный в начале 1960-х годов некрополь эпохи поздней бронзы Северный Тагискен (X–VIII вв. до н.э.) явился подлинным открытием, поскольку памятники этого рода в Казахстане были представлены, как правило, курганными могильниками. Погребальные сооружения Северного Тагискена на плато Тагискен близ одного из южных протоков древней Сырдарьинской дельты – мавзолеи, выстроенные из сырцового кирпича (54 × 28 × 10–12 см; 48 × 32 × 10–12 см), и пристроенные к ним погребения разных типов, преимущественно в виде прямоугольных оградок (Итина М.А., 1992, с. 31–37, табл. 1). Помимо разницы в планировке, монументальные мавзолеи и скромные оградки отличаются друг от друга качеством и цветом кирпича. Мавзолеи явно более ранние (кроме мавзолея 6), построены из рыжеватого кирпича, сделанного из местной песчаниковой коренной породы, который легко крошится. Оградки и все более поздние погребальные сооружения, окружающие мавзолеи, тоже сложены из сырцового кирпича, но он сформован из плотной глины голубовато-белого цвета. Стены оград толщиной до 1 м поставлены на древней дневной поверхности. Могильная яма заглублена в материк на 0,6–0,8 м, а ее стенки, как правило, идут заподлицо с кирпичными. Площадь оград колеблется от 30 до 50 м^2.

Пристроенные погребальные сооружения были поставлены с северной и южной сторон мавзолеев 4,7 и 5а и, в целом, вместе с мавзолеями, образуют как бы цепочку, вытянутую меридионально.

© М.А. Итина, 1998 г.

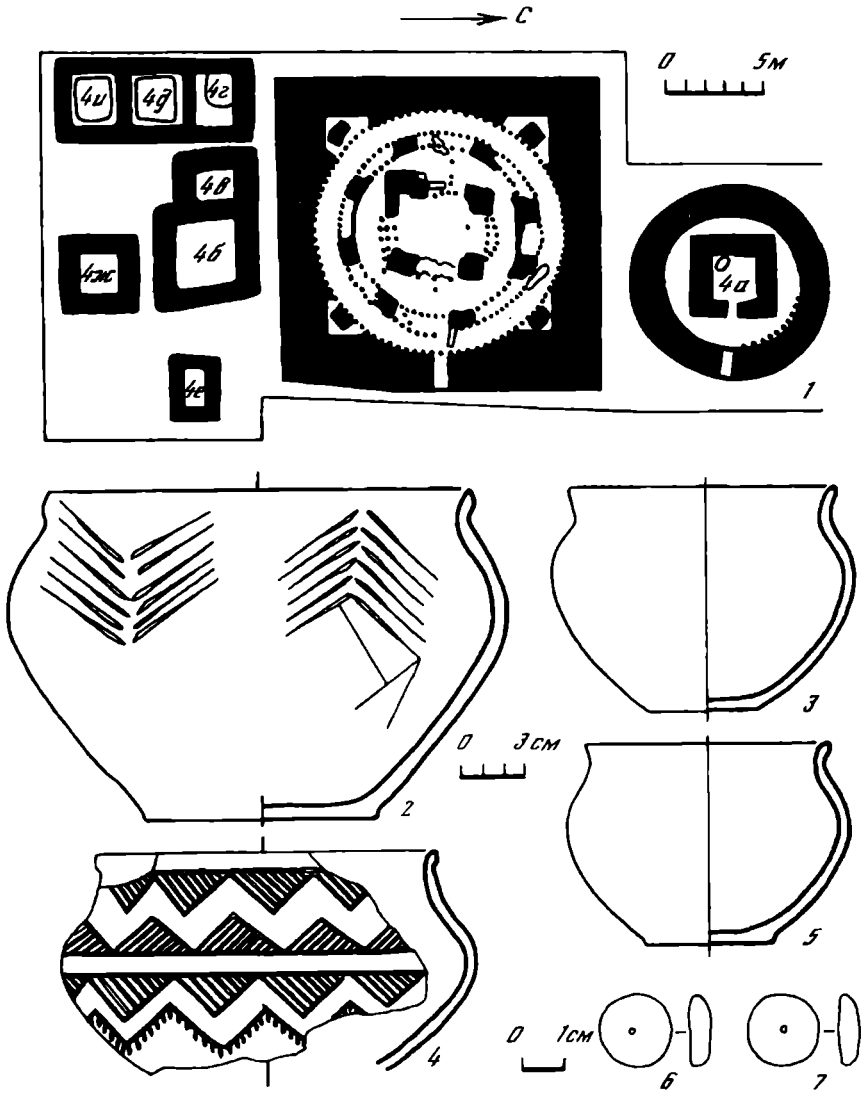


Рис. 1. Северный Тагискен. Мавзолей 4. *1* – мавзолей 4, схематический план комплекса; *2–5* – погребальное сооружение 4в, керамика; *6–7* – погребальное сооружение 4в, янтарные бусы

К мавзолею 4 (рис. 1, *1*), самому северному из трех более ранних мавзолеев, было пристроено с севера погребальное сооружение 4а, круглое в плане, в центре которого находилась погребальная камера площадью по внешнему периметру 4 × 4 м. Пол камеры был заглублен на 18–20 см, выше сохранился ряд голубовато-белых кирпичей, лежащих заподлицо с ее земляными стенами.

Погребальное сооружение к югу от мавзолея 4 – прямоугольные сырцовые оградки, стоящие не изолированно, а соединенные в разных комбинациях между собой. Оградки 4б и 4в вытянуты широтно и имеют соответственно общую западную и восточную стенку.

Для нас представляет особый интерес сооружение 4в. На древней дневной поверхности была возведена прямоугольная ограда из бело-голубых сырцовых кирпичей (44 × 30 × 8–10 см). Стены ограды сохранились на высоту двух кирпичей. Северная и южная стены имеют длину 3 м, западная и восточная – 4 м. Толщина северной и южной стен 0,7–0,8 м, западной – 0,5 м, восточной – около 1 м. Последнее связано с тем, что восточная стена ограды 4в примыкает к западной стене ограды 4б, а последняя имеет толщину 0,75 м. Общий результат достигается при комбинированной кладке кирпичей – вдоль и поперек. Погребальная камера 4в вырублена в материке, и ее

земляные стены, за исключением западной, имеющей наклонную поверхность, вертикальные и идут заподлицо с кирпичной кладкой ограды. Площадь камеры 2,5 × 2,4 м, глубина (от древней дневной поверхности) 0,74 м. Заполнение составляет песок с обломками кирпичей и угольками. На дне камеры и в заполнении разбросаны фрагменты костей, некоторые из них обожжены. Стенки камеры и ее пол следов огня не несут. В погребении найдены четыре сосуда, один из которых сохранился полностью, три могут быть восстановлены. Всего в камере найдено 28 фрагментов керамики. Помимо упомянутых четырех сосудов частично могут быть восстановлены еще три экземпляра.

Один из сосудов стоял на дне камеры у восточной стены (рис. 1, *2*). Он лепной, сделан из глины с шамотом, черепок грубый, плохо обожжен, внешняя и внутренняя поверхности заглажены. При этом внутренняя поверхность сплошь закопчена, на внешней видны пятна копоти. По форме это открытый горшок с коротким горлом и воротничковым венчиком, высокими раздутыми плечами и плоским чуть выделенным дном. По горлу и плечам идет орнаментальный пояс из горизонтальных рядов насечек, расположенных под углом друг к другу. Половина окружности сосуда покрыта именно таким узором, половина – пучками насечек в виде «елочки» вершиной вверх или вершиной вниз, между которыми – равные интервалы. Ниже одного из таких пучков нанесена резная тамга в виде «галочки» вершиной вверх и отходящей от одной из ее сторон под прямым углом прямой линии.

Еще один сосуд также стоял на дне камеры и тоже у восточной стены (рис. 1, *3*). Он лепной, сделан из глины с шамотом. Черепок коричневого цвета, снаружи залощен. Горшок имеет короткое изогнутое горло, округлое тулово и плоское чуть выделенное дно. Орнамента нет.

Кроме сосудов, стоящих на полу, фрагменты керамики были найдены в заполнении. По некоторым из них могут быть восстановлены целые формы. Часть черепков покрыта резным геометрическим орнаментом.

Выделяется горшок, найденный в фрагментах в заполнении, почти сплошь орнаментированный (рис. 1, *4*). Он также лепной, сделан из глины с шамотом и мелкими толчеными раковинами. Черепок коричневого цвета, заглажен. По форме это открытый горшок с изогнутым горлом, раздутыми плечами и резко сужающимся ко дну туловом. Почти вся поверхность сосуда покрыта резным орнаментом. По горлу горшка идет полоса заштрихованных треугольников, расположенных в шахматном порядке вершинами друг к другу. По перегибу плеч нанесена разделительная полоса, образованная лентой из двух параллельных прямых, под ней – пояс заштрихованных треугольников вершинами вниз, обрамленных зигзагообразной полосой с бахромой из каплевидных насечек. Важно отметить, что в этом случае узор заполнен белой пастой – прием, встречающийся и в других тагискенских комплексах.

Наконец, один сосуд, также найденный в заполнении камеры, был целым (рис. 1, *5*). Это небольшой лепной горшок, сделан из глины с шамотом, черепок коричневый, залощен. По форме это неорнаментированный открытый горшок, с коротким отогнутым наружу горлом, округлым туловом и плоским дном. Сосуд этот по форме и размерам чрезвычайно похож на один из стоявших на дне камеры экземпляров.

Посуда из камеры 4в – типично тагискенский комплекс, сочетающий в себе черты керамики эпохи поздней бронзы северной степной зоны Средней Азии с такой несвойственной для нее деталью, как заполнение резного геометрического орнамента белой пастой.

Однако совершенно неожиданной для нас явилась находка в камере 4в двух бусин из янтаря (рис. 1, *6–7*) – материала, который до сих пор для эпохи бронзы в этом обширном регионе не встречался. Каждая из них имела вид диска диаметром 1,7 см с отверстием диаметром 1 мм в центре. Рядом с ними лежала маленькая бронзовая лунница также с отверстием диаметром 1 мм в центре. Находка лунницы не является раритетом, они встречаются в погребениях, однако размеры их варьируют (Толстов С.П., 1962, с. 137, рис. 13).

Наибольший интерес представляют бусы, так как и нами, и специалистами они сразу были оценены как янтарные. Правда, их материал не имел вид прибалтийского янтаря, поверхность была матовой, коричневой, мелкозернистой. Но сама по себе находка янтаря в Южном Приаралье в памятнике X–VIII вв. до н.э. заслуживает пристального внимания.

О находках янтаря в Средней Азии, и в частности в Узбекистане, было известно по публикациям В.Ф. Савельева (Савельев В.Ф., 1964а, с. 126; 1964б, с. 108; 1964в, с. 35), но в них ни в одном случае место находки точно не указывалось.

Мы несколько лет искали возможный источник этого материала для интересующих нас мест и, как удалось выяснить, находки янтаря были сделаны в Северо-Западном Приаралье на берегу залива Кумсаут, ограниченного с востока п-овом Коржанды. Там «по керну многих скважин установлено наличие янтаря в отложениях мелкозаливных фаций на различных стратиграфических уровнях олигоцена» (Великий Н.М., 1975).

Позднее было сделано заключение, что приаральский янтарь сходен с балтийским сукценитом (Баскакова М.А., Ишниязов Д.Л., 1983), а в одном из справочников читаем, что слово «янтарь» – синоним «сукценита», возникло из литовского названия камня (Куликов Б.Ф., 1982).

В Приаралье было обнаружено две его разновидности: лимонно-желтая и оранжево-желтая. Наши находки из камеры 4в на Северном Тагинскене, по-видимому, принадлежат ко второй. Были сделаны и новые находки: на берегу залива Аджибай севернее мыса Дуана и в разрезах береговых чинков южнее мыса Каньяк (Ишниязов Д.Л., Баскакова М.А., 1980). Все находки привели геологов к выводу, что «район Западного и Северо-Западного Приаралья по распространению янтаря в лигнитах олигоцена и в современных пляжевых осадках мы выделяем в янтароносную Приаральскую провинцию» (Баскакова М.А., Ишниязов Д.Л., 1983, с. 77).

Если иметь при этом в виду, что все находки геологов связаны с восточным чинком Устюрта, расположенным относительно недалеко от Северного Тагискена, возникает мысль, что интересующие нас бусы сделаны из местного янтаря.

Есть и другая точка зрения, связывающая находки янтарных бус в Средней Азии с торговыми путями, ведущими из Прибалтики (Бубнова М.А., Половникова И.А., 1991). При этом авторы ссылаются на исследование бус из Северного Тагискена и Гуджайли (низовья Зеравшана) во Всесоюзном научно-исследовательском геолого-разведочном институте (С.-Петербург) на инфракрасном двулучевом спектрометре марки ИК-20 (Цейс). По химическому составу образцы янтаря, по заключению авторов, принадлежат к категории сукценитов. Исследователи полагают, что янтарные украшения попадали в Среднюю Азию по двум торговым путям – по Сырдарье и Амударье из Прибалтики, причем более всего с первых веков н.э., а в развитом средневековье количество их уменьшается. Поскольку они ведут речь о Северном Тагискене и Гуджайли, первый из которых датируется X–VIII вв. до н.э., а другой – второй половиной II тыс. до н.э. (Гулямов Я.Т. и др., 1966), то существование возможных торговых путей значительно удревняется. Кроме того, упомянутые памятники относятся в целом к степной бронзе, и, естественно, возникает вопрос о степени насыщенности памятниками этого времени предполагаемых торговых путей. На староречьях Сырдарьинской дельты их совсем немного (Северный Тагискен – исключение). Непосредственно вдоль русла Амударьи находок степной бронзы тоже немного, единичны они и в котловинах выдувания в стороне от береговой линии (Древности Южного Хорезма, 1991). Но восточнее современного русла Амударьи, на территории ее древней Акчадарьинской дельты открыт оазис стоянок тазабагьябской культуры (степная бронза), который чисто теоретически мог бы дать украшения из янтаря при наличии культурных связей с Прибалтикой. Однако среди множества раскопанных там стоянок с культурным слоем и находок среди подъемного материала ничего подобного мы не нашли (Итина М.А., 1977).

Иными словами, предположение М.А. Бубновой и И.А. Половниковой кажется нам проблематичным, учитывая заключение цитированных нами трудов геологов вообще и

в частности их заключение о сходстве приаральского янтаря с прибалтийским. Заслуживает внимания и тот факт, что бусы, подобные нашим, в большом количестве были найдены Л.М. Левиной в памятниках джетыасарской культуры (восточная часть древней Сырдарьинской дельты), на городищах и в погребениях (Левина Л.М., 1992) более поздних, датирующихся не ранее второй половины I тыс. до н.э. Напрашивается вывод, что традиция изготовления бус такого типа из янтаря была на территории древней Сырдарьинской дельты достаточно устойчивой, чему способствовало существование местного приаральского сырья. Находка янтарных бус южнее, в низовьях Зеравшана, возможно, еще один довод в пользу замеченных ранее культурных связей между низовьями Амударьи и Зеравшана при условии, что бусы эти были сделаны из приаральского янтаря, что кажется нам более доказательным, чем длинный путь из Прибалтики в Среднюю Азию, притом что материальная культура первой никак не отразилась на среднеазиатском материале эпохи бронзы.

Находки в тагискенском некрополе и памятниках ранних этапов джетыасарской культуры однотипных бус, сырьем для изготовления которых служил янтарь одного из приаральских источников, возможно, являются еще одним подтверждением высказанного ранее мнения о связи этих культур.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Баскакова М.А., Ишниязов Д.Л., 1983. Приаральский янтарь // Записки Узбекского отделения Всесоюзного минералогического о-ва. Вып. 36. Ташкент.

Бубнова М.А., Половникова И.А., 1991. Торговые пути прибалтийского янтаря в Средней Азии (древность, средневековье). Города и караван-сараи на трассах великого шелкового пути // Тез. докл. Междунар. семинара ЮНЕСКО. Ургенч, 2–3 мая 1991 г. Ургенч.

Великий Н.М., 1975. Находки янтаря на северо-западном берегу Аральского моря // Докл. АН СССР. Т. 221. № 5.

Гулямов Я.Г., Исламов У., Аскаров А., 1966. Первобытная культура и возникновение орошаемого земледелия в низовьях Зеравшана. Ташкент.

Древности Южного Хорезма, 1991 // ТХАЭЭ. Т. XVI. М.

Итина М.А., 1977. История степных племен Южного Приаралья (II – начало I тыс. до н.э.) // ТХАЭЭ. Т. X. М.

Итина М.А., 1992. Ранние саки Приаралья // Археология СССР. Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М.

Ишниязов Д.Л., Баскакова М.А., 1980. О находке янтаря на западном побережье Аральского моря // Узбекский геологический журнал. № 4.

Куликов Б.Ф., 1982. Словарь камней-самоцветов. Л.

Левина Л.М., 1992. Памятники джетыасарской культуры середины I тыс. до н.э. – середины I тыс. н.э. // Археология СССР. Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М.

Савельев В.Ф., 1964а. О редких и рассеянных элементах в фосфоритовых образованиях одного из районов Средней Азии // Тр. ТашГУ. Вып. 234. Геология. Ташкент.

Савельев В.Ф., 1964б. О селеновой минерализации в верхнемеловых осадочных породах из некоторых районов Средней Азии // Полезные ископаемые Узбекистана и вопросы их генезиса. Ташкент.

Савельев В.Ф., 1964в. О селеносодержащих обугленных растительных остатках из верхнемеловых осадочных пород одного района Средней Азии // Записки Узбекского Отделения Всесоюзного минералогического о-ва. Вып. 16. Ташкент.

Толстов С.П., 1962. Результаты историко-археологических исследований 1961 г. на древних руслах Сырдарьи // СА. № 4.

Институт этнологии
и антропологии РАН, Москва

А.С. СЫРОВАТКО

ЗООМОРФНАЯ ФИГУРКА С ПРОТОПОПОВСКОГО ГОРОДИЩА

Мелкая глиняная зооморфная пластика является одной из немногочисленных категорий находок на дьяковских городищах. Х.И. Крис в специальной работе учтено всего четыре (Крис Х.И., 1995).

В 1991 г. на Протопоповском городище (г. Коломна) была найдена еще одна зооморфная фигурка (рис. 1). Она находилась у подножия городищенского холма с юго-западной стороны, куда могла попасть с выбросом из могил расположенного на городище кладбища.

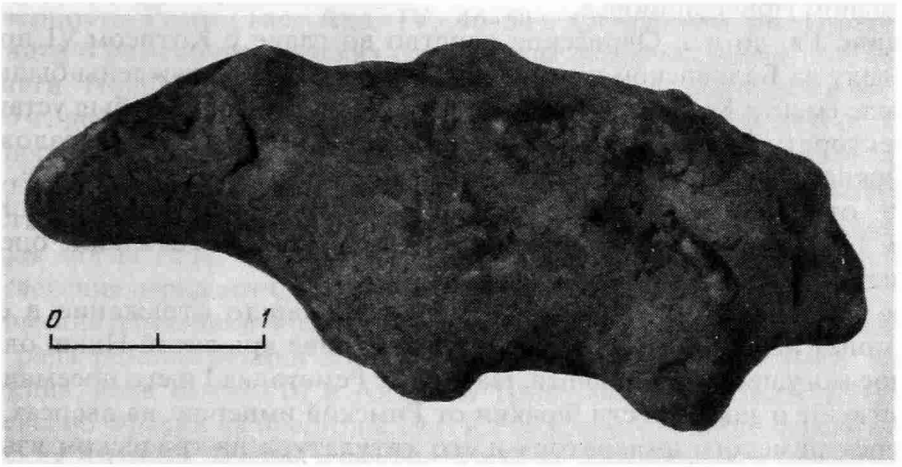


Рис. 1. Зооморфная фигурка с Протопоповского городища

Размеры фигурки 39×16×14 мм. Правая задняя конечность и хвост утрачены. На спине выполнено два ряда выступов, значение которых неясно (иголки ежа?). Определить, какое животное пытались изобразить, затруднительно. В пользу бобра говорит уплощенный, судя по сколу, хвост. Возможно также, что это барсук или собака.

Назначение фигурки, вероятно, культовое. Х.И. Крис полагает не случайным то обстоятельство, что все известные фигурки повреждены, хотя это может быть и совпадением.

В "культовом инвентаре" такие фигурки могли играть ту же роль, что и появившиеся много позже антропоморфные статуэтки. Можно предположить также, что смена зооморфных статуэток антропоморфными связана со смещением акцентов в хозяйственной деятельности населения городищ.

Датировать Протопоповскую статуэтку можно только по аналогии и очень приблизительно первой половиной – серединой I тыс. до н.э. Фигурка кабана Троицкого городища, несомненно, более поздняя, однако она выполнена в отличной от остальных манере и прямой аналогией не является.

Хотя зооморфные статуэтки встречены практически на всей территории дьяковской культуры, они в отличие от, скажем, именьковской культуры значительно менее распространены (Старостин П.Н., 1967).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Крис Х.И., 1995. Изобразительное творчество обитателей дьяковских городищ // РА. № 4.
Старостин П.Н., 1967. Памятники именьковской культуры // САИ. Вып. Д1-32.

Институт археологии РАН,
Москва

© А.С. Сыроватко, 1998 г.

М.Г. АБРАМЗОН

ИЗ ИСТОРИИ РИМСКО-ФРАКИЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ

(по данным нумизматики)

История отношений Одрисской державы с Римом не всегда равномерно освещается нарративной традицией и эпиграфическими источниками. Определенный свет на ее темные периоды могут пролить находки ряда типов фракийских монет как на территории самой Фракии, так и в Северо-Западном Причерноморье. Особый интерес эти монеты представляют для воссоздания событий последнего полувека существования фракийского царства. Они раскрывают еще одну важную сторону внешней политики Рима в Западном Причерноморье.

К середине I в. до н.э. Одрисское царство во главе с Котисом VI представляло реальную силу на Балканском п-ове, с которой римляне вынуждены были считаться. Однако после смерти Котиса VI(I) и его преемников над Фракией был установлен римский протекторат; Август утвердил в ней власть Котиса VII(II) и возложил на него защиту Нижней Мезии. В стране разгорелось антиримское движение, и Август в 13 г. до н.э. отправил во Фракию войска под командованием Луция Кальпурния Писона. В 11 г. до н.э. Август сделал царем Фракии Реметалка I, опекуна детей Котиса V или Котиса VII.

Римское присутствие во Фракии немедленно нашло отражение в ее чеканке: с реверса монет исчезает традиционное изображение крылатой Ники, олицетворяющей военное могущество фракийцев. Начиная с Реметалка I и его преемников монеты свидетельствуют о зависимости Фракии от Римской империи: на аверсах их помещаются портрет римского императора и его титулатура на греческом языке. Ранние монеты Реметалка I, битые им до получения царского титула в 11 г. до н.э., вообще лишены всяческого указания на титулатуру. Тип лицевой стороны составляет портрет Августа в сопровождении легенды ΣΕΒΑΣΤΟΥ, на обороте – голова Реметалка и надпись ΡΟΙΜΗΤΑΛΚΟΥ (Youroukova Y., 1976, p. 90).

Вполне вероятно, в этот период Реметалк довольствовался титулом династа, который мог опускаться в надписях на монетах из-за его более низкого ранга (Сапрыкин С.Ю., 1993, с. 47). Позже на его монетах появится монограмма , которая содержит имя и титул царя – ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΡΟΙΜΗΤΑΛΚΑΣ. На реверсах этих монет помещены портрет Августа и монограмма – ΚΑΙΣΑΡΟΣ. Драхмы с такими монограммами и портретами римского императора и фракийского царя чеканились, в частности, на монетном дворе Византия (Shonert-Geiss E., 1972, S. 43, № 1302). Эти монеты встречаются в Западном Причерноморье: в 1968 г. они были найдены в составе клада римских денариев из с. Садиево (Болгария) (Юрукова Й., 1972, с. 32); десятью годами раньше аналогичная драхма была найдена в Тире (Диамант Э.И., 1982, с. 114–117).

Фракийские монеты этого периода имеют параллели с чеканкой других подвластных Риму государств – Армении, Боспора и т.д., на монетах которых также помещались изображения римского императора и его титулатура на греческом языке.

После смерти Реметалка I в 12 г. н.э. Август разделил Фракию между Рескупоридом III и Котисом VIII(III), первый из которых приходился Реметалку братом, второй – сыном. На монетах Рескупорида III и Котиса III помещались сначала портрет и титул Августа, затем – Тиберия. В 19 г. н.э. Рескупорид III лишил власти и затем убил своего племянника, за что был выслан в Александрию, где его убили при неясных обстоятельствах. Фракия была вновь поделена между сыном Рескупорида III Реметалком II и сыновьями Котиса III, к которым по причине малолетства были приставл-

© М.Г. Абрамзон, 1998 г.

лены римские опекуны, руководимые бывшим претором Требелленом Руфом (Tac.Ann. III.38). В 19–26 гг. н.э. римские ставленники управляли предназначенными им частями Фракии в качестве династов. В 21 г. н.э. против Реметалка II и римских магистратов началось восстание келалетов, одрисов и диев (Келалетская война), которые осадили Реметалка в Филиппополе. На помощь Реметалку пришли вспомогательная конница и когорты лучников наместника Мезии Публия Веллея. После подавления восстания 21 г. н.э. фракийские династы (или цари, как их называет Тацит) продолжали считаться союзниками римлян, обеспечивавшими армию империи вспомогательными войсками (Tac. Ann. IV.5).

В 26 г. н.э. фракийцы вновь подняли восстание, которое было жестоко подавлено наместником Мезии Гаем Поппеем Сабином и пришедшими ему на помощь Помпонием Лабеоном во главе одного легиона и Реметалком II с той частью фракийцев, которая сохранила верность Риму (Tac. Ann. IV. 46–51). Описанием последних событий сведения Тацита о римско-фракийских отношениях исчерпываются, так как VII–X и начало XI книги "Анналов" утрачены. В них же содержалось повествование от смерти Тиберия в 37 г. до начала 47 г., т.е. о времени всего правления Калигулы и первых лет правления Клавдия. Именно на эти годы и приходится правление последнего фракийского царя Реметалка III, после которого Фракия окончательно потеряла свою независимость. Таким образом, информация об обстоятельствах воцарения Реметалка III, которая могла содержаться в утраченных книгах Тацита, до нас не дошла. Некоторые сведения передают Страбон и Дион Кассий.

Эпиграфические памятники Фракии, Кизика, Понтийского царства послужили материалом для ряда реконструкций событий во Фракии. Так, например, по мнению С.Ю. Сапрыкина, дети Котиса III и Антонии Трифены Реметалк III и Пифодорида были посажены во Фракии на престол в 19 г. н.э. под присмотром римских опекунов, в частности Лукия Антония Зенона, известного по эпиграфическим памятникам и монетам. Другие дети Антонии Трифены Полемон II и Котис IV во фракийских надписях не упоминаются. Очевидно, они находились в Понте вместе с матерью, а в 26 г. были вывезены в Рим, где присоединились к находившимся там Реметалку III и Пифодориде (Сапрыкин С.Ю., 1993, с. 32, 48).

Когда дети Котиса III были привезены в Рим, Реметалк II получил титул царя Фракии. На монетах его помещался портрет Тиберия, покровителя династии. Около 38 г. н.э. Реметалк II умер, и Калигула провозгласил фракийским царем Реметалка III. Одновременно Полемон II получил титул царя Понта и Боспора. Оставался еще один наследник Котиса III – Котис IV, который в 39 г. н.э. был интронизирован в Малой Армении.

Обратимся к нумизматическим источникам, зафиксировавшим сцену инвеституры Реметалка III (НАМ. Инв. № 6809) (рис. 1).

Л.с. Бюст Калигулы, увенчанного лавровым венком, влево.

ΓΑΙΩ ΚΑΙΣΑΡΙ ΓΕΡΜΑΝΙ...

Изображение заключено в точечную рамку.

О.с. Калигула восседает на троне, влево. Правой рукой протягивает диадему стоящему перед ним Реметалку III.

/ΒΑΣΙΛΕ/ΥΣ ΡΟΙΜΗΤΑΛΚΑΣ/ ΚΟΤΙΩΣ.

Бронза. Вес 29 г. Диаметр 27 мм.

Эта достаточно редкая монета, найденная на территории Фракии, находится в собрании Археологического музея в Софии. По технике изготовления, размеру и весу она не имеет аналогов в бронзовой чеканке Фракии и скорее всего бита по образцу римского сестерция. Не вызывает сомнений и то, что моделью для образа императора на аверсе монеты послужил портрет Калигулы с монеты столичной чеканки. Реметалк III, отчеканивший этот сестерций, остался единственным из сыновей Котиса III, интронизированных Калигулой, который отметил это событие выпуском коммеморативной монеты. Тем самым Реметалк III продолжил традицию подобных выпусков.

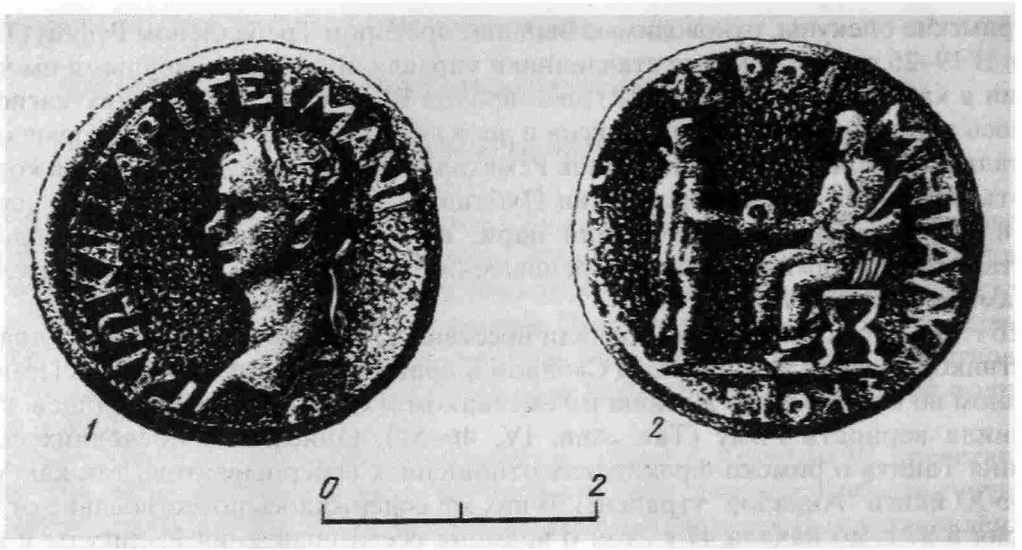


Рис. 1. Бронзовая монета Реметалка III с изображением сцены инвеституры. *1* – аверс; *2* – реверс

Битый, безусловно, во Фракии, данный сестерций примыкает к группе немногочисленных монет Римской империи, отражающих момент интронизации какого-либо ставленника Рима в том или ином клиентном государстве. За весь императорский период монеты с изображением акта инвеституры вассалов Рима выпускались всего семь раз: в 37/38 гг. (в Кесарии Каппадокийской) Калигулой в честь коронации армянского царя Артаксия Германиком (Mattingly H., 1923–1950, V. II, pl. 28, *1*); в 38 г. (во Фракии) Реметалком III; в 116 г. по случаю коронации Траяном Партамаспата (тип "Rex parthis datus") (Regling K., 1924, N 884); в 140–144 гг. Антонином Пием, назначившим царя квадам (тип "Rex quadis datus") (Kölnik T., 1984, N 5, 6); в 143 г. им же по случаю интронизации армянского царя (тип "Rex Armeniis datus") (Brilliant R., 1963, p. 153; Mattingly H., 1928, pl. XLIII, *14*); в 163 г. Луцием Вером при назначении царем Армении Сохема (тип "Rex armeniis datus") (Mattingly H., 1923–1950, V. IV, pl. 75, *8*) и, наконец, в 244 г. (в Эдессе) Гордианом III, отдавшим корону Осроены Абгару X (Mattingly H., 1928, p. 208, pl. LII, *6*). Большая часть этих монет выпускалась в небольшом количестве, иногда в золоте и серебре, иногда в бронзе. На первый взгляд, несомненно, выдвигалось коммеморативное значение таких эмиссий, хотя монетное дело в отдаленных регионах носило прежде всего военный характер. Сестерции и ассы с изображением сцен инвеституры являлись своеобразными медальонами; крупное поле таких монет давало резчикам широкие композиционные возможности. Серебряные и золотые монеты вполне могли играть роль "осыпальных" монет, которые бросались в толпу придворных и воинов во время акта получения царем-вассалом диадемы из рук своего сюзерена. Постепенно сложились два типа аллегорических композиций: 1) сидящий император (иногда в сопровождении группы офицеров) и стоящий перед ним вассал; 2) стоящие фигуры императора и царя, получающего диадему.

Следует отметить, что находки этих монет часто локализуются на территории тех клиентных государств, что получили римского ставленника в качестве царя. Например, сестерции Реметалка III происходят из Фракии, дидрахмы Германика – из Кесарии Каппадокийской, сестерции Антонина Пия "Rex quadis datus" – из Паннонии, ассы Гордиана – из Осроены. Разумеется, не все акты инвеституры римских ставленников нашли отражение на монетах. Так, не выпускалось монет по случаю коронации Полемона II, Котиса IV или Тиридата, получившего армянскую корону из рук Нерона в 66 г., а последнее событие отмечалось в Риме с необыкновенной пышностью. Очевидно, все зависело от реальной обстановки и конъюнктуры официальной пропаганды. Старший сын Котиса III, имевший титул династа, получает царскую власть в домене отца, который управляет до 46 г., и это событие фиксируется монетами. Полемон II

подобных монет не выпускал, возможно, потому, что политическая ситуация в полученных им доменах создалась весьма сложная. То же самое касается и Котиса IV, получившего вместо отцовского наследства, отошедшего к Реметалку, Малую Армению.

Итак, монеты с изображением сцены инвеституры Реметалка III как бы отражают эпилог существования фракийского государства. После смерти Калигулы династические распри во Фракии продолжались, часто вспыхивали волнения населения, вызванные рекрутированием людей в римскую армию. В 46 г. Клавдий низложил местную династию и ликвидировал остатки самостоятельности страны: Фракия была разделена на две части, из которых южная была превращена в провинцию под управлением прокуратора, а северная вошла в состав провинции Мезия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Диамант Э.И., 1982. Две серебряные монеты фракийских царей, найденные в Тире // Нумизматика античного Причерноморья. Киев.

Сапрыкин С.Ю., 1993. Из истории понтийского царства Полемонидов (По данным эпиграфики) // ВДИ. № 2.

Юрукова Й., 1972. Принос на тракийската нумизматика // Археология. Т. 14. Кн. 2.

Brilliant R., 1963. Gesture and Rank in Roman Art. The Use of Gestures to Denote Status in Roman Sculpture and Coinage. New Haven.

Kölnik T., 1984. Römische und germanische Kunst in der Slovakei. Bratislava.

Mattingly H., 1923–1950. Coins of the Roman Empire in the British Museum. V. 1–5. London.

Mattingly H., 1928. Roman Coins from the Earliest Times to the Fall of the Western Empire. London.

Regling K., 1924. Die antike Münze ais Kunstwerk. Berlin.

Shönert-Geiss F., 1972. Die Münzpragüng von Byzantion. B. 2. Berlin; Amsterdam.

Youroukova Y., 1976. Coins of the Ancient Thracians. London.

Магнитогорский государственный
педагогический институт

Е.А. БЕГЛОВА, В.Р. ЭРЛИХ

ДЕТАЛЬ РИМСКОГО МЕЧА ИЗ МОГИЛЬНИКА У СТАНИЦЫ ТЕНГИНСКОЙ

Летом 1995 г. при исследовании грунтового могильника III в. до н.э. – первых веков н.э. на западной окраине ст-цы Тенгинской Усть-Лабинского р-на Краснодарского края в погр. 57 была найдена овальная бронзовая пластина, назначение которой первоначально не было достаточно ясно.

Погребение, в котором она была найдена (рис. 1), принадлежало ребенку 4–8 лет[1]. Могильная яма не прослеживалась. Костяк ребенка был наполовину разрушен более поздним захоронением, in situ лежали лишь кости ног. Судя по ним, костяк был ориентирован головой на северо-восток. На верхнем конце правой бедренной кости лежали фрагменты черепа. При погребенном был следующий инвентарь: плохо сохранившиеся фрагменты железного ножа, который находился под правым коленом; створка рако-

[1] Определение Г.П. Романовой.

© Е.А. Беглова, В.Р. Эрлих, 1998 г.

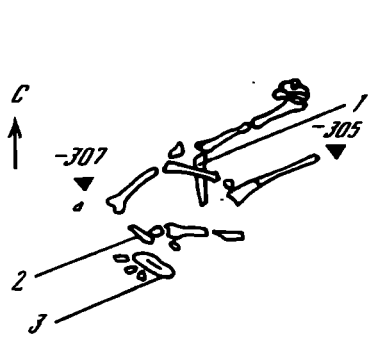


Рис. 1

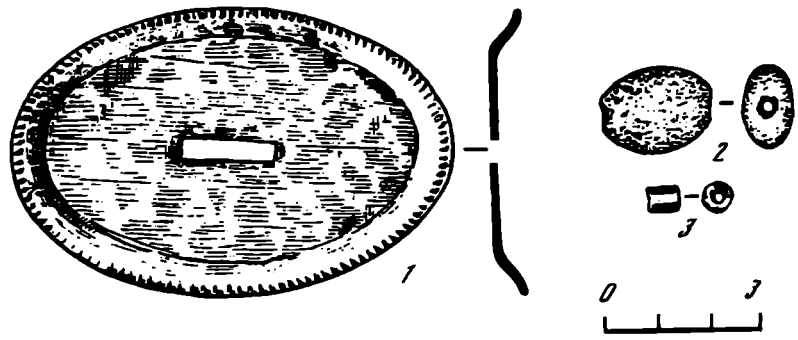


Рис. 2

Рис. 1. Тенгинский могильник, план погр. 57 (*1* – фрагменты ножа; *2* – раковина; *3* – бронзовый предмет)

Рис. 2. Комплекс погр. 57 (*1* – бронза; *2* – янтарь; *3* – стекло)

вины двустворки (unianid) лежала на месте левой стопы; бронзовая пластина, о которой пойдет речь ниже, лежала в 2 см к югу от нее. Из этого же погребения происходили янтарная бусина и бисер.

Пластина имела отогнутый край, украшенный гравированной насечкой. В центре – узкое прямоугольное отверстие со следами сработанности. Длина пластины 8,3, ширина 5,4 см, размеры отверстия 2×0,5 см (рис. 2, *1*).

Поиск аналогий этому предмету привел нас к убеждению, что это не что иное, как деталь римского меча или кинжала[2]. Как известно, римский меч первых веков нашей эры имел деревянное перекрестие – гарду и деревянную рукоять. Иногда эта деревянная конструкция имела упор в виде бронзовой пластины, насаженной на черенок рукояти железного меча. Подобная пластина происходит из Зальбурга в Нижней Германии и датирована концом II в. н.э. (Oldenstein J., 1977. S. 88, Katalog, Taf. 9, *1*). Отогнутый край этой пластины – ажурный (рис. 3, *2*). Близкую дату имеет и бронзовое перекрестие кинжала сходной формы из Зугмантеля (рис. 3, *4*)[3] (Oldenstein J., 1977. S. 88, Katalog, Taf. 9, *2*). Еще одна находка подобной вещи была сделана в воинском погребении из Лиона, датирующимся денариями Септимия Севера 197 г. н.э. Основание перекрестия здесь представляло собой медную овальную пластину с загнутым вверх краем с максимальной длиной 7,5 см, насаженную на черенок железного меча с длиной лезвия около 65 см (Wuilleumier P.M., 1950, p. 146, 147, Fig. 1) (рис. 3, *5*).

Почти полная аналогия тенгинской пластине имеется на "мече Тиберия", найденном в Рейнской области и представленном в экспозиции Британского музея[4]. Железный меч длиной около 0,5 м, время изготовления которого отнесено создателями экспозиции к 15 г. до н.э., имеет деревянные ножны, богато декорированные золотыми накладками и серебряным позолоченным барельефом Тиберия. Он имеет серебряную овальную пластину – основание перекрестия с отогнутым краем (гравировки по краю у этой пластины нет) (рис. 4, *2*, *3*).

П. Конноли сделал реконструкцию римского длинноострийного gladius'a на основе "меча Тиберия" (Connoly P., 1981, p. 232, fig. 3, *4*) (рис. 4, *1*). Подобные мечи имели длину лезвия 44–55 см и вес около 1 кг (Connoly P., 1981, p. 233).

Уже в начале III в. н.э. основания перекрестий мечей приобретают округлую форму. Этим временем датированы две круглые пластины-упоры из Дании, покрытые серебряной плакировкой и имеющие диаметры 5,4 и 5,5 см (рис. 3, *1*, *3*) (Raddatz K., 1987, Taf. 5, *10*; Ilkjaer J., 1976, p. 118, fig. 1).

---

[2] Благодарим нашего германского коллегу Клауса фон Канопа за ценное указание аналогий.

[3] По всей видимости, на рисунке-реконструкции этого кинжала эта пластина неправильно ориентирована. Надо – отогнутом краем вверх.

[4] Британский музей GR. 1866. 8.6–1 Bronze 867.

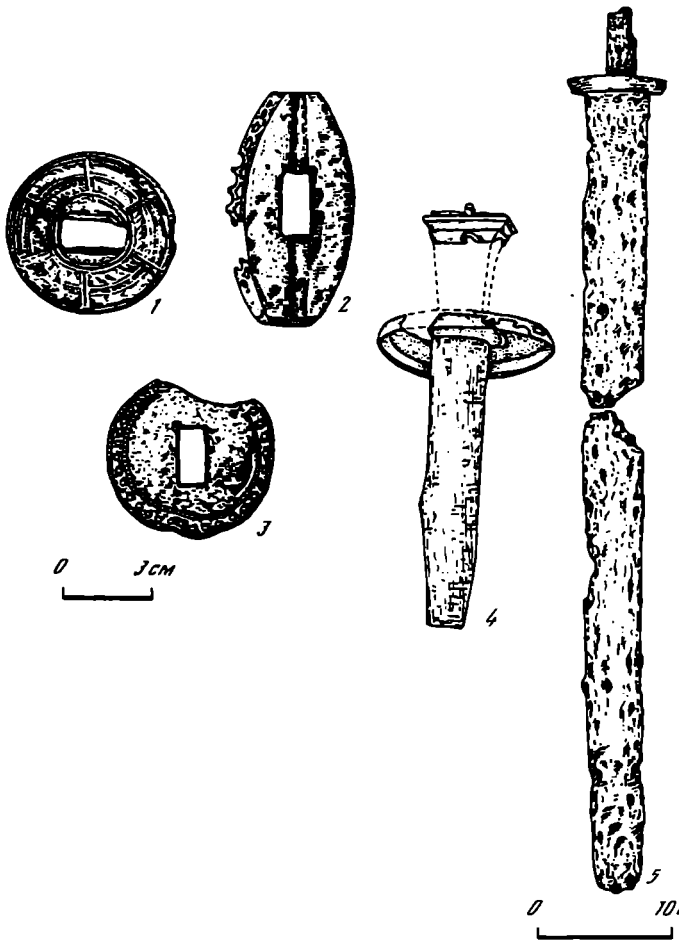


Рис. 3

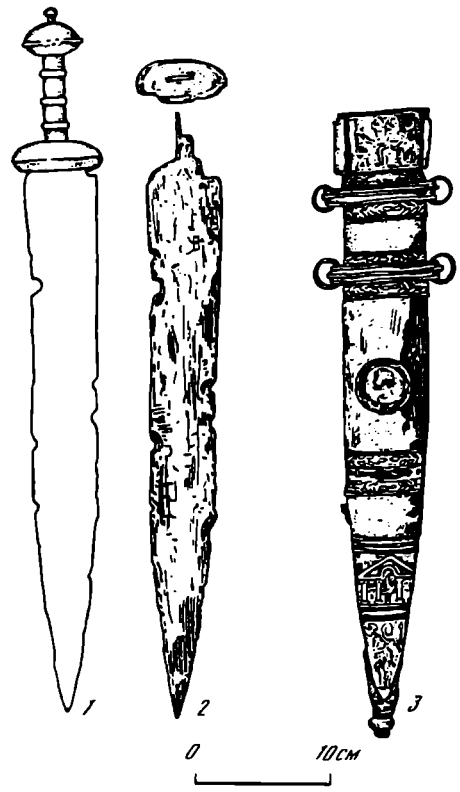


Рис. 4

Рис. 3. Детали перекрестий римских мечей и кинжалов. *1* – Национальный музей, Копенгаген; *2* – Зальбург; *3* – Дания; *4* – Зугмантель; *5* – Лион

Рис. 4. *1* – Реконструкция gladius'a на основании меча Тиберия (по П. Конноли); *2, 3* – "Меч Тиберия", Британский музей

Как отмечал В.В. Кропоткин в своем своде, изданном в 1970 г., собственно римское оружие на территории Восточной Европы встречается сравнительно редко (Кропоткин В.В., 1970, с. 39). Из римских мечей здесь известно только три провинциально-римских меча конца II – начала III в., найденных на территории Западной Украины.

Римские импорты на территории Прикубанья в основной своей массе относятся к I в. до н.э. – началу II в. н.э., находки позднее этого времени нам неизвестны.

Здесь встречаются и составляющие римской паноплии этого времени. Это римский пилум I в. до н.э. – I в. н.э. из ст-цы Воздвиженской (10 км к востоку от ст-цы Тенгинской) (Гущина И.И., Засецкая И.П., 1989, с. 100, 132, № 42, табл. V, *42*), навершие римского знамени из кург. 15 у ст-цы Тифлисской на правом берегу Кубани (курганы Золотого кладбища) (Кропоткин В.В., 1970, 124; Гущина И.И., Засецкая И.П., 1994, с. 58, № 269, табл. 29). В последнее время в Закубанье найдены два италийских шлема типа Монтефортино, относящихся к I в. до н.э. – I в. н.э. из могильников у ст-цы Владимирской и Серегинского (Берлизов Н.Е. и др., 1995, с. 122, 127, табл. 4*б*, 51; Раев Б.А. и др., 1990, с. 132, № 12, рис. 37, *2*). Имперско-гальский шлем, найденный в районе г. Сочи, датирован серединой – второй половиной I в. н.э. (Сударев Н.И., 1991, с. 143–145, рис. 1).

Очевидно, что бронзовые пластины – упоры перекрестий римских мечей овальной формы бытовали на протяжении длительного времени с конца I в. до н.э. ("меч Тибе-

рия") до конца II в. н.э. (меч из Лиона). По всей видимости, исходя из даты римских импортов Средней Кубани, деталь бронзового меча из Тенгинского могильника следует датировать временем близким к "мечу Тиберия". Она могла быть изготовлена в Риме уже в I в. н.э.

Из региона Средней Кубани происходит большая серия римских привозных вещей именно этого времени (I – начало II в. н.э.), относящихся к украшениям и утвари, найденным в богатых комплексах правого и левого берегов Кубани: в погребениях зубовско-воздвиженской группы, из курганов "Золотого кладбища", Чернышовского, Курганинского и других могильников. По мнению И.И. Гущиной и И.П. Засецкой, такое их обилие появляется благодаря активной политике Рима в Северном Причерноморье в I–II вв. Эти же авторы предполагают и возможность содержания Римом на Кубани за регулярную плату "дружин" союзников из местных племен. Так, например, курганы "Золотого кладбища" рассматриваются ими как кладбище воинов-варваров – представителей воинского объединения, вероятно, находящегося на службе Рима (Гущина И.И., Засецкая И.П., 1994, с. 39). Отсутствие точных письменных указаний не позволяет ни подтвердить, ни опровергнуть эту точку зрения.

Мы также не исключаем возможности того, что попадание предметов римского вооружения связано с событиями войны царя Боспора Митридата VIII с Римом (44/45 гг. н.э.), заключительный этап которой происходил именно на Кубани.

По всей видимости, погр. 57 Тенгинского могильника следует отнести к хронологическому горизонту, близкому к зубовско-воздвиженской группе и "Золотому кладбищу", что суммарно относится к I – началу II в. н.э., либо чуть позднее, поскольку рассмотренная нами деталь уже использовалась в качестве апотропея-оберега. Таким образом, этот предмет в свою очередь может служить и определенным хронологическим репером поздней группы погребений Тенгинского могильника. Следует отметить еще раз, что деталь римского меча в этом регионе встречена впервые.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Берлизов Н.Е., Каминская И.В., Каминский В.Н., 1995. Сарматские памятники Восточного Закубанья. Хронология и хронография // Историко-археологический альманах. Вып. 1. Армавир, Москва.

Гущина И.И., Засецкая И.П., 1989. Погребения зубовско-воздвиженского типа из раскопок Н.И. Веселовского в Прикубанье // Археологические исследования на юге Восточной Европы. М.

Гущина И.И., Засецкая И.П., 1994. "Золотое кладбище" Римской эпохи в Прикубанье. СПб.

Кропоткин В.В., 1970. Римские импортные изделия в Восточной Европе II в. до н.э. – V в. н.э. // САИ. Д1-27. М.; Л.

Раев Б.А., Симоненко А.В., Трейстер М.Ю., 1990. Этрусско-италийские и кельтские шлемы в Восточной Европе // Древние памятники Кубани. Краснодар.

Сударев Н.И., 1991. Две находки римского времени из окрестностей г. Сочи // Древности Северного Кавказа и Причерноморья. М.

Connoly P., 1981. Greece and Rome at War. London.

Ilkjaer J., 1976. Et bunt vaben fra vimose // Kuml, 1975. Arbog for jysk arkaeologisk selskab. Kobenhavn.

Oldenstein J., 1977. Zur Ausrüstung römischer Auxiliareinheiten // BRGK. Bd. 57. Mainz.

Raddatz K., 1987. Der Thorsberger Moorfund Ktalog. Teile von Waffen und Pferdegeschirr, sonstige Fundstücke aus Metall und Glas, Ton- und Holzgefäshe, Steingeräte. Neumünster.

Wuilleumier P.M., 1950. La bataille de 197 // Gallia. Fasc. 8. Paris.

Государственный музей Востока,
Москва

В.Ю. КОВАЛЬ

ПРЕДМЕТЫ ВОСТОЧНОГО ИМПОРТА ИЗ РОСТИСЛАВЛЯ РЯЗАНСКОГО

При охранных археологических раскопках 1994–1997 гг. на городище Ростиславль (летописный город на северо-западе Рязанской земли, основанный в 1153 г., ныне на территории Озерского района Московской области) получена серия предметов восточного происхождения, некоторые из которых уникальны для средневекового русского города. Это заставляет рассмотреть весь набор подобных изделий специально, совместно с теми комплексами, в которых они были найдены.

Наиболее интересным образцом являлась почти полностью сохранившаяся кашинная (фаянсовая) чаша с люстровой росписью, развал которой был найден в 1997 г. в яме № 76 (по полевой нумерации), представлявшей собой небольшое подполье или погреб (размеры 120 × 75 см при глубине 80 см), располагавшийся под жилым домом, погибшим в сильном пожаре. Следы этого пожара фиксировались по обугленным доскам пола погреба и прокаленным материковым стенкам ямы. Завал печины (часть рухнувшей печи) в заполнении ямы включал монополитный глиняный блок размерами 130 × 70 × 30 см. Инвентарь из ямы № 76 (коса-горбуша, известняковое пряслице, обломок бронзового решетчатого однозигзагового перстня) не давал однозначного представления о датировке комплекса, немногочисленные обломки керамики относились к золотоордынской эпохе. Следует отметить, что обломки чаши попали в этот погреб еще до начала пожара и находились под сгоревшим дощатым полом, поэтому действием огня оказались повреждены лишь отдельные обломки, залегавшие на поверхности отложившейся здесь тонкой прослойки грунта.

Ростиславльская чаша была изготовлена из мягкого белого (чуть розоватого) кашина и облицована полупрозрачной белой глазурью типа Na–Ca–Pb–Si, слабо заглушенной окисью олова[1]. Глазурь покрывает обе поверхности, но не заходит на кольцевой поддон. В сечении чаша полусферическая, ее диаметр 19,5 см, высота – 9,5 см, диаметр кольцевого поддона 7,5 см (рис. 1). Внутренняя поверхность чаши разделена на 8 равных секторов вертикальными чередующимися полосами ультрамаринового (окись кобальта) и бирюзового (окись меди) цвета, кроме того, ультрамариновая полоса проведена по самому краю чаши (красители наносились до глазурования). Сектора заполнены надглазурной росписью коричневато-желтым люстром. В них чередуются резервированные изображения лани (рис. 2) и надписи, выполненные на персидском языке арабскими буквами почерком насх. Всего на чаше имелось 4 изображения лани и 4 сектора с надписями, причем текст их различался. Внешняя поверхность расписана только люстром: узкие вертикальные лепестки лотоса заполнены здесь поочередно полосами косых штрихов и одинаковыми надписями, выполненными тем же почерком насх (рис. 1). Люстровые чаши подобного типа изготавливались в Иране ильханской эпохи (вторая половина XIII – первая половина XIV в.). В качестве полных стилистических аналогий можно указать чаши из коллекции Музея Виктории и Альтерта в Лондоне (Watson O., 1986, p. 110, 111, pl. 88, col. pl «H») и собрания Художественной галереи Фрира в Вашингтоне (Atil E., 1973, p. 161, pl. 73). Последняя несет на внешней поверхности точно такую же надпись, как и на публикуемом сосуде. Вместе с тем ростиславльская чаша имеет и свои индивидуальные отличия: на ее внутренней поверхности выполнены не стилизованные куфические арабские надписи "аль-юмн" (как на сосудах, приведенных нами в качестве аналогий), а настоящие персидские тексты, прочтение которых возможно, хотя и затруд-

[1] Результаты спектрального анализа глазури опубликованы (Коваль В.Ю., 1997, табл. 1). Образец для анализа был взят с обломка, найденного в яме № 1 (см. ниже).

© В.Ю. Коваль, 1998 г.

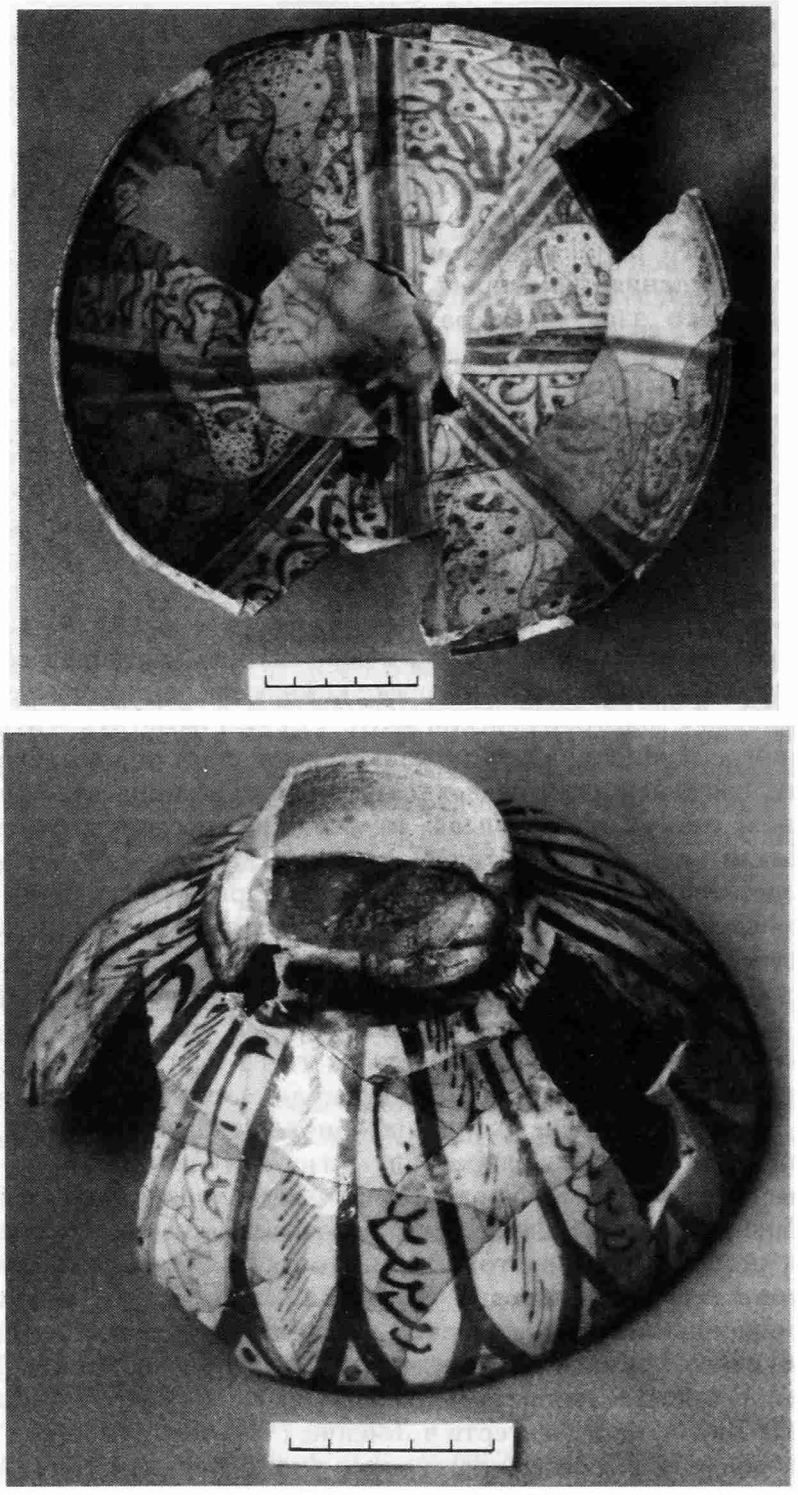


Рис. 1. Иранская люстровая чаша из Ростиславля. Фото

нено отсутствием диакритических точек[2]. Стилистика изображения лани здесь идентична фигурам ланей, зайцев, лошадей и хищных животных на люстровых изделиях ильханской эпохи: рисунок выполнен "в резерве" и при этом заполнен мелкими точками (Lane A., 1958, pl. 65; Watson O., 1986, pl. 92, 93, 110, 119). В то же

[2] Прочтение этих надписей является задачей исследования специалистов по персидскому языку, которая не могла быть выполнена автором. Пользуюсь случаем выразить свою признательность Г.А. Федорову-Давыдову за консультацию по данному вопросу.

Рис. 2. Иранская люстровая чаша из Ростиславля. Деталь. Фото

время изображение лани на нашей чаше необычно своим пушистым хвостом, из-за которого задняя часть фигуры животного кажется принадлежащей какому-то хищнику. Все эти особенности, однако, не могут вызывать каких-либо сомнений в том, что чаша происходит из того же самого иранского центра, в котором были изготовлены и все остальные люстровые изделия эпохи ильханов.

Находка подобной чаши является уникальной для археологии русского средневековья. Восточная керамика на Руси встречается при раскопках обычно в виде мелких разрозненных обломков, археологически целые ее образцы единичны, что же касается люстровой керамики, то это первый сосуд подобной степени сохранности. Заметим, что ильханский люстр встречается на Руси особенно редко (даже реже, чем люстровые изделия домонгольской эпохи): до сих пор были известны лишь находки в Новгороде (2 обломка от одной тарелки), Твери (5 обломков чаш) и Владимире (11 обломков чаш), т.е. фрагменты от едва ли более чем десятка сосудов.

Особенный интерес представляет тот факт, что один обломок публикуемой чаши (рис. 3, *4*) был найден ранее в хозяйственной яме № 1 (Коваль В.Ю., 1993, рис. 2, *1*). Яма № 1 располагалась в 6 м к северо – северо-востоку от ямы № 76, и, видимо, обе они находились на территории одной усадьбы. Комплекс находок и керамики ямы № 1 публиковался (Коваль В.Ю., 1993, с. 77; 1996, рис. 4–6), его дата – вторая половина XIII в. Приблизительная синхронность ям № 1 и № 76 позволяет предполагать, что иранская чаша попала на Ростиславль и была здесь разбита не позднее конца XIII в. Для того периода невозможно допускать прямых контактов Руси с Ираном, следовательно, чаша поступила сюда через Золотую Орду, в городах которой известны находки аналогичных образцов иранской люстровой керамики.

Важно подчеркнуть, что публикуемая чаша не была единственным образцом восточной керамики на Ростиславле. На посаде города (Ростиславльское III селище) в комплексе XIV–XV вв. был встречен обломок еще одной чаши, покрытой ультрамариновой (темно-синей) прозрачной глазурью (рис. 4, *3*), изготовленной из рыхлого белого кашина, характерного для керамического производства золотоордынского Поволжья. Присутствие золотоордынской керамики за пределами детинца свидетельствует о широком распространении здесь импортной художественной посуды.

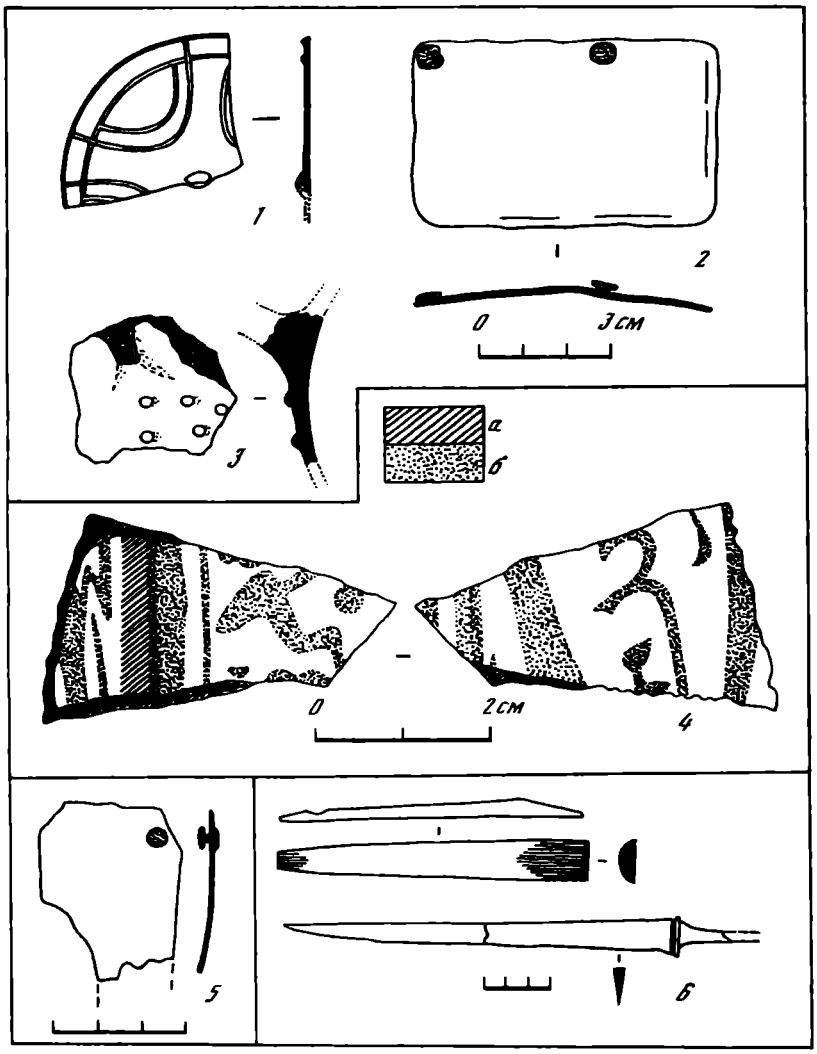


Рис. 3. Находки из Ростиславля: *1* – обломок зеркала; *2* – пластина от панциря; *3* – обломок поливного сосуда; *4* – обломок люстровой чаши (*а* – кобальт, *б* – люстр); *5* – обломок пластины; *6* – накладка на лук; нож (*1* – бронза; *2, 5, 6* – железо; *3, 4* – керамика)

Другой неординарной находкой, крайне редко встречающейся на территории средневековой Руси, но обнаруженной на Ростиславле, является обломок литого бронзового зеркала (диаметр 6,3 см), относящегося к кругу типичных кочевнических древностей. Зеркало было изготовлено из оловянисто-свинцовистой бронзы, украшено крестовидно-арочным орнаментом (отдел Ж по Г.А. Федорову-Давыдову) и имело петельку для подвешивания на тыльной стороне (рис. 3, *1*; 5). Круглые бронзовые зеркала бытовали у кочевых племен юга Восточной Европы – черных клобуков, половцев (Плетнева С.А., 1973, с. 9, 56, табл. 6, *3*; 8, *13*) и северокавказских алан в X–XII вв. (Кузнецов В.А., 1963, табл. IV, *6*; Савенко С.Н., 1985, с. 100, табл. I). Во второй половине XIII–XIV в. такие зеркала получили широкое распространение в Волжской Булгарии (Полякова Г.Ф., 1996, с. 223–239, рис. 69–75) и среди кочевников на всей территории Золотой Орды (Федоров-Давыдов Г.А., 1966, с. 78, 81, 114), в том числе и непосредственно у монгольских племен, переселившихся в Поволжье и Причерноморье (Ларенок В.А., 1992, с. 165, 186, рис. 10, *16–20*). По орнаментации наиболее сходным с ростиславльским представляется зеркало с Селитренного городища (Fyodorov-Davydov G.A., 1984, fig. 107, *4*). Находка происходит из верхнего горизонта культурного слоя городища, перемешанного многолетней распашкой, однако она зафиксирована непосредственно над центральной частью крупной заглубленной в

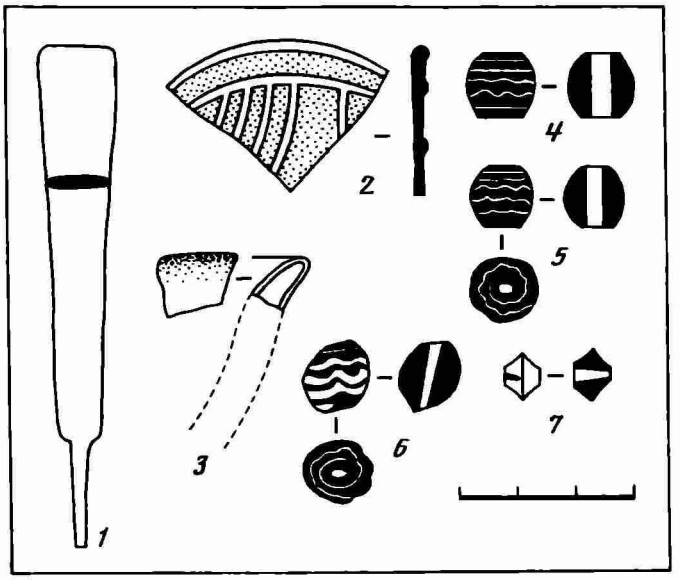


Рис. 4. Предметы восточного происхождения из Ростиславля (*1*, *3–7*) и Серенска (*2*): *1* – наконечник стрелы; *2* – обломок зеркала; *3* – обломок чаши с ультрамариновой глазурью; *4–7* – бусы (*1* – железо; *2* – бронза; *3* – кашин; *4–7* – стекло)

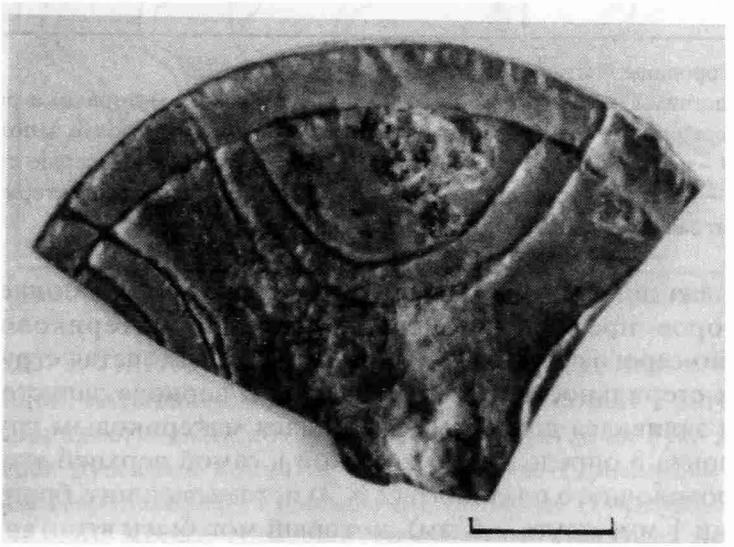


Рис. 5. Бронзовое зеркало из Ростиславля. Фото

материк постройки (постройка 1 по полевой нумерации), являвшейся остатками подполья жилого дома либо отдельного стоявшего крупного погреба.

Постройка 1 представляла собой подквадратную яму размерами 430–460 × 400–430 см, с плоским дном, лежавшим на глубине 100–120 см от уровня поверхности материка на данном участке, по углам располагались столбовые ямы (рис. 6). Северо-восточный край ямы был уничтожен эрозией (новообразовавшимся оврагом, разрезающим площадку городища и вызвавшим необходимость проведения здесь спасательных раскопок), однако основная часть заполнения ямы осталась непотревоженной. Это заполнение состояло из многочисленных прослоек, среди которых удалось выделить 4 горизонта. Верхний (1-й) горизонт являлся поздней нивелирующей засыпкой, проведенной, судя по керамике, в XV в. (Коваль В.Ю., 1996, с. 105, рис. 9, *58*). Ниже располагались остатки квадратной деревянной конструкции размерами 340 × 300 см, сохранившиеся в виде прослойки древесного тлена мощностью 10–20 см

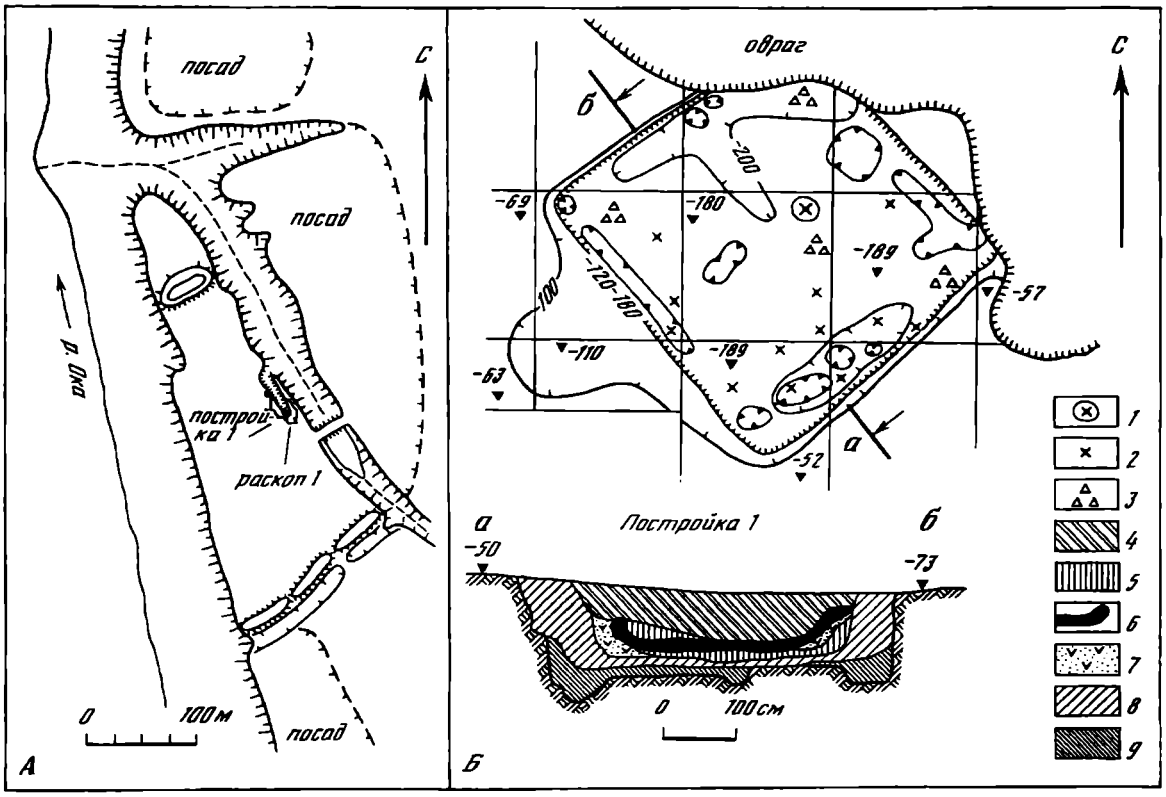


Рис. 6. Постройка 1 на городище Ростиславль.

А – схема городища Ростиславль; *Б* – постройка 1. План (поверхность материка) и разрез. *1* – находка обломка бронзового зеркала; *2* – индивидуальные находки в нижнем горизонте заполнения постройки; *3* – развалы сосудов; *4* – верхний (1-й) горизонт заполнения постройки: *5* – серые супеси и суглинки; *6* – древесный тлен; *7* – пестрый суглинок с углями; *8* – слоистые заплывы материкового суглинка; *9* – нижний (4-й) горизонт заполнения (светло-серый суглинок)

и впущенной с уровня поверхности материка в более раннее заполнение ямы (т.е. в горизонт 3), которое представляло собой заплывы материкового суглинка с включениями светло-серого суглинка (лесного подзола). Слоистая структура заплывов и почти полная их стерильность свидетельствуют о периоде запустения постройки, когда ее котлован заливался дождями и засыпался материковым грунтом. Terminus post quem для горзонта 3 определяется находкой в самой верхней его части целиком сохранившегося провóлочного плетеного (2 × 3) петлеконечного бронзового браслета (диаметр проволоки 1 мм, жгута – 5 мм), который мог быть втоптан в грунт только после полного заполнения постройки (Коваль В.Ю., 1996, рис. 7, «*О*»). Подобные браслеты, редкие в Рязанской земле, но распространенные в бассейне р. Москвы (Левашева В.П., 1967, с. 223), датируются не ранее начала XIII в. (Лесман Ю.М., 1990, с. 41, тип. 1.20). Нижний (4-й) горизонт заполнения постройки 1 состоял из прослойки светло-серого суглинка толщиной 10–15 см. Массовый керамический материал из этого горизонта датировался второй половиной XIII–XIV в. Кроме того, здесь были собраны развалы двух горшков, кувшинообразного сосуда и толстостенной корчаги с подшарообразным туловом (рис. 7) (Коваль В.Ю., 1996, рис. 6, 7). Вещевые находки представлены разнообразными предметами из кости (кочедык) и железа: обломок ручки от ведра или котелка (диаметр которого не превышал 14 см), нож с черешковой рукоятью, кольцо диаметром 5,7 см (возможно, от конской упряжи), кованый гвоздь, обломок гвоздя или костыля, ключ от цилиндрического замка типа В (по Б.А. Колчину), инструмент либо заготовка для него в виде стержня длиной 15 см.

Однако вместе с перечисленными, вполне ординарными, находками были встречены вещи, заставившие обратить на постройку 1 особое внимание: важнейшей из них была слегка изогнутая железная пластина размерами 6,7 × 4,3 см с двумя медными заклеп-

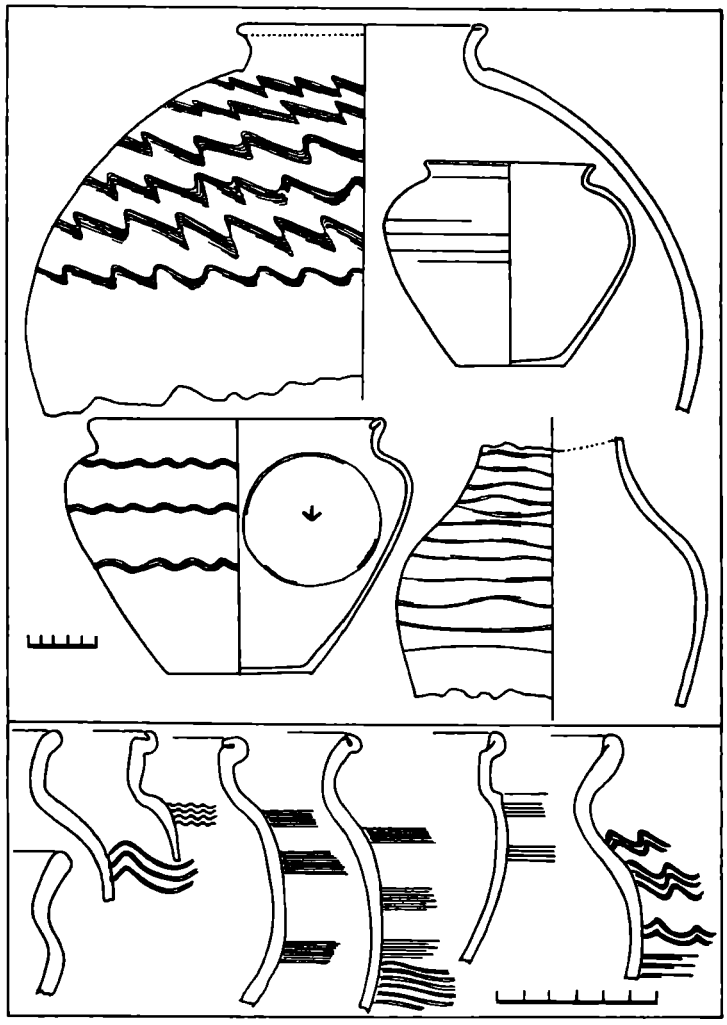


Рис. 7. Керамика из нижнего горизонта заполнения постройки 1

ками по краю (рис. 3, *2*). Подобные пластины использовались в защитном доспехе монгольских воинов, называвшемся "хатангу-дегель"[3] (халат с вставленными между двумя слоями ткани пластинами), который не был известен на Руси до прихода монгол и стал применяться русскими воинами лишь с XIV в. Единичные пластины такого доспеха найдены в Переяславле-Рязанском и Новгороде (Горелик М.В., 1983, с. 249–251, табл. III, *1, 4, 7, 8*). Кроме того, найден обломок подобной пластины, имевшей железную заклепку (рис. 3, *5*), а также железный (вероятно, боевой) нож с узким лезвием длиной 17,5 см и обоймочкой из желтого металла (рис.3, *6*). Не менее интересна находка костяной пластины размерами 14,0 × 1,8 × 0,8 см (рис. 3, *7*), являющейся нижней накладкой на рукоять сложносоставного лука (Медведев А.Ф., 1966, табл. 2, *12;* 3, *8*). Аналогичные накладки известны в кочевническом погребении XII–XIII вв. в Нежине на р. Остер (Кирпичников А.Н., Коваленко В.П., 1993, рис. 1, *14, 15*). Обособленность вещевого комплекса, найденного на полу постройки 1, выступает особенно рельефно при сравнении с находками из вышележавших горизонтов, которые включали лишь три железных предмета (в том числе обломок косы-горбуши и шило), клейма на днищах горшков, керамическое грузило и пряслице из стенки горшка. Правда, в заполнении горизонта 2, включавшего остатки деревянной конструкции, были найдены два обломка поливной керамики, в том числе фрагмент ручки красноглиняного кувшина из теста с примесью дресвы, покрытого

[3] Благодарю О.В. Двуреченского (ЦАИ УГК ОИП г. Москвы), оказавшего помощь в атрибуции этого предмета.

непрозрачной желтовато-зеленой поливой и относящегося к керамике, распространенной в золотоордынскую эпоху в Новгороде (Макарова Т.И., 1967, с. 57) и Москве (Авдусина Т.Д. и др., 1984, с. 206, 207). Еще более интересен обломок сосуда закрытого типа (кувшина?), изготовленного из глины розового цвета с большим количеством песка крупной фракции, внешняя поверхность которого имела рельефный тисненый орнамент из выпуклых "жемчужин" (рис. 3, *3*) и была покрыта сильно патинированной зеленой глазурью. Согласно результатам рентгеноспектрального анализа, эта глазурь состояла из окислов свинца (69%) и кальция (8–9%) с минимальной долей кремнезема (1–2%) (Коваль В.Ю., 1994, с. 77), то есть относилась к разряду высокосвинцовистых глазурей. По характеру формовочной массы данный сосуд находит лишь очень редкие аналогии как среди русской средневековой, так и золотоордынской поливной керамики. Учитывая, что техника тиснения керамики в жестких формах в русском гончарстве не применялась, но была хорошо известна в средневековом Поволжье, этот образец также можно рассматривать в качестве золотоордынского импорта.

По совокупности датирующих признаков постройка 1 должна быть отнесена ко второй половине XIII–XIV в., причем нижний горизонт ее заполнения содержал комплекс находок, принадлежащих к предметам вооружения и походного снаряжения, среди которых оказались вещи, имеющие кочевническое происхождение (пластина от панциря, накладка на лук), наиболее вероятной датой которых является вторая половина XIII – первая половина XIV в. Поэтому нельзя исключать возможность того, что все эти вещи принадлежали монгольскому тяжеловооруженному воину.

Обратимся теперь вновь к обломку кочевнического зеркала, найденному над центральной частью постройки 1. Прежде всего необходимо отметить отсутствие на нем следов механических повреждений, присущих вещам и керамике из пахотного слоя. Принимая во внимание это обстоятельство, а также редкость любых индивидуальных находок в сильно переотложенном культурном слое городища и наличие многочисленных кротовин, зафиксированных в заполнении постройки 1, не будет большой смелостью допустить происхождение обломка зеркала из этого же заполнения.

Как уже отмечалось выше, находки кочевнических зеркал на Руси крайне редки. В Новгороде найдено только одно подобное зеркало (Седова М.В., 1981, с. 172, рис. 72, *6*), несколько чаще встречаются они в культурном слое южнорусских городов, непосредственно контактировавших со степняками – в Чернигове, Звенигороде, на Райковецком городище; особенно много таких зеркал было найдено на городище Княжая Гора (Мезенцева Г.Г., 1968, с. 71, табл. III, *1, 7*). На северо-востоке Руси обломок кочевнического зеркала был найден недавно во Владимире (Родина М.Е., 1996, с. 175). В Поочье до сих пор была известна только одна подобная находка – обломок зеркала из раскопок Серенска (Никольская Т.Н., 1984, рис. 5), происходивший из верхнего слоя городища, датируемого XIV–XVI вв. (Никольская Т.Н., 1981, с. 140). Интересно, что по своей орнаментике серенское зеркало (рис. 4, *2*) относилось к тому же самому типу, что и ростиславльское, причем это была до сих пор единственная на Руси находка кочевнического зеркала со стратиграфической датировкой после 1237 г. – все остальные зеркала происходили из домонгольских слоев. Предполагаемое происхождение ростиславльского зеркала из комплекса постройки 1 в сумме с ордынскими аналогиями ему и присутствием в этой постройке других предметов кочевнического происхождения позволяет датировать эту находку также в пределах второй половины XIII–XIV в.

Круг предметов золотоордынского импорта, найденных на Ростиславле, не ограничивается перечисленными изделиями и включает также бусы (5 шт.) и наконечник стрелы-срезня в виде узкой вытянутой лопаточки (рис. 4, *1*), найденный на посаде Ростиславля (селище III) в комплексе XIV в. (яма № 3). Наконечники стрел подобного типа (типа 67 по А.Ф. Медведеву) появляются в Восточной Европе только после прихода монгол (Медведев А.Ф., 1966, с. 75, табл. 24, *4*, 30, *65*).

Две битрапецевидные в сечении бусины, изготовленные методом навивки из непрозрачного бирюзового стекла, имели диаметр 0,8 см и высоту 0,5–0,6 см (рис. 4, *7*). Одна из них сделана из стекла типа Na–K–Ca–Mg–Al–Si (Коваль В.Ю., 1994, с. 77, образец № 5; 1996, рис. 6, *Л*), характерного для средневекового среднеазиатского и золотоордынского стеклоделия (Щапова Ю.Л., 1984, с. 222, 223; Олейников О.М., 1993, рис. 2, 4). Находка происходит из ямы № 1, той самой, где был найден обломок иранской люстровой чаши. Вторая бусина найдена в заполнении подпольной ямы (яма № 35), датировавшейся по керамическому комплексу XV в. (Коваль В.Ю., 1996, с. 105, рис. 9, *59, 60, Ф*). Химический состав ее стекла отличался от предыдущей (K–Ca–Al–Si)[4]. Примечательно, что битрапецевидные бирюзовые бусы составляют самый многочисленный вид одноцветных бус, выполненных в технике навивки, найденных в Болгаре (Полубояринова М.Д., 1988, с. 167, рис. 83, *12*), в то время как в Нижнем Поволжье такие бусы встречаются значительно реже. Более половины бус данной разновидности, известных в золотоордынском Поволжье, найдены именно на Болгарском городище (Бусятская Н.Н., 1976, табл. 2). По составу стекла (Na–K–Ca–Mg–Al–Si) (Бусятская Н.Н., 1976, с. 57, 58) эти бусы идентичны ростиславльской бусине из ямы № 1. На Руси подобные бусы встречаются редко. Единичные находки известны в слоях XIII–XV вв. в Переяславле-Рязанском (Судаков В.В., 1990, с. 51, табл. 100, *13*), Твери (Дворников А.С., 1989, с. 83, табл. 38, *3*), Москве (из раскопок А.Г. Векслера на ул. Ильинке в 1995 г.). Все это позволяет предполагать, что импорт таких бус на Русь происходил именно в Волжской Булгарии золотоордынской эпохи.

Три полосчатые шарообразные бусины, изготовленные методом навивки и украшенные спирально-волнистой инкрустацией стеклянной нитью, были обнаружены в яме № 87 (раскоп III), заполнение которой датируется второй половиной XIII в. Две бусины сделаны из черного непрозрачного стекла с нитями белого (рис. 4, *4*) и красного цвета (рис. 4, *6*). Третья бусина имеет основу из полупрозрачного зеленоватого стекла и нить желтого цвета (рис. 4, *5*). Подобные бусы были широко распространены в золотоордынских городах Поволжья, где они датируются второй половиной XIII–XIV в. (Бусятская Н.Н., 1973, с. 219; 1976, с. 42, табл. II, *23, 24*). На Селитренном городище они составляли 6% общего числа бус, найденных при раскопках стеклодельной мастерской (Галкин Л.Л., 1984, с. 216, рис. 3, *9*). При этом место производства таких бус могло находиться не в Золотой Орде, а где-то на Среднем Востоке, поскольку аналогичные синхронные изделия известны в Хорезме (Бусятская Н.Н., 1976, с. 42; Полубояринова М.Д., 1988, с. 175), а на Руси идентичные по технологии изготовления и цветовой гамме бусы найдены в курганах X – начала XIII в. (Бусятская Н.Н., 1973, с. 220). В Новгороде подобные бусы встречены как в слоях золотоордынской эпохи, так и в комплексах конца XI–XII в. (Щапова Ю.Л., 1956, с. 176, 177, табл. II, *13–16*). При этом обращает на себя внимание тот факт, что среди всех городов Золотой Орды только в Болгаре они заметно преобладают среди орнаментированных бус (Полубояринова М.Д., 1988, с. 174, 175, табл. 4).

Объяснение причин появления на Ростиславле таких предметов, как панцирная пластина, накладка на лук, наконечник стрелы, иранская чаша, является сложной задачей. Конечно, их можно было бы рассматривать как следы татаро-монгольского нашествия либо как свидетельства торговых и культурных связей между Ордой и Рязанской землей, тем более что в XIV в. Ростиславль занимал здесь далеко не последнее место, превращаясь иногда даже в резиденцию рязанских князей – например, в 1342–1344 гг. (ПСРЛ, 1885, с. 215). Не исключено, что какие-то из предметов вооружения действительно связаны с военными конфликтами (хотя никаких конкретных следов разорения города татаро-монголами пока не обнаружено). Однако находка кочевнического зеркала заставляет по-новому взглянуть на эту проблему. Ведь зеркало являлось в степях чисто женским аксессуаром (Федоров-Давыдов Г.А.,

[4] Отличие химического состава, возможно, объясняется выщелачиванием натрия с поверхности этой бусины, так как по количеству остальных элементов (калия, алюминия, свинца) отмечено большое сходство.

1966, с. 117), и оказаться на Ростиславле оно могло только вместе с женщиной-степнячкой. Когда же ордынцы (не столь важно, этнические ли монголы или представители других народов, интегрированных в державу Чингизидов) могли появиться на Ростиславле вместе со своими семьями? Это не могло произойти во время нашествия 1237–1238 гг., равно как и при последующих набегах, когда приезд женщин в разоряемую страну более чем сомнителен. Следовательно, это должно было происходить в мирной обстановке. А в таком случае наиболее вероятными владельцами всех или значительной части из перечисленных восточных импортов могли быть ордынские "послы" – сборщики дани, так как именно они приезжали во второй половине XIII в. на Русь **вместе с женами**, что зафиксировано летописями (НПЛ, 1950, с. 82). Первый приезд таких "послов" в Северо-Восточную Русь для переписи населения и сбора дани произошел в 1257 г. (ПСРЛ, 1841, стб. 474, 475), после чего на Руси остались ордынские военачальники – баскаки и чиновники – даньщики, а вместе с ними, по-видимому, и их жены. Свидетельством присутствия баскаков в Среднем Поочье является топоним Баскачи (село рядом с Каширой) в 20 км к западу от Ростиславля. Предполагается, что система баскачества и сбора дани с участием пришлых ордынских чиновников была в целом ликвидирована на Руси в конце XIII в. (Насонов А.Н., 1940, с. 109), хотя в летописи баскаки упоминаются еще под 1339 г. (ПСРЛ, 1885, с. 211), а в Рязанской земле баскачество сохранялось и во второй трети XIV в. (Насонов А.Н., 1940, с. 78). Следовательно, именно этот период – вторая половина XIII – первая половина XIV в. – и является единственно возможным для присутствия на Ростиславле в мирной обстановке ордынских чиновников и тяжеловооруженных воинов вместе с их семьями, которые могли оставить в культурном слое городища большинство из рассмотренных выше предметов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Авдусина Т.Д., Владимирская Н.С., Панова Т.Д., 1984. Русская поливная керамика из раскопок Московского Кремля // СА. № 2.

Бусятская Н.Н., 1973. Стеклянные бусы Селитренного городища // СА. № 1.

Бусятская Н.Н., 1976. Стеклянные изделия городов Поволжья (XIII–XIV вв.) // Средневековые памятники Поволжья. М.

Галкин Л.Л., 1984. Стеклодельная мастерская на городище Селитренное // СА. № 2.

Горелик М.В., 1983. Монголо-татарское оборонительное вооружение второй половины XIV – начала XV в. // Куликовская битва в истории и культуре нашей родины. М.

Дворников А.С., 1989. Отчет об охранных работах экспедиции Тверского музея в г. Твери в 1989 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 14342, 14346.

Кирпичников А.Н., Коваленко В.П., 1993. Орнаментированные и подписные клинки сабель раннего средневековья // Археологические вести. № 2. СПб.

Коваль В.Ю., 1993. Археологические исследования Ростиславльского стана // Древние памятники Окского бассейна. Рязань.

Коваль В.Ю., 1994. Отчет об охранных археологических раскопках городища Ростиславль и об археологических разведках в Озерском и Зарайском районах Московской области в 1994 г. // Архив ИА РАН.

Коваль В.Ю., 1996. Керамика Ростиславля Рязанского: вопросы хронологии // Археологические памятники Москвы и Подмосковья. Тр. МИГМ. Вып. 9. М.

Коваль В.Ю., 1997. Керамика Востока в средневековой Москве (часть 1) // РА. № 2.

Кузнецов В.А., 1963. Исследования Змейского катакомбного могильника в 1958 г. // МИА. № 114.

Ларенок В.А., 1992. Об этнической принадлежности погребенных в кургане у хутора Семенкина // Донские древности. Вып. 1. Азов.

Левашева В.П., 1967. Браслеты // Тр. ГИМ. Вып. 43. М.

Лесман Ю.М., 1990. Хронология ювелирных изделий Новгорода (X–XIV вв.) // Материалы по археологии Новгорода. 1988. М.

Макарова Т.И., 1967. Поливная посуда // САИ. Вып. Е 1–38.

Медведев А.Ф., 1966. Ручное метательное оружие (лук, стрелы, самострел) VIII–XIV вв. // САИ. Вып. Е 1–36.
Мезенцева Г.Г., 1968. Древньоруське місто Родень. Княжа Гора. Киев.
Насонов А.Н., 1940. Монголы и Русь. М.; Л.
Никольская Т.Н., 1981. Земля вятичей. М.
Никольская Т.Н., 1984. Отчет о работе Верхнеокской экспедиции в 1984 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 11675.
НПЛ: Новгородская первая летопись младшего и старшего изводов, 1950. М.; Л.
Олейников О.М., 1993. К проблеме возникновения древнерусского стеклоделия // КСИА. Вып. 208.
Плетнева С.А., 1973. Древности черных клобуков // САИ. Вып. Е 1–19.
Полубояринова М.Д., 1988. Стеклянные изделия Болгарского городища // Город Болгар. Очерки ремесленной деятельности. М.
Полякова Г.Ф., 1996. Изделия из цветных и драгоценных металлов // Город Болгар. Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков. Казань.
ПСРЛ: Полное собрание русских летописей, 1841. СПб. Т. I.
ПСРЛ: Полное собрание русских летописей, 1885. СПб. Т. X.
Родина М.Е., 1996. Раскопки во Владимире, в "Мономаховом городе" // АО – 1995. М.
Савенко С.Н., 1985. Хронологические особенности зеркал X–XII вв. н.э. Центрального Предкавказья // Проблемы хронологии археологических памятников Северного Кавказа. Орджоникидзе.
Седова М.В., 1981. Ювелирные изделия древнего Новгорода. М.
Судаков В.В., 1990. Отчет об охранных археологических раскопках в Кремле г. Рязани в 1988 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 14169, 14170.
Федоров-Давыдов Г.А., 1966. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М.
Шапова Ю.Л., 1956. Стеклянные бусы древнего Новгорода // МИА. № 55.
Шапова Ю.Л., 1984. Химико-технологическое изучение стекол из мастерской на городище Селитренное // СА. № 2.
Atil E., 1973. Freer Gallery of Art. Fiftieth anniversary exhibition. III. Ceramics from the world of Islam. Washington.
Fyodorov-Davydov G.A., 1984. The Culture of the Golden Horde Cities // BAR. International Series. N 198.
Lane A., 1958. Early Islamic Pottery. London.
Watson O., 1986. Persian Lustre Ware. London.

Центр археологических исследований
Управления государственного контроля охраны
и использования памятников истории и культуры г. Москвы

История науки

С.П. ЩАВЕЛЕВ

СТАНОВЛЕНИЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИНТЕРЕСА В РОССИИ XVII ВЕКА

(ранние находки древностей в районе Курска в отражении приказного делопроизводства)

Рождение современной науки в лице физико-математического естествознания в Западной Европе относится к XVII столетию (Койре А., 1985, с. 16; Кирсанов В.С., 1987, с. 5–17 и др.). Однако отдельные биологические и особенно гуманитарные дисциплины обретали свои предмет и метод позднее, на протяжении XVIII–XIX вв.

Среди историков отечественной археологии нет согласия относительно времени, с которого начинается ее развитие как науки в России. Большинство авторов, обсуждавших эту проблему, ведут отсчет с XVIII в. Одни из них (Авдусин Д.А., 1972, с. 6; Матющенко В.И., 1992, с. 9; Лебедев Г.С., 1993, с. 2 и др.) имеют в виду организационные инициативы Петра I и его сподвижников относительно поиска и сбережения древностей в 1700–1720-е годы. Другие (Немировский А.И., 1989, с. 29; Генинг В.Ф., Левченко В.Н., 1992, с. 4–7) подразумевают 1760–1770-е годы, когда вполне оформилось западное антиковедение и русским изыскателям материальных остатков далекой старины стало на кого равняться.

Удревнить искомый рубеж по крайней мере на столетие предлагает А.А. Формозов, приводящий факты того, что "не только в Западной Европе, но и в России археология как наука в XVII в. уже складывалась" (Формозов А.А., 1994, с. 221). Хотя в целом, и по его мнению, этот период оставался действительно до- или, точнее говоря, преднаучным, но отчетливый интерес к историческим памятникам, первые попытки их изучать появляются уже в Московской Руси.

Имеется целый ряд малоизвестных, а то и вовсе забытых данных о случайных находках различных древностей, их целенаправленных поисках на юго-восточных рубежах тогдашней России, прежде всего в районе вновь отстроенного с конца XVI в. Курска, которые подтверждают точку зрения А.А. Формозова относительно ближайшей предыстории отечественной археологии. Причем соответствующие эпизоды позволяют прояснить внутренний механизм появления археологического внимания у русских людей того времени, наметить некие этапы размежевания у них околонаучной любознательности в этом вопросе с извечной меркантильной страстью к подземным сокровищам, реальным или же фольклорно-мнимым.

На протяжении первой половины XVII в. едва ли не единственным поводом для представителей государственной власти обратить внимание на какие-то древности оставалось кладоискательство. Московское правительство вменяет в обязанность местным воеводам расследование всех случаев обнаружения спрятанных ценностей кем-либо из его подданных. Конечной инстанцией для такого рода "сысков о кладах" выступал Разрядный приказ, ведавший вооруженными силами и вообще служилыми людьми страны.

© С.П. Щавелев, 1998 г.

Одно из самых ранних разрядных делопроизводств о кладах (за 1626 г.) относится к Путивльскому уезду, подчинявшемуся тогда Курску. Резюме дела гласит: "По отписке из Путивля селитренного мастера Романа Гаврилова в находном золоте и серебре, что на селитренных варницах прикащие его и работники нашли в кургане золота на два прута[1], да 26 плащей[2], да 9 перстней золотых и пуговицы, и иные мелкие статьи[3], золотые и серебряные; и то золото и серебро привезено к Москве в Разряд, и смотрено, и ценено, и по челобитию и по выписке то находное золото и серебро отдано ему, Роману, на церковное строение" (Оглоблин Н.Н., 1893, с. 118).

Подобного рода "раскопки" земляных насыпей с производственными целями публикатор цитированного документа Н.Н. Оглоблин метко назвал антиархеологическими. Хозяин селитренной варницы, чьи работники случайно наткнулись на богатейшее скифо-сарматское, как видно, погребение (или несколько погребений под одной насыпью), взял из разрушенного кургана только вещи из драгоценных металлов. После расследования, произведенного курским воеводой на месте находки, и ее экспертизы в Москве, находчик получил драгоценности обратно – на переплавку для финансирования строительства новой церкви. Так благочестивый христианин решил смягчить невольный грех – вскрытие могилы неведомых ему покойников. К тому же другого благовидного предлога вернуть ценности из столицы к себе в Путивль у торгового человека просто не было. Москва же предпочла лишний раз подтвердить свой церковно-политический авторитет на вновь осваиваемых землях, а не сохранить удивительные древности за государственной казной.

Другое здешнее дело схожего содержания датировано июнем 1638 г. Тогда священник соборной церкви в Курске донес воеводе на нескольких своих прихожан, нашедших и присвоивших "татарские деньги". Счастливцами оказались бобыльский сын Михейка с курчанином же с нищим слепым старцем Акимкою Чальцовым да с пасынком его Артюшкою". Они "ходили в лес по веники... за курским посадом вверх по Куру к пушкаревским гумнам" и заметили "в горе горшечек маленький гляняный татарских денег, да в том же горшечке пять клубочков волоченого серебра" (Новомбергский Н.Я., 1917, с. 164, 165). По первому требованию воеводы все найденное серебро – и монеты, и проволоку[4] общим весом до двух фунтов – невольные кладоискатели тут же сдали. Эти ценности вместе с протоколом допроса ("распросными речами") были отправлены в Москву, все в тот же Разряд.

Другие куряне на случай не надеялись и топографию кладов пытались определить сами. Согласно одному из доносов, поступивших в съезжую избу Курска в 1623 г., "сын боярский Мотюха Ярыгин с братьями тайно вынул поклажее[5] в Курском уезде в подгородном стану за рекою Курицею" – "котел винный да три трубы с деньгами" (Новомбергский Н.Я., 1917, с. 168). Воевода "того же часу" послал стражу арестовать братьев Ярыгиных, а своего заместителя – казачьего голову – отправил осмотреть указанное доносчиком место. На нем располагался курган, свежеразрытый грабителями до основания. Голова определил: поиск этого клада производился целенаправленно, "по признакам" – на окружающих дубах имелись старые и свежие затесы-метки. Воевода рассадил обвиняемых по тюремным камерам порознь "до государева указа", отправив донесение в Разрядный приказ. Государь – юный Михаил Федорович Романов – оперативно указал "про то распросить подлинно, и всякие сыски сыскать накрепко, и пыткою постращать; и будет доведется кого пытать, и попытать" (Новомбергский Н.Я., 1917, с. 169).

---

[1] Очевидно шейные гривны или браслеты.

[2] По всей видимости пластины от кованного пояса или панцыря.

[3] Т.е. предметы. Скорее всего нашивные бляшки.

[4] Скорее всего, заготовка для ручной чеканки восточных монет. Действительно ли ордынских, а может арабских дирхемов, сказать наверное трудно. Нельзя исключить, что клубочками оказались деформированные браслеты из серебра.

[5] От слов "класть", "положить" – средневековое наименование кладов на Руси.

Чем конкретно кончилось это дело, по сохранившимся документам неизвестно. В аналогичных случаях воеводы других городов поднимали кладоискателей на дыбу, били кнутом и жгли огнем, добиваясь выдачи найденных ценностей. Пытка при расследовании дел об укрывательстве краденого, найденных кладов ("поклажее разбойные", "татиные рухляди") и т. п. поводам санкционировалась тогдашним законодательством – "Уставной книгой" Разбойного приказа 1616 г. и "Соборным уложением" 1649 г.

Однако гарантировать новорожденную монополию государства на подземные ценности в XVII в. удавалось не всегда. И не только по причине потаенности большинства подобных поисков их инициаторами. Порой добыча археологических сокровищ велась в открытую: праву на них царевых людей противопоставлялось "право" вооруженной силы частных лиц, довольно распространенное в те "бунташные" времена, особенно на неспокойном пограничье.

Впечатляющий эпизод чего документально отмечен для соседнего с Курском Воронежского края. 24 мая 1664 г. в Землянском уезде, верстах в 40 от уездного города[6], в степи за р. Ведуг местные черкасы (т. е. служилые казаки) заметили несколько десятков человек, которые усердно лопатили землю на логу между холмами. Оповещенный озадаченными землянцами их воевода Гаврила Петрович Островский отрядил для дознания подъячего приказной избы Сеньку Окулова. Прискакав на место происшествия с небольшим эскортом черкасов, тот обнаружил, что землю копают дети боярские (т. е. средней руки землевладельцы) соседнего Чернавского уезда. Их экспедицию возглавлял сельский поп Киприан, оказавшийся подъячему родным дядей. Тем не менее чернавцы дали следователям от ворот поворот, "примериваясь в подъячего из ружья" и не подпуская его близко. Тогда землянцы послали за самим воеводой. Последний сразу догадался, что чернавцы ищут "поклажу". Желая "порадеть великому государю" и опасаясь, чтобы клад "украдом не разнесли", воевода собрал конвой побольше, не забыв прихватить с собой и соборного попа Лаврентия. (Присутствие священников с обоих заспоривших сторон подчеркивает ведущую роль нечистой силы и божьего промысла при образовании и добыче кладов, согласно понятиям наших предков.) Но чернавцы и самого воеводу встретили угрозами с демонстрацией огнестрельного оружия. Посредником выступил поп Киприан. "Почему и для чего вы в Землянском уезде копаете землю украдом?" – вопросил его воевода. "Потому мы копаем, – смело отвечал поп-кладоискатель, – что земля в логу промеж гор насыпная, и дерном выкладена недаром: чаем поклажи большой", якобы спрятанной тут "вором и разбойником Кудояром" (Введенский С.Н., 1905, с. 3, 4). Киприан предложил воеводе "не ссылать чернавцев с места", присоединиться к их раскопкам с тем, дабы "что Бог даст, с ними разделить по паям".

Воевода, все время переговоров взятый на мушку собеседниками, вынужден был согласиться на такой компромисс, выговорив себе недельный срок для консультации с Москвой. Совместный отряд рыл лог в трех местах еще два дня и ничего не нашел. Кладоискатели на поверку оказались "людишки скудные и бесхлебные, что было у них покроме хлеба с собой, съели и пошли для хлебные работы по жилым деревням кормиться".

Издатель приводимого нами в выдержках документа С.Н. Введенский резонно отмечает проблески, отдаленные намеки "археологического" подхода к делу поиска сокровищ у всех участников данной истории. Особенно информативно воеводское донесение в Разряд. "То место, – сообщал великому государю Островский, – где копано в степи, промеж двух гор насыпано землею, а длина той насыпи 85 сажен, поперек 132, а инде и 10 сажен; а сыпана в тот лог земля слоями глина красная и серая и чернозем под глиною, а сверх той насыпи пень дубовый большой горелый, а пониже нее родник... В правую сторону копали землянские черкасы длины 5 сажен, а поперек 2 сажени, глубины 4 сажени, а пониже... с нижнего конца той насыпи сперва копали

[6] Город-крепость Землянск основан в 1661 г.

черкасского уезда дети боярские длины сажень с 20, а поперек 1/2 сажени, а сперва глубины с человека вышиною, а повыше копали колодезем сажен с 5. А земля вся битая, насыпная. А близко того насыпного логу... Тербунское село и Яковлевское с деревнями в 10 верстах, а Воронеж в 39 верстах..." (Введенский С.Н., 1905, с. 6, 7).

При желании в воеводском описании историограф может усмотреть: 1) обобщенную стратиграфию вскрытых копателями площадей; 2) грубый план заложенного ими раскопа (две траншеи и шурф); 3) приблизительную топографию всего памятника, с привязкой к ближайшим постоянным ориентирам. Для земляных работ, произведенных более 300 лет назад, столь разносторонняя и зоркая информация просто удивительна, она под стать тем полевым журналам, что остались от некоторых археологов XVIII–XIX вв. Сходство, разумеется, сугубо формальное, ибо цели раскопок у кладоискателей и самого воеводы оставались прямо антиархеологическими. Они, судя по всему, разрушили оборонительные сооружения какого-то городища с остатками дубовых частоколов на валах.

"Кладовые рукописи" и "чертёжцы поклажным признакам" ходили по рукам курян разных сословий и впоследствии, вплоть до XX в. (Витевский В.Н., 1893; Марков Е.Л., 1902). Однако грабительская сущность, суеверная подоплека феномена кладоискательства со временем практически не менялись (Щавелев С.П., 1996). Тем не менее именно случаи разоблаченного властями кладоискательства, судя по всему, обратили внимание столичных и провинциальных чиновников на остальные типы памятников древности вроде городищ и курганов. Причем на каком-то этапе даже в тех случаях, когда спрятанных сокровищ за теми вроде бы не числилось.

Любопытный рубеж в эволюции государственного отношения к древностям зафиксирован в хроникальных "Записках" Знаменского монастыря, расположенного в центре Курска. В 1650 г. игумен его Никодим отыскал на старом городище, отстоящем от города в 15 верстах, близ р. Рати, в земляном валу от древности вшедшие в землю, неведомо чьи палаты, с которых, по осмотру курским воеводой князем Иваном Михайловичем Волконским, снят был план и послан к Государю Царю и Великому князю всея Руси Алексею Михайловичу; после чего, по указу его Царского величества, на постройку церкви Знамения Божьей матери в Курске, курскими разного звания людьми с оных палат ломан был кирпич и дикий камень" (Памятная книжка Курской губернии..., 1860, с. 48).

Чтобы вполне оценить данное событие, стоит вспомнить тогдашнюю обстановку в городе и вокруг него. В 1645 г. "дворы монастырские и служни, и крестьянские, и бобыльские дворы и гумна, и хлеб в кладех... татарове пожгли, и на полях рожь и всякий яровой сеяный хлеб потравили и потолочили и во всем разорили без остатка" (Акты XVII–XVIII вв...., 1897, с. 106, 107). Последовавшее затем в 1648 г. антиправительственное восстание курян жестоко подавлено: расследовавший его обстоятельства стольник В.В. Бутурлин повесил пятерых бунтовщиков, а остальных подверг телесным наказаниям, заключил в тюрьмы. Не успела жизнь здесь вернуться в мирную колею, как местный архиерей осматривает окрестности города хозяйским глазом, выделяя там памятник древнего зодчества: на мощном, десятиметровой высоты валу остатки каменных укреплений или за ним церкви домонгольских времен, а может быть и мечети периода монгольского баскачества тут в XIII–XIV вв. (Александров-Липкинг Ю.А., 1971, с. 110–117; Енуков В.В., 1991, с. 39–41). Главный в Курске начальник, присланный из столицы замирять бунтовавший город, знает об интересе царского двора к таким древностям, располагает специалистами для их топографического описания. Спеша удовлетворить историческую любознательность государя, не ленится лично осмотреть памятник, куда ему ехать полдня. Царь благосклонно отвечает курским службистам: составив по присланному ими плану представление насчет крепостных развалин, он все-таки разрешает доломать их в богоугодных целях.

Налицо устойчивый интерес представителей центральной власти в Московской Руси к историческим древностям, причем не только драгоценным. Однако что делать с

этими древностями и зачем в конечном счете нужны сведения о них, самодержец, а тем более его подданные пока сознают смутно. Как бы там ни было, сохранись упомянутая зарисовка Ратского городища в разрядном архиве, она подошла бы на роль условной вехи, отмечающей появление археологической документации в России.

В том же историографическом ряду стоит грамота за 1684 г., периода совместного царствования Ивана и Петра Алексеевичей. Она посвящена находке огромных костей (судя по размерам, мамонта) в районе Харькова, на речках Ольшаной и Лосине, притоках Уды, впадающей в Донец. На диковинный скелет наткнулся в 1679 г. черкасский сотник Харьковского полка Иван Демьянов, сын Смороцкий, когда копал землю для мельничной плотины в урочище Песчаный Колодец. О своей находке сотник спустя пять лет, оказавшись по служебным делам в столице, объявил в Разряде и для пущей убедительности представил "зуб волота" (т. е. великана) бивень мамонта?). Описывая московскому начальству положение останков былинного "великана" в земле, Смороцкий сообщил, что кости "лежат взначь, преж голову, а руки длиною в аршин по 5, и ребра шириною по аршину, а длиною – сказать не знает, потому что те кости погнили и иструпорешили".

В белгородском столе Разряда соответствующее дело доверчиво назвали: "О находке костей бывших людей-волотов". Царский указ курскому воеводе Ивану Шеину как ближайшему к месту находки старшему начальнику предписывал: "Послать по весне в те места из Курска кого пригоже" и "тому посыльному велеть того человека ноги откопать, а откопав, кости измерить, какова которая кость мерою в длину и в толщину и написать на роспись и на чертеж начертить. Да о том, к нам, Великим Государям, писать" (Новомергский Н.Я., 1915, с. 199, 200). Весьма показательный для сугубо познавательного мотива царской воли штрих: плохо сохранившиеся кости для точности измерения рекомендовалось предварительно окопать.

19 апреля (т. е. как только сошел снег) 1684 г. "для досмотра, и меры, и чертежа волотовых костей из Усть-Песочного Колодезя" выехал "курчанин Максим Никифоров сын Анненков", взяв на подмогу "градских людей, сколько человек пригоже" (т. е. не считаясь с расходами на совсем необычное для того времени предприятие). К сожалению, эта первая известная нам сугубо археологическая экспедиция в России успехом не увенчалась. Иван Смороцкий исправно показал место находки, но оказалось, что "нынче на том месте тех волотовых костей ничего нет, потому что де то место полная вешняя вода разнесла". Даже найденные сначала кости "разных городов разобрали многие люди", а еще имевшаяся у Смороцкого половина "волотова зуба в пожарное время утратилась" (Новомбергский Н.Я., 1915, с. 201).

Переиздавший цитированный манускрипт С.Н. Замятнин именует его "первой русской инструкцией для раскопок" (Замятнин С.Н., 1950, с. 288). "Может быть, это и слишком, – уточняет А.А. Формозов, – но интерес ее бесспорен. Перед нами свидетельство бескорыстного любопытства и памятникам далекого прошлого. Это уже не интерес к кладу, к сокровищу, а зачаток научной любознательности (Формозов А.А., 1961, с. 22).

Сопоставление всех изложенных выше эпизодов позволяет наметить предварительную периодизацию процесса оформления такого рода археологической заинтересованности в русском обществе на переломе от средневековья к Новому времени.

Вплоть до середины XVII в. исторические древности воспринимались в России почти исключительно с точки зрения материальной выгоды от их находки. В поле зрения центральных и местных властей Московского государства той поры пребывала однаединственная категория археологических объектов – клады, прежде всего из драгоценных металлов (или погребения с богатым инвентарем, отождествляемые находчиками с кладами). Все остальные памятники незапамятной старины, что не сулили личного обогащения или пополнения фиска, – сами по себе древние насыпи земли, руины и т. п. объекты – оставались в сфере фольклорных легенд или просто не обращали на себя особого внимания.

Со второй половины XVII в. наряду с тем же утилитарным подходом к старинным диковинам появляется отчетливая потребность разобраться, что все-таки они собой представляют, о чем могут свидетельствовать. Причем в одном случае довольно точное описание культурного слоя – места предполагаемого залегания клада в районе Воронежа – местным администратором может быть истолковано как залог продолжения поиска сокровищ. Зато в другом случае геодезическая съемка домонгольских развалин под Курском хотя и предшествовала их утилизации на строительный материал, но представляла собой вполне самоценное, сугубо познавательное отношение к материальным остаткам истории страны.

Археологический интерес как таковой закрепляется на Руси ближе к концу рассматриваемого столетия, когда официальное делопроизводство в центре и на местах впервые отражает поиски и находки таких древностей (вроде костей "волота"), которые не сулили никакой материальной корысти. Кроме благоволения московских властей к образцовому выполнению их приказа о сборе и доставлении сведений на сей счет.

Откуда при царском дворе "подул археологический ветер", по опубликованным на сегодняшний день документам судить трудно. В XVI–XVII вв. в Западной Европе нарастало увлечение разными антиками, о чем московиты могли узнать в ходе дипломатических визитов еще допетровского времени. Нельзя исключить и внутренние – летописно-книжные, фольклорные – импульсы к зарождению "древлеведения" на русской почве. Дополнительные поиски в старейших архивных фондах под углом зрения археологической историографии способны, надо надеяться, выявить дополнительные свидетельства по данному поводу применительно к иным регионам страны. Помимо более реалистичной реконструкции истории археологической науки, известия о ранних находках древностей способны предоставить вспомогательную информацию современным исследователям – по топографии кладов, городищ и могильников, обнаружений и останков древнейшей фауны и т. п. вопросам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Авдусин Д.А., 1972. Полевая археология СССР. М. Акты XVII–XVIII вв., извлеченные А.Н. Зерцаловым, 1897. М.

Александров-Липкинг Ю.А., 1971. Далекое прошлое соловьиного края. Воронеж.

Введенский С.Н., 1905. Два дела о кладах в Воронежском крае XVII в. // Памятная книжка Воронежской губернии на 1905 г. Воронеж.

Ввитевский В.Н., 1893. Клады и кладоискание на Руси // Известия Общества археологии, истории и этнографии. Т. XI. Вып. X. Казань.

Генинг В.Ф., Левченко В.Н., 1992. Археология древностей – период зарождения науки. Киев.

Енуков В.В., 1991. Славянский комплекс на Рати // Археология и история юго-востока Руси. Курск.

Замятнин С.Н., 1950. Первая русская инструкция для раскопок // СА. Т. XIII.

Кирсанов В.С., 1987. Научная революция XVII в. М.

Койре А., 1985. Очерки истории философской мысли. О влиянии философских концепций на развитие научных теорий. М.

Лебедев Г.С., 1993. Опыт периодизации истории отечественной археологии // Проблемы истории отечественной археологии. СПб.

Марков Е.Л., 1902. Клады старой Северщины (местные заметки на древнюю рукопись о кладах) // Памятная книжка Воронежской губернии на 1902 г. Воронеж.

Матющенко В.И., 1992. История археологических исследований Сибири (до конца 1930-х гг.). Омск.

Немировский А.И., 1989. Нить Ариадны (Из истории классической археологии). Воронеж.

Новомбергский Н.Я., 1915. Очерки внутреннего управления в Московской Руси XVII столетия // Записки Московского Археологического института. Т. XX. М.

Новомбергский Н.Я., 1917. Клады и кладоискательство в Московской Руси в первой половине XVII в. // ЖМНП. Ч. LXVIII. № 2. Пг.

Оглоблин Н.Н., 1893. "Сыскные дела" о кладах в XVII в. // Чтения в Историческом обществе Нестора-летописца. Кн. VII. Киев.
Памятная книжка Курской губернии на 1860 г., 1860. Курск.
Формозов А.А., 1961. Очерки по истории русской археологии. М.
Формозов А.А., 1994. О периодизации истории отечественной археологии // РА. № 4.
Щавелев С.П., 1996. Феномен кладоискательства на юге России в предыстории славянской археологии // Славяне и их соседи. Миф и история. Происхождение и ранняя история славян в общественном сознании позднего средневековья и раннего Нового времени. М.

Курский государственный
медицинский университет

Е.К. МАКСИМОВ

НИКОЛАЙ КОНСТАНТИНОВИЧ АРЗЮТОВ

Имя Николая Константиновича Арзютова мало знакомо современным молодым археологам. Но с ним связаны исследования памятников археологии Саратовского правобережья, особенно мордовских или, как их тогда называли, "финских" древностей и периода Золотой Орды.

Родился Н.К. Арзютов 28 ноября (9 декабря) 1899 г. в с. Чумаево Кузнецкого уезда Саратовской губернии в семье крестьянина. По национальности он был мордвин, но родной язык знал слабо и поэтому предпочитал пользоваться языком русским.

Хозяйство Арзютовых было бедное. Приходилось главе семьи подрабатывать кузнечным и столярным ремеслами, которым отец научился еще в детстве. Мать занималась домашними делами, а для заработка постоянно брала в стирку чужое белье.

Видимо, в поисках лучшей доли в 1910-х годах семья Арзютовых перебирается в Среднюю Азию. В Ашхабаде отец открыл маленькую мастерскую, выполняя по мелочи слесарную работу. Он много трудился сам, но ему помогали подмастерья и ученик. Сын Николай устроился сначала на работу в типографию, а затем перешел на завод минеральных вод. После Октябрьской революции семья возвратилась в родные края (СОМК. НВСП. 32950/12. л. 1–3).

Николай Константинович как имевший начальное школьное образование был принят в учительскую семинарию в г. Аткарске, которую окончил в 1919 г. Через год он становится школьным инструктором и запасным учителем в г. Петровске. С февраля 1921 г. Н.К. Арзютов чуть более года работал инструктором подотдела правовой защиты детей при Саратовском губоно. Общение на ниве народного просвещения с более образованными и знающими людьми натолкнуло его на мысль продолжить свое образование. В 1924 г. Николай Константинович поступает в Саратовский университет и через несколько лет оканчивает общественно-экономическое отделение педагогического факультета (СОМК. НВСП. 32950/12. л. 6).

В октябре 1924 г. Н.К. Арзютова зачисляют научным сотрудником археологического отдела Нижневолжского краевого музея, а спустя шесть лет назначают заведующим этого отдела (СОМК. НВСП. 32950/12. л. 6 об.). Он участвует в археологических экспедициях в Нижнем Поволжье, Уральском крае, Калмыкии, которыми руководит проф. П.С. Рыков. Постепенно Арзютов начинает самостоятельные раскопки, из которых наиболее известные и значимые – исследования в 1927–1928 гг. мордов-

© Е.К. Максимов, 1998 г.

ского могильника XIII–XIV вв. на пахотной стороне у г. Аткарска и в 1928–1930 гг. большого курганного могильника на общественном выгоне Пригородной слободы г. Аткарска (ныне Саратовской обл.). В местных изданиях Института краеведения, Общества краеведения, краевого музея молодым археологом было опубликовано 15 научных работ, 2 из которых были отмечены в печати. Это небольшая детская книга "О чем говорят курганы" и брошюра "Мордва Нижневолжского края по данным археологии". Рецензент писал о первой книге: "Точно обоснованный, в основном исторически правильный, конкретный показ жизни и быта обитателей древнего Поволжья – главное достоинство этой книги" (Филиппович Н., 1936, с. 18, 19). Небольшие самостоятельные очерки, составляющие книгу "О чем говорят курганы", давали довольно полное представление о разных периодах древней истории Нижнего Поволжья. Отмечая ряд упущений, рецензент писал, что "в целом, несмотря на указанные недостатки, книга все же является неплохим опытом в деле популяризации и открытий советской археологии".

По второй работе Н.К. Артюзова высказывался П.Д. Степанов. Он отметил, что "на территории Саратовской области имеются могильники, относимые некоторыми археологами (Н.К. Арзютов. Мордва Нижне-Волжского края по данным археологии. Саратов, 1931) к мордве XV века. Но аргументация автора указанной работы, по нашему мнению, не особенно убедительна, а вопрос в целом недостаточно освещен и разработан. Говорить о жителях, оставивших эти могильники, как о предках современной нам мордвы, мы не имеем никаких оснований" (Степанов П.Д., 1938, с. 208). Однако время и дальнейшие исследования показали правоту выводов Н.К. Арзютова.

С февраля 1933 г. по ноябрь 1935 г. Арзютов проходит аспирантуру при Саратовском институте краеведения по истории доклассового общества ("по археологическому разделу"), а спустя два года, с июня 1937 г., Николай Константинович становится научным сотрудником Института краеведения (Научный архив СОМК. Оп. 1. Ед. хр. 102. л. 12, 28, 31).

4 августа 1938 г. Николай Константинович Арзютов был арестован органами НКВД. На другой день в Институте краеведения и областном музее краеведения были изданы аналогичные приказы: "Арзютова Н.К. как арестованного органами НКВД с работы снять" (Научный архив СОМК. Оп. 1. Ед. хр. 102. л. 35; Оп. 2. Ед. хр. 34. л. 14). На квартире Арзютова сотрудники органов провели обыск и изъяли, кроме документов, 3 фото, личную переписку (80 писем), 21 книгу, топографические карты, радиоприемник и фотоаппарат (Архив УФСБ Саратовской области. Д. 27180. Ордер на обыск от 14.08.1938 г.).

На допросе Арзютов показал, что в музее существует антисоветская группа: Рыков, Сушицкий, Степанов, Синицын, Арзютов и что он был связан с бывшим директором музея Рыковым[1] – членом правотроцкистской организации, разделял его взгляды и выступал против правительственной политики. Он так же заявил, что с 1915

[1] Рыков Павел Сергеевич, профессор Саратовского университета и директор областного музея краеведения, был арестован и осужден как "враг народа". Реабилитирован в марте 1956 г.

по 1933 г. состоял в связи с группой эсеров, в 1918 г. участвовал в антисоветской демонстрации в г. Петровске. В антисоветскую работу в организации был вовлечен Рыковым в 1933 г., а целью этой организации являлась агитация среди масс, свержение советской власти и как конечная цель – террористический акт против Сталина.

Руководителями антисоветской организации в музее Рыкова и Арзютова назвал на допросе В.А. Сушицкий[2], сотрудник музея, арестованный как "враг народа".

29 октября 1938 г. на судебном заседании Н.К. Арзютову были предъявлены обвинения в участии в антисоветской вредительской правотроцкистской группе, существовавшей якобы в областном музее, проведении контрреволюционной деятельности против ВКП(б) и советской власти, в соучастии в подготовке террористического акта против Сталина. Арзютов, как указано в деле, виновным себя признал и был приговорен к тюремному заключению сроком на 10 лет с последующим поражением в политических правах на 5 лет и с конфискацией имущества (Архив УФСБ Саратовской области. Д. 27180. Протоколы допросов и приговор от 29.10.1938 г.).

Наказание Николай Константинович отбывал в исправительно-трудовом лагере Красноярского края, где и умер 23 октября 1942 г.

В 1957 г. приговор по обвинению Н.К. Арзютова был отменен за отсутствием состава преступления и доброе имя ученого было восстановлено.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.

Степанов П.Д., 1938. Саратовская мордва // СЭ. Т. I.

Филиппович Н., 1936. Рец.: Арзютов Н.К. О чем говорят курганы. Саратов, 1936 // Детская литература. № 22.

СПИСОК ПЕЧАТНЫХ РАБОТ Н.К. АРЗЮТОВА

1. Памятники золотоордынской эпохи в Нижнем Поволжье по данным раскопок и разведок в 1924 г. // Тр. Нижневолжского областного науч. о-ва краеведения. Вып. 35. Ч. 1. Саратов, 1926. С. 67, 78, 1 л. илл.

2. К вопросу о так называемой "рогожной" керамике (По материалам археол. отд. Саратовского областного гос. музея) // Тр. Нижневолжского областного науч. о-ва краеведения. Вып. 35. Ч. 1. Саратов, 1926. С. 79–84.

3. Финны Саратовского края в XIII–XV вв. // Саратовский гос. областной музей. № 8. Саратов, 1928. 4 с., 2 илл.

4. Поздние кочевники Нижнего Поволжья // Саратовский гос. областной музей. № 11. Саратов, 1928. 4 с., 1 илл.

5. Древние финны Нижнего Поволжья // Саратовский гос. областной музей. № 18. Саратов, 1928. 4 с., 1 илл.

6. Финский могильник XIII–XV вв. близ г. Аткарска // Тр. Нижневолжского краевого музея. Т. 1. Саратов, 1929. С. 4–30.

7. Материалы по археологии поздних кочевников (из раскопок Нижнего Поволжья 1925 г.). Саратов, 1929. 10 с., 1 л. илл.

8. Золотая Орда. Саратов, 1930. 10 с., 1 илл.

9. Об одном предмете из кургана бронзовой эпохи близ г. Покровска (опыт реконструкции) // Изв. Нижневолжского ин-та краеведения. Т. 4. Саратов, 1931. С. 128–134.

10. Мордва Нижневолжского края по данным археологии. Саратов, 1931. 19 с., илл.

11. Мордва XVII–XVIII вв. (по археологическим коллекциям Нижне-Волжского краевого музея) // Сборник Нижневолжского краевого музея. Саратов, 1932. С. 31–55, 4 илл.

12. О чем говорят курганы. Саратов, 1936. 126 с., 47 илл., 2 карт.

13. 25-Летие научно-педагогической и общественной деятельности проф. П.С. Рыкова // Изв. Нижневолжского ин-та краеведения. Т. 7. Саратов, 1936. С. 5–8 (совместно с И.В. Синицыным и В.А. Сушицким).

14. Аткарский курганный могильник. Раскопки 1928–1930 гг. // Изв. Нижневолжского ин-та краеведения. Т. 7. Саратов, 1936. С. 86–101, илл.

15. Отчет о раскопках, произведенных в 1937 г. на месте развалин золотоордынского города Сарайчик // Изв. АН КазССР. № 67. Сер. археол. Вып. 2. Алма-Ата, 1949. С. 126–134.

[2] Сушицкий Владимир Афанасьевич, научный сотрудник Саратовского областного музея краеведения, арестован и репрессирован как "враг народа". Реабилитирован в августе 1957 г.

Ю.Н. ЗАХАРУК

НАУКА – УЧЕНЫЙ – НАУЧНОЕ СООБЩЕСТВО*

"Философия, методология и основания науки подобны кустам роз: они способны доставлять наслаждения, когда за ними ухаживают, и становятся неприятными и колючими, когда ими не занимаются".

Марио Бунге

Начиная с 1960-х годов историко-философские проблемы науки становятся предметом особого внимания, специального исследования и разработок в мировой науке. В рамках философии отпочковался и стал стремительно развиваться ее особый раздел – философия науки, исследующая природу и закономерности развития науки, ее различные аспекты: онтологический, гносеологический, логико-методологический, аксиологический и др. Историко-философским проблемам, концепциям науки посвящена обширная литература. В числе работ отечественных ученых, посвященных обзору, критическому анализу и оценке философских концепций науки, можно, в частности, назвать работу Л.Э. Венцковского (Венцковский Л.Э., 1982) и коллективную монографию под редакцией А.И. Ракитова (Критика современных..., 1987).

Особого внимания заслуживает концепция истории и философии науки американского ученого Томаса Куна, изложенная в его работе "Структура научных революций" (Kuhn Th., 1962; Кун Т., 1975). Она получила широкую известность и отклик в мировой науке. Основополагающие идеи и положения его концепции имеют универсальное общенаучное значение и поэтому приложимы к анализу и оценке современного этапа развития археологической науки и позволяют прогнозировать на их основе пути ее дальнейшего развития. Концепция Т. Куна, в отличие от концепций других исследователей, привлекательна тем, что она придает важное значение субъективным факторам в развитии науки, которые во многом определяют ее сложный и противоречивый характер развития. Речь идет прежде всего об ученых – непременных субъектах науки, без которых невозможны сама наука, ее функционирование и развитие. Между тем ученый как субъект науки остается пока еще далеко не изученным и не понятым в полной мере феноменом науки. Ученый – личность. Его характер, способности, наклонности, стиль и логика мышления, личное восприятие, понимание, определение смысла, выбор направления исследовательского поиска и его реализация определяют как его успехи, достижения, так и ошибки, предрассудки и заблуждения. Индивидуальные качества каждого ученого, их уникальность во многом определяют содержание и характер его научной деятельности. Конечно, без ученого, без его личностной, субъективной деятельности невозможна наука. Однако одной лишь индивидуальной деятельностью, ее плюрализмом не исчерпывается наука. Наука невозможна без коллективной деятельности ученых. Она является результатом деятельности многих ученых, их групп, школ и научных сообществ. Последним Т. Кун придает особо важное значение в развитии науки. Успешная деятельность научных сообществ напрямую связана, по Т. Куну, с процессом формирования в науке его знаменитых парадигм. "Под парадигмами, – писал Т. Кун, – я подразумеваю признанные всеми научные достижения, которые в течение определенного времени дают модель, постановки проблем и их решений научному сообществу" (Кун Т., 1975, с. 11). Они служат основой их деятельности, направляя ее на исследование и получение нового знания. Существование парадигмы в науке, что особенно важно и что следует особо подчеркнуть, связано с господствующей в ней теорией. Время существования парадигмы и ее

* По решению редколлегии статья печатается с сокращениями.

© Ю.Н. Захарук, 1998 г.

теории рассматривается Т. Куном как период "нормальной науки". Этот период науки связан со сбором и уточнением фактов, породивших парадигму, сопоставлением и сближением теории с эмпирическим базисом, теоретической разработкой основных позиций парадигмы. Период "нормальной науки" длится до тех пор, пока существующая парадигма способна решать определяемые ею задачи. Когда же она утрачивает эту способность, в науке возникает кризисная ситуация, которая разрешается "научной революцией", формированием новой парадигмы и созданием новой теории. Теория, следовательно, является детерминантом парадигмы. Она, как важнейшая незаменимая категория научного познания, "обеспечивает функционирование и развитие науки"; "продуцирует эмпирические следствия"; "создает основу для новых методов"; "обеспечивает хранение и передачу эталонов и стандартов познавательной деятельности, так сказать, образцов научности" (Ракитов А.И., 1977, с. 232).

Исторически каждая наука долгое время (по Т. Куну) находится на начальной, допарадигмальной стадии. Она характеризуется наличием множества различных точек зрения, разнобоем, хаосом во взглядах ученых, отсутствием фундаментальных теорий, общепризнанных методов и ценностей. Опираясь на эти, данные Т. Куном, определения и характеристики допарадигмальной стадии и стадии "нормальной науки", представляется возможным дать объективную оценку современного этапа развития археологической науки. По-видимому, можно говорить о допарадигмальной или, что то же самое, эмпирической стадии развития археологии, поскольку не прослеживается разделяемая научным сообществом археологов парадигма, нет и разработанной и общепринятой фундаментальной археологической теории и соответственно теоретически обоснованных методов исследования. Близких взглядов придерживается Л.С. Клейн: "Без теории нет науки. В археологии эта истина игнорировалась дольше, чем в других науках, и не вполне осознана сейчас" (Клейн Л.С., 1978, с. 8). Трудности в реализации этой истины обусловлены многими причинами. Термин "теория" исследователями понимается и интерпретируется по-разному. Среди археологов, к примеру, широко распространено мнение, согласно которому под теорией подразумевают ненаучные, противостоящие истине, досужие домыслы, суждения и т.п. Это, естественно, обусловило скептическое отношение к теории. В тех случаях, когда археологи рассматривают "теорию" как категорию науки, имеют место различные понимания ее содержания и структуры. В среде археологов бытуют упрощенные, обиходные представления, сводящие "теорию" к одному из ее компонентов (Клейн Л.С., 1978, с. 11–15). Нередко в качестве собственно археологических теорий провозглашались теоретические концепции, сформулированные и заимствованные из других наук. К примеру, такие концепции, как эволюционизм, миграционизм, диффузионизм, энвиронментализм рассматривались как "ведущие теории, определявшие в течение ста лет облик археологии" (Клейн Л.С., 1979, с. 38). Обычно не различаются такие понятия, как "теоретическое знание" и "теория". Между тем эти понятия далеко "не тождественные" (Вахтомин Н.К., 1973, с. 167). На необходимость различения их в археологии обратил внимание В.Ф. Генинг. Он предложил различать такие понятия, как "археологическое-теоретическое знание (АТзнания)" и "археологические методологические теории (АМтеории)" (Генинг В.Ф., 1985а; 1989). Большой ущерб теоретико-философским исследованиям в археологии был нанесен догматической концепцией, тотально господствовавшей в советской науке и провозгласившей единственной теорией всех наук – теорию диалектического и исторического материализма. Этим, с одной стороны, дискредитировались подлинное значение и роль философии в научном познании, а с другой – сама разработка теоретико-философских проблем частных наук, в том числе и археологии. Этим самым в археологии на многие годы был принижен интерес к философии и философским проблемам нашей науки.

Об исключительной актуальности и важности исследований и разработок теоретических и философских проблем частных наук убедительно свидетельствуют история и опыт мировой науки. Показательна в этом отношении история таких общепризнанных лидеров современной науки, как физика, химия, биология. Своими достижениями они

обязаны в решающей степени неизменному вниманию ученых к исследованию и решению сложнейших теоретических и философских проблем своих наук. Особая заслуга и неоценимый вклад в развитие этих наук принадлежат выдающимся теоретикам. А. Эйнштейн признавал, что "физик вынужден заниматься философскими проблемами... к этому физика принуждают трудности их собственной науки" (Эйнштейн А., 1967, с. 248). То, что современная физика не может обойтись без философии, утверждал и Макс Борн (Борн М., 1863, с. 190). Известный канадский физик-теоретик Марио Бунге посвятил специальную монографию философским проблемам физики (Бунге М., 1975). В ней он обратил внимание на то, "что пренебрежение философией не избавляет от нее. В самом деле, когда мы говорим об отсутствии интереса к философии, то, вероятно, лишь заменяем философию эксплицитную, явную, философией неявной, имплицитной, а следовательно, незрелой, не контролируемой" (Бунге М., 1975, с. 17). Значение философии М. Бунге видел в том, что "философия, в которой нуждается физика, должна быть ее осознанием и ее крыльями, она должна помочь физике в ее самокритике, а также и в исследовании новых проблем и методов" (Бунге М., 1975, с. 30).

Археология в этом отношении не исключение. Она также не избавлена от необходимости, несмотря на исключительные трудности и сложности, заняться исследованием и разработкой своих теоретико-философских проблем. Концепция о доминантной роли теории в системе научного познания имеет важное методологическое значение для развития всех наук, в том числе, конечно, и для археологии. Для того чтобы эта методологическая установка могла быть успешно реализована, прежде всего необходимо, чтобы ученые глубоко осознали эту идею как важнейшую, актуальную и неотложную задачу своей науки.

Одним из таких исследователей был Владимир Федорович Генинг, который не только осознал важность и актуальность этой проблемы, но постоянно в своих работах отстаивал концепцию теоретизации археологии и призывал коллег-археологов к ее исследованию и разработке (Генинг В.Ф., 1982; 1983; 1985а, б; 1987; 1988; 1989; 1991; 1992). Отметим также большую педагогическую (ВАУ, 1991) и научно-организационную деятельность В.Ф. Генинга (Генінг В.Ф., Бунатян К.П., 1990).

Как же оцениваются работы В.Ф. Генинга в среде археологов? Здесь имеют место два различных подхода. Один из них непосредственно не связан с оценкой самих работ, а отражает отношение, надо сказать, значительной части археологов к самой идее теоретизации, пропагандируемой и отстаиваемой также и В.Ф. Генингом. Скептики и "нигилисты", не утруждая себя доказательствами, отрицают, отвергают, неприемлют саму идею теоретизации археологии. Поэтому сами работы В.Ф. Генинга их никак не интересуют. Другой подход, напротив, непосредственно связан с оценкой самих работ В.Ф. Генинга, реализующих эту идею. Здесь действительно имеет место большой разнобой во взглядах археологов. Но, что принципиально важно и что следует особо подчеркнуть, они едины в главном – признании актуальности и важности теоретико-философских исследований в археологии. Этим самым сделан важный шаг в формировании парадигмы в археологии, к объединению ее сторонников в научное сообщество, нацеленное на реализацию этой идеи. Почему же в практической ее реализации такая большая несогласованность и разнобой во взглядах ее сторонников? Причин много. Отметим важнейшие. В условиях, когда археологическая наука находится на допарадигмальной стадии своего развития, когда отсутствуют общепринятая ее фундаментальная теория, а также теоретически обоснованные методы решения всего комплекса археологических проблем, разнобой во взглядах их исследователей неизбежен. Каждый ученый в этих условиях решает исследуемые им проблемы по-своему, согласно его пониманию и убеждению. В течение многих лет между мной и В.Ф. Генингом шла острая дискуссия и полемика по многим проблемам археологической теории. Будучи убежденными сторонниками идеи теоретизации археологии, единомышленниками в определении статуса археологии как исторической науки, мы, однако, серьезно расходились в принципиально важном вопросе: определе-

нии и понимании предмета археологии, ее объекта и целей познания. Каждый из нас был бескомпромиссен в отстаивании своих позиций. Я глубоко сожалею, что в свое время отказал В.Ф. Генингу в просьбе быть редактором его монографии на том основании, что не разделял многие ее положения. Каждый вправе отстаивать свою точку зрения, но претендовать в таких случаях на монопольное владение истиной, конечно, не допустимо. Как отмечают философы и психологи, вера и убежденность ученого является важным гносеологическим и психологическим фактором, оказывающим существенное влияние на процесс научного познания (Асеев А.Г., 1976; Ворожцев В.П., Москаленко А.Т., 1986; Копнин П.В., 1974). Неслучайно проблемам веры, убеждению ученого значительное внимание уделял Т. Кун. Каждый ученый глубоко убежден в правоте своих суждений, мнений, решений. Иначе он бы так рьяно не отстаивал их в полемике со своими оппонентами. А как же в таком случае оценивать работы ученых? Для объективной оценки взглядов концепций, решений исследователей важное логико-методологическое значение философия науки придает "критерию научности" (Ракитов А.И., 1977, с. 141–147). "Исследование является научным, если новое знание отвечает определенным критериям научности" (Ракитов А.И., 1977, с. 140). Критерий научности позволяет отделить подлинные достижения ученых в науке от неизбежных в ней ошибок, предрассудков и заблуждений и избавиться от них. Однако, чтобы овладеть этой волшебной палочкой, каждой частной науке предстоит пройти долгий путь ее теоретического становления. Наивно полагать, что какому-то одному ученому удастся сразу, окончательно и однозначно решить весь комплекс проблем, связанных с философским обоснованием своей науки. В условиях, когда наука сталкивается со сложными и трудными для решения проблемами, философы считают: "Наиболее целесообразно сформулировать различные *проекты-решения*" (Стефанов Н., 1967, с. 36). Неслучайно в системе науки наряду с категорией "теория" важное значение имеет такая гносеологическая категория, как "научная гипотеза". Она выполняет в науке роль проектов-решений, научных версий, предлагая разные пути исследования и решения различных проблем археологии. К этому типу исследований и следует отнести как работы В.Ф. Генинга, так и его коллег-оппонентов.

Для того чтобы уметь теоретически обосновать и философски осмыслить результаты познания в своей области, сделать из них правильные методологические выводы, археолог должен овладеть теоретическими и философскими основами науки, научного познания. Опираясь на них, в рамках археологии наряду с традиционными ее разделами по первобытной, античной, скифо-сарматской, славяно-русской и средневековой археологией постепенно формируется новое ее направление – история и философия археологии. Вместе с этим в археологии идет становление новой специальности – археолога-теоретика. Заниматься наукой и не иметь хотя бы самых общих представлений о том, что такое наука, ее природа, цели и задачи, структура, особая роль ее теории, общие закономерности ее функционирования и развития, – парадокс, который, к сожалению, остается пока вне внимания большинства археологов. Становление нового направления в археологии, несомненно, будет способствовать росту теоретического уровня всех ее традиционных разделов, повышению общенаучного, профессионального уровня археологов, активному вхождению отечественной археологии в мировую археологическую науку. Можно не сомневаться, что имеющее пока широкое распространение среди археологов скептическое и негативное отношение к теоретизации археологии, ее философским проблемам со временем должно измениться в положительную сторону. Показательно, что интерес к научным и философским проблемам археологии не только не иссякает, а напротив, заметно растет. Об этом свидетельствуют уже защищенные докторские (Захарук Ю.Н., 1981; Клейн Л.С., 1993) и кандидатские диссертации (Ганжа А.И., 1988; Кудрявцева О.М., 1988; Плахин В.Т., 1997; Радилиловский В.В., 1989). Можно утверждать, что первые, и, естественно, самые трудные, шаги в становлении и развитии историко-философских исследований в археологии сделаны и видное место в этих исследованиях занимают работы В.Ф. Генинга.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Асеев А.Г., 1976. Мотивация поведения и формирования личности. М.

Борн М., 1963. Физика в жизни моего поколения. М.

Бунге М., 1975. Философия физики. М.

ВАУ: Вопросы археологии Урала (от редакции), 1991. Екатеринбург.

Вахтомин Н.К., 1973. Генезис научного знания. М.

Венцковский Л.Э., 1982. Философские проблемы развития науки. Современные исследования. 70-е годы. М.

Ворожцов В.П., Москаленко А.Т., 1986. Методологические установки ученого: природа и функции. Новосибирск.

Ганжа А.И., 1988. Историографические проблемы "археологической культуры" в отечественной науке. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань.

Генинг В.Ф., 1982. Проблема теоретизации научного знания в археологии // Новые методы археологических исследований. Киев.

Генинг В.Ф., 1983. Объект и предмет науки в археологии. Киев.

Генинг В.Ф., 1985а. Теоретическое знание в археологии // Методические проблемы общественных наук. Киев.

Генинг В.Ф., 1985б. Заметки к построению теории археологической культуры (АК) // Археология и методы археологических реконструкций. Киев.

Генинг В.Ф., 1987. Археологическая культура – социально-исторический организм – центральная категория познания археологии // Исследование социально-исторических проблем в археологии. Киев.

Генинг В.Ф., 1988. Проблемные ситуации и научные революции в археологии // Проблемная ситуация в современной археологии. Киев.

Генинг В.Ф., 1989. Структура археологического познания. Проблемы социально-исторического исследования. Киев.

Генинг В.Ф., 1991. Археологическая теория и теоретическая археология // ВАУ.

Генінг В.Ф., 1982. Концепція "культури" в археологічному знанні (з історії питания) // Археологія. № 1.

Генінг В.Ф., Бунатян К.П., 1990. О ріків ві дділн теорії та методики археології // Археологія. Вып. 2.

Захарук Ю.Н., 1981. Методологические проблемы археологической науки. Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М.

Клейн Л.С., 1978. Археологическая теория (проблема статуса и дифиниции) // Проблемы археологии. Вып. 2. Л.

Клейн Л.С., 1979. Теории в археологии // Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск.

Клейн Л.С., 1993. Археологическая типология. Автореф. дис. ... д-ра ист. наук (в виде опубликованной монографии). СПб.

Копнин П.В., 1974. Гносеологические и логические основы науки. М.

Кун Т., 1975. Структура научных революций. М.

Критика современных неомарксистских концепций философии науки, 1987 / Под ред. А.И. Ракитова. М.

Кудрявцева О.М., 1988. Проблемы выделения археологической культуры (на примере археологических культур эпохи бронзы Юго-Восточной Европы). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.

Плахин В.Т., 1987. Проблемы логики и методологии науки в современной археологии. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск.

Радилиловский В.В., 1989. Методологические и методические аспекты исследования проблем урбанизации (на материалах Ташкентского оазиса). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Самарканд.

Ракитов А.И., 1977. Философские проблемы науки. Системный подход. М.

Стефанов Н., 1967. Теория и метод в общественных науках. М.

Эйнштейн А., 1967. Собрание научных трудов. Т. 4. М.

Kuhn Th., 1962. The Structure of Scientic Revoluiohs. Chicago.

От редакции

В конце 1995 г. в Пскове прошла Первая Всероссийская конференция "Церковная археология"*. Это заметное событие, позволяющее говорить о начале нового этапа в развитии процветавшего до революции направления в русской археологии. Оно оказало значительное влияние на формирование таких направлений советской науки как архитектурная археология и целый ряд специальных дисциплин, связанных с изучением церковных древностей, а также сыграло в середине нашего столетия важную роль в становлении византийской археологии в Европе и Америке. По-видимому, этому направлению предстоит в современной России большое будущее. Поэтому особенно насущным является знакомство с историей развития и актуальными проблемами аналогичных направлений на Западе.

Пользуясь участием в Псковской конференции ректора Понтификального института христианской археологии монсеньора Сен-Рока**, мы решили опубликовать перевод его выступления, который и предлагаем вниманию коллег. Перевод с французского любезно взяла на себя Л.Г. Хрушкова, подготовившая также хронику Конгрессов христианской археологии, которая служит своего рода комментарием к статье монсеньора Сен-Рока. Хроника конференции в Пскове дополняет обзор состояния христианско- и церковно-археологических исследований на современном этапе.

ПАТРИК СЕН-РОК

СОВРЕМЕННАЯ ХРИСТИАНСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ НА ЗАПАДЕ*

На моем письменном столе в Риме стоят две фотографии. Обе они сделаны в городе Сплите (Хорватия), с промежутком ровно в 100 лет. На одной представлены участники I Международного конгресса по христианской археологии (Сплит, 1894), на другой – участники XIII Конгресса (Сплит, 1994). Сравнение этих фотографий очень наглядно для темы моего доклада.

На первом снимке – 85 человек, причем все это немолодые люди, им в среднем определенно за 50. Число служителей церкви очень значительно – явно более трети, женщин же всего 3. На фото 1994 г. – уже более 200 участников Конгресса, среди них множество студентов, поэтому средний возраст приближается к 30–35 годам. Представители церкви в явном меньшинстве, зато женщин примерно столько же, сколько мужчин. Из этого простого описания ясно, что сейчас христианская археология, по крайней мере внешне, не такова, какой была век назад.

Как известно, возникновение нашей науки возводят к Антонио Бозио, "Подземный Рим" которого, вышедший после его смерти в 1629 г., был первым серьезным трудом о римских катакомбах. Однако настоящим "отцом христианской археологии" как науки по праву считается Джованни Баттиста де Росси (подробнее см.: Correspondance..., 1995; Fevrier P.-A., 1991, p. 336–347; Pergola Ph., 1994, p. 135–137).

---

* См. в разделе "Хроника": Беляев Л.А., Чернецов А.В. Первая Всероссийская конференция "Церковная археология". Псков, 1995 г.

** Patrick Saint-Roch, ректор Понтификального института христианской археологии (Ватикан), штатный профессор кафедры Истории культа по специальностям литургика и агиография. Основные публикации: Liber Sacramentorum Engolismensis. Le Sacramentaire Gelasien D'Angouleme. Corpus Christianorum, series latina CLIX, C. Turnhoult. 1987; La Penitence dans les Conciles jusqu' à la mort de Gregoire le Grand. Città del Vaticano, 1991; Correspondance de Giovanni Battista de Rossi et de Louis Duchesne (1873–1894), Établie et annotée par Patrick Saint-Roch. Collection de l'École Francaise de Rome, 205. Roma, 1995.

* Перевод Л.Г. Хрушковой.

© П. Сен-Рок, 1998 г.

Де Росси умер в сентябре 1894 г. – как раз накануне открытия в Сплите I Конгресса, одним из главных инициаторов которого он был. В то время христианская археология оставалась очень конфиденциальной областью преподавания. Ею могли заниматься лишь немногие избранные. Хотя крупные ученые, такие, как Булич в Сплите, или Дюшен в Париже, а затем в Риме, ориентируют некоторых своих учеников на работу в этой области, но это скорее исключение, чем правило. Поэтому-то на снимке 1894 г. число участников ограничено, а их средний возраст столь значителен.

Кроме того, христианская археология до конца XIX в. оставалась дисциплиной преимущественно церковной, причем в двояком смысле. Во-первых, дисциплина церкви, причем церкви католической. Во-вторых, она связана с людьми церкви – священниками или благочестивыми светскими, наподобие де Росси. Эти две особенности будут висеть тяжким грузом на самом понятии христианской археологии. В глазах некоторых они тяготеют и до сих пор.

Действительно, первые шаги христианской археологии в период между аббатом Бозио и де Росси часто далеки от научных целей. Когда Больдетти (1663–1749) и Марангони (1673–1753) расхищали римские катакомбы в поисках мощей, их главные цели были апологетическими и полемическими. Эпиграфика, агиография, а в особенности иконография – все должно было в первую очередь проиллюстрировать превосходство и древность христианства. Всякая фреска, изображающая женщину с младенцем, будет интерпретироваться как образ Богоматери и использоваться в спорах с протестантами, с тем, чтобы доказать им древность культа девы Марии. Соответственно, эти фрески будут датироваться самым началом истории Церкви.

Да и намного позже, во времена де Росси и Дюшена, когда к уже открытым и изученным материалам начнут применять истинный научный подход, этот апологетический аспект всегда будет присутствовать. Следует отметить, что эпоха не способствовала радикальной перемене менталитета. Дюшен, коллега Луази по Католическому институту в Париже, долго полемизирует с Ренаном: приближается кризис модернизма, который обнаружит, что католическая церковь эпохи Пия X целиком замкнута в себе и расценивает малейшее сомнение в достоверности ее положений как нетерпимые нападки (даже в таких сравнительно маловажных сферах, как, например, агиография).

Напомним, что итальянский перевод "Истории древности церкви" Дюшена был внесен в "Индекс" (список запрещенных книг). Де России, который не был образцом стойкости в этой борьбе (Correspondance..., 1995), так и не осмелился опубликовать исследование о сосудах с кровью мучеников, в котором он показал необходимость осторожного подхода при атрибуции открываемых в катакомбах погребений как могил мучеников. Ученый показал, что множество мощей, распространенных едва ли не по всему миру, часто не являются подлинными останками мучеников.

Конечно, главной целью исследований этих пионеров все равно оставались укрепление и консолидация Церкви. Даже изменяя методы исследования (а именно в этом их значение для нас как учителей и предшественников), даже без колебаний разрушая многие легенды, они во многом сохраняли апологетичность подхода к научным фактам[1].

Естественно, что в то время христианская археология как наука служителей церкви была преимущественно делом мужчин, поэтому в первом Конгрессе участвовали лишь три женщины.

Сейчас положение вещей очень изменилось.

Прежде всего, христианская археология преподается на равных правах с другими науками. Свидетельство этому – деятельность Понтификального института христианской археологии в Риме, и не только его. Основанный в 1925 г. по инициативе И.-П. Кирша и при поддержке Пия XI, институт ставит своей целью готовить специалистов-исследователей. Крупные понтификальные университеты также имеют началь-

[1] У де Росси это особенно сказывается в области агиографии, у Дюшена – в изучении рукописей.

ные курсы христианской археологии, в некоторых государственных университетах Италии есть кафедры христианской археологии или им подобные.

В других странах, например во Франции, хотя и нет таких кафедр, но есть профессора, работающие в области христианской археологии и дающие эту специализацию своим студентам. За последние десять лет в Университете Экс-ан-Прованса было защищено три докторские диссертации о римских катакомбах Петра и Марцеллина, Домитиллы и катакомбах Сицилии.

Это специальное образование объясняет и присутствие многих студентов на последнем Конгрессе, и снижение возраста его участников[2].

Однако самая важная перемена – это, без всякого сомнения, изменение взаимоотношений между нашей наукой и церковью, между наукой и апологетикой. Христианская археология больше не является наукой служителей церкви. Снимок это иллюстрирует, а состав преподавателей Понтификального института это подверждает. Среди них сейчас только один священник, а из почти 50 слушателей служителей церкви только двое, один из Ирландии, другой из Словении. Это и важный признак, и в то же время следствие глубоких перемен в самом подходе к нашей науке.

Датировать эпоху перемен следует, на мой взгляд, 1970-и годами, по крайней мере, на IX Международном конгрессе в Риме новый подход окончательно утвердился и был официально признан. Случилось это благодаря горстке крупных светских ученых. Многие из них, к сожалению, умерли молодыми. Хочу упомянуть о де Паллоле (Испания), Реекмансе (Бельгия), Феврье и Дювале (Франция), Тестини (Италия), Палласе (Греция), Кадаре (Венгрия), не забывая, однако, и двух служителей церкви, которые возглавляли Институт в Риме – Фазолу и Саксера.

Замечательно обобщил новый взгляд на христианскую археологию Поль-Альбер Феврье в публичной лекции в Гренобле на XI Международном конгрессе в 1986 г. Он показал, что раньше интересовались только самим памятником, катакомбой, баптистерием, мартирием, базиликой; например, в Тунисе была "отреставрирована" базилика, для того, чтобы провести там большой евхаристический конгресс на глазах у мусульманского мира.

Иконографию рассматривали как единое целое. Каждая фреска с изображением трапезы понималась как евхаристия, каждая фигура пастуха интерпретировалась как образ Доброго Пастыря. Вопрос мог быть лишь в том, с каким текстом связано изображение – с "Добрым Пастырем" Евангелия от Иоанна или с тем, который отправляется на поиски заблудшей овцы в Евангелиях от Матфея и Луки" (Février P.-A., 1989, p. XCIV).

В наше время больше внимания уделяют самым распространенным археологическим материалам (в том числе посуде). Акценты переместились с памятников на человека, который использовал эти памятники, на христианина, который заказывал фрески или покупал саркофаги. Эти христиане, еще полностью проникнутые языческой культурой, могли изобразить, как на одном саркофаге из Арля, на главных продольных сторонах свои портреты и Диоскуров, а композицию "Умножение хлебов" отодвинуть на боковые стороны (Février P.-A., 1989, p. XCIX).

Наши предшественники видели прежде всего глубокие различия языческого и христианского миров, между которыми не было никаких общих точек, и один преследовал другой. В наше время исследования, выйдя за пределы культовых сооружений и охватив их ближайшую округу (город или деревню), показали, что ничего подобного не было, что эти два мира были тесно переплетены и глубоко проникали один в другой. Прекрасный пример этого – анонимная катакомба на Виа Латина в Риме, фрески которой изображают сцены из Ветхого и Нового Завета, а по соседству – Геркулеса, поражающего Немейского льва или отрубающего головы Лернейской гидры.

---

[2] Когда я начинал работать в Институте, самым молодым педагогам было под 60, а сейчас самому старому из них нет и 55 лет.

Стало ясно, что специалист по христианской археологии не должен игнорировать среду, в которой зародилось и развивалось христианство. Это означает, что особенно осторожным следует быть, чтобы не "христианизировать" вновь открываемое. Не исключено, что его Добрый Пастырь – лишь буколическая сцена, как изображение I в. до н.э. в "доме Ливии" на Палатине. Может быть, что его евхаристия – только обычная погребальная трапеза, как это доказал Жан Гюйон относительно ряда подобных изображений в катакомбах Петра и Марцеллина. И кто может настаивать, что оранта в доме под церковью св. Иоанна и Павла в Риме – изображение непременно христианское? Точно так же не всякая надпись, найденная поблизости от базилики, обязательно христианская, и не всякое трехапсидное помещение рядом с базиликой – мартирий.

Возвращаясь к сегодняшнему состоянию дел в христианской археологии, заметим, что один из существенных моментов здесь – публикационная деятельность. Это, прежде всего, "Rivista di Archeologia cristiana". Этот журнал издается совместно Институтом христианской археологии и Понтификальной комиссией священной археологии, он является продолжением основанного де Росси "Bulletino di Archeologia Cristiana". Значительный объем (500 страниц ежегодно) позволяет издать любую рукопись по христианской археологии, принятую редакционным комитетом, сформированным из преподавателей института.

Понтификальный институт христианской археологии выпускает также несколько серий, связанных тематически с "Rivista di Archeologia cristiana". Продолжается публикация серии "Христианские надписи Рима", основанная еще де Росси; упомяну и "Корпус римских базилик", этот главный труд Ричарда Краутхаймера. С конференции в Тиране в октябре 1995 г. я привез проекты публикаций новых раннехристианских памятников в Венгрии и в древнем городе Бюлис в Албании. Готовится к публикации значительная рукопись о погребальной архитектуре Греции.

Наш журнал не единственный. Например, благодаря Международному конгрессу в Лионе (1986 г.) появился "Revue de l'antiquité tardive", который избрал интересную форму – каждый том посвящается определенной теме. Многие другие издания периодически посвящают нашей проблематике статьи или материалы. Так, "Dossiers de l'Archeologie" (Франция) готовят к выпуску номер, посвященный археологии Ватиканского холма. Среди превосходных работ я назвал бы публикации Археологического музея в Сплите, осуществляемые под руководством Э. Марина.

Другая сторона современной христианской археологии – многочисленные конгрессы, коллоквиумы, семинары и конференции, в число которых теперь можно включить и конференцию "Церковная археология" в России. Кроме прямых научных результатов, конгрессы хороши как исключительно удачная возможность общения исследователей всего мира. Это, как я уже отметил, Международные конгрессы по христианской археологии. Постоянно действующим комитетом по их подготовке является Понтификальный институт.

Предполагается, что Конгрессы следует проводить каждые 5 лет, но до сих пор, за столетие, прошедшее с 1894 г., их состоялось только 13, что объясняется бурными политическими событиями, неоднократно потрясавшими Европу. Например, во время подготовки последнего конгресса в Сплите он неоднократно был на грани срыва из-за ситуации в бывшей Югославии, однако все же состоялся и был посвящен столетию первого конгресса. XIV Международный конгресс планируется провести в Вене в сентябре 1999 г. (Я пользуюсь случаем пригласить к участию в нем русских коллег).

Кроме того, проводятся национальные конгрессы по христианской археологии. Эти встречи дают возможность исследователям встречаться и обмениваться информацией. Больше всех в этом направлении делает Италия, особенно успешным был последний конгресс в Кассино. На конгрессе в Пезаро было решено организовать семинары по христианской археологии и поздней античности, которые каждую неделю проходят в École Française de Rome. Семинары, основанные сотрудниками Римского университета,

Французской школы и Понтификального института, дают возможность исследователям приезжать в Рим и обсуждать свои работы.

Не менее важны ежегодные семинары в таких городах, как Сполето, более ориентированные, впрочем, на эпоху средневековья, или Аквилея. Они позволяют исследователям Средиземноморья подвести итоги и изложить свои доводы. Следует принимать во внимание также локальные коллоквиумы университетов и других организаций. Незабываема первая конференция по проблемам раннего христианства в Тиране, она состоялась 11–15 октября 1995 г., и, конечно, конференция в Пскове. Умножение встреч – доказательство того, что наша наука живет и развивается.

Конечно, невозможно перечислить все коллективы, работающие в области христианской археологии. Я хотел бы отметить работу Ноэля Дюваля и его коллег во Франции. Этот коллектив регулярно публикует труды по христианской топографии отдельных городов.

Археология – это не только книги и конференции. Прежде всего это полевые исследования. Раскопки и открытия многочисленны, например, баптистерий св. Максимина в Иордании, городище Бюлис, раскопки базилики папы Марка в Риме.

Во всех странах христианского мира: во Франции, Испании, Италии, Ливане, Израиле (где нужно особо отметить деятельность "хранителей Святой Земли", различных библейских школ и институтов), в Венгрии и даже в Хорватии – везде, где трагические события этому не препятствуют (как, например, в Алжире, столь богатом раннехристианскими памятниками и молодыми археологами), – ведутся исследования, связанные с христианской археологией.

Однако само понятие христианской археологии оспаривается сейчас во Франции, Германии, Италии. Причина этого в том, что некоторые ученые закрывают глаза на эволюцию, которую, надеюсь, я показал, и продолжают путать христианскую археологию с археологией конфессиональной. Достаточно пройти по нашему Понтификальному институту, чтобы в этом убедиться. Среди полусотни наших студентов представлены все религии: католики, протестанты, православные, иудаисты, последователи ислама, атеисты. Не свидетельство о крещении создает специалиста по христианской археологии, но его желание познать истину, изучить жизнь тех, кто в начале нашей эры вырубали в камне катакомбы, строили базилики, поклонялись мученикам.

Итак, название "христианская археология", или "археология поздней античности" (но, конечно же, не "церковная археология", как вы говорите) – это не так уж важно. Важно продолжать изучение периода, когда базилики заменили языческие храмы. Тогда, по словам Феврье, "для всякого путника, шедшего из Константинополя в Джемилу, над дорогой сначала показывались апсиды кафедрала, крыши его нефов и хоры. То же самое в Типасе для тех, кто прибывал морем... В Риме – мартирологические базилики в Ватикане или на Остийской дороге, погребальные сооружения на Аппиевой, Лабиканской или Тибуртинской дорогах служили знаками на дорогах, знаками как для путника, так и для нас" (Février P.-A., 1989, p. XCV-XCVI), тех, кто стремится понять внезапное появление новой философии, нового образа жизни, христианства.

Сегодня христианская археология чувствует себя хорошо. Подобно живому существу, она развивается и растет. Ваша конференция тоже свидетельствует об этом. Пусть же христианская археология идет по пути, открытому всем исследователям доброй воли.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Correspondance de Giovanni Battista de Rossi et de Louis Duchesne (1873–1894), Établie et annotée par Patrick Saint-Roch. Collection de l'École Française de Rome, 205. 1995. Roma.

Pergola Ph., 1994. Archéologie Chrétienne // Dictionnaire Historique de la Papauté. Paris.

Février P.-A., 1989. Une Archéologie Chrétienne pour 1986 // Actes du XIe Congrès International d'Archéologie Chrétienne. V.I. Città del Vaticano.

Février P.-A., 1991. Naissance de l'Archéologie chrétienne // Naissance des arts chrétiens. Paris.

Понтификальный институт христианской
археологии, Рим

Л.Г. ХРУШКОВА

О МЕЖДУНАРОДНЫХ КОНГРЕССАХ ПО ХРИСТИАНСКОЙ АРХЕОЛОГИИ

Конгрессы по христианской археологии играют исключительную роль в развитии этой научной дисциплины. На них ученые подводят итоги и вырабатывают новые направления. В сущности это едва ли не единственный инструмент, объединяющий исследователей, работающих в этой области. Акты конгрессов дают моментальный снимок состояния христианской археологии в тот или иной период. Взятые же в своей совокупности, они помогают представить тот путь, который прошла христианская археология в течение свыше 100 лет.

I конгресс состоялся в 1894 г. в Спалато-Салоне (Сплит-Солин) в Далмации (сейчас Хорватия). Выбор места не был случайным. Памятники древней Салоны – монументальные сооружения, некрополи, саркофаги, произведения скульптуры, надписи – давно привлекали внимание исследователей. Конгресс планировалось провести в 1893 г. В этом случае его работу, конечно, возглавил бы Дж. Б. де Росси, "отец христианской археологии". Но помешала холера, конгресс отложили на год, и уже больной де Росси прислал его участникам письмо с грустным упоминанием о собственном некрологе; вскоре он скончался. Председателем Оргкомитета был Ф. Булич, директор Археологического музея в Спалато, энтузиаст изучения истории и памятников Далмации. Именно им и был преимущественно посвящен конгресс. Его президентом стал А. Вааль, ректор Немецкого научного центра (del Campo Santo dei Tedeschi) в Ватикане.

На конгресс приехали участники почти из 10 стран, среди них больше всего представителей Италии и Германии – стран, где христианская археология была развита больше, чем где-либо. Н.П. Кондаков, тогда уже ученый с европейским именем, еще с 1870-х годов состоял членом Общества любителей христианской археологии в Риме, председателем которого был П. Бруцца, а потом де Росси. Предполагалось, что Н.П. Кондаков войдет в число членов Оргкомитета, но он не смог присутствовать, прислав из Ялты письмо в адрес конгресса. Из Петербурга в Спалато приехали Я.И. Смирнов и П.А. Сырку. Последний представил недавно найденную в Сараево средневековую рукопись на кириллице. Оба представителя России участвовали в дискуссиях, в частности, по вопросу издания корпуса средневековых надписей. П. Сырку предложил не ограничиваться только надписями Далмации, но охватить все земли южных славян и привлечь к работе русских и болгарских ученых. Эти предложения были приняты и отражены в резолюции. Конгресс принял и еще одну любопытную резолюцию: о необходимости преподавания христианской археологии в высшей школе и в гимназиях (Neumann G.A., 1895). Перепечатку этого отчета и других материалов первого конгресса осуществил Э. Марин, нынешний директор Сплитского археологического музея, к 100-летию конгресса (Acta..., 1993).

II конгресс состоялся в Риме в 1900 г. В нем участвовали представители свыше 25 стран. Его президентом стал Л. Дюшен, ученик и друг де Росси, "книжный археолог", как он сам назвал себя, в то время директор École française de Rome. По сравнению с первым конгрессом тематика докладов была значительно расширена. В частности, особая секция посвящалась славянскому, византийскому и вообще восточному миру. Представитель России Ф. Успенский сделал доклад о раскопках в Абобе-Плиска, которые проводил Русский археологический институт в Константинополе. Хронологические рамки некоторых докладов не ограничивались раннехристианской эпохой, доходя до XII в. (Atti del II Congresso..., 1902).

Конечно, драматические события мировой истории сказывались и на проведении конгрессов. III конгресс состоялся только после долгого перерыва, в 1932 г. в Равенне.

© Л.Г. Хрушкова, 1998 г.

Президентами его были Г. Кирш, первый директор Понтификального института по христианской археологии, и К. Риччи. Среди участников – 1 патриарх, 29 кардиналов, 57 нунциев и епископов. Об участии нашей страны не могло быть и речи (как раз незадолго до этого запретили преподавание истории Византии как вредной дисциплины), и пройдет не один десяток лет, прежде чем это станет возможно.

Наряду с традиционными докладами, посвященными изучению римских катакомб (К. Респиги, Э. Джози и др.), было немало и таких, которые содержали новые сведения о памятниках Малой Азии, Сирии, Палестины. Имена их авторов стали хорошо известными в истории науки: С. Гуйер, Ж. Лассюс, Дж. Крауфут, Р. Мутерд, О. Абель и др. (Atti del III Congresso..., 1934).

IV конгресс прошел в Риме и Ватикане в 1938 г. Его президентом вновь был Г. Кирш. В конгрессе приняли участие представители свыше 20 стран. Главные темы конгресса – базилики и купольные сооружения. В докладах были отражены материалы как Запада, так и Востока. До второй мировой войны вышел только первый том Актов, второй опубликован через несколько лет (Atti del IV Congresso..., 1940, V. I; Atti del IV Congresso..., 1948, V. II).

Итак, в этот первый период на протяжении почти полувека состоялось только четыре конгресса. В основном они проходили в Италии, а в их организации ведущую роль играли Ватикан и представители католического духовенства. Однако тематика конгрессов быстро вышла за рамки традиционных интересов "римской школы", т.е. латиноязычного мира, в докладах широко был представлен и христианский Восток.

Конгрессом, в котором можно отметить новые черты, стал V-ый. Этот первый послевоенный конгресс состоялся после долгого перерыва, в 1954 г., в Экс-ан-Провансе на юге Франции. В состав Оргкомитета конгресса вошел А.Н. Грабар, тогда директор Коллеж де Франс, продолжатель традиций русской научной школы Н.П. Кондакова, Д.В. Айналова, Я.И. Смирнова, а также ученик выдающегося французского византиниста Г. Милле (Хрушкова Л.Г., 1996, с. 8, 9).

На V конгрессе главными были две темы: раннехристианские саркофаги и раннехристианские баптистерии. Первая была очень традиционной, публикацию корпуса саркофагов уже давно осуществил Дж. Вильперт (Wilpert G., 1929–1932). Вторую тему предложил А. Грабар, и она имела хорошее продолжение. А. Грабар сделал доклад об общих проблемах изучения баптистериев. Материалы, представленные участниками конгресса, показали многообразие и важность этой группы памятников (Actes du Ve Congrès..., 1957). Конгресс принял решение издать свод раннехристианских баптистериев. Несколько лет спустя это сделал А. Хачатрян, ученик и многолетний сотрудник А. Грабара, получивший образование в Ереване, Москве, а затем в Париже. Изданный им "Альбом" (Khatchatrian A., 1962) получил премию Французской Академии надписей и изящной словесности. Уже после смерти автора вышло также его исследование о происхождении и типологии баптистериев (Khatchatrian A., 1982). Сейчас без этих изданий не обходится ни один исследователь раннехристианского периода, и не без их влияния появилась длинная сюита публикаций о баптистериях разных регионов и стран. Эта тема всегда занимала важное место и на последующих конгрессах по христианской археологии. А вслед за появлением большого количества археологических публикаций В. Саксер издал обобщающую работу, посвященную сведениям об обряде крещения, которые содержатся в латинских и греческих источниках (Saxer V., 1988).

Начиная с этого конгресса, утвердился обычай часть времени отводить обсуждению материалов новых раскопок, которые были проведены за период между конгрессами. Таким образом, этот шаг придал большее значение полевым исследованиям, археологии в узком смысле слова. С другой стороны, президент конгресса Л. де Брюйн, ректор Понтификального института по христианской археологии, подчеркнул, что христианская археология должна работать в контакте со смежными дисциплинами: патристической теологией, историей литургии, изучением древних языков и христианской литературы (Actes du Ve Congrès..., 1957, p. 32). Этот подход сохраняется и

сейчас. Тогда же сложилась и еще одна традиция: подготовительную работу к очередному конгрессу проводит Инициативный комитет (Comitato Promotore), ядро которого состоит из сотрудников Понтификального института по христианской археологии, а председателем является его редактор.

Последующие конгрессы проходили регулярно: VI – в Равенне в 1962 г. (Atti del VI Congresso...., 1965), VII – в Трире в 1965 г. (Akten des VII Internationalen Kongresses..., 1969), VIII – в Барселоне в 1969 г. (Actas del VIII Congreso..., 1972). Их проведение в разных странах Европы служило стимулом развития христианской археологии в этих странах.

Следующим конгрессом, который отразил новые тенденции в развитии христианской археологии, был IX, прошедший в Риме в 1975 г. Он был посвящен доконстантиновской эпохе. Конгресс показал, что христианская археология перестала быть чисто церковной дисциплиной, обратившись к широкой исторической проблематике и стремясь изучать эпоху во всей ее целостности. Первый том Актов посвящен доконстантиновским памятникам, сгруппированным по типам. Здесь особенно интересны живые дискуссии. Второй том содержит сообщения о новых открытиях (Atti del IX Congresso..., 1978).

X конгресс состоялся в Афинах в 1980 г. – впервые в православной стране. Его Акты также состоят из двух томов. Первый посвящен главной теме конгресса раннехристианским памятникам Восточного Иллирика, второй – новым раскопкам и открытиям (Actes du Xe Congrès..., 1984). Отметим еще одну особенность X конгресса: постепенное увеличение числа участников из социалистических стран, еще очень медленное. Особенно это касается Болгарии и Албании. Самым "стойким" в этом отношении был Советский Союз.

К числу этапных конгрессов можно отнести XI, состоящийся в 1986 г. Немного необычной была форма его проведения в ряде городов Италии, Южной Франции и Швейцарии: Лионе, Вьене, Гренобле, Женеве, Аосте. Это представило участникам широкую панораму памятников, часто малоизвестных и вновь открытых. Швейцария стала, можно сказать, "новой провинцией" христианской археологии, поскольку письменные источники по этому региону малочисленны, и раскопки рисуют неизвестную ранее картину.

Удачно выбранная главная тема конгресса "Епископ и город" поставила в центр внимания исследователей фундаментальную проблему трансформации города античного в город раннехристианский и средневековый. Благодаря энергии президента конгресса Ш. Пьетри и генерального секретаря Н. Дюваля, Акты вышли, как никогда раньше, в трех томах по 1000 страниц каждый (Actes du XIe Congrès..., 1989). Это произвело впечатление в ученом мире. Например, Ж.-П. Содини отметил, что чтение Актов этого конгресса "позволяет в первый раз ясно измерить, какой большой путь прошли методы раскопок религиозных зданий" (Sodini J.-P., 1993, p. 157).

Примерно половина объема изданий Актов содержала материалы новых раскопок, проведенных в разных концах христианского мира – от Испании до Иордании. Н. Дюваль, используя свои обширные связи, много сделал, чтобы привлечь специалистов из стран Восточной Европы, в том числе – впервые – из Советского Союза. Благодаря этому новые, неопубликованные или почти неизвестные материалы находили своего читателя. В частности, это относится к раннехристианским памятникам Абхазии, где их систематическое изучение началось относительно недавно (Khrouchkova L.G., 1989, p. 2657–2686; Хрушкова Л.Г., 1993, с. 33–37). В этом процессе сказывались и политические перемены, которые вели к большей открытости восточноевропейских стран.

XII конгресс прошел в Бонне в 1991 г. (президент И. Энгеманн, секретарь К. Кammерль). Главной его темой был избран довольно специальный вопрос – паломничества. Вследствие самого характера темы, часто связанной со Святой Землей, тематика христианского Востока преобладала. Помимо христианских паломничеств были представлены также доклады о паломничествах исламских (И. Шахид), о путешествиях к

местам языческого культа в римскую эпоху (Х. Халфман), о паломничествах ранних христиан к еврейским могилам (Дж. Уилкинсон).

Дискуссиями были отмечены и открытие конгресса, и его завершение. Впервые в истории проведения конгрессов прозвучало мнение, направленное против "романоцентричного" характера их подготовки. Его высказал Н. Дюваль, предложивший создать постоянно действующие международные структуры, которые охватили бы все сообщество археологов, рассеянное в разных странах, в том числе и в Восточной Европе. Кроме того, по его мнению, сам термин "христианская археология" следует заменить термином "поздняя античность", что больше соответствовало бы характеру современных исследований (Akten des XII Internationalen Kongresses..., 1995, 1, p. XXXV–XXXVII).

Действительно, практика подготовки конгрессов инициативным комитетом, практически все члены которого работают в различных научных учреждениях Рима, сложилась несколько десятилетий назад, когда круг участников этих встреч был несравненно у́же. Что же касается термина, это не ново. Еще А.-И. Марру, которого Н. Дюваль назвал в числе "пролагателей путей" французской научной школы, наряду с П. Лемерлем, Ж. Юбером и А. Грабаром, высказывал подобную мысль (Marrou H.-I., 1975, p. 469, 470).

Ф. Пергола, представитель нового поколения исследователей и в то же время – старого научного учреждения – Понтификального института по христианской археологии, своему выступлению в "дискуссии на подиуме" в конце конгресса также придал полемическую направленность: "Конфликт школ? Конфликт поколений? Переломный момент или замечание мимоходом? Всего понемногу". По его мнению, проблема смены названия научной дисциплины – фальшивая проблема, отвлекающая внимание от главного. Наиболее важно то, что конгрессы должны стать более "археологическими" в узком смысле слова, т.е. уделять значительно больше внимания полевой археологии, данным стратиграфии, организации пространства города или села, строительной технике, материальной культуре. (Нельзя не заметить, что здесь перечислены те проблемы, которые всегда целенаправленно изучались в рамках российской исследовательской традиции.) По мнению Ф. Пергола, христианская археология должна охватывать не только позднюю античность, но и раннее средневековье и даже средние века. И, наконец, Ф. Пергола отметил, что на боннском конгрессе недостаточно говорилось о Риме и вообще о Западе (Akten des XII Internationalen Kongresses..., 1995, 1, p. LIII–LV). Таким образом, в этом выступлении отразились и новые тенденции, связанные с широким размахом полевых исследований, и мотивы защиты традиционных ценностей "римской школы".

В "дискуссии на подиуме" приняли участие наиболее видные ученые. Некоторые имена стали уже почти легендой, например, Ричард Краутхаймер, который скончался три года спустя в возрасте 97 лет. Впервые на конгресс приехали довольно многочисленные представители социалистических стран, в том числе и Советского Союза (С.А. Беляв, Л.Г. Хрушкова) – в первый и последний раз, поскольку в декабре того года СССР не стало.

Участники конгресса имели возможность осмотреть многочисленные памятники Рейнской земли: Бонна, Кельна, Трира – и музеи этих городов, столь богатые материалами позднеримской эпохи и раннего средневековья. В Боннском Ландесмузеуме к конгрессу была организована обширная выставка могильных стел, предметов прикладного искусства, археологических материалов (Spätantike und Frühes Mitttelalter..., 1991). Опубликованные Тезисы включили и сообщения специалистов из СССР: А. Каковкина, Э. Николаевой, В. Залесской, Л. Хрушковой (Nikolaeva E., 1991; Zalesskaya V., 1991).

Акты XII конгресса, вышедшие в 1995 г., состоят из двух томов. Во втором томе опубликованы сообщения двух представителей нашей страны, А. Каковкина и Л. Хрушковой (Kakovkine A., 1995, S. 889–891, Taf. 117–119; Khroushkova L.G., 1995, S. 914-921, Taf. 123–124).

И еще одна дискуссия состоялась в последний день конгресса. Речь шла о выборе места для проведения следующего конгресса. Э. Марин от имени Хорватии предложил Сплит, другие считали это неудобным из-за крайне нестабильной обстановки в этом регионе. После обсуждения была принята первая точка зрения. На мой взгляд, причиной такого неоднозначного решения могло служить только то, что следующий конгресс, юбилейный и внеочередной, предполагалось провести в 1994 г. и приурочить его к двум юбилеям: к 100-летию проведения I международного конгресса по христианской археологии в Сплите и к 100-летию со дня смерти де Росси.

XIII конгресс прошел в сентябре 1994 г. в Сплите – Порече, в Хорватии. Географическое положение этих городов позволило участникам конгресса осмотреть интересные памятники и Далмации, и Истрии. Помимо юбилейных тем конгресса, была еще одна, посвященная эпохе Юстиниана и историческим проблемам VI–VII вв. Такое сближение традиционных тем христианской археологии и византинистики – тоже характерная черта последнего времени. Доклады, типичные для "старой" христианской археологии, например "Искусство и христианская археология как теологические источники" (Ж. Янсенс), соседствовали с докладами и сообщениями на вполне светские темы: "Керамика VI–VII вв." (Дж. Хейс), "Последние изменения в урбанизме Тропеум Траяни" (И. Богдан-Катаничиу), "Военная архитектура VI–VII вв. в Албании" (Г. Карайский) и другими, им подобными.

Интересны были доклады, посвященные Константинополю (Ж.-П. Содини, К. Барзанти и др.), особо замечателен доклад одного из лучших знатоков византийской столицы С. Манго "Сакрализация Константинополя". Некоторые участники представили интересные материалы раскопок последнего сезона, например доклад о византийской церкви в Каркуре в Негеве П. Фигуэраса. Среди юбилейных докладов можно выделить доклад В. Саксера "Сто лет христианской археологии: объект и методология", в котором содержится общая оценка эволюции этой научной дисциплины, а также отмечены проблемы и противоречия. Естественно, что ряд докладов и сообщений был связан с деятельностью де Росси (А. Нестори, В. Фьокки Николаи, П. Сен-Рок, Б. Уоше и др.). Многочисленными были доклады и сообщения как хорватских археологов, так и специалистов из стран Восточной Европы.

В работе конгресса приняли участие два представителя России, которые сделали следующие сообщения: "Проблема появления славян на границах Византии. Свидетельства Приска Панийского" (А. Иванчик), "Д.Б. де Росси, основатель христианской археологии и Н.П. Кондаков, основатель истории византийского искусства в России: две культурные традиции" и "Христианские сооружения юстинианновской эпохи в Колхиде: хронология и топография" (оба – Л.Г. Хрушкова) (Khroushkova L.G., 1997a, b).

Организаторы конгресса (президент – Н. Камби, секретарь – Э. Марин) устроили интересные выставки во дворце Диоклетиана и Археологическом музее Сплита. Мы смогли увидеть и такие знаменитые памятники, как мавзолей Диоклетиана или Ефрасианская базилика в Порече и сельские базилики, зачастую достаточно монументальные.

Работа этого конгресса показала, что сегодня христианская археология решительно вышла за рамки чисто церковных проблем и стремится изучать все исторические явления раннехристианской эпохи.

Помимо международных конгрессов по христианской археологии, в разных странах проходят и национальные конференции. По их количеству и регулярности лидером является Италия. В октябре 1995 г. состоялась международная конференция в Тиране в Албании, в прошлом одной из самых закрытых стран Европы. Конференцию "Раннее христианство и Албания" организовало Археологическое общество Албании. Председателем конфедерации был С. Анамали (к сожалению, скончавшийся в 1996 г.), секретарем – Л. Мирай. В ней приняли участие археологи из более чем 10 стран Европы и США. Главные темы: влияние раннего христианства на создание нового культурного единства в IV–VI вв. на основе римских традиций и новые сви-

детельства о "темных веках" в Албании и на Балканах. Доклады и сообщения албанских археологов и историков были посвящены разным темам: начальный период христианизации (К. Фрашери), юстинианова эпоха (С. Анамали), лингвистические данные о христианстве (С. Манцаку), связи албанской церкви с Константинополем и Римом (П. Хуфи), памятники Диррахиума (А. Хоти, Л. Мирай, Ф. Мирай), Бюлиса (С. Мучай) и многие другие.

Активное участие в конференции приняли коллеги из Болгарии (А. Милчева, В. Любенова, К. Ралчева, Р. Базайтова и др.), Македонии (Б. Алексова, В. Битракова), Венгрии (З. Кадар, Е. Гарам). Интересными были доклады Э. Марина и П. Шевалье о памятниках Хорватии. Д. Панайотова-Пиге в докладе о серебряном кадиле из Британского музея продолжила темы своих сообщений на конгрессе в Сплите о ранневизантийском серебре. О дохристианских мотивах в декоре некоторых раннехристианских предметов рассказала Э. Клин, интересными были сообщения Д. Джордана о мозаике церкви в Антигоне, Я. Варалиса – о церквах с алтарем в виде трифолия в Греции. К. Снивли раскрыла свое понимание проблемы "церковь и город" на примере Албании. С интересом было выслушано сообщение Ж. Масиеля о памятниках юстинианова эпохи в Португалии. Римские традиции в раннехристианских памятниках Колхиды – тема сообщения Л.Г. Хрушковой.

Отмечу, что албанские археологи старшего поколения – С. Анамали, М. Коркути и др. – тепло вспоминали о своих контактах с русскими коллегами, о годах учебы в нашей стране, говорили о своем желании восстановить утраченные контакты, получать наши специальные журналы, принимать участие в научных мероприятиях в Москве и Петербурге.

На закрытии конференции монсеньор П. Сен-Рок, президент постоянного Инициативного комитета по проведению международных конгрессов и ректор Понтификального института по христианской археологии, сказал: "Я – единственный священник среди вас, и я рад, что наша дисциплина все более освобождается от подхода церковного и апологетического".

Экскурсии позволили ознакомиться с этой красивой страной, богатой памятниками старины. Мы осмотрели города Круй и Берат с их средневековыми крепостями и церквами, античные города Диррахиум (Дуррес) и Аполонию, базилику в Рапае с ее великолепной мозаикой, трехапсидную базилику в Балше. Особое впечатление на всех произвел древний город Бюлис, где С. Мучай раскопал пять крупных базилик, украшенных мозаиками и мрамором. Богат и археологический музей в Тиране. Несомненно, что у христианской археологии в этой стране большое будущее. Конференция, бесспорно, удалась, все участники говорили о высоком уровне ее организации и атмосфере дружеского тепла.

В целом, чтобы дать представление о христианской археологии, какой она сложилась за последние два десятилетия, можно использовать разные определения, например сухие формулировки Ю. Кристерна: изучение "наследия, светского или сакрального, художественного или нехудожественного, эпохи между II и VIII веками" в границах наибольшего расширения римской империи (Christern J., 1980, S. 13) или Г.Р. Зеелигера: "Христианская археология – это историческая наука, она занимается всеми неписьменными источниками по позднеантичному христианству, как и эпиграфикой" (Seeliger H.R., 1985, S. 187).

Но для контраста можно процитировать лирический пассаж из публичной лекции П.-А. Феврье, прочитанной 25 сентября 1986 г. в Гренобле, в рамках XI международного конгресса: "Это археология, которая не забывает ни Венеру, ни Христа, ни базилик, ни домов самых простых или самых роскошных, ни золотых или серебряных изделий, ни черепков, ни кожаных обкладок или других остатков", она открывает "общество во всей его человеческой полноте, общество погребальных тризн и цирковых игр, но также общество, которое живет в ожидании второго пришествия, предвосхищенного конхами апсид от Равенны до Синая" (Fevrier P.-A., 1989, XCIX).

Первую всероссийскую конференцию по церковной археологии, которая прошла во Пскове в ноябре 1995 г., по-видимому, можно рассматривать, с одной стороны, в общем контексте развития христианской археологии в Европе, а с другой – в рамках богатейшей отечественной традиции исследования раннехристианских, византийских и древнерусских памятников (Хрушкова Л.Г., 1991, с. 539, 540; 1995, с. 34–39)[1].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Хрушкова Л.Г., 1991. Христианская археология в СССР // XVIII Международный конгресс византинистов. Резюме сообщений. Т. 1. Москва, 8–15 августа 1991 г. М.

Хрушкова Л.Г., 1993. Христианская археология в Восточном Причерноморье // Палестинский сборник. Вып. 32 (95). СПб.

Хрушкова Л.Г., 1995. Европейская христианская археология; развитие и метод // Церковная археология. Матер. Первой всерос. конф. Ч. 1. Псков, 20–24 ноября 1995 г. СПб.; Псков.

Хрушкова Л.Г., 1996. А. Грабар и христианская археология // Искусство Византии и Древней Руси. К 100-летию со дня рождения Андрея Николаевича Грабара. Тез. докл. конф. Москва, 24–26 сентября 1996 г. СПб.

Acta primi Congressus Internationalis Archaeologiae Christianae, 1993. / Ed. Marin Aem. // Studi di Antichità Cristiana. L. Città del Vaticano.

Actas del VIII Congreso internacional de Arqueologia Cristiana, Barcelona, 5–11 octubre 1969, 1972 // Studi di Antichità Cristiana. XXX. Città del Vaticano.

Actes du Ve Congrès International d'Archéologie Chrétienne, Aix-en-Provence, 13–19 septembre 1954, 1957 // Studi di Antichtà Cristiana. XXII. Città del Vaticano.

Actes du Xe Congrès d'Archéologie Chrétienne. Thessalonique, 28 septembre-4 octobre 1980. Rapports, I; Communications, II. 1984 // Studi di Antichità Christiana. XXXVII. Città del Vaticano.

Actes du XIe Congrès International d'Archéologie Chrétienne, Lyon, Vienne, Grenoble, Genève et Aoste, 21–28 septembre 1986. I–III, 1989. // Studi di Antichità Cristiana. XLI. Città del Vaticano.

Akten des VII Internationalen Kongresses für Christliche Archäologie, Trier, 5–11 September 1965, 1969 // Studi di Antichità Cristiana. XXVII. Città del Vaticano.

Akten des XII Internationalen Kongresses für Christliche Archäologie, Bonn, 22–28 September 1991, 1–2, 1995 // Studi di Antichita Cristiana, LII. Città del Vaticano.

Atti del II Congresso Internazionale di Archeologia Cristiana tenuto in Roma nell'aprile 1900, 1902. Roma.

Atti del III Congresso Internazionale di Archeologia Cristiana, Ravenna, 25–30 Settembre 1932, 1934 // Studi di Antichità Cristiana. VIII. Città del Vaticano.

Atti del IV Congresso Internationale di Archeologia Cristiana, Città del Vaticano, 16–22 Ottobre 1938. V. I, 1940 // Studi di Antichità Cristiana. XVI. Città del Vaticano.

Atti del IV Congresso Internationale di Archeologia Cristiana, Città del Vaticano, 16–22 Ottobre 1938, V. II, 1948 // Studi di Antichità Cristiana. XIX. Città del Vaticano.

Atti del VI Congresso Internazionale di Archeologia Cristiana, Ravenna, 23–30 Settembre 1962, 1965 // Studi di Antichità Cristiana. XXVI. Città del Vaticano.

Atti del IX Congresso Internazionale di Archeologia Cristiana, Roma, 21–27 Settembre 1975, I–II, 1978 // Studi di Antichità Cristiana. XXXII. Città del Vaticano.

Christern J. 1980. Christliche Archäologie // Mitteilungen des Deutschen Archäologenverbandes, 11, H. 2.

Février P-A., 1989. Une Archéologie Chrétienne pour 1986 // Actes du XIe Congrès International d'Archéologie Chrétienne. V. 1. Città del Vaticano.

Kakovkine A., 1975. De certains monuments coptes de l'Hermitage // Resümees der Plenumsvorträge und Kurzreferate. Akten des XII Internationalen Kongresses. T. 2. Città del Vaticano.

Khatchatrian A., 1962. Les baptistères paléochrétiens. Plans, notices et bibliographie. Paris.

Khatchatrian A., 1982. Origine et typologie des baptistères paléochrétiens. Mulhouse.

Khroushkova L.G., 1989. Pitiunt et le littoral oriental de la mer Noire à l'époque paléochrétienne // Actes du XIe Congrès International d'Archéologie Chrétienne. V. III. Città del Vaticano.

[1] Пользуюсь случаем выразить мою признательность Католическому комитету по культурному сотрудничеству, и в частности, ее секретарю о.И. Маю за возможность в течение двух месяцев 1996 г. работать в Риме, в Понтификальном институте по христианской археологии, и ректору этого Института монсеньору проф. Патрику Сен-Року за любезное и многообразное содействие моей работе.

Khroushkova L., 1995. Une église octogonale à Sebastopolis en Abkhazie // Akten des 12 Internationalen Kongresses. T. 2. Città del Vaticano.

Khroushkova L.G., 1997a. G.B. de Rossi, fondateur de l'Archéologie chrétienne et N.P. Kondakov, fondateur des études d'art byzantin en Russie: deux traditions culturelles // Acta XIII Congressus Internationalis Archaeologiae Christianae, Split-Poreč, 25.9–1.10. 1994. Città del Vaticano.

Khroushkova L.G., 1997b. Les édifices chrétiens de l'époque justinienne en Colchide: chronologie et topographie // Actas XIII Congressus Internationalis Archaeologiae Christianae, Split-Poreč, 25.9–1.10.1994. Città del Vaticano.

Marrou H.-I., 1975. Rapport sur la réunion du IXe Congrès International d'Archéologie Chrétienne // Académie des Inscriptions et Belles-Lettres. Comptes-rendus nov.-déc. Paris.

Neumann G.A., 1895. Relazione del I Congresso Internazionale degli archeologi cristiani tenuto a Spalato-Salona nei giorni 20–22 Agosto 1894. Spalato.

Nikolaeva E., 1991. Das Christentum im Gebiet des Bosporus im 6 Jahrhundert n. Cr. // Resümees der Plenumsvorträge und Kurzreferate. 12 Internationaler Kongress für Christliche Archäologie, Bonn 22 bis 28 September. Bonn.

Saxer V., 1988. Les rites de l'initiation chrétienne. Spoleto.

Seeliger H.R., 1985. Christliche Archäologie oder Spätantike Kunstgeschichte? Aktuelle Grundlagenfragen aus der sicht der Kirchengeschichte // Rivista di Archeologia Cristiana. LX. 1–2.

Sodini J.-P., 1993. La contribution de l'archéologie à la connaissance du monde byzantin (IV–VIIe siècles) // Dumbarton Oaks Papers. V. 47.

Spätantike und Früches Mittelalter. Ausgewählte Denkmäler im Rheinischen Landesmuseum Bonn. Hrsg. J. Engemann und C.B. Rüger. Köln; Bonn, 1991.

Wilpert G., 1929–1936. I sarcofagi cristiani antichi, I–III. Città del Vaticano.

Zalesskaya V., 1991. La fête de Rodismos et les euloges de l'église de Saint-Jean à Ephèse // Resümees der Plenumsvorträge und Kurzreferate. 12 Internationaler Kongress für Christliche Archäologie, Bonn 22 bis 28 September. Bonn.

Российский государственный
гуманитарный университет, Москва

Критика и библиография

НАСЛЕДИЕ СОВЕТСКОЙ АРХЕОЛОГИИ

(Антология советской археологии. Т. 1–3. М., 1995–1996)

За последние 10 лет в России произошли беспрецедентные изменения, кардинально повлиявшие на судьбы всех ее обитателей без исключения. Многие люди, прожившие значительную часть своей сознательной жизни в советскую эпоху, воспринимают эти изменения в драматическом свете. В особенности это касается пересмотра прежней системы ценностей и приоритетов, что ставит многих в затруднительное положение: а так ли была прожита жизнь, не напрасно ли потрачены годы, имеет ли будущее то, что было создано твоими руками или все усилия прошли впустую? В немалой степени это волнует интеллигенцию, связавшую свою жизнь с общественными науками. Действительно, известно, как остро стоят сейчас вопросы о том, какую роль играли эти науки в советское время, кому они служили, имели ли они какие-либо достижения вообще. Не менее важно понять, что и каким образом они могут дать современному обществу и что само это общество ожидает от них (Шнирельман В.А., 1997а).

Касается это и археологии, значение которой в последние годы вышло далеко за рамки академической науки. Не секрет, что археологические данные сейчас активно используются националистической литературой, развивающей самые разные концепции древней истории, в первую очередь связанные с происхождением тех или иных народов. Вряд ли стоит говорить о том, насколько все они далеки от настоящей науки и ее методологии. Между тем они, безусловно, отражают определенный социальный заказ и пользуются некоторой популярностью. Мало того, в наше время использование археологических материалов и концепций националистами и этнонационалистами представляет собой глобальное явление, а не ограничивается только лишь Россией (Nationalism, politics and practice..., 1995; Nationalism and archaeology..., 1996; Nationalism and archaeology in Europe..., 1996). Поэтому указанную тенденцию вряд ли стоит оставлять без внимания.

Важно подчеркнуть, что националистически настроенные авторы нередко предъявляют претензии к профессиональной археологии, заявляя, что в силу тех или иных идеологических соображений археологи намеренно скрывают от общественности факты первостепенной важности. Так, известный художник Илья Глазунов выступил недавно с утверждением о том, что советские археологи, и в частности акад. Б.А. Рыбаков, недостаточно внимания уделяли изучению древней истории славян и в особенности игнорировали вопрос о славянских древностях в прибалтийских землях и Центральной Европе. Мало того, в числе других советских ученых он обвиняет Б.А. Рыбакова в уступках норманнизму (sic. – *В.Ш.*) (Глазунов И.С., 1996, № 3, с. 239, № 8, с. 213–221).

Одна из газет современных русских неоязычников расширяет список "прегрешений" археологов перед русской общественностью. Оказывается, археологи злонамеренно скрывают от народа факты о том, что 10 тыс. лет назад русские ведуны создали обсерваторию на Куликовом поле, что найдена легендарная столица русичей Голунь с "праславянскими письменами" первой половины II тыс. до н. э. (Трехлебов А., 1995, с. 5, 6) и, наконец, что на Южном Урале обнаружена могила Заратуштры и именно там располагался важнейший духовный арийский центр (Томин А., 1994, с. 4).

В свою очередь объявивший себя этнологом М. Аджиев обвиняет археологов в сокрытии правды о якобы великих достижениях древних тюрков. На его взгляд, археологи лукавят, сознательно выдавая половецкую материальную культуру за славянскую. Для него не

© В.А. Шнирельман, 1998 г.

составляет тайны, что "кипчакские курганы и те сегодня называются русскими, славянскими" (Аджиев М.И., 1994). Он верит в то, что археолог может с легкостью отличить тюркскую культуру, "которая не похожа ни на славянскую, ни на какую другую...". Он убежден в том, что половцы и их потомки имели ни с чем не сравнимый физический тип и их без труда можно узнать по черепам (Аджиев М.И., 1992, с. 97).

Факты подобного рода можно было бы легко умножить. Но и без того ясно, что в наши дни в глазах общественности археология приобретает особое значение. Определенной части общества археология начинает казаться важнейшей и единственной наукой, способной однозначно ответить на "основополагающие вопросы бытия", связанные с происхождением и ранней историей современных народов. При этом ожидается, что археология осветит именно самые славные страницы из жизни данного народа и его "великих" представителей. Короче, речь идет о культивации сугубо этнонационалистического подхода к задачам и миссии археологии как науки. Как этнонационалисты представляют задачи археологии? Вот, что пишет, например, Илья Глазунов: "Археология становится наукой, когда отвечает на вопросы расового или религиозного происхождения ушедших культур". А советской археологии он вменяет в вину то, что она была "лишена научного расово-национального подхода" (Глазунов И.С., 1996, № 3, с. 239).

Нужно ли говорить о том, что все это ставит перед археологами совершенно особые задачи, среди которых немаловажной являются оценка и переоценка вклада, сделанного в науку советской археологией? В этом смысле рецензируемая антология является более чем современной. Вместе с тем нельзя не отметить всю сложность и ответственность задач, стоявших перед ее составителями. Главная из этих задач заключалась в том, по каким критериям производить отбор авторов и их произведений. По какому же пути пошли составители антологии В.И. Гуляев, Н.Я. Мерперт, А.А. Формозов, А.И. Шкурко?

Во-первых, они справедливо ограничили подборку материалов первым наиболее драматичным сорокалетием (1917–1956 гг.), когда происходило становление советской археологии и закладывался ее методологический и концептуальный фундамент. Во-вторых, за редчайшими исключениями, в антологии представлено творчество археологов Ленинграда и Москвы. В-третьих, в нее включались "работы, наиболее характерные для последовательных периодов развития данной науки", "особое внимание было уделено исследованиям, сохранившим по сей день свое научное значение, но опубликованным ограниченными тиражами и в труднодоступных изданиях" (Мерперт Н.Я., 1995, с. 3).

Иными словами, было принято, видимо, единственно правильное компромиссное решение, позволившее при достаточно скудных издательских возможностях максимально полно осветить исторический путь советской археологии. Все же разные периоды оказались представленными в разной степени, и составителям не удалось строго выдержать периодизацию, разработанную А.А. Формозовым (1995а). Так, первый том посвящен периоду 1917–1933 гг. (кстати, неясно, почему он заканчивается 1933, а не 1934 г., когда, собственно, и начался новый коренной переворот в исторических науках, инициированный директивными указаниями И.В. Сталина, С.М. Кирова и А.А. Жданова), а второй – 1930-м годам в целом. И хотя составители превосходно сознают всю специфику периода 1930–1934 гг. (Мерперт Н.Я., 1995, с. 10–14; Формозов А.А., 1995б, с. 3–7; см. также: Формозов А.А., 1995а, с. 43–57), тем не менее в антологии он оказался разорванным – часть материалов (работы Равдоникаса, Быковского, Марра, Кипарисова) оказались опубликованными в т. 1, другая часть – в т. 2. Остается также неясным, что означает деление т. 1 на три части. Ведь по сути материалы двух последних его частей охватывают самый конец 1920-х – начало 1930-х годов, а в первой публикуются статьи только таких патриархов отечественной археологии, как А.А. Спицын, В.А. Городцов, С.А. Жебелев, Б.В. Фармаковский, а также историка Ю.В. Готье. Можно было бы поспорить и относительно хронологических рамок, охваченных т. 3 (1941–1956 гг.). На мой взгляд, разрыв начала 1940-х годов оправдан лишь внешнеполитическим событием – Великой Отечественной войной. Что же касается собственно археологии, то тенденции, наметившиеся в ее идеологии в 1934–1936 гг., непрерывно развивались до 1953 г. и перелом почувствовался за несколько лет до XX съезда КПСС, хотя последний, безусловно, придал ему мощный дополнительный импульс (об этом см. Шнирельман В.А., 1993а; Shnirelman V.A., 1995a; 1996a).

Наиболее неравномерно и, пожалуй, недостаточно освещенными оказались 1920-е годы. Хорошо, конечно, что первый том дает представление о таких популярных тогда направлениях археологии, как эволюционное (В.А. Городцов), художественно-историческое (С.А. Жебелев), "бытовая археология", постепенно переросшая в этногенез (А.А. Спицин, Ю.В. Готье), и, наконец, становление "поселенческой археологии"

(Б.В. Фармаковский). Однако этим дело не ограничивалось. Ведь не секрет, что русская археология начала XX в. существенно отставала от западноевропейской, и об этом неоднократно свидетельствовали современники (см., напр.: Ефименко Н.Н., 1923, с. 95; Miller M.A., 1956, p. 36). Правда, сейчас имеются и прямо противоположные оценки (см., напр.: Лебедев Г.С., 1992, с. 400, 403; Мерперт Н.Я., 1995, с. 6). Именно поэтому нельзя не признать, что в 1920-е годы в советской археологии происходили чрезвычайно важные процессы: во-первых, контингент археологов значительно расширился и именно тогда в науку пришли люди, которые полностью раскрылись в течение двух последующих десятилетий (ведь нельзя забывать, что только в 1920-е годы в стране началась целенаправленная подготовка профессиональных археологов, и Г.С. Лебедев (1992, с. 427) справедливо называет это время "золотым веком" археологического преподавания); во-вторых, лавинообразный рост краеведения и "пробуждение" нерусских народов стремительно раздвинули пространственные и тематические рамки археологии (в этом отношении показательна обзорная статья А.Н. Лявданского, посвященная Белоруссии. Однако, как представляется, не менее информативные обзоры можно было бы найти и в украинской историографии тех лет); наконец, в-третьих, появление новых концепций, новой проблематики и новых методов исследования позволяет говорить об истинном многоцветии археологической палитры той эпохи.

Одним из примеров служит расцвет в той области знания, которую можно было бы назвать "мусульманской археологией" (исследования Ф.В. Баллода, А.С. Башкирова, И.Н. Бороздина и др.). Не менее интересной страничкой в истории 1920-х годов были поиски готских и норманнских памятников на Волге и в ряде других районов (об этом вкратце упоминается в текстах А.А. Спицына и Ю.В. Готье). К сожалению, исследования такого рода не нашли никакого отражения в антологии. В 1920-е годы были опубликованы некоторые ныне забытые программные статьи, которые хорошо характеризуют климат той эпохи, даже если их авторы и не смогли в силу тех или иных обстоятельств реализовать свои намерения. Верно, что палеоэтнологическое направление возглавлялось Б.Г. Жуковым, чья основополагающая работа справедливо включена в трехтомник. Однако первая в советской науке программная статья, дававшая определение археологической культуре, связывавшая ее с этносом и призывавшая к всемерному развитию этногенетических исследований, была опубликована П.П. Ефименко (1923), и она может считаться классическим изложением археологического подхода к этногенезу. В том же году вышла статья В.А. Щавинского, по сути предвосхитившая становление этноархеологии (Щавинский В.А., 1923), и не вина автора, что это перспективное направление исследований сформировалось и развилось далеко за пределами нашей страны через несколько десятилетий после того, как он сформулировал некоторые его задачи (об этноархеологии см.: Шнирельман В.А., 1984; 1990; 1993б; 1995а). Иными словами, наследие 1920-х годов остается в значительной степени недооцененным, и долг будущих исследователей закрыть эту лакуну в наших знаниях.

Впрочем, в т. 1 хорошо показано, как эволюционное и палеоэтнологическое направления постепенно начали давать плоды – применение статистической обработки каменных орудий позволило усовершенствовать схему развития палеолитических и эпипалеолитических индустрий и наметить внутри них региональные различия (Г.А. Бонч-Осмоловский, М.Я. Рудинский). Еще дальше по этому пути пошли исследователи неолита, начавшие выделение локальных культур и культурных комплексов, которые палеоэтнологический метод требовал однозначно отождествлять с древними этническими образованиями (Б.С. Жуков, Г.Ф. Дебец). К этой же серии работ примыкает и классическое исследование С.А. Теплоухова о первобытных культурах Минусинской котловины, поставившее вопрос о тесной связи древних этнических, или "культурно-бытовых", зон с географическими районами.

Важно подчеркнуть, что все эти идеи и подходы стали той основой, на которой продолжалось развитие советской археологии начиная со второй половины 1930-х – 1940-х годов. Они в ходу и сейчас, хотя за последние десятилетия появились данные, заставляющие по-новому подходить к тем вопросам, которые ставили археологи конца 1920-х годов. Скажем, полное доверие Г.А. Бонч-Осмоловского к результатам статистической обработки материалов с базовых стоянок в настоящее время вызывает определенные сомнения. Ведь, как показывают этноархеологические данные из Австралии, аборигены пустыни в своей практической деятельности больше всего пользовались так называемыми орудиями одноразового применения, которые они тут же и выбрасывали. Поэтому на их базовых стоянках можно найти в основном лишь многофункциональные орудия, которые на

самом деле составляли 0,05% всех использованных орудий (Шнирельман В.А., 1984, с. 108). Аналогичным образом далеко не всегда надежен палеоэтнологический метод, безоговорочно отождествляющий культурный ареал, маркированный керамикой особого стиля, с древней этнической группой. Имеются интересные этноархеологические данные, позволяющие ставить такого рода отождествления под сомнение (Шнирельман В.А., 1993б). Да и вообще отождествление археологической культуры с этносом представляется весьма спорным занятием (см.: Werbert B., 1996). Поэтому тексты, включенные в антологию, возможно, требовали бы определенных комментариев, что следует предусмотреть в дальнейшем при составлении аналогичных антологий. В насущной же потребности новых аналогичных изданий сомневаться не приходится.

Как бы то ни было, весьма продуктивная деятельность советских археологов 1920-х годов требовала не менее эффективного продолжения, связанного как с развитием достигнутого, так и с его критической переработкой, тем более что к концу рассмотренного периода появились молодые профессионалы, способные это сделать. Серьезные изменения были неизбежны. Но, как ни печально это сознавать, в нашем случае они были обусловлены факторами, далекими от науки, и привели к полному разрыву преемственности и даже к научным потерям, не говоря уже о потерях чисто человеческих – ломках индивидуальных судеб, вытеснении способных людей из сферы науки и, наконец, – что никак невозможно простить, – к физической гибели десятков археологов. К сожалению, именно на этом фоне произошел поворот к социально-экономической тематике и интернационалистическим установкам (Шнирельман В.В., 1993а; Формозов А.А., 1993).

Вместе с тем характерно, что не только те энтузиасты, которые рассматривают переворот в археологии начала 1930-х годов как безусловно плодотворный (Генинг В.Ф., 1982; Пряхин А.Д., 1986), но и те, кто видит в нем трагедию, признают, что поворот археологов к социально-экономическим проблемам, разработка ими "теории стадиальности" и применение соответствующих новых методических приемов имели позитивное значение для нашей науки. По словам А.А. Формозова, "обстановка дискуссий в ГАИМК первой половины 1930-х годов, как бы дико они ни проходили, в какой-то мере стимулировала поиски новых решений, оригинальность разработок" (Формозов А.А., 1995а, с. 53, 60–63; см. также: Мерперт Н.Я., 1995, с. 10; Формозов А.А., 1995б, с. 5; Miller M.A., 1956, p. 79, 80). Впрочем, нельзя не согласиться с ним в том, что уже русская историческая наука рубежа XIX–XX вв., в особенности специалисты московской школы, начали всерьез интересоваться социально-экономической тематикой и даже участвовать в археологических исследованиях (см., напр.; Формозов А.А., 1995в).

Рано или поздно это неизбежно должно было затронуть и археологию, тем более что по самому своему характеру первичные источники как бы "обрекали" ее на этот путь (Формозов А.А., 1995а, с. 38; 1995б, с. 4). Действительно, такая потребность ощущалась. В 1920-е годы многие специалисты начали осознавать недостаток прежних подходов и с энтузиазмом приняли идею о необходимости изучения социально-экономических основ любого общества. Скажем, в середине 1920-х годов к этому обратился известный украинский историк Д.И. Багалей (Багалій Д.И., 1928), а вскоре после этого была опубликована фактически программная статья А.Я. Брюсова (1928), которой, к сожалению, не нашлось места в рассматриваемой антологии. Еще дальше по этому пути продвинулся С.В. Киселев, чья статья "Поселение", заслуженно включенная в антологию, призвана была привлечь особое внимание к хозяйственным основам общественной эволюции. Не лишне отметить, что по своему духу эта работа выгодно отличалась от современной ей немецкой "поселенческой археологии" (Siedlungsarchaologie), которая имела явный этнонационалистический крен (Лебедев Г.С., 1992, с. 334–338).

Имеется еще одна весьма деликатная проблема, которую по понятным причинам обходят наши ученые, обращающиеся к историографии 1920-х – начала 1930-х годов. Ей не нашлось места даже в превосходной во всех остальных отношениях монографии Г.С. Лебедева (1992). Это вопрос о влиянии на нашу археологию этнонационалистических тенденций в интерпретациях древнейших периодов истории. В 1920-е годы эти тенденции отражали определенные центробежные устремления, порождали межнациональную напряженность и воспринимались Советским государством как действующие наперекор его централизаторской политике (об этом см.: Шнирельман В.А., 1993а; 1995б; Shnirelman V.A., 1995a; 1996). Поэтому изучение этногенетических проблем, начатое археологами, особенно палеоэтнологического направления, вызвало у центральных властей подозрения, переросшие к концу 1920-х годов в полное неприятие. Дело усугубили распространявшиеся с

Запада гипермиграционистские и расистские концепции, использовавшиеся для обоснования территориальной экспансии.

Именно эти концепции стали предметом пристального внимания археологов ГАИМК в начале 1930-х годов. Тогда появилась серия статей, направленных против гипермиграционизма и расизма и содержавших достаточно аргументированную критику таких взглядов, основные моменты которой и сейчас сохраняют свою актуальность. Среди таких работ можно выделить серию статей И.И. Мещанинова (одна из них наряду с аналогичной по духу статей Е.Ю. Кричевского опубликована в антологии. См. также статьи И.М. Мещанинова (1931) и В.И. Равдоникаса (1932а, б; 1935), в которых давалась справедливая критика попыток вовлечь археологию в сферу "большой политики" и использовать ее данные для обоснования территориальных претензий (см. также: Богаевский Б.Л., 1931 и др.). В особенности это касалось польско-немецкого спора относительно этнической принадлежности создателей лужицкой культуры, который имел достаточно серьезный политический резонанс. Кстати, к этому спору весьма критически относятся и современные польские археологи (Raczkowski W., 1995, p. 203–208), и польская общественность. Достаточно сказать, что к середине 1980-х годов упоминания о поселении Бескупин, которые прежде с завидной последовательностью вставлялись во все польские школьные учебники истории, полностью из них исчезли. А в новом польском туристическом путеводителе по Бискупину лужицкая культура уже не ассоциируется с праславянами (Werbert B., 1996).

Другое дело, что обсуждение подобного рода проблем в советской археологии начала 1930-х годов велось в совершенно особом политическом климате, было без всяких оговорок направлено против практически любого "буржуазного вещеведения" и в конечном счете оборачивалось против тех советских археологов, которых удавалось обвинить в соответствующих "прегрешениях". И это вело к необоснованным репрессиям. Тем не менее, тогда советской археологии был привит определенный иммунитет против расизма и гипермиграционизма, который, хочется верить, не утрачен и ныне. И именно сегодня, когда новоявленные русские нацисты подхватили "арийскую теорию" и очень активно ссылаются на археологию (Шнирельман В.А., 1997б, 1998), напомнить обо всем этом было бы весьма кстати.

Это особенно важно в наши дни, когда, во-первых, самые разные этнонационалисты активно обращаются к археологии, чтобы обнаружить глубокие корни своих культур (об этом см.: Шнирельман В.А., 1993а; 1996; Shnirelman V.A., 1995b; 1996b; 1998), и во-вторых, именно в связи с этим на профессиональных археологов снова накатывает волна идеологического, на этот раз этнонационалистического, прессинга и они подвергаются обвинениям за то, что скрывали от народа "правду" – будь то "погребение пророка Заратуштры" в Синташте, или "славяно-ариях" в Средней Азии и на Южном Урале, или "древнерусском неолитическом святилище" на Куликовом поле, или "тюркской принадлежности скифов" и т.д.

В антологии "социологический подход" к археологии представлен работами В.И. Равдоникаса, С.Н. Быковского, Н.Я. Марра и Ф.В. Кипарисова. Они, безусловно, помогут читателю не понаслышке, а из первых уст узнать об особенностях этого направления и всей его противоречивости. Не говоря уже о политизированности и заидеологизированности этого направления, адвокаты которого направляли львиную долю своей энергии не столько на развитие науки, сколько на борьбу со своими инакомыслящими коллегами, сам "социологический подход" в изложении указанных авторов отличался разительными противоречиями. Ведь, с одной стороны, они настаивали на том, что конечной задачей этого подхода была реконструкция древних обществ во всей их целостности (кстати, полезность такой постановки вопроса вряд ли может вызвать сомнения). Однако, с другой стороны, безоговорочно выступая против "буржуазного вещеведения" и "формально-типологического метода", они фактически лишали этот подход источниковедческой базы, игнорируя саму специфику археологических источников и необходимость выработки весьма специфических методов их обработки. Наконец, оставалось неясным, как можно совместить задачу общесоциологических реконструкций с неоднократно прокламировавшейся в качестве приоритетной гораздо более узкой целью изучения именно материального производства. Кстати, профессионал В.И. Равдоникас гораздо тоньше чувствовал эти нюансы, чем такие дилетанты, как С.Н. Быковский и Ф.В. Кипарисов.

Был ли период 1930–1934 гг. полностью бесплодным и потраченным впустую советскими археологами? Материалы, включенные в антологию, категорически восстают против этого. Именно в эти годы были опубликованы ставшие классическими работа П.П. Ефименко о

роли женщины в позднем палеолите (где впервые формулировалась гипотеза об оседлости палеолитических охотников и по-новому ставился вопрос об их духовных представлениях), исследование П.Н. Третьякова о неолитических рыболовах-охотниках и земледельцах-скотоводах лесной зоны (этот автор широко, хотя и не всегда достаточно критически, использовал этнографические аналогии. В частности, он первым высказал гипотезу о связи керамической орнаментации с локальностью брачного поселения. Позднее она вызвала весьма продуктивную дискуссию, но, к сожалению, не в нашей, а в американской археологии. См.: Шнирельман В.А., 1993б, с. 4, 5), новаторские по духу исследования комиссии по истории скотоводства, представленные в антологии статей В.В. Гольмстен (о роли этих исследований и дискуссии вокруг них см.: Шнирельман В.А., 1980, с. 26–28), ее же чрезвычайно важная в методическом плане статья о развитии военного искусства у ранних кочевников, фактически программная статья А.А. Миллера о настоятельной необходимости детального изучения сырья для производства каменных и металлических орудий и их функций, всесторонний анализ проблем хронологии, произведенный А.В. Шмидтом, обобщающее исследование Г.П. Сосновского о палеолите и раннем неолите Сибири. Тогда же Г.В. Боровка выступил с основополагающим докладом о тенденциях хозяйственного и социального развития в евразийских степях в бронзовом и особенно раннем железном веке, где доказывал правомерность расширительного понимания "скифского мира". Тезисы этого доклада публикуются впервые в т. 2 антологии.

Конечно, эти работы так или иначе отдавали дань догматизированным положениям схемы Моргана – Энгельса и некритически апеллировали к весьма сомнительным построениям Н.Я. Марра. Но таков был дух эпохи, и без демонстрации лояльности ему специалисты не имели возможности работать. Не лишне напомнить, что двое из названных авторов, А.А. Миллер и Г.И. Боровка, были в эти годы репрессированы и погибли в заключении. Тем не менее, о застое археологической мысли говорить не приходится, и нельзя сказать, чтобы упомянутые авторы бездумно следовали всем положениям, которые формулировались С.Н. Быковским и В.И. Равдоникасом. Внимательное прочтение их работ показывает, что, систематизируя конкретные материалы, некоторые из них отважно отходили от принципа стадиальности и пытались выделять локальные культурные варианты. Другой вопрос – как они их выделяли и интерпретировали, но это – предмет особого разговора.

В то же время в разумных пределах "стадиальный подход" вполне мог применяться, особенно если речь шла о создании эволюционной культурно-хронологической шкалы для достаточно узких ареалов. По этому пути, проложенному еще В.А. Городцовым, шли молодые археологи А.П. Круглов и Г.В. Подгаецкий и их старший современник П.С. Рыков, работы которых отчетливо демонстрируют как сильные (создание культурно-хронологической шкалы), так и слабые (полное доверие к априорной гиперавтохтонистской концепции и использование социологических схем без попыток их глубокого фактологического обоснования) стороны этого подхода. К центральным районам России аналогичный подход был применен А.В. Арциховским.

"Стадиальный подход", воспринятый некритически, гораздо хуже работал в отношении социальных реконструкций. Это демонстрирует помещенная в антологии статья А.П. Смирнова, который всеми силами стремился доказать рабовладельческий характер скифского общества. Под рабовладением он понимал такой строй, где "производство базируется на рабах", но, хотя наличие рабов у скифов предоставляется несомненным фактом (Хазанов А.М., 1975, с. 133 сл.), до сих пор остается открытым вопрос о том, каким образом по археологическим данным можно измерить степень участия рабов в кочевом хозяйстве, если это вообще можно сделать. В том же плане была написана и работа А.В. Арциховского о становлении феодализма на Руси, которая по сути была посвящена определенным тенденциям в развитии хозяйства и торговли. Что же касается становления классового общества и государственности, то эта работа ставила больше вопросов, чем давала ответов. Иными словами, как это ни парадоксально, "стадиальный подход" хуже всего справлялся именно с той задачей, для решения которой он был предназначен, – с социальными реконструкциями. И происходило это по причине слабой разработанности проблем интерпретации имевшихся археологических материалов. В этом и была беда "стадиального подхода" и "социологических построений" тех лет, ибо они не уделяли достаточного внимания природе самих археологических источников и методике их использования для получения социологических выводов.

Период середины – второй половины 1930-х годов открывается установочной статьей С.Н. Замятнина о палеолите Кавказа, которая написана во вполне академическом стиле и

лишена каких-либо намеков на "социологизм". По-видимому, это следствие тех крупных изменений, которые происходили в 1934–1936 гг. в исторической науке в целом и в археологии в частности (Формозов А.А., 1995б, с. 7). Только в новых условиях и стало возможным возвращение к скрупулезному анализу археологических источников, примером которого являются блестящие этюды М.В. Воеводского и М.В. Фармаковского[1], посвященные всестороннему анализу керамики; классическая работа А.А. Иессена о происхождении и ранней истории металлургии на Кавказе; классификация бронзовых кельтов Минусинской котловины, проделанная М.П. Грязновым. В риторике начала 1930-х годов все эти исследования можно было бы характеризовать как вещеведческие, но насколько далеки они от "вещеведения" первой половины 1920-х годов. Предшествующее десятилетие не прошло даром! Об этом свидетельствует и обобщающая статья М.И. Артамонова, подводящая итоги археологических исследований в СССР к 1940 г., в которой дается общая схема развития первобытного общества (прежде всего первобытных хозяйственных систем), которая в своих основных моментах не устарела и до настоящего времени (самое существенное уточнение, которое заслуживает упоминания, касается убеждения М.И. Артамонова в автохтонном сложении земледелия и скотоводства на территории СССР, что было явной уступкой гиперавтохтонизму и, судя по современным данным, не соответствует действительности).

Вторая половина 1930-х годов ознаменовалась мощным поворотом археологии к этногенетической тематике, которая с тех пор стала "одним из наиболее значительных направлений в археологии" (Мерперт Н.Я., 1995, с. 12; Гуляев В.И., 1996, с. 8). В известной мере это было возвратом к традициям дореволюционной русской археологии. Ведь как тогда понимался "историзм", о котором пишет Н.Я. Мерперт (1995, с. 4, 5)? Прежде всего как этногенетический подход, увязывающий те или иные археологические памятники с какими-либо древними племенами или народами! Действительно, эта проблематика возникла в России еще во второй половине XIX в. Но разрабатывалась она достаточно однобоко – с упором прежде всего на происхождение и раннюю историю славян. Если специалисты касались далекого прошлого других народов, то имея в виду прежде всего их интеграцию и ассимиляцию (см., напр.: Уваров А.С., 1873). На этой основе выросли откровенно шовинистические версии истории России и русского народа (см., напр.: Флоринский В.М., 1894; Ковалевский П.И., 1912).

Во второй половине 1930-х годов была сделана попытка подойти к этой проблеме более сбалансированно. Руководитель авторского коллектива обобщающего труда "История СССР с древнейших времен до образования древнерусского государства" М.И. Артамонов ориентировал авторов на написание истории всех живых и исчезнувших народов, когда-либо населявших эту территорию. Хорошо, что его установочная статья на эту тему также включена в антологию. К сожалению, по известным причинам баланса не получилось и основные работы развернулись в области этногенеза восточных славян, которые быстро свернули все в то же шовинистическое русло (Шнирельман В.А., 1993а, с. 61–64; Miller M.A., 1956, p. 111, 112, 133–146). Составители антологии это признают (Формозов А.А., 1995а, с. 75, 76; Гуляев В.И., 1996, с. 8). Между тем политическая подоплека этногенетической проблематики слабо представлена в трехтомнике, а деятельность специальной комиссии по этногенезу, созданной при АН СССР под руководством А.Д. Удальцова (Аксенова Е.П., Васильев М.А., 1993), не упомянута вовсе. На самом деле эта тема заслуживала бы более обстоятельного обсуждения, причем во всей ее противоречивости. Ведь есть все основания полагать, что, скажем, щедрое финансирование скифо-сарматских исследований во второй половине 1940-х – начале 1950-х годов не в последнюю очередь было обязано конъюнктурной идее о генетической связи славян со скифами (ср.: Лебедев Г.С., 1992, с. 184). На рубеже 1940-х – 1950-х годов некоторые авторы для доказательства русского приоритета шли на прямые подлоги и не гнушались использовать фальшивки (Козлов В.П., 1994, с. 5, 6, 183, 184). Не обошло это и археологию. Все это не мешало бы вспомнить именно сейчас, когда к обсуждению проблем древности иной раз вновь привлекаются фальшивки ("Влесова книга", "Джагфар тарихы" и др.).

Как бы то ни было, в антологию включены некоторые важные работы, позволяющие судить о методике и направлениях развития этногенетических изысканий в СССР. Это исследование А.П. Окладникова о Сибири и Дальнем Востоке, В.Н. Чернецова о формировании финно-угров, Х.А. Моора о сложении эстонского наряда, Б.А. Куфтина о корнях грузинской культуры, М.А. Артамонова о происхождении скифов,

[1] В подписи под статьей и в оглавлении его инициалы ошибочно заменены на Б.В.

А.И. Тереножкина, П.Н. Третьякова и И.И. Ляпушкина о происхождении и ранней культуре славян, А.П. Смирнова о волжских булгарах. В методологическом плане к этому блоку примыкают исследования Т.С. Пассек и С.Н. Бибикова о трипольской культуре. Многие из отмеченных работ еще не свободны от наследия "стадиального подхода". Вместе с тем все они справедливо исходят из сложного многокомпонентного состава современных народов, пытаются проследить историю сложения этих компонентов и уделяют большое внимание взаимовлиянию культур. И это – один из самых ценных моментов в наследии советской археологии, который, безусловно, следует сохранить.

Внимание читателя, несомненно, привлечет отрывок из книги А.Я. Брюсова "История древней Карелии", в котором ставится вопрос об относительности понятия "археологическая культура" (АК) и его неоднозначном содержании и связи прежде всего с "единством быта", а не "единством расы или народа". Высказанные им тогда мысли полезно вспомнить хотя бы потому, что позднее и сам он, и многие другие советские археологии придали АК более жесткий этнический смысл, что проявилось, скажем, в работах М.Е. Фосс, одна из которых включена в антологию (об этом см.: Shnirelman V.A., 1995a, p. 132).

Из остального содержания антологии следует упомянуть обобщающие работы П.И. Борисковского об изучении палеолита в СССР, О.Н. Бадера об археологии Урала, Н.Н. Воронина о Древней Руси, В.Ф. Гайдукевича о городах Боспора, Б.Б. Пиотровского об исследованиях в Закавказье, А.Ю. Якубовского, А.Н. Бернштама и С.П. Толстова о Средней Азии, С.В.Киселева о Монголии, позволяющие судить о размахе и достижениях археологических исследований в отдельных регионах. Неоспорим и поистине бесценен вклад советских археологов в изучение проблемы формирования и развития скотоводческого хозяйства, прежде всего кочевничества в степной зоне (Б.А. Латынин, М.П. Грязнов). Весьма перспективными представляются и попытки С.Н. Бибикова (1965; 1969) разрабатывать методы плеоэкономического и палеодемографического моделирования. В общих чертах основные моменты этого подхода были намечены им в его ранней работе о поселении Лука-Врублевецкая, отрывок из которой приводится в антологии. Возможности для проведения такого рода исследований в нашей стране неисчерпаемы (см., напр.: Шнирельман В.А., 1993в), но нельзя сказать, чтобы ими широко пользовалась основная масса археологов.

Впрочем, прежде чем археолог может приступить к палеоэкономическим или палеосоциологическим реконструкциям, охватывающим широкие районы, он должен иметь четкие представления о хронологической последовательности местных памятников и культурной вариативности. В этом отношении советскими археологами было сделано чрезвычайно много. Одно из классических исследований такого рода, посвященное степной бронзе и принадлежащее перу О.А. Кривцовой-Граковой, публикуется в антологии. Ту же направленность имели работы Г.К. Ниорадзе о раскопках в Алазанской долине и А.И. Тереножкина об изучении древностей Согда.

Советские исследователи доказали, что археология способна ставить и решать исторические проблемы, причем связанные не только с этногенезом. В этом отношении большой интерес представляют включенные в антологию работы А.Н. Рогачева, поставившего вопрос о возможности проследить пути перекочевок отдельных палеолитических общин: Е.И. Крупнова, продемонстрировавшего археологически правдивость сообщений древних авторов о пребывании скифов на Кавказе; Б.Н. Гракова, попытавшегося привлечь археологические данные для обсуждения проблемы амазонок; С.Н. Толстова, всегда опиравшегося на комплексное использование древних письменных и археологических источников и смело привлекавшего этнографические параллели. И хотя не все построения этих авторов кажутся сейчас вполне приемлемыми, использовавшийся ими комплексный междисциплинарный подход всегда был сильной стороной советской археологии.

Советские археологи справедливо уделяли огромное внимание изучению древнерусских городов, в особенности Новгорода и Киева. По сути ими было положено начало особому направлению исследований со своими специальными методами, концепциями и понятийным аппаратом. Эти исследования представлены в антологии обобщающими работами их непревзойденных руководителей А.В.Арциховского и М.К. Каргера. Особую важность сейчас имеет объективное непредвзятое обсуждение проблемы происхождения Киева, которая за последние десятилетия обросла массой спекуляций.

Заслуженное место в антологии занимает сообщение С.И. Руденко о сделавших в свое время сенсацию пазырыкских находках, необычно ярко осветивших новую, дотоле неизвестную страницу в развитии "скифского мира". Приятно отметить, что исследования

С.И. Руденко получили недавно успешное продолжение в работах новосибирских археологов.

Неотъемлемым и традиционным компонентом советской археологии была античная археология. Ее патриарху В.Д. Блаватскому принадлежит небольшой, но необычно емкий методический очерк. Вряд ли нужно доказывать археологам важность методических разработок. И все же, как представляется, в антологии им можно было бы уделить больше места. Впрочем, возможно, они заслуживают переиздания в специальной антологии.

Можно сказать, что трагедией советской археологии было то, что некоторые очень важные направления, заявленные в работах ряда наших ученых, были подхвачены и продуктивно развиты за рубежом, а в нашей науке они так и остались заявками, не получившими развития. Это настолько же относится к упомянутой выше этноархеологии, как и к тафономии (Ефремов И.А., 1950), изучению болезней древних людей (Рохлин Д.Г., 1965) и т.д. И дело здесь заключалось не только в идеологическом и бюрократическом прессинге, но и в самой организации советской науки, которая была во многом отделена от образования: известно, что многие специалисты находились в системе Академии наук и, как правило, не имели возможности преподавать и формировать свои научные школы (повезло лишь С.А. Семенову, чья статья о трассологии нашла место в антологии). В целом эта ситуация сохраняется и ныне, поэтому такого рода работы заслуживали бы особо бережного обращения и, возможно, им следовало бы посвятить специальную антологию.

Хорошо, что каждый том рецензируемого издания завершается персоналиями авторов с их редкими фотографиями. Но остается непонятным принцип составления библиографии к томам. Если т. 1 снабжен относительно подробной библиографией, то в т. 2 она предельно краткая, а в т. 3 вообще опущена. Если фото на обложках тт. 1 и 2 сопровождаются аннотациями, то в т. 3 такой аннотации по непонятной причине нет.

И тем не менее при наличии отдельных недостатков, которые частично объясняются крайне скудными издательскими возможностями, рецензируемый трехтомник представляет несомненную удачу, и его составителей можно только поздравить. Он важен для тех, кто хотел бы объективно, избегая идеологических штампов, оценить достижения советских археологов, а также для вузовских преподавателей и обучения студентов.

В.А. Шнирельман

Институт этнологии и антропологии РАН,
Москва

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аджиев М.И., 1992. Мы – из рода половецкого. Рыбинск.

Аджиев М.И., 1994. О "москальских вотчинах" в России // Независимая газета. 11 января.

Аксенова Е.П., Васильев М.А., 1993. Проблемы этногонии славянства и его ветвей в академических дискуссиях рубежа 1930–1940-х гг. // Славяноведение. № 2.

Багалій Д.И., 1928. Нарис історіі Украіни на соціяльно-економічному грунті. Харьків.

Бибиков С.Н., 1965. Хозяйственно-экономический комплекс развитого триполья // СА. № 2.

Бибиков С.Н., 1969. Некоторые аспекты палеоэкономического моделирования палеолита // СА. № 4.

Богаевский Б.А., 1931. К вопросу о теории миграций // Сообщения ГАИМК. № 8.

Брюсов А.Я., 1928. Восстановление общественно-экономических формаций в культурах неолитического типа // Тр. секции теории и методологии РАНИОН. Т. 2.

Генинг В.Ф., 1982. Очерки по истории советской археологии. Киев.

Глазунов И.С., 1996. Россия распятая // Наш современник. № 3; № 8.

Гуляев В.И., 1996. Введение // Антология советской археологии. Т. 3.

Ефименко П.П., 1923. Доисторическая археология, ее задачи и перспективы в областном изучении // Краеведение. № 2.

Ефремов И.А., 1950. Тафономия и геологическая летопись // Тр. Палеонтологического ин-та. Т. 24. Кн. 1. М.; Л.

Ковалевский П.И., 1912. История России с национальной точки зрения. СПб.

Козлов В.П., 1994. Тайны фальсификации: анализ подделок исторических источников XVIII–XIX вв. М.

Лебедев Г.С., 1992. История отечественной археологии. 1700–1917 гг. СПб.

Мерперт Н.Я., 1995. Введение // Антология советской археологии. Т. 1.

Мещанинов И.И., 1931. Теория миграций и археология // Сообщ. ГАИМК. № 9–10.

Пряхин А.Д., 1986. История советской археологии: 1917 – середина 1930-х гг. Воронеж.

Равдоникас В.И., 1932а. Археология на службе у империализма // Сообщ. ГАИМК. № 3–4.
Равдоникас В.И., 1932б. Археология на Западе и в СССР в наши дни // Сообщ. ГАИМК. № 9–10.
Равдоникас В.И., 1935. Археология в Германии после фашистского переворота // СЭ. № 1.
Рохлин Д.Г., 1965. Болезни древних людей. М.; Л.
Томин А., 1994. Старинная загадка Авесты // За русское дело. № 8 (8).
Трехлебов А., 1995. Египет. Сибирь и Куликово поле // За русское дело. № 4 (27).
Уваров А.С., 1873. О существенных и второстепенных признаках народности могильных насыпей // Древности. Тр. Московского Археологического о-ва. Т. 3. Вып. 3.
Флоринский В.М., 1894. Первобытные славяне по памятникам их доисторической жизни. Опыт славянской археологии. Томск.
Формозов А.А., 1993. Археология и идеология (20–30-е годы) // ВФ. № 2.
Формозов А.А., 1995а. Русские археологи до и после революции. М.
Формозов А.А., 1995б. Введение // Антология советской археологии. Т. 2.
Формозов А.А., 1995в. П.Н. Милюков и археология // РА. № 2.
Хазанов А.М., 1975. Социальная история скифов. М.
Шнирельман В.А., 1980. Происхождение скотоводства. М.
Шнирельман В.А., 1984. Этноархеология – 70-е годы // СЭ. № 2.
Шнирельман В.А., 1990. Оружие как этнический и/или социальный маркер (этноархеологические заметки) // Проблемы исторической интерпретации археологических и этнографических источников Западной Сибири. Томск.
Шнирельман В.А., 1993а. Злоключения одной науки: этногенетические исследования и сталинская национальная политика // Этнографическое обозрение. № 3.
Шнирельман В.А., 1993б. Археологическая культура и социальная реальность (проблема интерпретации керамических ареалов). Екатеринбург.
Шнирельман В.А., 1993в. Рыболовы Камчатки: экономический потенциал и особенности социальных отношений // Ранние формы социальной стратификации. М.
Шнирельман В.А., 1995а. Археология и этнография: проблемы корреляции // Моя избранница наука, наука, без которой мне не жить. Барнаул.
Шнирельман В.А., 1995б. Националистический миф: основные характеристики // Славяноведение. № 6.
Шнирельман В.А., 1996. Борьба за аланское наследие (этнополитическая подоплека современных этногенетических мифов) // Восток. № 5.
Шнирельман В.А., 1997а. Наука должна оставаться единой // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. № 3.
Шнирельман В.А., 1997б. Миф о сверхчеловеке возрождается в России // Новое время. № 13.
Шнирельман В.А., 1998. Второе пришествие арийского мифа // Восток. № 1.
Щавинский В.А., 1923. Живая археология и новые формы // Краеведение. № 2.
Miller M.A., 1956. Archaeology in the USSR. New-York.
Nationalism and archaeology in Europe, 1996. London. Nationalism and archaeology. Scottish archaeologocal forum. 1996. Glasgow.
Nationalism, politics and practice of archaeology, 1995. Cambridge.
Raczkowski W., 1996. "Drang nach Westen"?: Polish archaeology and national identity // Nationalism and archaeology in Europe. London.
Shnirelman V.A., 1995a. From internationalism to nationalism: forgotten pages of Soviet Archaeology in the 1930's and 1940's // Nationalism, politics and practice of archaeology. Cambridge.
Shnirelman V.A., 1995b. Alternative prehistory // J. Europ. Archaeol. V. 3. N 2.
Shnirelman V.A., 1996a. The faces of nationalist archaeology in Russia // Nationalism and archaeology in Europe. London.
Shnirelman V.A., 1996b. Who gets the past? Competition for ancestors among non-Russian intellectuals in Russia. Washington, D.C., Baltimore.
Shnirelman V.A., 1998. Who has a priority? An ideology of confrontation in the Caucasus // Nation building in the post-Soviet borderlands: the politics of national identity. Cambridge.
Werbert B., 1996. All these fantastic cultures? Concepts of archaeological cultures, identity and ethnicity // Archaeologia Polona. V. 34.

А.Д. ПРЯХИН. МОСОЛОВСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ. Кн. первая. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1993. 108 с., илл. МОСОЛОВСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ МЕТАЛЛУРГОВ-ЛИТЕЙЩИКОВ ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ. Кн. вторая. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1996. 176 с., илл.

Не будет преувеличением тот факт, что за годы советской власти археологическая наука достигла больших успехов в области теории и методики, но особенно заметных – в изучении и накоплении вещественных источников и информации о них. Однако одной из характерных черт указанного периода оставался экстенсивный подход к полевым изысканиям по различным эпохам, в том числе и по эпохе бронзы степной и лесостепной Евразии. Это выражалось в том, что из большого числа памятников, перспективных для стационарных раскопок, исчерпывающие исследования проводились лишь на нескольких. К числу таких фундаментально раскопанных и опубликованных памятников относятся поселения Пустынка на Днепре (Березанская С.С., 1974) и Усово Озеро на Северном Донце (Березанская С.С., 1990), а также Ростовкинский (Матющенко В.И., Синицина Г.В., 1988), Старо-Ябалаклинский (Горбунов В.С., Морозов Ю.А., 1991), Синташтинский (Генинг В.Ф. и др., 1992) и Потаповский (Васильев И.Б. и др., 1994) могильники. В их число входит и Мосоловское поселение, расположенное на правобережье р. Битюг, левого притока р. Дон.

Говоря об уникальности Мосоловского поселения, акад. В.П. Алексеев в письме-рекомендации, помещенном в первой книге (с. 4), подчеркнул, что материалы, полученные с него, коренным образом меняют представления о развитии ремесла, многообразной жизни самих ремесленников, социальной и общественной стратификации общества племен бронзового века Восточной Европы и поэтому будет интересен как отечественным, так и зарубежным специалистам. После прочтения публикаций по Мосоловке эта оценка выглядит более чем справедливо.

Рецензируемые книги написаны крупным российским ученым-археологом, имя которого широко известно по серии монографий, посвященных основным культурам бронзового века лесостепи Доно-Волжского междуречья (Пряхин А.Д., 1971; 1972; 1976; 1977; 1982; Пряхин А.Д., Матвеев Ю.П., 1988), а также многочисленным статьям в отечественных и зарубежных изданиях (А.Д. Пряхин. Указатель трудов, 1989). Кроме того, он автор историографического исследования, освещающего сложный и противоречивый период становления советской археологической науки в 1917–1930 гг. (Пряхин А.Д., 1986). Уместно упомянуть и то, что А.Д. Пряхин написал и издал в Воронеже книгу, которую можно, скорее всего, отнести к жанру философско-публицистического эссе, где рассматриваются проблемы историко-культурного наследия через призму археологической науки (Пряхин А.Д., 1988). Последние его монографии, анализу которых посвящена эта статья, носят ярко выраженный источниковедческий характер.

Обе книги имеют четкую структуру и отличаются продуманностью изложения материалов, аргументацией обобщений и выводов.

Научно-исследовательская задача первой книги предельно проста и состоит в том, чтобы познакомить в первую очередь специалистов, а также всех читателей, интересующихся проблемами древней истории России, с этапами изучения данного памятника, методикой его полевых и камеральных исследований, дать оценку бытовых и хозяйственно-производственных помещений, обосновать свою версию выделения на основании стратиграфо-планиграфических наблюдений характера культурного слоя, вещевого и керамического инвентаря нескольких периодов в процессе возникновения и функционирования Мосоловского поселения (с. 8).

История изучения и практического использования Мосоловского поселка крайне поучительна (Пряхин А.Д., 1991). Особого внимания заслуживают по крайней мере три аспекта.

Во-первых, многолетнее комплексное изучение Мосоловского поселка представляет собой серьезный вклад в археологическое источниковедение, которое в настоящее время рассматривается как одно из приоритетных направлений развития фундаментальных наук гуманитарного цикла (Алексеев В.П., 1981). Наиболее полно, пожалуй, идея фундаментализации реализуется в рамках целевых программ всестороннего изучения опорных или, иначе, базовых памятников. Современного исследователя уже не удовлетворяет сумма

© В.С. Горбунов, 1998 г.

многочисленных свидетельств, полученных с нескольких различных объектов. Гораздо более полную и, самое главное, обширную и достоверную информацию дают именно базовые памятники, которые превращаются в своего рода эталоны. К их числу с полным основанием следует отнести Мосоловский поселок. Публикацией этого памятника А.Д. Пряхин актуализирует задачу перехода на качественно новый уровень археологического источниковедения древних поселений.

Во-вторых, в результате многолетних раскопок и по мере ознакомления с полученными материалами возник интерес к поселению со стороны как археологов, так и ученых других профилей. Поэтому оно привлекло внимание специалистов в области естественнонаучных дисциплин (Журавлев О.П., 1989; Алексеев В.П., Шепель Е.А., 1989), а также антропологии и палеоостеологии (Ахтырцев А.Б. и др., 1991; Черных Е.Н., Кузьминых С.В., 1989; Рындина Н.В., Дегтярева А.Д., 1989). Это позволяет говорить о выходе автора исследований Мосоловки на качественно более высокий уровень изучения поселенческого памятника, позволяющий значительно расширить спектр методолого-теоретических подходов к анализу и реконструкции полученной информации.

В-третьих, особо следует подчеркнуть актуальность Мосоловского поселения как научно-учебно-методического полигона, на базе которого (в значительной степени в Воронежском университете) сформировалась научная школа профессора А.Д. Пряхина (Горбунов В.С., 1992).

Впечатляют объем работ, проведенных на Мосоловском поселении, и сумма полученных материалов. Всего вскрыто почти 11 тыс. $м^2$, где выявлены и изучены 42 постройки различных типов, конструкций, назначения, а также многочисленные следы хозяйственно-производственной деятельности и остатки 11 погребений бронзового века.

На основе стратиграфическо-планиграфических наблюдений А.Д. Пряхин выделил три этапа функционирования поселка. При этом обращает на себя внимание то обстоятельство, что господствующими на всех этапах существования поселка были однокамерные, реже – двухкамерные постройки наземного типа столбовой конструкции (кн. I, с. 69). Демографическая емкость поселения, по мнению автора, демонстрирует тенденцию увеличения числа жителей от освоения обитаемого пространства к финалу. Так, по подсчетам А.Д. Пряхина, на раннем этапе на нем обитало от 40 до 100 человек. На втором этапе здесь уже жило не менее 115–140 человек. На заключительном этапе количество жителей составляло 120–150 человек (кн. I, с. 72).

А.Д. Пряхин приходит к очень важному выводу об известном наследовании здешними срубниками традиций предшествовавшего по времени массива населения (кн. I, с. 73). Автор подтверждает свою ранее высказанную и обоснованную точку зрения о том, что доноволжские абашевцы представляют собой важнейший компонент в становлении срубников лесостепи в целом и донской лесостепной срубной культуры в том числе (кн. I, с. 29). Эта идея находит убедительное подтверждение в керамической серии, полученной с поселения (кн. I, с. 76–89) и детализированной в специальном приложении, написанном В.И. Бесединым (кн. I, с. 94–97).

Исключительная ценность Мосоловского поселения связана с уникальным сосредоточением следов металлургического производства, выявленного в постройках и вне их. В более чем половине помещений обнаружены атрибуты металлообработки (обломки литейных форм, сопел, плавильных чаш, каменные наковальни, молоты, песты и др.), шлаки, сплески металла, а также небольшая серия изделий из бронзы. Особую значимость представляют находки плавильных форм, топоров, кинжалов, ножей, наконечников копий и др. Воронежскими археологами теоретически обоснована и экспериментально подтверждена технология плавки металла в плавильных чашах, что является серьезным достижением в реконструкции основ металлургического производства позднего бронзового века. Впервые на огромных пространствах лесостепи и степи Северной Евразии выявлен и изучен целый поселок металлургов-литейщиков. Это в корне меняет существующие представления не только о масштабах и уровне развития металлургического производства в этом регионе, но и заставляет по-новому оценить место населения континентальной периферии в общей структуре культурных феноменов Старого Света. Особенно впечатляет то обстоятельство, что обнаруженные на Мосоловском поселении плавильные формы предназначались для отливки совершенных и эффективных для этого периода орудий труда и оружия. Это свидетельствует о высоком профессиональном уровне и качестве мосоловских мастеров.

Вторая книга, по словам автора, является и продолжением первой, и самостоятельным исследованием. Одним из основных вопросов, обсуждаемых в первой главе, является анализ

проблем изучения древней металлургии и металлообработки Доно-Донецкого региона. А.Д. Пряхин обращает внимание на несколько принципиальных вопросов, один из которых связан с необходимостью переосмысления места и роли доно-донецкого рудного и металлообрабатывающего очага в свете работ Е.Н. Черных и С.И. Татаринова (Черных Е.Н., 1970; Черных Е.Н. и др., 1991; Татаринов С.И., 1993). Высвечивает автор и другие актуальные проблемы – совершенствование методов и расширения сферы применения естественнонаучных приемов анализа поселенческих материалов, а также вопрос о превращении в музеи-заповедники исследованных уникальных археологических комплексов (кн. II, с. 12–15).

В последующих главах (2–6) А.Д. Пряхин дает исчерпывающую информацию о литейных формах, плавильных чашах, каменных орудиях труда, изделиях из глины и кости. Особую ценность представляет подробное описание артефактов в сочетании с планиграфической привязкой и культурно-хронологической атрибуцией.

В завершающей главе 7 и заключении автор дает общую оценку производственной деятельности поселка и ставит вопрос о выделении доно-донецкого центра металлургии и металлообработки эпохи бронзы. Естественно, он затрагивает целый ряд проблем, требующих соответствующей оценки и объяснения.

Остается пока без ответа вопрос об источниках получения рудного сырья мосоловскими мастерами. Заслуживает внимания мысль о возможности использования в качестве сырья не только малахита, но и песчаников и медно-серных руд. Требуют дополнительной проработки вопросы, связанные с уточнением способов и технологии плавки руды и получения бронзы. Решение этих вопросов необходимо для воссоздания реального производства в эпоху поздней бронзы.

Многочисленные данные свидетельствуют о том, что для Мосоловского поселка характерна преимущественно скотоводческая модель хозяйственной жизни. Вместе с тем исключительно важны наблюдения автора относительно сложной хозяйственно-производственной инфраструктуры поселения. Наряду с металлургией и металлообработкой здесь выявлены следы керамического и кожевенного производств, прядения, деревообработки и других промыслов. А.Д. Пряхин, основываясь на разнообразных фактах, высказывает целый ряд перспективных мыслей, часть из которых требует дополнительной аргументации и проработки. В первую очередь это относится к версии о ремесленном характере производственной деятельности Мосоловского поселка, совпадающей с точкой зрения Е.Н. Черных и С.В. Кузьминых (1989а). Эта мысль является основополагающей при решении проблем воссоздания общественных отношений и социальной структуры ранних комплексных обществ континентальной периферии Северной Евразии.

Многие поднятые А.Д. Пряхиным проблемы относятся к категории фундаментальных. От их решения в значительной степени зависит современная парадигма исторических процессов бронзового века, в которой пока остается традиционной недооценка уровня развития материальной и духовной сфер, а также социального устройства общества.

Публикация Мосоловского поселения ставит, естественно, вопрос о статусе этого памятника, а вернее, целой группы памятников (Усово Озеро, Тюбяк, Таналык и др.), в системе поселенческих памятников срубной культурно-исторической общности.

Представляется целесообразным, по нашему мнению, выделить их в особую категорию и именовать хозяйственно-культурными центрами (ХКЦ) эпохи бронзы. По всей видимости, они были ремесленно-производственными и культурными очагами и возникли как следствие развития специфической патриархально-пастушеской модели развития общества неурбанизированной периферии Северной Евразии. ХКЦ характеризуются следующими чертами: наличие жилых, хозяйственных, производственных, а в ряде случаев культовых строений; развитая производственная инфраструктура; упорядоченность строений на территории поселка и в отдельных случаях наличие остатков естественной или искусственной фортификации (Горбунов В.С., 1992). Это было, вероятно, нечто вроде родо-племенных "столиц" крупных регионов, где сосредоточивались и концентрировались важнейшие отрасли производящей экономики и ремесла (металлургия и металлообработка, гончарное производство, домашние промыслы), а также через них реализовывались на практике механизмы общественного управления и идеологического воздействия на население срубной культуры, обитавшее на огромных пространствах междуречья Днепра, Дона, Волги и Урала во II тыс. до н.э.

А.Д. Пряхин полагает, что материалы Мосоловского поселения дают основания для выделения особого мосоловского горизонта древностей эпохи бронзы степной и лесостепной зон Евразии (кн. I, с. 91).

Анализ современного состояния периодизации и хронологии показывает, что в отечественной археологии отсутствует глобальная общепринятая система, которая в известной мере компенсируется совокупностью региональных вариантов периодизации (Алексеев В.П., Першиц А.И., 1990). Для позднего бронзового века Е.Н. Черных выделил сейминский хронологический горизонт (Черных Е.Н., 1970), который наиболее полно ассоциируется со срубной культурой стадии ее расцвета (Черных Е.Н., Кузьминых С.В., 1989б). Известны и другие варианты выделения хронологических горизонтов бронзового века (Смирнов В.Ф., Кузьмина Е.Е., 1997; Качалова Н.К., 1976). В этом плане вполне правомерно предложение А.Д. Пряхина о выделении мосоловского горизонта древностей эпохи бронзы. Действительно, оно может опираться на самую представительную на сегодняшний день серию свидетельств металлургии и металлообработки, изделий из керамики, кости, камня. При этом, на основании стратиграфических данных автор предполагает вычленить отдельные этапы или фазы в рамках мосоловского горизонта (кн. I, с. 91, 92).

В целом выход в свет двухтомной монографии А.Д. Пряхина следует рассматривать как серьезный вклад в отечественную науку. Прецедент с Мосоловкой должен, по нашему глубокому убеждению, подтолкнуть научные центры и лидеров наук к тому, чтобы силы и средства концентрировались вокруг опорных памятников на основе долговременных проектов и программ. Только комплексные монографические исследования способны вывести отечественную археологию на качественно новый уровень обобщений, с которым будет считаться научная общественность за рубежом. В этом, пожалуй, единственный путь в создании археологической версии исторических процессов бронзового века всей Северной Евразии.

Башкирский пединститут, Уфа *В.С. Горбунов*

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алексеев В.П., 1981. Древние общества: взаимодействие со средой, культура и история // СА. № 1.

Алексеев В.П., Першиц А.И., 1990. История первобытного общества. М.

Алексеев В.П., Шепель Е.А., 1989. Некоторые вопросы антропологической динамики древнего населения среднего течения Дона // Поселения срубной общности. Воронеж.

Анатолий Дмитриевич Пряхин. Указатель трудов // Серия библиографических указателей "Воронежские ученые". Вып. 9. Воронеж, 1989.

Ахтырцев А.Б., Ахтырцев Б.П., Пряхин А.Д., 1991. Палеопочвы и ландшафты эпохи развитой и поздней бронзы в бассейне Битюга // Мосоловское поселение эпохи поздней бронзы в системе памятников степи и лесостепи. Воронеж.

Березанская С.С., 1974. Пустынка – поселение эпохи бронзы на Днепре. Киев.

Березанская С.С., 1990. Усово Озеро. Поселение срубной культуры на Северском Донце. Киев.

Васильев И.Б., Кузнецов П.Ф., Семенова А.П., 1994. Потаповский курганный могильник индоиранских племен на Волге. Самара.

Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В., 1992. Синташта. Археологические памятники арийских племен Урало-Казахстанских степей. Челябинск.

Горбунов В.С., 1992. Бронзовый век Волго-Уральской лесостепи. Уфа.

Горбунов В.С., Морозов Ю.А., 1991. Некрополь эпохи бронзы Южного Приуралья. Уфа.

Журавлев О.П., 1989. Скотоводство у населения донской лесостепной срубной культуры (по остеологическим материалам Мосоловского поселения) // Поселения срубной общности. Воронеж.

Качалова Н.К., 1976. Бережновский горизонт срубных погребений Нижнего Поволжья // Проблемы археологии Поволжья и Приуралья. Куйбышев.

Матющенко В.И., Синицина Г.В., 1988. Могильник у деревни Ростовка близ Омска. Томск.

Пряхин А.Д., 1971. Абашевская культура в Подонье. Воронеж.

Пряхин А.Д., 1972. Древнее население Песчанки. Воронеж.

Пряхин А.Д., 1976. Поселения абашевской общности. Воронеж.

Пряхин А.Д., 1977. Погребальные абашевские памятники. Воронеж.

Пряхин А.Д., 1982. Поселения катакомбного времени лесостепного Подонья. Воронеж.

Пряхин А.Д., 1986. История советской археологии. 1917 – середина 30-х годов. Воронеж.

Пряхин А.Д., 1988. Археология... Наследие. Воронеж.

Пряхин А.Д., 1991. Общие сведения о Мосоловском поселении // Мосоловское поселение эпохи поздней бронзы в системе памятников степи и лесостепи. Воронеж.

Пряхин А.Д., Матвеев Ю.П., 1988. Курганы эпохи бронзы Побитюжья. Воронеж.
Рындина Н.В., Дегтярева А.Д., 1989. Результаты технологического исследования металлоорганических изделий Мосоловского поселения // Поселения срубной общности. Воронеж.
Смирнов В.Ф., Кузьмина Е.Е., 1977. Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических открытий. М.
Татаринов С.И., 1993. Древний металл Восточной Украины. Артемовск.
Черных Е.Н., 1970. Древнейшая металлургия Урала и Поволжья. М.
Черных Е.Н., 1976. Древняя металлообработка на Юго-Западе СССР. М.
Черных Е.Н., Кузьминых С.В., 1989а. Металл Мосоловского поселения // Поселения срубной общности. Воронеж.
Черных Е.Н., Кузьминых С.В., 1989б. Древнейшая металлургия Северной Евразии (сейминско-турбинский феномен). М.
Черных Е.Н., Кузьминых С.В., 1989. Металл Мосоловского поселения (по данным спектрального анализа) // Поселения срубной общности. Воронеж.
Черных Е.Н., Кузьминых С.В., Агапов С.А., 1991. Европейская зона евразийской металлургической провинции // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н.э. – V в. н.э.). Киев.

А.Д. ПРЯХИН. МОСОЛОВСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ. Кн. первая. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1993, илл., приложение В.И. Беседина. 108 с. МОСОЛОВСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ МЕТАЛЛУРГОВ-ЛИТЕЙЩИКОВ ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ. Кн. вторая. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1996. 176 с., илл., приложения А.С. Саврасова и В.И. Беседина.

Проблема срубной культуры давно превратилась в одну "...из ключевых проблем археологии евразийской степи и лесостепи, и более того, в одну из значительнейших проблем археологии II тыс. до н.э." (Мерперт Н.Я., Пряхин А.Д., 1979, с. 10). Сложность проблемы и неразрешённость значительного ряда составляющих ее вопросов требуют введения в научный оборот возможно большего объема поселенческих материалов, без которых невозможны научно обоснованные заключения об экономике и социальной структуре общества носителей срубной культуры, причинах ее сложения и других аспектах проблемы.

Однако в изучении срубного культурного феномена с конца 1960-х годов в связи с бурным развитием раскопок в зонах новостроек возникла тенденция преимущественного исследования курганов, раскопки которых позволяли применять машины и малыми силами производить масштабные работы, получать готовые комплексы находок, неизмеримо более сохранных (и обычно более эффектных), чем на поселениях, и в результате тратить меньше времени на камеральную обработку. Раскопки курганов, кроме того, нередко требуют меньшей квалификации, чем исследования поселений. Все это вместе взятое позволяет гораздо легче получить результат. Так исследования поселений эпохи бронзы оказались на втором плане, полномасштабные же исследования крупных бытовых памятников стали своего рода исключением. Такая диспропорция в источниковедческой базе исследований является, естественно, одним из наиболее важных факторов, отрицательно влияющих на объективность научных выводов. Негативную роль в изучении срубной проблемы играет и невозможность в большинстве случаев опубликовать раскопки полностью – обычно это лишь небольшой процент добытых материалов.

По всем этим причинам полное издание раскопок большого поселения, к тому же с результатами разнообразных специальных исследований, является в изучении срубной проблемы без преувеличения настоящим событием.

Поставив перед собой целью введение в научный оборот возможно более полной информации по Мосоловскому поселению, автор последовательно стремится этого достичь. В первой книге подробно излагается многолетняя история изучения памятника и отдается дань уважения всем специалистам, в разные годы принимавшим участие в исследованиях.

© Г.Г. Пятых, 1998 г.

Очень подробно описывается методика проведенных исследований, причем к проблеме методов автор обращается как в главе, посвященной истории и методике изучения памятника, так и в других разделах работы. При этом он приводит и анализирует не только методические достижения, но и все недостатки, имевшиеся на некоторых стадиях исследований. Такое стремление дать коллегам максимум возможностей для всестороннего критического анализа своего исследования – одна из сильных сторон работы. В целом за последние десятилетия, отмеченные увлечением новейшими формализованными методами работы с материалами, объективный критический анализ процесса собственных раскопок так и не успел получить развития. В результате читатели часто лишены возможности судить о качестве публикуемой информации, а следовательно, и о степени доказательности выводов исследователя. Именно поэтому отношением автора к методическим проблемам работа выгодно отличается от немалого числа публикаций, авторы которых полностью или в основном опускают описание методик и процедур полевого исследования, сразу после некоей обобщенной характеристики памятника переходя к анализу материалов и построению выводов.

Складывается впечатление, что отработка различных методов применительно к конкретному памятнику была одной из главных задач автора на протяжении всех лет исследований, и несомненно, что столь подробная публикация полученного методического опыта имеет вполне самостоятельную ценность.

Описанию и анализу культурного слоя в книге отведена специальная глава, в которой автор не ограничивается анализом наблюдений, пусть и очень подробных, стратиграфической и планиграфической сопряженности объектов и находок, но опирается и на результаты почвоведческих и споро-пыльцевых анализов, выполненных Б.П. Ахтырцевым, А.Б. Ахтырцевым и Е.А. Спиридоновой. Последнее обстоятельство следует особо отметить, потому что в изучении срубной культуры десятилетиями складывался предельно схематичный подход к решению вопроса о хозяйстве его носителей: в степной полосе их хозяйство абсолютное большинство авторов рассматривало в качестве безусловного скотоводческого (споры здесь велись только о кочевом его характере), в лесостепи же – в качестве "земледельческо-скотоводческого", но при этом результатами споро-пыльцевых, карпологических и почвоведческих исследований эти суждения в большинстве случаев не подкреплялись, фактически подаваясь в виде едва ли не аксиомы. Поэтому проведение многочисленных исследований культурного слоя методами естественных наук дало автору возможность строить выводы о хозяйстве жителей поселка на действительно научной основе.

В главе, отведенной рассмотрению бытовых и производственных объектов, автор, подробно описывая и анализируя конкретные комплексы, приводит статистически обработанные данные по всем относящимся к ним находкам и опять-таки с приведением итогов специальных анализов, в результате чего читатель сразу получает не только представление о назначении того или иного объекта, но и возможность оценить доказательность авторских выводов. В частности, при том, что для демографических подсчетов по материалам эпохи бронзы обычно характерна существенная приблизительность, подробный и разносторонний анализ построек и хозяйственной деятельности его жителей придает демографическим выкладкам автора значительную достоверность.

Отдельная глава посвящена керамическим материалам, представленным приблизительно 5–6 тыс. сосудов. Анализ посуды проделан на основе серии из примерно 200 сосудов, сохранивших полный профиль (с. 76), без учета керамических изделий производственного назначения. Всего автор выделяет семь разновидностей сосудов (с. 77), но не сообщает критериев своей классификации, лишь оговариваясь, что приводимая им типология "...не во всех случаях последовательна по критериям выделения" (с. 7). Приблизительность авторских оценок керамического материала объяснима – уже само количество находок требует проведения целой серии больших специальных исследований, в рамках же рассматриваемой работы любые заключения по керамике могут носить характер самых предварительных наблюдений.

Кроме типологических аспектов, А.Д. Пряхин уделяет внимание описанию обработки поверхности, орнаментам, в том числе интерпретируемым некоторыми авторами как письменность, рецептуре формовочной массы, а также тенденциям изменения керамики во времени, для чего привлекает значительные серии сосудов (с. 78–83).

На основе полученных при изучении керамики данных делаются заключения об участии носителей абашевской культуры в формировании срубной и об этническом единстве жителей поселка (с. 85). Хотя эти выводы и подаются в контексте частной проблемы

срубной культурной области, их значение трудно переоценить, так как они служат еще одним свидетельством вырастания срубной культуры не в последнюю очередь из абашевской, в ходе чего ее носители вошли в состав носителей срубной.

Помещенные в работе описания материалов в целом сопровождаются их подробным анализом и продуманными выводами, но при том, что автор демонстрирует глубину осмысления полученных фактов и приводит всю логическую цепь своих рассуждений, он избегает категоричных заключений и сам отмечает предварительность или неполную обоснованность отдельных выводов или схем.

Огромным достоинством в изучении памятника являются многочисленные специальные исследования, выполненные специалистами, – это исследования по трассологии, химическому составу металла, металлографии, формовочным массам керамических изделий, по антропологии, остеологии, радиокарбону, почвенный и споро-пыльцевой анализы. Хотя общеизвестно, что исследования археологических памятников и материалов методами естественных наук потенциально способны дать не меньше информации, чем изучение собственно археологическими методами, а кроме того, позволяют приблизить степень обоснованности и точности получаемых выводов к уровню естественных наук, археологи, способные обеспечить многолетние крупномасштабные раскопки постоянным участием в работах специалистов-естественников, составляют пока исключение. И сумев организовать на памятнике систематическое проведение различных естественнонаучных исследований, автор получил не только обширную дополнительную информацию, но и возможность в очень большой степени усилить научность своих выводов.

В заключительной главе первой книги автор констатирует, что Мосоловское поселение "...занимает ключевые позиции в оценке проблематики эпохи поздней бронзы Евразийской степи и лесостепи" (с. 90). Данный тезис в приведенной формулировке был бы бесспорен, если бы Мосоловское поселение содержало ключевую информацию по всем основным проблемам поздней бронзы этой гигантской территории. Но условия протекания этнокультурных процессов в различных районах колоссальнейшего ареала евразийских степей и лесостепей не могли быть одинаковыми. Поэтому Мосоловское поселение имеет безусловно выдающееся значение в первую очередь для изучения срубной области и ряда культур позднего бронзового века Восточной Европы и Урала. Однако эталоном, от которого в ту или иную сторону может вестись оценка других подобных памятников по различным показателям (в том числе по уровню исследований), а также своего рода классическим памятником, к которому исследователи будут обращаться постоянно, поселение, несомненно, уже становится.

Автор допускает возможность и "...выделения своего рода мосоловского горизонта... поздней бронзы степной и лесостепной зон Евразии" (с. 91). По этому тезису можно отметить следующее. Во-первых, поскольку срубная культурная область занимает лишь часть указанных зон, то территориальный охват мосоловского горизонта в случае его выделения потребуется сузить. Во-вторых, если новый хронологический горизонт будет выделяться даже в рамках только срубной культурной области, станет необходимым привлечение значительных материалов со всей территории срубной области, совпадающих с мосоловскими по целостной системе критериев. При этом такая система критериев будет наиболее обоснованной с привлечением в первую очередь материалов поселений, расположенных в зоне распространения нового горизонта, особенно поселений, сопоставимых с Мосоловским по размерам и исследованных не менее полноценно. В-третьих, для сравнительного анализа требуется привлечение более ранних и более поздних материалов (опять же в первую очередь поселенческих) всех территорий, на которые будет распространяем мосоловский горизонт, и отделение их по такой же целостной системе признаков от материалов, помещаемых в него. Необходимость увязки предлагаемого хронологического пласта с материалами других евразийских культур подчеркивает и сам автор (с. 92), и, вероятно, необходимые обоснования мосоловского горизонта в дальнейшем будут им приведены.

Положением глубоко принципиального уровня является вывод автора о том, что распространение срубной культуры в степи и лесостепи свидетельствует о существовании некоего взаимодополняющего организма, в котором лесостепное население играло далеко не второстепенную роль (с. 92). Серьезным специалистам по срубной проблеме стало уже очевидно, что деление срубной культурной области на "степную" и "лесостепную" носит достаточно искусственный характер и в первую очередь может касаться лишь местных культурно-этнографических различий. Сам же факт сложения гигантской срубной области в сравнительно короткий исторический период прямо указывает на то, что приведшие к

этому результату события протекали в рамках единого процесса, захватившего население степей и лесостепей одновременно. Более того, есть все основания для вывода, что население лесостепной зоны сыграло более значительную, либо даже ведущую роль в культурно-генетических процессах, завершившихся сложением срубной области. На это указывает факт расположения основной массы военно-аристократических захоронений начального периода срубной культуры в приграничных районах степной и лесостепной зон, но еще более показательным фактом является то, что в большинстве таких военно-аристократических захоронений представлены, нередко в наборе, элементы абашевской и культур среднего бронзового века лесостепного Дона. Эти многочисленные факты свидетельствуют об организующей роли носителей лесостепных культур в процессах, приведших к сложению срубной культурной области, и не только ее. Кроме того, сам факт выработки относительного культурного единства на территориях степи и лесостепи указывает на существование общей социальной, видимо, потестарной, структуры, или небольшого числа очень крупных, достаточно взаимосвязанных общественных структур потестарного уровня, возникновение в рамках которых системы разнообразных связей – политических, экономических, религиозных и других – и привело в конечном итоге к выработке относительной общности культуры. Положение автора о "взаимодополняющем организме", т.е. если использовать более конкретные определения, фактически о едином организме, процесс сложения которого одновременно протекал как на территории степи, так и лесостепи, несомненно, является положением фундаментального порядка, отражающим выход на качественно иной уровень осмысления срубной проблемы.

Книга вторая, хотя и является продолжением предыдущей, представляет собой самостоятельное исследование хозяйственно-производственной деятельности жителей поселка. Хотя название книги очерчивает задачи автора изложением и анализом фактов металлургии и металлообработки на поселении, автор не ограничивается обращением только к этим проблемам, рассматривая вопросы экономики древнего населения региона Дона и Донца более широко (с. 7 сл.).

В специальной главе анализируется впечатляющая коллекция створок литейных форм (около 700) и приводится их подробная классификация с описанием всех наиболее характерных и интересных экземпляров и деталей, с планиграфической привязкой и распределением по стратиграфическим горизонтам.

Столь же исчерпывающе анализируются находки металлических изделий (с. 49 сл.). Подробный морфологический анализ дополняется разбором вопросов технологии изготовления различных видов металлических изделий, данными спектрального анализа, выполненного Е.Н. Черных, С.В. Кузьминых, Н.В. Рындиной, А.Д. Дегтяревой, а также рассмотрением производственных помещений. Несомненный интерес представляют публикуемые факты о знакомстве металлургов поселения с технологией производства кричного железа (с. 55).

Для изучения древних металлургических технологий очень большое значение будут иметь интересные результаты исследования плавильных чаш, коллекция которых насчитывает около 350 экз. (с. 60 сл.). Автор приводит подробную характеристику этой серии находок, но главное значение имеет вывод о технологии плавки металла путем его нагрева внутри чаши (с. 73). Существенно, что этот вывод получил обоснование путем проведения экспериментальных плавок, проделанным А.С. Саврасовым (с. 73 сл.).

Необходимое место уделено и анализу отходов металлургического производства с описанием, как и в остальных случаях, их планиграфического и стратиграфического распределения. Очень интересна коллекция разнообразных каменных орудий, среди которых преобладают группы инструментов, так или иначе связанные с металлургией и металлообработкой (с. 80 сл.) и хорошо иллюстрирующие этапы процесса металлургического производства на поселении.

Специальные разделы посвящены изделиям из глины и кости, предназначенным для обслуживания самых разнообразных отраслей хозяйства жителей поселка: от деталей конской упряжи до инструментов для переработки продуктов животноводства (с. 106 сл.). Существенно, что анализ металлических, керамических и костяных инструментов проделан автором не только на основе морфологических характеристик изделий, но и с привлечением данных трассологических исследований.

В заключение автором высказывается идея о выделении доно-донецкого центра металлургии и металлообработки, мотивируемая тем, что в этом регионе (до правого берега Волги) число мест металлургии и металлообработки превышает число аналогичных памятников срубной культуры Волго-Уралья, что здесь имеется преемственность метал-

лургических традиций от абашевской культуры и что, возможно, имела место разработка донецких медных руд еще носителями катакомбной культуры (с. 132, 133).

Факт различного количества памятников древней металлургии в Волго-Донье и Волго-Уралье пока относительно нейтрален – эпоха "Великих фактологических открытий" в археологии бронзы далеко не завершена и в случае развития в Заволжье раскопок поселений указанное соотношение может измениться. Важнее другое – бассейн Дона был более развитым культурным регионом по сравнению с Поволжьем по меньшей мере уже в эпоху средней бронзы. Невозможно обойти тот факт, что металлическое оружие, орудия труда и украшения абашевской, а затем и срубной культур по основному набору типов и морфологическим характеристикам повторяют с непринципиальными изменениями аналогичные изделия носителей культур средней бронзы бассейнов Дона и Донца. Этот факт неопровержимо свидетельствует о развитии металлургии и металлообработки поздней бронзы почти целиком на основе достижений катакомбных металлургов Циркумпонтийской металлургической провинции, по заключению Е.Н. Черных, "...сыгравшей важнейшую роль в формировании металлургии Евразийской провинции" (Черных Е.Н., 1978, с. 75). Тезис автора о металлургическом позднебронзовом центре в бассейне Дона и Донца представляется вполне обоснованным, более того, по всей вероятности, в том или ином виде подобный центр существовал здесь и ранее. Вероятно, дискуссии могут вестись лишь по таким частным вопросам, как существование всего цикла производства, начиная с горнодобывающего этапа, полное, преимущественное или частичное базирование на собственных рудных источниках, объемы производства и т.п.

Вопрос о месте этого центра в иерархической структуре общества бассейна Среднего Дона следует считать открытым, так как для сравнительного анализа требуется практически сплошное исследование всех срубных поселений региона, причем проведенное на уровне, не худшем, чем изучение Мосоловского, но ожидать решения этой задачи в ближайшие десятилетия нельзя.

К безусловным достоинствам книги следует отнести и помещенные в ней публикации очень интересных результатов экспериментальных исследований по технологии металлообрабатывающего и гончарного производств, выполненные А.С. Саврасовым и В.И. Бесединым, которые, видимо, станут одними из основоположников нового направления в изучении срубной культурной области. Значение этого направления в археологии переоценить невозможно. Главнейшее отличие исторических дисциплин от большинства естественных – в невозможности экспериментальной проверки представлений о древних обществах, в результате чего археологи ищут и анализируют следы "экспериментов", уже "поставленных" в прошедшие эпохи. Но при невозможности экспериментального воспроизводства конкретных исторических событий существуют разнообразные условия для экспериментального изучения отдельных сторон жизни древних обществ, и именно в сфере производств. Возможности экспериментального направления в археологических исследованиях, особенно в сочетании с привлечением данных этнографии и результатов естественнонаучных исследований, исключительно велики, и это направление в археологии в будущем, бесспорно, станет одним из важнейших.

Обе книги содержат большое количество иллюстраций удовлетворительного качества, дающих необходимые представления о полевых работах и полученных материалах.

В целом обе монографии А.Д. Пряхина относятся к наиболее полноценным источникам по срубной проблеме, значение которых будет сохраняться очень длительное время. Можно поздравить всех участников исследования Мосоловского поселения с несомненной удачей и пожелать им дальнейших успехов в изучении и публикации материалов и фактов, полученных ими при исследовании этого яркого памятника.

Институт археологии РАН,
Москва

Г.Г. Пятых

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Мерперт Н.Я., Пряхин А.Д., 1979. Срубная культурно-историческая общность эпохи бронзы и лесостепь // Археология восточно-европейской лесостепи. Воронеж.

Черных Е.Н., 1978. Металлургические провинции и периодизация эпохи раннего металла на территории СССР // СА. № 4.

ЕЩЕ РАЗ О СЛАВЯНСКОМ ЯЗЫЧЕСКОМ ЦЕНТРЕ НА РЕКЕ ЗБРУЧ

В журнале «Российская археология» № 4 за 1996 г. напечатана рецензия В.П. Даркевича на нашу книгу «Языческие святилища древних славян», М., 1993. В книге, как и во многих опубликованных статьях, мы стремились предоставить читателю наиболее полную информацию о материалах, полученных при раскопках трех городищ – Богит, Звенигород и Говда на р. Збруч, в окрестностях которых в 1848 г. был найден Збручский идол. Эту задачу рецензент признает выполненной (Даркевич В.П., с. 206). Не возражает он и против хронологических рамок этих памятников (конец X–XIII в.). Он выступил решительно против предложенного нами определения археологического комплекса на Збруче как культового, языческого, пытаясь представить исследованные памятники в виде обычных для древней Руси крепостей-убежищ, разгромленных татаро-монголами. Он признает, что лишь на Богите до середины XI в. находилось святилище.

Материалы, открытые на правом берегу р. Збруч, с самого начала вызвали удивление не только у читателей, но и у самих авторов раскопок, так как они меняют ряд уже устоявшихся представлений об уровне развития славянского язычества, его культовой системе, об организации всей религиозной жизни язычников и, наконец, позволяют говорить о существовании древней религии после официального принятия христианства на Руси. Лишь длительная работа на Збруче, сопоставления полученных данных со сведениями о других святилищах Прикарпатья, исследованных авторами в предшествующие годы, и сравнение с культовыми памятниками в других славянских землях (глава об этих памятниках носит отнюдь не только, как утверждает В.П. Даркевич, «познавательное» значение) позволили авторам высказать свое понимание збручских городищ как культовых.

В данной статье мы обратим особое внимание не на оспоривание умозрительных представлений рецензента о всеобщей христианизации населения Руси, о времени и характере двоеверия и о «духовно-религиозной цельности, единстве нравственных начал» культуры Руси (Даркевич В.П., с. 206), а остановимся лишь на конкретных материалах, которые В.П. Даркевич использовал крайне выборочно, отбрасывая не подходящие для его концепции факты, частично искажая и произвольно домысливая другие, что может ввести читателей в заблуждение.

Одной из первых задач рецензента явилось стремление показать, что городища на Збруче находились не в глухом месте, среди диких лесов, как сейчас, а на открытом пространстве, как обычные древнерусские памятники. Он утверждает, что в X–XIII вв. «ландшафт был другим» (ландшафт включает в себя не только растительность, но и другие компоненты, в том числе и рельеф местности; надеемся, что рецензент не считает его тоже изменившимся). При этом он ссылается на результаты пыльцевых анализов (Даркевич В.П., с. 201, 206), взятых с площадки городища Звенигород на капище № 3 (с. 41)[1] . Вполне естественно, что во время функционирования городищ лес на них был сведен, иначе были бы невозможны какая либо деятельность людей и возведение любых сооружений. Но данные анализа не относятся к окружающей территории Медобор (Подольские толтры), которые представляют собой гористую местность (высота холмов до 400 м), рассеченную оврагами и трудно проходимую, покрытую девственными лесами (но не буком, как пишет рецензент; в Медоборах преобладают дубы и грабы, бук здесь не растет).

На исследованном участке Медобор выясняется своеобразная картина освоения местности. На правом берегу Збруча на холмах Богит и Звенигород находились городища раннего железного века, которые, возможно, в то время тоже являлись святилищами. На их площадках нет культурного слоя, и только в основании каменных валов находятся уголь и

[1] В ссылках на рецензируемую книгу И.П. Русановой, Б.А. Тимощука «Языческие святилища древних славян» указаны лишь страницы и рисунки.

© И.П. Русанова, Б.А. Тимощук, 1998 г.

керамика. Такое «освящение» места валов характерно для многих святилищ. Площадки городищ из-за скалистого материка на Богите и отсутствия около него источников воды, из-за крутизны склонов в Звенигороде не были пригодны для обитания. Позднее места этих городищ и их окрестности не были заселены вплоть до конца X в., когда здесь одновременно возникли три святилища и примыкающие к ним многочисленные поселения, что было связано с приходом сюда какой-то довольно крупной группы населения. Также единовременно эта колония исчезла в XIII в., и вплоть до XIX в. эта местность почти не была заселена. Лишь в XVII в. в скале у Звенигорода были выбиты помещения для христианской часовни и кельи монаха-отшельника, куда до 1947 г. приходили жители окрестных сел в дни Святой Троицы. Характер заселения Медобор на Збруче, наличие высоких гор, выступающих скал и больших камней, чистых источников, вытекающих из-под холмов, вполне соответствуют расположению святилищ язычников, поклоняющихся природным объектам и явлениям. Возведение христианских церквей на местах прежних языческих святилищ также было обычным явлением.

Следующая цель рецензента состояла в попытке доказать, что городища Богит и Звенигород были заселены и на них имеются удобные для жизнедеятельности горизонтальные площадки. Но для этого он рассматривает не план городища Звенигород с проведенными на нем горизонталями и не разрез городища на рис. 27 и 28, на которых видны крутые склоны и перепады высот на площадке городища до 60–65 м, а ссылается на разрез капища № 3 на рис. 40 (Даркевич В.П., с. 201), который ни в коей мере не может характеризовать площадку городища в целом. При таком отсутствии внимания к планам можно обосновать все, что угодно. На городище выделяются четыре высоких отрога с выровненной поверхностью, на которых находились капища, в целом же городище и его валы занимали такую крутизну берега, на какой никогда не располагались древнерусские поселения.

Городище Богит расположено на вершине самой высокой горы в Медоборах и состоит из нескольких разных по значению частей – сакральной и общественной. К его основной горизонтальной площадке примыкает участок, занимающий крутой склон и огражденный земляным валом. На этой части городища находились курганный и грунтовой могильники (рис. 17). Основная площадка городища окружена валом, сложенным из камней, и перерезана двумя поперечными валами. Один из них (вал № 3) отделял западную часть площадки (сакральную), вдоль него горели огни и лежали обломки посуды X–XI вв. Второй вал (№ 2) проходил через восточную часть площадки городища (общественную), он едва заметен и, по-видимому, в древнерусское время не имел значения и не использовался. По обе его стороны расположены западины построек, которые, судя по раскопкам в трех местах, являлись остатками одинаковых углубленных в каменистый материк жилищ. Жилища были недолговременными и неблагоустроенными, отапливались маленькими очагами, признаков хозяйственной деятельности в них не видно, нет рядом с ними и подсобных помещений (с. 36). Раскопанные жилища относились к концу X–XI в., хотя среди неисследованных объектов могли находиться и жилища другого времени. На общественной части площадки Богита находился еще длинный наземный дом с неровным каменистым полом, также не приспособленный для жилья. На этой площадке нет сплошного культурного слоя, повсеместно выступает материковая скала, лежат скопления камней и каменные глыбы (рис. 23, *I*), по ее краям имеются высокие уступы и обрывы (рис. 18). Площадка явно не была культивирована и стационарно заселена.

Основой версии В.П. Даркевича о заселении Богита является утверждение, что на городище было два периода обитания: в первый период (конец X – первая половина XI в.) здесь находилось языческое святилище, тогда как во втором периоде (XII–XIII вв.) на этом месте возникла крепость-убежище (Даркевич В.П., с. 202). При этом рецензент не учитывает или превратно толкует ряд обстоятельств. Первое из них относится к датировке капища на Богите. В.П. Даркевич признает, что в сакральной части Богита находилось сложенное из камней и окруженное восемью углублениями языческое капище, на котором мог стоять Збручский идол, но почему-то ограничивает его существование концом X – первой половиной XI в., хотя в углублениях на капище содержится керамика вплоть до XIII в. (с. 34). Рецензент утверждает, что захоронения двух пожилых мужчин в углублениях на капище совершены «по чисто христианскому обряду», так как скелеты лежали на спине головой к западу со скрещенными на груди или тазу руками и были безынвентарными (Даркевич В.П., с. 201). Но, во-первых, известно, что такое положение погребенных характерно для языческих трупоположений, а на территории хорватов были распространены и грунтовые захоронения. Во-вторых, руки погребенных вовсе не скрещены, а лежали в

разном положении на груди, на тазу или вытянуты вдоль тела (рис. 24, *1*, *2*). В-третьих, погребенные сопровождались костями животных, что невозможно в христианских захоронениях, и обломками посуды. Находки не могли попасть в погребения случайно, так как углем и черепками покрыто дно могильных ям. В-четвертых, погребения не одновременны. В одном из них найдена керамика XI или даже конца X в., т.е. оно относится еще к «первому», языческому, периоду, по В.П. Даркевичу. Второе погребение датируется по керамике XII – началом XIII в. (с. 34, 96). Захоронение христиан на языческом капище совершенно неправдоподобно. Не следует исключать и кости младенцев, найденные в верхних слоях двух углублений на капище (с. 34). Они тоже относятся к позднему периоду, но их трудно считать остатками погребений, скорее всего, они являются следами жертвоприношений.

В поздний период, по мнению рецензента, на капище Богита могла быть построена небольшая деревянная церковь или часовня (Даркевич В.П., с. 202). Для такого предположения нет буквально никаких оснований: поверхность капища хорошей сохранности, выложена плотно пригнанными друг к другу камнями, на ней нет ни повреждений, ни каких бы то ни было малейших следов построек или хотя бы чего-либо сгоревшего. Рецензент не смог привести ни одного опровержения датировки капища с конца X до XIII в.

Второе обстоятельство, неучтенное В.П. Даркевичем, касается культового сооружения, находившегося недалеко от капища на сакральной части Богита. Это жертвенник, сложенный в виде большого ящика из поставленных на ребро каменных плит, заполненный слоями камней и керамики, датируется тем же временем, что и капище, – с конца X до первой половины XIII в. Его поздняя дата подтверждается находкой обломка стеклянного браслета (с. 35). Рецензент этот жертвенник попросту не заметил.

Третье обстоятельство связано с датировкой каменных валов городища Богит. Экспедицией были сделаны разрезы всех валов и везде под их насыпями из камней обнаружена посуда скифского времени (с. 33), что указывает на время возведения валов. Почему-то рецензент оценивает датировку валов как «проблематичную» (Даркевич В.П., с. 201), не считаясь еще и с тем фактом, что славяне в южнорусских землях в X–XIII вв. валов из камней не сооружали. И на Богите, и в Звенигороде славяне в X в. насыпали дополнительные валы только из земли, в основании этих валов найдена керамика этого же времени. Совершенно произвольно передатировав каменные валы, не приведя для этого ни одного доказательства и следуя только своей концепции, В.П. Даркевич утверждает, что площадь укрепленной части Богита в поздний период увеличилась во много раз и планировка его усложнилась (Даркевич В.П., с. 202). Получается, что в XII–XIII вв. площадь Богита «увеличилась» за счет каменных валов скифского времени. На этой пристроенной в "поздний" период площади оказались и раскопанные на ней дома X–XI вв.

Реконструкция каменных валов Богита, предложенная рецензентом, тоже не обоснована и запутана. Говоря о поперечном вале № 3, отделявшем сакральную часть городища от общественной, В.П. Даркевич почему-то описывает другой вал № 2, в основании которого лежали два ряда камней, и приписывает к нему несуществовавшую «стену из полых клетей» (Даркевич В.П., с. 201, 202). Он считает, что каменный вал, идущий по периметру городища, являлся основанием деревянных стен, местами поверхность вала обожжена при горении стен. Но прежде, чем делать такие заключения, следовало бы внимательно прочитать книгу: «Поверхность вала неровная с выступающими камнями и лишь в западной части на его вершине сделана горизонтальная площадка с обожженной поверхностью, на которой лежат обломки древнерусской посуды» (с. 33). Эта горизонтальная площадка расположена на самой оконечности мыса, и к ней примыкает каменный жертвенник, в остальных же местах вершина вала настолько узкая и неровная, что по ней трудно пройти. Никаких признаков деревянной стены на каменных валах нет. По всем имеющимся данным, славяне только частично воспользовались древними валами, но никак их не реконструировали. Не усиливал оборону и неглубокий ров с плоским, выложенным камнями дном, окружавший все городище по склону холма. Ров был вырыт в X–XI вв. и представлял собой сакральную границу всего святилища «раннего» и «позднего» периодов. Сакральная граница является одним из существенных признаков культовых мест.

Впрочем, В.П. Даркевич допускает и другой вид укреплений вала: «Даже беформенные нагромождения бревен, веток, колючих кустарников могли на время остановить врага» (Даркевич В.П., с. 202). И это в XII–XIII вв., когда оборонительное зодчество у восточных славян находилось на высоком уровне развития. Да и где при таких укреплениях могли находиться защитники убежища? Вообще это что-то совершенно новое – убежище с такими укреплениями, да еще в центре которого стояла церковь. Предположение, что «убежище»

погибло при пожаре, не имеет никаких подтверждений, на всех раскопанных объектах нет ни малейших признаков разгрома и горения. Не могли окрестные жители находить приют во временных домах на Богите при набегах кочевников в XII–XIII вв., так как все раскопанные дома относятся к X–XI вв. (с. 36, 97).

Четвертое обстоятельство, на которое не обратил внимания рецензент, – это расположение отдельных частей комплекса на Богите. Он признает сакральный характер земляного вала, ограничивающего могильник (Даркевич В.П., с. 202), но этот вал был насыпан в X в., а примыкает к части городища, отнесенной В.П. Даркевичем к «позднему» периоду (рис. 17); следовательно, этот вал нарушает представления рецензента о разрастании городища Богит в XII–XIII вв.

В целом версия о двух периодах жизни на Богите и о превращении его в убежище в позднем периоде, предложенная В.П. Даркевичем, не подтверждается фактами – капище и жертвенник существовали непрерывно с конца X до XIII в. На протяжении всего этого периода использовалась площадка Богита, размеры которой не менялись и которая имела лишь сакральные границы, не приспособленные для обороны. Не поколеблено и понимание всего комплекса Богита как святилища, функционировавшего в течение всего указанного отрезка времени.

Основная часть рецензии посвящена городищу Звенигород, которое, подобно Богиту в XII–XIII вв., расценивается как крепость-убежище, разгромленная татарами. Но главный пафос критики направлен против самой возможности человеческих жертвоприношений, «массовых» и «изуверских», как их называет рецензент.

Прежде всего, остановимся на характере городища Звенигород. Оно расположено на крутом склоне холма, ограничено внешним дугообразным валом, а внутренний вал делит городище на две части, для каждой из которых характерны особые сооружения и свои функции. В нашей книге эти части городища названы сакральной и общественной. Как и на Богите, валы Звенигорода сложены из камня и их основа относится к скифскому времени (против чего в данном случае рецензент почему-то не возражает). Валы спускаются по крутым склонам и огибают городище в виде подковы, оставляя открытой и незащищенной юго-восточную сторону, откуда на внутреннюю, общественную, площадку городища можно свободно подняться (рис. 27). Рецензент уверяет, что на валах стояли «какие-то деревянные надстройки» (Даркевич В.П., с. 204), но ни малейших следов таких «надстроек» нигде не обнаружено. Прослойки глины и угля в насыпях валов, которые В.П. Даркевич «с уверенностью» принимает за остатки деревянных конструкций, на деле относятся к скифскому времени (рис. 29, *2*), и к VI–VII вв. (рис. 29, *1*). Лишь в трех местах на вершине внешнего вала рядом с тремя капищами выявлены площадки, вымощенные камнями (рис. 30, *5, 6*). На такой площадке над капищем № 1 сконцентрировано много разнообразных вещей, в том числе копье, два наконечника стрел и находки, не имеющие отношения к военному делу, – трубчатые замки́, ключ, пряслице, обломки стеклянных браслетов, остатки бронзового котла, фрагмент черепа человека (с. 39). На площадках на валу нет следов построек, и их нельзя считать остатками укреплений; скорее, это были места жертвоприношений на валу для усиления сакральной границы святилища, тем более что они были непосредственно связаны с капищами Звенигорода. Культовые обряды проводились на валах многих городищ-святилищ (Богит, Говда, Ржавинцы, Радзиково, Шленжа), что служит одним из признаков таких городищ (литературу см. в нашей книге).

Земляной вал в Звенигороде, насыпанный в древнерусское время и соединявший ряды каменных валов, вовсе не представлял собой «остатки сгоревшей стены из забитых глиной городен» (Даркевич В.П., с. 204). По внешнему склону этого вала проходила ступенька, на которой многократно разжигались огни, сохранились прослойки угля, золы, рыхлой обожженной глины (с. 38, рис. 29, *3*), что могло только ослабить оборонительную роль этого вала. Оборонительного значения этот вал не имел еще и потому, что у него нет внешнего рва, но с внутренней стороны к валу примыкал узкий и неглубокий ров, что характерно для сакральных валов. Сакральная роль земляного вала подтверждается тем, что на его внутреннем склоне была устроена круглая жертвенная площадка, ограниченная рядом камней, и перед ней в насыпи вала вырезана нишеобразная хлебная печь (рис. 30, *2, 3*). Сам вал замыкал ограждение сакральной части городища.

Расположение валов в Звенигороде, оставлявшее свободные проходы на городище, отсутствие на валах дополнительных деревянных укреплений делают сомнительным оборонительное значение этого памятника. Тем более нельзя приписывать постройку здесь «крепости» на неудобном крутом склоне, с непродуманной системой обороны князю Владимиру, как это делает В.П. Даркевич (с. 204). Мог ли князь Владимир во время похода на

хорватов в 992 г. строить для только что покоренного населения крепость-убежище, да еще вблизи от святилища на Богите, которое, согласно В.П. Даркевичу, существовало еще до середины XI в.? Южная граница Галицко-Волынского княжества проходила южнее по Днестру, и вдоль нее в XII в. была построена целая линия оборонительных крепостей (Ушица, Бакота, Калиус, Кучелмин, Василев и др.), так что «крепость» в Звенигороде не могла иметь стратегического значения и позднее.

В.П. Даркевич считает, что длинные дома в Звенигороде «расположены по периметру городища и вдоль земляного вала» и входили в систему фортификации, как срубы на южнорусских городищах Райковецком, Колодяжинском и др. (Даркевич В.П., с. 204). Но, во-первых, длинные дома в Звенигороде не стояли по всему периметру городища, а находились на специально срезанных горизонтальных террасах в разных местах. Вдоль земляного вала их вообще не было. Во-вторых, эти дома не образовывали сплошной оборонительной линии, как срубы, примыкавшие к валам в южнорусских крепостях, а стояли изолированно друг от друга вне связи с валами. То же наблюдается на Богите, где один из длинных домов был расположен за пределами валов при спуске на могильник. В-третьих, длинные дома имели столбовую конструкцию и стены из плетня, обмазанного глиной, и не могли служить сколько-нибудь надежной защитой при нападении врагов. Городище Звенигород неправомерно даже сравнивать с южнорусскими крепостями, срого спланированными, приспособленными для круговой обороны и окруженными мощными валами с рядами оборонительных клетей.

По поводу длинных домов В.П. Даркевич высказал противоречивые суждения. Помимо оборонительного значения, по его мнению, они, с одной стороны, были жилыми, а с другой – могли служить для размещения большого числа беженцев, но никак не могли использоваться для общинных сборищ, так как общественные дома были «характерны для более архаического социума эпохи военной демократии» (Даркевич В.П., с. 205). Все эти утверждения ошибочны. Общественные дома для пиршеств у северо-западных славян подробно описаны в Житии Оттона Бамбергского XII в., такие дома раскопаны на городищах IX–X вв. Екимауцы, Ревно, Добрыновцы, Ржавинцы, Микульчицы, дома для культовых трапез по этнографическим данным существовали в Македонии почти до современности, известны они и у других народов, например в Чувашии до XVIII в. (с. 85). Такие дома в Звенигороде не имели оборонительного значения, что очевидно. Не могли они быть и жилыми, так как жилища X–XII вв. давно и хорошо известны, у них нет ничего общего с длинными общественными домами. На городище Звенигород длинные дома стояли на сакральной части, где в них сохранилось большое количество вещей, в том числе и дорогих (например, серебряная денежная гривна), и на общественной части, где дома не содержали почти никаких находок, кроме разбитой посуды и костей животных – остатков пиршеств (с. 88, 89). Различны по конструкции и составу находок и другие сооружения на сакральной и общественной частях Звенигорода.

На трех каменистых отрогах в самом высоком месте сакральной части Звенигорода находились однотипные круглые площадки, вымощенные камнями. Две из них раскопаны полностью, третья только перерезана траншеей, так как на ней растут старые деревья. В книге эти площадки интерпретированы как капища. В.П. Даркевич увидел на них христианский храм и остатки зданий, которые «входили в систему укреплений и были приспособлены для жилья», он установил даже размеры всех построек (Даркевич В.П., с. 204, 205). На описании капищ придется остановиться подробнее. Капище № 2 представляет собой округлую площадку, выложенную мелкими камнями. В ее центре выступает материковая скала с гладкой подтесанной поверхностью, на которой лежал фрагмент черепа человека (с. 43, 44). На площадке находилось много вещей: масса стеклянных браслетов, височные кольца, ключи, три наконечника стрел, образок и другие предметы. Площадка ограничена полукруглым валом, а с юга переходит в крутой склон, также вымощенный камнями. Вал на рис. 55 отмечен не «искусственно», как пишет рецензент, а проведен пунктиром в связи с тем, что он невысокий и расплывчатый, его границы нечеткие, но он прекрасно виден в профиле. Это сооружение является типичным круглым капищем, подобно многим в славянских землях. Увидеть в нем прямоугольное здание (Даркевич В.П., с. 205) можно только при полном неумении читать чертежи и сопоставлять их с профилями. Капище № 1 имеет такой же характер: круглая площадка, вымощенная камнями и окруженная невысоким валом; кроме того, по ее периметру расположены ямы, как на капище Богита (с. 39, 101, рис. 30, *1*). К сожалению, раскопки этого капища невозможны из-за растущих на нем старых дубов и кустарника. Слой, покрывающий капище, не превышает 10–20 см, в нем нет никаких следов «большой разрушенной до основания

постройки» (Даркевич В.П., с. 205). Около капищ № 1 и 2 стояли длинные общественные дома, в которых сохранилось много вещей, возможно, собранных в шкатулки, как это отмечалось на святилище Аркона. На вершине вала над капищами выделяются жертвенные площадки.

Планировка капища № 3 была более сложной. Такая же круглая площадка, как на других капищах, ограничена уступами, каменными глыбами и полукругом столбовых ям. Посредине этой площадки находилась большая яма, в которой мог стоять идол. Особенность этого капища состоит лишь в том, что к его центральной площадке с востока примыкают три понижающиеся ступени, расположенные на склоне откоса и также вымощенные камнями (с. 40, 41, рис. 39, 40, 41, *2*, 43, *1*). Кругом капища и у его подножия все усыпано разнообразными вещами и вырыты многочисленные ямы (рис. 42), к которым мы еще вернемся. В.П. Даркевич считает, что здесь была возведена церковь размерами 12 × 6 м, стены и нижние ряды кладки которой состояли из крупных плит (Даркевич В.П., с. 204). Никаких крупных плит на капище не было, на поверхности выступают неровные каменные материковые глыбы, перепад высот между ними до 5 м, они не могли служить стенами постройки. На плане всего отрога даже при самом богатом воображении невозможно увидеть церковь.

Рецензент рисует яркие картины разгрома древнерусских и среднеазиатских городов, гибели их жителей при татаро-монгольском нашествии (Даркевич В.П., с. 202, 203). Все это не имеет никакого отношения к комплексу на Збруче. В Звенигороде, Богите и Говде нет следов разгрома и пожара ни на капищах, ни в длинных общественных домах, ни в жертвенных и предпечных ямах. Непонятно, откуда рецензент почерпнул сведения об обугленных досках пола в постройках, о «сожженном селище Бабина долина». Об этом в книге нет ни слова. На селище Бабина долина раскопаны многочисленные жилища-полуземлянки с печами-каменками и ремесленные мастерские, вовсе не погибшие при пожаре, да и самое селище было обитаемо в XI–XII вв. и ко времени татаро-монгольского нашествия уже не было заселено (с. 95), на что рецензенту неплохо было бы обратить внимание. Остальные селища также не были сожжены. На селище Стадна 2 раскопаны хозяйственные постройки и горы, существовавшие до XIII в. и не пострадавшие от огня. Погибло от пожара лишь одно жилище на усадьбе поселения Замчище, но оно относится к первой половине XI в. (с. 104). Фантастично описание обороны Звенигорода около «церкви» и «ворот – наиболее уязвимой части укреплений» (Даркевич В.П., с. 205), так как никаких ворот здесь не было, а отмеченный на плане городища проем в валу (рис. 27) был пробит австрийцами в XIX в., тогда же был засыпан ров и сделана дорога для вывоза с городища леса и камня.

Тонкие прослойки золы и угля, перемежающиеся со стерильными слоями глины и камней, обожженные площадки в Звенигороде указывают на многократное использование огня на одном и том же месте. Очищающая и целебная сила огня общеизвестна, без его применения не могло проходить ни одно священнодействие (с. 75, 76, там же литература).

Неоправданны и рассуждения В.П. Даркевича о продвижении татаро-монгольских войск по территории Галицкого княжества (Даркевич В.П., с. 202). Ближайший к Збручскому комплексу древнерусский город Теребовль, где проводились раскопки, не был разгромлен татарами, как и ряд крепостей, возникших в XII в., вдоль Днестра на южной границе княжества. Движение конницы вдоль р. Збруч невозможно, из-за того что горы подступают к самому руслу реки и местами вдоль нее трудно пройти даже пешком.

Рецензент настаивает на том, что человеческие кости, найденные в Звенигороде, являются свидетельством «целенаправленного уничтожения защитников крепости», останки которых были затем помещены в сгоревшие жилища, ямы, расщелины среди камней, сюда же сваливались разрубленные туши животных (Даркевич В.П., с. 202, 203). И в данном случае он не учел многие обстоятельства, противоречащие этим утверждениям.

Во-первых, человеческие кости в Звенигороде встречаются в сооружениях разного времени, в том числе существовавших задолго до татаро-монгольского нашествия, что подтверждается абсолютными датами и стратиграфией находок, помещенных на различном уровне в заполнении и разделенных стерильными прослойками. Кости никак не могут быть свидетельством единовременного разгрома. Во-вторых, человеческие кости помещались лишь в определенных местах и сопровождались специальными ритуалами, следы которых хорошо прослеживаются. В-третьих, лишь в трех сооружениях Звенигорода обнаружены скелеты людей, которых можно считать убитыми, да и то в разное время. В остальных случаях найдены лишь отдельные человеческие кости и фрагменты черепов, которые скорее можно считать свидетельствовами о культе костей, а не «массового уничтожения

населения» и «расправы над верующими». Все данные о находках человеческих костей приведены в нашей книге; там же человеческим жертвоприношениям посвящен целый раздел, поэтому ограничимся лишь отдельными примерами, подтвержающими вышесказанное.

О человеческих жертвоприношениях у славян есть много свидетельств в письменных источниках с IX в. до позднего средневековья (с. 66. 67), подтверждаются эти данные и археологическими материалами X–XII вв. из разных мест славянского мира (с. 68). В Звенигороде принесение в жертву человека зафиксировано в сооружении № 3, находившемся у дороги, ведшей к капищам. Здесь на дне большой прямоугольной ямы лежал скорченный скелет подростка, вокруг которого в один слой были уложены мясистые части туш не менее десяти молодых особей крупного рогатого скота и четыре коровьи челюсти. Посредине пола в землю была воткнута стрела и положена керамика XI–XII вв. Нет признаков жилого или хозяйственного назначения этой ямы, в ней преднамеренно в определенном порядке были расположены жертвоприношения (с. 48, 69, рис. 49, *1–3*). Второе жертвоприношение – скорченный костяк с пробитым острым орудием черепом – находился в заполнении колодца, рядом лежали топор, оковка лопаты и черепки XII в. (с. 49, 69, рис. 63, *3*). Колодец у славян считался одним из путей в потусторонний мир, в страну предков. Оба человека были убиты задолго до монгольского нашествия. Положение скелетов, места, где они были положены, и сопровождающие их предметы свидетельствуют, скорее всего, о совершенных жертвоприношениях.

Позднее, в середине XIII в., человеческие жертвоприношения были совершены на месте уже запустевшего к этому времени поселения Бабина долина. Около целебных источников на склоне берега ручья была выровнена круглая площадка, склон ее вымощен камнями и затем на площадке помещены мясные части туш крупного рогатого скота, коровьи челюсти и четыре сосуда. Здесь же лежал скелет, по-видимому, связанного человека с отрубленной головой. Это может быть объяснено лишь преднамеренным жертвоприношением в специально устроенном месте. В склоне над площадкой была вырезана нишеобразная печь и в ней помещен труп подростка. Печь, несомненно, связана с жертвенной площадкой и совершенными на ней обрядами, ее неправомерно сопоставлять со следами татарского разгрома в Киеве (Даркевич В.П., с. 203). Печь относится к типу почитаемых хлебных печей, в ней невозможно было «спрятаться», так как она находилась на открытом месте и была хорошо видна (с. 50, рис. 68).

В остальных местах на Звенигороде найдены лишь разрозненные человеческие кости, чаще всего фрагменты черепа. На крутом склоне сакральной площадки видны западины-углубления, из которых раскопано восемь. На месте большинства из них оказались ямы с материковыми глиняными стенками разной высоты. В самой высокой стенке ям вырезались круглые печи с полусферическим сводом и сильно обожженным ровным глиняным подом. Каждая печь, вероятно, использовалась недолго, после прекращения ее действия яма присыпалась глиной и забрасывалась камнями, а в стенке ямы делалась новая печь. В каждой яме насчитывалось по две-три таких печи. Эти сооружения В.П. Даркевич считает обычными жилищами (Даркевич В.П., с. 205), хотя они не имеют ничего общего с широко распространенными славянскими жилищами-полуземлянками с печами-каменками. Особенности устройства нишеобразных печей, соответствие их этнографическим материалам позволяют считать, что печи использовались для выпечки хлеба (с. 76, 77). Почитание хлеба, особенно круглых караваев, применение его при всех торжественных случаях жизни, на общих пирах и при молениях широко известно (с. 78). Выпечка хлеба тоже сопровождалась особыми обрядами, что наблюдается и в Звенигороде. Почитание самой хлебной печи засвидетельствовано еще и тем, что в одной из них был положен череп ребенка и по обе его стороны симметрично помещены две согнутые ножки теленка, повернутые копытцами к черепу (с. 49). Это не могло быть случайным.

Три хлебных печи были вырезаны в стенках большой округлой ямы (сооружение № 9), вырытой у подножия капища № 3. В нижнем ее слое, относящемся к X–XI вв., перед нишеобразной печью на слое угля лежали нижняя челюсть ребенка, кости животных и шпора. Все это засыпано камнями и чистой глиной. Сверху вторая такая же печь и вновь связанный с ней слой угля были перекрыты глиной. Выше в стенке ямы сделана следующая печь и перед ней помещено довольно много вещей и два скопления разрозненных человеческих костей (с. 42, 102, рис. 52, *1–5*). Датируется верхний слой заполнения ямы XII – первой половиной XIII в.; следовательно, человеческие кости относились к разному времени.

Сооружение № 5 с двумя хлебными печами также содержало человеческие кости,

находившиеся на разном уровне. Эта прямоугольная яма была вырыта на крутом склоне на месте более ранних хлебных печей. На уровне пола ямы перед нишеобразной печью лежали три скопления человеческих костей, среди ребер было воткнуто шило, рядом находились вещи, в том числе два перекрещенных серпа, черепки XII в., кости животных. У каждого скопления костей насыпаны зерна пшеницы, ржи, ячменя, овса и проса. Затем все было перекрыто слоем чистой глины и положены четыре золотых трехбусинных кольца и массивный серебряный браслет. Сверху на площадке из камней положен мужской череп и рядом с ним – вещи, кости животных, обломки посуды XII – первой половины XIII в. Потом все опять засыпано глиной и в стене ямы выкопана еще одна хлебная печь, с которой связан слой угля в заполнении (с. 46, 47, рис. 62). Это сооружение невозможно считать жилым, а человеческие кости из его заполнения не могут быть останками «защитников крепости».

Придется остановиться еще на одном сооружении № 14, которое, согласно рецензенту, «ничем не отличается от обычных жилищ» (Даркевич В.П., с. 205). Находится оно рядом с предполагаемым, но нераскопанным капищем № 4 на сакральной части городища (здесь рецензент ошибся). Сооружение представляло собой прямоугольный котлован, в стене которого были вырезаны две хлебные печи, использовавшиеся в разное время, но сооружение имеет свои особенности. В отличие от других в нем четко видны ямы от опорных столбов стен и входа. Около входа на полу лежал опрокинутый каменный идол, который первоначально стоял вертикально и его основание было укреплено камнями в большой яме. Перед идолом на круглой площадке, огороженной столбиками, многократно разжигался огонь (сохранились прослойки угля и глины), рядом было насыпано большое количество зерна и лежали череп, разрозненные кости конечностей человека, два серпа и другие вещи. В верхнем слое заполнения, связанном с позднейшей хлебной печью, также находился фрагмент черепа человека (с. 44, 45, рис. 59). В этом сооружении, существовавшем еще во второй половине XIII в. (с. 60), не могли находиться останки погибших при разгроме; напротив, здесь явно прослеживается проведение обрядов, связанных с земледельческими культами. Сооружение названо в нашей книге храмом, т.е. закрытой постройкой с помещенным внутри изображением бога. В.П. Даркевич считает, что оно слишком мало для храма, но почти такую же величину имел храм в Зеленой Липе, небольшими были храмы и у кельтов. На замечание рецензента, что идол относится «к очень отдаленной эпохе» и не похож на «достаточно известных» славянских идолов (Даркевич В.П., с. 205), можно ответить, что славянские идолы известны далеко недостаточно. Примитивных идолов почти без изображений у славян много. На святилище в Ржавинцах поклонялись прямоугольному каменному столбу, даже в Греции боги почитались в виде почти необработанных камней (с. 14).

Только недоразумением можно объяснить оценку рецензентом ям у подножия капища № 3 как захоронений, да еще совершенных по христианскому обряду (Даркевич В.П., с. 203). Из 17 ям лишь в 7 были найдены разрозненные и одиночные человеческие кости, здесь же находились кости животных, что невероятно для христианских погребений. Большинство ям содержало только вещи, были и совсем пустые. Сами ямы мелкие и небольшие (длина некоторых около 1 м, у других еще меньше), многие из них ориентированы на север – юг, есть и округлые (с. 101, 102). Яма № 10, в которой найден крест-складень, названа рецензентом «братской могилой», но в ней не было ни одной человеческой кости, находились только многочисленные вещи, ее размеры 50 × 70 см. Вероятно, к подножию капища, где концентрировалась основная масса вещей, во время проведения обрядов приносили и человеческие кости.

Отдельные фрагменты черепа человека найдены в разных местах на сакральной части Звенигорода – на капище № 2, в сооружении № 6, на жертвенной площадке, расположенной на валу, на такой же круглой площадке, обставленной камнями и примыкавшей к земляному валу (сооружение № 15). Все эти находки можно сопоставить с культом костей, обычаем рассекания трупа и разбрасыванием костей в разных местах, что было распространено у разных народов, подтверждено данными письменных источников и археологическими материалами. Эти обряды должны были способствовать благополучию людей, плодородию полей и животных (с. 70–72). Отголоски этих обрядов сохранялись долго, проявлялись в разрывании на части чучел Масленицы, Купалы, Костромы и нашли отражение в почитании костей христианских святых (с. 71).

Рецензента возмущает, что найденные на капищах вещи – украшения, бытовые предметы, оружие – рассматриваются нами как жертвенные дары. Он не обращает внимания на то, что точно такой же состав вещей характерен для многих святилищ разных народов (греков, кельтов, германцев, финнов). Совершенно такие же вещи найдены на славянских

святилищах Аркона и Шлонжа (с. 27). Скопления стрел, которым придавалось многообразное символическое значение (с. 82), наблюдаются еще около древних писаниц и почитаемых пещер. На сакральной части Звенигорода найдено в разных местах около 20 наконечников стрел, из них только два можно отнести к «монгольским» типам. Находки на капищах Звенигорода 8 крестов и образка могут быть объяснены по-разному, но не следует забывать, что кресты среди других жертвенных вещей найдены на святилищах ненцев, на культовых местах в Финляндии, в курганах славян (с. 83). Из этнографических данных следует, что в народном сознании каждая вещь, помимо практического, имела и символическое значение.

Ответим и на мелкие замечания рецензента (Даркевич В.П., с. 206). Городищу Говда посвящен не один абзац на с. 99, о нем говорится на с. 22 и др., где показано, по каким признакам Говда может быть отнесена к святилищам, а не к убежищам. Время существования культовых колодцев известно: на Говде он сооружен в XI в. и перед ним находилась жертвенная площадка, в Звенигороде колодец был заполнен до верха в XII в. Около Звенигорода из-под холмов в разных местах вытекает семь источников, и о них говорится, когда в этом есть необходимость. На с. 201 рецензент приводит совершенно бессмысленную фразу о разбивании браслетов для размножения в «потустороннем мире», полностью искажая смысл сказанного в книге о символическом значении разбивания вещей и посуды при совершении обрядов (с. 80). Неверны замечания рецензента о том, что человеческие жертвоприношения обязательно должны сопровождаться инвентарем, что среди костяков отсутствуют юношеские, что на рис. 72 изображены круглые капища, отсутствующие на местности (Даркевич В.П., с. 201, 203, 204).

Отнюдь не «мелким» является высказанное рецензентом вскользь замечание о том, что языческие святилища балтийских славян и памятники на Збруче «не имеют ничего общего» (Даркевич В.П., с. 206). Напротив, общих черт у городищ на Збруче с языческими святилищами во всех славянских землях (с. 26–29) очень много: 1) крупные языческие центры на территории Польши – городища на горе Шлонжа и двух соседних горах в Силезии, городища на Лысой горе, Горе Гродовой и Добжешуве в горах Свентокжицких, на холме в Радзикове на Плоцкой возвышенности – расположены в гористой местности, труднодоступной и покрытой лесом; 2) городища-святилища в Силезии и горах Свентокжицких, как и на Збруче, объединены в группы по три городища, и к ним примыкают синхронные селища; 3) городища-святилища, не приспособлены для стационарного обитания на них, на их поверхности выступают скалы и лежат камни, нет сплошного культурного слоя, отсутствуют хозяйственные и обычные жилые постройки (Шлонжа, Лысая гора, Гора Гродова, Богит, Звенигород); 4) валы и рвы, окружавшие городища, непригодны для обороны, что отмечается всеми исследователями Шлонжи, где валы не замыкают всю площадку городища, местами идут по склону, сложены из камней в раннем железном веке, как на Богите и Звенигороде. Валы и рвы служили сакральной границей святилищ для защиты последних от окружающих злых сил. Участки на вершинах и склонах валов для усиления символической защиты бывают обожжены, на них устраивали площадки для жертвенных даров (Шлонжа, Лысая гора, Добжешуво, Богит, Звенигород, Говда). Рвы часто имеют плоское дно, вымощенное камнями, на нем разжигали огни и проводили жертвенные обряды (Радзиково, Кулешовка, Рудники, Говда, Богит). Характерны рвы, проходящие с внутренней стороны валов (Аркона, Кулешовка, Богит, Звенигород, Говда); 5) на площадках святилищ выделяются части, имевшие разное значение. Особенно отчетливо это видно в Арконе, где на отделенной валом мысовой части городища стоял языческий храм. Сакральные части отделены валом на Богите и в Звенигороде; 6) на площадках святилищ находятся жертвенники в виде каменных ящиков (Радзиково, Богит), жертвенные площади (Радзиково, Звенигород), жертвенные ямы многоразового использования (Радзиково, Звенигород); 7) круглые площадки-капища характерны для многих святилищ (Перынь, Псков, Ходосовичи, Тжебятув, малые городища-святилища, Богит, Звенигород и др.); 8) общий состав жертвенных даров на капищах в Звенигороде такой же, как в Арконе X–XII вв. и Шлонже X–XIII вв.; 9) останки принесенных в жертву людей обнаружены в Звенигороде, на Богите (кости детей на капище), в Зеленой Липе, Вышегроде. Во многих местах прослеживается культ человеческих костей, как в Звенигороде. Особенно наглядно он виден в Арконе, где открыто скопление человеческих черепов с вещами и керамикой X–XI в. и найдены человеческие кости разного времени – к IX–X в. относится 470 костей, к XI–XII в. – 905 костей (с. 68). Человеческие жертвоприношения совершались, вероятно, на городищах, посвященных главным богам; 10) крупные языческие центры возникали в IX–X в. и существовали до XII–XIII вв. в лесах и

дебрях уже после официального принятия христианства в Киевской Руси и государстве Пястов. Они прекратили свое существование в связи с усилением государственной власти и наступлением христианства. Позднее на месте многих святилищ были построены церкви. Все эти соответствия, а также описания святилищ прибалтийских славян немецкими хронистами позволяют считать городища Богит, Звенигород и Говду на Збруче языческими святилищами, входившими в состав большого культового центра.

В.П. Даркевичу не удалось обосновать свою версию о существовании на городище Звенигород крепости-убежища, о перестройке в середине XI в. городища Богит и о превращении святилища на нем тоже в крепость, о разгроме этих крепостей во время татаро-монгольского нашествия. Он не использует все материалы, допускает в изложении ошибки и искажения. Так, он принимает каменные валы скифского времени за древнерусские, круглые капища – за прямоугольные постройки и церкви, жертвенные ямы с хлебными печами – за обычные жилища, жертвенные ямы у капища № 3 – за христианские погребения, многократное использование огня на одном месте с культовыми целями – за следы пожара, разновременные скопления человеческих костей, сопровождающиеся специальными обрядами, – за следы татаро-монгольского разгрома. Над рецензентом довлеет его концепция, тогда как новые и яркие материалы, полученные при раскопках на Збруче, нельзя объяснить лишь сравнением с более или менее знакомыми ему данными о городах, уничтоженных татарами.

Открытые на Збруче материалы необычны и трудно воспринимаются при поверхностном чтении. Збручские городища таят в себе еще много загадок, они должны быть всесторонне и внимательно обсуждены специалистами. Надеемся, что рецензия В.П. Даркевича послужит началом серьезной дискуссии об этих открытиях.

Институт археологии РАН,
Москва

И.П. Русанова, Б.А. Тимощук

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Даркевич В.П., 1996. И.П. Русанова, Б.А. Тимощук. Языческие святилища древних славян. М., 1993 // РА. № 4.

Русанова И.П., Тимощук Б.А., 1993. Языческие святилища древних славян. М.

Л.А. БЕЛЯЕВ. ДРЕВНИЕ МОНАСТЫРИ МОСКВЫ ПО ДАННЫМ АРХЕОЛОГИИ. М., 1994. 458 с.

Конкретная история монастырей в Москве в ранний княжеский период (конец XIII – начало XV в.) как цельных и своеобразных очагов культуры, в идеале замкнутых самодовлеющих мирков, до недавнего времени не являлась объектом целеустремленного археологического исследования. Воинствующий атеизм как часть государственной идеологии при советской власти, отчасти не изжитый до недавнего времени[1], нанес непоправимый ущерб для науки и культуры в силу одностороннего сосредоточения в области истории, экономики, социальных отношений и классовых противоречий, что на практике привело к актив-

[1] Один из многочисленных примеров: в монографии, приуроченной к тысячелетию принятия христианства на Руси, автор делится с читателем подобными "откровениями". Христианство – это "принципиально новая идеология" (?! – *В.Д.*). С ее "помощью правящий класс мог заставить подчиняться себе народные массы" (Рапов О.М., 1988, с. 406). В трудах наиболее ортодоксальных представителей советской историографии пафос борьбы с "религиозным обскурантизмом" не имел границ: "Церковь выступала против классовой борьбы, умело покрывала темные дела отдельных представителей феодальных сословий, боролась с инакомыслием, не брезговала заниматься ростовщичеством, иногда злоупотребляла судебной властью" (Рапов О.М., 1988, с. 408).

© В.П. Даркевич, 1998 г.

ному сносу памятников церковной старины в Москве. Комплекс погибал целиком вместе с фундаментом и окружавшим слоем. "Древние храмы раскапывались и изучались в то самое время, когда в массовом порядке сносились их уцелевшие собратья, часто ненамного отличавшиеся от них по дате" (с. 20). Сами по себе исключительно ценные работы в области искусствознания, истории архитектуры и древнерусской литературы, широко развернувшиеся с 1950–1960-х годов, по условиям того времени редко связывались с широкой культурно-исторической проблематикой. Л.А. Беляев справедливо пишет, что "монастырь был одним из наиболее ярких, образных явлений христианского средневекового мира... Нет такой сферы деятельности, где монастырь не отразился бы самым непосредственным образом, на развитие которой не сказал бы прямого и сильного влияния. Письменность и литература, причем не только богословская или служебная, но и деловой, исторический, поэтический жанры; образование; монументальное искусство (архитектура, живопись, скульптура) и малые формы (книжное, орнаментальное, декоративно-прикладное); вообще высшие уровни развития ремесел – все это на раннем этапе средневековья концентрировалось почти исключительно внутри или вблизи монастыря" (с. 6).

В отличие от вульгарно-социологического тезиса, что русская православная церковь изначально служила целям феодальной эксплуатации, Л.А. Беляев справедливо отмечает, что идеал постоянного общественно-полезного труда восходит к монастырскому, монашескому мировосприятию. Не подлежит сомнению политическая роль монастырей в становлении и упрочении Москвы как центра крупного княжества, а затем – общерусского государства. Велико их значение в распространении просвещения, в "строении" отдаленных земель – хозяйственном освоении территорий Русского Севера.

Целенаправленное комплексное изучение ранних монастырей Москвы с их древностями – задача чрезвычайно сложная. Монография Л.А. Беляева, выполненная в 1970–1980-х годах на основе археологических, архитектурных и архивных данных, пожалуй, первое исследование, где подводятся итоги предыдущих изысканий, намечены задачи дальнейших работ и четко определена их комплексная методика. "Накопились многочисленные вопросы, связанные с хронологией, топографией, особенностями материальной культуры" (с. 28). При этом трудности на пути ученого, специалиста по архитектурной археологии Москвы, особенно велики. После революции территория и здания многих древних монастырей оказались разрушены, полуразрушены и недоступны натурному исследованию. Особенно неопределенны наши знания и датировки памятников конца XIII – начала XV в. ввиду ненадежности и скудости источников (из построек XIV в. в Москве сохранились только нижние части церкви Рождества Богородицы и подклет Благовещенского собора). Изучение древней каменной архитектуры Москвы стало актуальной проблемой.

Автор четко определяет методику своего междисциплинарного исследования. Это полевые (натурные) работы, затрагивавшие не только архитектурные памятники, рассматриваемые в контексте общей проблематики московской археологии, но и прилегающий культурный слой. При археологических раскопках трех монастырей (Данилова, Богоявленского и Высоко-Петровского) проведены раскопки широкой площадью на наиболее важных, центральных участках. Они дополнены наблюдениями и разведками на периферии монастырей и в их окрестностях. Иногда приходилось довольствоваться схематическими обмерами и визуальным анализом. Особое внимание, уделенное автором изучению культурного слоя с датированной керамикой и вещевыми материалами, позволило ему произвести необходимые увязку и проверку всей информации, какую заключают в себе памятники монастырей. "Следы строительной активности строго стратифицируют культурный пласт, позволяют привязать его горизонты к существующим или разрушенным зданиям" (с. 202). Поскольку известия о древнейших московских монастырях крайне скудны, Л.А. Беляев применяет метод экстраполяции, совершая экскурсы в XVI, XVII, а в ряде случаев и до XVIII в.

Наряду с архитектурно-археологическими исследованиями первостепенное значение имеет анализ различных видов письменных источников, иконо- и картографических материалов, впервые специально использованных для изучаемой темы. В их число входят летописные известия, литературные сочинения, прежде всего агиографические, разного рода акты, в основном владельческого характера, планы XVII в. и т.д. Автор отдает себе отчет в том, что такие источники, как акты, археологические и архитектурные остатки, поддаются методам научного анализа лучше. Для других механизм изучения разработан недостаточно (предания, фольклорная традиция, житийная литература). Но на примере рассматриваемой работы необходимость междисциплинарных, комплексных исследований неоспорима. Как справедливо замечает Л.А. Беляев, этот принцип основан на пред-

шествующих традициях: линии монографического очерка XIX в. и опыте архитектурно-археологической школы середины XX в.

Выбор памятников, исследованных Л.А. Беляевым, далеко не случаен. Поставлена проблема возникновения и развития древнейших московских монастырей, причем предпочтительное внимание уделено обителям, которые могли возникнуть до конца 1360-х годов. Ввиду того что для конца XIII – третьей четверти XIV в. письменные, архитектурные или художественные источники почти отсутствуют, на первый план выступают археологические материалы и методы исследования, анализ стратиграфии культурных слоев конкретных памятников. Перед исследователем стояла задача сопоставить древнейшие монастыри Москвы как с последующей "Сергиевской" традицией, так и с предшествующей линией развития домонгольской архитектуры.

Богоявленский монастырь в центре Китай-города стал одним из основных объектов пристального изучения. Его расширение произошло в 1670-х годах; ныне существующие здания относятся к концу XVII – началу XX в. Раскопки внутри собора позволили выявить древнейшую историю этого участка. Он был освоен не позднее второй трети XIII в. в пределах городского посада. Не позднее последних лет XIII в. участок благоустраивается. На нем возникает некрополь и, вероятно, деревянная церковь (судя по песчаной подсыпке, перекрытой обмазкой из обожженной глины, длинным полосам горелого дерева, параллельным или перпендикулярным по отношению к могилам). После гибели храма во время пожара заброшенное кладбище использовали как площадку для возведения белокаменного четырехстолпного храма на высоком цоколе. Собор относится к группе раннемосковских и датируется от середины XIV до рубежа или даже первой четверти XV в. (табл. 39). Таким образом, как полагает Л.А. Беляев, "Богоявленский монастырь возник во второй половине XIII в., ближе к его концу, но не позже рубежа XIV в. Местом его возникновения является тот же участок позднейшей монастырской территории, который сейчас занят монастырским собором и кельями... Довольно рано (для Москвы да еще для монастыря вне Кремля) Богоявленский монастырь получает белокаменный четырехстолпный собор в стиле раннемосковского зодчества, с высоким цоколем, украшенный трехрядным резным фризом, сравнительно небольшой, внутри расписанный фресками. Стиль резьбы, а в известной степени и план собора, сближают его с постройками круга Троицкого собора Сергиева монастыря" (с. 97, 98). В конце XV – начале XVI в. в монастыре в связи с изменением устава на общежительный к собору достраивается трапезная на хозяйственном подклете, по плану восходящая к Грановитой палате Новгородского архиепископа (табл. 12).

Данилов монастырь, расположенный юго-восточнее Москвы, вниз по реке, относился к великокняжеским владениям, следовательно, был теснее связан с историей города и княжества, чем Богоявленский, который тяготел к боярскому роду Вельяминовых. Для XIII–XVI вв. – это дальняя пригородная обитель. Как свидетельствует археология, Данилов монастырь основали на месте, хорошо освоенном уже в XII–XIII вв. По предположению Л.А. Беляева, его расположение на важной водной дороге вблизи загородного княжеского села обусловило существование здесь на рубеже XIII–XIV вв. административного центра – выгодного места для устройства пристани, переправы, пункта таможенного контроля или перегрузки товаров.

Впервые Данилов монастырь упомянут в статье 1330 г. Троицкой летописи. Его основание приурочено к княжению Даниила Александровича. Однако никаких следов ранних памятников на территории обители не обнаружено: возможно, все постройки монастыря первоначально были деревянными. Выявленные Л.А. Беляевым в руинированном виде монументальные сооружения датируются не ранее XVI в. Тщательно изучены остатки полностью разобранного каменного храма первой половины – середины XVI в. (хронология определена по плитам некрополя, разрушенного при возведении церкви). Показательно, что посвящение храма Отцам Семи Вселенских соборов отражает ведущую для того времени идею: "Москва – центр православного мира". Возможно, храм в возобновляемом Даниловом монастыре "мыслился как символический общемосковский собор, призванный увенчать систему, уподобляющую Москву семихолмному Риму" (с. 125). Архитектурно-археологические исследования (табл. 75, 88), графические работы XVIII в. (табл. 71, 100, 101) позволяют представить первоначальный бесстолпный храм, возвышающийся над стенами и остальными зданиями пирамидальным объемом с высоким барабаном и крупной главой с большим крестом. Три ряда килевидных кокошников составляют основной массив завершения собора. Со второй трети XVI в. налицо тяга к наращиванию вертикализма, проявившаяся в шатровых и столпообразных постройках.

Высоко-Петровский монастырь впервые упомянут в "Повести о Митяе-Михаиле" в составе Троицкой летописи начала XV в.; одно из главных царских богомолий во второй половине XVII в. Он сохранил подробный строительный архив этого времени. Реальное свидетельство о существовании Петровского монастыря находим только в купчей 1461 г. Кладбище XV в. на месте будущего собора, передатированного началом XVI в., дает основание предположить, что здесь находился первый деревянный храм. В 1510-х годах возвели примерно на том же месте каменный собор Петра Митрополита редкого центрического типа (октофолий). Проект принадлежал итальянскому архитектору. Археологические и архитектурные исследования Л.А. Беляева подтверждают эту датировку (табл. 125, 126). Для топографии ранних московских поселений принципиально важно отсутствие на изученном внутри монастыря участке следов заселения ранее конца XIV – начала XV в.

В конце работы содержится общий обзор материалов по другим монастырям XIV в. (в историографической традиции они издавна считаются древнейшими). В очерке ставится задача выявить круг обителей, которые должны в первую очередь подвергнуться комплексному исследованию, причем ввиду сложности проведения археологических работ на территории Москвы натурное и общеисторическое изучение памятников, постоянные наблюдения археологов не теряют актуальности.

Работа Л.А. Беляева посвящена наиболее темному периоду в истории московского каменного зодчества. Она не только заполняет некоторые существенные лакуны в архитектурной археологии Москвы, служит эталоном исследовательской методики на примере трех монастырей, но и представляет значительный интерес в историко-культурном плане. Ибо, как пишет автор, "роль монастырей в становлении и упрочении Москвы... далеко превосходила по масштабам участие монастырей в строении других земель средневековой Руси" (с. 8).

Л.А. Беляевым введены в научный оборот вновь открытые или слабоизученные ранее монументальные сооружения (причем для их датировки широко использованы материалы некрополей), воссоздается первоначальная планировка монастырской территории. В общем анализе топографии и хронологии монастыря в полной мере использована информативная роль вещевых археологических находок. Некоторые их группы (к примеру, погребальная керамика) типичны именно для ранних (вплоть до середины XV в.) обителей Москвы, причем в пределах этого периода намечаются общие стадиальные разграничения.

Убедителен вывод, что если в крупных монастырях XIV – начала XV в. (Спасском, Чудове, Богоявленском, Андроникове) уже существовали каменные соборы, то приходские церкви вне Кремля оставались деревянными.

Отношение к монастырю прежде всего как к сакральному пространству – духовной твердыне, символу небесного града – Горнего Иерусалима по мысли Л.А. Беляева, обусловило регулярность, строгую иерархизированность их планировки. Огороженное пространство подразделялось на священное (храм, некрополь, Святые врата), собственно монастырское (кельи по периметру) и сугубо земное (хозяйственный двор). Ломая сложившиеся стереотипы, автор убедительно доказывает, что монастыри, особенно ранние, не служили изначально фортификационными сооружениями – "сторóжами". Монастырские стены и врата воспринимали прежде всего как ограждение символического райского сада от грешного земного мира. Святые обители не рассматривали как военные, стратегические объекты. Использование монастырей в роли цитаделей в войнах XVI–XVII вв., когда они приобретают усложненную конфигурацию и обстраиваются каменными стенами с применением приемов крепостного зодчества, выдерживают осады, общеизвестно, но это вынужденная необходимость. "...Даже в более позднее время, когда монастыри не только используются, но и целенаправленно перестраиваются с целью обороны (Кириллов Белозерский, Соловецкий и др.), речь идет не обо всех обителях, но о вполне конкретном достаточно узком круге монастырей-крепостей..." (с. 208).

В конце монографии автор предлагает хронологический очерк раннего этапа развития монастырей Москвы. Он наглядно иллюстрирует постепенное усиление Московского княжества. Если к середине XIV столетия исследователь предполагает существование в Москве не менее четырех–шести монастырей (связанных с княжеским домом, митрополичьей кафедрой и в одном случае с боярским родом), то с третьей четверти XIV в. их число начинает возрастать. Появляются сведения о боярских семейных монастырях; в XV в. в обустройстве обителей начинает выявляться роль верхушки торгового населения. С конца XIII по конец XIV в. в Москве было основано около полутора десятков монастырей. Безусловно, на это влиял рост экономических возможностей княжества. До последней трети XIV в. обители развивались в основном благодаря пожертвованиям (с. 215), тогда как

советские историки уже с домонгольского времени объявляли монастыри феодальными земельными собственниками, что не соответствует действительности (см. напр.: Тихомиров М.Н., 1956, с. 175, 179, 180). На наш взгляд, в активизации монастырского строительства гораздо важнее возрастающая интенсивность духовной (религиозной), политической и общественной жизни Северо-Восточной Руси, чем экономические факторы. Монастырь – это своеобразный "мир в миниатюре", "где было свое рождение (постриг), воспитание, труд и, наконец, смерть, – по крайней мере, телесная. Где была собственность и хозяйство, строительство и искусство. Где была своя "география" и собственное же представление об истории" (с. 221).

Наконец, исследователем убедительно выявлена связь топографии монастырей Москвы с общей планировочной структурой города и ближайшей к нему зоны. В конце XIII–XIV в. их основывали, как правило, в достаточно давно заселенных местах. Всецело зависимые от пожертвований, обители развивались вблизи княжеских и боярских сел или их городских дворов, т.е. на раннем этапе были привязаны к основным пунктам властвования, а также к центрам торговой и деловой активности. Благосостояние монастырей определялось и средствами, доставляемыми заказами служб, пожертвованиями паломников – отсюда их тяготение к крупным селам, главным сухопутным и водным дорогам. Группировка ранних монастырей позволяет предположительно реконструировать основные направления связей Москвы. Появление на посаде каменных монастырских соборов зависело от возведения новых линий городских укреплений в XIV–XV вв., о которых почти ничего неизвестно.

Таким образом, казалось бы локальное исследование Л.А. Беляева благодаря комплексной методике, чрезвычайной тщательности в проведении архитектурно-археологических работ, острой наблюдательности, широкому использованию и анализу всех доступных видов источников, пожалуй, перерастает очерченные самим ученым границы. Книга принадлежит к числу пока еще немногочисленных трудов 1980–1990-х годов, в которых строительные ансамбли или отдельные храмы рассматриваются не просто как "памятники архитектуры", а как факты православной духовной культуры в ее развитии (ср.: Комеч А.И., 1993). Монастырские комплексы изучены не изолированно, а в историческом контексте в связи с проблемами "церковного строения" на политическом и социальном фоне эпохи. Монастыри выступают как безусловно прогрессивное явление в упрочении Московского княжества, как живые организмы – носители цивилизационных начал.

По мере исчезновения "белых пятен" в археологическом изучении Москвы и Подмосковья многие гипотезы Л.А. Беляева, пока не обеспеченные достаточным материалом, вероятно, подтвердятся. Во всяком случае, после его работ перспективы дальнейших исследований становятся яснее.

Институт археологии РАН,
Москва

В.П. Даркевич

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Комеч А.И., 1993. Каменная летопись Пскова XII – начала XVI в. М.

Рапов О.М., 1988. Русская церковь в IX – первой трети XII в. Принятие христианства. М.

Тихомиров М.Н., 1956. Древнерусские города. М.

Хроника

МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ "НОВЕ И РИМЛЯНЕ НА РЕЙНЕ, ДУНАЕ, В ПРИЧЕРНОМОРЬЕ И ЗА ГРАНИЦАМИ ИМПЕРИИ"

18–24 ноября 1995 г. в пос. Викно (Польша) прошла международная конференция "Нове и римляне на Рейне, Дунае, в Причерноморье и за границами Империи". Конференция проводилась под эгидой Исследовательского археологического центра Варшавского университета "Нове" и Института археологии Варшавского университета.

Различные исследовательские археологические центры Австрии, Бельгии, Болгарии, Германии, Польши, России, Румынии, Сербии, Словении, Чехии, Швейцарии были представлены 55 участниками. За три дня заседаний было заслушано 35 докладов, посвященных различным аспектам развития римских провинций и их связям с окружающим варварским миром.

К участникам конференции с приветствием и добрыми пожеланиями обратились вице-премьер правительства Польши, почетный председатель Организационного комитета проф. А. Лучак, ректор Варшавского университета проф. В. Сивински, директор Института археологии АН Болгарии проф. Й. Йорукова.

Первый день заседаний был целиком посвящен результатам исследований экспедицией Варшавского университета римского лагеря в Нове (Болгария). Вступительный обзорный доклад *Л. Пресс* (Варшава), многие годы руководившей исследованиями в Нове, "Некоторые страницы из дневника нашей экспедиции" был посвящен истории экспедиции, ее организации и руководителям. В докладе была дана общая характеристика развития и строительства лагеря I Италийского легиона по периодам, описаны жилые и служебные постройки, предложен вариант реконструкции казарм, раскопанных автором. Особо был отмечен большой вклад болгарских археологов в организацию и проведение совместной экспедиции.

Различным аспектам исследований в Нове, интерпретации полученных материалов были посвящены доклады первого дня заседаний, сделанные польскими и болгарскими археологами.

П. Доневски (Свиштов) в докладе "Внутренняя планировка лагеря в Нове" дал подробное общее описание устройства лагеря, расположения улиц и построек на раскопанных участках. Особое внимание было уделено планировке солдатских казарм. Автор предложил их типологию и сравнение с аналогичными постройками Дунайского лимеса, что позволило сделать вывод об общепринятых для римских лагерей указанного региона принципах планировки и расположения казарм и их внутренних помещений. В дискуссии проф. З. Шнурбайн (Франкфурт-на-Майне) высказал сомнение в правильности реконструкции отдельных помещений и комплексов построек. Раскопки аналогичных лагерей как Дунайского, так и Рейнского лимесов не дают, по его мнению, материалов для таких реконструкций.

В докладе *М. Чичиковой* (София) были подведены итоги раскопок объекта VIII-А – римской виллы, находящейся близ Нове. Вилла была разрушена в III в. н.э. во время готского нашествия, и все находки, включая эпиграфические, не противоречат этой датировке. Из находок последних сезонов особого внимания заслуживают найденные рядом с каменным постаментом фрагменты бронзовой статуи. Сохранились части кирасы и голова, судя по которым статуя была в натуральную величину. По аналогиям, найденным во Фракии, Нижней Мезии и в сопредельных провинциях Империи, статуя императорская, скорее всего Гордиана II. Голова второй статуи, найденная рядом, на основании стилистического анализа и сравнения со скульптурой III в. н.э., также может быть атрибутирована как изображение Гордиана II. Обе статуи по технике исполнения и по стилистическим особенностям могут быть с уверенностью отнесены к изделиям местных мастеров.

В докладе "Детали экипировки римских легионеров из Нове" *Е. Генчева* (София) познакомила с деталями экипировки легионеров, найденными в слое лагеря. Бóльшая часть из них – металлические ажурные и пельтавидные пряжки. Многочисленные аналогии, в том числе и из слоев лагеря Эскус, дали возможность отнести их ко времени не ранее императора Траяна. Значительная часть находок принадлежит более

© П. Дычек, Б.А. Раев, 1998 г.

позднему времени, предшествующему разрушению лагеря готами, – III в. н.э. К этому же времени относятся и аналогичные находки с территории Фракии и Нижней Мезии. Основываясь на изобразительных материалах, докладчица предложила реконструкцию ремня портупеи римских легионеров, расквартированных в Нове.

Доклад *П. Дычека* (Варшава), в последние годы возглавившего экспедицию Варшавского университета в Нове, был посвящен археологическому аспекту исследований одной из улиц лагеря, получившей название "Via inscriptionum". При ее реконструкции в 70-е годы III в. н.э. были использоавны каменные блоки с надписями более раннего времени. Эти находки были темой доклада *Й. Колендо* (Варшава) "Новые надписи из Нове". Предложены реконструкция утраченных частей и прочтение надписей, дополняющие сведения как письменных, так и эпиграфических источников о характере и составе римских войск, расквартированных на Дунае. Отдельные разночтения, предложенные во время обсуждения доклада (Т. Сарновский), не носили принципиального характера и, по мнению докладчика, вполне допустимы.

Доклад *В. Найденовой* (София) "Восточные культы в Ратиарии и ее округе" затрагивал проблемы распространения культов восточных божеств в отдельном центре римской провинции во II–IV вв. н.э. Проникновение их во Фракию и Мезию документируется как эпиграфическими находками, так и большим количеством предметов мелкой пластики, найденным в местах дислокации легионов.

М. Жмудзинский (Вроцлав) в докладе "Основные аспекты экономических связей Нове в I–III вв. н.э." проследил динамику поступления различных импортных товаров как в самом лагере, так и в прилегающем регионе. Среди находок I в. преобладают предметы италийского и западноримского производства, попавшие на Дунай с римскими легионерами. Во II в., в период наибольшего экономического подъема, направление связей меняется, преобладают товары провинциальных мастерских: терра сигиллата, лампы из Галлии, стекло из Малой Азии, Греции, Далмации. Во второй половине II в. происходит перемещение связей на восток и полностью прекращается поступление товаров из Галлии, в конце II в. заметен приток импортов (в основном амфорной тары) из Аквилеи. В слоях III в. наряду с импортным появляются предметы местного производства, которые к концу III в. составляют абсолютное большинство находок в Нове. Прекращение импорта как из восточных, так и из западных провинций Империи докладчик связал с маркоманскими войнами, вторжениями готов и другими политическими событиями, отразившимися на жизни населения Фракии и Мезии.

Первая половина второго дня работы конференции была посвящена докладам об исследованиях в Танаисе.

В докладе *Т. Арсеньевой* (Москва), *Л. Казаковой, С. Науменко* и *И. Толочко* (Ростов-на-Дону) "Танаис – северо-восточный форпост античного мира" подводились итоги многолетних исследований на территории городища и могильника. Авторы продемонстрировали планировку раскопанных участков в различные периоды существования города, охарактеризовали основные направления внешних связей и состав жителей. Особое внимание было уделено совместным российско-германским исследованиям центральных участков городища, проводившимся в последнее время. Результатом их явилось открытие построек и эпиграфических памятников, связанных с центральной городской площадью. Обзорный итоговый доклад был дополнен сообщением *К. Мисиевича* (Варшава) "Локализация оборонительных стен Танаиса с использованием геофизических методов" о работах группы археологов из Института археологии Польской АН в 1995 г. Геофизические исследования, проводившиеся впервые, выявили не только еще не раскопанные участки оборонительных стен, но и примыкающие к ним стены жилых помещений.

Доклад *В. Чеснока* (Ростов-на-Дону) «Археологический заповедник "Танаис". Организационная структура и основные направления деятельности» освещал многолетнюю работу коллектива заповедника по консервации и реставрации раскопанных участков городища. По мнению автора, разделяемому отнюдь не всеми участниками конференции, сейчас основная задача заключена не в археологическом исследовании новых площадей, а в полномасштабной фиксации раскопанного, во введении в научных оборот уже имеющихся коллекций. Предполагаются перестройка экспозиции музея и организация временных выставок различных категорий находок из фондов ("открытые фонды").

После вечернего заседания участникам конференции был показан фильм о Танаисе, сделанный на хорошем профессиональном уровне и дающий возможность составить представление о музее-заповеднике.

Серия докладов была посвящена организации различных частей Римского лимеса, новым раскопкам римских лагерей и экономическим проблемам функционирования лимеса.

Р. Бруле (Лёвен) свой доклад "Бельгийский лимес" посвятил характеристике топографии и планировки лагерей на территории Бельгии. Помимо результатов раскопок самого докладчика были проанализированы система укреплений, планировка и размещение основных построек в более чем 10 исследованных пунктах. Выявлены стандарты, использованные при разбивке укреплений, и система взаимодействия римских войск, размещенных в провинции.

Аналогичные проблемы были затронуты и в докладе *Б. Комороча* и *П. Червака* (Брно) «Новые исследования римского укрепления "Бургшталь" у Мышкув». Помимо интересной информации о работах последних лет в докладе выявлена закономерность в размещении серии укреплений в междуречье Днестра и

верховьев Сирета и расположенных вблизи от наиболее удобных проходов через Карпаты. С юго-запада эти проходы закрыты расположенными на территории провинции Дакия римскими пограничными постами. Доклад *Й. Колендо* и *Я. Трынковского* (Варшава) "Вотивная рука из Мышкува и военные трофеи варваров" как бы дополняет предыдущий. Докладчики вновь обратились к известной уже более 10 лет находке литого бронзового навершия с надписью (Кропоткин В.В., 1970, № 1211). Сейчас появилась возможность сравнить ее с найденным в Дакии идентичным навершием, скорее всего отлитым в той же форме. Безусловная принадлежность экипировки римского легиона подтверждается не только надписью, но и находкой последнего навершия рядом с римским пограничным постом. Авторы предполагают, что в район Мышкува навершие попало в результате маркоманских войн или в результате набегов варваров на Дакию. Как предмет использовался варварами, неясно. В ходе обсуждения доклада В. Найденова сообщила о находке аналогичного предмета во Фракии.

Т. Дворски и *М. Захариаде* (Бухарест) в докладе "Вексилляции легионеров в Драйна де Сус. Обзор клейм на кирпичах и черепице" на основе эпиграфического анализа восстановили систему передвижений легионов в провинции Дакия во II–III вв. н.э.

Последние археологические исследования в Словении были представлены докладом М. Гойкович (Птуй) "Новые раскопки в Поетовио". Были продемонстрированы планы и отдельные находки из слоев первых веков н.э., когда город был уже колонией Рима. Вместе с результатами работ предшествующего времени они позволили реконструировать планировку больших участков городской территории. Доклад *В. Перко* (Любляна) "Римские амфоры в Словении" содержал анализ нескольких десятков амфор V–VII вв. н.э. Для реконструкции экономических связей автор считает наиболее значимым выделение типов привозной тары, среди которой большую часть составляют амфоры из Южной Галлии и Испании. Интересны также местные типы, распространение которых в соседних с Далмацией провинциях говорит о втором, восточном направлении связей. Использование эпиграфических материалов, в том числе и последних находок, вместе с данными письменных источников дало возможность *М. Миркович* (Белград) высказать предположение о том, что во II–IV вв. н.э. VIII Августовский легион не принимал участия в событиях на Дунайском лимесе (доклад "VIII Августовский легион на Дунае").

Доклад *Т. Микоцкого* и *М. Гузовской* (Варшава) "Хаусбургель-95" был посвящен результатам раскопок польской экспедиции на кастеле времени Константина на Рейне. *С. Ковальски* (Варшава) в докладе "Дворец лагеря Диоклетиана в Пальмире" изложил результаты исследований польской экспедиции в последние годы. Автор предложил свою реконструкцию здания и отдельных помещений, выполненную на основе вычисленных в натуре архитектурных модулей и использования архитектурных приемов в аналогичных постройках. При строительстве дворца была использована классическая римская схема, дополненная местными строительными традициями IV–V вв. н.э. Разрушение здания в V в. документируется найденными в слое монетами. После завоевания Пальмиры Византией в VI – начале VII в. дворец был ненадолго восстановлен до последовавшего вскоре его разрушения арабами. В последний период существования в архитектуре дворца отразились преимущественно местные традиции. Сообщение *Р. Иванова* (София), прочитанное *Г. фон Бюлов* (Берлин), содержало информацию о системе укреплений римского лагеря Августа II на Нижнем Дунае. Планировка и организация территории лагеря аналогичны другим римским укреплениям на Дунае, в Паннонии и Мёзии. С другой стороны, такая специфическая деталь, как U-образные выступающие башни, расположенные по всему периметру стен, находит аналогии в оборонительных сооружениях Восточного лимеса – в Месопотамии, Пальмире, Каппадокии. Клейма на черепице свидетельствуют о размещении в лагере IV Италийского легиона. *Т. Сарновский* (Варшава) в докладе "Новая латинская строительная надпись с Харакса и римские гарнизоны в Южном Крыму" предложил свое прочтение надписи и реконструкцию взаимоотношений римского гарнизона Харакса и Херсонеса.

Последний день заседаний был посвящен интересным, часто уникальным или мало известным материалам, связанным с влиянием Рима на периферию Империи и контактам с Барбарикумом в Центральной Европе и Причерноморье. Доклад *Й. Веловейского, Х. Добжанской* и *К. Домжальского* (Варшава) "Погребение в Гебультув в свете новых исследований" затронул проблему поступлений импортов на территорию Польши. Согласно выводам его авторов, комплекс находок, безусловно, относится к женскому погребению и делится на две части: предметы местного производства и импортные. Первые имеют многочисленные аналогии в памятниках пшеворской культуры, вторые – не только в западных провинциях, но и в Северо-Восточном Причерноморье. Импортные предметы скорее всего проникли с юга в результате межплеменного обмена по путям янтарной торговли Прибалтики со Средиземноморьем. Последний вывод во время дискуссии был подвергнут сомнению, так как обычным для I в. н.э. был не южный, а северо-западный путь.

Б. Раев (Краснодар) в докладе "Римские импорты в Сарматии. Запад или Восток?" на основании анализа письменных источников и многочисленных аналогий высказал предположение о преимущественном поступлении предметов не из западных провинций, а из восточных. "Волны" импортов совпадают с периодами военной активности Причерноморских сармато-аланских племен в I–III вв. н.э. В сообщении Н. Волкодав

(Краснодар) были продемонстрированы несколько находок провинциально-римского производства из курганов Прикубанья. Импортные предметы позволили твердо датировать погребения в пределах второй половины I в. до н.э. – конца I в. н.э. Некоторые погребения относятся к "зубовско-воздвиженской" группе.

Большой интерес вызвал доклад *Р. Криерера* (Вена") "Варвары: враги на границах Империи. Несколько замечаний к дискуссии". Материалом исследования послужили рельефы саркофагов с территории Италии и провинций, а также колонии Траяна в Риме. Основная часть изображений относится к эпохе маркоманских войн и воспроизводит моменты борьбы варваров с римскими войсками, пленных врагов с их женами и детьми. По мнению автора, изображения реалистичны, в них подчеркнуты характерные черты того или иного народа. В ходе дискуссии затрагивались вопросы реалистичности передачи этнографических особенностей различных народов, которые часто зависели от характера контактов с Римом (А. Бурше, Варшава). Й. Колендо в выступлении отметил, что пропаганда, задачам которой служили рельефы, безусловно, приводила к подчеркнуто драматизированному изображению положения побежденных, к демонстрации глубины их позора и триумфа римского оружия. Автору высказали пожелание (Б. Раев) провести сравнение деталей одежды, вооружения, бытовых предметов на саркофагах и колоннах с археологическими реалиями. Подобная работа уже предпринималась (Малашев В.Ю., 1988, с. 69 сл.); правда, автор доклада, специалист в области античного искусства, не ставил перед собой задач подобного анализа и переадресовал ее коллегам-археологам.

В. Новаковски (Варшава) в докладе "Варварское и римское. Две фибулы из Берлинского собрания" рассмотрел фибулы двух типов, которые традиционно считались провинциально-римскими импортами. Картирование находок показало, что подобные фибулы сосредоточены исключительно в памятниках культур пшеворской, вельбарской и карпатской, что позволило автору отнести их к продукции местных мастерских, а район производства фибул Альмгрен 133 ограничить Северо-Восточной Польшей и Прибалтикой.

Доклад *П. Веловейского* (Варшава) "Римские монеты из собрания Пшипковского в Енджеюв, Кельцкое воеводство" был посвящен двум золотым позднеримским монетам, которые в раннем средневековье были вторично использованы в качестве накладных медальонов для украшения серебряных кубков.

А. Бурше (Варшава) в сообщении "Германские трофеи периода поздней Империи. Нумизматические данные" остановился на находках кладов и отдельных монет в Свободной Германии. Исследование показало, что преобладающее количество монет поступало в это время из Восточной и Юго-Западной Галлии. Даты сокрытия большинства кладов и датировки отдельных комплексов с монетами коррелируют с датами готских набегов на провинции. Этот факт, а также использование варварами монет не как средства платежа, а для украшения костюма, позволили автору прийти к заключению, что большая часть монет попадала в Свободную Германию не в качестве платы готской знати, а как военная добыча. Последнее утверждение вызвало определенные возражения (М. Захариаде). Поскольку клады и монеты найдены на значительном расстоянии от границ Империи, оппонент докладчика объяснил это результатами межплеменного обмена. Докладчик и ряд выступивших коллег допустили подобную интерпретацию для незначительной части находок, справедливо отметив, что для вооруженных всадников, а большинство кладов относится к эпохе Великого переселения народов, преодоление подобных расстояний было делом достаточно обыденным.

Оборонительные сооружения эпохи средневековья, раскопанные в Мазурии, были темой доклада *Е. Ковальчик* (Варшава) "Длинные валы на польско-прусском пограничье". В ходе раскопок памятников автору удалось зафиксировать деревянные конструкции валов, уточнить время их сооружения и разрушения.

Х.-У. Фосс (Берлин) проинформировал участников конференции о ходе подготовки и издания "Корпуса римских находок в Барбарикуме", осуществляемого коллективом авторов по проекту Римско-Германской комиссии (Франкфурт-на-Майне). На примере двух уже вышедших томов, охватывающих территории Бранденбурга (включая Берлин) и Саксонии, докладчик остановился на принципах составления Корпуса, его планируемых выпусках и перспективах участия в проекте коллег из восточноевропейских стран.

К открытию конференции была приурочена выставка, организованная Институтом археологии и Археологическим центром К. Михаловского Варшавского университета. На выставке были представлены результаты работ всех экспедиций Института в Европе, на Ближнем Востоке, в Узбекистане и Перу.

Конференция завершилась экскурсией, организованной ее устроителями. В Мальборке помимо осмотра средневекового замка *Р. Мазуровским* (Варшава) был сделан доклад о раскопках неолитической мастерской по обработке янтаря. В Гданьске участники конференции ознакомились с экспозицией Археологического музея, представленной его директором Х. Панером. Были также показаны результаты археологических исследований культурного слоя средневекового Гданьска и основанная на них реставрация кварталов старого города.

На заключительном приеме у ректора Варшавского университета организаторы конференции, учитывая актуальность проблем Римского лимеса и плодотворность дискуссии, предложили сделать подобные встречи регулярными и проводить их один раз в три года.

Высокий уровень подготовки и проведения конференции стал возможен благодаря административной и финансовой поддержке, оказанной Оргкомитету Комитетом научных исследований Министерства образования Польши, Исследовательским археологическим центром Варшавского университета "Нове", Институтом археологии Варшавского университета и фирмой "Хортекс".

П. Дычек, Б. Раев

Институт археологии
Варшавского университета
Краснодарская государственная
академия культуры

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Кропоткин В.В., 1970. Римские импортные изделия в Восточной Европе (II в. до н.э. – V в. н.э.) // САИ. Вып. Д1-27. М.

МалашевВ.Ю., 1988. Сарматы на колонне Траяна // Материальная культура Востока. Ч. I. М.

ПЕРВАЯ ВСЕРОССИЙСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ "ЦЕРКОВНАЯ АРХЕОЛОГИЯ" (Псков, 1995)

Церковная археология – область исторической науки, в которой исследование и критика источников особенно сложны, поскольку они неизбежно затрагивают идеологические позиции, трудно совместимые или несовместимые вовсе. Три составляющих ее области: христианская археология (изучающая древности церкви приблизительно до середины – третьей четверти I тыс. н.э.), церковная археология средневековой католической и протестантской Европы, археология церковных древностей восточно-христианского мира (включая Русь) – прошли сходный путь развития. Они формировались в течение XVII–XX столетий, постепенно эмансипируясь от апологетики и дисциплин литургического круга, превращаясь в разделы светской, не зависимой от церкви науки.

Становление русской церковной археологии, происходившее в последней четверти XIX – начале XX в., было осложнено периодом гонений на все вообще религиозные древности. В середине нашего столетия их изучение, однако, развивалось, хотя само название дисциплины было утрачено и заменено разного рода эвфемизмами типа "архитектурная археология", "история прикладного искусства" и т.п.

Сегодня интерес к древностям церкви велик как никогда, их знание может интенсивно пополняться и применяться на практике благодаря активному восстановлению старых зданий, публикации архивов, пересмотру музейных коллекций. Развитие церковной археологии как раздела науки уже не стеснено старыми идеологическими рамками, но ей грозит не меньшая опасность превратиться в "конфессиональную", внутрицерковную область знаний, своего рода "служанку богословия".

Задачи специалистов, работающих сегодня в области церковных древностей, – определить место церковной археологии как части истории культуры в современной науке; прояснить методические позиции, на которых стоят светские и церковные ученые по отношению друг к другу и к проблеме критики источников; суммировать опыт прошедшего столетия и на его основе попытаться придать развитию школы церковной археологии, безусловно существующей в России, определенное направление и структурно-организационное единство.

Этих задач не решить без широкого обмена мнениями. Первым шагом к их решению и стала организованная в Пскове конференция (ИИМК РАН, Псковский государственный исторический объединенный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник, Псковское общество св. Ольги; 20–24.11.95 г.). На конференции было прочитано 60 докладов (в том числе 13 пленарных), к ее началу опубликованы материалы (три выпуска, включающие работы 121 автора). Участие в конференции приняли археологи и историки из разных концов России, но в первую очередь – ученые Севера и Северо-Запада страны. Интересы зарубежных коллег представлял на конференции монсеньор Патрик Сен-Рок, ректор Понтификального института христианской археологии (Рим)[1].

Работа велась по кругу проблем, среди которых наиболее актуальными представляются "Традиции и современное состояние церковной археологии в России" и "Церковная археология и традиции российской археологической науки". Именно эти проблемы были затронуты в выступлениях на открытии и закрытии

[1] В этом номере журнала опубликовано сообщение монсеньора Патрика Сен-Рока и дополняющая его по теме работа Л.Г. Хрушковой.

© Л.А. Беляев, А.В. Чернецов, 1998 г.

собрания, в дискуссиях и на "круглых столах" П. Сен-Роком, А.А. Александровым, С.В. Белецким, О.К. Волочковой, А.И. Голышевым, А.Н. Кирпичниковым, Г.С. Лебедевым, Ю.М. Лесманом, В.М. Массоном, о. Олегом (Тэор), Л.Н. Трифоновым, А.В. Чернецовым. Им же были посвящены специальные доклады: *диакона А. Мусина* "Проблемы возрождения церковной археологии в России", *С.А. Ершова* "К проблеме предмета и методологии церковной археологии", *Л.А. Беляева* "Две традиции русской церковной археологии", *Л.Г. Хрушковой* "Европейская христианская археология: развитие и метод", *А. В. Лерова* "Церковно-исторические музеи в дореволюционной России", *Н.Н. Жервэ* "Из истории собирания и изучения новгородских церковно-археологических древностей" и др.

Кроме проблем состояния науки, ее истории и методов, были представлены и конкретно-исторические исследования. Наиболее заметна среди них группа докладов, в которых дискутировались возможности археологии в изучении процесса христианизации на широком пространстве от Причерноморья до Прибалтики: *П.А. Диатроптова* "Христианизация Боспора III–VI вв.", *В.В. Лаврова* "О конфессиональной принадлежности крымских готов", *О.В. Богословской* "О христианстве на Таманском полуострове", *А.И. Романчук* "Значение раскопок в Херсонесе для византийской археологии", *С.М. Крыкина* "Фракийские культовые очаги-жертвенники", *С.Л. Кузьмина* "Крещение и христианизация Новгородской земли: акт и процесс по данным археологии", *О.И. Богуславского* "Об одном круге древностей юго-восточного Приладожья", *Е.Р. Михайловой* "Запад Новгородской земли накануне христианизации", *С.Г. Попова* "Переходные моменты от языческого погребального обряда к христианскому", *В.И. Кильдюшевского* "Язычество и христианство в Пскове", *В.И. Вишневского* "Язычество и христианство в Залесье" и др.

Тему третьего крупного блока докладов можно суммарно озаглавить "Христианство и русская культура". В нем представлены как историко-литературные сюжеты (*Н.И. Милютенко* "Правители-мученики – святые покровители своих народов", *Т.И. Шаблова* "Церковные обиходники Кирилло-Белозерского монастыря второй половины XVI в.", *В.И. Охотникова* "Литературная история Жития Саввы Крыпецкого", *А.Н. Кирпичников* "К вопросу о распространении грамотности в дохристианской Руси"), так и исследования памятников материальной культуры (*С.В. Белецкий* "Новые данные о псковско-новгородско-московских церковных отношениях в 30–40-е годы XV века", Ю.М. Лесман "Мотив креста в декоре ювелирных изделий Новгорода XI–XIV вв.", *В.Ю. Соболев* "Привески с христианской символикой в погребальных памятниках северо-запада Новгородской земли", *К.В. Федюшев* "Новые находки средневековых иконок-привесок из Новгорода", *А.А. Пескова* "К вопросу о датировке и атрибуции некоторых памятников прикладного искусства древней Руси", *А.А. Купранис* "Печати иерархов русской церкви XII в." и др.).

Традиционно внушительная в русской церковной археологии группа исследований архитектурных сооружений была представлена несколькими работами, охватившими проблематику храмового строительства с XI по XIX в. Среди докладов: *С.В. Белецкий* "К вопросу о времени строительства Софийского собора в Киеве", *А.М. Салимов* "Каменное строительство на Руси в конце XIII в. и тверской Спасо-Преображенский собор", *Е.В. Соленикова* "О происхождении закладных крестов в новгородской архитектуре", *А.М. Лебедев, С.В. Степанов, С.Е. Шуньгина* "Архитектурно-археологические исследования у ц. Петра и Павла с Буя в Пскове", *Ю.Б. Биркюков* "Церковь Николая со Взвоза в Пскове", *А.А. Селин* "Предания о сельских храмах и археологические реалии XVI в.", *П.Е. Сорокин* "Спасская церковь – первый храм на территории Санкт-Петербурга", *С.П. Михайлов* "Столичные храмы в Гдовском уезде (конец XIX – начало XX в.)".

Особое направление в работе конференции составляли местные, псковско-новгородские, и вообще северные "церковно-этнографические" древности. Были проведены специальные "круглый стол" с рядом выступлений на тему "Исследование и музеефикация памятников архитектуры и монументальной живописи Псковского кремля" и два выездных заседания на памятниках: "Архитектура и фрески Спасо-Преображенского собора Мирожского монастыря и собора Рождества Богородицы Снетогорского монастыря" (доклад *Т.В. Кругловой* "К истории основания Спасо-Мирожского монастыря в Пскове"), "Выбуты – местность, связанная с рождением святой княгини Ольги" (доклад *А.А. Александрова* "Ранние церковные древности в Псковской земле: легенды и реальность"). Из докладов по местной тематике следует упомянуть также доклады: *Л.Я. Костючук* "Псковичи и религия в начале XVII в. по данным разговорника Т. Фенне", *С.А. Салмина* "К вопросу о формировании местных традиций почитания святых в Псковской земле", *А.Е. Королева* "История Псковского края в исследованиях священнослужителей (XIX – начало XX в.")", *В.В. Низова* "Небесные покровители новгородских ушкуйников", *К.М. Плоткина* «О культовом значении топонима "Вороний камень"» и ряд других.

Конференция показала глубокий интерес археологов-медиевистов к церковным древностям Руси. Ее участники договорились координировать усилия по проведению регулярных церковно-археологических конференций, изданию тематических сборников, а также о создании с этой целью координационного комитета. Надеемся, что это будет способствовать сложению структур, специально ориентированных на развитие церковной археологии в современной России, или частичному восстановлению ее дореволюционных структур.

Институт археологии РАН,
Москва

Л.А. Беляев, А.В. Чернецов

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АВ – Археологические вести. СПб.
АПВКМ – Археологические памятники Волго-Окского междуречья. Иваново
АО – Археологические открытия. М.
АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л.-СПб.
ВАУ – Вопросы археологии Урала. Екатеринбург, Ижевск
ВДИ – Вестник древней истории. М.
ВИ – Вопросы истории. М.
ВФ – Вопросы философии. М.
ГАИМК – Государственная академия истории материальной культуры. М.; Л.
ГИМ – Государственный исторический музей
ГММК – Государственные музеи Московского Кремля
ЖМНП – Журнал Министерства народного просвещения
ЗВОРАО – Записки Восточного отдела Русского Археологического общества. М.
ЗРАО – Записки Русского Археологического общества. СПб.
ИАН – Известия Академии наук СССР. М.
ИА МН – АН РК – Институт археологии Министерства науки – Академии наук Республики Казахстан
ИА РАН – Институт археологии Российской академии наук
ИИМК РАН – Институт истории материальной культуры Российской академии наук
ИРАИМК – Известия Российской академии истории материальной культуры. Л.
ИИЭ МН – АН РК – Институт истории и этнографии Министерства науки – Академии наук Республики Казахстан
КСИА – Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии АН СССР. М.
КСИА АН УССР – Краткие сообщения Института археологии Академии наук УССР. Киев.
КСИИМК – Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР. М.
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л.
НАМ – Национальный археологический музей. София
ПСРЛ – Полное собрание русских летописей
РА – Российская археология. М.
РАНИОН – Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук
СА – Советская археология. М.
САИ – Свод археологических источников. М.
СОМК – Саратовский областной музей краеведения
СТ – Советская тюркология. М.
СЭ – Советская этнография. М.
ТИИАЭ АН КазССР – Труды Института истории, археологии и этнографии Академии наук Казахской ССР. Алма-Ата
ТКАЭЭ – Тувинская комплексная археолого-этнографическая экспедиция. Труды. М.; Л.
Тр.ГИМ – Труды Государственного Исторического музея. М.
Тр.МИГМ – Труды Музея истории города Москвы. М.
Тр.ТашГУ – Труды Ташкентского государственного университета. Ташкент
ТХАЭЭ – Труды Хорезмской археолого-этнографической Экспедиции. М.
УФСБ – Управление Федеральной службы безопасности России
ЦГМК – Центральный государственный музей Казахстана
ЭВ – Эпиграфика Востока
ЭО – Этнографическое обозрение
BAR – British Arhaeological Reports. Oxford
BRGK – Bericht der Römisch-Germanischen Komission. Frankfurt a.M.
JSGT – Journal of Society of Glass technology

ВНИМАНИЮ АВТОРОВ

Журнал "Российская археология" публикует на своих страницах работы теоретического и научно-исследовательского характера по вопросам археологии и смежных дисциплин, археологические материалы, представляющие большой интерес, критические статьи и рецензии на новые публикации по археологии.

Направляемые в журнал материалы должны быть оформлены в соответствии с правилами, принятыми в журнале.

1. **Содержание** рукописи должно соответствовать тематике журнала, относясь к одному из разделов: статьи, публикации, дискуссии, история науки, критика и библиография, хроника. Иные материалы (письма в редакцию, заявления и пр.) публикуются только по специальному решению редакции и редсовета.

2. Рукопись подается в 2-х экземплярах, перепечатанной на пишущей машинке или принтере (класса LQ-100 и выше).

3. Присылаемые для публикации материалы должны состоять из: основного текста, списка литературы, списка подрисуночных подписей, резюме, списка сокращений, иллюстраций (если они необходимы), сведений об авторе (авторах; см. пункт 12). Резюме обязательно только для материалов, проходящих по разделам: статьи, публикации, дискуссии. Все указанные части рукописи должны начинаться с новой страницы.

4. **Общий объем** рукописи не должен превышать 20 машинописных страниц и 8 иллюстраций; для раздела "Заметки" – не более 5 страниц и не более 3 иллюстраций. В объем рукописи включается: основной текст, список литературы, список подрисуночных подписей, резюме, цифровые (математические, статистические и другие не рисованные) таблицы. Все страницы рукописи должны иметь сквозную нумерацию без пропусков и дополнительных литер (а, б...). Превышение объема рукописи (20 стр.) не допускается.

5. Статья (включая список литературы, подрисуночных подписей и др.) должна быть напечатана четким, контрастным машинописным шрифтом через два интервала на одной стороне листа белой бумаги стандартного (А4) размера с полями. Длина строки должна быть равна 57–58 знаков, количество строк на странице – до 29. Поля вокруг текста должны быть: слева от текста – 2,5 см, справа – 1 см, сверху – 2 см, снизу – 2,5 см. Материалы, напечатанные на портативной машинке либо принтере мелким, курсивным либо иным другим (кроме машинописного) шрифтом, редакцией не принимаются. Не допускаются поправки от руки в тексте статьи и нумерации страниц.

6. Все знаки, которые не могут быть напечатаны на машинке (принтере), должны быть вписаны в текст от руки черными чернилами (пастой, тушью), отчетливо, в единой системе написания. Необходимо пояснить на левом поле, какая именно буква, знак, символ вписан, если они могут быть спутаны с другими, близкими по начертанию. Греческие буквы нужно подчеркивать красным карандашом.

7. **Иллюстрации** следует представлять в пригодном для воспроизведения виде в 2-х экземплярах (оригинал и копия). Размер авторских оригиналов иллюстраций должен быть в полтора – два раза больше размера иллюстраций в журнале. Рисунки-оригиналы (1-й экз.) представляются вычерченными тушью на ватмане или кальке, а также в виде четких фоторепродукций (ксерокопии не допускаются). 2-й экземпляр иллюстраций может являться ксерокопиями оригиналов. Следует максимально сокращать пояснения на рисунке, переводя их в подрисуночные подписи. Фотографии должны быть представлены в двух экземплярах, контрастные, на белой глянцевой бумаге, хорошо проработанные в деталях. Все необходимые на фотографиях обозначения, пояснения и монтаж следует делать только на втором экземпляре. Первый экземпляр (оригинал) фотографий не должен иметь никаких дефектов: пятен, надписей, изломов, следов от скрепок, трещин и т.д. Наклеивать первый экземпляр фотографии на бумагу или картон не разрешается. На авторских оригиналах иллюстраций с неясной ориентацией необходимо написать "верх" или "низ".

Иллюстрации должны быть пронумерованы в соответствии с порядком ссылок на них в тексте статьи. Для всех видов иллюстраций дается общая нумерация. На обороте каждой иллюстрации мягким карандашом следует написать фамилию автора, название статьи и номер рисунка. В рукописи на левом поле, в прямоугольнике должны быть указаны номера иллюстраций и таблиц напротив тех мест текста, где желательно их напечатать в издании. Подписи к иллюстрациям прилагаются на отдельном листе, где указываются фамилия автора и заглавие статьи. В подрисуночной подписи должны быть кратко расшифрованы все условные обозначения на иллюстрации. Необходимо тщательно следить за точным соответствием обозначений и нумерации в тексте, подрисуночных подписях и на рисунках.

8. **Таблицы,** напечатанные на отдельных страницах, подкладываются по тексту при первом упоминании о них. Они должны иметь тематический заголовок и номер. Текст заголовка в таблицах пишется кратко, все слова даются без сокращений. Диагональные линейки в головке не допускаются. Колонки должны отделяться вертикальными линиями и нумероваться только в тех случаях, когда на них даются ссылки в тексте (но не для замены головки при переходе таблицы на следующую страницу).

9. **Текстовые пояснения** (через два интервала) даются внизу на соответствующей странице под цифрой; нумерация сквозная: 1, 2...

10. **Список литературы** дается в алфавитном порядке и состоит из двух частей. Первая часть – издания на кириллице, вторая – на латинице. Названия отчетов о полевых исследованиях включаются в

соответствующую часть. За фамилией и инициалами указывается год издания и далее сведения в соответствии с библиографическим описанием. Труды одного автора располагаются в хронологическом порядке. При ссылке на разные произведения одного автора, вышедшие в одном году, в библиографическом списке и в тексте статьи к году добавляются литеры в порядке алфавита. Источником библиографического описания является титульный лист издания.

Мелюкова А.И., 1964. Вооружение скифов // САИ. Вып. Д1–4.

Псковские летописи, 1941. Т. 1. М.; Л.

Смирнов К.Ф., 1964. Савроматы. М.

Чернов С.З., 1977. Отчет об археологических разведках в бассейне р. Вори в 1977 г. Ч. 4 // Архив ИА РАН. Р–1, № 6695.

В тексте в круглых скобках указываются фамилия и инициалы автора (на языке издания) или сокращенное название (если издание автора не имеет), год издания, ссылка на страницу, рисунок, таблицу (Смирнов К.Ф., 1964, с. 50).

Ссылки на источники – оригинальные работы древних авторов, архивные материалы (кроме полевых отчетов), музейные коллекции – приводятся в скобках в тексте и в список литературы не включаются.

В тексте и списке литературы следует использовать только общепринятые сокращения, список которых публикуется в журнале.

11. К статье, помимо списка сокращений, необходимо приложить и русский текст **резюме** (краткое содержание статьи со ссылкой на рисунки, иллюстрирующие основные ее положения, объемом не более 1 страницы машинописного текста). Для облегчения перевода резюме на английский язык необходимо: а) при употреблении названий периодов, типов, культур, произведенных от географических названий, дать последние в именительном падеже единственного числа (например: кушнаренковский тип от Кушнаренково); б) наиболее специфические термины давать или в переводе, или с пояснением. Помимо русского текста резюме, автор может приложить и свой вариант английского текста резюме (summary) в целом.

12. Тексты, присылаемые в редакцию для публикации, должны быть тщательно проверены и подписаны автором. На отдельном листе прилагаются сведения об авторе (авторах) с указанием фамилии, имени и отчества, полного почтового домашнего адреса, места работы и рабочего адреса, телефонов и даты отправления. При наличии нескольких авторов статья подписывается всеми авторами.

13. Статьи, отправленные авторам для доработки, должны быть возвращены с доработки не позднее, чем через 4 месяца. Статьи, полученные позже указанного срока, будут рассматриваться как вновь поступившие.

14. Книги и журналы, присланные в редакцию для рецензирования, не возвращаются.

Статьи, оформленные без соблюдения указанных правил, к рассмотрению не принимаются

Адрес редакции:

117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19

Телефон 124-34-42

Заведующая редакцией *Е.В. Бубнова*

Технический редактор *Л.И. Глинкина*

Сдано в набор 17.01.98 Подписано к печати 10.02.98 Формат бумаги 70×100 1/16
Офсетная печать. Усл.печ.л. 20,8 Усл.-кр.отт. 26,7 тыс. Уч.-изд.л. 25,9 Бум.л. 8,0
Тираж 1273 экз. Зак. 3015

ППП типография "Наука" Академиздатцентра РАН, 121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6